

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 13

Moscow
2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 13

Москва
2017

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д. и. н. Л. А. Беляев,
д. и. н. А. Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 13. – М.: Институт археологии РАН, 2017. 432 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-211-7

Тринадцатый выпуск «Археологии Подмосковья» продолжает публикацию материалов ежегодных научных семинаров, проводимых Институт археологии РАН. На этот раз статьи участников семинара 2016 года составили три раздела, два из которых посвящены исследованиям широкого временного интервала – от раннего железного века до Нового времени. Продолжены публикации результатов исследований на территории Троице-Сергиевой лавры, селища Вёжи в Костромской области, раскопок в Переяславле Рязанском, на Ростиславльском городище и других памятниках. Авторы развивают начатые ранее вещеведческие темы, а также темы, раскрывающие обрядность древнего населения Подмосковья и прилегающих к нему территорий. Впервые в материалах семинара рассказывается о работах отряда спелестологов. Третий раздел посвящен важнейшему археологическому источнику – керамике, изучение которой в отечественной и зарубежной науке определилось в самостоятельное научное направление – археологическую керамологию.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-211-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2017
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2017

Содержание

Древности эпохи раннего железного века и Средневековья

<i>Столяров Е. В.</i> Поселение 1 у д. Жабынь на правобережье Верхней Оки: к вопросу культурно-хронологической атрибуции материалов раннего железного века.....	9
<i>Новоселова Т. Н., Вишневский В. И.</i> Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2015 года).....	19
<i>Прошкин О. Л.</i> Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки	32
<i>Сыроватко А. С., Клещенко Е. А.</i> Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кременье	45
<i>Зоц Е. П.</i> Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону	57
<i>Завьялов В. И., Судаков В. В.</i> Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского	69
<i>Иванов Д. А.</i> Воздуходувные сопла с древнерусского производственного поселения Истье 2.....	88
<i>Коваль В. Ю.</i> Новые данные по планировке и застройке «малого» города Ростиславля Рязанского.....	99
<i>Кузина И. Н., Зейфер В. А., Янишевский Б. Е.</i> Из новых находок стеклянных сосудов в Переславле-Залесском.....	110
<i>Меньшиков М. Ю.</i> Секира Перуна или топор святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI–XVII веках	117
<i>Тропин Н. А.</i> Хозяйственные постройки с каменными печами второй половины XIV – первой половины XV века из округа Ельца (к вопросу об овинах)	132

Археология Московского государства и Нового времени

<i>Жилина Н. В.</i> Рясна в головном уборе Московской Руси	141
<i>Лазукин А. В.</i> Поселенческие памятники XII–XVI веков округа Звенигорода.....	157
<i>Баранов Н. А., Фатьков А. М.</i> Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2	169
<i>Гиппиус А. А., Кабатов С. А., Кабатова Е. А.</i> Каменное изделие с надписью с селища Вёжи	179
<i>Кабатов С. А., Курочкина С. А., Алибеков С. Я.</i> Использование естественно-научных методов для анализа керамического материала селища Вёжи Костромской области (по археологическим материалам 2015 года).....	188
<i>Осипов Д. О.</i> Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги)	199
<i>Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А.</i> Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 годов на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I»)	227
<i>Лазарев А. С., Волков И. В.</i> Нумизматические материалы из раскопок 2013–2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I»).....	243

<i>Энговатова А. В., Васильева Е. Е., Бездудный В. Г., Марчук В. Н.</i> Геофизические методы локализации археологических объектов: уточнение местонахождения Писаревского пруда в Троице-Сергиевой лавре (работы 2015 года)	256
<i>Энговатова А. В., Яганов А. В., Высоцкий А. Л., Курицын М. А.</i> Архитектурно-археологические исследования на территории Московской духовной академии в 2016 году	261
<i>Окулов А. В., Воронин К. В., Лебедев В. И., Меньшиков М. Ю.</i> Альмандины в слое XVII века в Москве: ювелирное сырье или отходы камнерезного производства?	272
<i>Гиршевич М. А.</i> Конструктивные особенности некоторых печей XVII – начала XVIII века.....	280
<i>Лихтер Ю. А.</i> Стекланные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года	284
<i>Тютюнов В. Ю., Парфенов А. А., Сергеев С. Е., Погодина Е. А.</i> Средневековые горные выработки по добыче белого камня в низовьях реки Лубянки в бассейне реки Мочи (по материалам работ спелестологов)	299

Керамологические исследования

<i>Чернов С. З.</i> Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век	309
<i>Полюлях А. А.</i> Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды	346
<i>Мальшева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г.</i> Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве	372
<i>Векслер А. Г., Патрик Г. К., Гусаков М. Г.</i> Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии	387
<i>Глазунова О. Н.</i> Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей Ново-Иерусалимского монастыря по материалам раскопок 2009–2015 годов.....	406
<i>Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В.</i> Калужские свистульки «всадник»: эволюция формы и бытования (на примере датированных свистуллек).....	419
Список сокращений	426
Сведения об авторах	428

Contents

The era of the Iron Age and the Middle Ages

<i>Stolyarov E. V.</i> The settlement of Zhabyn-1 on the right-hand bank of the Upper Oka River. Issues of cultural and chronological attribution for finds from the early Iron Age	9
<i>Novoselova T. N. & Vishnevskij V. I.</i> An Early Medieval Finno-Ugric Ratkovo graveyard (results of excavations of 2015)	19
<i>Proshkin O. L.</i> Nomad antiquities from the 9 th – 10 th centuries in the north-west reaches of the Upper Oka River Basin	32
<i>Syrovatko A. S. & Kleschenko E. A.</i> Earthwork cremation burials of the 12 th century. New research into the earthwork burial mounds of Kremenye	45
<i>Zots E. P.</i> An Old-Russian burial costume, from materials excavated at the Ksizovo-17 earthwork graveyard on the Upper Don	57
<i>Zavyalov V. I., & Sudakov V. V.</i> The stratigraphy and chronology of the Zhitny excavations in the Pereslavl-under-Ryazansk Kremlin	69
<i>Ivanov D. A.</i> Nozzles from Russian production settlement Iste 2	88
<i>Koval V. Yu.</i> Fresh details about the ground-plan and construction of the «small» town of Rostislavl	99
<i>Kuzina I. N., Zeifer V. A., Yanishevsky B. E.</i> Glass vessels of Pereslavl: new findings.....	110
<i>Menshikov M. Y.</i> Axes of Perun, or hatchets of St. Olaf? The historical context of miniature axes («axe amulets») in the 11 th – 17 th centuries AD	117
<i>Tropin N. A.</i> Workshop buildings with stone-built oven stoves from the latter 14 th century to the early 15 th century, in the vicinity of Elets	132

Archaeology of Muscovian Rus and the Modern Times

<i>Zhilina N. V.</i> Ryasna headwear pendants during the Muscovian Rus period.....	141
<i>Lazukin A. V.</i> Monuments of settlers of the 12 th to 16 th centuries in the vicinity of Zvenigorod	157
<i>Baranov N. A. & Fatkov A. M.</i> A rare kind of kumgan jug, from excavations at the village of Bolshoye Savrasovo-2.....	169
<i>Gippius A. A., Kabatov S. A. & Kabatova E. A.</i> A stoneware item attributable to the settlement of Vezha.....	179
<i>Kabatov S. A., Kurochkina S. A. & Alibekov S. Ya.</i> The use of natural scientific methods in the analysis of ceramic artefacts from the village of Vezha, in Kostroma Region (based on archaeological finds of 2015)	188
<i>Osipov D. O.</i> A collection of leather-made items from excavations in Zaryade (Moscow) (preliminary report)	199
<i>Gorokhova A. V., Lazarev A. S., Bushuev I. A.</i> Preliminary results of archaeological research over 2013–2015 in the Red Arcades in Kostroma (according to the materials from the excavation «The Trade (Melochnye) Arcades I»).....	227
<i>Lazarev A. S. & Volkov I. V.</i> Numismatic finds from excavations over 2013–2015 in the area of the Red Arcades in Kostroma (the «Trade Arcades I» excavation)	243

<i>Engovatova A. V., Vasilieva E. E., Bezudny V. G. & Marchuk V. N.</i> Geophysical methods for pinpointing archaeological sites – confirming the location of the Pisarevsky Pond at the Trinity St Sergius Lavra Monastery (during works in 2015).....	256
<i>Engovatova A. V., Yaganov A. V., Vysotsky A. L., Kuritsyn M. A.</i> Architectural and Archaeological Investigations within the Grounds of Moscow Academy of Divinity, during 2016.....	261
<i>Okulov A. V., Voronin K. V., Lebedev V. I. & Menshikov M. Y.</i> 17 th century Almandine from excavations in Moscow – jewelry raw materials, or waste from stone-cutting production?	272
<i>Girshevich M. A.</i> The construction aspects of a number of stoves from the 17 th century to the beginning of the 18 th century.	280
<i>Likhter Yu. A.</i> Glass vessels from excavations on Chernigovsky pereulok (Moscow). Excavations during 2015	284
<i>Tiutiunov V. Yu., Parfenov A. A., Sergeyev S. E. & Pogodina E. A.</i> Medieval stone-quarrying residues from white-stone works in the lower reaches of the Lubyanka River in the basin of the Mocha River (based on speleological research).....	299

Archaeological ceramology

<i>Chernov S. Z.</i> A courtyard with money weights at the village of Vlasievskaya, near to Zvenigorod – a «different» 15 th century	309
<i>Poliulakh A. A.</i> Archaeological research at the village of Gzhel. Whit-clay ceramic wares – jugs, pots, bowls and cooking pans	346
<i>Malysheva N. N., Polyulyakh A. A. & Saracheva T. G.</i> New Information about golosniki clay vessels from «The Intercession Cathedral on The Moat» (St Basil's Cathedral) in Moscow	372
<i>Veksler A. G.</i> , <i>Patrik G. K. & Gusakov M. G.</i> Some aspects of the history of the tiling industry in Muscovian Rus during the 15 th –17 th centuries, based on archaeological evidence	387
<i>Glazunova O. N.</i> Belarussian and Lithuanian motifs in the decoration of the stoves at the New Jerusalem Monastery, based on archaeological excavations over 2009–2015.....	406
<i>Fedorova L. I., Tkachenko V. A. & Fedorov V. V.</i> Kaluga «Horseman» whistles – the evolution of their shape and development (based on dated examples of whistles).....	419
List of abbreviations	426
About authors	428

Древности эпохи раннего железного века и Средневековья

Е. В. Столяров

Поселение 1 у деревни Жабынь на правом берегу Верхней Оки: к вопросу культурно-хронологической атрибуции материалов раннего железного века

Древности эпохи финальной бронзы на территории Верхней Оки изучены пока крайне слабо. Основное внимание исследователей сосредоточено на выяснении культурно-исторической ситуации в регионе в эпоху раннего или позднего бронзового века (работы Ю. Г. Екимова). Проблема «темных веков» – переходный период от позднего бронзового века к раннему железному веку – остро стоит не только для исследуемой территории Верхнего Поочья, но и для всей лесной зоны Восточной Европы (Сыроватко, 2013). Сложившаяся ситуация в изучении древностей финальной бронзы объясняется как отсутствием целенаправленных работ по данной проблеме, так и спецификой археологического источника. Культурные слои периода финальной бронзы чаще всего оказываются переотложенными в ходе позднейших заселений территорий памятников или представляют собой предматериковый слой, вмещающий керамический материал из разных (?) культурно-хронологических горизонтов. В последнем случае невозможно установить одновременность или асинхронность керамических традиций. Проблема датирования этих горизонтов объясняется практически полным отсутствием хронологических маркеров для этого периода.

Горизонты раннего железного века на правом берегу Верхней Оки нуждаются в дополнительных исследованиях ввиду того, что древности скифской эпохи известны здесь только на основе материалов двух памятников – городища у д. Сатинка (Изюмова, 1967; Столяров, 2016) и городища у д. Петровское (исследования И. С. Простякова 2015 г.). В связи со всем вышесказанным публикация новых материалов с поселения 1 у д. Жабынь, их датировка и культурно-хронологическая атрибуция представляются крайне важными.

Публикуемые материалы эпохи финальной бронзы и раннего железного века получены в ходе ис-

следований поселения у д. Жабынь в 1994–1996 гг. археологической экспедицией Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством Т. В. Наумовой. Ранее эти материалы специально не рассматривались. Внимание исследователей привлекали только материалы мезолитического и неолитического времени (Грудинкин, 2010; Наумова, 2000), которые в работе не рассматриваются.

Топография поселения

Поселение 1 у д. Жабынь находится в Белёвском р-не Тульской обл., в 0,5 км к северу от монастыря и д. Жабынь, в 1,3 км к юго-востоку от д. Береговой, в 0,2 км к северу от Монастырской рощи. Оно расположено на террасе правого берега р. Оки на дюнном всхолмлении, высота площадки памятника над урезом воды составляет 7–15 м. Юго-восточная часть поселения разрушена вследствие разработки песчаного карьера (рис. 1; 2). Недалеко от поселения, в радиусе 1 км, расположены три селища (Жабынь 1, 2, 3), при обследовании которых найдена керамика раннего железного века (АКР, 1999. С. 107, 108), а на селище 3 – фрагмент керамической литейной формы для изготовления ажурной подвески (Грудинкин, 2009. Л. 25. Рис. 105, 6).

История изучения поселения

Поселение 1 у д. Жабынь открыто и изучено протоиереем Воскресенской церкви г. Белёва М. Ф. Бурцевым. С 1889 по 1895 г. им была собрана обширная коллекция кремневых орудий в окрестностях г. Белёва и, в частности, в окрестностях Введенского монастыря у д. Жабынь (Городцов, 1905. С. 516).

В 1895 г. памятник исследовал В. А. Городцов. Он осуществил рекогносцировочные раскопки к северу от монастыря на «двух дюнных холмах». В результате ему удалось обнаружить

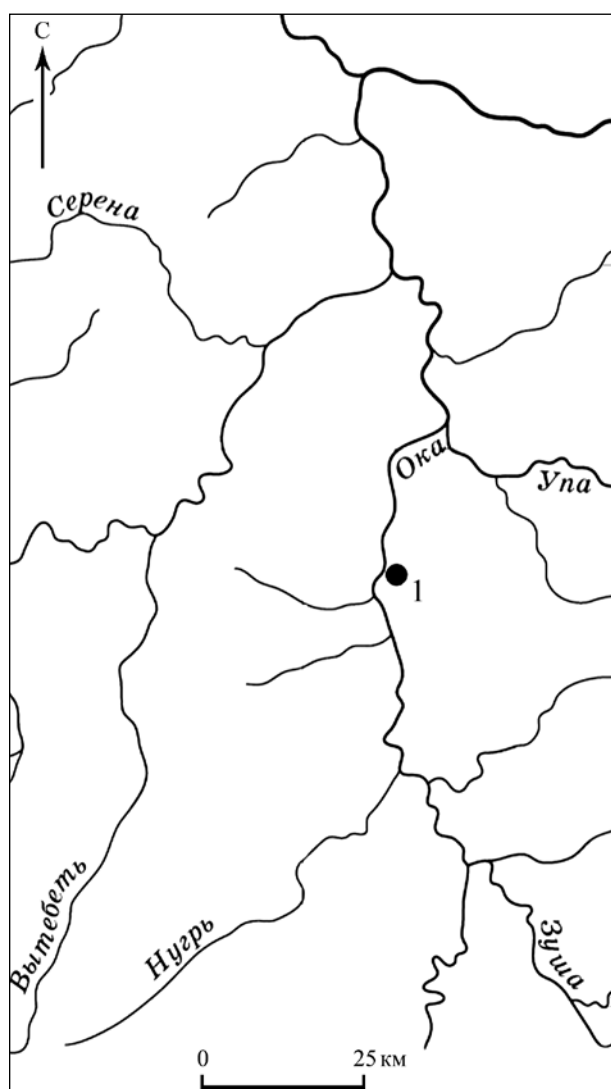

Рис. 1. Поселение 1 у д. Жабынь (1)
на правом берегу Верхней Оки

безынвентарный грунтовый могильник, который был датирован «эпохой железа». К этому времени была отнесена и яма с остатками глинобитной печи и находками фрагментов керамики, костей животных, кусков руды, шлаков, охры (Городцов, 1905. С. 524–526). Позднее поселение осматривалось в ходе археологических разведок П. Н. Третьякова, М. М. Герасимова и М. В. Воеводского в 1935 и 1936 гг. В 1950–1960-е годы И. И. Петраков, директор Белёвского народного музея, собрал около д. Жабынь подъемный материал. В 1962 г. эту местность осмотрела Л. В. Грехова. В 1980 г.

памятник был паспортизирован В. Г. Мироновой (Наумова, 1994. Л. 14, 15; Грудинкин, 2010. С. 117).

В 1993 г. мониторинг памятника провел А. В. Шеков (1994). В ходе осмотра памятника выявлены значительные разрушения культурного слоя вследствие разработки песчаного карьера. Им собрана коллекция подъемного материала (эпоха камня – позднее Средневековье) около северной и западной границ карьера. Учитывая значительные разрушения культурного слоя поселения, Т. В. Наумова с 1994 по 1996 г. предприняла охранные раскопки (раскопы 1–4) с целью выявления нетронутых участков культурного слоя и их изучения (Наумова, 1994; 1995; 1996). Полученная в ходе этих работ коллекция хранится в Государственном музее-заповеднике «Куликово поле»¹.

В 1994 г. в северной части поселения был заложен раскоп 1. Планиграфическое распределение находок раннего железного века показало, что основная их часть тяготела к западной и юго-западной частям раскопа. Исследованиями 1995 г. (раскопы 2–3) изучен сохранившийся участок всхолмления, непосредственно примыкающий к склонам карьера. Работы 1996 г. (раскоп 4) были сосредоточены в пойме, к западу от оконечности дюнного всхолмления.

В ходе работ 1994–1996 гг. изучено 293 кв. м культурного слоя. К эпохе раннего железного века отнесен комплекс ям № 1–16, 21–30, 32, скопления кальцинированных костей (Наумова, 1994. Л. 34. Рис. 44) и отдельные скопления керамики (Наумова, 1994. Л. 45). Раскопочные исследования подтвердили стратиграфические наблюдения относительно смешанности разновременных культурных комплексов в толще культурного слоя. Отсутствие четкой стратиграфии на поселении объясняется как особенностями культурного слоя (песок), так и интенсивной хозяйственной деятельностью – разработкой песчаного карьера (Наумова, 1995. Л. 47).

В 2007 г. памятник был осмотрен Б. В. Грудинкиным (2007). В 2008–2009 гг. комплекс поселений у д. Жабынь обследован О. Н. Заидовым и Б. В. Грудинкиным (Заидов, 2008; Грудинкин, 2009).

Керамический комплекс

В результате раскопок 1994–1996 гг. из общего количества керамического материала Т. В. Наумовой выделена группа лепной неорнаментированной и слабо орнаментированной керамики, отнесенная к раннему железному веку. Керамика имеет

¹ Выражаю глубокую благодарность хранителю фонда археологии Т. В. Наумовой за возможность работы с неопубликованными материалами, полученными в ходе работ 1994–1996 гг. Шифры хранения – ТД 62, ТД 98, ТД 106, А 143.

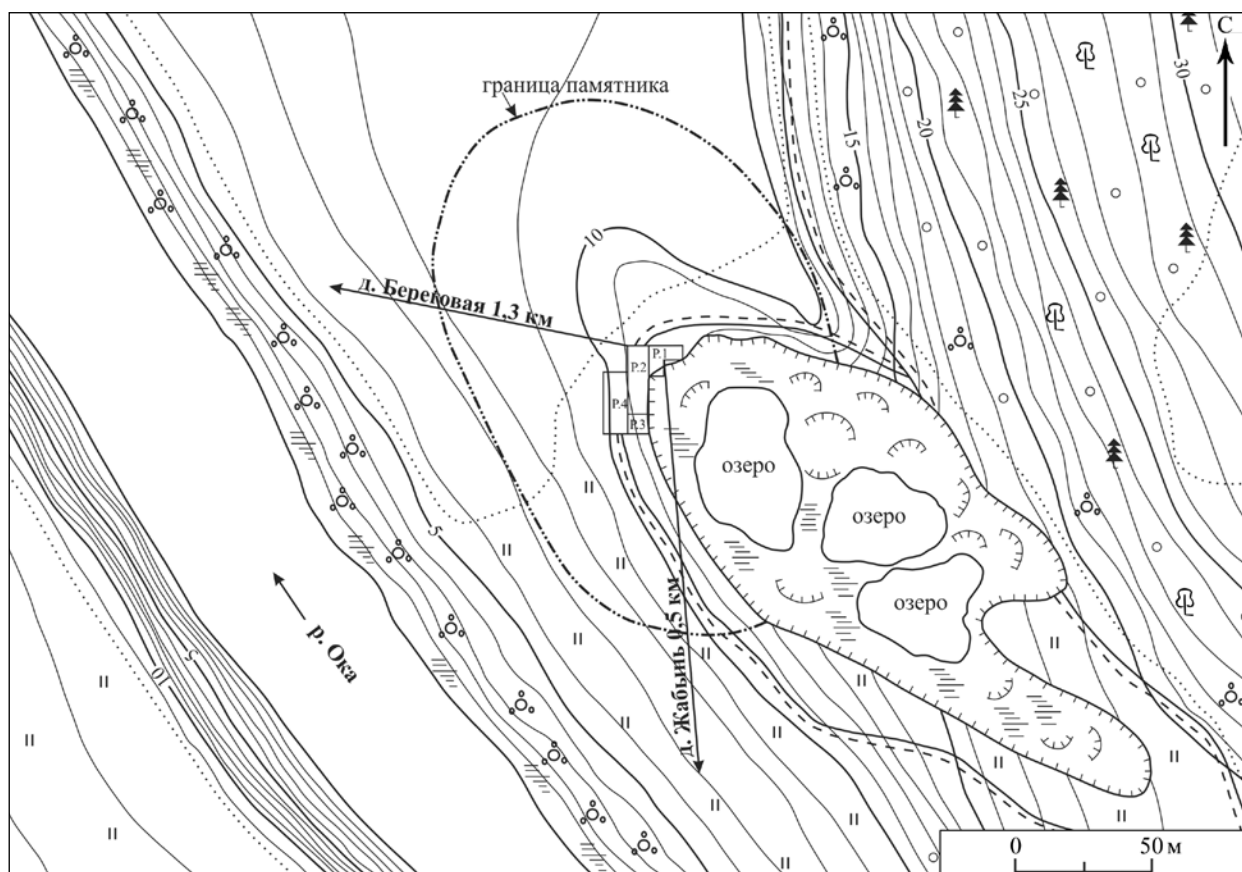

Рис. 2. Топографический план поселения 1 у д. Жабынь с нанесенными раскопами

светло-коричневые и темно-коричневые оттенки поверхности, в тесте примесь песка, дресвы (иногда очень крупной), реже гематита и шамота. Глубина залегания керамических фрагментов в толще культурного слоя составила от 0,1 до 0,75 м. Керамический комплекс (по полевой описи) насчитывает 1689 обломков, большую часть из которых составляют стенки сосудов (1496 экз.). Абсолютное большинство обломков керамики не орнаментировано. Среди орнаментированных фрагментов 29 стенок сосудов имели орнамент в виде редких ямчатых вдавлений полукруглой, подпрямоугольной, подтреугольной и аморфной формы (рис. 3, 7–8; 4, 2; 5, 1–3, 7, 10), орнамент в виде пальцевых защипов (рис. 3, 4) и ногтевых вдавлений (рис. 3, 5, 9). Небольшая часть стенок относилась к текстильной керамике (рис. 3, 6, 10; 5, 5–6, 8–9). Большинство венчиков были не орнаментированы. Среди орнаментированных венчиков необходимо отметить декор в виде маленьких сквозных проколов в верхней части (рис. 3, 11; 4, 5–6), по обрезу – наклонные нарезные вдавления (рис. 4, 1, 8–9), вдавления двумя неровными рядами ямок с рубчатым

дном, подовальные вдавления. Среди венчиков выделялись прямые, со слегка утолщенным или просто оформленным краем (рис. 3, 1); прямые или отогнутые наружу, со слегка утолщенным краем, украшенные по обрезу ногтевыми вдавлениями (рис. 3, 2–3). Найдено семь обломков плоского дна с закраиной (рис. 4, 13–14) и одно просто оформленное дно (Наумова, 2000. С. 34).

В южной части раскопа 4, в заполнении ямы 106 (рис. 6, 1–2), а также на прилегающих квадратах найден неполный развал лепного тонкостенного серо-коричневого сосуда с примесью крупной дресвы (рис. 6, 3). Яма имела правильную округлую форму диаметром 1,2 м (Наумова, 1996. Л. 28). Венчик сосуда слегка отогнут наружу, украшен пальцевыми защипами по обрезу, донце плоское с закраиной (рис. 6, 3). По мнению автора раскопок, комплексы ям № 97–100 и 106–109, вероятно, являлись остатками хозяйственной постройки и очага того времени (Наумова, 1996. Л. 33).

Керамический материал, относящийся к эпохе раннего железного века, связывался автором раскопок с городищской культурой – он принадлежал

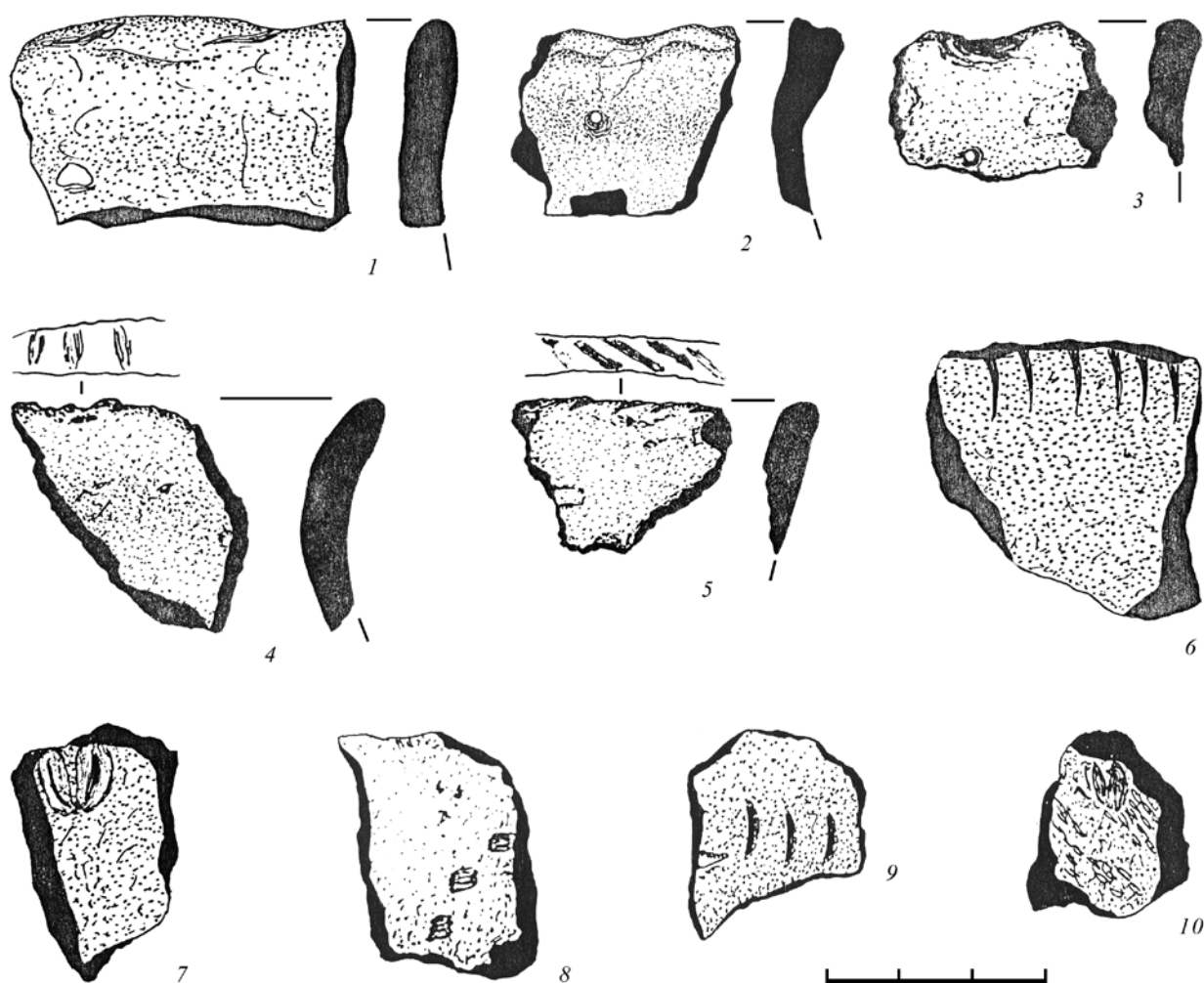

Рис. 3. Поселение 1 у д. Жабынь. Грубая лепная керамика (по: Наумова, 1994–1996)

1 – неорнаментированная; 2–9 – орнаментированная; 10 – текстильная

ко второй хронологической группе, датируемой концом II – первой половиной I тыс. до н. э. Обломки текстильной керамики, по мнению Т. В. Наумовой, аналогичны керамическому комплексу городецкой культуры третьей хронологической группы – второй половины – конца I тыс. до н. э. (Наумова, 1994. Л. 44).

Индивидуальные находки

Среди индивидуальных находок раннего железного века, полученных в ходе работ 1994–1996 гг., следует выделить:

1) бронзовое украшение (рис. 7, 1) – привеска треугольной формы (раскоп 2; кв. 4/III; гл. 0,36 м; Наумова, 1995. Л. 21. Рис. 21, 1);

2) железный наконечник стрелы (рис. 7, 3 – раскоп 4; кв. XVI/11; гл. 1,31 м);

3) рыболовный крючок из цветного металла (рис. 7, 2) (раскоп 4; кв. XXVII/10; гл. 1,12 м);

4) фрагмент плоского лепного пряслица округлой формы с небольшим отверстием (рис. 7, 4 – раскоп 2; кв. 7/XIV; гл. 0,95 м).

Вопросы датировки и культурно-исторической интерпретации материала

Для уточнения датировки материалов раннего железного века и направленности культурных связей важны две находки. Первая из них – бронзовая подтреугольная привеска с прорезями (рис. 7, 1). Автором данной работы этому типу привесок посвящено отдельное исследование, поэтому здесь останавливаться подробно на данном вопросе не будем. Треугольные привески с прорезями являются редкой находкой на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Их появление на данной территории связано с культурными традициями лесостепной скифоидной культуры. Период бытования привесок с прорезями может

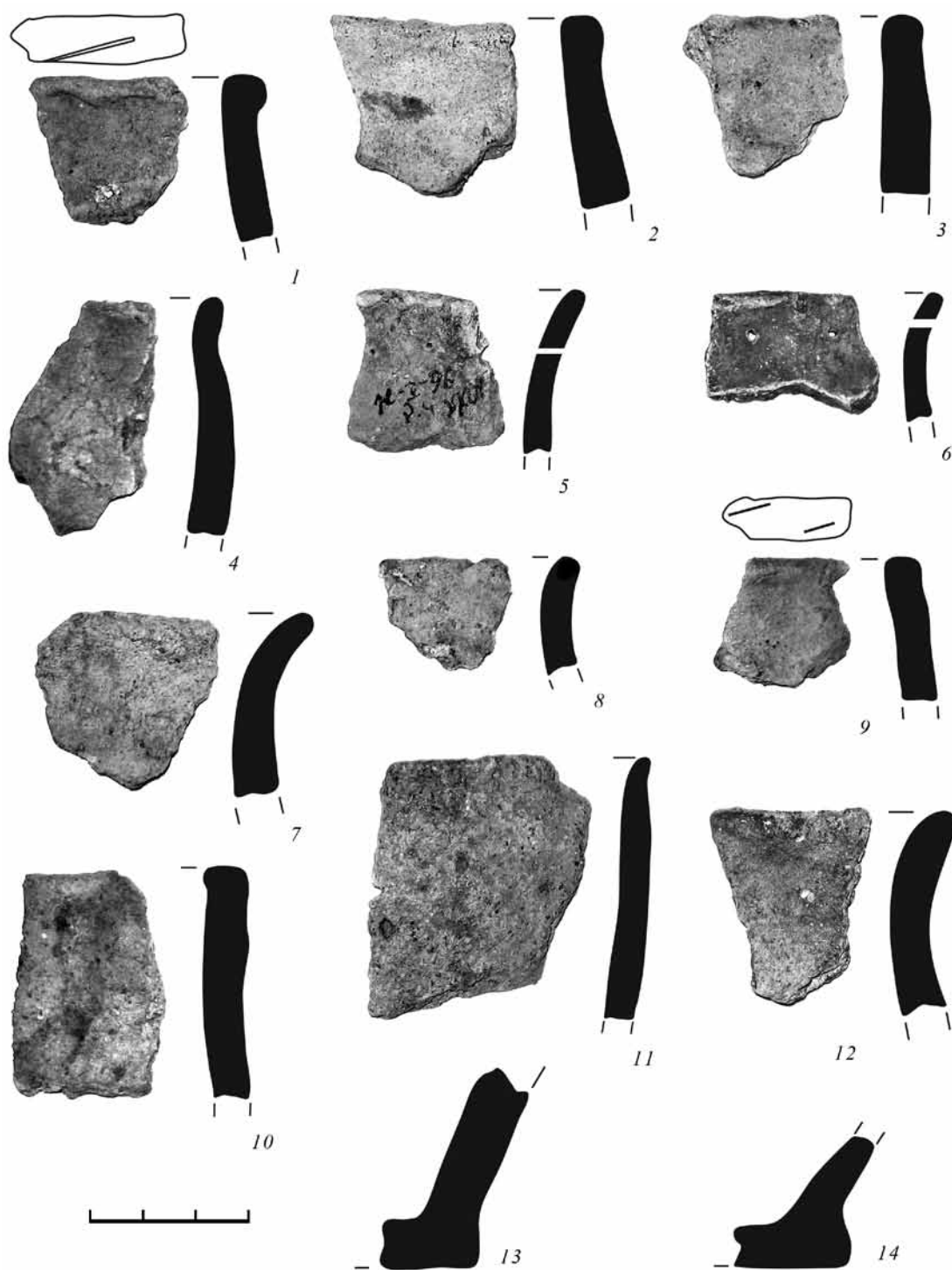

Рис. 4. Поселение 1 у д. Жабынь. Грубая лепная керамика. Фото и рисунок Е. В. Столярова
2–3, 7, 10–14 – неорнаментированная; 1, 4–6, 8–9 – орнаментированная

быть осторожно (с допуском) определен в рамках VI–V вв. до н. э. (Столяров, 2014).

Вторая находка – железный наконечник стрелы ромбической формы пера с овально-уплощенным сечением (рис. 7, 3). Основание пера изогнутой

линией переходит в плоский черешок, иногда равный длине пера, который заканчивается раздвоенным расширением – серповидный вырез или вырез в виде ласточкина хвоста. Находки аналогичных наконечников стрел известны в Поволжье,

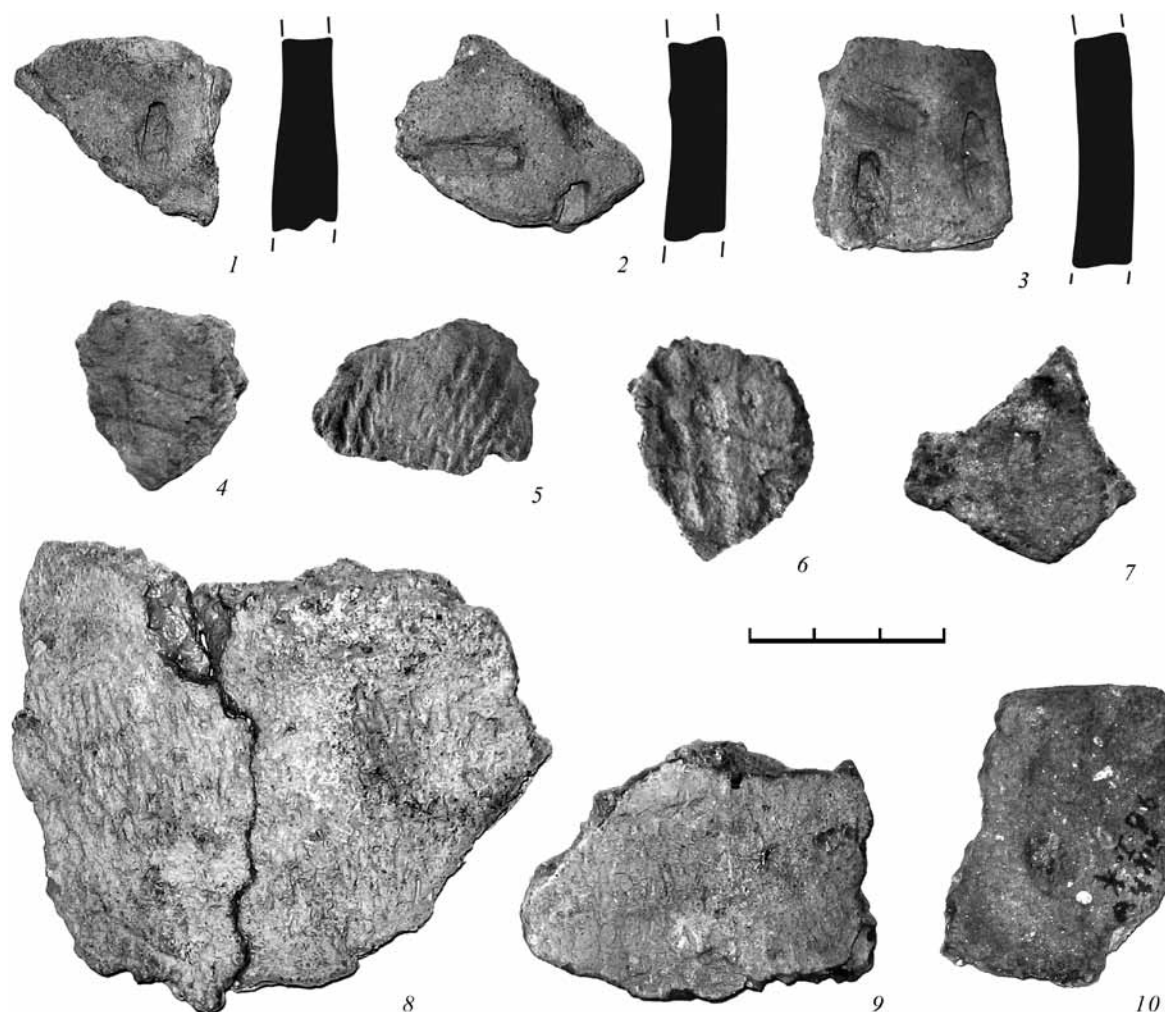

Рис. 5. Поселение 1 у д. Жабынь. Грубая лепная керамика. Фото и рисунок Е. В. Столярова

1–3, 7, 10 – орнаментированная; 4–6, 8–9 – текстильная

на Среднем Дону и Сейме, где традиционно датируются в рамках IV–III вв. до н.э. (Дубынин, 1974. С. 220). Близкие по типу экземпляры наконечников (иногда подражания, часто выполненные из кости) известны также с городищ дяковской культуры – Щербинского, Троицкого, Кузнечики, Сетунского (Дубынин, 1974. Табл. 1, 1) и городищ в Курском Посеймье – Кузина гора и Моисеевское (Алихова, 1962. С. 104. Рис. 10, 8–9). Листовидные наконечники стрел с раздвоенным черенком являются наиболее характерными для днепровской культуры (Шмидт, 1992. С. 86. Табл. 18, 2–7, 9, 11–12). По типологии Б. А. Шрамко, разработанной для железных наконечников стрел Скифии, данный наконечник стрелы относится к типу шипастых наконечников, второй его группе, шипы у которых расположены на черешке. По его мнению, несмотря на то, что все известные

наконечники стрел данного типа обычно относят к IV в. до н.э., нельзя игнорировать факт их присутствия на территории, близкой к юхновской культуре в конце V – IV в. до н.э. Наибольшее распространение такой тип наконечников стрел получил в III в. до н.э. (Шрамко, 2009. С. 390).

Выводы

Керамический материал эпохи раннего железного века с поселения у д. Жабынь неоднороден, как это было замечено еще Т. В. Наумовой. Исходя из современного понимания культурной обстановки в Верхнем Поочье и прилегающих территорий в эпоху раннего железного века, исследуемый керамический материал можно разделить на несколько керамических традиций – комплексов.

Первый комплекс представлен сочетанием текстильной и гладкостенной керамики, в том

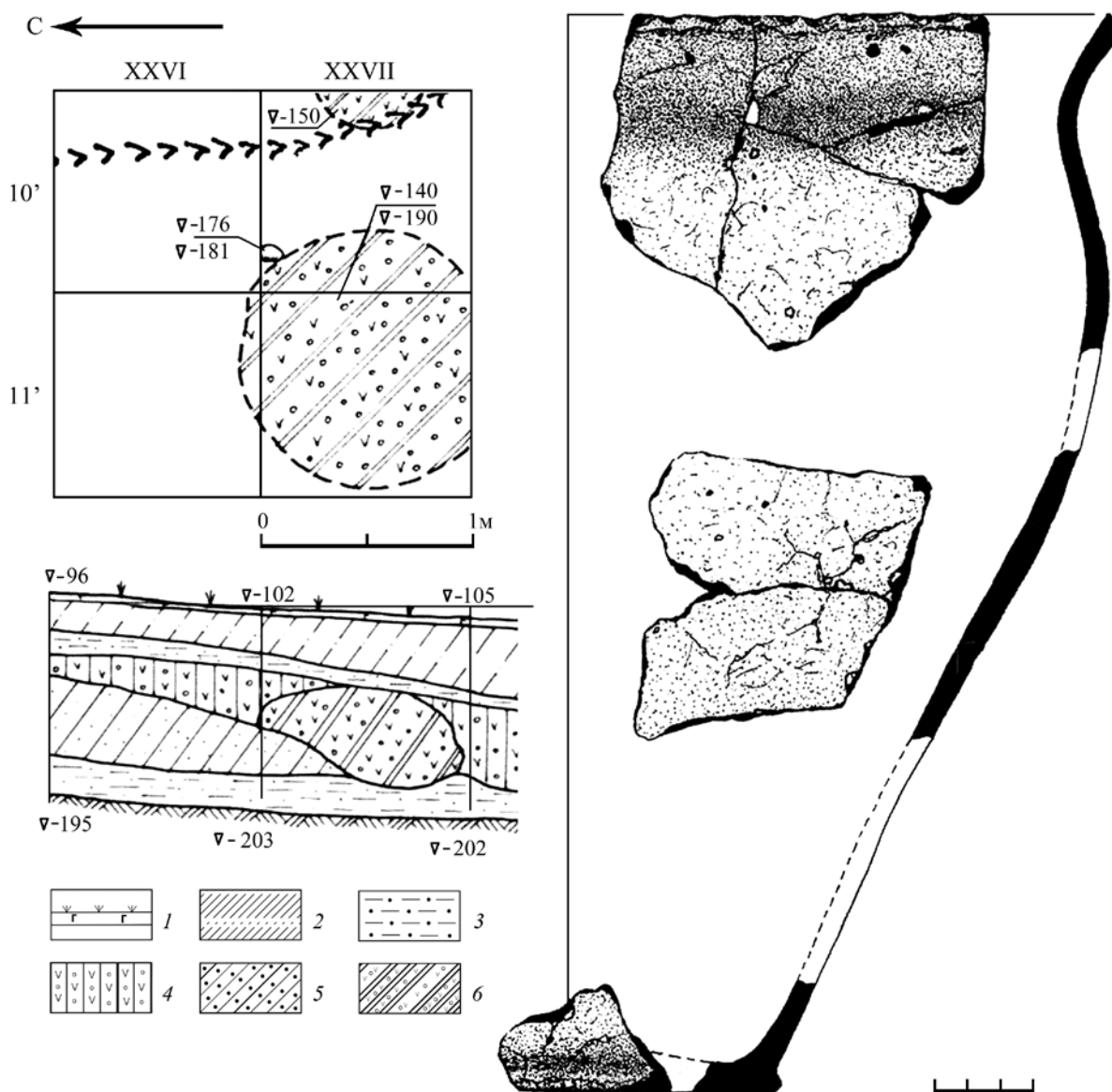

Рис. 6. Поселение 1 у д. Жабынь. Раскоп 4. Яма 106. Лепной горшок (по: Наумова, 1996)

1 – дерн; 2 – серо-бурая гумусированная супесь; 3 – светло-серый мелкозернистый песок;
4 – темно-серая гумусированная супесь с угольками и мелким камнем; 5 – плотный крупнозернистый желтый песок;
6 – желтый крупнозернистый песок с включением светло-серого мелкозернистого песка, угольков и мелкого камня

числе с тычковой орнаментацией (последняя преобладает); это, «видимо, единый комплекс, который был оставлен одной из групп северного, лесного по происхождению населения, у которого еще не вполне завершился процесс ассимиляции племенами текстильной керамики носителей гладкостенной посуды с тычковым орнаментом» (Медведев, 1999. С. 36). Это общий субстрат в сложении городецкой и дяковской культур. Кроме того, следует обратить внимание на еще одну очень важную характеристику первого керамического комплекса – полное отсутствие рогожной

керамики, которая становится главным диагностическим признаком городецкой культуры начиная с VI в. до н.э. Именно с этого времени начинается распространение носителей рогожной керамики на Дону (Медведев, 1999. С. 42).

Керамический материал первого комплекса с поселения Жабынь находит аналогии в керамическом комплексе верхнедонских поселений VIII–VII вв. до н.э. (догородецкий этап). Этот этап характеризуется своеобразной сетчатой и гладкостенной керамикой с тычковой орнаментацией (Сарапулкина, 2010. С. 21). Первый керамический комплекс

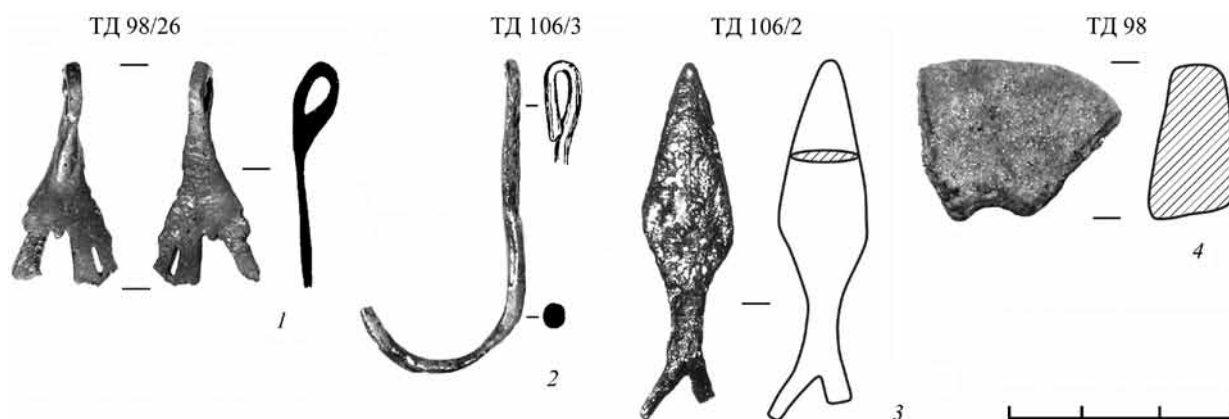

Рис. 7. Поселение 1 у д. Жабынь. Индивидуальные находки.
Рисунки Т. В. Наумовой (1–2) и Е. В. Столярова (3–4). Фото Е. В. Столярова
1 – подвеска; 2 – рыболовный крючок; 3 – наконечник стрелы; 4 – фр-т пряслица

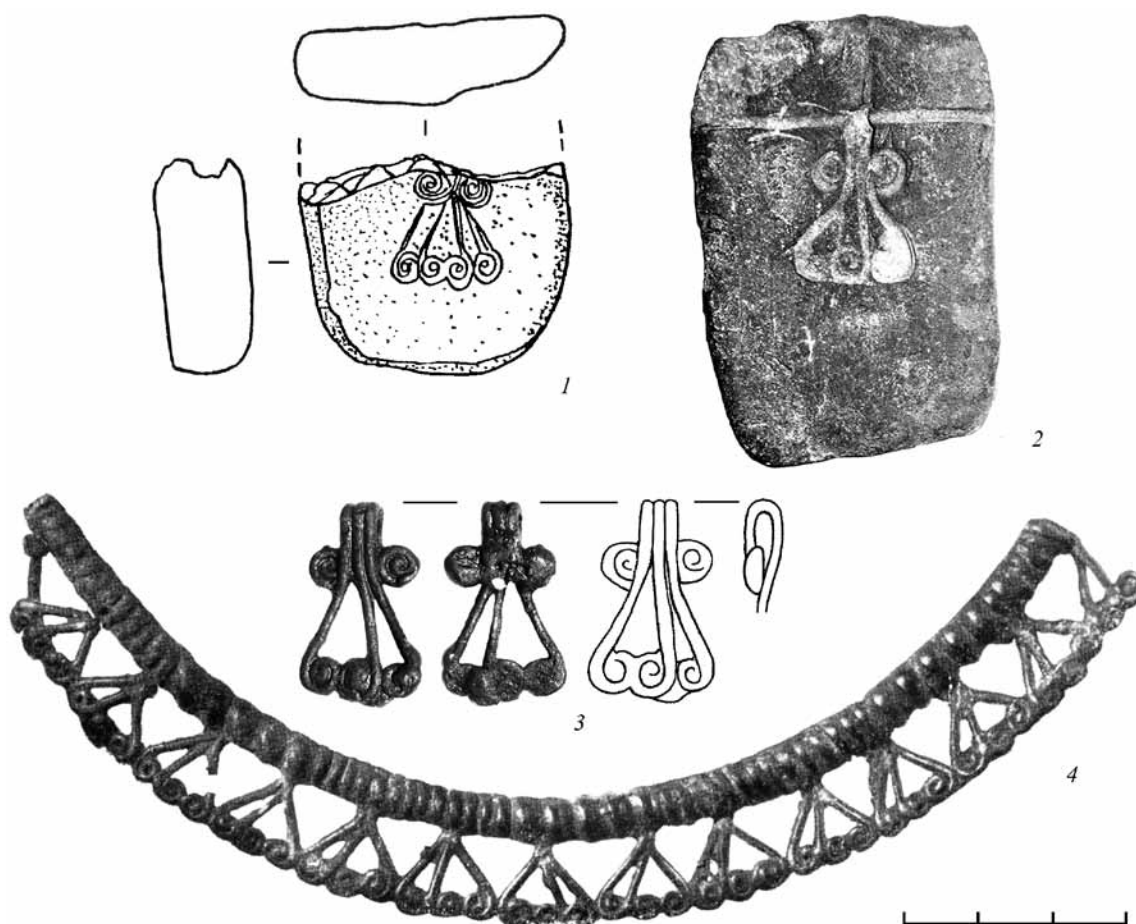

Рис. 8. Литейные формы, подвеска и фрагмент шейной гривны с памятников раннего железного века
1 – селище 3 у д. Жабынь; 2 – городище Никола-Ленивец; 3 – селище у д. Боровая; 4 – городище Мокрядино.
1–2 – керамика; 3–4 – бронза

в целом соответствует характеристике керамического материала из нижнего слоя Пекшевского городища в бассейне верхнего Дона, на р. Воронеж. Отличие наблюдается лишь в процентном составе текстильной керамики, которой в нижнем слое Пекшевского городища около 23%, тогда как на поселении Жабынь – не более 3%.

Второй керамический комплекс представлен гладкостенной керамикой, орнаментированной пальцевыми вдавлениями по срезу венчика и проколами чуть выше шейки. Данная орнаментация – явное воздействие керамической традиции лесостепного скифоидного населения (Медведев, 1999. С. 34). Находки треугольной привески, развал горшка из ямы 106 и отдельные фрагменты лепной керамики из переложенного слоя, литейная форма (половинка) для отливки ажурной подвески с селища Жабынь 3 (рис. 8, 1) тому свидетельства.

Керамическая форма для отливки аналогичного украшения лировидной формы (рис. 8, 2) происходит из раскопок Т. Н. Никольской на городище Никола-Ленивец в Поугорье (заполнение рва № 2) (Никольская, 1962. С. 15. Рис. 6, 4). Ажурная подвеска такого типа известна в составеклада с селища у д. Боровая (рис. 8, 3) в пригородной зоне г. Калуги (сообщение Б. В. Грудинкина). На городище Мокрядино была

найдена часть шейной гривны или крупной нагрудной бляхи, выполненной в этом же стиле (рис. 8, 4). Нижний слой городища Мокрядино, судя по находке скифской умбоновидной серьги и ряду других находок, может датироваться VI–IV вв. до н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 90. Рис. 42, 11а–б).

Сложнее обстоит вопрос о синхронности или асинхронности этих двух выделенных керамических комплексов применительно к культурной ситуации на территории Верхнего Поочья. Отсутствие четкой стратиграфической привязки керамического материала, его «мешанность» объясняют сложившуюся ситуацию в его интерпретации.

Согласно первой гипотезе, которая находит отражение в двух выделенных керамических комплексах, материалы эпохи раннего железного века с поселения у д. Жабынь представляют два культурно-хронологических горизонта бытования поселения в конце VII – начале VI в. до н.э. и в VI–IV (IV) вв. до н.э.

Возможна и другая гипотеза. Два керамических комплекса едины, а точнее, представляют стадию эволюции – постепенного изживания традиций носителей текстильной керамики под влиянием керамических традиций лесостепной скифоидной культуры в период VI–V (IV) вв. до н.э.

Литература

Алихова А. Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья//Лесостепные культуры скифского времени. М.: АН СССР. С. 86–129. (МИА. № 113).

АКР. Тульская область. Ч. I/Под ред. Ю. А. Краснова. М.: ИА РАН, 1999. 304 с.

Городцов В. А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки//Тр. XII Археологического съезда в Харькове. Т. 1. М. С. 518–528.

Грудинкин Б. В., 2007. Отчет об археологических разведках и раскопках в 2007 г. в Калужской и Тульской областях. Калуга/Архив ИА РАН. Р-1. № 47158.

Грудинкин Б. В., 2009. Отчет об археологических разведках в 2009 в Калужской и Тульской областях. Калуга/Архив ИА РАН. Р-1. № 37609.

Грудинкин Б. В., 2010. Новые материалы с памятников археологии Белевского района Тульской области//Бурцевские чтения. Вып. II. Матер. конф. «VII Белёвские чтения». Белев. С. 113–119.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище//Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.

Заидов О. Н., 2008. Отчет об археологических разведках на территории Белёвского, Богородицкого, Ефремовского, Заокского и Каменского районов Тульской области в 2008 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 42859.

Изюмова С. А., 1967. О бронзолитейном производстве Сатинского городища//СА. № 1. С. 122–139.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука. 160 с.

Наумова Т. В., 1994. Отчет об археологических исследованиях в Ленинском и Белёвском районах Тульской области в 1994 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 18594.

Наумова Т. В., 1995. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Ясногорском районах Тульской области в 1995 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 19364.

Наумова Т. В., 1996. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском районах Тульской области в 1996 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 20201.

Наумова Т. В., 2000. Многослойное поселение Жабынь-1 на верхней Оке (Предварительные итоги историко-археологических исследований 1994–1996 гг.)//Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист. С. 25–51.

Никольская Т. Н., 1962. Городище у дер. Николю-Ленивец (Раскопки 1954–1958 гг.)//СА. № 1. С. 221–240.

Сарапулкина Т. В., 2010. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону/Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.

Столяров Е. В., 2014. Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы//АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 34–39.

Столяров Е. В., 2016. Городище Сатинка: культурно-хронологические горизонты раннего же-

лезного века (по материалам работ 2013 г.)//АП. Вып. 12. М., ИА РАН. С. 27–35.

Сыроватко А. С., 2013. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации//ТАС. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 360–373.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л., АН СССР. 194 с.

Шеков А. В., 1994. Работы в Туле, Белёве, Одо-евском и Белёвском районах Тульской области//АО 1993 г. М.: Наука. С. 104–105.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепр-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей. 208 с.

Шрамко Б. А., 2009. Железные наконечники стрел Скифии//Эпоха раннего железа. Киев – Полтава: ИА НАНУ. С. 383–393.

E. V. Stolyarov

The settlement of Zhabyn-1 on the right-hand bank of the Upper Oka River. Issues of cultural and chronological attribution for finds from the early Iron Age

Summary

The materials published in this article are from the end of the Bronze Age and the early Iron Age, from the settlement of Zhabyn-1 on the right-hand bank of the

Upper Oka River. An overview of the finds broadens the complex map of ethnocultural development in this region during the 7th to 5th centuries BC.

Т. Н. Новоселова, В. И. Вишневский

**Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник
(результаты раскопок 2015 года)**

Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник продолжил археологические работы на Ратьковском могильнике, расположенном в 0,6 км юго-западу от д. Ратьково у пос. Искра в Александровском р-не Владимирской обл. Могильник находится на вытянутом (длиной 150 м) сильно разрушенном мысу, омываемым реками: с запада – Дубной, с востока – Рассоловкой (Куньема). Площадка задернована, склоны залесены. Открыт памятник в 1996 г. В. И. Вишневским и исследовался в 1999, 2000, 2002, 2006 и 2007, 2013, 2014 гг. (Вишневский, 2003; Вишневский, Кирьянова, Козловская, 2004; Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007; Вишневский, Новоселова, 2010). За годы исследований вскрыто 620 кв. м и обнаружено 1312 индивидуальных находок. В 2015 г. двумя раскопами изучено 83 кв. м в широкой, юго-восточной части городища (рис. 1). Культурный слой снимался квадратами размером 1×1 м и пластами толщиной 10 см, просеивался через сетки с ячейкой размером 4×4 мм, а при обнаружении фрагментов костей и обугленных зерен – через ячейки размером 2×2 мм.

Начнем описание с раскопа 1 (75 кв. м), прирезанного к южному и восточному краям раскопа 2014 г. Культурный слой представляет собой перепаханную темно-коричневую и коричневую супесь мощностью 0,3–0,5 м и содержал остатки погребений: погребальный инвентарь, измельченные обожженные кремнированные кости людей, фрагменты керамики, реже – обугленные зерна. Основная концентрация костей и керамики приходится, как и на других участках могильника, на пласты 2–4. Отмечено, что кремнированные кости (всего 680 шт.) собраны в пластах 3–4 (95%), они рассеяны в западной части раскопа 1, их находки не всег-

да связаны с ямами. Концентрация зерен (всего 225 шт.) отмечается в пластах 4–5 (91%) (табл. 1).

Всего выявлено три столбовые ямы, край ямы, исследованной в 2014 г., и две ложбины глубиной не более 10 см. Корреляции скоплений вещей и материковых ям не наблюдалось. Выделено по топографической концентрации находок и их сочетанию с более темными пятнами слоя в пластах 2 и 3 четыре условных комплекса (№ 26–29).

Обнаружено 130 находок (бронза – 90, железо – 29, камень – 3, кремнь – 3, керамика – 1, шлаки с отпечатками ткани – 4), а также массовый материал – фрагменты лепной керамики (1456), фрагменты кремнированных костей (680), обугленных зерен (225). Из 90 бронзовых предметов 34 составляют бесформенные слитки (и только в трех из них можно проследить утраченные формы оплавленных бутылковидных привесок-колокольчиков (табл. 2).

Среди бронзовых украшений – девять шумящих подвесок (рис. 2, 1–9)¹ и их фрагментов. Впервые встречены две подвески-пронизки с ложноспиральным щитком, двумя кольцами внизу, на которых крепятся две привески-колокольчика бутылковидной формы, вытянутых пропорций (рис. 2, 1–2). Причем у щитков сзади нет, как обычно, петель для нанизывания или пришивания: вероятно, привески являлись частью ожерелий, как это часто фиксируется в погребениях культуры рязано-окских могильников (Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 113, 115, 117. Рис. 8, 1; 11, 5; Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. С. 56. Рис. 36, 5; «Восточная Европа...», 2007. С. 208. Рис. 2, 37) и муромы (Голубева, 1987. Табл. XXXIV, 15, 16; XXXV, 12). Найдены еще две подвески с щитком из полуспирали (с петлями сзади) и двумя привесками-колокольчиками (рис. 2, 5, 6),

¹ Рисунки выполнены Д. Н. Черевко.

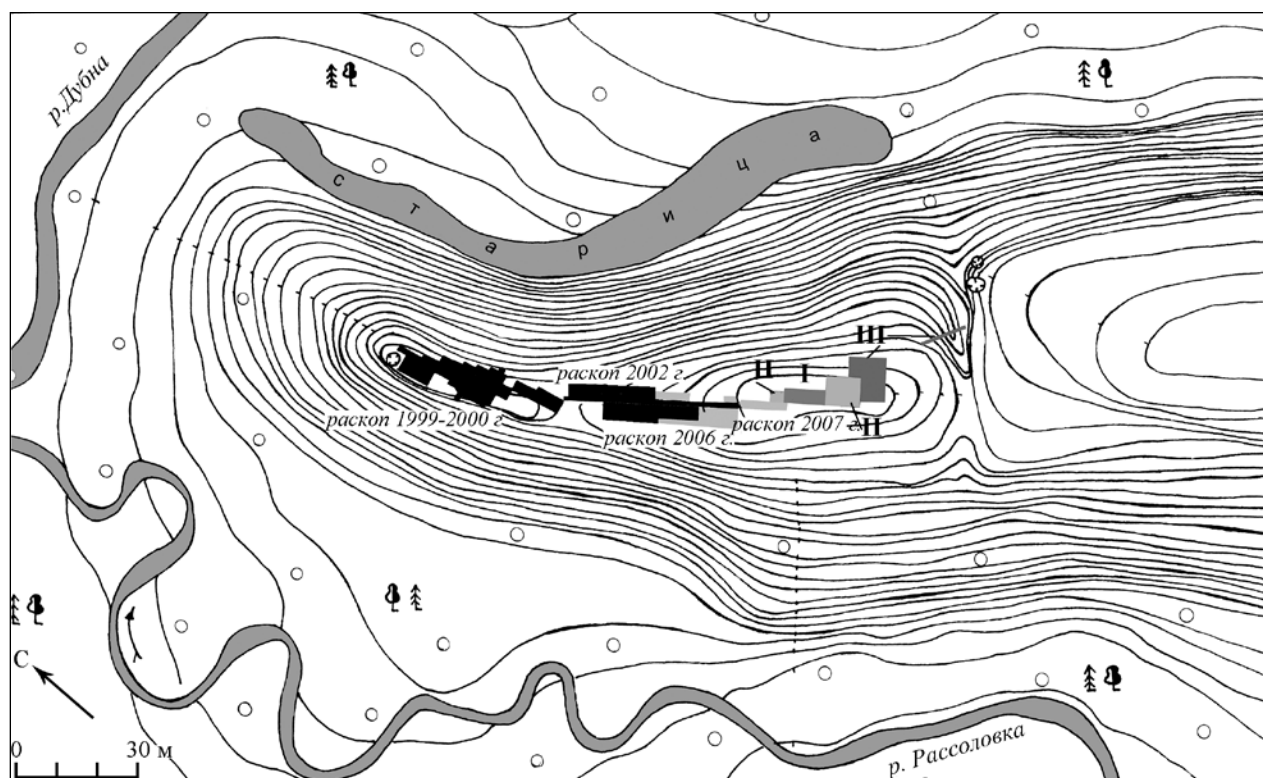

Рис. 1. Ратьковский могильник. Ситуационный план раскопов

Таблица 1. Стратиграфическое распределение археологического материала.

Пласты	Фрагменты керамики, экз.	Индивидуальные находки, экз.	Обломки костей, экз. (г)	Обугленные зерна, экз.
1	88	6	—	4
2	580	34	21 (34,0)	13
3	636	54	367 (128,0)	2
4	145	36	282 (63,6)	161
5	6	—	10 (2,5)	44
6	1	—	—	1
Всего	1456	130	680 (228,1)	225

две подвески с щитком из полуспиралью с петлями сзади и двумя привесками-«лапками» (рис. 2, 7, 8), привеска с щитком из полутрубочки и двумя привесками-колокольчиками (рис. 2, 4), привеска с щитком из вертикальной полутрубочки и двумя привесками-колокольчиками (рис. 2, 3), привеска с щитком из полуспиралью оплавленная (рис. 2, 9), шесть привесок-колокольчиков бутылчатой формы (рис. 2, 10–15). Найден фрагмент какого-то крупного украшения, вероятно, скульгама – две привески-колокольчика бутылковидной формы, крепящиеся на двух кольцах из витой проволоки (рис. 2, 16).

Отметим 15 деталей головных венчиков типа латгальского вайнаги, хорошо известного по балтским древностям Латвии и Литвы V–XI вв., длинным

курганам Смоленской и Тверской областей, а также по могильникам поволжских финно-угров (рис. 3, 16). Это пронизки-спиралью из бронзовой проволоки (2 целых экземпляра и 2 фрагмента – рис. 3, 1–4), пронизки-трубочки (1 экз. и 2 фрагмента – рис. 3, 5, 6), полусферические бляшки-скорлупки с петлями сзади (3 экз. – рис. 3, 7–8), бляшка-пронизка из трех спаянных последовательно скорлупок (рис. 3, 15), пластинчатые пронизки-обоймы с точечным полусферическим орнаментом – шесть полусфер в два ряда (рис. 3, 10–12). Последние хорошо известны по балтским древностям Латвии и Литвы V–XI вв. (Розенфельдт, 1982. С. 10, 11. Рис. 1, 6), муромским и рязано-окским могильникам. Так, в инвентаре Желтухинского и Безводнинского могильников

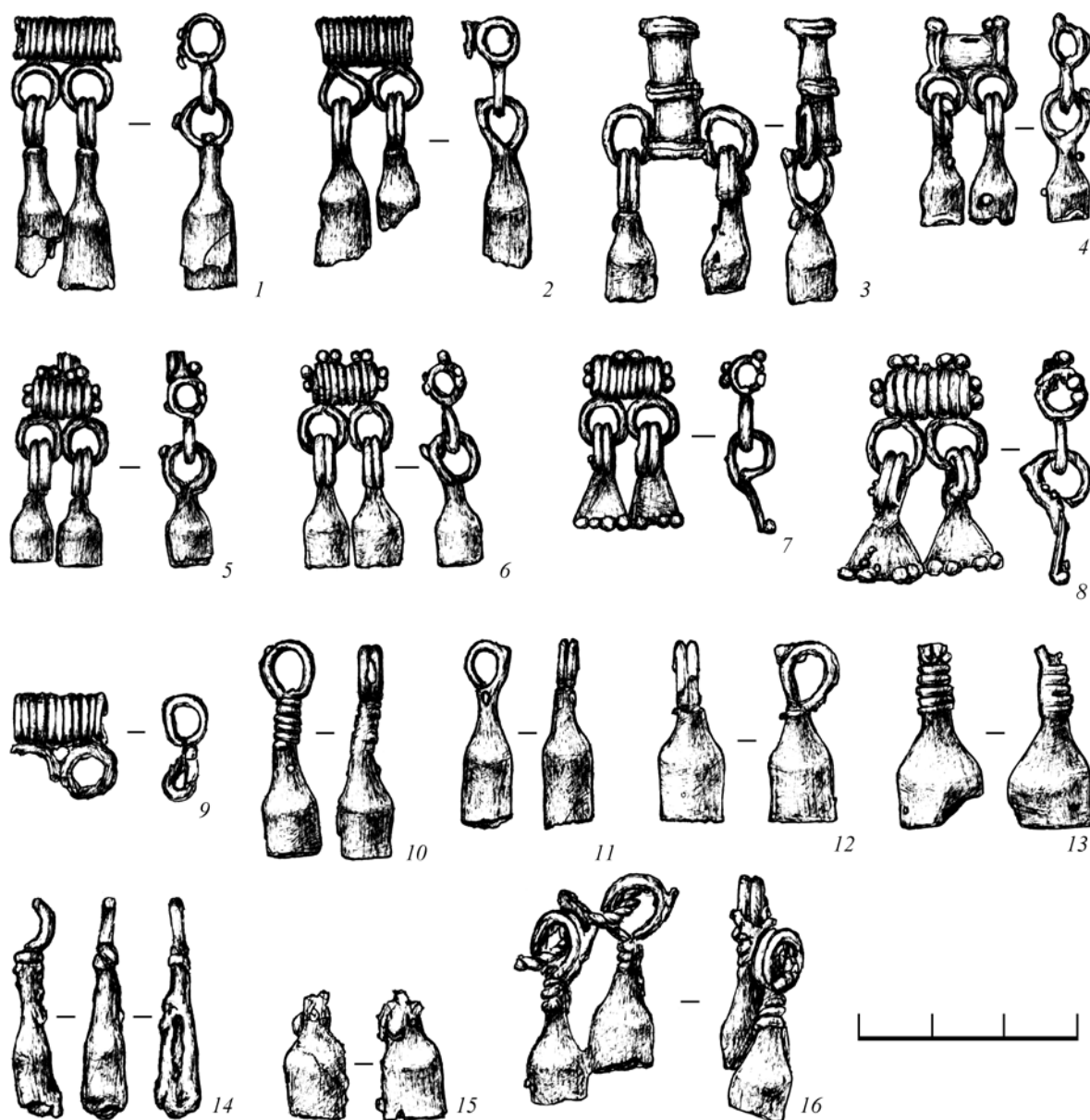

Рис. 2. Ратковский могильник. Шумящие подвески-пронизки (1–8) и их фрагменты (9–16)

пронизки найдены в погребениях VI – начала VII в. (Краснов, 1980. С. 42, 199. Рис. 22; Уткин, Черников, 1994. С. 44, 45). Одна обойма с таким орнаментом происходит с позднедьяковского городища Синьково (середина I тыс. до н. э. – VII в. н. э.; Спицын, 1905. С. 85–90).

Впервые на памятнике найдены две прямоугольные и трапециевидная привески, соединенные в цепь двумя колечками (рис. 3, 21). Эта комбинация сходна с деталями головного убора из погребения 134 Безводнинского могильника (2-я стадия, VI в. – рубеж VI–VII вв.), нижнюю часть которого завершал ряд таких привесок (рис. 3, 22; Краснов, 1980. С. 202. Рис. 28).

Впервые также найдена квадратная пронизка, состоящая из четырех сомкнутых круглых бляшек с кольцевой окантовкой (рис. 3, 14). Подобная пронизь, состоящая из круглых выпуклых бляшек, расположенных в два ряда – по четыре в каждом, происходит из погребения 3 рязано-окского могильника Польное-Ялтуново (рис. 3, 7), отнесенного А. Е. Алиховой к III–IV вв., а А. К. Амброзом – к VII в., в целом – к VI–VII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 54–56. Рис. 11, 7).

Возможно, к головным венчикам относится прямоугольная бронзовая пластина (толщиной 2 мм) с 8 круглыми отверстиями, расположенными в 2 ряда, аналогий ей нами не найдено (рис. 3, 13).

Впервые найдены три фрагмента шлаков бронзолитейного производства, содержавших медь, цинк, свинец², на которых отпечатались ткань простого полотняного переплетения. При исследовании на микроскопе *Leica MZ6* были видны только отпечатки ткани, самой органики нет. Не исключено также, что отпечаток ткани сформировался в ходе кремации (рис. 4).

Среди находок – детали поясного набора. Наконечники поясов (4 экз.) из тонких бронзовых пластин, согнутых пополам, в отверстиях на концах пластины сохранились тонкие шпеньки-заклепки (рис. 3, 23–26). На двух экземплярах вдоль края виден орнамент – полоса круглых выпуклин «жемчужин» (рис. 3, 25–26). Наконечники относятся к типу II (по И. Г. Розенфельдт), подобные найдены на позднедьяковских городищах Луковня (2 экз.), Троицкое, Щербинское, Березняки и селище Жуковское-2. Датируются VI–VII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 106–108. Рис. 24, 5).

В материалах Безводнинского могильника наконечники типа II (по Ю. А. Краснову) – бронзовые или серебряные, подпрямоугольной формы, длиной от 2,5 до 3,5 см и шириной от 1,4 до 3,2 см, у места соединения с ремнем часто орнаментированные мелкими выпуклостями в 2–3 ряда (погребения 14, 16, 97) (рис. 3, 27). Отнесены ко 2–3-й стадиям (VI–VII вв.) (Краснов, 1980. С. 67. Рис. 40, 1–3; 44). Встречены в погребениях 11 и 12 Желтухинского могильника, с той же датой (VI–VII вв.) (Уткин, Черников, 1980. С. 52, 53).

Поясные накладки – две прямоугольные вытянутые пластины, на конце которых круглое отверстие, в котором сохранился шпенец-заклепка круглого сечения. Одна – бронзовая, другая – железная (тип IV по И. Г. Розенфельдт – рис. 3, 28–29). Дата – с VII по XI в. (Уткин, Черников, 1980. С. 115. Рис. 28, 20–32).

Две другие накладки не имеют аналогий. Одна – фигурная, ажурная, с килевидным концом и заклепками (рис. 3, 30). Подобные фигурные, называемые бляшками южного происхождения (Седов, 1966) или геральдическими накладками, близкие к салтовским типам, встречаются в рязано-окских могильниках (Борки – Спицын, 1901. С. 29. Табл. XVI, 4, 79, II; Седов, 1987. С. 93–96. Табл. XXXIX, 16–20), мерянских (Хотимльский – Горюнова, 1961. С. 120. Рис. 56, 7; Усть-Черная – Леонтьев, 1996. С. 224. Рис. 96, 2),

мордовских (Второй Старобадиковский – Петербургский, 1987. С. 55, 63. Рис. 6, 3, 4, 11, 20, 21, 22) и муромских (Безводнинский – Краснов, 1980. С. 211. Рис. 42, 1–8). Другая накладка – дугообразная, с квадратным выступом посередине, имеющим круглое отверстие (рис. 3, 31).

Редкой является находка фрагмента позднедьяковской серьги – подвижной цепочки, представляющей собой фигурный стержень из плетенки, по обе стороны которой группами по два шарика расположена зернь, а концы завершаются неподвижными кольцами (рис. 3, 19). Стержень присоединял щиток с треугольными привесками. Два аналогичных украшения происходят из погребального комплекса на Саввино-Сторожевском городище (рис. 3, 20 – Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. С. 140–158), одно – с Кунцевского городища (рис. 3, 20). И. Г. Розенфельдт этот тип позднедьяковских серег (отдел А – серьги с двумя кольцами – тип V, вариант 3) датировала второй половиной VIII – началом IX в. (Розенфельдт, 1978. С. 158–164; 1982. С. 35–38. Рис. 8, 2, 3.).

Найдены три бронзовых перстня, ранее неоднократно встречавшихся на памятнике, незамкнутые, из стержней с заостренными концами (рис. 3, 17–18). На Муромском могильнике отмечены «многочисленные перстни – среди них гладкие несомкнутые из массивной, треугольной в сечении, узкой медной пластины...» (Горюнова, 1953. С. 33).

Из железных предметов найдены два ножа с прямой спинкой и выделенным черешком, один – с сильно сточенным лезвием (рис. 5, 1–2).

Трехлопастный наконечник стрелы с треугольным продольным сечением и упором для древка (в могильнике он уже третий – рис. 5, 3; тип 17 по А. Ф. Медведеву; Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. С. 89–107) датируется V–VIII вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 347–349). Встречаются такие наконечники на поселениях мери – Сарском городище, Криушкино, Попадьино (Леонтьев, 1996. С. 101. Рис. 39, 2, 6; 1996. С. 50. Рис. 15, 1; Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 16).

Найдены две железные застежки-сюльгамы, кольцевидные, с короткими усами-трубочками, слегка выступающими за ширину кольца. Датируются они, соответственно разработкам В. И. Вихляева, не ранее VI–VII вв. (рис. 5, 21–22; Вихляев, 1972. С. 188–199; Полесских, 1965. С. 144–148).

² Определения выполнены в физической лаборатории Государственного Эрмитажа. Приносим благодарность А. Н. Мазикину за помощь в организации анализа.

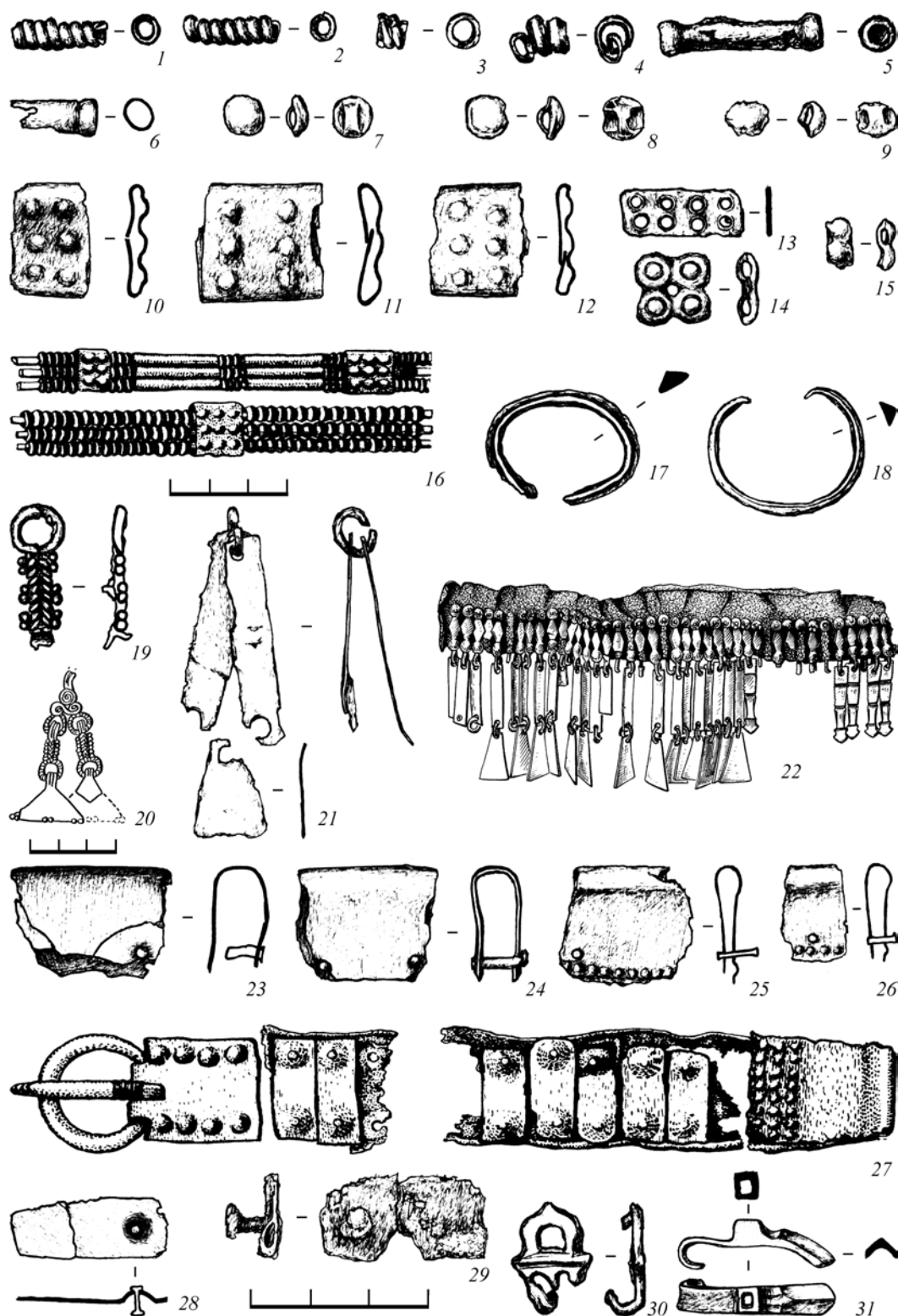

Рис. 3. Ратковский могильник. Детали головных венчиков (1–22) и поясного набора (23–31)

1–4 – пронизки-спирали; 5–6 – пронизки-трубочки; 7–9, 14–15 – пронизки-бляшки; 13 – соединительное звено; 10–12 – пронизки-обоймицы; 16 – головные венчики из погребений 31 и 41 муромского Безводнинского могильника; 17–18 – перстни; 19 – фрагмент серьги; 20 – серьга из позднедьяковского Саввино-Сторожевского «домика мертвых»; 21 – привески прямоугольные и трапециевидная; 22 – головной убор из погребения 134 муромского Безводнинского могильника; 23–26 – наконечники поясов; 27 – пояс из погребения 14 муромского Безводнинского могильника; 28–31 – поясные накладки

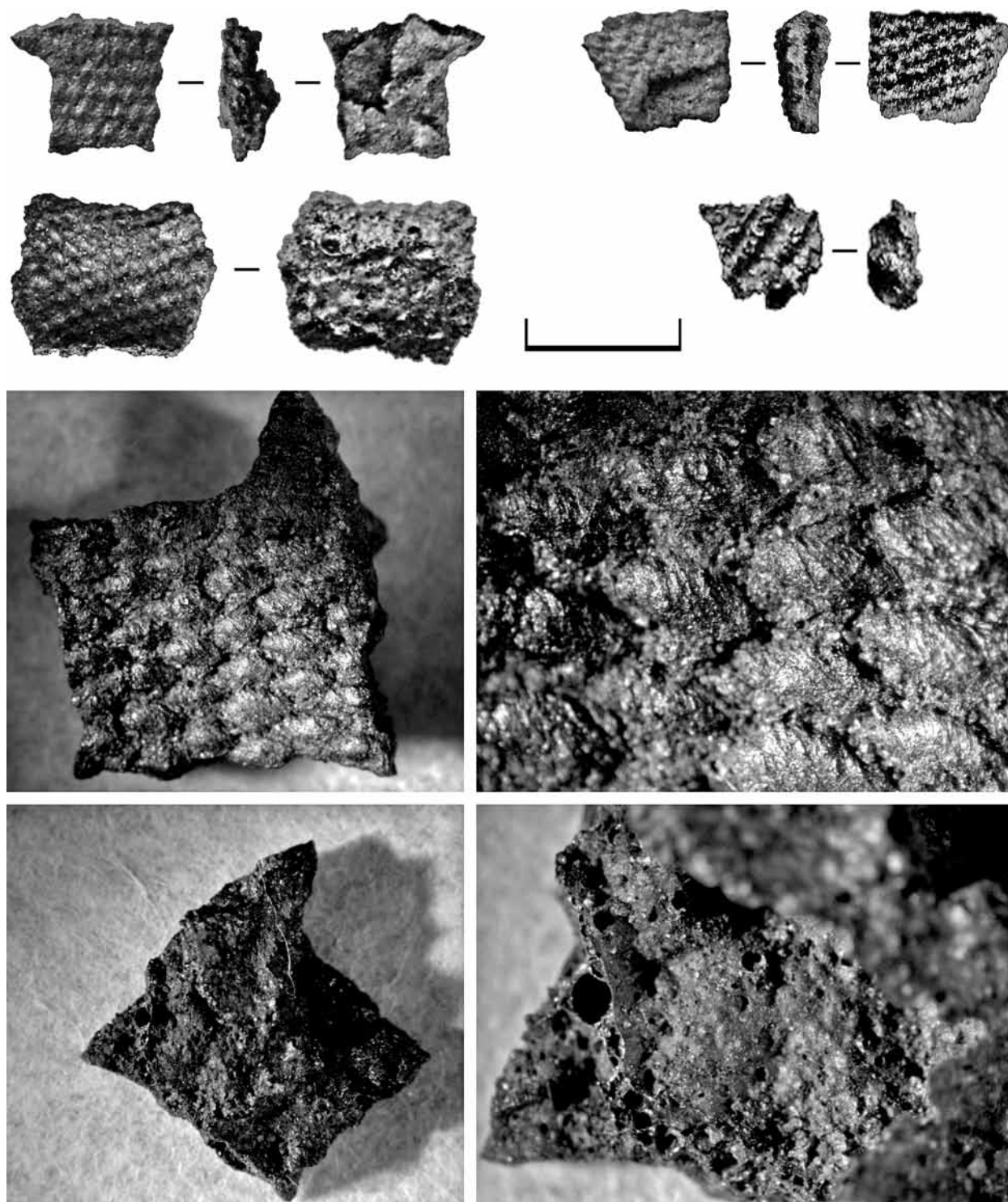

Рис. 4. Ратьковский могильник. Фрагменты шлаков с отпечатками ткани

Шилья найдены в количестве 15 экз. (10 целых и 5 обломков – рис. 5, 4–18): 12 четырехгранных, с острием круглого сечения (рис. 5, 4, 6, 8, 10, 12, 13), 2 экз. в середине перекручены в пять оборотов (рис. 5, 5, 7). Аналогии происходят исключи-

тельно с позднеславянских поселений Троицкое, Кикинское, Попадьинское (Дубынин, 1970. С. 75. Табл. 14, 3, 5; Вишневский, 2009. С. 33. Рис. 1, 14; Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 17). Найдена одна игла круглого сечения с ушком (третья находка

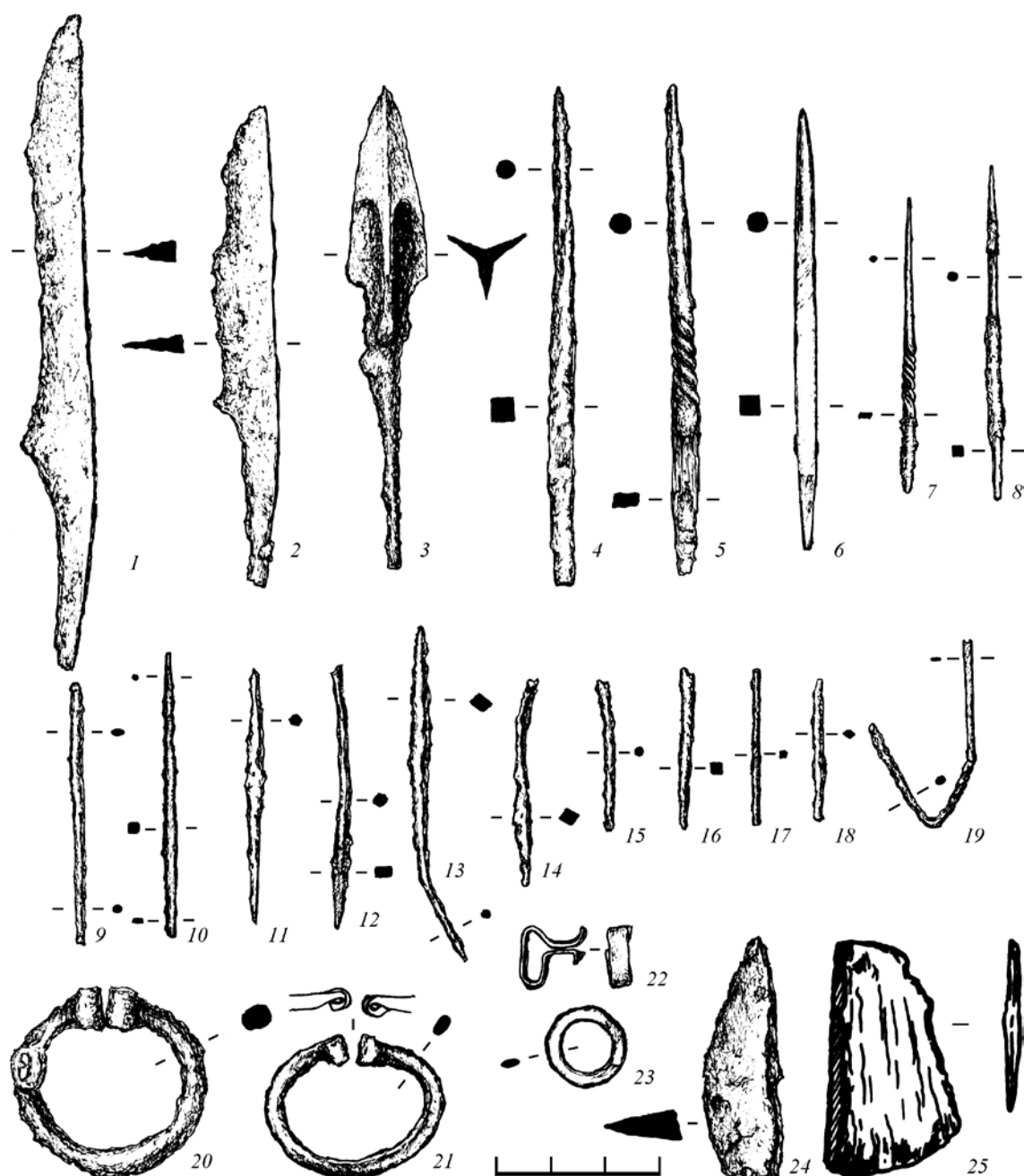

Рис. 5. Ратковский могильник. Железные вещи

1–2 – ножи; 3 – наконечник стрелы; 4–18 – шилья; 19 – игла; 20–21 – застёжки-сюльгамы; 22 – петля; 23 – кольцо; 24 – кресало; 25 – кресало из погребения 111 муромского Безводнинского могильника

на памятнике – рис. 5, 19). Сравнительно частые находки шильев и игл подтверждают версию о магической функции этого предмета в погребальном обряде финнов (Белоцерковская, 2003. С 150, 151).

Интересна находка уже второй сегментовидной железной пластины, являвшейся, по-видимому, кресалом, которое могло вставляться в деревянную рукоять (рис. 5, 24). Одну такую пластину нашла Е. И. Горюнова на Попадьинском селище,

которую определила как лезвие топора-кельта (Горюнова, 1961. С. 89. Рис. 33, 25). Однако находка на могильнике двух одинаковых фрагментов маловероятна. В мужском погребении № 134 Безводнинского могильника (I–II стадия, конец V – начало VII в.) найдено кресало, близкое по форме и размерам ратковским находкам (рис. 5, 25; Краснов, 1980. С. 215. Рис. 49, 17). В связи с этим находки трех кремней – скребка на отщепе вытянутой

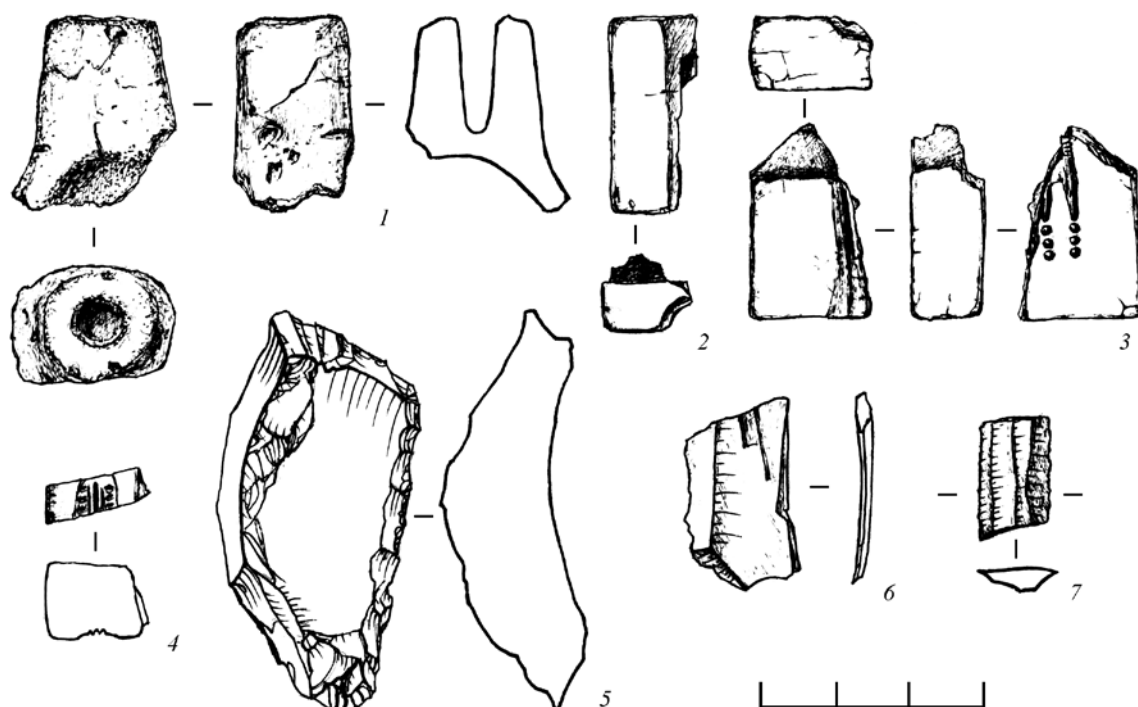

Рис. 6. Ратьковский могильник. Керамические сосуды
1–2 – керамические сосуды; 3–9 – фрагменты сосудов

Таблица 2. Распределение находок по погребальным комплексам.

№ комплекса	Квадраты	Яма (год)	Находки (слитки)	Обломки керамики	Обломки костей	Зерна
26	Е9-13	1 (2015)	7 (6)	34	12	10
27	3-9-13, И9-13, К9-13, Л10-12	2 (2015)	21 (5)	139	22	39
28	М9-13, Н9-13, О9-10	6, 7, 8 (2015)	20 (6)	97	26	21
29	К3-8, Л3-8, М3-8, Н3-8, О3-7	3, 4 (2015)	40 (16)	1425	690	128

подпрямоугольной формы с тремя прямыми лезвиями и двух фрагментов ножевидных пластин (рис. 6, 5–7) могут рассматриваться как огнива, которые часто помещались в могилы вместе с кресалами (Гришаков, 1988. С. 75, 80, 81. Табл. VI, 28; VII, 9; XI, 19).

Впервые найден обломок льячки с чашкой, по-видимому, круглой формы, ручкой усеченно-конической формы и втулкой круглого сечения (диаметром 0,6 см – рис. 6, 1).

VII–X вв. датируются три фрагмента литейных формочек из мягкого камня (рис. 6, 3–5), типичных как для позднеславянских и мерянских городищ, так и для могильников поволжских финнов (Вишневский, 1996. С. 55). Всего на памятнике найдено 30 целых и обломков (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. Рис. 2, 9; 4, 14–18; 5, 14, 16, 52–53; 6, 4; 7, 2, 25; 8, 22, 48, 49). Один из трех най-

денных нами имеет на широкой грани два прорезанных расходящихся канала, завершенных тремя сомкнутыми последовательно полусферическими ямками, на противоположной – часть широкого канала (рис. 6, 3). На втором видны две параллельные углубленные линии и по три косых лепестка по обе их стороны – часть какого-то украшения (рис. 6, 4).

Керамика представлена обломками лепных сосудов из красной глины с примесями песка и дресвы (1456 экз.), 84% которых собраны в пластах 3 и 4 (табл. 1). По форме сосуды можно отнести к горшкам небольших размеров с прямо поставленными и отогнутыми наружу венчиками (рис. 7, 3–6, 8–9) диаметром от 15 до 40 см. Днища сосудов большей частью (95%) без закраин, заглажены либо шероховатые на ощупь. Встречаются горшки с венчиками, образующими при переходе

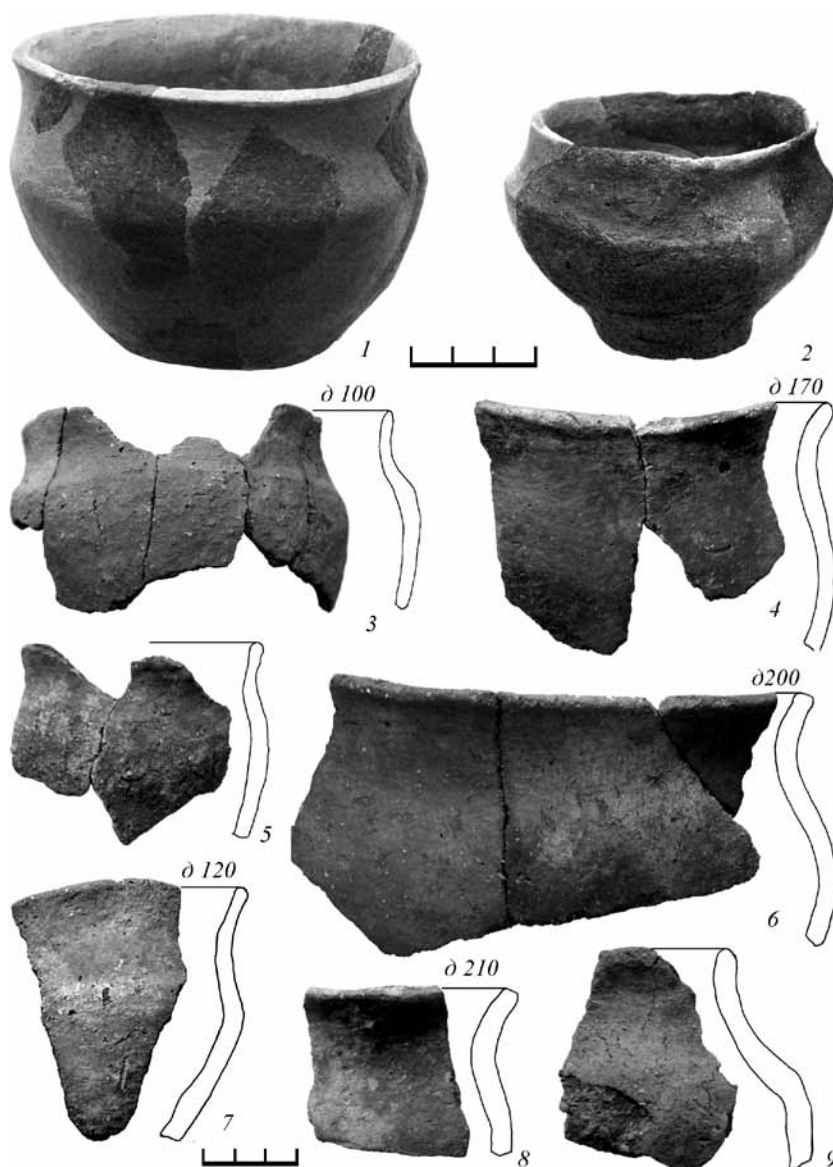

Рис. 7. Ратковский могильник. Индивидуальные находки. (См. цв. вкл.)

1 – фрагмент льячки; 2–4 – фрагменты литейных форм; 5 – скребок; 6–7 – ножевидные пластины (1 – керамика; 2–4 – камень; 5–7 – кремнь)

к плечу острое ребро (рис. 7, 7). Реконструированы два миниатюрных сосуда (рис. 7, 1–2).

Представляется возможным выделить планиграфически 4 комплекса (табл. 2), их нумерация продолжает начатую на памятнике в прошлые годы исследований.

Комплекс № 26 (кв. Е9–13). Здесь собрано 34 обломка керамики, 12 фрагментов кремнированных костей, 10 обугленных зерен, 6 бронзовых слитков. Находки: железные нож (рис. 5, 1), шило (рис. 5, 18), застежка-сюльгама (рис. 5, 21); бронзовые поясная накладка (рис. 3, 31) и привеска-колокольчик (рис. 2, 13); обломок литейной формы (рис. 6, 4).

Комплекс № 27 (кв. 3–9–13, И9–13, К9–13, Л10–12): 139 обломков керамики, 22 фрагмента кремнированных костей, 39 обугленных зерен, 5 бронзовых слитков. Находки: шумящая привеска (рис. 2, 8) и четыре фрагмента шумящих привесок (рис. 2, 9, 16; 3, 19), бляшка-пронизка (рис. 3, 14), перстень (рис. 3, 17), 2 обоймицы-пронизки (рис. 3, 11, 12), наконечник ремня (рис. 3, 24), часть спирали-пронизки (рис. 3, 3), 4 шила (рис. 5, 4, 6, 12, 15).

Комплекс № 28 (М9–13, Н9–13, О9–10): 97 обломков керамики, 26 фрагментов кремнированных костей, 21 обугленное зерно, 6 бронзовых слитков. Находки: шумящие привески – две целых (рис. 2,

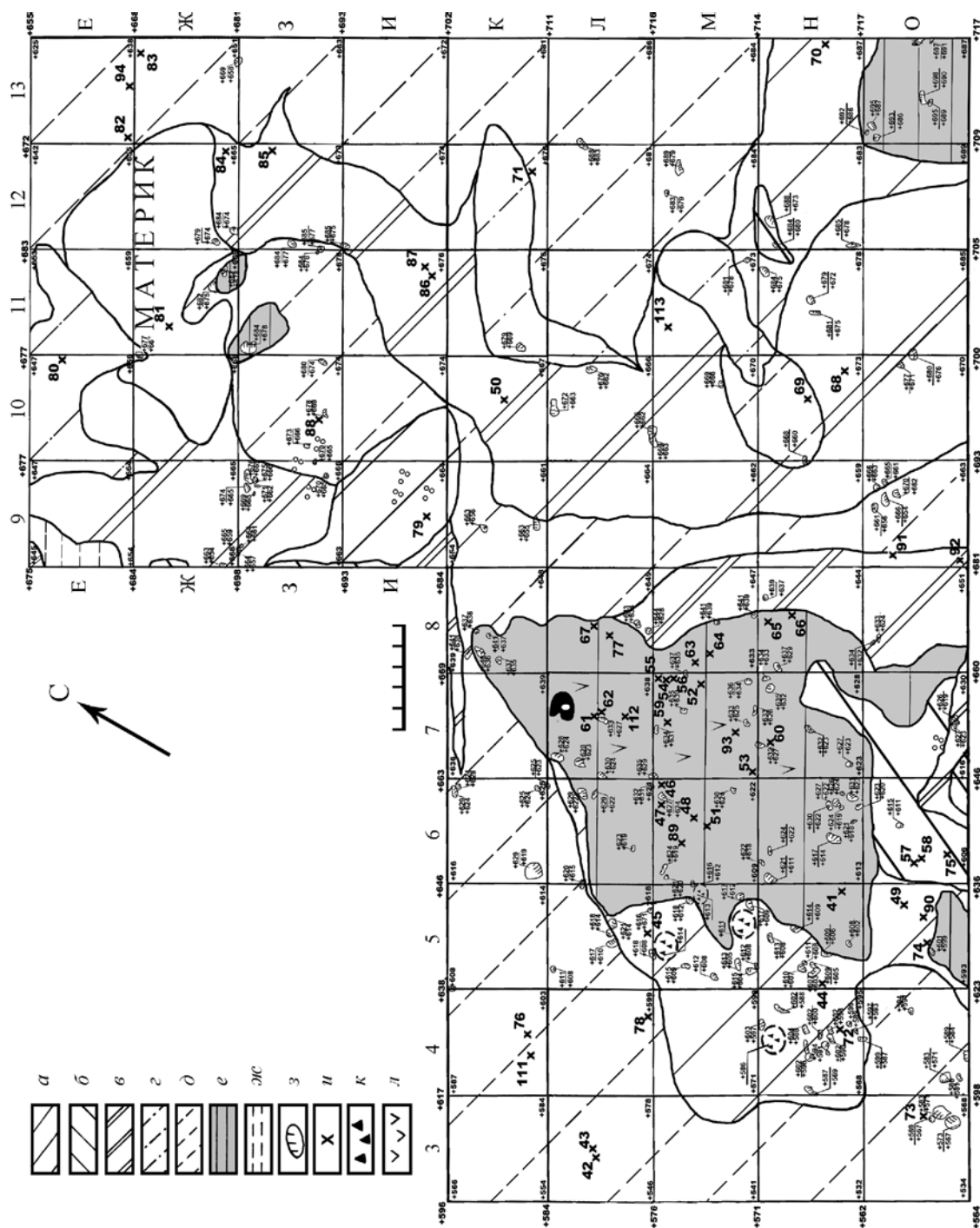

Рис. 8. Ратковский могильник. Раскоп 2015 г. План пласта 3

а – темно-коричневая супесь; *б* – светло-коричневая супесь; *в* – коричневая супесь; *г* – светло-коричневая супесь; *д* – серо-коричневая супесь; *е* – черная супесь; *ж* – рыже-коричневая супесь; *з* – камни; *и* – находки; *к* – скопления керамики; *л* – угли

4,5) и фрагмент (рис. 2, 10), спираль-пронизка, трубочка-пронизка (рис. 3, 1, 5), наконечник ремня (рис. 3, 23), поясная накладка (рис. 3, 28), кресало (рис. 5, 25), застежка-сюльгама (рис. 5, 20), 3 шила (рис. 5, 7, 14, 16), кремневая пластина (рис. 6, 6).

Комплекс № 29 (КЗ–8, ЛЗ–8, МЗ–8, НЗ–8, ОЗ–7): 1425 обломков керамики, в том числе развалы двух горшков (рис. 7, 1, 2), 690 фрагментов кремированных костей, 128 обугленных зерен, 16 бронзовых слитков. Находки: бронзовые шумящие привески (5 целых и 5 фрагментов) (рис. 2, 1–3, 6, 7, 11, 12, 14, 15), спираль-пронизка (рис. 3, 2), трубочка-пронизка (рис. 3, 6), три бляшки-скорлупки (рис. 3, 7–9), 3 перстня (рис. 3, 18), обоймица-пронизка (рис. 3, 10), 2 наконечника ремня (рис. 3, 25, 26), моток бронзовой ленты, железные нож и трехлопастный наконечник стрелы (рис. 3, 2, 3), 4 шила (рис. 3, 6, 9, 10, 17), поясная накладка (рис. 3, 29), петля (рис. 5, 22) и два кольца поясного набора (рис. 5, 23), обломки керамической льячки (рис. 6, 1), 2 обломка каменных литейных формочек (рис. 6, 2, 3), кремневые скребки и пластина, 4 фрагмента шлаков с отпечатками ткани (рис. 4). В этом комплексе наибольшее количество находок (табл. 2).

Раскоп 2 (8 кв. м) представлял собой траншею размером 8×1 м, заложенную на юго-восточном склоне оврага, отделяющего площадку мыса с могильником от коренного берега (рис. 1). В этом месте овраг достигает глубины 3 м, уклон – 0,5 м на метр длины, к юго-востоку плавно выклинивается. Разрез не показал следов культурного слоя, сползших по склону, и остатков каких-либо сооружений.

Выводы

1. Памятник раннего Средневековья в устье Дубны и Рассоловки не является городищем – это могильник, устроенный на мысу стрелки, отделенном оврагом. Мыс, ограниченный реками Дубной и Рассоловкой, имеет две черты, делающие его негодным к устройству укрепленного поселения: изрезанные очертания и неровная поверхность. На обычной для городищ площади (2400 кв. м) из-за сильного уклона части площадки пригодный для построек участок составляет только половину. Это, на наш взгляд, объясняет, почему могильник сохранился. Могильники, расположенные на мысах, пригодных для устройства поселения, в последующие века, как правило, уничтожались в процессе строительства новых поселений. Ратьковскому могильнику в этом смысле «повезло»: поселение, после того как он был оставлен, здесь не появилось.

2. Наблюдения еще раз подтвердили, что топография могильника имела гнездовую структуру:

участки, заполненные погребальными комплексами, отделены друг от друга пространствами, практически не содержащими вещей, а лишь единичные обугленные зерна и фрагменты кремированных костей. Учитывая, что находки инвентаря и остатки погребений находятся главным образом в пластах 2 и 3, мы склонны считать, что захоронения совершались практически на земле – в наземных сооружениях (как «домик мертвых» в Березняках). В раскопе 2015 г. при зачистке пласта 3 в кв. Л-5-8, М-5-8, Н-5-8 (рис. 8) зафиксировано подпрямоугольной формы углистое пятно (2×3 м), где концентрировались находки, сопоставимое по размерам с «домиком мертвых» городища Березняки – 2,25×2,25 м (Третьяков, 1941. С. 59, 60, 116, 117, 131. Рис. 31, 68). Известно, что на средневековых карельских кладбищах, огороженных забором, «сами могилы были очень неглубоки, почти поверхностные, и прикрывались сверху земляною насыпью. В восточном конце насыпи часто виднелись изготовленные из необожженной глины горшки. В этих горшках во время похоронной церемонии приносили жертвы, например, жгли бересту и разные масла, курили фимиам и т. п.» (Гейкель, 1911. С. 120, 121). Последнее замечание может объяснять обилие керамического материала.

Немногочисленные ямы, заполнения которых не содержат остатков погребений, но включают преимущественно обугленные зерна злаков, могли служить для помещения в них остатков тризн. Так, П. И. Мельников (Печерский) указывал, что могильники мордвы являлись одновременно святилищами, были огорожены тыном (или даже частоколом), а внутри их устанавливали столбы, предназначенные для привязывания жертвенных животных, между столбами вырывались ямы, куда спускали кровь закалываемого животного (Мельников, 1981. С. 61). Наличие в пределах могильника святилищ с кострищами и оградками зафиксировано на рязано-окском Шатрищенском и муромских Безводнинском и Желтухинском могильниках (Розенфельдт, 1974. С. 126–131; Краснов, 1980. С. 8–10; Уткин, Черников, 1994. С. 41).

3. Вопрос о культурной принадлежности могильника. Располагаясь на значительном удалении от двух других подобных памятников дьяковской культуры, он имеет сходство с различными памятниками. При этом позднедьяковский характер памятника определяют такие вещи, как детали головного убора – фрагмент серьги, бляшки-скорлупки, литейные формы, железные шилья с витой серединой.

Укажем аналогии другим группам могильников в инвентаре Ратьковского:

- рязано-окским (шумящие подвески-пронизки, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, поясные накладки геральдического типа);
- муромским (подвески трапецевидные, кресало, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, незамкнутые перстни);
- мерянским (шумящие подвески-пронизки, трехлопастные наконечники стрел, литейные формы).

Сходство с инвентарем мордовских могильников значительно меньше.

В целом имеющие археологические факты заимствования культурных элементов между соседними территориями и сосуществование разнотипных элементов на одной территории приводит к мысли о вероятной поликультурности (полиэтничности) населения, оставившего данный могильник.

4. Новые находки не противоречат ранее определенной дате – VI–VII–IX–X вв.

Литература

- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье I // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 104–141.
- Белоцерковская И. В., 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Поверенный. С. 139–154.
- Вихляев В. И., 1972. Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // СА. № 3. С. 188–199.
- Вишневский В. И., 1996. О бронзолитейном деле на Кикинском городище // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. Вып. 3. Иваново. С. 48–54.
- Вишневский В. И., 2003. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь: Триада. С. 550–557.
- Вишневский В. И., 2009. Финно-угры и балты Северного Подмоскovie в раннем средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Древности Радонежской земли: Научная конференция к 25-летию археологической экспедиции музея. Сергиев Посад: Ремарко. С. 31–37.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: Хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Козловская М. В., 2004. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // ОПУС: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 153–161.
- Вишневский В. И., Новоселова Т. Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 67–83.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. 176 с. (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3).
- Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. 2007. Вып. 9. М.: ИА РАН. 430 с.
- Гейкель Г. К., 1911. Из финляндской археологической литературы // ИАК. Вып. 38. СПб. С. 120–121.
- Голубева Л. А., 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 81–91. (Археология СССР).
- Горюнова Е. И., 1953. Муромский могильник // КСИИМК. Вып. 52. С. 33–42.
- Горюнова Е. И., 1961. Древняя история Волго-Окского междуречья. М.: АН СССР. 267 с.
- Гришаков В. В., 1988. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Труды. Вып. 85. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 71–103.
- Дубынин А. Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156. М.: Наука. С. 5–98.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 298–393. (Археология СССР).
- Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 140–153.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.: Наука. 1980. 224 с.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. М.: Гозко. 341 с.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский), 1981. Очерки мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство. 136 с.

Петербургский И. М., 1987. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Труды. Вып. 80. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 50–78.

Полесских М. Р., 1965. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 130–152.

Розенфельдт И. Г., 1974. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С. 93–115.

Розенфельдт И. Г., 1978. Об одном типе позднедьяковских племенных украшений // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 158–164.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Западной части Волго-Окского междуречья. М.: Наука. 179 с.

Седов В. В., 1966. Рязано-окские могильники // СА. № 4. С. 86–104.

Седов В. В., 1987. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 93–96. (Археология СССР).

Спицын А. А., 1901. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб. С. 1–120.

Спицын А. А., 1905. Новые сведения о городищах дьякова типа // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб. С. 83–93.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. 150 с. (МИА. № 5).

Третьяков П. Н., 1947. Древние городища Верхнего Поволжья // СА. Вып. IX. С. 61–78.

Уткин А. В., Черников В. Ф., 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Археология и этнография марийского края. Вып. 23. Йошкар-Ола. С. 41–66.

T. N. Novoselova & V. I. Vishnevskij

An Early Medieval Finno-Ugric Ratkovo graveyard (results of excavations of 2015)

Summary

In 2015 an expedition from the Sergiev-Posad Museum explored 83 sq. m. at the Ratkovo graveyard (the area in question was excavated in 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013, 2014). The excavations revealed four new funeral complexes containing fragments of funeral clothes (including the prints of the fabric), jewelry, implements, ceramic vessels, cremated bones and burnt grain. Based upon archaeological evidences the funeral complexes date back to the 6th – 7th & 9th – 10th centuries.

When removing the third layer, a sub-rectangular shaped stain containing wood charcoal (2×3 m) was revealed, where finds were concentrated (comparable in size to the «dead house» of Berezniki hillfort).

The excavations of 2015 showed that the site in question was purely a graveyard, and there was no settlement related to it. The cut slope of the small ravine (8 sq. m.) separating the graveyard from the indigenous banks showed no traces of a cultural layer or the residue of any defensive structures.

О. Л. Прошкин

Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки

Северо-западная часть верхнеокского бассейна представляет собой по большей части калужское течение р. Оки с ее левобережными притоками – от устья р. Упы до устья р. Нары. Наиболее крупными притоками являются реки Жиздра, Угра и Протва. Наличие развитой речной сети и благоприятного почвенно-растительного покрова в сочетании с умеренным климатом способствовало интенсивному заселению этой территории начиная с каменного века. Здесь расположено одно из крупнейших ополей Восточной Европы – Мещовское, имеющее своеобразную ландшафтно-геоморфологическую структуру.

В настоящее время на данной территории известно 42 памятника археологии с материалами IX–X вв. Это городища (Акиньино, Волконское и др.), селища (Чекалин 2, Западная и др.), курганные могильники (Западная, Доброе и др.). Дополняют их клады и случайные находки куфических монет. Датировка подавляющего большинства памятников указанным периодом в первую очередь строится на находках фрагментов лепных сосудов роменского облика. Более разнообразные находки различного функционального назначения – предметы вооружения, украшения и т.п. – происходят с тех памятников, где велись стационарные раскопки (Чертова Городище, Западная, Красный Поселок 3 и др.). Наибольшее число известных находок происходит с Чертова Городища.

Материалы славянского периода (до XI в. включительно) на Верхней Оке публиковались неоднократно (Григорьев, 2005; Прошкин, 2011). В их числе четко выделяется многочисленная группа находок, имеющих кочевническое происхождение. Найдены они в результате раскопок и разведочных работ на десяти памятниках, в числе которых три городища (Чертова Городище, Акиньино,

Городище), четыре селища (Чекалин 2, Слободка 2, Красный Поселок 3, Ждамирово) и три курганных могильника (Западная, Кобелево 3, Рыжково) (рис. 1). На всех трех городищах, селище Красный Поселок 3 и курганных могильниках проводились археологические раскопки, рассматриваемые находки с других памятников являются подъемным материалом.

Изучением кочевнической группы находок IX–X вв. на Верхней Оке до недавнего времени никто специально не занимался. Отдельные предметы этого круга публиковали Т. Н. Никольская и С. А. Изюмова в числе других материалов из раскопок селища и курганного могильника Лебедка, городища Супруты, курганного могильника Западная (Никольская, 1957. Рис. 12, 5; 1981. Рис. 11, 12, 16; Изюмова, 1989. Рис. 2 и др.). Первым исследователем, обратившим внимание на присутствие салтовских элементов в материальной культуре и домостроительстве славян Верхнего Поочья, является А. В. Григорьев (2005. С. 54, 55, 73, 75, 155–160 и др.). М. А. Воронцова выделила группу украшений салтово-маяцкой культуры с городища Супруты, а автор данной статьи – группу находок (предметы вооружения, детали поясного набора, украшения) с Чертова Городища (Воронцова, 2002. С. 110, 111; Прошкин, 2011. С. 59, 60 и др.; 2012. Рис. 1, 2).

Коллекция находок, имеющих непосредственное отношение к древностям степного круга, по своему функциональному назначению делится на пять основных групп: 1) предметы вооружения; 2) предметы конского снаряжения; 3) детали поясного набора; 4) украшения и детали костюма; 5) предметы быта.

Самую многочисленную группу, 31 экз., составляют *предметы вооружения* – железные наконечники стрел, часть которых могла служить

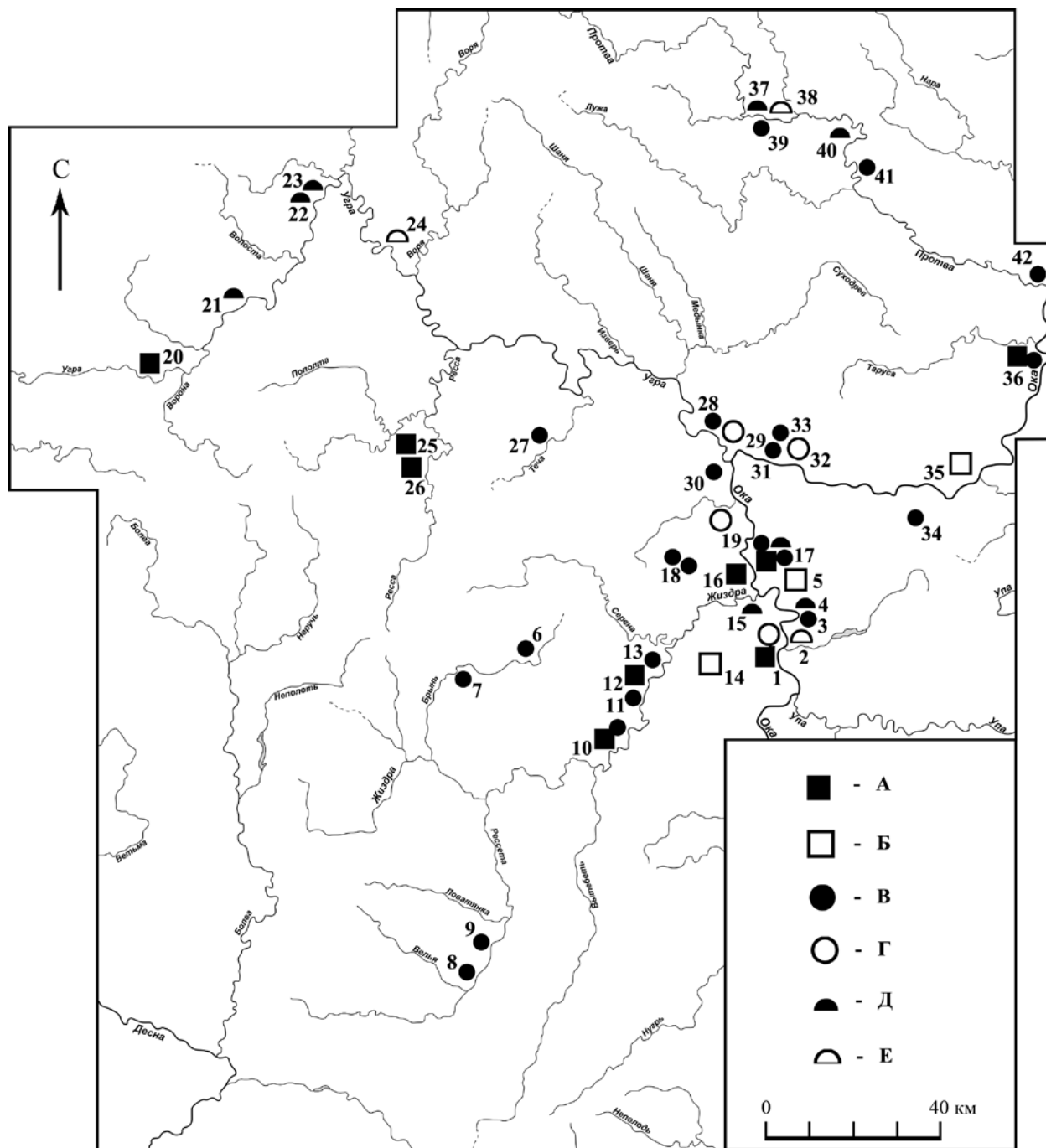

Рис. 1. Памятники археологии с находками IX – 1-й половины XI в. в северо-западной части Верхнеокского бассейна

А – городища; Б – городища с находками степного круга; В – селища; Г – селища с находками степного круга; Д – курганный могильник; Е – курганный могильник с находками степного круга. 1 – Чекалино 2; 2 – Западная; 3, 4 – Доброе; 5 – Акиньшино; 6 – Левково 2; 7 – Брынь; 8 – Красное 3; 9 – Харитоновка; 10 – Волконское; 11 – Дешовки; 12 – Козельск; 13 – Нижние Прыски 2; 14 – Чертово Городище; 15 – Кудиново; 16 – Перемышль; 17 – Вороново; 18 – Антопьево 1, 2; 19 – Слободка 2; 20 – Дракино; 21 – Городище 3; 22 – Дрожжино 3; 23 – Станино; 24 – Кобелево (Бочарово); 25 – Мощины; 26 – Мосальск; 27 – Курбатово; 28 – Красный Поселок 1; 29 – Красный Поселок 3; 30 – Козлово 2; 31 – Турынинские Дворики; 32 – Ждамирово; 33 – Городня 4; 34 – Поздняково 3; 35 – Городище; 36 – Таруса; 37, 39 – Беницы; 38 – Рыжково; 40 – Ермолино 1; 41 – Кривское 3; 42 – Дракино

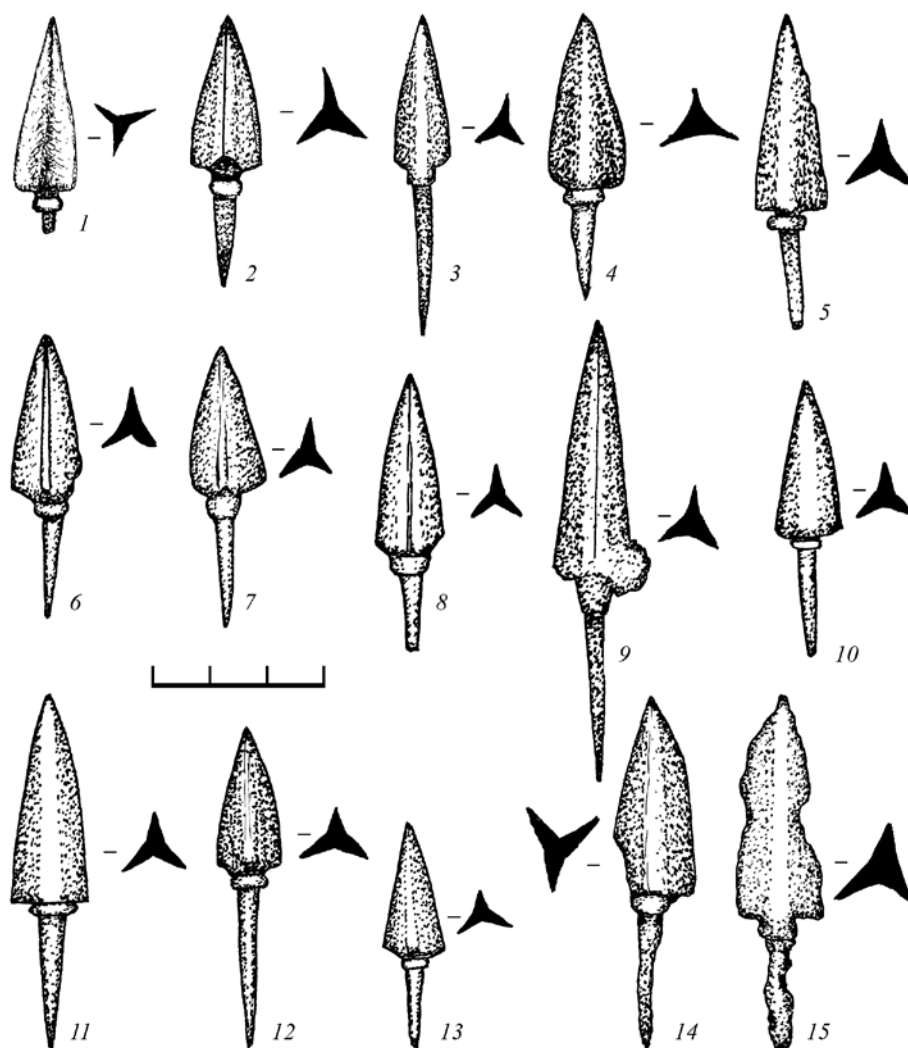

Рис. 2. Чертово Городище. Железные наконечники стрел типов 13 (1–13) и 14 (14, 15)

и охотничьим инвентарем. По способу крепления все наконечники черешковые. По характеру поперечного сечения пера они делятся на лопастные и плоские, а по форме пера и острия, по типологии А. Ф. Медведева, относятся к семи типам.

Группа лопастных (трехлопастных) наконечников (27 экз.). Все – с Чертова Городища¹.

Тип 13. Наконечники с пером треугольной формы и упором для древка (13 экз.). Найдены как на самой площадке городища (1 экз., раскоп 3, культурный слой – рис. 2, 1), так и за ее пределами, где 2 экземпляра происходят из раскопа 9 на восточном склоне (рис. 2, 2, 3), 2 – из шурфа в напольной части (рис. 2, 12, 13), а 8 наконечников – подъемный

материал со склонов городища и с напольной части (рис. 2, 4–11). Кроме Чертова Городища на Верхней Оке они найдены на поселении Слободка в бассейне р. Упы (Григорьев, 2005. Рис. 27, 5). Имели широкое распространение в степной и лесостепной зонах Восточной Европы и за ее пределами. (Медведев, 1966. С. 59. Табл. 30, 13 и др.). Более ранние наконечники данного типа крупнее наших и, как правило, имеют простой упор – например, из погребений кугайско-карабулакской культуры Ферганы (Горбунова, 1983. Рис. 7, 11). Аналогичные рассматриваемым наконечники известны на поселениях роменской культуры (больше на ранних) левобережных притоков

¹ Все публикуемые находки с Чертова Городища получены в результате раскопок и разведок, проводившихся автором данной статьи в разные годы. Хранятся в фондах Калужского объединенного музея-заповедника.

бассейна Среднего Днепра (городища Новотроицкое, Битицкое и др.), где также связаны со степными древностями (Григорьев, 2000. Рис. 48, 21, 22). Находки аналогичных наконечников с I Белогорского городища А. З. Винников относит к предметам охотничьего снаряжения донских славян (Винников, 1995. С. 52. Рис. 12, 24). В Дмитриевском могильнике они найдены в погребениях катакомб конца VIII – середины IX в. (№ 106, № 109 и др.; Плетнева, 1989. Рис. 33; 2003. Рис. 17). Из поселенческих комплексов нужно отметить Правобережное Цимлянское городище (Плетнева, 2003. Рис. 31 и др.). Из более северных находок следует указать погребение № 6 Больше-Тиганского могильника конца VIII – IX в. в бассейне р. Камы (Халикова, 1976. С. 173. Рис. 4, 15).

За пределами Европы наконечники этого типа происходят из погребений тюрок конца VIII–X в. Саяно-Алтайского нагорья («Степи Евразии...», 1981. Рис. 24, 34, 35). Экземпляры с более длинным черенком найдены в кургане № 41 IX–X вв. на р. Уюк в Туве (Кызласов, 1983. Рис. 6, 7). Наконечники с вытянутым пером (см. рис. 2, 9) в Северо-Западной Сибири датируются исследователями от VII до X в. (Шорин, Зыков, Вилисов, 2013. С. 121. Рис. 1, 3).

Тип 14. Килевидные наконечники с горизонтальными плечиками и упором для древка (2 экз.). Один найден в раскопе 9 (рис. 2, 14) на восточном склоне городища, а второй – в западной части площадки городища, почти у края (подъемный материал – рис. 2, 15). Тип, в целом датированный А. Ф. Медведевым в пределах VIII–X вв., широко бытовал в степной зоне Восточной Европы, а также в Прикамье, Южной Сибири (Тува) и других регионах (Медведев, 1966. С. 59. Табл. 30, 14; Кызласов, 1983. Рис. 6, 10).

Тип 18. Килевидные наконечники с вытянутым узким пером, покатыми плечиками с упором и без упора для древка (3 экз.). Один экземпляр найден на площадке городища (раскоп 4, культурный слой – рис. 3, 1), а два – за ее пределами, в напольной части (рис. 3, 2, 3). Наконечники этого типа найдены также на поселении Уткино в бассейне р. Упы на Верхней Оке (Григорьев, 2005. Рис. 27, 3, 4). В основном они относятся к VIII–X вв. Ареал их был так же широк, как и у наконечников типа 14, но более всего они распространены в степной и лесостепной зонах Европы (Медведев, 1966. С. 60. Табл. 12, 9–12). Часто встречаются на роменских городищах в бассейне левобережных притоков среднего Днепра. Например, аналогичный наконечник происходит

из роменского слоя, датируемого концом IX – X в., на городище Переверзево 2 в Курском Посеймье (АКР, 1998. С. 199, 200. Рис. 24).

Тип 21. Остролистные наконечники с упором для древка. Различаются по ширине и длине пера – вытянутые и широкие (8 экз.). С площадки городища происходит одна находка (раскоп 5, культурный слой – рис. 3, 5). Остальные – из раскопа 9 (рис. 3, 4), шурфа в напольной части (рис. 3, 6) и подъемный материал с северо-восточного и южного склонов городища и с его напольной части (рис. 3, 7–11).

Остролистные наконечники типа 21 использовались в Восточной Европе на протяжении всего I тыс. н. э. (Медведев, 1966. С. 60, 61. Табл. 12, 27; 15, 22; 30, 21). Наибольшее распространение они получили в последней четверти тысячелетия в среде кочевников. Достаточно часто встречаются в погребениях салтово-маяцкой культуры. Так, пять экземпляров наконечников находились в мужском катакомбном погребении в яме № 18 на Маяцком селище (Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 22, 13). В Дмитриевском могильнике они происходят также из катакомбных погребений, преимущественно первой половины – середины IX в. (Плетнева, 2003. Рис. 17). Известны их находки и на многих славянских памятниках (Новотроицкое и др.; Ляпушкин, 1958. Рис. 9, 9 и др.).

Тип 23. Шестиугольный наконечник с упором для древка (1 экз. – рис. 3, 12). Найден на северо-восточном склоне городища (подъемный материал). А. Ф. Медведев ограничивал их бытование пределами (VII?) VIII–IX вв. в степной зоне Восточной Европы и в Прикамье (Медведев, 1966. С. 61).

Трехлопастные наконечники стрел как группа в целом в течение X в. постепенно выходят из употребления и появляются вновь в Европе с XIII в. в период монгольского нашествия (Медведев, 1966. С. 58). Вероятно, на Верхней Оке и более северных территориях их находки можно рассматривать в качестве хронологического индикатора вместе с вещами салтовского облика.

Группа плоских наконечников. (4 экз.). Все – с Чертова Городища.

Тип 36. Наконечники с пером пятиугольной формы с линзовидным поперечным сечением и упором для древка (2 экз. – рис. 3, 13, 14). Происходят они из раскопа 9 на восточном склоне городища и датируются VIII–IX вв. Преимущественно этот тип был распространен в Подонье и Среднем Поволжье, т. е. в степи, но известен и в Прикамье (Медведев, 1966. С. 63. Табл. 12, 33).

Тип 37. Треугольные наконечники с ромбовидным и линзовидным поперечным сечением пера,

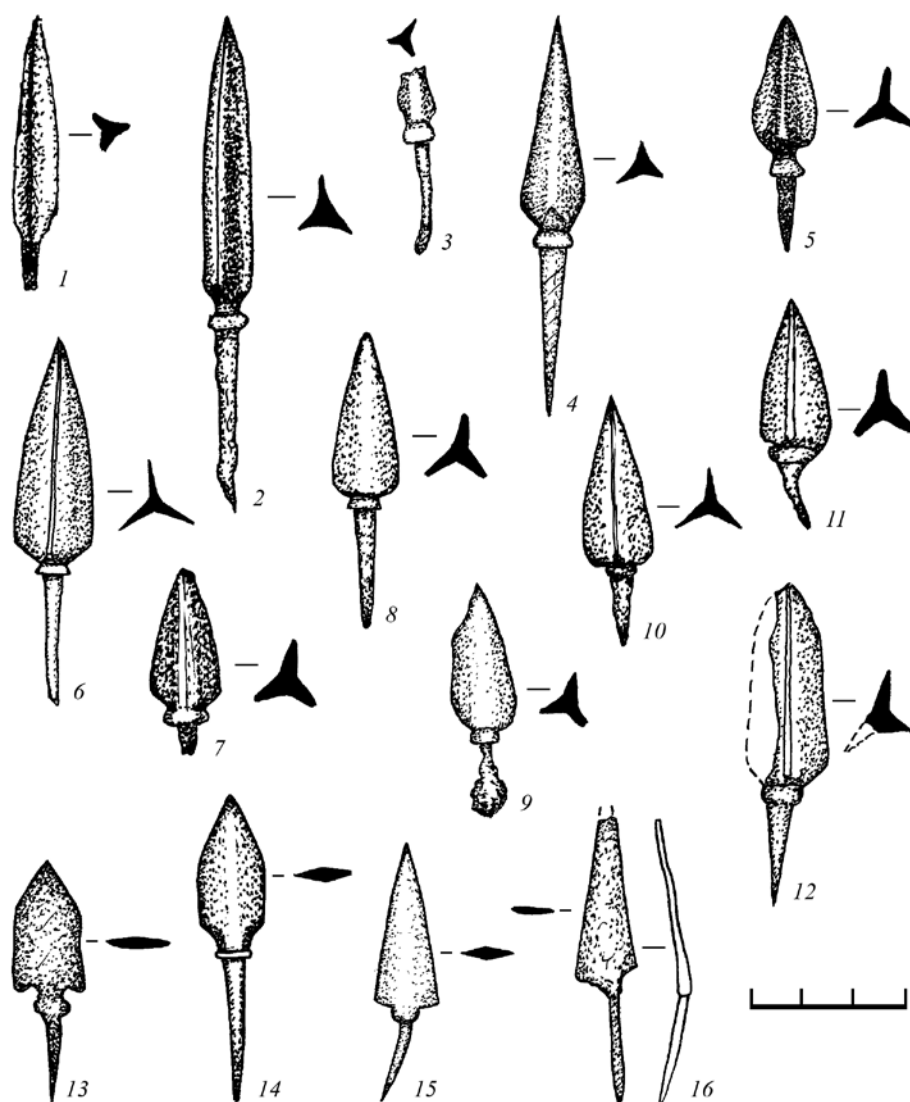

Рис. 3. Чертово Городище. Железные наконечники стрел типов 18 (1–3), 21 (4–11), 23 (12), 36 (13, 14), 37 (15, 16)

с упором для древка и без него, пропорциями пера 1:3 (2 экз. – рис. 3, 15, 16). Это подъемный материал с северо-восточного склона городища. По размерам наконечники соотносятся с изделиями второй половины I тысячелетия н.э., однако весь тип датируется очень широко – до XIII–XIV вв., хотя поздние образцы имеют более крупные размеры. Наиболее широко эти наконечники использовались в степной и лесостепной зонах Восточной Европы и на Алтае. Наконечник с Чертова Городища имеет близкую аналогию из могильника Мыдланьшай (Медведев, 1966. С. 63, 64. Табл. 12, 29).

Группа предметов конского снаряжения состоит из железных удили и их деталей, бронзовых сбруйных бубенчиков.

Целые двухсоставные удила найдены в погребении по обряду трупосожжения на стороне,

помещенном в восточный вал Чертова Городища (раскоп 6 – рис. 4, 1). Фрагменты еще двух экземпляров являются подъемным материалом с восточного склона этого памятника. Они состоят из звена с кольцом (рис. 4, 2) и звена с кольцом и гвоздевидным псалием (рис. 4, 3). Стержневидный псалий с шишковидными окончаниями происходит из культурного слоя городища у б. с. Городище из раскопок Ю. Г. Гендуне в 1900 г. (КОМЗ, инв. № Кл238/85 – рис. 4, 4). Помимо рассматриваемой территории в бассейне Верхней Оки детали удили этого типа найдены также на селище Уткино 1 и городище Федяшево 1 (КОМЗ, инв. № Нв 4695/30; Никольская, 1981. Рис. 8, 9).

А. Н. Кирпичников выделил такие удила в тип I: петли грызла по отношению друг к другу находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях. Для

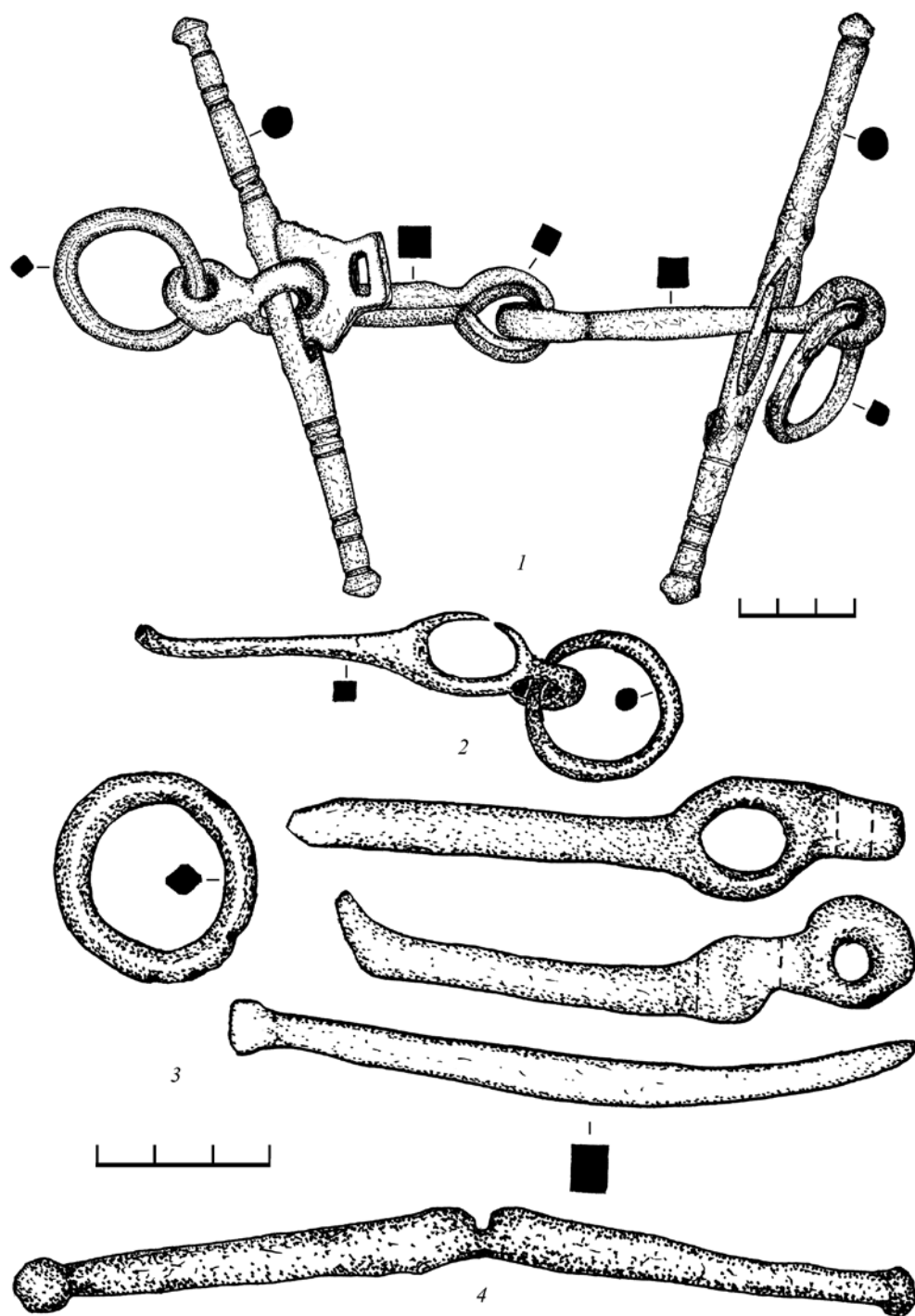

Рис. 4. Железные удила и их детали
1–3 – городище Чертово Городище; 4 – городище Городище

них характерен боковой щиток на псалиях с двумя отверстиями. Удила этого типа ведут свое происхождение из кочевнических древностей VI–VII вв. и найдены в основном «в тех местах, где возникли контакты ранних славян» с аварами и другими кочевниками. Территория их наибольшего

распространения – степная зона Восточной Европы и далее до Алтая. По мнению исследователя, наличие орнаментальных рубчиков и шишечек на псалиях более характерно для X в., а в следующем столетии этот тип полностью исчезает (Куртичников, 1973. С. 13, 14. Рис. 4, 1). А. К. Амброз

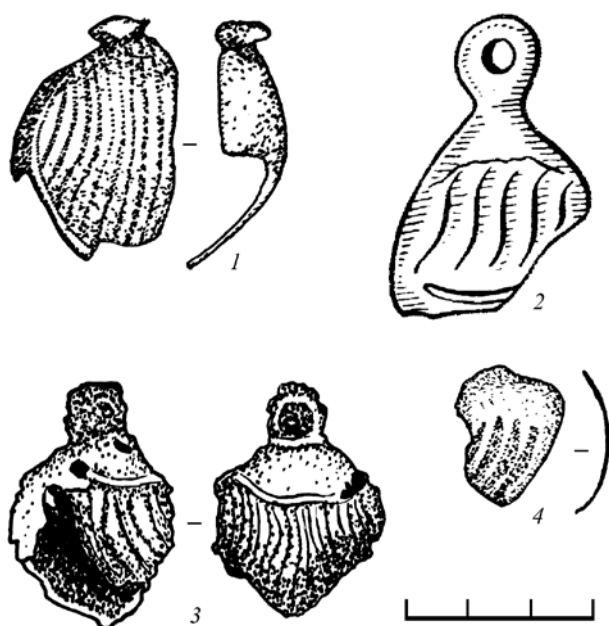

Рис. 5. Бубенчики из цветного металла

1 – городище Чертова Городище; 2 – курганный могильник Западная (по С. А. Изюмовой); 3 – бывший Лихвинский уезд Калужской губернии (?); 4 – селище Чекалин 2 (Дуна)

считал, что грызла с восьмеркообразными концами, где наружная петля меньше внутренней, а к малой, наружной, петле привешено кольцо, появились в погребениях группы II, относимой исследователем к VI–VIII вв. (авары, Башкирия, Крым и т.д.; «Степи Евразии...», 1981. С. 14. Рис. 4а, 25, 26). Конструктивно близкие удила происходят из ряда погребений Дмитриевского могильника (тип 1, вариант 2, по С. А. Плетневой), с Правобережного Цимлянского городища (IX–X вв.), из Вышгорода (X–XI вв.) и др. пунктов (Плетнева, 1967. Рис. 46, 12; 2003. Рис. 31; Кирпичников, 1973. С. 92. Каталог, № 82. Табл. III, 2). По наблюдениям С. А. Плетневой, данный тип удила широко применялся в степной зоне в VIII–IX вв. (Плетнева, 1989. С. 81. Рис. 38).

Конские сбруйные бубенчики, крупные, с рифленой поверхностью, известны в количестве 4 экз. Интересна топография находки с Чертова Городища – у подножия восточного склона, на дне оврага, ниже площадки городища на 6,5 м (рис. 5, 1). В курганном могильнике Западная сбруйный бубенчик происходил из насыпи кургана № 19, где он находился в 0,5–0,6 м к югу от юго-западного угла погребальной камеры (рис. 5, 2; Изюмова, 1960. С. 16. Рис. 45, 46; 1964. С. 158. Рис. 2, 8). Погребальный инвентарь состоял из оплавленных стеклянных бус и многочастных пронизок «бирюзового, желтого, зеленого, прозрачно-голубого

стекла» и железного ножа (Изюмова, 1960. С. 16). Судя по всему, погребение в камере следует датировать в пределах IX – первой половины X в. Место находки третьего бубенчика точно не установлено – бывший Лихвинский уезд Калужской губернии (КОМЗ; рис. 5, 3). Вероятно, фрагмент бубенчика с селища Чекалин 2 (Дуна) также следует отнести к группе данных изделий (КОМЗ, подъемный материал – рис. 5, 4). Все они относятся к типу 1 бубенчиков из катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 57).

Детали поясного набора представлены небольшой серией пряжек и накладок, выполненных из железа, бронзы и серебра. Большинство известных пряжек происходит с Чертова Городища (6 экз.): одна из них найдена в культурном слое на площадке городища (раскоп 3; рис. 6, 1), а другие пять являются подъемным материалом с восточного (рис. 6, 2–5) и западного (рис. 6, 7) склонов. По одной пряжке найдено на поселении Ждамирово (КОМЗ, инв. № Нв 6742/15; подъемный материал – рис. 6, 6) и в курганном могильнике Кобелево 3 (Бочарово) (рис. 7, 1). В последнем находка происходит из мужского труположения в кургане № 16. Погребение находилось в грунтовой яме на глубине 106 см, с костяком головой на запад; в числе инвентаря там был и железный нож (Булычев, 1913. С. 73. Табл. VIII, 13). Интересно, что все остальные захоронения могильника оставлены вятическо-кривичским населением и датируются по чертам погребального обряда и инвентарю второй половиной XI – началом XIII в. Погребение в кургане № 16 с пряжкой степного круга, вероятно, является иноэтничным и более ранним (Прошкин, 2006. С. 185, 186). Пряжки представлены тремя типами.

Трапециевидные пряжки (6 экз., Чертова Городище, Ждамирово; рис. 6, 1–6). Много аналогичных изделий найдено в салтовских могильниках – Дмитриевском, Салтовском и др. В Дмитриевском могильнике наибольшее число таких пряжек происходит из катакомб поздней группы середины IX – начала X в. (Плетнева, 1989. С. 77. Рис. 86). По наблюдениям В. С. Флерова, их находки более характерны для катакомб блока V, наиболее поздних в Маяцком могильнике, датируемых второй половиной IX – началом X в. (Флеров, 1993. С. 63, 64. Рис. 62). Подобные пряжки из погребений культуры смоленских длинных курганов В. С. Нефедов рассматривает в качестве салтовского импорта (Нефедов, 2002. Рис. 1, 1–3).

Овальнорамчатая пряжка с щитком в виде прямоугольной рамки (1 экз., Чертова Городище – рис. 6, 7). Тип 3 пряжек (по С. А. Плетневой) из погребений

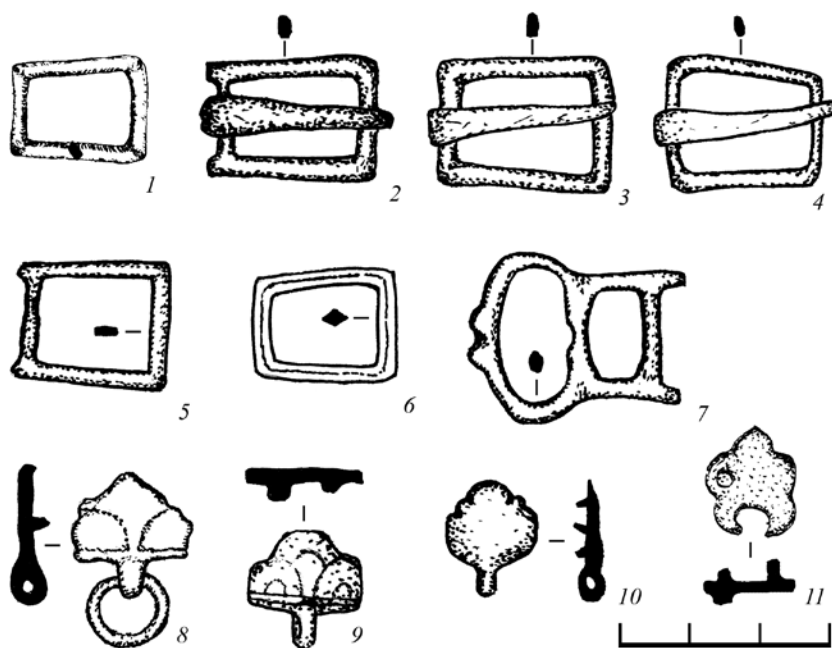

Рис. 6. Пряжки (1–7) и накладки (8–11) из цветного металла

1–5, 7 – городище Чертово Городище; 6 – поселение Ждамирово; 8–10 – городище Чертово Городище; 11 – селище Красный Поселок 3 (1 – железо; 9 – белый металл, 2–8, 10, 11 – цветной металл)

Дмитриевского могильника, где они более характерны для ранней группы катакомб (Плетнева, 1989. С. 77. Рис. 36; 85). На Верхней Оке такая пряжка происходит из постройки 4/XXVIII рубежа IX–X вв. на городище Супруты (Григорьев, 2009. Рис. 5, 5).

Овальнорамчатая с пятиугольным щитком, с неподвижным соединением (?) (Кобелево 3, курган № 16 – рис. 7, 1). На щитке – растительный орнамент. По типологии В. Б. Ковалевской пряжка относится к типу 16, подтипу 1 (VIII–IX вв., Зауралье, Поволжье, Кавказ). Исследовательница выделила такие пряжки как салтовские (Ковалевская, 1979. С. 28, табл. 2, табл. XI, 3, 4; 1993. С. 113. Рис. 1, 39). С. А. Плетнева отнесла их к раннему типу поясных салтовских пряжек (Плетнева, 1967. С. 162). Подобные пряжки И. О. Гавритухин относит к «раннему горизонту лесостепных памятников салтово-маяцкого круга» и датирует последней третью VIII в. (Гавритухин, 2005. Рис. 1, 100). Не исключено их использование в более раннее время и на более восточных территориях, о чем может свидетельствовать находка аналогичной пряжки в одном из погребений Релкинского могильника в среднем Приобье, датируемого VI–VIII вв. (Чиндина, 1970. С. 249. Рис. 1, 9).

Накладки представлены разными вариантами одного вида – сердцевидных. Всего известно шесть находок, четыре из которых происходят с Чертова Городища: две найдены на площадке поселения

(раскоп 4, рис. 6, 9; подъемный материал, рис. 6, 8), третья – на восточном склоне (раскоп 9, рис. 7, 2) и еще одна – подъемный материал с восточного склона городища (рис. 6, 10). Еще одна бляшка аналогичного типа – подъемный материал на городище Акиньино (рис. 7, 3; Воронцов, Модин, 2014. С. 262. Рис. 11, 16). Накладка с селища Красный Поселок 3 (подъемный материал) отличается отсутствием петли, наличием выемки у основания и каплевидных выступов по краям (рис. 6, 11; Прошкин, 2002. Рис. 8, 5).

Вариант 1 – накладки с рельефным личиновидным орнаментом и петлями для кольца (рис. 6, 8, 9). По С. А. Плетневой, это «сердцевидные, или треугольные с закругленными углами» и колечком сверху накладки, часто встречаемые в погребениях салтово-маяцкой культуры (могильники Дмитриевский, Салтовский и др.; Плетнева, 1967. Рис. 44, 23, 33; 2003. Рис. 18 и др.). По В. С. Флерову, являются характерными находками из катакомб блоков IV–V, наиболее поздних на Маяцком могильнике, погребения которого датируются в пределах IX – начала X в. (Флеров, 1993. С. 63, 64. Рис. 62).

Вариант 2 – накладки с рельефным растительным орнаментом и петлями для кольца. В основе орнаментального мотива накладки с Чертова Городища – «трилистник» с тремя расходящимися цветками на стеблях (рис. 7, 2). На накладке

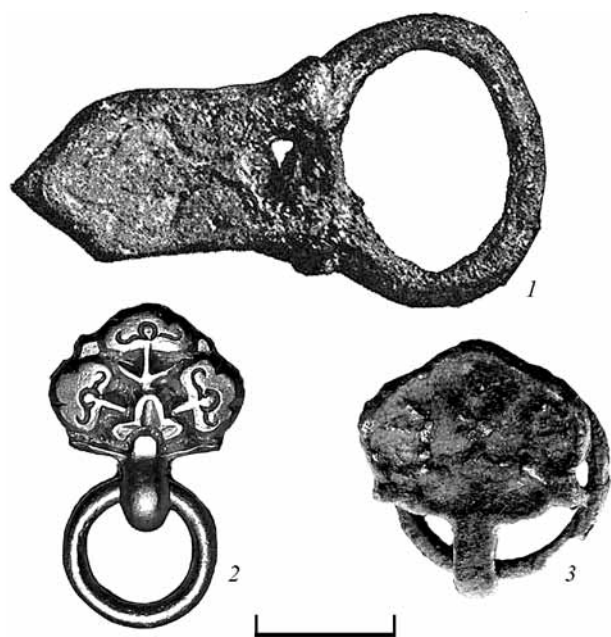

Рис. 7. Пряжка и накладки (1-я – без масштаба)

1 – курганный могильник Кобелево 3 (Бочарово);
2 – городище Чертово Городище; 3 – городище Акиньшино
(1 – цветной металл; 2, 3 – белый металл)

с Акиньшинского городища читаются только расходящиеся цветы (рис. 7, 3). Она выполнена достаточно грубо и, вероятно, является местным подражанием высокохудожественным изделиям степного круга. Наиболее близкими аналогиями следует считать изделия из ряда погребений Больше-Тиганского могильника, датированных Е. А. Халиковой концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова, 1976. С. 170. Рис. 11, 8, 9). С. А. Плетнева высказала предположение, что некоторые погребения этого могильника, а именно с масками, по обрядности сближаются с погребениями венгров (Плетнева, 2003. С. 106). В целом же орнаментальный мотив с расходящимися цветками на стеблях встречается на ряде изделий степного круга вплоть до второй половины X в., ярким примером тому служит набор поясных бляшек и поясной наконечник изклада, найденного в культурном слое Саркела. В составклада входили дирхемы, где самая младшая монета чекана 954 г. (Макарова, Плетнева, 1983. С. 62. Рис. 2, 5, 9). Схожий орнамент имеется на щитке поясной пряжки из Пановского могильника VIII–IX вв. (Ковалевская, 1979. С. 36. Табл. XVII, 8).

Вариант 3 – накладка с каплевидными выступами по краю и петлей для кольца (рис. 6, 10). По типологии В. В. Мурашевой, относится к классу I, группе 1, виду 1И-2. Известные

анalogии – в Пановском и Дардонском могильниках (Мурашева, 2000. С. 26, 27).

Вариант 4 – накладка с выемкой у основания и каплевидными выступами по краям, без петли для кольца (рис. 6, 11). Схожие изделия известны из погребений Салтовского могильника (Плетнева, 1967. Рис. 44, 29). Салтовским импортом определена такая накладка из погребения 2 кургана 11 курганного могильника Слобода Глушица на Смоленщине (Нефедов, 2002. С. 137).

Украшения и детали костюма включают серьги, перстень, бубенчики (использовались в качестве привесок и пуговиц) и пуговицы. Большинство известных предметов происходит с Чертова Городища (13 экз.). По одному предмету найдено в курганных могильниках Западная и Рыжково.

Серьги так называемого салтовского типа литье с высоким содержанием серебра – 97,4% (Чертово Городище, подъемный материал с napольной части – рис. 8; раскоп 10, культурный слой – рис. 9, 1). К этому типу относятся пять литых серег из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 113. Рис. 57). Серьги салтовского типа широко бытовали на территории салтово-маяцкой культуры и пользовались при этом большой популярностью у роменского населения междуречья Дона и Днепра. Яркая аналогия происходит из состава монетно-вещевогоклада в квадрате Ш2 из культурного слоя Новотроицкого городища. По младшей монете (аббасидский дирхем 818/819 г.) клад может датироваться 820-ми годами (Ляпушкин, 1958. С. 28, 29. Рис. 15. Табл. ХСII, 5). Еще одна такая же серьга найдена в заполнении жилища № 21 этого поселения (Ляпушкин, 1958. С. 87. Рис. 58, 2). Они известны и далеко за пределами указанной территории – в Среднем Поволжье, Средней Азии. Подобные украшения являются характерными для второго этапа (IX–X вв.) караякуповской культуры южного и западного Приуралья («Степи Евразии...», 1981. Рис. 56, 6). Большинство находок сделано на поселениях и в могильниках, связываемых исследователями с ранними, не позднее конца IX в., этапами салтово-маяцкой и роменской культур (Плетнева, 1967. С. 137; Григорьев, 2005. С. 94 и др.). На верхней Оке значительное число находок таких серег (15 экз.) сосредоточено на городище Супруты. А. В. Григорьев высказал предположение об их местном производстве (Григорьев, 2005. С. 93, 94. Рис. 37, 9, 10).

Перстень с Чертова Городища (раскоп 7, культурный слой – рис. 9, 2) со вставкой из темного стекла (?), крестообразно закрепленной четырьмя

лапками, относится к типу 1 перстней из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 115. Рис. 61, 1).

Привески-бубенчики бронзовые, округлой формы, с щелевидной прорезью и слегка сплюснутые (7 экз.: городище Чертово Городище, культурный слой, раскоп 3 – рис. 9, 8; раскоп 7 – рис. 9, 3–5; подъемный материал с северной части площадки – рис. 9, 7; Красный Поселок 3, подъемный материал – рис. 9, 9; Рыжково, курган № 2, из насыпи – рис. 9, 6). Часто встречаются в погребениях на территории салтово-маяцкой культуры и в степных кочевнических древностях в целом, например, в могильнике Сухая Гомольша на р. Донец и др. (Михеев, 1982. Рис. 3, 7; 4, 12 и др.). С. А. Плетнева выделила подобные бубенчики из погребений Дмитриевского могильника в тип 2 (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 57). Наиболее ранние их находки датируются первой половиной I тыс. н. э. и происходят из погребений среднего этапа кугайско-карабулакской культуры Ферганы и других мест (Горбунова, 1983. Рис. 6, 24). Однако, по убедительному мнению А. К. Амброза, подобные бубенчики – «важный признак VIII в. (и позже) в Восточной Европе вообще» (Амброз, 1971б. С. 130). Такие же бубенчики найдены и на ряде поселений Верхней Оки – городище Супруты и др. (Григорьев, 2005. Рис. 42, 8).

Детали костюма представлены литыми бронзовыми пуговицами (6 экз.). Пять из них найдены на Чертовом Городище (2 экз. из раскопа 4 – рис. 9, 13, 14; один из раскопа 10 – рис. 9, 11; два – подъемный материал со склонов городища – рис. 9, 12, 15). Одна пуговица происходит из кургана № 14 курганного могильника Западная, где, по описанию автора раскопок, найдена «на крышке камеры» (рис. 9, 10; Изюмова, 1964. С. 158. Рис. 2, 7). Однако в полевом отчете о раскопках данного кургана пуговица не упоминается (Изюмова, 1960. С. 7. Рис. 25, 26).

К типу 1 относятся пуговицы из катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56). Аналогичные пуговицы – частая находка в катакомбах Маяцкого могильника (Флеров, 1993. Рис. 51, 21; 52, 10). В погребении катакомбы № 27 могильника Чми на Северном Кавказе они датируются по составу погребального инвентаря второй половиной VIII–IX в. (Амброз, 1971а. Рис. 8, 50). Также они встречены в погребениях культуры смоленских длинных курганов на территории Смоленского Поднепровья, где, вероятно, использовались и в качестве привесок («грибовидные») (Енуков, 1990. С. 75. Рис. 16, 6). Найдены

Рис. 8. Серебряная серьга салтовского типа с Чертова Городища

такие пуговицы и в погребениях Гнездовского могильника – например, курган № 65 Лесной группы и др. (Ширинский, 1999. Рис. 24, III.65, 7, 8). Кроме указанных памятников на Верхней Оке такие пуговицы найдены на поселениях Торхово и Супруты (Григорьев, 2005. Рис. 42, 10, 16).

Наконец, последняя и самая малочисленная группа находок – *предметы быта*. К ней можно отнести с условной долей вероятности всего лишь два обломка литых металлических зеркал с селищ Слободка 2 и Чекалин 2 (подъемный материал – рис. 10, 1, 2). Фрагмент из Слободки представлен частью круглого зеркала, которое по размерам (диаметр – 10,5 см) и орнаментации можно отнести к 2-му виду зеркал, по С. А. Плетневой, из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 104. Рис. 53). Вероятно, с кругом подобных изделий можно связать и фрагмент зеркала с селища Чекалин 2 (рис. 10, 2).

На рассматриваемой территории неизвестно салтовской керамики. В качестве керамического импорта, вероятно, из степной зоны следует

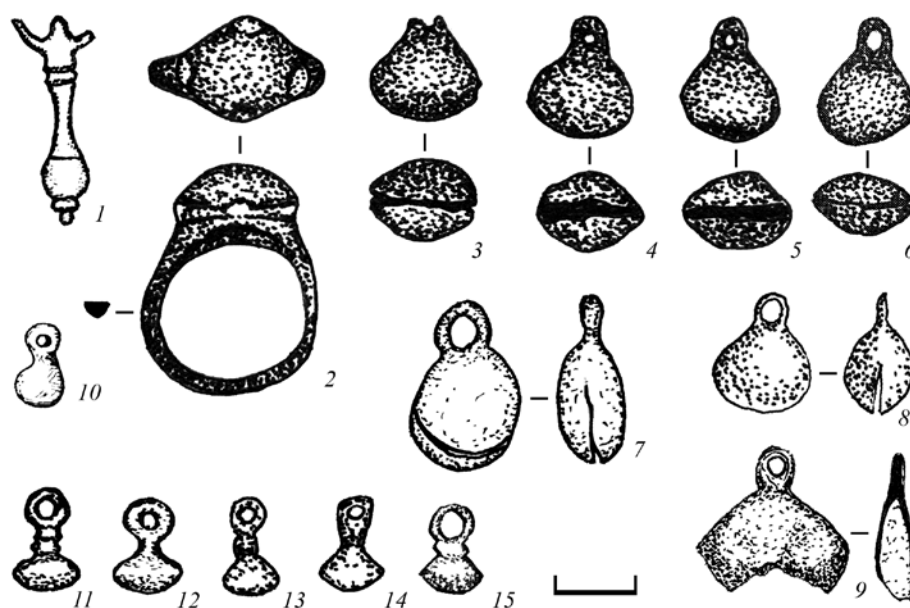

Рис. 9. Серьга салтовского типа, перстень, бубенчики и пуговицы

1–5, 7, 8, 11–15 – городище Чертова Городище; 6 – курганный могильник Рыжково; 9 – селище Красный Поселок 3; 10 – курганный могильник Западная (по С. А. Изюмовой) (1 – серебро; 2–15 – цветной металл)

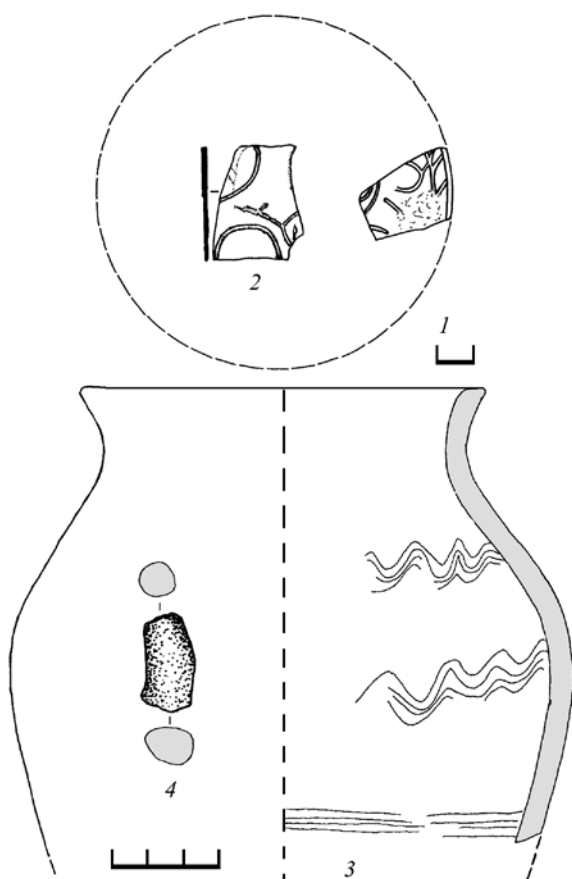

Рис. 10. Фрагменты зеркал, часть кругового сосуда, фрагмент ручки

1 – селище Слободка 2; 2 – селище Чекалин 2 (Дуна); 3, 4 – городище Чертова Городище (1, 2 – цветной металл; 3, 4 – глина)

рассматривать часть кругового узкогорлого – «вазообразного» – горшочка и обломок ручки от кружки или кувшина с Чертова Городища (рис. 10, 3, 4). В морфологическом отношении близкие аналогии горшку известны из тризны № 40 Дмитриевского могильника, тризны № 117 Маяцкого могильника, а также из культурного слоя поселения Новотроицкое (Плетнева, 1989. Рис. 78; Флеров, 1993. Рис. 64; Ляпушкин, 1958. Рис. 25, 7). Применение ручек в качестве деталей лепных роменских сосудов неизвестно и более характерно для посуды кочевнического круга.

Практически все находки степного круга на Верхней Оке происходят с роменских памятников. Культурная принадлежность большинства находок – салтово-маяцкая. Для роменской культуры в целом характерно наличие иноэтничных материалов, где большую часть их составляют салтовские. В большинстве случаев это импорт, но можно предполагать, что на этой территории могли находиться и представители Хазарского каганата, участвовавшие в сборе дани с вятичей. Их временное пребывание не оставило каких-либо глубоких следов в виде построек и т. п., кроме отдельных артефактов. В летописях имеются упоминания о том, что вятичи платили дань каганату: под 859 г. «...по белеи веверицы от дыма» и под 964 г. «Козаромъ по шьягу от рала даемъ» (ПСРЛ. Т. 1. 1962. Ст. 19, ст. 65).

В хронологическом отношении большинство рассмотренных находок укладывается в пределы раннего этапа роменских памятников на Верхней

Оке – рубежа VIII–IX – начала X в. Не исключено, что отдельные предметы бытовали и позже – до первой половины XI в. включительно. На ряде памятников с находками кочевнического круга – Чертовом Городище, Акиньюшине, Чекалине 2 и др. – найдены куфические монеты. Это клады или отдельные монеты (может быть, из кладов), укладываемые в рамки первого, второго и частично третьего периодов обращения куфических монет в Восточной Европе – по В. Л. Янину, до 939 г. (Янин, 1956. С. 86–122). Попадали они на Верхнюю Оку по донскому торговому пути, пролегавшему через Хазарию. Одним из участков этого пути, соединявшим Подонье и лесную зону Восточной Европы, являлись р. Упа и ее некоторые притоки. Путь активно работал до первой половины X столетия, и, скорее всего, именно по нему на изучаемую территорию попадали куфические монеты и предметы степного круга. На территории же, где выпадали клады второй полови-

ны X – первой половины XI в., находки степного круга отсутствуют (кроме селища Слободка 2), так как путь дирхемов сюда уже был несколько иной – через Волжскую Болгарию.

Вероятнее всего, хронологические рамки проникновения предметов кочевнического круга древностей на Верхнюю Оку могут совпадать со временем выпадения здесь кладов куфических монет, поступавших через Хазарию до первой половины X в. Наибольшая концентрация салтовского импорта на Верхней Оке наблюдается на двух городищах – Супруты и Чертово Городище. Пик их функционирования приходится как раз на период действия донского торгового пути с его упинским участком в IX – первой половине X в. Не исключено, что часть находок – детали удила, лопастные наконечники стрел – может быть связана с печенегами, уже в первой половине X в. активно совершавшими набеги на территорию Хазарского каганата, включая, вероятно, и зоны так называемых хазарских даней.

Литература

- Амброз А. К., 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА. № 2. С. 96–123.
- Амброз А. К., 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА. № 3. С. 106–134.
- АКР. Курская область. Ч. 1/Под ред. А. В. Кашкина. М.: ИА РАН, 1998. 298 с.
- Булычев Н. И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры. М. 77 с.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Воронежский университет. 198 с.
- Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Воронежский университет. 162 с.
- Воронцова М. А., 2002. Этнический состав населения поречья Упы в IX–X вв. (по данным анализа украшений городища у с. Супруты)//Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. I. Тула: ИНФРА. С. 109–119.
- Воронцов А. М., Модин Р. Н., 2014. Древнерусский горизонт городища Акиньюшино//АП. Вып. 10. М. С. 251–264.
- Гавритухин И. О., 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (Элементы ремесленной гарнитуры)//Хазары. Т. 16. Иерусалим – М.
- Горбунова Н. Г., 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы//СА. № 3. С. 23–46.
- Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К. 263 с.
- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Репроникс. 207 с.
- Григорьев А. В., 2009. Постройка 4/XXVIII городища Супруты//Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга: Полиграф-Информ. С. 77–80.
- Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.: Курский педагогический институт. 261 с.
- Изюмова С. А., 1960. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1960 году/Архив ИА РАН. Р-1. № 2228.
- Изюмова С. А., 1964. Курганный могильник VIII–X вв. около деревни Западной//СА. № 2. С. 151–163.
- Изюмова С. А., 1989. Супрутский денежно-вещевой клад//История и культура древнерусского города. М.: МГУ. С. 206–213.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука. 59 с. (САИ. Вып. Е1–2).

Ковалевская В. Б., 1993. Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа)//Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Самарский педагогический институт. С. 107–132.

Кызласов Л. Р., 1983. Курганы туютатской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.)//СА. № 3. С. 153–170.

Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое. М.–Л. 328 с. (МИА. № 74).

Макарова Т. И., Плетнева С. А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела//СА. № 2. С. 62–77.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука. 127 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Михеев В. К., 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша//СА. № 2. С. 156–167.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Нефедов В. С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах//ГАЗ. № 7. Минск. С. 131–139.

Никольская Т. Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка//СА. № 3. С. 176–197.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. М.: Наука. 296 с.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.: Наука. 200 с.

Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.: Наука. 288 с.

Плетнева С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж: Воронежский университет. 247 с.

ПСРЛ, 1962. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: АН СССР.

Прошкин О. Л., 2002. Отчет об археологических раскопках и разведках в зонах новостроек Калужской области. 2001 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 24152.

Прошкин О. Л., 2006. Этнический состав населения Погудья в древнерусский период (по материалам курганных могильников)//Природа и история Погудья. Вып. 4. Калуга. С. 182–188.

Прошкин О. Л., 2011. Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 124 с.

Прошкин О. Л., 2012. Этнокультурная интерпретация находок IX – 1-й половины X века с городища в урочище «Чертово Городище»//Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. М.: ИА РАН. С. 67–71.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с. (Археология СССР).

Флеров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена. 142 с.

Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник//СА. № 2. С. 158–178.

Чиндина Л. А., 1970. Керамика могильника «Релка» на Средней Оби//СА. № 1. С. 248–253.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг.//Тр. ГИМ. Вып. XXXVI. 157 с.

Шорин А. Ф., Зыков А. П., Вилисов Е. В., 2013. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье)//РА. № 1. С. 119–129.

Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М: МГУ. 208 с.

O. L. Proshkin

Nomad antiquities from the 9th – 10th centuries in the north-west reaches of the Upper Oka River Basin

Summary

This collection of finds of nomadic items can be categorised in five groups, according to the functional use of the items concerned, as follows: (1) weaponry, (2) horse tack and saddlery, (3) different kinds of belts and belt-sets (4) jewellery and items of clothing, and

(5) household items. The greater majority of such imported wares found in the Upper Oka region can be pinpointed to two mound settlements – Supruty, and Cherotogo Gorodische (Devil's Mound).

А. С. Сыроватко, Е. А. Клещенко

Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кременье¹

Изучение курганных могильников древнерусского времени Центральной России в последние десятилетия проводится лишь эпизодически. Интерес к этой теме большинством археологов утрачен, хотя, как показали недавние исследования Н. А. Кренке, возможности анализа ранее добытых материалов далеко не исчерпаны (Кренке, 2014). Однако в нашей работе будет представлен неожиданный результат, полученный при полевых исследованиях курганного могильника, причем давно разграбленного. Речь идет о могильнике Кременье в Ступинском р-не Московской обл., расположенном на левом берегу р. Оки, напротив Каширской ГРЭС, на окраине современного кладбища с. Кременье (рис. 1).

В литературе этот могильник впервые упоминается в связи с раскопками пяти курганов, проведенными В. А. Городцовым. Результаты тех раскопок опубликовал Б. А. Рыбаков в его первой печатной работе (Рыбаков, 1928). Позднее могильник подвергался неоднократному разграблению, и составивший на него паспорт Р. Л. Розенфельдт застал только квадратные ямы-колодцы в центре каждого из курганов (рис. 1, Б; Розенфельдт, 1976). По данным «Археологической карты России», большой урон курганам нанес грабеж местными школьниками и краеведами (АКР, 1997. С. 181–182). В 1989 г. курганная группа и расположенное рядом селище обследовалось ступинским археологом Т. И. Степановой (1989).

В настоящий момент следы грабительских ям на курганах видны даже на космоснимках; возможно, это результат их многократного разрушения в более позднее время. Дополнительный урон могильнику нанесли пожары 2010 г. Не страшные

памятнику сами по себе, они спровоцировали заезд на могильник тяжелой техники для выпилки и вывоза леса, а в 2013 г. курганы и межкурганное пространство покрылись рядами грядок с высаженными в них соснами. Глубокая вспашка под посадки сосен довершила разрушение культурного слоя памятника. Первым, кто обратил внимание на эту распашку, был главный хранитель Ступинского краеведческого музея Э. Э. Фомченко, знакомый с аналогичным образом потревоженным противопожарной распашкой могильником Соколова Пустынь (Потемкина, Сыроватко, Клещенко, 2013). В 2013 г. нами совместно с сотрудниками Ступинского краеведческого музея проводилось обследование могильника Кременье, в результате чего зафиксированы разрушения межкурганного пространства вспашкой грунта под посадки, в отвалах обнаружены фрагменты кремированных костей. Среди них не зафиксировано человеческих останков, а весь подъемный материал относился к древнерусскому времени (Сыроватко, Фомченко, 2015). Первая попытка раскопок была осуществлена только в 2015 г., но тогда разведочная форма Открытого листа не позволила расширить раскоп и доисследовать открытые объекты.

Раскоп представлял собой две полосы ненарушенного слоя (или, скорее, не окончательно разрушенного), разделенного грядками сосновых саженцев (рис. 2). Он был разбит в одном из мест скопления костей. Зачистка стен произведена еще через гряду с каждой стороны – таким образом, в границы раскопа попали три гряды. Погребение обнаружено не в самом раскопе, а в стенке (рис. 2; 3), поэтому доисследовать его было невозможно.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00423 «Реконструкция природного окружения поселений раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней р. Оки».

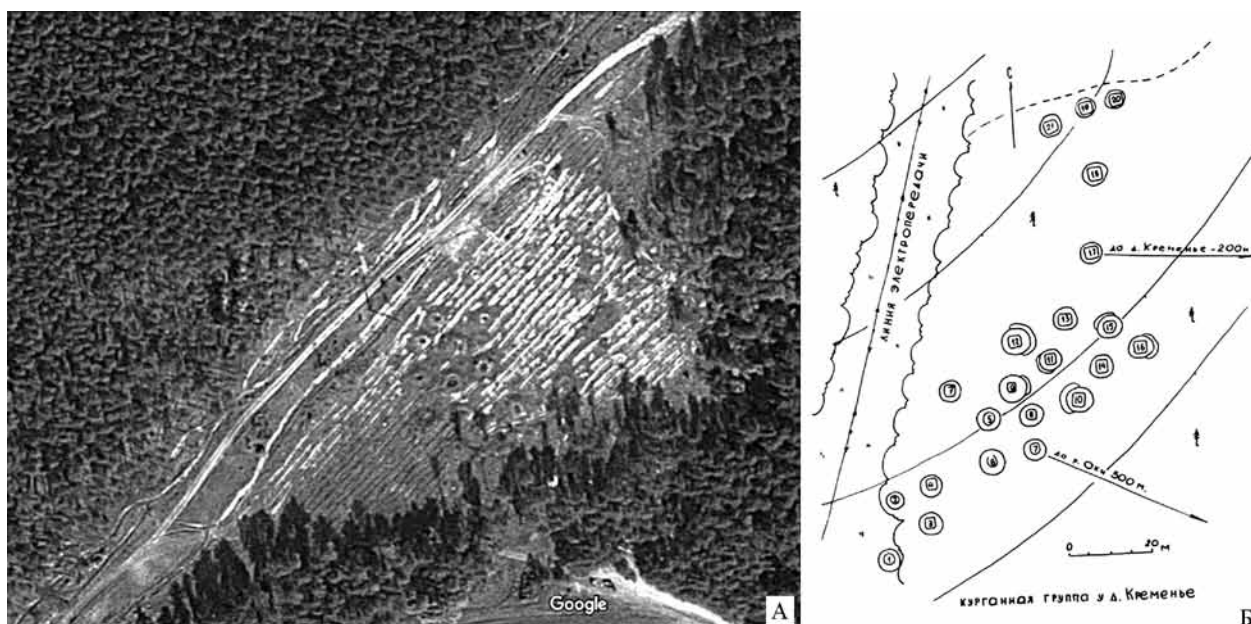

Рис. 1. Вид курганной группы в 2013 г. (космоснимок – А) и план Р. Л. Розенфельдта 1976 г. (Б)

На основной части раскопа культурный слой чрезвычайно тонок, около 10 см, и, вероятнее всего, поврежден при выпиливании и вывозе горелого леса. Древние находки залегали вместе с поздними, возможно, вдавленными колесами техники, встречались также скопления углей недавнего времени. Оплавленные находки и разрозненные кальцинированные кости встречены в изобилии, но скоплений они не образовывали. Разрозненные кости и находки встречаются во всех слоях известных нам могильников с кремациями; возможно также, что погребение на месте раскопа существовало, но было уничтожено бульдозерами и лесовозами. Наиболее примечательными находками в раскопе стали две практически одинаковые лунницы (4, 1, 2), монетовидная гладкая подвеска (рис. 4, 3), двухслойная бусина с желтым покровным стеклом (рис. 4, 9), фрагмент бубенчика, а также бесформенные слитки белого металла и обломки металлических изделий (один из которых, возможно, является дужкой височного кольца). Все металлические изделия оплавлены, что в сочетании со слитками металла и кальцинированными костями указывает на их связь с кремациями.

Как было указано выше, обе лунницы практически идентичны, обе носят следы пребывания

в огне, и обе отличает наличие некой детали в основании, между «рожками», вероятнее всего, обломанного креста. М. В. Седова лунницы с христианской символикой («крестовключенные») относил к XII–XIII вв. (Седова, 1997. С. 69).

Монетовидная подвеска гладкая, без орнамента, в центре щитка ее повреждение (рис. 4, 3), полученное, возможно, вследствие воздействия огня. М. В. Седова гладкие подвески связывала с «областью расселения вятичей», а время наибольшего их распространения определяла как XII–XIII вв., не исключая XI в. (Седова, 1997. С. 67). Сходного мнения о преобладании гладких привесок в вятском ареале придерживаются и современные исследователи (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 195).

Результаты анализа костных останков сведены в таблицу 1². В раскопе обнаружены отдельные разрозненные фрагменты кремированных костей светло-серого цвета, размер некоторых из них достигал 5–7 см. Идентифицированные части костей человека составляют около 30% от общей массы останков. Среди определимых – обломки костей черепа, длинных трубчатых костей, позвонка. Установлено наличие двух фрагментов лобной кости с носовыми пазухами, указывающее на присутствие в погребении останков как минимум двух

² В таблице 1 в колонке «Шифр» указаны номера точек по тахеометру и коды точек тахеометра, кроме материала, полученного при снятии дерна и при просеивании слоя. Мелкие кости – до 1 см, средние – от 1 до 2 см, крупные – свыше 2 см. Кости с поверхности памятника, подъемка, также снимались тахеометром и присутствуют в таблице, но на чертеже по понятным причинам отсутствуют.

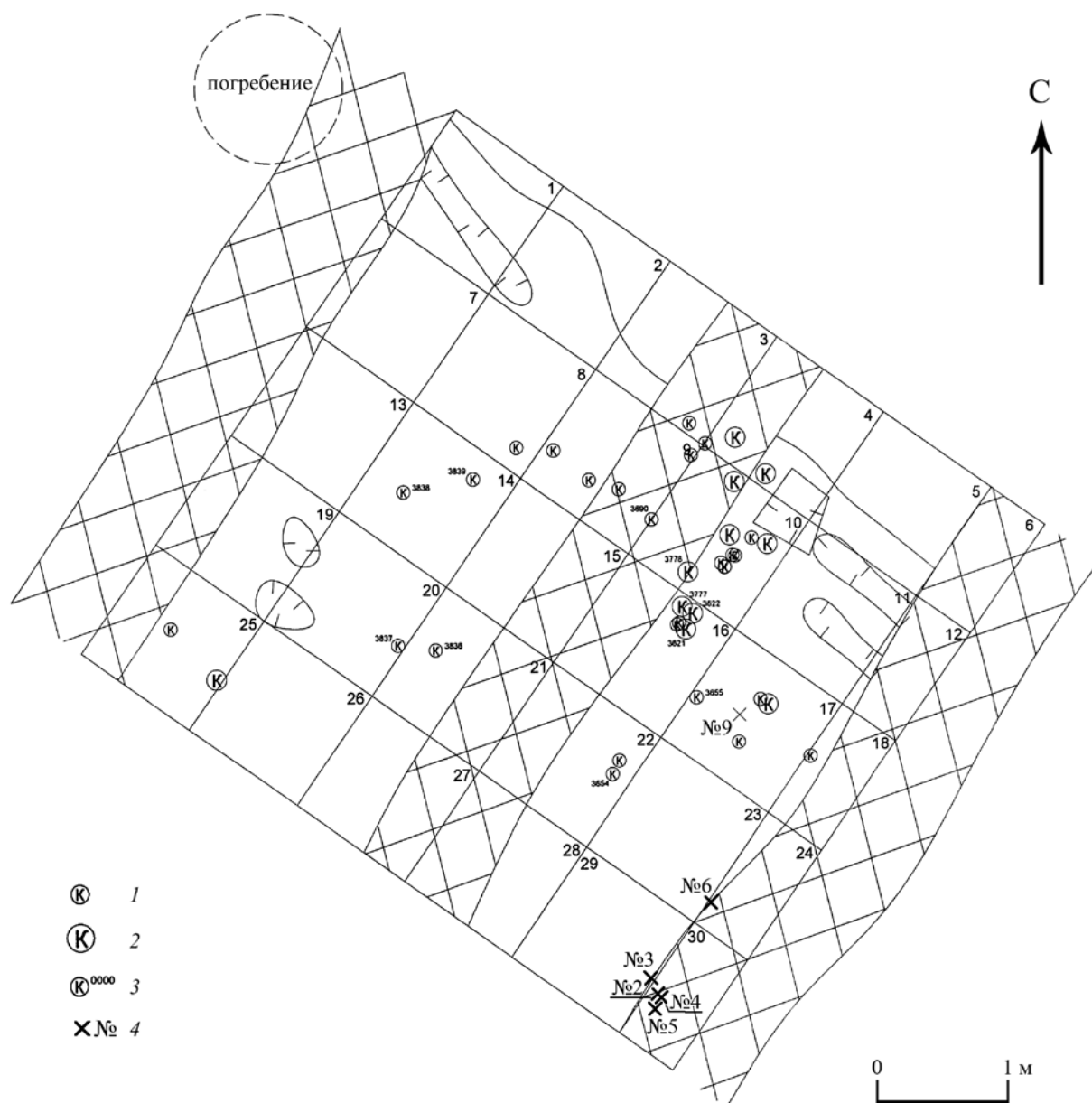

Рис. 2. Сводный план раскопа 2015 г. Косой штриховкой показаны грядки сосен

1 – мелкие кости (до 1 кв. см); 2 – средние кости (1–2 кв. см); 3 – определяемая кость с номером по тахеометру, соответствующим таблице 1; 4 – индивидуальная находка с номером полевой описи 2015 г.; № 2 – лунница; № 3 – монетовидная подвеска; № 4 – бесформенный слиток белого металла; № 5 – обломок дрота медного сплава; № 6 – двухслойная бусина; № 9 – обломок изделия из медного сплава (бубенчика?)

взрослых индивидов, а фрагмент глазницы с явными признаками полового диморфизма предположительно указывает, что один из этих индивидов был мужского пола (см. табл. 1). Незначительная масса погребения (не более 200 г), а также отсутствие фрагментов других отделов скелета при относительно хорошей сохранности костной ткани указывают на практику частичного депонирования останков. Возможно, кости из этого погребения оказались на поверхности в результате распахки,

возможно также, что это погребение лишь задето, а кости происходят из другого, полностью разрушенного распахкой.

В подъемном материале также были встречены разрозненные фрагменты кремированных костей, по размеру, цвету и составу аналогичные останкам из раскопа. Среди определяемых костей человека – фрагменты черепа и длинных трубчатых костей.

В профиле раскопа погребение представляло собой неглубокую, до 20 см, ямку шириной около

Таблица 1. Кремированные останки из могильника Кремень, 2015. Сводная таблица (Ж – животное, Ч – человек, Н – неопределимые).

Шифр		Видовая принадлежность			Вес (г)	Кол-во	Определение	Пол	Возраст
		Ж	Ч	Н					
3639	Мелкие кости			+	0,20	1	–		
3648				+	1,08	6	–		
3649	Скопление крупных костей		+		7,93	1	Фрагмент диафиза длинной трубчатой кости (бедренной или берцовой) нижней конечности		Adultus
3649	Скопление крупных костей			+	3,54	8	–		
3650	Средние кости			+	1,42	6	–		
3651	Мелкие кости			+	1,13	6	–		
3652	Средние кости		+		1,77	1	Фрагмент кости черепа		Adultus
3656	Мелкие кости			+	1,07	1	–		
3659	Мелкие кости		+		0,73	1	Фрагмент черепа		Adultus
3662				+	0,60	1	–		
3663	Крупные кости		+		2,71	1	Фрагмент черепа с открытым швом		Adultus
3664	Мелкие кости			+	0,97	8	–		
3665				+	2,89	15	–		
3666	Крупные кости			+	0,26	1	–		
3666	Крупные кости		+		5,06	1	Фрагмент теменной кости с заросшим швом		Adultus
3667	Средние кости			+	1,51	4	–		
3668	Средние кости		+		1,96	1	Фрагмент диафиза длинной трубчатой кости верхней конечности		Adultus
3668	Средние кости		+		1,95	1	Фрагмент затылочной кости со швом		Adultus
3669	Средние кости			+	1,14	3	–		
3673	Мелкие кости			+	2,83	17	–		
3673	Мелкие кости	+			0,47	1	Фрагмент зуба животного (сухой, не из кремации)		
3690	Мелкие кости		+		1,19	1	Фрагмент черепа		Adultus
3690	Мелкие кости		+		0,80	1	Фрагмент черепа с открытым швом (затылочная часть)		Adultus
3690	Мелкие кости			+	0,20	2	–		
3694	Мелкие кости			+	1,43	9	–		
3726				+	2,73	23	–		
3732	Крупные кости		+		2,17	1	Фрагмент черепа		Adultus
3786				+	1,56	3	–		
3916				+	1,09	1	–		
3621-3622				+	1,16	7	–		
3621-3622			+		1,80	1	Фрагмент диафиза длинной трубчатой кости конечности		Adultus
3621-3622			+		0,50	1	Фрагмент черепа		Adultus
3632-3637				+	1,49	7	–		
3654-3655	Мелкие кости		+		1,40	1	Фрагмент черепа с зарастающим швом (затылочная часть)		Adultus
3654-3655	Мелкие кости			+	3,53	9	–		
3677, 3678	Мелкие кости			+	0,84	2	–		
3686-3687	Мелкие кости			+	0,67	3	–		
3692-3693	Мелкие кости			+	2,17	6	–		
3695-3703	Мелкие кости			+	4,10	24	–		
3704-3710	Мелкие кости			+	2,43	11	–		
3711-3717	Мелкие кости			+	3,49	15	–		
3718-3725	Средние кости			+	4,02	7	–		
3718-3725	Средние кости		+		0,62	1	Фрагмент черепа		Adultus
3718-3725	Средние кости		+		1,01	1	Фрагмент черепа (затылочная часть) с открытым швом		Adultus

Таблица 1. Кремированные останки из могильника Кременье, 2015. Сводная таблица (окончание).

Шифр		Видовая принадлежность			Вес (г)	Кол-во	Определение	Пол	Возраст
		Ж	Ч	Н					
3718-3725	Средние кости		+		2,04	2	Фрагменты черепа с открытым швом		Adultus
3727-3733	Средние кости			+	3,59	11	—		
3727-3733	Средние кости		+		3,68	6	Фрагменты черепа		Adultus
3777-3778	Средние кости			+	3,87	13	—		
3777-3778	Средние кости		+		1,52	3	Фрагменты черепа		Adultus
3779-3783	Мелкие кости			+	0,29	7	—		
3793-3797	Мелкие кости			+	1,17	7	—		
3793-3797	Мелкие кости		+		0,40	1	Фрагмент правой глазницы		Adultus
3798-3802	Средние кости			+	2,79	7	—		
3798-3802	Средние кости		+		0,65	1	Фрагмент черепа		Adultus
3831, уч. Вост.	Мелкие кости			+	0,39	2	—		
3833-3835, уч. Вост.	Средние кости			+	2,54	5	—		
3836-3839	Мелкие кости		+		0,39	1	Фрагмент лобной кости		Adultus
3836-3839	Мелкие кости			+	0,89	4	—		
3843-3844	Средние кости			+	1,69	3	—		
3861, уч. Вост.	Средние кости			+	0,65	1	—		
3862-3863, уч. Вост.	Мелкие кости			+	0,53	4	—		
3871, уч. Вост.	Средние кости		+		1,00	1	Фрагмент лобной кости (носовая часть с лобными пазухами)		Adultus
3871, уч. Вост.	Средние кости			+	2,03	6	—		
3921-3922, уч. Вост.	Мелкие кости			+	0,30	2	—		
3923, уч. Вост.	Средние кости			+	0,49	1	—		
Просейка				+	52,13	617	—		
Просейка			+		0,01	1	Фрагмент зуба		Adultus
Просейка			+		0,05	1	Фрагмент корня зуба		Adultus
Просейка			+		0,11	1	Фрагмент лобной кости		Adultus
Просейка			+		0,30	1	Фрагмент черепа		Adultus
Просейка			+		0,46	1	Фрагмент черепа с открытым швом		Adultus
Просейка			+		0,94	2	Фрагменты лобной кости		Adultus
Просейка			+		2,62	4	Фрагменты черепа		Adultus
Р. 1 пл. 1 уч. Запад.	Дерн		+		2,10	1	Фрагмент черепа		Adultus
Р. 1 пл. 1 уч. Запад.	Дерн		+		4,49	1	Фрагмент черепа (затылочная часть) с открытым швом		Adultus
Р. 1 пл. 1 уч. Запад.	Дерн			+	3,39	11	—		
Р. 1 я. 3			+		2,25	1	Фрагмент диафиза длинной трубчатой кости конечности		Adultus
Р. 1 я. 3			+		0,37	1	Фрагмент позвонка		Adultus
Р. 1 я. 3				+	17,84	64	—		
Уч. Западный	Просейка		+		0,20	1	Фрагмент глазницы		Adultus
Уч. Западный			+		1,48	1	Фрагмент лобной кости (носовая часть с лобными пазухами и надбровной дугой)	М?	Adultus
Уч. Западный	Просейка		+		3,54	3	Фрагменты черепа		Adultus
Уч. Западный	Просейка			+	9,10	42	—		
Яма 2				+	0,33	9	—		

Рис. 3. Разрез погребения в стенке плужной борозды, раскоп 1, северо-западная стенка

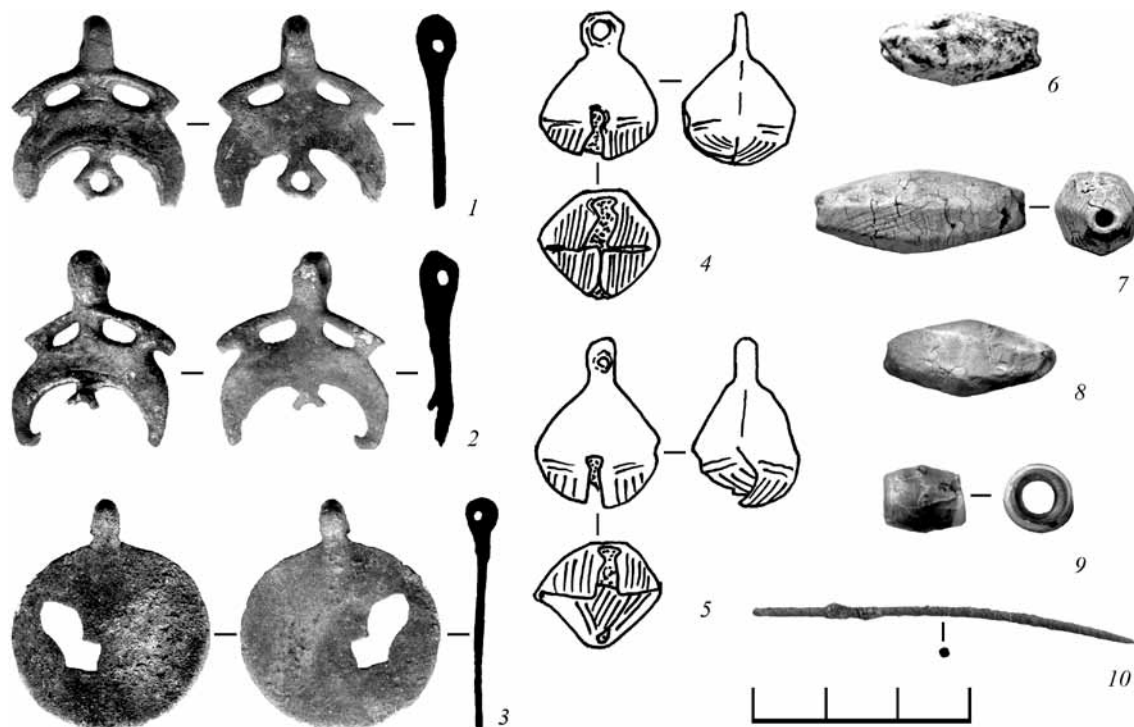

Рис. 4. Находки из раскопа 1 и подъемный материал 2015 г.
1–3, 9 – слой раскопа 1; 6–8 – погребение 1; 4–5, 10 – подъемный материал;
1–5 – медный сплав; 6–8 – сердолик; 9 – стекло; 10 – железо

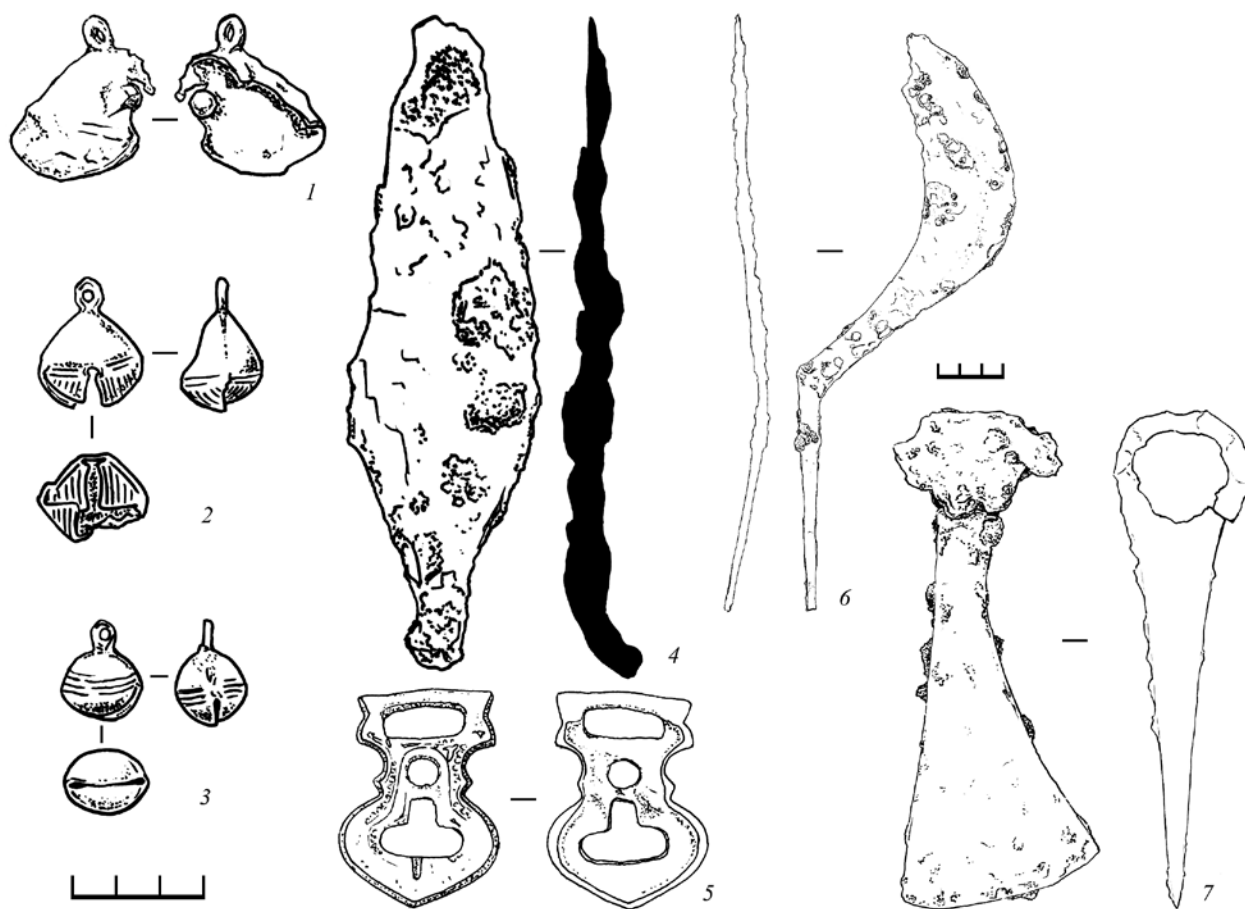

Рис. 5. Подъемный материал из сборов 2013 г.

1–3, 5 – медный сплав; 4, 6, 7 – железо

30 см. Заполнение ее представляло собой черный углистый песок, насыщенный кальцинированными костями. При зачистке стенки найдены три обгоревшие до белого цвета сердоликовые бипирамидальные бусины и два слитка белого металла (рис. 4, 6–8). находка бус одновременно надежно датирует погребение XII в. и доказывает связь столь поздних находок с обрядом кремации.

В связи с этим нельзя не вспомнить, что обгорелые сердоликовые бусы уже были найдены в Кременье ранее. Б. А. Рыбаков специально отметил четыре обгоревшие сердоликовые бусины в составе ожерелья на костяке из кургана К2 по его нумерации (Рыбаков, 1928. С. 5). При этом особое внимание было уделено прослеженным остаткам скрепления ожерелья и волос на черепе, сохранность которых полностью исключала даже частичную кремацию в курганном захоронении. Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что бусы носились в составе ожерелья уже обгорелыми. После обнаружения таких же бус в кремации становится понятно, откуда они взялись в кургане.

Обнаруженные индивидуальные находки на поверхности памятника, в отвалах грядок, не образовывали скоплений. Среди них выделяются рамка пряжки (рис. 5, 5), наконечник сулицы (рис. 5, 4), топор с лопнувшим проухом (рис. 5, 7), типа VIII по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 310, 311), серия бубенчиков (рис. 4, 4–5; 5, 1–3), железная игла (рис. 4, 10), обломок серпа (рис. 5, 6). Часть находок, в т. ч. бубенчиков, оплавлена, есть в сборах выплески металла и расплавленные до неузнаваемости вещи.

В сборах непосредственно среди скоплений костей нет лепной керамики, вся она довольно однородна и укладывается в так называемый курганный тип (рис. 6–10) – тем удивительнее ее сочетание с кальцинированными костями. Лепная керамика встречается южнее курганной группы, на окраине современного кладбища, в пределах курганного могильника она пока не обнаружена.

Стоит обратить особое внимание, что кремированные останки из раскопа и из подъемного материала по внешним признакам и видовому

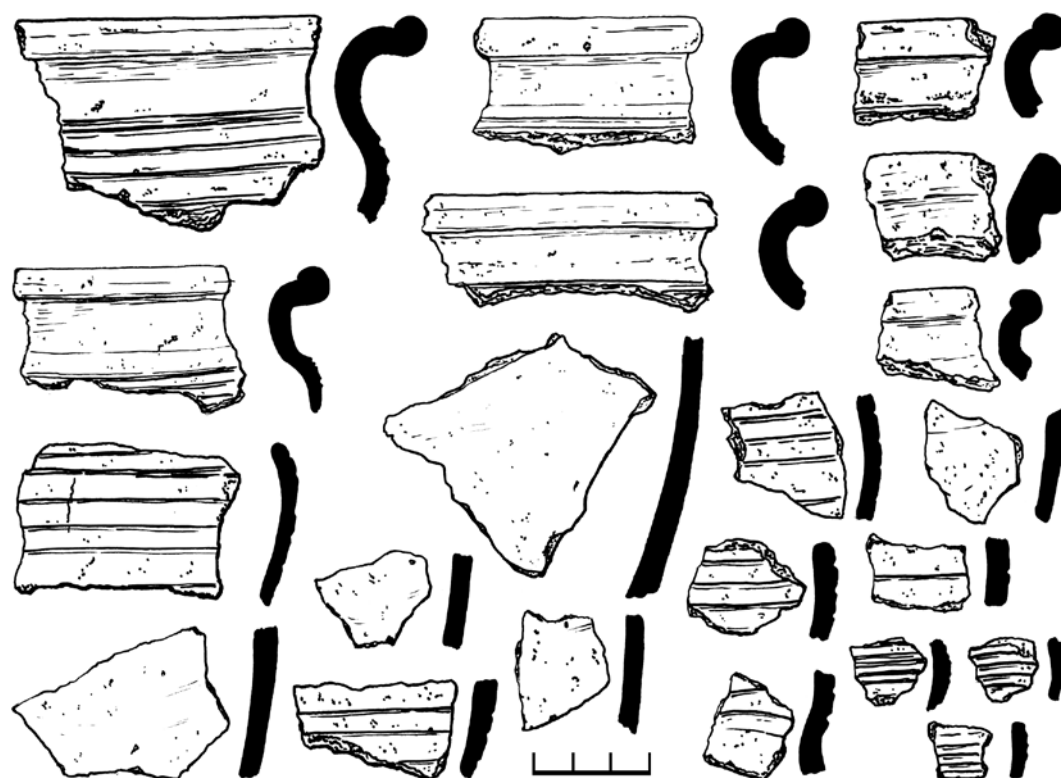

Рис. 6. Керамика из сборов с распашки могильника Кремень

составу несколько отличаются от кремаций, обнаруженных ранее на территории Среднего Поочья. Так, фрагменты костей из Кременья немного крупнее по размеру, доля точно идентифицируемых человеческих останков составляет около 30% (в отличие от привычных 10–15%), полностью отсутствуют останки животных (см. табл. 1). Последнее особенно интересно, учитывая, что использование туш животных в погребальных практиках местного населения имело широкое распространение (до сих пор подавляющее большинство кремаций региона включало в себя значительную долю кремированных костей животных, которая составляла половину, если не большую часть останков из погребения) (Kleshchenko, Syrovatko, 2014; Потемкина, Сыроватко, Клещенко, 2013; Сыроватко и др.; 2013, 2015а; 2015б).

Все публикуемые материалы, очевидно, являются лишь предварительными, но их значение даже в таком, «сыром» виде, на наш взгляд, чрезвычайно велико. Конечно, требуется расширение площади раскопа хотя бы для того, чтобы доисследовать уже открытое погребение. Но самый важный вывод очевиден: в межкурганном пространстве открыты погребения-кремации, синхронные – на уровне эпохи – самим вятичским курганам.

Столь нетипичная погребальная практика, как кремация древнерусского времени в межкурганном пространстве вятичского могильника, безусловно, является важным открытием для археологии Среднего Поочья эпохи раннего Средневековья. У нас есть два предположения, которые могли бы объяснить существование кремации из могильника Кремень.

1. Зафиксированные кремации – это продолжение местной традиции кремаций, а похороненные здесь люди – потомки населения дяковского времени или популяций, оставивших памятники типа грунтового могильника Щурово – Соколовой Пустыни 2. Аргументы в данном случае просты. Во-первых, Кремень расположено в центре территории, на которой в последние годы выявлены могильники с кремациями. Единичные могильники за ее пределами или скорее остатки таковых известны только в Старой Рязани и в Хотяжах (Стрикалов, 2005. С. 62; Алексеев, 2004). Во-вторых, аргументом в пользу преемственности остается сам обряд. Скелетирование покойников перед кремацией в Соколовой Пустыни является «мостиком», который можно перебросить в дяковское время, когда, по мнению Н. А. Кренке, эта деталь обряда уже прослеживается (Кренке, 2011. С. 214). Сами фор-

Рис. 7. Керамика из сборов с распашки могильника Кременье

мы погребений продолжают существовать не только в Щурово (т.е. в IX – первой половине X в.), но и в могильнике 2 Соколовой Пустыни (т.е. во второй половине X или даже в XI в. – Сыроватко и др., 2015б). В-третьих, все известные к настоящему времени могильники не имеют преемственности в погребальном инвентаре, но каждый из них полностью укладывается в стиль своей эпохи. И если в могильниках хазарского времени (Щурово и Соколова Пустынь 2) лежат салтовские вещи, как, впрочем, и скандинавские, то нет ничего удивительного, что в могильнике вятичского времени будут лежать вятичские вещи. Кременье является в этом случае первым осязаемым фактом существования дославянского населения в славянское время, реликтом, пережившим Темные века.

2. Кременье – отражение неизвестного ранее биритуализма в славянской среде. Этот вывод противоположен предыдущему, и аргументов у него достаточно. Во-первых, материалы могильника происходят из межкурганного пространства, практически никогда не исследовавшегося. Редким исключением является могильник Хотяжи, и там – сюрприз – также были обнаружены остатки кремаций (Алексеев, 2004). Во-вторых, само количество известных к настоящему времени курганов необъяснимо мало. Если опираться на сводку АКР, то на участке р. Оки в пределах Коломенского, Озерского, Ступинского, Серпуховского р-нов курганов известно не менее 300–350³. Очевидно, что значительная часть могильников разрушена в предшествующие столетия, но даже если удвоить

³ Точный подсчет затруднен из-за неполного учета в АКР данных о памятниках. Для значительной части могильников количество курганов просто неизвестно.

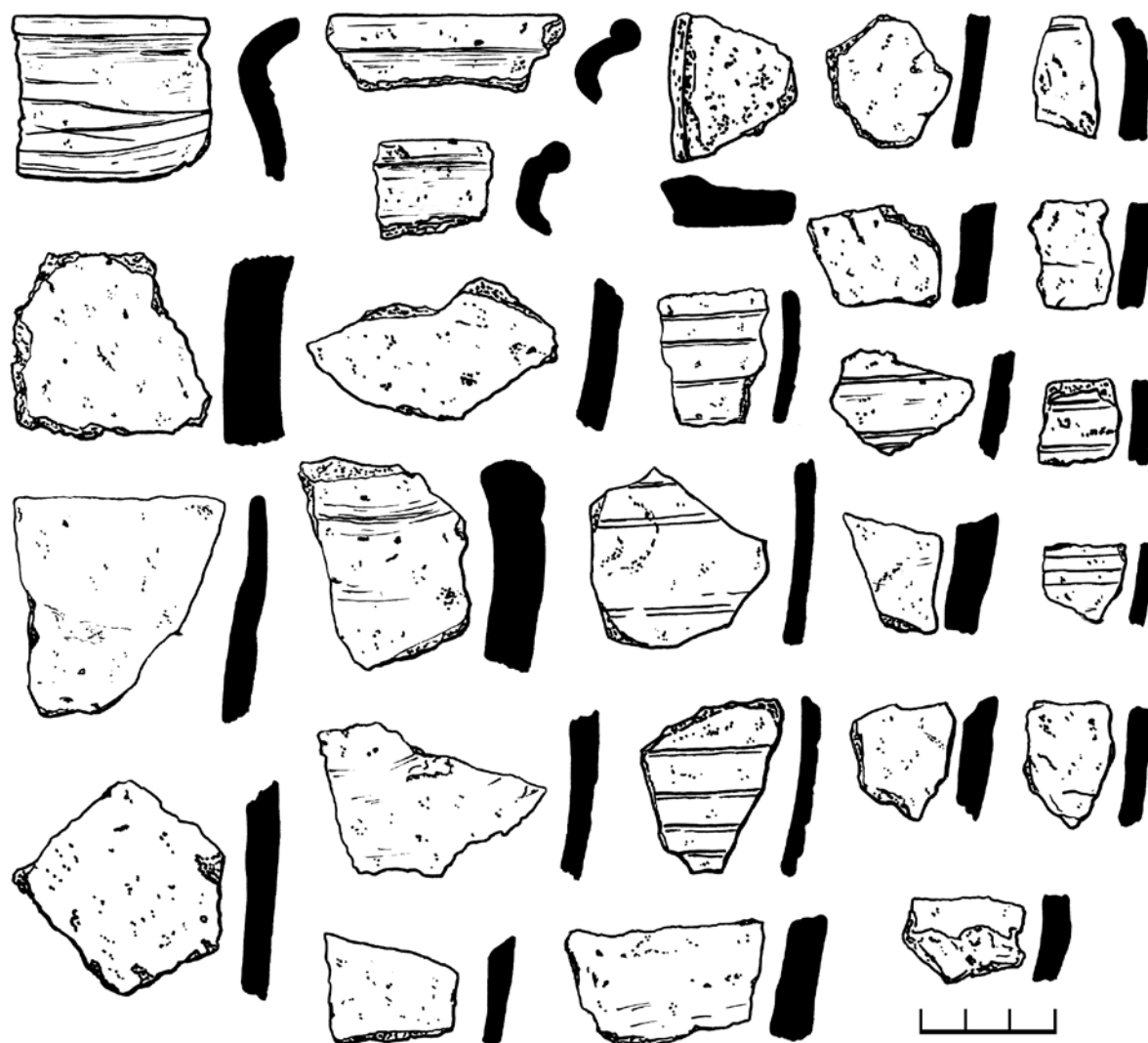

Рис. 8. Керамика из сборов с распашки могильника Кременье

или утроить это количество, то все равно оно не соответствует той активности, которое проявило новое, славянское население при колонизации Средней Оки. В-третьих, кремация является столь широко распространенным обрядом, что сама по себе не может служить основой для каких-то этнических/этнографических построений. Население, оставившее Кременье, могло не иметь никаких корней в предшествующем времени, несмотря на использование кремации в погребальном обряде. Разрыв традиции отмечается во многих случаях на данной территории. Он очевиден в цепочках «поселение Щурово IV–V вв. – поселение и могильник Щурово VI–VII вв.», «поселение и могильник Щурово VI–VII вв. – могильник

Щурово IX–X вв.», да и остальные памятники (Лужки, Соколова Пустынь) объединяет только наличие кремации.

Для окончательного прояснения вопроса требуется либо доказать, что погребальный обряд кремации, хотя бы на данной территории, может служить аргументом в пользу преемственности населения; либо использовать для доказательств преемственности (или ее отсутствия) дополнительные междисциплинарные методы исследования кремированных костных останков (к примеру, анализ изотопов стронция, анализ изотопов ^{13}C или ^{15}N и т. д.).

Авторы благодарят А. А. Трошину и Н. С. Жеребцову за помощь в подготовке статьи.

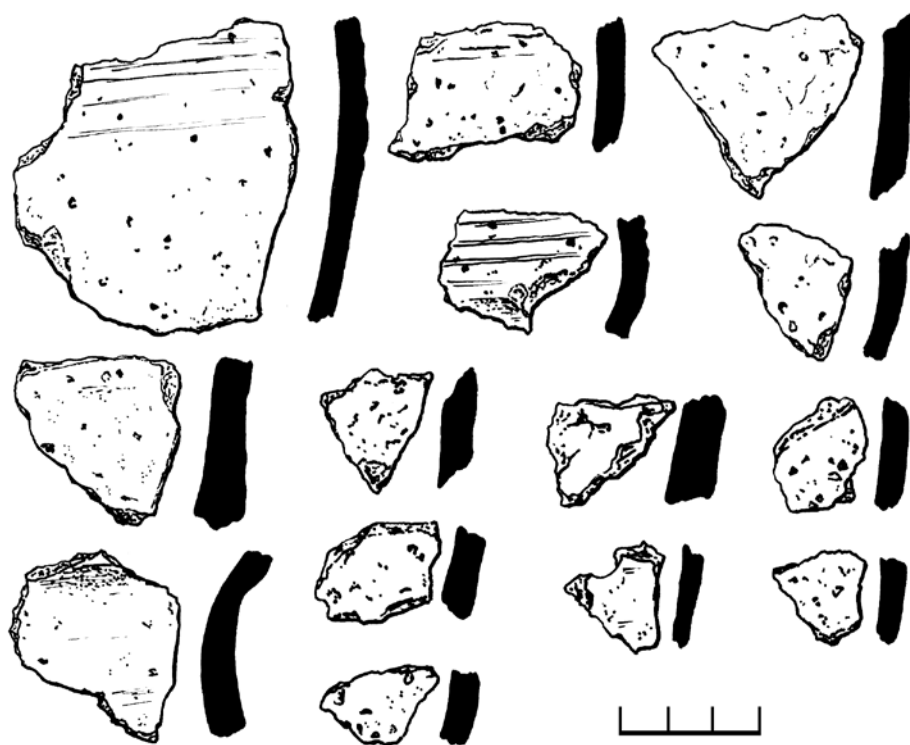

Рис. 9. Керамика из сборов с распашки могильника Кременье

Рис. 10. Керамика из сборов с распашки могильника Кременье

Литература

- Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. С. 177–192.
- АКР. Московская область. Ч. 4. М., 1997. 350 с.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 298–364.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., 2014. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА. № 3. С. 39–49.
- Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднелужского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266.
- Розенфельд Р. Л., 1976. Отчет разведочно-го отряда Московской экспедиции ИА АН СССР о проведении обследования состояния археологических памятников Московской обл. в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6462.
- Рыбаков Б. А., 1928. О раскопках вятичских курганов в Мякинине и в Кременье в 1927 году // Сборник Научно-археологического кружка 1-го МГУ. М.
- Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.
- Степанова Т. И., 1989. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Ступинского района Московской области в 1989 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 15445, 15446.
- Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище Старой Рязани. Стратиграфия и планировка // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 36–89.
- Сыроватко А. С., Фомченко Э. Э., 2015. Курганная группа в Кременье – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов VII и VIII региональной научно-практической конференции (Ступино, 2015 г.). Ступино: МБУК «Ступинский историко-художественный музей». С. 132–138.
- Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Свирикина Н. Г., Трошина А. А., 2015а. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 147–154.
- Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свирикина Н. Г., 2015б. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. Вып. 241. С. 165–173.
- Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клещенко Е. А., Трошина А. А., 2013. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 52–56.
- Kleshchenko E., Syrovatko A., 2014. Cremation Ceremony Features of the Middle Oka-River Population in the Second Half of the First Millennium A. D. Considering Shurovo Burial as an Example (Materials and Interpretation) // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts. Istanbul. P. 439.

A. S. Syrovatko & E. A. Kleschenko

Earthwork cremation burials of the 12th century. New research into the earthwork burial mounds of Kremenye

Summary

This article presents the first results of research into the earthwork burial mounds of Kremenye. In the area between the mounds, cremation burials were discovered – located in a small pit beneath the turf. The

accompanying grave goods enable a dating of the 12th century to be placed on these remains, along with the accompanying mounds themselves – which is a very unusual matter for this period in central Russia.

Е. П. Зоц

Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону

Исследования на грунтовом могильнике Ксизово 17 в 2003–2008 гг. проводила Раннеславянская экспедиция ИА РАН под руководством А. М. Обломского¹. Памятник многослойный, там обнаружены материалы различных эпох от энеолита до позднего Средневековья. Располагается он на территории Острой Луки Дона, около г. Задонска Липецкой обл. (рис. 1; 2). Основная масса погребений в этом могильнике относится к гунн-

скому времени, однако здесь же открыты как минимум 23 древнерусских погребения, в которых были похоронены 12 мужчин, 11 женщин и ребенок. Далеко не все погребения, в том числе и женские, содержали инвентарь (Обломский, 2004; 2006; 2008; 2009).

Головной убор. Основной составляющей женского головного убора принято считать височные кольца. Однако они были встречены лишь

Рис. 1. Месторасположение археологического памятника Ксизово 17

¹ Выражаю благодарность А.М. Обломскому за материал, предоставленный для исследования и публикации.

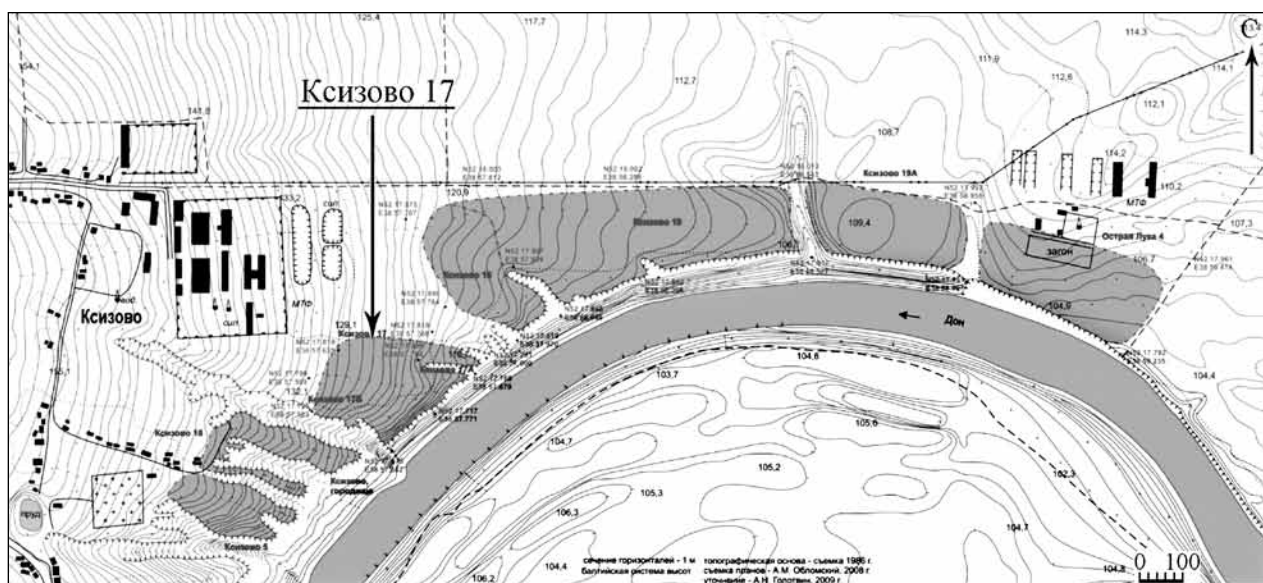

Рис. 2. Комплекс археологических памятников в районе с. Ксизово Липецкой обл. Топоплан

в четырех женских погребениях из 11. Так, в погребении 32 с каждой стороны от черепа находилось по одному перстнеобразному кольцу (*Обломский, 2008. С. 13. Рис. 74, 75*), причем то, что располагалось слева, вероятно, когда-то было трехбусинным, но попало в погребение уже в качестве перстнеобразного (рис. 3).

В погребении 65 справа от виска находилось одно перстнеобразное височное кольцо, а слева – два перстнеобразных (*Обломский, 2009. С. 16. Рис. 112, 119, 120*), одно из которых изначально было трехбусинным, причем, судя по окислам в районе предполагавшихся бусин, можно предположить, что в момент погребения бусины еще были на своих местах. В этом же погребении к головному убору относилась группа бус, которая располагалась вокруг головы погребенной (*Обломский,*

2009. С. 16. Рис. 100–109). Возможно, бусы были нашиты на очелье.

В погребении 37 справа от черепа были обнаружены перстнеобразное и два семилопастных височных кольца, слева – три семилопастных, их расположение относительно черепа и друг друга говорит о том, что они располагались внахлест. Под кольцами и рядом с ними сохранились пряди темно-каштановых волос, которые, вероятно, были заплетены в косу, ее остатки прослеживаются в области правого виска. Исходя из фотоматериалов отчета, можно предположить, что кольца были вплетены в волосы. На височных кольцах у правого виска обнаружена тонкая дощечка длиной около 10 см и шириной около 3 см, авторами раскопок она интерпретирована как остатки жесткой основы от головного убора (*Обломский, 2008. С. 25, 26. Рис. 281, 282*), однако этот фрагмент древесины полностью перекрывал украшения, а форма или детали какого-либо изделия тут не прослеживаются. Отсюда можно предположить, что, это, скорее всего, фрагмент гробовища, сохранность же его именно в этом месте объясняется наличием консервирующих окислов от металлических украшений (рис. 4).

Аналогичная ситуация прослежена в погребении 18. Здесь справа от головы погребенной женщины обнаружены два семилопастных височных украшения, между которыми лежало перстнеобразное кольцо. Слева от черепа находился аналогичный комплекс изделий. С левой же стороны, немного выше височных колец, найдены

Рис. 3. Перстнеобразные височные кольца (медный сплав) из погребения 32

Рис. 4. Головной убор. Погребение 37

1 – фр-т прически в сочетании с височными кольцами; 2 – дощечка у правого виска погребенной женщины; 3 – перстнеобразное и семилопастные височные кольца из медного сплава. Комплекс у правого виска; 4 – украшения у правого виска в погребении. Рисунок Н. Е. Чалых; 5 – семилопастные височные кольца из медного сплава. Комплекс у левого виска; 6 – украшения у левого виска в погребении. Рисунок Н. Е. Чалых

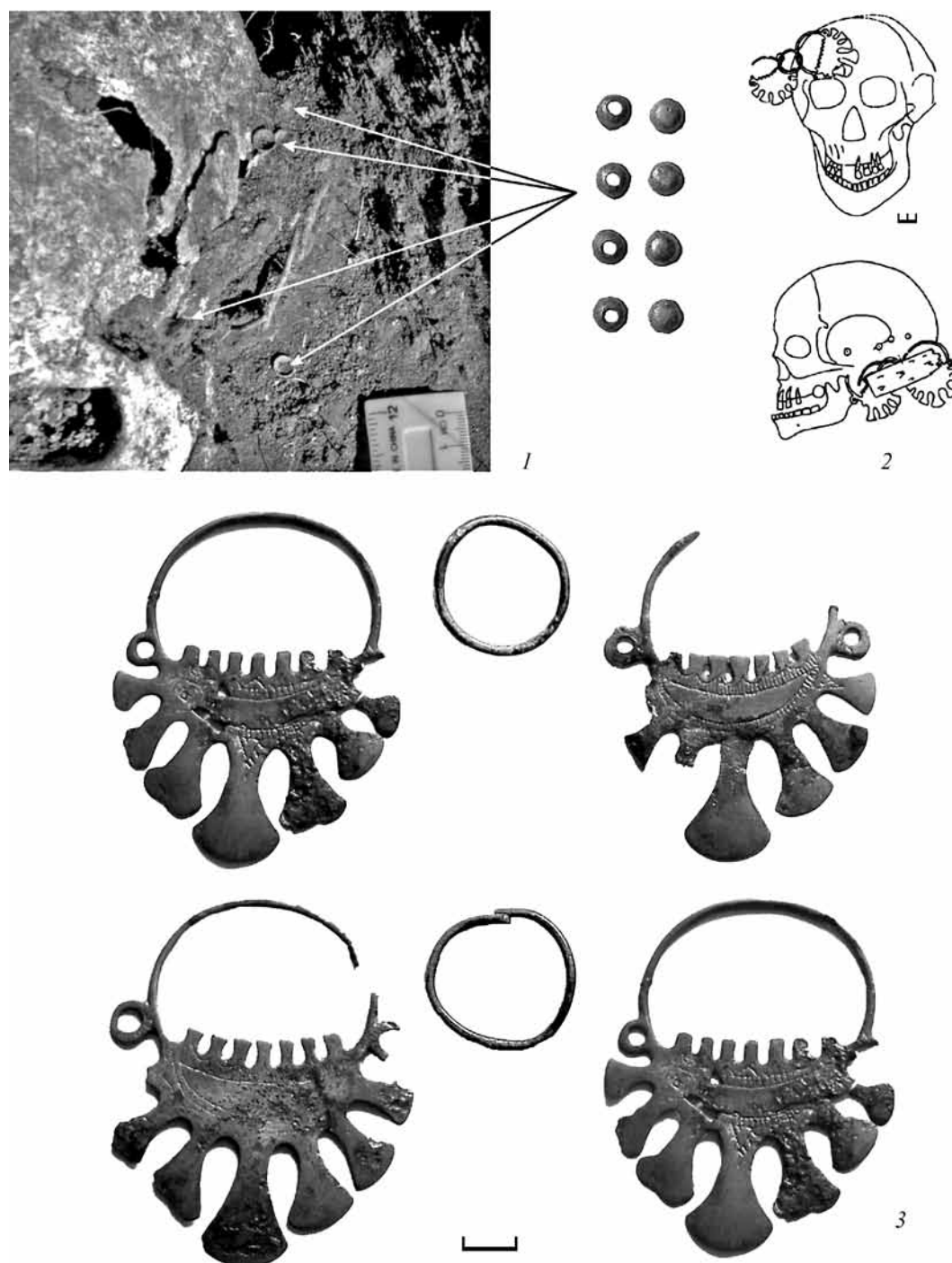

Рис. 5. Головной убор. Погребение 18

1 – медные бусы и их положение в погребении; 2 – височные украшения в погребении. Рисунок Н. Е. Чалых;
3 – перстнеобразные и семилопастные височные кольца из медного сплава

четыре медные бусины, расположенные горизонтально, вокруг левой половины головы (Обломский, 2006. С. 18–20). Вероятно, они нашивались на головной убор (рис. 5). Способ крепления височных колец определить невозможно из-за отсутствия сохранившихся текстильных изделий

и прически; возможно, они пришивались или как-то еще крепились к головному убору.

Асимметричность украшений в погребениях 18, 37 и 65 – факт не уникальный. Асимметрия встречается в восточнославянских захоронениях, в том числе в вятичских погребениях, и нередко большее

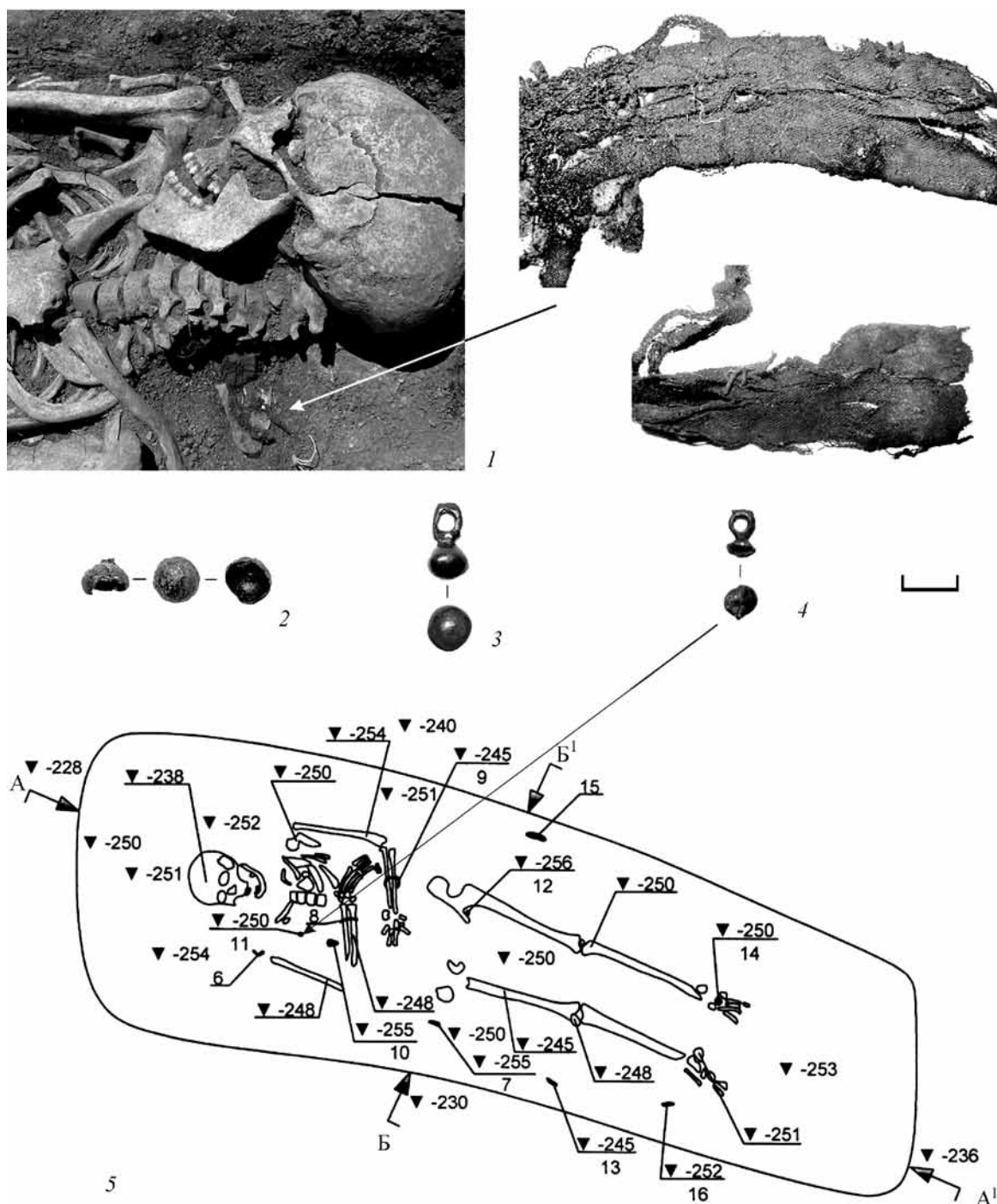

Рис. 6. Воротники

1 – погребение 44. Фрагмент парчового воротника и его местоположение в погребении; 2 – погребение 64. Пуговица из медного сплава; 3 – погребение 67. Пуговица из медного сплава; 4, 5 – погребение 72. Пуговица из медного сплава и ее положение в погребении

количество украшений обнаруживается именно с левой стороны от черепа (Арциховский, 1930. С. 47; Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. С. 115–117; Недошивина, 1981. С. 297; Никольская, 1981. С. 107; Розенфельдт, 1973. С. 192–194, 196, 197; 1975. С. 5, 7, 9; 1976а. С. 2, 7; 1976б. С. 5; 1978. С. 5, 8, 9; Сабурова,

1997. С. 88; Степанова, 2009. С. 38, 39. Рис. 11, 101, 102, 128, 136, 141, 159, 164, 170–172, 176).

Воротники. Сами по себе воротники или их фрагменты сохраняются редко. Однако в мужском погребении 44 обнаружена полоска парчи длиной 27 см и шириной около 3 см, которой, вероятно,

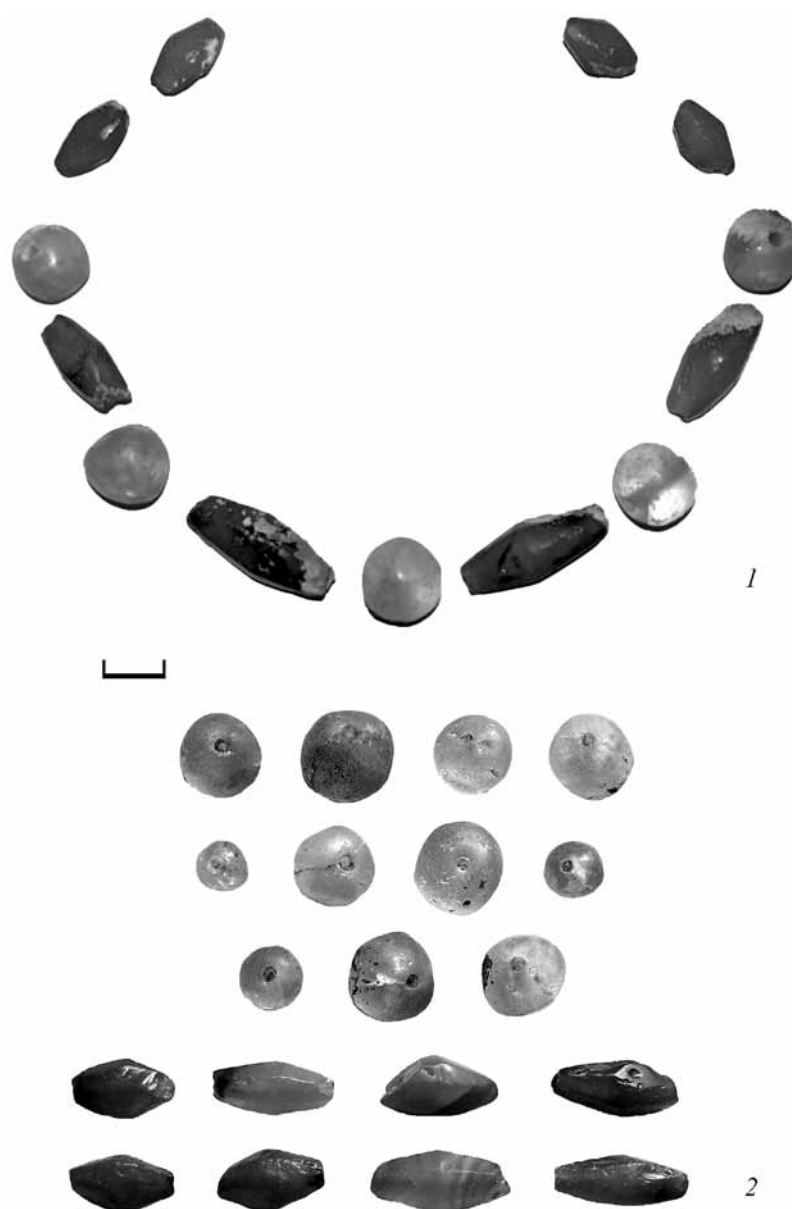

Рис. 7. Ожерелья из горнохрустальных и сердоликовых бус из погребений 5 (1) и 18 (2)

был обшит ворот рубашки (Обломский, 2008. С. 16. Рис. 111–114) (рис. 6, 1). Есть также детали, по которым можно предположить наличие воротника или специально скроенного ворота. Например, обнаружение в районе шеи одной пуговицы, как в мужских погребениях 64 и 67, а также в женском погребении 65 (Обломский, 2009. С. 15, 16, 21), может указывать на наличие застегивавшегося посередине ворота или воротника (рис. 6, 2, 3). находка в женском погребении 72 пуговицы в районе правой лопатки (Обломский, 2009. С. 23) дает возможность предполагать ворот, застегивавшийся справа, что, кстати, бывает не часто (рис. 6, 4): обычно ворот имел

разрез слева или в центре (Сабурова, 1997. С. 100). Следует также допускать возможность случайного перемещения этой пуговицы из зоны шеи.

Ожерелье. Бусинные и другие ожерелья часто встречаются в восточнославянских погребениях. Однако в этом могильнике из 11 женских погребений ожерелья встречены лишь в 2 (погр. 5, 18), а также в детском погребении 63. В погребениях 5 и 18 бусинный набор стандартный для вятических захоронений середины XII – начала XIII в. – сердоликовые бипирамидальные и горнохрустальные бусы практически в равном количестве (Обломский, 2004. С. 17, 18; 2006. С. 18, 19) (рис. 7).

Рис. 8. Ожерелье из погребения 63 (см. цв. вкл.)

1 – фото, вид с юга; 2 – возможная схема расположения бус и подвесок в ожерелье (стеклянные бусы, подвеска из медного сплава с изображением Георгия Победоносца (?), золотостеклянная подвеска)

Отдельного внимания заслуживает ожерелье из детского погребения. У правой ключицы обнаружена бронзовая подвеска с изображением, вероятно, Георгия Победоносца. В ожерелье также входила круглая золотостеклянная подвеска (точные аналогии ей известны в курганном могильнике Новоселки 2, на р. Клязьме, в Подмосковье; Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. С. 116, 117, 124). Также ожерелье включало 94 стеклянные бусины различной формы и цвета (Обломский, 2009. С. 21. Рис. 160–167). Исходя из расположения бус и подвесок, можно предположить, что бусы в определенном порядке нанизывались на нить, среди них с правой стороны груди располагалась подвеска со святым, а с левой – золотостеклянная подвеска (рис. 8).

Сарафан. Наплечные украшения, обереги. В погребении 65 группа различных бус располагалась строго поперек груди, от края до края ребер

(Обломский, 2009. С. 16) (рис. 9, 4, 9; 10). Такая картина характерна для обшивки верхнего края сарафана (Исланова, 1996. С. 61, 62; Степанова, 2009. С. 56). Две пуговицы, находившиеся у локтя погребенной, могли привешиваться с правой стороны груди, заменяя бубенчики (рис. 9, 8; 10). В качестве примера замены бубенчиков другими парными металлическими предметами (бусины, пуговицы) можно рассматривать погребение из кургана 105 кривического могильника Шейка I (Розенфельдт, 1980. С. 14, 15. Рис. 65).

Пояс. Стеклянная бусина янтарного цвета из погребения 72, расположенная у таза погребенной, могла привешиваться на пояс или находиться в мешочке, закрепленном на поясе женщины (Обломский, 2009. С. 23) (рис. 11, 1). Такое предположение было выдвинуто из-за отсутствия в данном погребении других бусинных украшений,

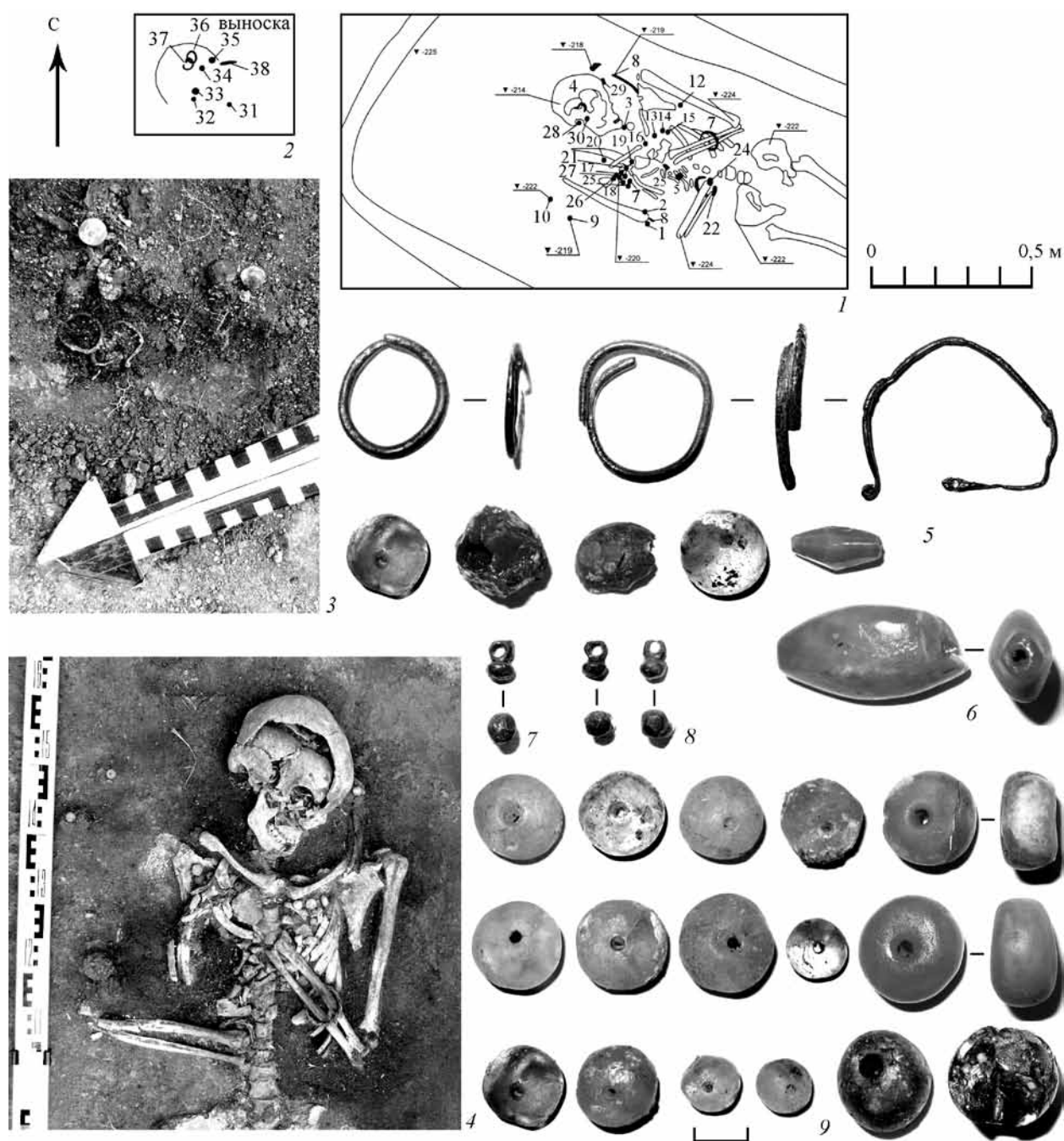

Рис. 9. Погребение 65

1 – фр-т чертежа погребения; 2 – расположение находок под черепом; 3 – украшения головного убора под черепом *in situ*; 4 – фото верхней части скелета с украшениями; 5 – перстнеобразные височные кольца из медного сплава;

6 – бусы, относившиеся к головному убору (горнохрустальные, стеклянные, сердоликовая и янтарная); 7 – пуговица из медного сплава, вероятно, застегивавшая ворот; 8 – пуговицы из медного сплава, привешивавшиеся с правой стороны на груди; 9 – бусы, украшавшие сарафан (стеклянные, янтарные и горнохрустальные)

в которые она могла входить и быть переотложена в результате каких-либо процессов. Известны случаи привешивания к поясу различных предметов. Кроме типичных орудий труда (ножи, пряслица и т. д.) встречаются бубенчики, шумящие привески,

перстни, поясные (в качестве подвески) и другие кольца, а также привески, вероятно, использовавшиеся в качестве оберегов. Подобные находки известны по материалам Верхневолжья (Степанова, 2009. Рис. 48–50, 60, 68, 70, 85, 87, 88, 91, 95, 101,

105, 117, 129, 142, 146, 148, 150, 151, 155, 163, 168, 169), а также отмечены в могильниках Федоскино в Мытищенском р-не и Каблуково 4 в Пушкинском р-не Московской обл. (Розенфельдт, 1976. С. 4. Рис. 18; 1983. С. 43. Рис. 32, 33).

Украшения рук. В могильнике встречено четыре погребения с браслетами, в трех из которых эти украшения сочетались с перстнями. Еще в одном погребении обнаружен только один браслет, в двух захоронениях руки погребенных украшало по одному перстню (одно из этих погребений принадлежало мужчине).

Так, в погребении 18 на руки погребенной чуть ниже локтя было надето по одному бронзовому витому браслету, а указательные пальцы украшены бронзовыми решетчатыми перстнями (также по одному на каждой руке) (Обломский, 2006. С. 22) (рис. 11, 2). На руках женщины из погребения 65 находилось по одному витому медному браслету. Также в погребении в районе нижних ребер были обнаружены две стеклянные треугольные накладки, обрамленные в плоскую медную рамку. Учитывая расположение рук погребенной женщины, можно говорить о том, что обе накладки могли относиться к браслету на правой руке, если предполагать, что она, как и левая, изначально находилась в районе груди, а позже сместилась. Обычно подобные накладки припаивались к концам браслета, однако нередко они отслаивались по местам спайки, из-за чего их находят отдельно от браслета. Обе руки были также украшены решетчатыми перстнями (Обломский, 2009. С. 16) (рис. 10; 12). В погребении 37 на левую руку был надет бронзовый плетеный браслет, а на одну из фаланг пальца правой руки – решетчатый перстень (Обломский, 2008. С. 26) (рис. 11, 3). У девочки из погребения 63 на правой кисти находился плетеный браслет (рис. 11, 4). Нужно отметить, что, исходя из расположения браслетов относительно костей рук (практически все – в середине предплечья), можно говорить о том, что они носились поверх рукава одежды.

Правую руку мужчины из погребения 51 украшал решетчатый перстень (Обломский, 2008. С. 16) (рис. 11, 5). В погребении 34 на правой руке женщины обнаружен перстень с овальным щитком со следами эмали (Обломский, 2008. С. 11) (рис. 11, 6).

Обувь. Такой элемент костюма, как обувь, в древнерусских захоронениях встречается крайне редко. В грунтовом могильнике Ксизово 17 остатки кожаной обуви обнаружены в трех погребениях – 22, 37 и 64, два из которых принадлежали мужчинам. В мужском погребении 22 на левой ноге, по определению автора отчета, сохранились фрагменты

Рис. 10. Погребение 65. Реконструкция погребального костюма. Рисунки С. А. Зоца

кожаных полусапожек. Они были изготовлены из тисненой, хорошо выделанной кожи. На подошве отмечены следы более толстой кожи. Между подошвой и костями стоп имелась прокладка из органики толщиной до 0,2 см. По мнению автора отчета, это следы стелек из травы. При креплении верхней части обуви к подошве край тонкой кожи был загнут на более грубую, и образовавшийся кант прошивался нитью (Обломский, 2006. С. 39). На правой ступне женщины из погребения 37 зафиксированы остатки кожаной обуви в виде тлена (Обломский, 2008. С. 25). В районе левой ступни мужчины из погребения 64 также обнаружен тлен. Автор раскопок интерпретирует его как остатки от обуви (Обломский, 2009. С. 22).

В XII – первых десятилетиях XIII в. наблюдается перемещение древнерусского населения

Рис. 11. Пояс и украшения рук

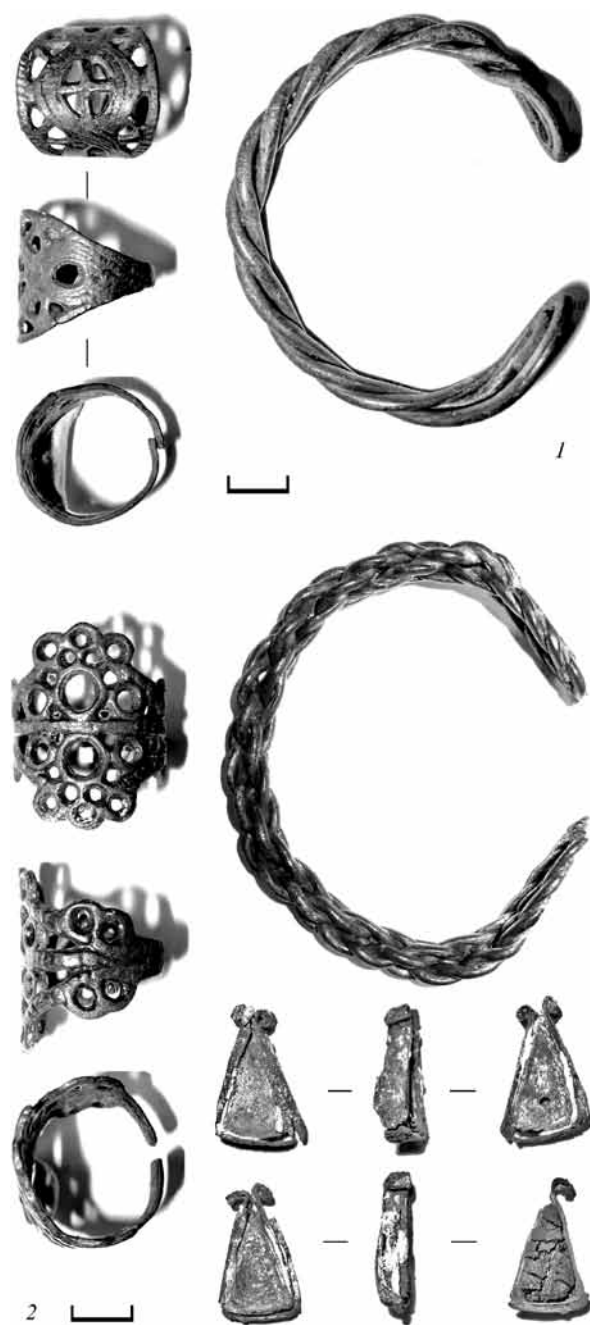
1 – погребение 72. Зона пояса. Стекло́нная бусина; 2 – погребение 18. Украшения рук. Витые браслеты и решетчатые перстни из медного сплава; 3 – погребение 37. Украшения рук. Витой браслет и решетчатый перстень из медного сплава; 4 – погребение 63. Украшения рук. Витой браслет из медного сплава; 5 – погребение 51. Украшения рук. Решетчатый перстень из медного сплава; 6 – погребение 34. Украшения рук. Щитковый перстень из медного сплава со следами эмали

Рис. 12. Погребение 65

1 – комплекс левой руки. Витой браслет и решетчатый перстень из медного сплава; 2 – комплекс правой руки. Витой браслет и решетчатый перстень из медного сплава

в Донской регион в основном из Рязанского Поочья (Седов, 1995. С. 367). Данный могильник, вероятно, и был оставлен потомками вятичей, пришедших с этой территории. Об этом свидетельствует общность с этим регионом и деталей костюма, и набора украшений в данном могильнике. Есть детали, нечасто встречающиеся у восточных славян, в частности у вятичей, например, наличие наплечной одежды (расшитого бусами сарафана). Подобный вид одежды часто реконструировали у прибалтийских финнов, в частности у веси и эстов (Голубева, 1987. С. 58; Седов, 1987. С. 19). Крайне небольшое количество височных колец, особенно этноопределяющих, сравнительная бедность большинства погребений с украшениями и достаточно большое количество погребений без них – 11 шт. (из них 3 женских) указывают на позднюю датировку памятника в пределах второй половины XII – начала XIII в. и сильное влияние христианства. Это подтверждают наличие большого количества дощатых гробов, скрепленных скобами и гвоздями, а также находка подвески и изображением Георгия Победоносца (Седов, 1993. С. 7–9).

Наибольшее количество украшений и других деталей костюма было расположено в погребениях мужчин и женщин в возрасте 30–39 лет, височные кольца встречены у женщин именно этого возрастного периода. Среди старшего поколения сравнительным богатством погребального убора выделяется женщина из погребения 72. У более молодых погребальный инвентарь беден или вообще отсутствует, исключение составляет девочка трех лет из погребения 63 (Главова, 2006; 2008; 2009).

Литература

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.

Главова Я., 2006. Антропологический анализ скелетов могильника Ксизово 17А, 17Б // Обломский А. М., 2006. Отчет о раскопках Раннеславянской экспедиции на многослойном поселении/могильнике Ксизово-17 Задонского района Липецкой области в 2005 г. Приложение / Архив ИА РАН. Р-1. № 30958.

Главова Я., 2008. Антропологический материал из Ксизово // Обломский А. М., 2008. Отчет

о работах Раннеславянской экспедиции в 2007 г. Приложение / Архив ИА РАН. Р-1. № 44011.

Главова Я., 2009. Антропологический материал из Ксизово // Обломский А. М., 2009. Отчет о работах Раннеславянской экспедиции в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37581.

Голубева Л. А., 1987. Веси // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 52–64.

Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1. С. 246–254.

Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 115–126.

Исланова И. В., 1996. Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья Лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново. С. 60–68.

Недошивина Н. Г., 1981. Новлянские курганы // СА. № 1. С. 293–297.

Никольская Т. М., 1981. Земля вятичей. М.: Наука. 304 с.

Обломский А. М., 2004. Отчет о раскопках Раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово Задонского района Липецкой области в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 31795.

Обломский А. М., 2006. Отчет о раскопках Раннеславянской экспедиции на многослойном поселении/могильнике Ксизово-17 Задонского района Липецкой области в 2005 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 30958.

Обломский А. М., 2008. Отчет о работах Раннеславянской экспедиции в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44011.

Обломский А. М., 2009. Отчет о работах Раннеславянской экспедиции в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37581.

Павлова М. С., 2008. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История. С. 103–132.

Розенфельдт Р. Л., 1973. Раскопки курганов у села Бытягово в 1968–1970 гг. // СА. № 1. С. 192–199.

Розенфельдт Р. Л., 1975. Отчет о раскопках курганов у с. Федоскино Мытищинского района Московской области в 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5253.

Розенфельдт Р. Л., 1976а. Отчет о раскопках курганов у с. Федоскино Мытищинского района и у с. Жуково Раменского района Московской области в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5475.

Розенфельдт Р. Л., 1976б. Отчет о раскопках курганной группы, расположенной у с. Тургенево Домодедовского района Московской области в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6379.

Розенфельдт Р. Л., 1978. Отчет о раскопках курганов в курганных группах у д. Пузиково и с. Ивановское Подольского района Московской области в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6922.

Розенфельдт Р. Л., 1980. Отчет о археологических курганной группы «Шейка I» и курганной группы «Шейка II» в Истринском районе Московской области в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8035.

Розенфельдт Р. Л., 1983. Отчет о раскопках курганов в Пушкинском районе Московской области в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9333.

Сабурова М. А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2. М.: Наука. С. 85–97.

Сабурова М. А., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–109.

Седов В. В., 1987. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 13–23.

Седов В. В., 1993. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. Вып. 208. М.: Наука. С. 3–11.

Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: Наука. 416 с.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.

Степанова Ю. В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской университет. 363 с.

Е. P. Zots

An Old-Russian burial costume, from materials excavated at the Ksizovo-17 earthwork graveyard on the Upper Don

Summary

This paper presents details of an Old-Russian burial costume, excavated at the Ksizovo-17 earthworks graveyard, located near the town of Zadonsk in Lipetsk Region. Study of the grave goods from this period made it possible to classify the costume's

details, clarify their positions on the costume, and to date the burial as being within the latter half of the 12th or early 13th century – as well as noting a connection between this population and that of the Ryazan Pooch.

В. И. Завьялов, В. В. Судаков

Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского¹

При изучении памятника археологии вопросы хронологии и стратиграфии относятся к числу основополагающих. От того, насколько адекватно исследователь сможет датировать слои, во многом зависит корректность исторической интерпретации. В последние годы использование естественнонаучных методов (радиоуглеродного и дендрохронологического прежде всего) заметно повысило точность датировок. Однако при работе со средневековыми городскими слоями эти методы не всегда могут быть применены. Для эпохи Средневековья решающая способность радиоуглеродного метода сильно уступает не только письменным источникам и дендрохронологии (Черных Е. Н., Черных Н. Б., 2005. С. 29), но и датированию слоев по хроноиндикаторам (артефактам, изменению типов керамики). Широкий диапазон дат при использовании радиоуглеродного метода ведет к значительному хронологическому перекрытию многометровых культурных напластований. Датировка по годичным кольцам, прекрасно зарекомендовавшая себя в ряде северорусских городов, оказалась малоприменимой на ряде памятников даже при хорошей сохранности древесины из-за использования лиственных пород. Применение традиционного метода датирования слоев по хроноиндикаторам также не может предложить неоспоримых аргументов. Как известно, любое поселение является памятником открытого типа, и перемещение артефактов в силу различных обстоятельств – ситуация, с которой неоднократно сталкивался любой археолог. По справедливому замечанию И. Ю. Стрикалова, «малочисленность

и довольно широкая дата бытования большинства категорий индивидуальных находок приводит к тому, что они могут служить лишь дополнительными хроноиндикаторами к датировкам, полученным на основании более представительных источников, и прежде всего керамики» (Стрикалов, 2005. С. 59). В качестве примера можно привести известную хронологию артефактов Новгорода Великого (Колчин, 1982). Так, широко известные калачевидные кресала, встречающиеся в Новгороде в слоях X – первой половины XII в., на ряде памятников доживают до XVII–XVIII вв. (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 83; Воронин, 1951. С. 43; Завьялов, 1990. С. 150).

С трудностями в определении хронологии многометровых напластований мы столкнулись при исследованиях Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань), когда вещевых хроноиндикаторов оказалось не так много для датировки слоев, а древесина построек не позволила провести дендрохронологический анализ для всех пластов². В связи с этим встала задача разработки методики датирования культурных напластований на исследуемом участке.

Житный раскоп располагался в северо-восточной части кремля между Певческим корпусом и Гостиницей черни. Площадь раскопа – 160 кв. м. За 12 полевых сезонов (2004–2015 гг.) вскрыты культурные напластования мощностью более 6 м.

Основой для датирования слоев Житного раскопа послужила хронологическая шкала керамики, разработанная одним из авторов этой статьи для

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00153.

² Невозможность провести дендрохронологическое датирование на этом памятнике связано с тем, что в слоях ниже 14-го пласта при строительстве использовались или молодые деревья, что не позволило построить график необходимой длины, или же лиственные породы (главным образом дуб), для которых в настоящее время отсутствует дендрохронологическая шкала по территории Восточной Европы.

керамики Переяславля Рязанского. Распределение типов керамики по пластам коррелировалось с дендрохронологическими датами и хронологией бытования артефактов с относительно узкой датой (монеты, стеклянные браслеты, амфорная керамика и т. п.).

Хронологическая шкала керамики основана на анализе керамического комплекса из раскопок в Переяславле Рязанском в 1979–1980 гг. (руководитель А. А. Коновалов), в 1983 г. (руководитель М. М. Макаров) и наблюдений за строительными работами в г. Рязани. Этот анализ позволил дать общую характеристику развития гончарного производства Переяславля Рязанского с XII по XVIII в. и выделить наиболее характерные типы керамики (Судаков, 1986. Табл. 42; 1988. С. 32, 33). Классификация типов основана в первую очередь на изменениях в морфологии венчиков горшков, а также хронологии, исходя из их стратиграфического залегания в культурном слое. Последующие раскопки в целом подтвердили предложенную классификацию (Судаков, 1990), и она стала использоваться другими исследователями при анализе керамических материалов из раскопок на территории города (Буланкин, 1992; Коваль, 2011. С. 88).

Удачным примером использования результатов исследования керамики является применение В. Ю. Ковалем методов керамологии для хронологической стратификации городища Ростиславль и селища Мякинино-1 (Коваль, 2004; 2009).

При составлении хронологической шкалы керамики Житного раскопа за основу приняты методические разработки В. Ю. Ковалю (2014. С. 490–571) и И. Ю. Стрикалова (2006), дополненные и уточненные, исходя из особенностей керамического комплекса именно Переяславля Рязанского. Беря на вооружение методику В. Ю. Ковалю, надо заметить, что иногда она излишне формализована и приводит к делению одного типа керамики на несколько. Так, например, *тип IV* керамики Переяславля по формальным признакам (изменение наклона венчика и характер отгиба устья) разделяется на несколько типов по типологии В. Ю. Ковалю: 1.1, 6.1 и 38.2. Весьма незначительны бывают различия не только видов, но и типов. В этом плане очень продуктивно, на наш взгляд, выделение В. Ю. Ковалем условных типов венчиков (УТВ) (Коваль, 2014. С. 532–533, 552–553), хотя не все в группировке УТВ и их датировке однозначно.

В нашей статье римская цифра обозначает тип керамики, буква – подтип, а в скобках приводится номер класса и типа (иногда УТВ) по В. Ю. Ковалю.

По основным формам и типам керамика Житного раскопа в целом не отличается от материалов из предыдущих раскопок, различие прослеживается только в количественных характеристиках того или иного типа.

Керамика Переяславля Рязанского изготавливалась из слабоожеженных, беложгущихся (в основном нежеженных) и красножгущихся (ожеженных) глин. Подавляющую массу кухонной керамики составила посуда из тонких формовочных масс без визуально фиксируемых примесей или с примесью очень мелкого песка (типы 1.1–1.2 формовочной массы, по В. Ю. Ковалю). Фрагменты горшков из масс с примесями немногочисленны, датируются они преимущественно домонгольской эпохой и имеют примесь мелкого песка. Единичны фрагменты керамики из масс с примесью крупного (более 2 мм) кварца.

Посуда до XVIII в. изготавливалась преимущественно путем спирально-жгутового налёпа, изредка ленточного. На фрагментах керамики прослеживаются линии, спирали, места соединения жгутов, утолщения в нижних частях сосудов в результате прикрепления стенок к днищу. Изготовлена посуда на ручном гончарном круге. Такие сосуды снимались, а не срезались с круга: на многих днищах видны следы подсыпки песка, закраины. Изредка на днищах сосудов встречаются следы от кругов. Отмечены в ряде случаев следы заглаживания донца. Технология вытягивания сосуда из одного куска глины на ножном круге в Переяславле Рязанском начинает внедряться только с XVIII в., скорее всего, даже со второй его половины (Коваль, 2011. С. 91), а не с XVII в., как считалось ранее (Судаков, 1988. С. 32–33). Стенки сосудов, изготовленных на ножном круге, ровные. Посуда с ножных кругов срезалась: днища преимущественно ровные, без подсыпки и закраин, хотя сосуды, как свидетельствуют данные этнографии, могли срезаться и с ручных кругов (Малинина, 1931. С. 11).

Значительная часть керамики была обожжена в процессе *окислительного обжига*, она имеет цвет от белого и желтого до красного и коричневого. Керамика *восстановительного обжига* менее многочисленна, цвет ее поверхности и излома варьируется от светло-серого до темно-серого и черного. Обжигалась посуда преимущественно в горнах – горшки в большинстве своем хорошо обожжены (полный обжиг), черепки в изломе однослойные.

Большая часть посуды не орнаментирована. Зафиксированный на фрагментах сосудов орнамент типичен для керамики городов: различные

сочетания линейного, волнистого и линейно-волнистого орнаментов. «Штампованный» орнамент, довольно широко распространенный в Старой Рязани, встречается очень редко. Следует отметить, что система орнаментации изменяется на протяжении времени. Если в XII–XIII вв. у сосудов орнаментировались плечики и большая часть тулова, то в XVI–XVII вв. орнамент уходит на венчик, а с XVIII в. большинство горшков вовсе не орнаментировалось.

Наиболее многочисленна посуда I группы – керамика без дополнительной специальной обработки. Внутри нее подавляющую массу составляют остатки горшков (исследовано 172 674 фрагмента). Кувшины, миски, кубышки и другие формы немногочисленны (всего найдено 3704 фрагмента), и в данной статье они не рассматриваются.

Именно горшки содержат основную информацию по датировке. При подсчете количества венчиков учитывались все фрагменты, в том числе и мелкие, за исключением тех, которые невозможно было с высокой долей вероятности отнести к тому или иному типу. Всего изучено 16 866 венчиков.

В статье рассматриваются основные типы горшков, выступающих в роли *хроноиндикаторов*, немногочисленные по количеству переходные типы здесь не описываются.

Типы горшков

Тип I (3/4). Горшки имеют тулово конической формы, слегка приземистые, плечики покатые. Венчик прямой, черновой край его завернут внутрь, чистовой край как немного уплощенный, так и округлый. Изготовлены из красножгущихся, беложгущихся и слабожелезненных глин. Глина без визуально фиксируемых примесей. Дно обычно узкое, гладкое, без подсыпки. Изготовлены горшки с применением как ручного, так и ножного кругов. Посуда кухонная, часто встречаются следы нагара. Диаметр венчиков колеблется от 15 до 32 см, преимущественно 24–30 см, высота в основном 18–26 см. По характеру орнаментации – наличию или отсутствию – выделяются два подтипа.

Подтип IA (3/4). Орнамент на горшках отсутствует, изредка встречается одиночная волна, что является характерной чертой рязанской керамики. Отказ от орнаментации в начале XVIII в. в Переяславле Рязанском совпадает с аналогичной тенденцией в Коломне (Коваль, 2011. С. 107). Большое количество подобных горшков найдено во время раскопок бывшей Гончарной слободы Переяславля Рязанского (Челяпов, 2004; Вячин, 2007; 2009. С. 111. Рис. 4, 2, 4–7). В заполнении ямы 2

(постройка 1) в раскопе В. П. Челяпова горшки *подтипа IA* (Челяпов, Иванов, 2006. С. 156, 158, 159. Рис. 2, 38–43; 3, 2) соседствовали преимущественно с керамикой *подтипа IB* (Челяпов, Иванов, 2006. С. 156, 158. Рис. 2, 1–2, 4–7, 9–11, 13–18, 22–32); в незначительном количестве присутствовали и венчики *типа II* (Челяпов, Иванов, 2006. С. 156, 158. Рис. 2, 3, 7, 12, 19–21).

Керамика данного типа широко представлена и в раскопе В. П. Челяпова на территории Нижнего посада Переяславля Рязанского (Челяпов, 2009. С. 82, 93, 94. Рис. 2, 1, 2, 5; 3, 2, 5, 7, 8; 4, 1–8). В ямах венчики горшков данного типа найдены в подавляющем количестве, венчики других типов (преимущественно *типа IB*) единичны (Челяпов, 2007).

Датируются горшки данного типа XVIII–XIX вв. (рис. 1, 1–11).

Подтип IB (3/4). Отличительной чертой данного типа является орнаментация: по венчику с внешней стороны острым инструментом проведено несколько витков линейного орнамента (рис. 1, 12–27). Посуда кухонная, часто встречаются следы нагара. А. Л. Монгайт датировал эту керамику XVII в. (Монгайт, 1961. С. 279). В Москве и на памятниках Поочья она также относится к XVII в. (Коваль, 2001. С. 106). И в Переяславле Рязанском подобная керамика существовала в основном в XVII в. (Судаков, 1986. Табл. 42. Тип. 2; 1990. С. 36–37; Коваль, 2011. С. 93). На территории Нижнего посада Переяславля Рязанского керамика *типа IB* встречена в слое вместе с горшками *типа IA* (Челяпов, 2009. С. 82–83; 94, 97. Рис. 4, 9–10, 12, 15; 6, 3–4).

Горшки **типа II (3/3)** по форме близки к горшкам I типа. Тулово конической формы с высокими покатыми плечиками, прямым венчиком, край которого загнут внутрь (рис. 2). Отличие от горшков *типа I* состоит в том, что чистовой край приострен или утоньшен. По венчику с внешней стороны острым инструментом проведено несколько витков линейного орнамента. На ранних сосудах этого типа орнамент спускается на плечики, но в процентном отношении (1–2%) такие горшки немногочисленны. Посуда кухонная, часто встречаются следы нагара.

Тип II (3/3) является доминирующим в керамике Коломны и был широко распространен в Среднем Поочье в XV–XVI вв., куда из Коломны и поступал (Коваль, 2001; 2005). На Житном раскопе в частности и в Переяславле Рязанском в целом горшки данного типа существовали в основном в конце XV–XVI вв. В этом плане показателен

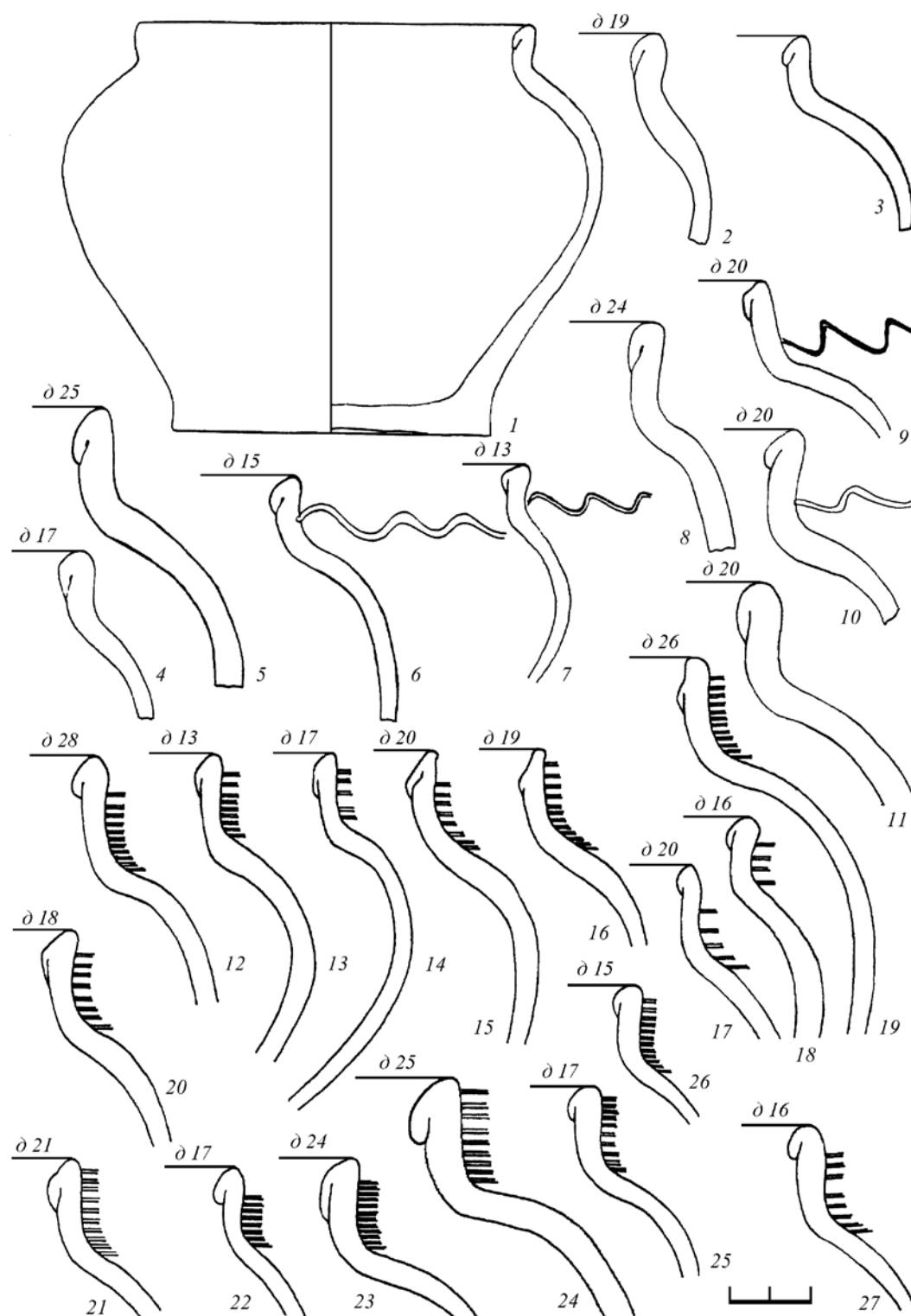

Рис. 1. Керамические сосуды Переяславля Рязанского
1–11 – подтип IА; 12–27 – подтип IБ

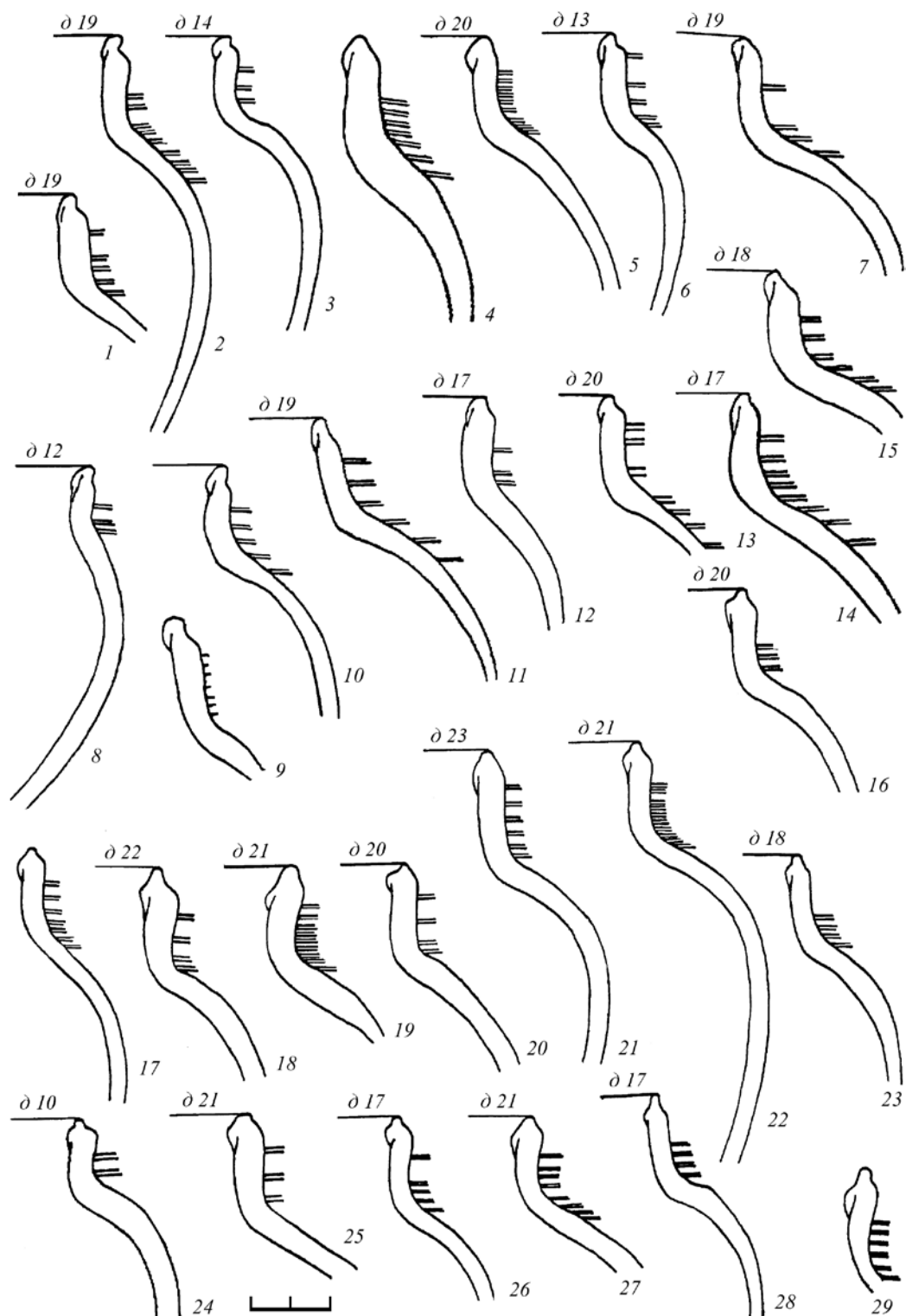

Рис. 2. Керамические сосуды Переяславля Рязанского
1-3, 6, 8-14 – подтип IА; 4-5, 7, 15 – подтип IБ; 16-29 – подтип IВ

материал из ямы 13 из раскопа А. А. Вячина 2006 г. на Нижнем посаде. Керамика данного типа здесь является преобладающей, фрагменты керамики *подтипа IB* немногочисленны, единичны и горшки *типа IV* (Вячин, 2006. Рис. 198–217). В заполнении ямы найдены две серебряные копейки и денга Ивана IV 1535–1547 гг., а также девять маленьких медных пул, распространенных в 80-х гг. XV в. – 30-х гг. XVI в. (Вячин, 2006. С. 75).

Горшки данного типа продолжали существовать и в начале XVII в., но их доля, как показали материалы раскопок на территории бывшей Рыбачьей слободы г. Рязани, постоянно снижалась (Коваль, 2005. С. 256, 259, табл. 1).

Следует также отметить, что наряду с привозной коломенской керамикой существовали и местные горшки типа II, отличительной особенностью которых являлось использование слабожелезненных глин.

В **типе II** выделяется несколько подтипов.

Подтип IIА (3/3В). Особенностью горшков данного подтипа являются приостренный чистовой край венчика с глубокой канавкой на внешней стороне и плотно прижатый к внутренней стороне устья черновой край (рис. 2, 1–3 6, 8–14).

Подтип IIБ (3/3Ж) – венчики горшков, как и у подтипа IIА, имеют приостренный чистовой край и плотно прижатый к внутренней стороне устья черновой край, но на внешней части чистового края проходит глубокий срез (рис. 2, 4–5, 7, 15).

Подтип IIВ (3/3Е) – венчики горшков данного подтипа имеют плотно прижатый к внутренней стороне устья черновой край, но приостренность чистового края образуют две профилирующие ложбинки (рис. 2, 10–29).

Тип III (1). По форме он сходен с горшками типа II, отличаясь тем, что вертикальный венчик вверху без следов чернового края имеет или закругленный, или заостренный чистовой край. Линейный орнамент также размещается на венчике, однако линии часто более широкие. На ранних сосудах этого типа орнамент в единичных случаях спускается на плечики. Такие сосуды изготавливались по преимуществу из беложгущихся глин, это тоже так называемая керамика коломенского типа. Часть горшков изготовлена из слабожелезненных глин, что является, как отмечалось выше, спецификой керамического производства в Переяславле Рязанском (рис. 3). Изготовление горшков типа III из слабожелезненных глин можно считать сохранением предыдущих традиций. В Москве такая керамика датируется XVI в. (Розенфельдт, 1968.

С. 45); в Переяславле Рязанском в целом и на Житном раскопе в частности подобная керамика встречается преимущественно с горшками *типа II* (3/3) и также может датироваться XVI в. (Судаков, 1986. Табл. 42, тип III; 1990. С. 37).

Тип IV (1/1). Это маленькие и средние горшки конусообразной формы с диаметром венчика от 12 до 20 см, равным высоте сосудов. Венчик вертикальный, без следов чернового края. В плечико переходит обязательно через уступ, шейки нет. Горшки этого типа изготовлены из слабожелезненных глин с примесями мелкого песка или без визуально фиксируемых примесей, обожженных в окислительном режиме. Обжиг хороший, все черепки однослойные. В основном горшки не орнаментированы, только на некоторых фрагментах на плечиках встречается неровный линейный орнамент или 2–3 желобка шириной 1–3 мм. На сосудах данной группы часто видны следы обтачивания плечиков.

Выделяется несколько подтипов.

Подтип IVA (1/1). Это основной подтип, край у горшков приострен или закруглен (рис. 4, 1–3, 10–12, 16–18).

Подтип IVБ (1/1). Край у горшков данного подтипа немного отогнут наружу и вытянут вверх (рис. 4, 4–8, 13–14, 16–18).

Подтип IVВ (1/1). Особенность данного подтипа по сравнению с предыдущим состоит в том, что венчик расширяется, и образуется подобие уступа, край часто немного отогнут наружу и вытянут вверх, а ребро при переходе к плечику часто отсутствует (рис. 4, 9).

В Переяславле Рязанском данные подтипы горшков являются наиболее ярким хроноиндикатором XV в. (Судаков, 1986. Табл. 42, тип IV; 1990. С. 37).

Подтип IVГ (38/2). Это те же горшки *типа IV* (1/1), но венчик у них «завален» внутрь. Преимущественно не орнаментированы. Изредка присутствует линейный орнамент на венчике и плечиках (рис. 4). Целый подобный горшок найден при раскопках на валу кремля Переяславля Рязанского в слое последней четверти XV – начала XVI в. (Буланкин, Иванов, Судаков, 2010. С. 141–142. Рис. 7, 4).

Керамика *типа IV* является характерной именно для Переяславля Рязанского, в других местах она встречается крайне редко. В XVI в. происходит отказ от прежней линии развития керамического производства, и рязанскими гончарами воспринимаются коломенские традиции. В. Ю. Коваль несомненно прав, утверждая, что это было возможно только при личном участии коломенских гончаров, по-видимому, в результате уничтожения в Переяславле Рязанском гончарной слободы (Коваль, 2011.

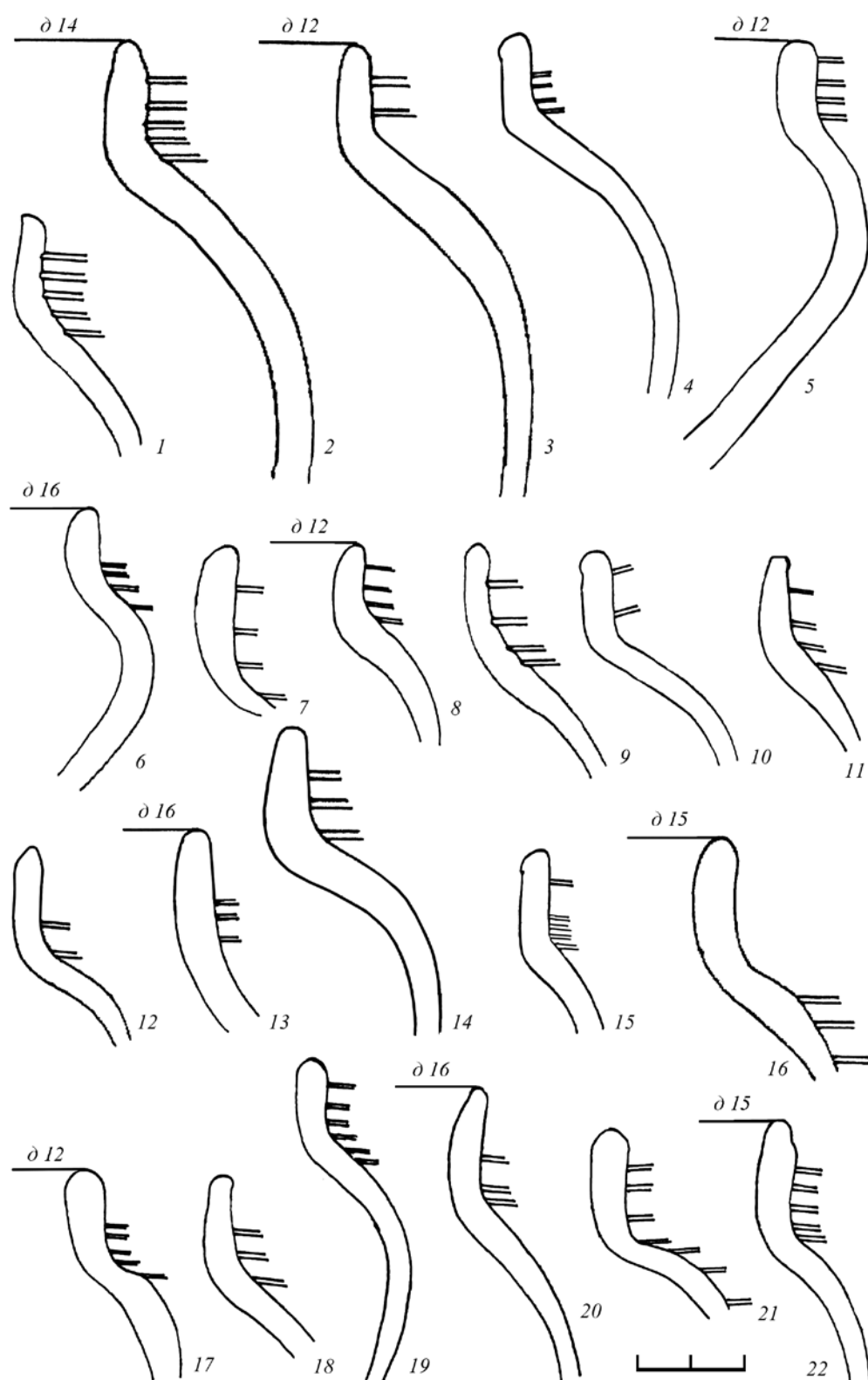

Рис. 3. Керамические сосуды Переяславля Рязанского. Тип III

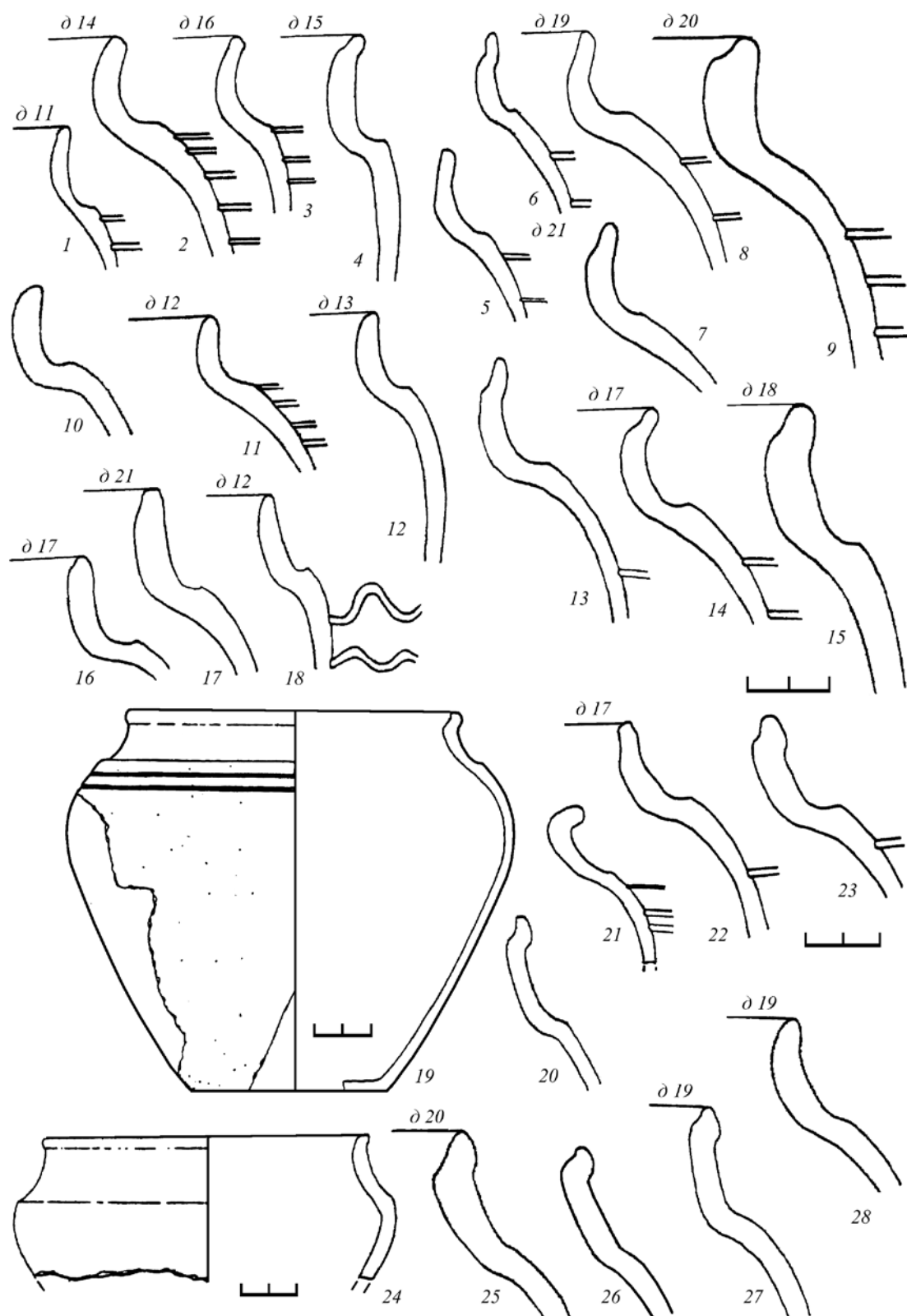

Рис. 4. Керамические сосуды Переяславля Рязанского

1-3, 10-12, 16-18 – подтип IVA; 4-8, 13-14 – подтип IVB; 9 – подтип IVB; 19-28 – подтип IVT

С. 121). Возможно, это произошло после 1512 г.: в ходе очередного нападения на город татары, как указывается в летописи, не смогли захватить город (территория современного кремля), но взяли Острог (ПСРЛ. Т. 13, 1965. С. 15). Можно вполне допустить, что пострадали также расположенные рядом с городом слободы, в том числе и Гончарная.

Тип V (1). Сходен с горшками *типа III (1)*, но большинство сосудов этого типа не орнаментированы, только на некоторых по плечу идут одна-две волны шириной 2–3 мм. Венчик также имеет или закругленный, или заостренный чистовой край, через низкую шейку переходит в низкие овальные плечики. Встречаются как маленькие сосуды с диаметром венчика 12–16 см, так и средних размеров с диаметром венчика 20–22 см. Изготавливалась такая керамика из слабожелезистых глин с небольшим добавлением мелкого песка. Горшки хорошо обожжены преимущественно в восстановительном режиме. Посуда кухонная, на стенках часто видны следы нагара.

Выделяются два подтипа.

Подтип VA (1) имеет вертикальный венчик без следов чернового края, чистовой край или закруглен, или заострен (рис. 5, 1–16).

У **подтипа VB (21/2)** венчик имеет такое же завершение, но он плавно отогнут наружу (рис. 5, 17–22).

Материалы Житного раскопа позволили расширить датировку горшков данного типа до начала XVI в., (а не только XIV в., как автор считал ранее – Судаков, 1986. Табл. 42, тип V; 1990. С. 37, 38). Дело в том, что они довольно долгий период времени соседствовали вместе с горшками *типа IV (1/1)*.

Тип VI (13/1). Горшки по размерам преимущественно средние и низкие; тулово усечено-конической формы; прямой венчик отогнут наружу, а черновой его край завернут внутрь и плотно прижат, образуя валик (рис. 6). Через высокую шейку он переходит в низкие покатые плечики (как правило, без уступа). Аналогия керамики данного типа есть в Москве – красноглиняные горшки XIV в. (Розенфельдт, 1968. С. 14). Этим же временем они датируются в Переяславле Рязанском (Судаков, 1986. Табл. 42. Тип VI; 1990. С. 38).

Тип VII (4/1). Представлен сосудами с вертикальным венчиком, черновой край которого отогнут наружу и прижат, образуя валик (рис. 7). Горшки в основном средних размеров с диаметром венчика 18–24 см, реже встречаются горшки с диаметром венчика 10–14 см. Если большая часть сосудов вышеперечисленных типов – тонкостенная посуда (3–4 мм), то среди керамики типа VII довольно часто встречаются толстостенные горшки (5–7 мм). Черепки в изломе однослойные.

Выделяются два подтипа.

Подтип VIIA (4/1). В количественном отношении преобладает среди других подтипов. Венчик переходит в низкие покатые плечики. Посуда кухонная, преимущественно неорнаментированная, только на отдельных фрагментах встречается линейный и волнистый орнамент (рис. 7, 1–12, 14, 16–21).

Подтип VIIB (4/1). Отличается от *подтипа VIIA* тем, что венчик переходит в плечики через уступ, а также более частым нанесением орнамента на плечиках (рис. 7, 13, 15). Хронологически это более ранний вариант.

Венчики *типа VII (4/1)* в южнорусских землях и на Рязанщине бытовали в XIII–XIV вв. (Стрикалов, 2003. С. 376. Рис. 4), в Гжели в XVI в. были едва ли не единственной формой венчиков горшков (Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 5, 7). В Переяславле Рязанском встречаются в слоях XIV–XV вв. (Судаков, 1986. Табл. 42). Уточнить датировку данного типа помогает материал из ямы 3 из раскопа А. А. Вячина 2006 г. на Нижнем посаде. В отчете приводится общая характеристика керамики, и нет описания типов с указанием количества по ямам, но керамика данного типа здесь, насколько можно судить по рисункам, является преобладающей (Вячин, 2006. Рис. 139–166). Фрагменты керамики XIII в. немногочисленны, единичны и горшки XV в., что позволяет в целом продатировать яму 3 XIV в.

На Житном раскопе горшки *подтипов VIIA и VIIB (4/1)* встречаются во всех пластах в очень небольшом количестве (от 0,2 до 4,8% – здесь и далее от всей керамики пласта), что можно объяснить открытым характером комплекса. Сопоставление процентного соотношения разных типов керамики позволяет уточнить основное время бытования горшков данного типа. В пласте 24 горшки *типа VII (4/1)* составляют 17,8% (в 25-м пласте их всего 2,7%), при этом преобладают здесь горшки *типа VI (13/1)* (35,8%), характерные для XIV в., а горшков XV в. *типа IV (1/1)* всего 4,3%. В пластах 22–23 горшки *типа VII (4/1)* составляют уже соответственно 39,1 и 19,8%, а *типа IV (1/1)* – 21,5 и 43,4%. В пласте 21 количество венчиков *типа VII (4/1)* уменьшается до 3,5%, зато венчики *типа IV (1/1)* становятся доминирующими – 76,7%. В связи с вышесказанным время распространения горшков *типа VII (4/1)* на Житном раскопе можно определить концом XIV – первой половиной XV в.

Тип VIII (3/1, 8/1). Это сосуды усечено-конической формы. Венчики с вертикальной или немного наклоненной внутрь шейкой с заворотом чернового края внутрь сосуда. В тулово венчик переходит преимущественно через уступ. В большинстве

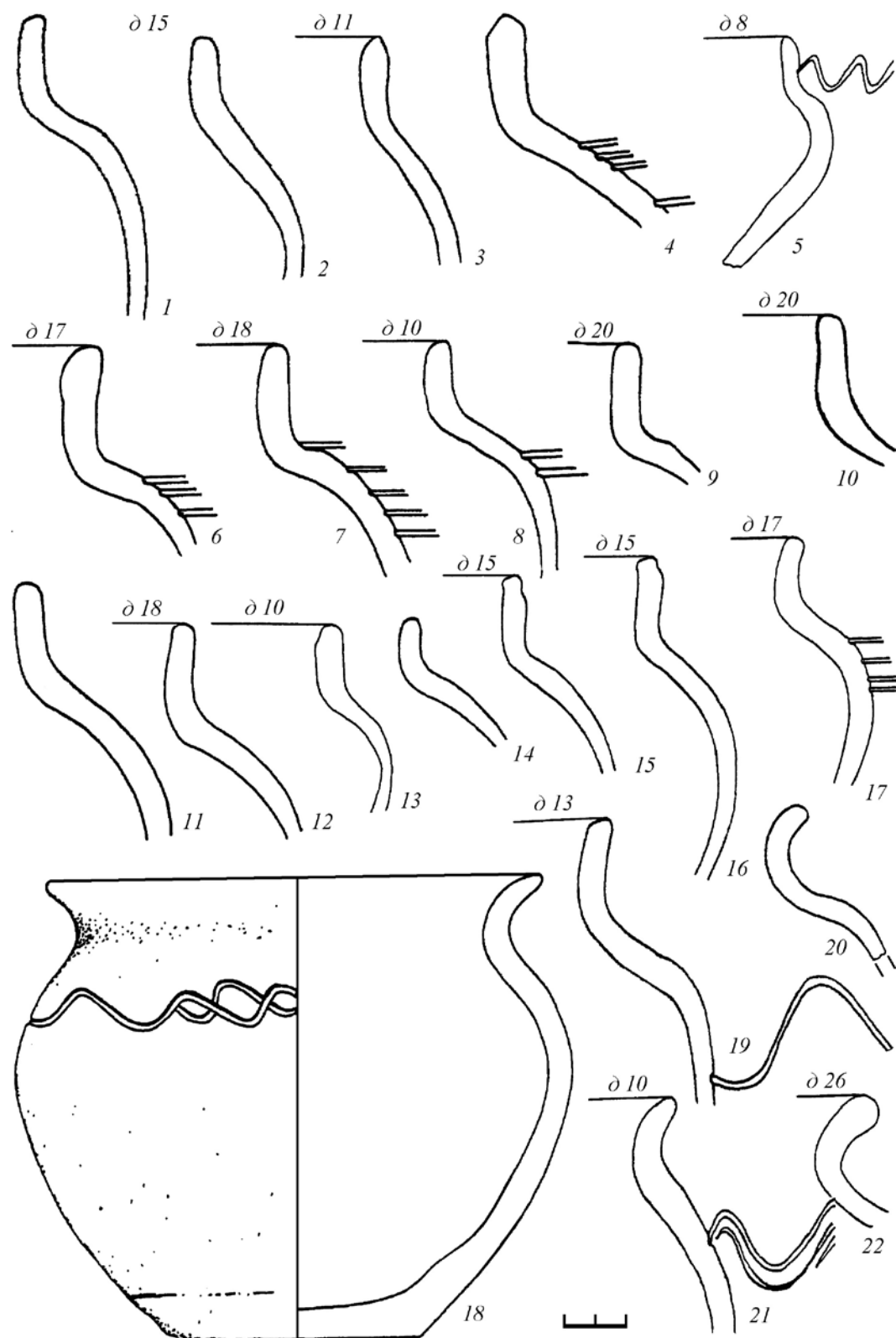

Рис. 5. Керамические сосуды Переяславля Рязанского
1–16 – подтип VA; 17–22 – подтип VB

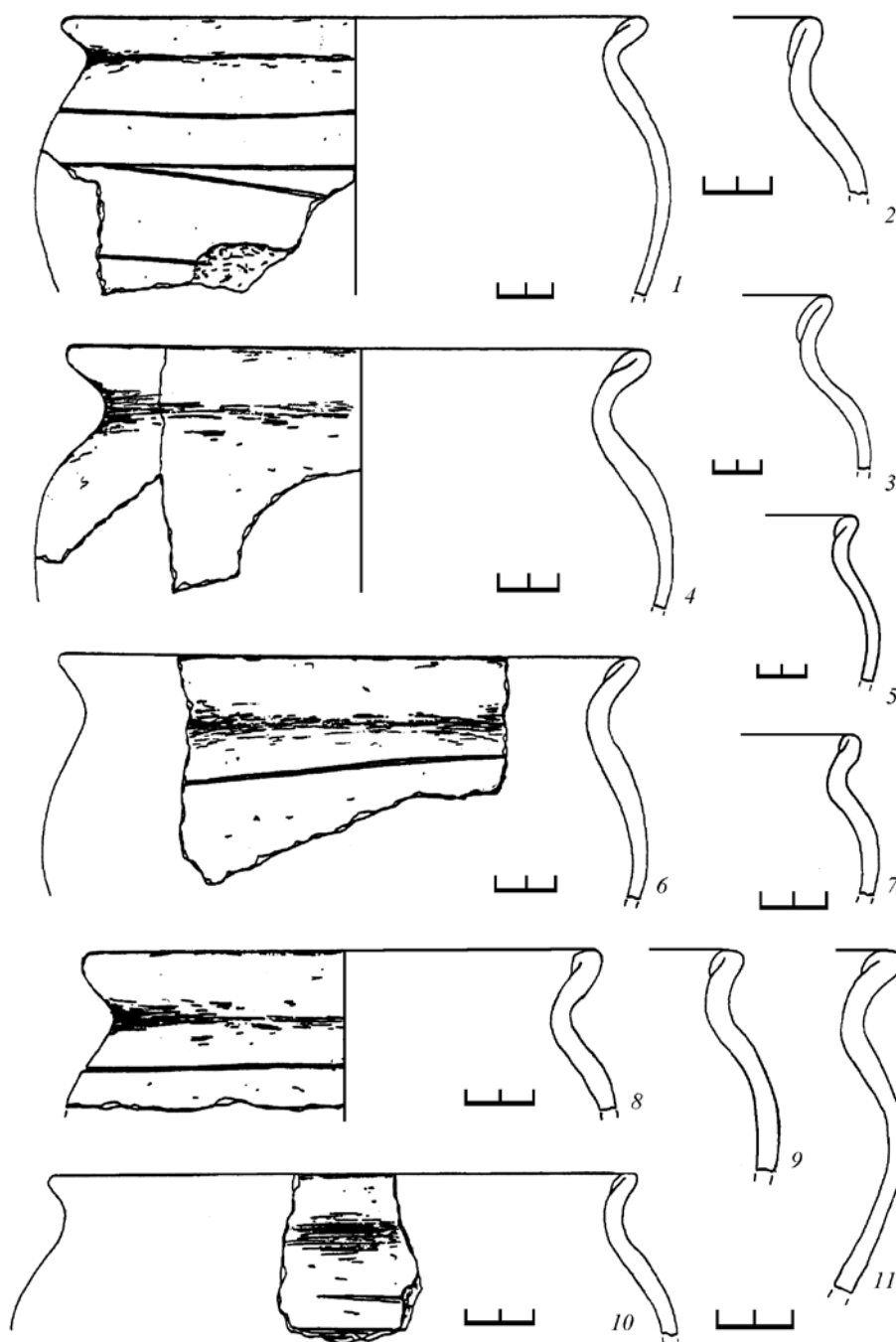

Рис. 6. Керамические сосуды Переяславля Рязанского. Тип VI

своим горшки хорошо обожжены, черепок в изломе однослойный. Сосуды данного типа довольно часто покрыты различными вариантами линейного (от сплошного до зонного), волнистого и линейно-волнистого орнамента.

Выделяются два подтипа.

Подтип VIIA (3/1). У горшков данного подтипа чистовой край венчика сформирован довольно сложной операцией: черновой край сначала

отгибался наружу, а потом заворачивался внутрь, образуя валик (рис. 8, 1–2).

Подтип VIIБ (8/1). Морфологически и хронологически близок к вышеописанному подтипу. Черновой край отогнут наружу и завернут на внешний край вертикальной или немного наклоненной внутрь шейки, образуя округлый валик и очень часто небольшую площадку перед ним (рис. 8, 3–4).

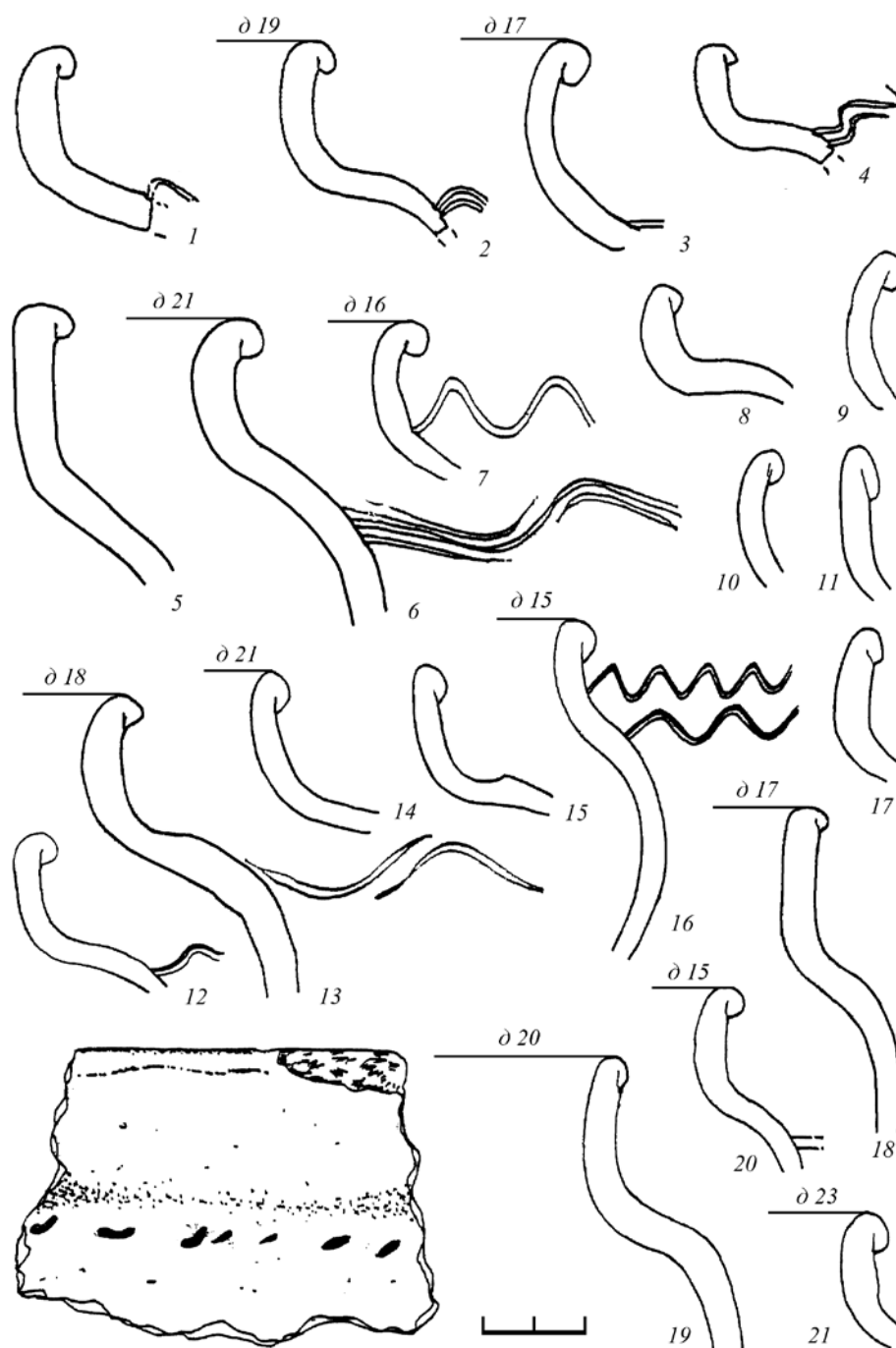

Рис. 7. Керамические сосуды Переяславля Рязанского

1–12, 14, 16–21 – подтип VIIA; 13, 15 – подтип VIIБ

В Переяславле Рязанском *тип VIII* (3/1, 8/1) по материалам предыдущих раскопок датировался второй половиной XIII – первой половиной XIV в. (Судаков, 1990. С. 38). На Житном раскопе он значительную часть времени бытовал и с горшками *типа IX*, что позволяет расширить время его существования и на первую половину XIII в.

Тип IX (18/1–2, 23/1–2, 28/1, 2, 5). Этот тип включает в себя горшки с разной конструктивной схемой (по В. Ю. Ковалю): IV – «венчики ... с вертикальной шейкой и резким переломом профиля при переходе в отогнутое наружу устье»; V – «плавно изогнутые в наружную сторону венчики»; VI – «венчики ... с шейкой, наклоненной внутрь

горшка, и устьем, отогнутым наружу (через резкий перелом профиля), т. е. относящиеся к изогнутым» (Коваль, 2014. С. 517–518, 543–544). Общим у этих сосудов является заворот черного края внутрь горшка. Большое сходство горшков данного типа позволило В. Ю. Ковалю объединить их в два УТВ: УТВ 7 (18/1, 23/1, 28/1) и УТВ 8 (18/2, 23/2, 28/2). При этом основное отличие между ними заключается в том, что у первого валик уплощенный, подовального сечения, а у второго – сечение валика округлое (так называемые горшки курганного типа). Сосуды усеченно-конической формы, венчик переходит в плечики преимущественно через уступ. Горшки данного типа довольно часто покрыты различными вариантами линейного (от сплошного до зонного), волнистого и линейно-волнистого орнамента. В Переяславле Рязанском керамика данного типа датируется XII–XIII вв.

Выделяется несколько подтипов.

Подтип IXA (18/1–2). Очень схож с горшками типа VIIIБ (8/1), отличие состоит в том, что вертикальный венчик завершается отогнутым наружу немного под углом устьем (рис. 9; 1, 3, 5–6, 8).

Подтип IXБ (23/1–2). Горшки с плавно изогнутым в наружную сторону венчиком, устье которого отогнуто наружу под углом (рис. 9, 2, 4, 7, 9–15).

Подтип IXВ (23/1–2). Горшки с плавно изогнутым в наружную сторону венчиком, устье которого отогнуто наружу параллельно дну (рис. 10, 1–5, 7–11).

Подтип IXГ (28/1–2Б). Венчики с изогнутой шейкой, наклоненной внутрь горшка, и устьем, отогнутым наружу под углом (рис. 10, 13–16, 18–21).

Подтип IXД (28/5). Венчики с изогнутой шейкой, наклоненной внутрь горшка, и устьем, отогнутым наружу параллельно дну, край его закруглен и завернут внутрь (рис. 10, 6, 12, 17, 22–25).

Тип X (8/2–5, 12/2, 13/1). Этот тип также включает в себя горшки с разной конструктивной схемой (по В. Ю. Ковалю) и частично совпадает с УТВ 1. Представлен сосудами усеченно-конической формы с высоким так называемым цилиндрическим венчиком. Венчики преимущественно вертикальные, но встречаются и прямые, отогнутые наружу; шейка иногда несколько изогнута, в тулово переходит в основном через уступ. У большинства венчиков черновой край завернут внутрь сосуда, при этом устье у некоторых может быть отогнуто наружу под острым или прямым углом к шейке. Встречаются и венчики со срезанным краем. В большинстве своем горшки хорошо обожжены, черепок в изломе однослойный, тесто с примесью песка. Стенки горшков покрыты линейным или волнистым орнаментом. Довольно широко были распространены в XI–XIII вв.,

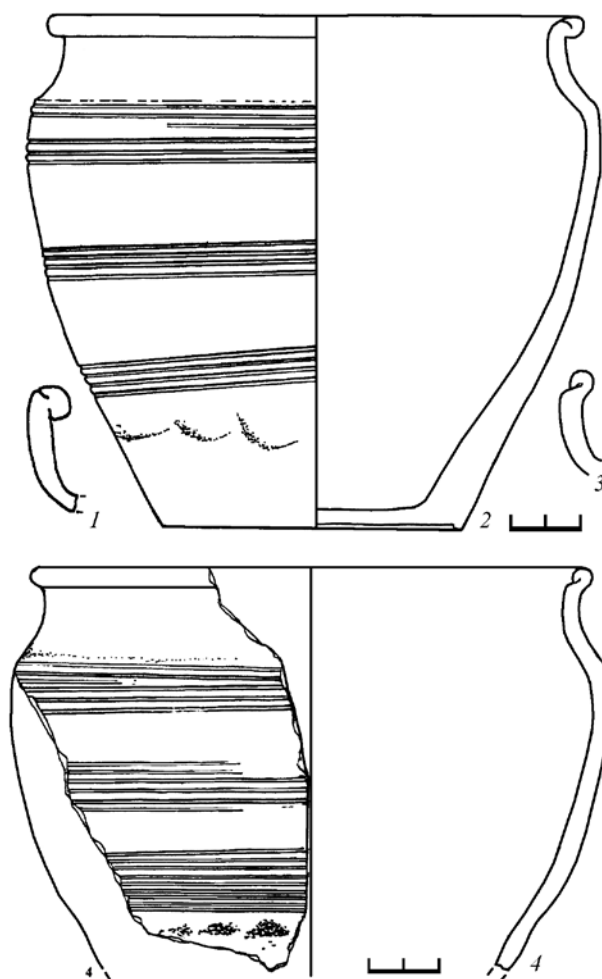

Рис. 8. Керамические сосуды Переяславля Рязанского
1–2 – подтип IXA; 3–4 – подтип IXБ

в том числе в Подмоскowie (Равдина, 1991. Табл. 7, 1, 2), Старой Рязани (Стрикалов, 2006. С. 102–104. Рис. 19). И. Ю. Стрикалов называет их горшками-кринками (горшки без устья). Учитывая тот факт, что среди материалов Житного раскопа не встречено ранних форм, в том числе венчиков, шейка которых покрыта глубокими линиями, напоминающими рифление, а также нет такого разнообразия орнамента, в том числе и «штампованного», можно сузить датировку керамики данного типа на раскопе до второй половины XII – первой трети XIII в. (рис. 11).

Таковы основные типы горшков Житного раскопа Переяславля Рязанского.

Хронологическое распределение керамики по пластам представлено на графике (рис. 12). Мы рассматриваем культурные напластования начиная с пласта 9, поскольку вышележащие слои представлены наносным и сильно перекопанным грунтом. Индивидуальные находки в них немногочислен-

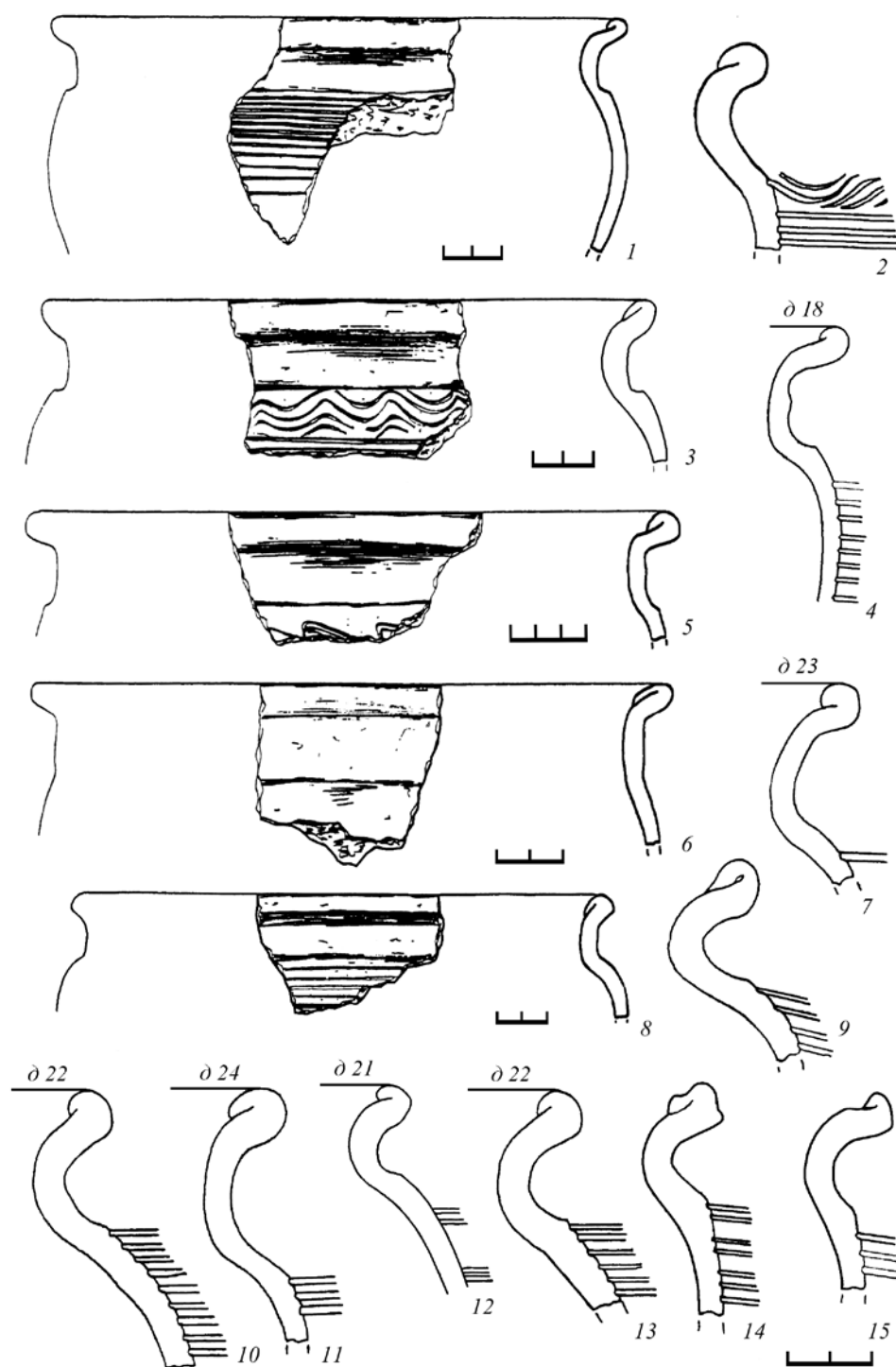

Рис. 9. Керамические сосуды Переяславля Рязанского

1, 3, 5, 6, 8 – подтип IXA; 2, 4, 7, 9–15 – подтип IXБ

ны, а керамика представлена фрагментами XVII–XX вв. Лишь с уровня пластов 7–8 можно говорить об относительно ненарушенном культурном слое. Характер этих напластований свидетельствует об интенсивной строительной деятельности (линзы извести, керамической крошки, белокамен-

ные блоки). В пласте 8 выделяется прослойка древесного угля толщиной до 5–7 см, которую, вероятно, можно связывать с пожаром 1646 г. Керамический комплекс в целом датируется в пределах XVII в. (Коваль, 2011. С. 90, 99). Датировку пластов 7–8 подтверждают многочисленные (бо-

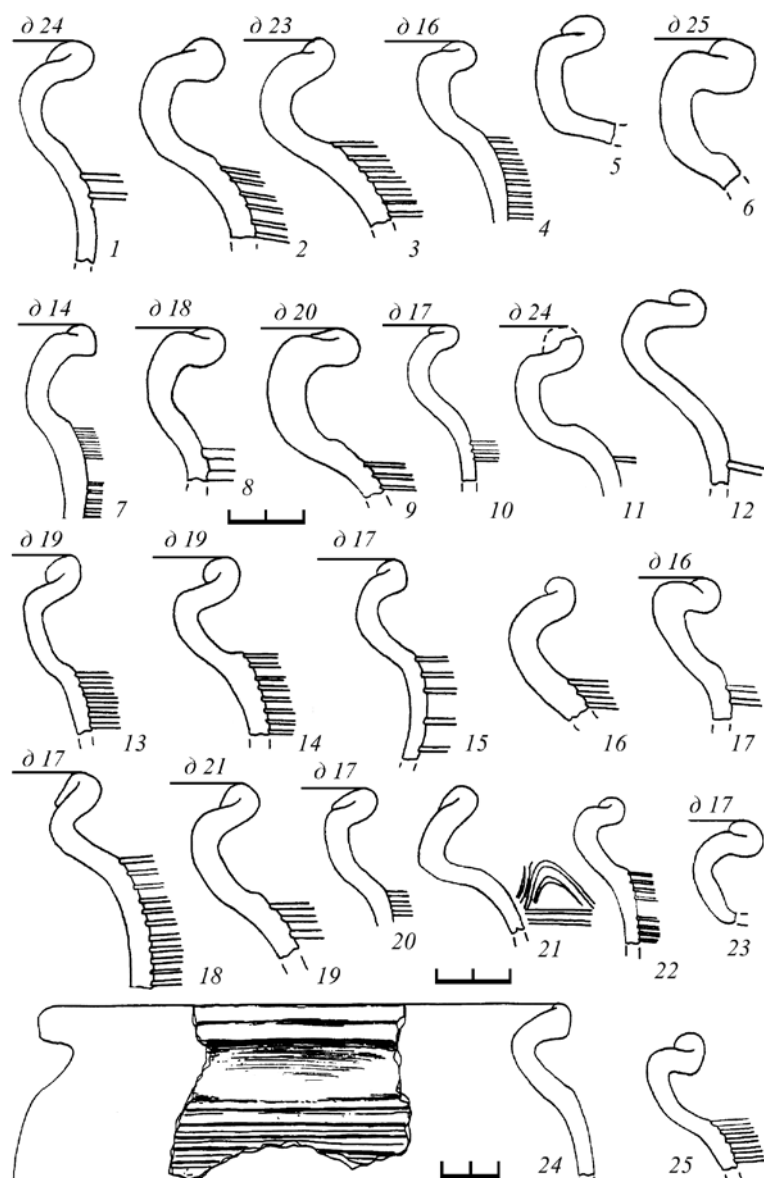

Рис. 10. Керамические сосуды Переяславля Рязанского

1–5, 7–11 – подтип IXB; 13–16, 18–21 – подтип IXГ; 6, 12, 17, 22–25 – подтип IXД

лее 70 фрагментов) осколки стеклянных сосудов, украшенных цветной палочкой. Исследователи относят такие сосуды к голландским штофам и датируют в основном XVII в. (Векслер, Лихтер, 2001). Из датированных находок пластов 7–8 следует упомянуть и 18 фрагментов изразцов (семь красноглиняных рамочных, восемь белоглиняных с зеленой поливой и три небольших фрагмента полихромных изразцов). Ниже пласта 8 изразцы практически не встречаются.

Отчетливо видна последовательность изменения керамического материала. При этом типы керамики, датируемые второй половиной XII – первой третью XIII в., концентрируются в пластах 27–30 (от 58,1 до 88,05%). Эту датировку подтверждает концентрация именно в этих слоях фрагментов стеклянных браслетов и византийских амфор (рис. 12). Вот как выглядит датировка пластов 25–30 по керамике и по амфорам³ (табл. 1).

³ Датировка амфор с Житного раскопа приведена В. Ю. Ковалем в его статье «Византийские амфоры в Переяславле Рязанском» (КСИА. Вып. 245. М., 2016).

Таблица 1. Датировка пластов 25–30 Житного раскопа в Переяславле Рязанском, по данным В. В. Судакова и В. Ю. Ковалья.

Пласты	Даты	
	В. В. Судаков (по керамике)	В. Ю. Коваль (по амфорам)
25	1-я пол. XIV в.	1-я пол. XIV в.
26	26А: 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	сер. и 2-я пол. XIII в.
	26Б: сер. (1-я пол.?) – 2-я пол. XIII в.	
27	27А: сер. (1-я пол.?) – 2-я пол. XIII в.	сер. и 2-я пол. XIII в.
	27Б: рубеж XII/XIII вв. – 1-я пол. XIII в.	
28	рубеж XII/XIII вв. – 1-я пол. XIII в.	1-я треть XIII в.
29 – до материка	2-я пол. (сер.) XII в. – рубеж XII/XIII вв.	2-я пол. или кон. XII в.

Сложнее обстоит дело с датировкой пластов 24–26, где примерно в равных долях представлена керамика XIII – первой половины XIV в. (от 27,4 до 34,5%) и XIV в. (от 35,8 до 47,7%). Но, как видно из таблицы 1, распространение амфорной тары с большой долей вероятности позволяет датировать пласт 26 второй половиной XIII, а пласт 25 – первой половиной XIV в. Отметим, что именно с пластом 25 связана основная масса сирийских стеклянных сосудов, датируемых не позже конца XIII – начала XIV в. (Завьялов,

2013. С. 95) Таким образом, пласты 22–24 следует отнести к середине – второй половине XIV в. Эту датировку подтверждает найденный в пласте 24 анонимный джучидский пул времени Джанибека с двуглавым орлом, чеканки Сарая ал-Джадид 740-х гг. (Гомзин, 2015. С. 157). В пласте 22 найдены фрагменты вазы типа «гюльабдан» с бирюзовой подглазурной росписью и чаши из рыхлого белого кашина, которые изготавливались в золотоордынских городах Поволжья во второй половине XIV в.

Пласты 20–21, где преобладает керамика XV – начала XVI в., но при этом доля керамики XVI в. незначительна, следует отнести именно к XV столетию. Нумизматические находки в этих напластованиях представлены серебряным подражанием Джучидам конца XIV – начала XV в. и серебряной монетой Ивана III, Москва, 1462–1467 гг. (Гомзин, 2015. С. 158, 159).

Основная масса керамики XV – начала XVI в. (от 46,1 до 86%) приходится на пласты 18–19. Из датирующих находок отметим три фальшивые монеты или заготовки монет 1462–1530-х годов, обнаруженные при зачистке пласта 18 (Гомзин, 2015. С. 159), и маленькое медное пуло, найденное на рубеже пластов 18 и 19 и датированное 1480–1530 гг. (Гомзин, 2011. С. 222).

Наиболее мощными оказались напластования, относящиеся к XVI в. (пласты 9–18). При этом нам представляется возможным разделить эти слои на первую половину XVI в. (пласты 15–18) и вторую половину XVI в. (пласты 9–14). Основанием для такого разделения является значительная доля керамики XV – начала XVI в. (28,9–46,1%) в пластах 15–18. Для пластов 9–12 имеется ряд дендродат, укладывающихся в 1547–1590 гг. (Карпунин, Соловьева, 2011. С. 183–185).

Таким образом, результаты исследования хронологического распределения керамического материала свидетельствуют, что, несмотря

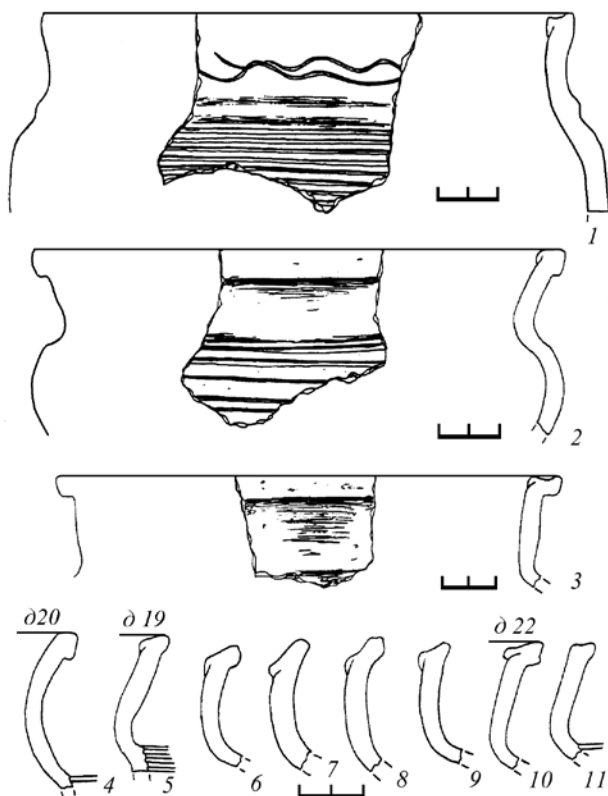

Рис. 11. Керамические сосуды Переяславля Рязанского. Тип X

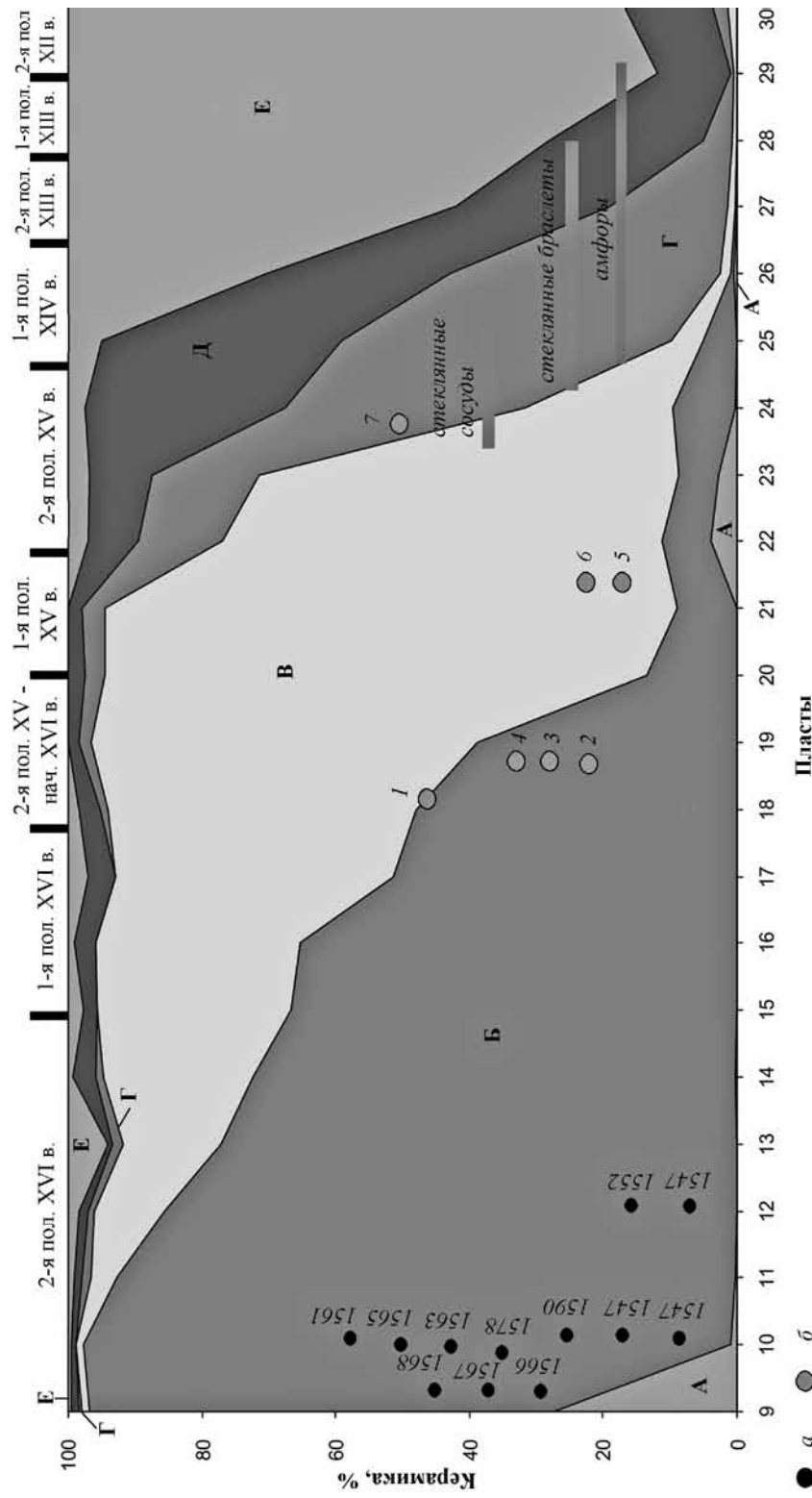

Рис. 12. Хронологическая шкала напластований Житного раскопа в Переяславле Рязанском

А – XVII в.; Б – XVI в.; В – XV – нач. XVI в.; Г – XIV в.; Д – XIII – 1-я пол. XIV в.; Е – 2-я пол. XII – 1-я треть XIII в.; а – дендродаты; б – монетные находки (1 – медное пуло, 1480–1530; 2–4 – монетные заготовки, 1462–1530; 5 – серебряная монета Ивана III, 1462–1467; 6 – подражание Джучидам, кон. XIV – нач. XV в.; 7 – джучидское пуло, 60-е годы XIV в.)

на открытый характер памятника, стратиграфические слои могут быть датированы в относительно узких пределах. Представленные материалы в основном подтверждают датировку типов керамики Переяславля Рязанского, предложенную в упоминавшихся выше работах В. В. Судакова.

Наблюдения за распределением керамики свидетельствуют об интенсивной жизнедеятельности на исследуемом участке в XVI в. (когда за столетие накопилось около 2 метров культурного слоя) и периода некоторого запустения участка во второй половине XIII – XIV в.

Литература

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М.: Наука. 148 с.

Буланкин В. М., 1992. Отчет о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г./Архив ИА РАН. № 22578–22581.

Буланкин В. М., Иванов Д. А., Судаков В. В., 2010. Вал кремля Переяславля Рязанского по данным археологических исследований 2009 г.//Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. А. Городцова. Рязань: РИАМЗ. С. 134–145.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы//Древние ремесленники Приуралья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. С. 365–375.

Воронин Н. Н., 1951. Раскопки в Старице//КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 42–47.

Вячин А. А., 2006. Отчет об охранных археологических раскопках на Нижнем посаде Переяславля-Рязанского (г. Рязань), ул. Скоморошинская, д. 5 в 2006 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 36151–36153.

Вячин А. А., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы г. Рязани в 2007 г. (ул. Грибоедова, д. 47–59, в 68 квартале)/Архив ИА РАН. Р-1. № 47034–47035.

Вячин А. А. 2009. Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани//Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы научной конференции. Рязань. С. 102–112.

Гомзин А. А., 2011. Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVII вв. из Переяславля Рязанского//Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 207–230.

Гомзин А. А., 2015. Монетные находки XIV–XVI вв. в кремле Переяславля Рязанского (сезоны

2009–2013 гг.)//Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. Материалы докладов и сообщений. М.: ГИМ. С. 156–160.

Завьялов В. И., 1990. Изделия из черного металла//Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА АН СССР. С. 134–156.

Завьялов В. И., 2013. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2012 г. Том 1/Архив ИА РАН. Р-1. № 34548.

Карпунин А. А., Соловьева Л. Н., 2011. Предварительные результаты дендроанализа образцов древесины из Житного раскопа в Переяславле Рязанском//Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 168–189.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве//РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии//Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 58–88.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа//Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула. С. 251–265.

Коваль В. Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1)//АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 142–152.

Коваль В. Ю., 2011. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв.//Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 87–122.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII вв.) и раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Методические рекомендации//АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 490–571.

Коваль В. Ю., 2016. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском//КСИА. Вып. 245. М. (В печати.).

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Малинина М. Д., 1931. Техника гончарства Мещеры // Исследования и материалы Рязанского среднеокского музея. Вып. 7. Рязань. 26 с.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 532 с.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.: ИА АН СССР. С. 7–13.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее окружи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 372–381.

Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли. С. 36–89.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М. 30 с.

Судаков В. В., 1986. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Судаков В. В. 1988. Керамика Переяславля Рязанского // Научные чтения. Археология Рязанской земли. Тез. докл. Рязань. С. 32–33.

Судаков В. В., 1990. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17660–17662.

Челяпов В. П., 2004. Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля Рязанского в 2004 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26526.

Челяпов В. П., 2007. Отчет об охранных раскопках на Нижнем посаде г. Переяславля-Рязанского (современный г. Рязань, ул. Свободы д. 4.) в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44308.

Челяпов В. П., 2009. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 году // Битва на Воже и средневековая Русь. Матер. науч. конф. Рязань: Политех. С. 81–101.

Челяпов В. П., Иванов Д. А., 2006. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Матер. науч. конф. Рязань: Политех. С. 155–167.

Черных Е. Н., Черных Н. Б., 2005. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. С. 9–42.

V. I. Zavyalov, & V. V. Sudakov

The stratigraphy and chronology of the Zhitny excavations in the Pereslavl-under-Ryazansk Kremlin

Summary

The stratigraphy and chronology of this excavation are examined from the aspect of the material most prevalently recovered during the dig – ceramics. The article puts forward dating for different kinds of ceramics found at Pereslavl. When establishing the

dates for the stratigraphic layers, comparisons of the dating for the mass material was made with dating for the domestic items found. The earliest deposits at this excavated date can be attributed to the latter half of the 12th century.

Д. А. Иванов

Воздуходувные сопла с древнерусского производственного поселения Истье 2

Воздуходувные сопла – категория находок, традиционно связываемая с железоделательным производством. Они – неотъемлемая часть воздуходувного устройства, служащая для подвода воздушной струи из меха в саму печь при сыродутной варке железа.

В настоящей работе представлен первичный анализ керамических сопел, собранных в ходе исследований древнерусского производственного поселения Истья 2 на окраине с. Истье Старожилковского р-на Рязанской обл. Поселение открыто В. М. Буланкиным в 2008 г. (Буланкин, 2009; Буланкин, Киселев, 2010). С 2009 г. памятник исследуется отдельным Истьянским отрядом Переяславль-Рязанской археологической экспедиции (ПРАЭ), сформированным по инициативе доктора исторических наук В. И. Завьялова на базе ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник». Работы проводились в рамках проекта «Черная металлургия великого княжества Рязанского» (РГНФ) и программы «Источники сырьевых ресурсов древнерусских ремесленных центров» (РФФИ) (Завьялов, 2010).

За годы работы экспедиции удалось собрать значительный по объему материал древнерусского времени, свидетельствующий о ярко выраженной производственной направленности поселения, связанной в первую очередь с железоделательным производством. К этим свидетельствам относятся такие следы металлургического производства, как многочисленные железные шлаки, обломки глиняных сопел, куски железной руды и кричного железа. Здесь же, вероятно, проходила и переплавка лома цветного металла, о чем свидетельствуют медные шлаки, значительное количество бронзовых изделий XI–XIII вв., имеющих, как правило, сломы, деформацию первоначальной формы, следы резки или рубки (Завьялов, Терехова, 2013).

Поселение стало рассматриваться как крупный специализированный металлургический центр с производством железа такого масштаба, что могло обеспечить нужды крупного городского ремесленного центра, например, Старой Рязани. Столичный центр располагался всего в 24 км по прямой от поселения Истье 2 и имел удобное сообщение с ним по течению рек Истья и Прони (Буланкин, Завьялов, Иванов, 2012. С. 166–173).

Археологические исследования поселения Истье 2 выявили богатый и разнообразный вещевой материал конца XII – XIII в. Наряду с бытовыми предметами, орудиями труда, оружием и украшениями здесь найдены и статусные артефакты, такие как свинцовая пломба, фрагменты стеклянных сосудов, кресты-энколпионы, обломки амфор для хранения вина и масла, обычно связываемые с крупными городскими центрами и характеризующие высокое социальное положение их владельцев.

Обнаруженный археологический материал стал основным источником сведений о рязанском металлообрабатывающем и металлодобывающем ремесле и его технике в древнерусское время. За все годы исследований на поселении Истье 2 обнаружено 1117 обломков глиняных сопел. Подавляющее большинство из них (1003 экз.) происходит из раскопа 2, при этом 688 фрагментов найдено только при расчистке остатков выявленного здесь производственного сооружения (домницы). Анализ планиграфии расположения находок воздуходувных сопел, при всей их разбросанности по территории памятника, показал, что в основном они концентрируются в центральной и восточной частях поселения, по обоим склонам в настоящее время слабо выраженного в рельефе древнего овражка и при примыкании его к бровке реки Истья (рис. 1).

В качестве сырья для формовки истьянских сопел использовалась слабоожеженная глина

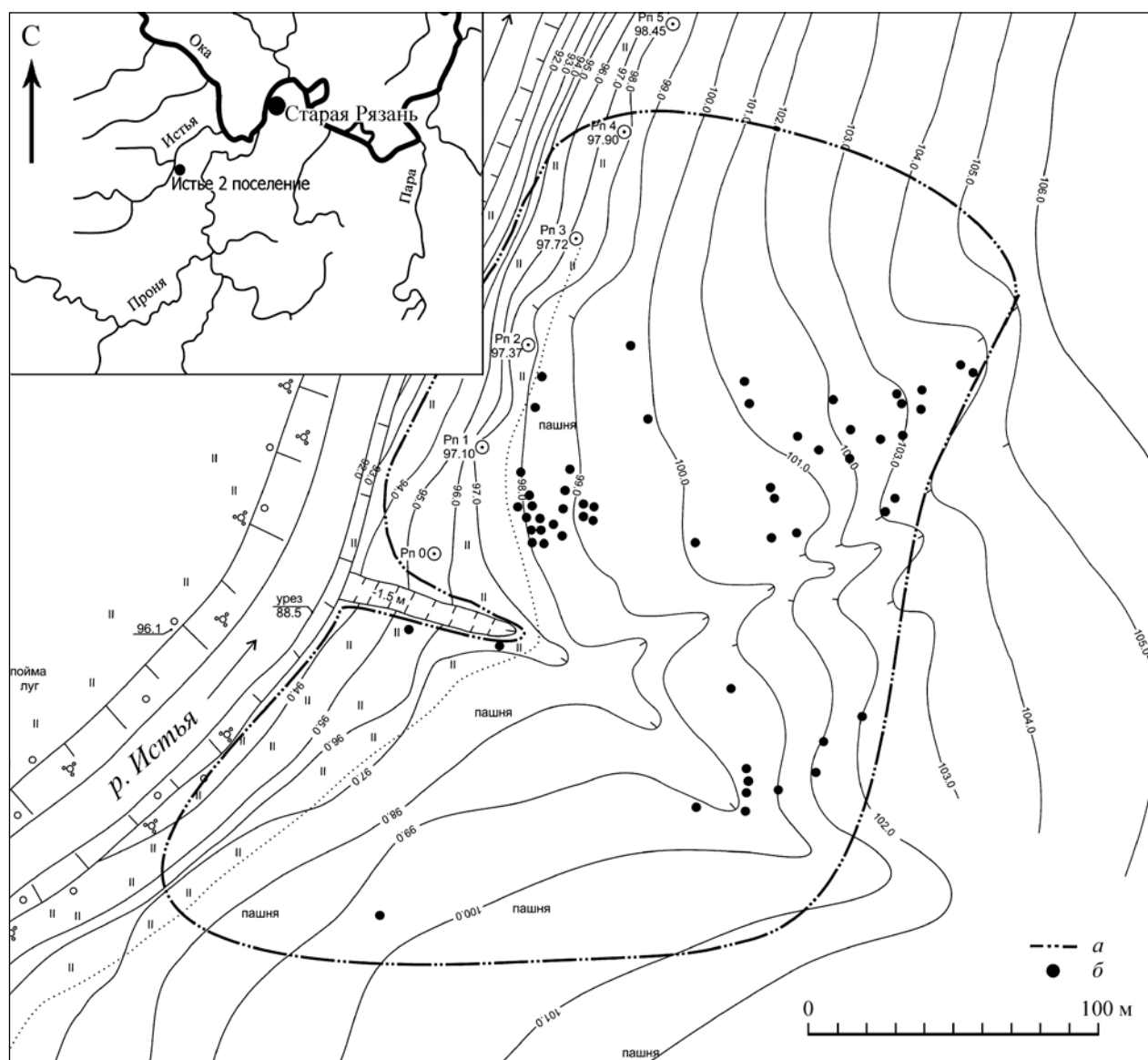

Рис. 1. Поселение Истье 2. Топографический план

а – граница поселения; б – места находок воздуходувных сопел

с обильной примесью крупного некалиброванного песка. Формовка выполнялась вручную с использованием пустотообразующего сердечника в виде длинного прямого, круглого в сечении цилиндра с гладкими краями, которым мог выступать хорошо обработанный деревянный стержень.

Нередко во время придания изделию формы сердечник немного отклонялся от условной осевой линии, из-за чего толщина стенок сопла по всей его длине была неодинаковой. Это смещение внутреннего канала хорошо заметно на ряде обломков с полным поперечным сломом (рис. 2). Внешняя поверхность фрагментов имеет, как правило, серый цвет, иногда с желтыми или коричневыми от-

тенками. В изломе изделия в основном однотонного серого цвета, реже желтого, желто-коричневого или бледно-оранжевого.

Из собранных сопел нет ни одного экземпляра, который сохранил бы свою изначальную форму и размеры. Все сопла фрагментированы, самый крупный найденный обломок имеет длину 13,7 см. Все оконечности сопел, располагавшихся непосредственно внутри шахты домницы, оплавлены, иногда очень сильно, часто покрыты стекловидной пленкой с прикипевшим железным металлургическим шлаком (рис. 3–5). Некоторые оконечности сопел наглухо залиты оплавленным шлаком на глубину до 6–7 см (рис. 6). Имеются

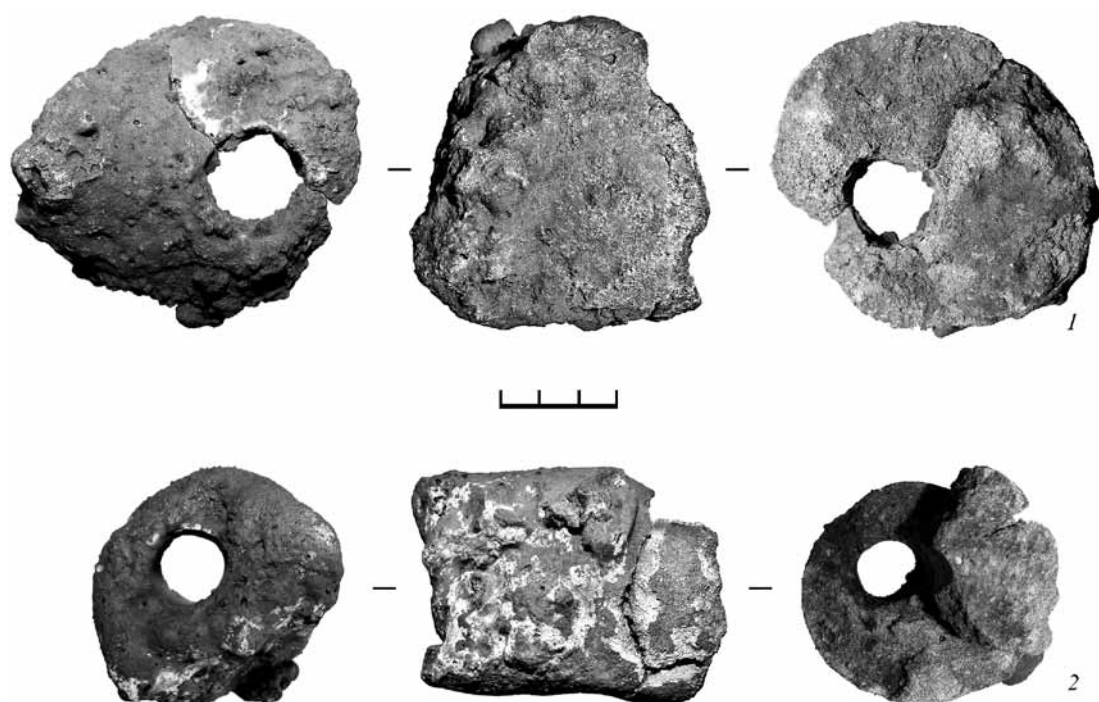

Рис. 2. Поселение Истье 2. Фрагменты сопел со смещением внутреннего канала от условной осевой линии

обломки, у которых оконечность от воздействия высокой температуры была буквально разорвана.

Для воздуходувного устройства сопло представляло собой сменный элемент, а для производства являлось расходным материалом. Несмотря на попытки придания изделию повышенной огнеупорности за счет включения в формовочную массу высокой доли песка, от высокой температуры сопла плавились, деформировались, забивались жидким шлаком. Часто сопла ломались при разборке груди печи. Поэтому маловероятно, что сопла переживали более одного-двух технологических циклов. О том, что ряд сопел использовались как минимум два раза, убедительно свидетельствуют оплавления на сломках некоторых экземпляров.

Истинские сопла по классификации Б. А. Колчина относятся к типу цилиндрических (Колчин, 1953. С. 33). Внешне это цилиндр, один край которого сформован в виде раструба с плоским краем. Результаты промеров основных показателей сопел сведены в диаграммах (рис. 7–9). Внешний диаметр цилиндрической части сопел при довольно широком разбросе данных – от 40 до 87 мм – имеет три основных пика значений – 60, 65 и 70 мм, с явным преобладанием первого. Экземпляры диаметрами в интервале от 40 до 60 мм и от 70 до 87 мм единичны.

Диаметр дутьевого канала подавляющего большинства сопел имеет очень узкий интервал в пределах 19–22 мм, с явным пиковым значением 20 мм. Встречаются фрагменты и с большими значениями, вплоть до 30 мм, но количество их незначительно.

Диаметры раструбовидного окончания воздуходувных сопел имеют три основных пика значений: 80, 90 и 100–110 мм, с небольшим преобладанием раструбов диаметром 90 мм. Максимальные же значения для этой части сопла расположены в пределах 120–140 мм, но они являются исключением из правила. Максимальный диаметр внутреннего канала раструба варьировался в пределах 40–75 мм. Стенки канала раструба могли быть как прямыми, так и вогнутыми наружу, что, вероятно, было связано с особенностями формы головы меха и крепления ее к соплу (рис. 10–11).

На внешней поверхности двух фрагментов раструбов сопел видны отчетливые следы меток. Один из них имеет вид вытянутого вдавления плоским инструментом шириной 0,3–0,4 см и глубиной до 0,4 см (рис. 12), другой – в виде двух глубоких вытянутых вдавлений, поставленных под острым углом друг к другу (рис. 13). И наконец, совершенно уникальной находкой для производственного поселения стало сопло с изображением

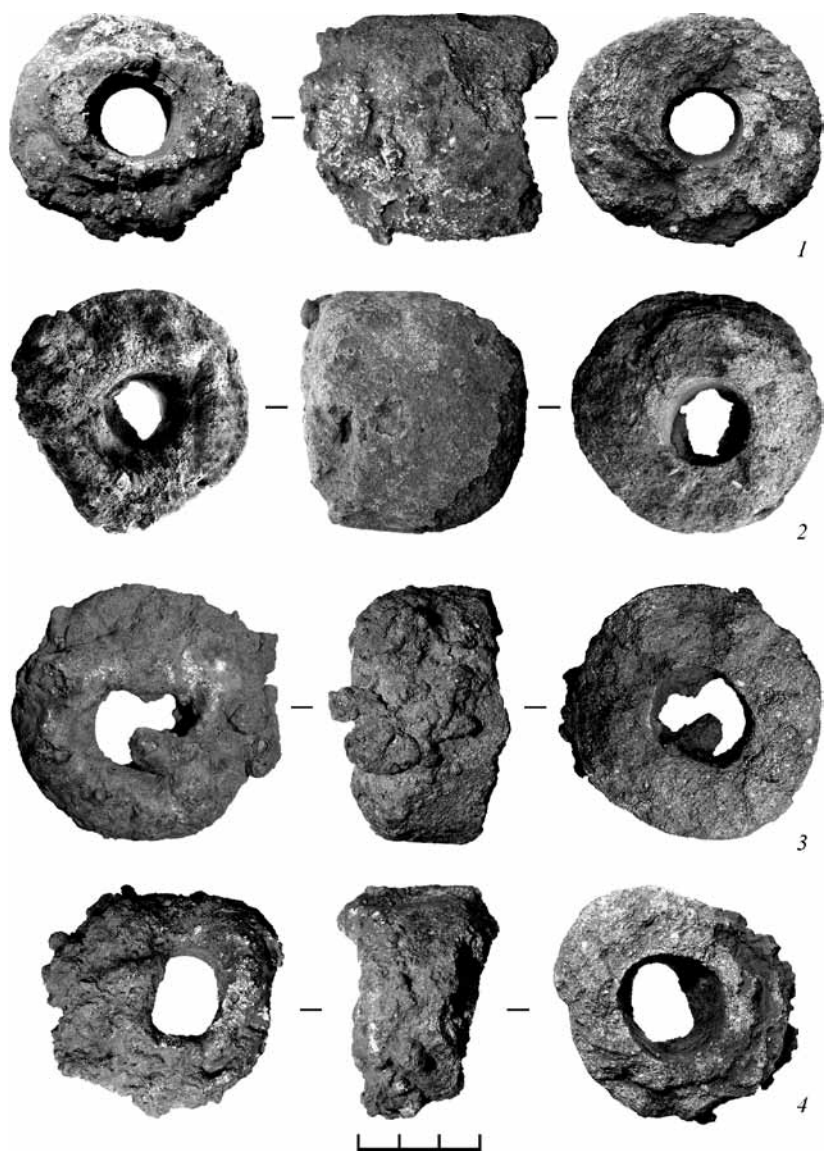

Рис. 3. Поселение Истье 2. Фрагменты воздуходувных сопел

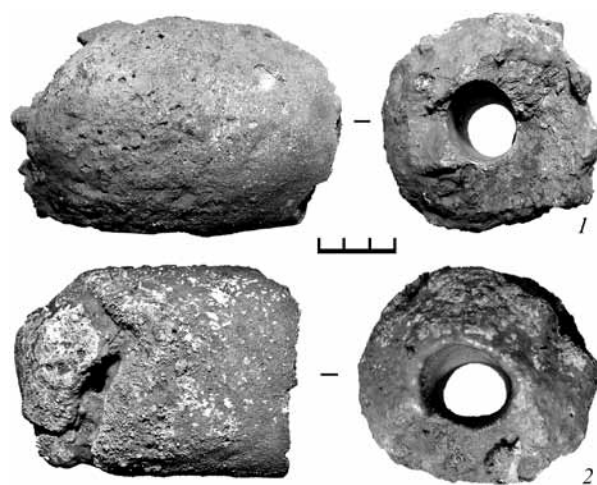

Рис. 4. Поселение Истье 2. Фрагменты воздуходувных сопел

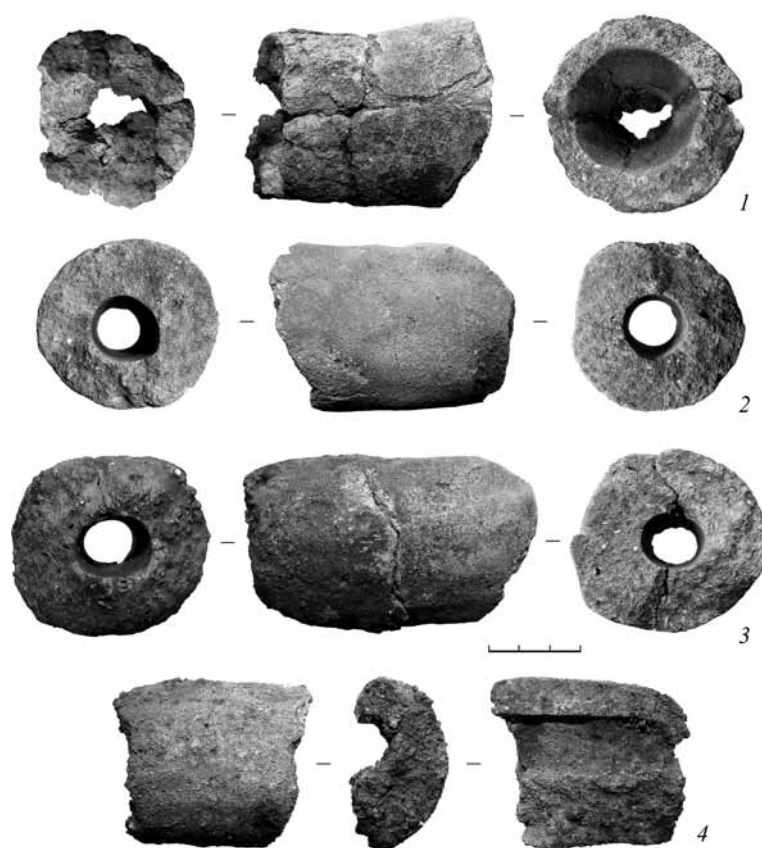

Рис. 5. Поселение Истье 2. Фрагменты воздуходувных сопел

Рис. 6. Поселение Истье 2. Фрагменты воздуходувных сопел с внутренним каналом, залитым шлаком

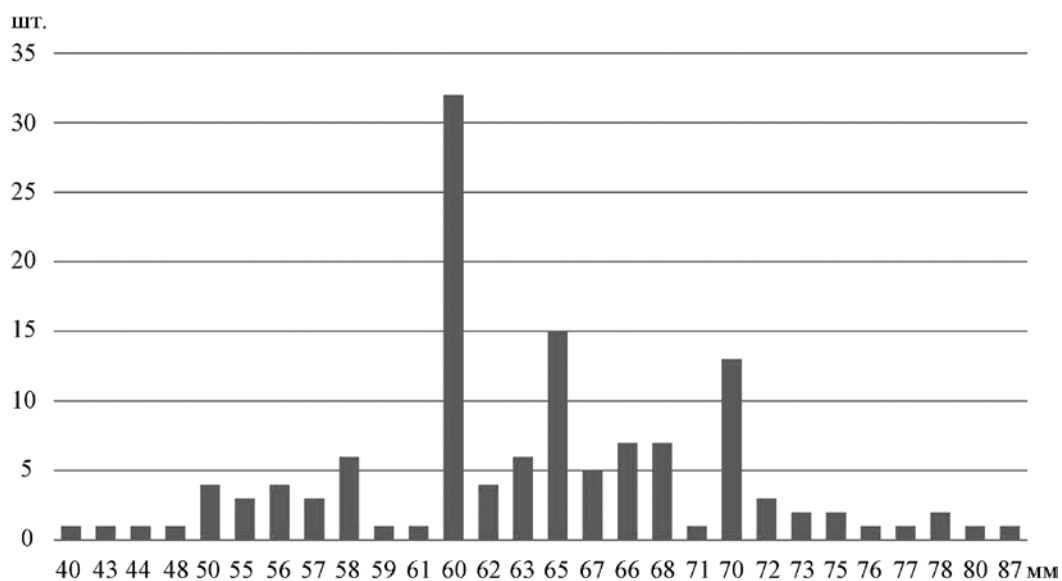

Рис. 7. Поселение Истье 2. Результаты замеров внешнего диаметра воздуходувных сопел

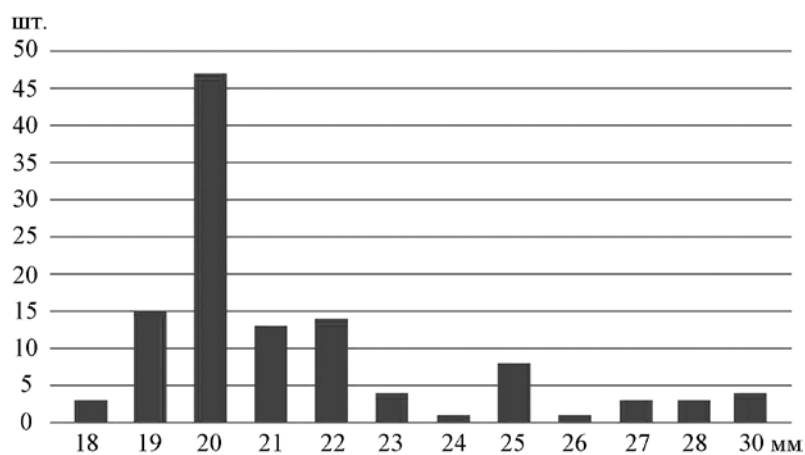

Рис. 8. Поселение Истье 2. Результаты замеров диаметра внутреннего канала воздуходувных сопел

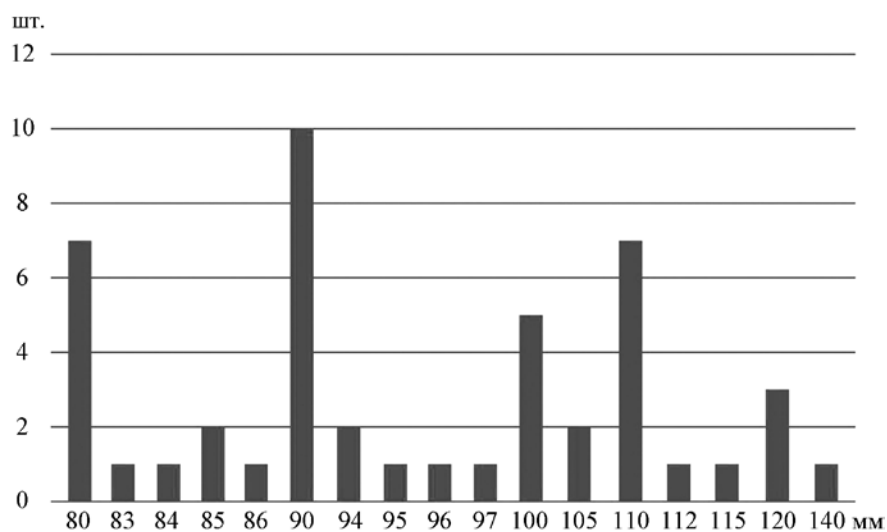

Рис. 9. Поселение Истье 2. Результаты замеров раструбовидного окончания воздуходувных сопел

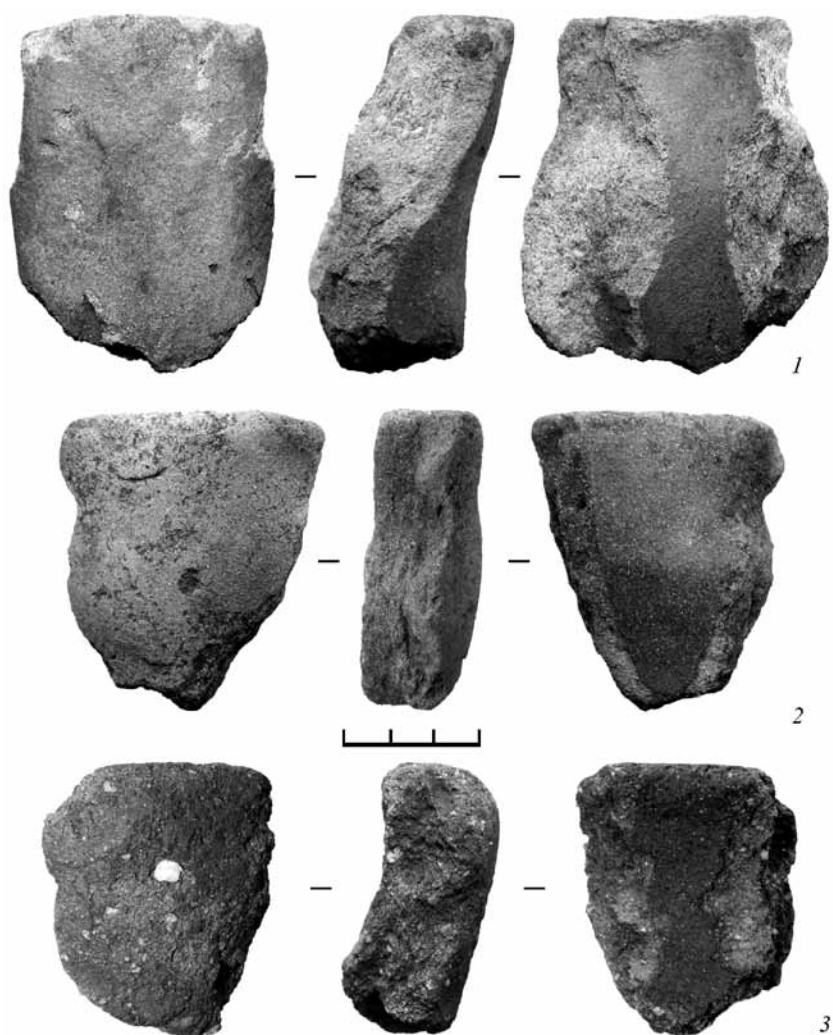

Рис. 10. Поселение Истье 2. Фрагменты раструба воздуходувных сопел

«знака Рюриковичей». Княжеский знак размером 4,4×3,7 см прочерчен на поверхности сопла до обжига. Он представляет собой трезубец U-образного очертания на ножке с подставкой, концы ветвей отогнуты наружу, при этом правая ветвь расположена ниже левой. В верхней части центральной ветви трезубца – крест и короткая перпендикулярная переключина на конце (рис. 14). Данная находка интересна в первую очередь тем, что наличие знака княжеской собственности на производственном инвентаре позволяет предположить зависимые отношения истинских домников с великокняжеским двором. Однако княжеским знаком могли пометить и партию сопел, изготовленных вотчинным ремесленником-гончаром.

Интересный результат дает сравнительный анализ характеристик воздуходувных сопел с других памятников Рязанского княжества, где также

прослежены следы черной металлургии и железообработки. Для сопоставления привлечены данные по соплам с поселений территории Куликова поля, Верхнего Дона и Средней Оки.

Сравнивая характеристики истинских сопел с промерами наиболее крупных фрагментов подобных изделий с памятников XIII–XIV вв. Куликова поля (селища Грязново-2, Себино-9, Колесовка-1), удалось установить, что при схожих, а порой и тождественных результатах по внутренним диаметрам сопел данные по внешним диаметрам заметно отличаются. Внешние диаметры сопел с Куликова поля, как правило, имеют гораздо меньшие значения. Например, для селища Грязново-2 они составляют 40–54 мм, для селища Себино-9 – 34–48 мм, для селища Колесово-1 – 42–50 мм (Наумов, 2008. С. 91). Схожие значения имеют сопла, полученные в ходе раско-

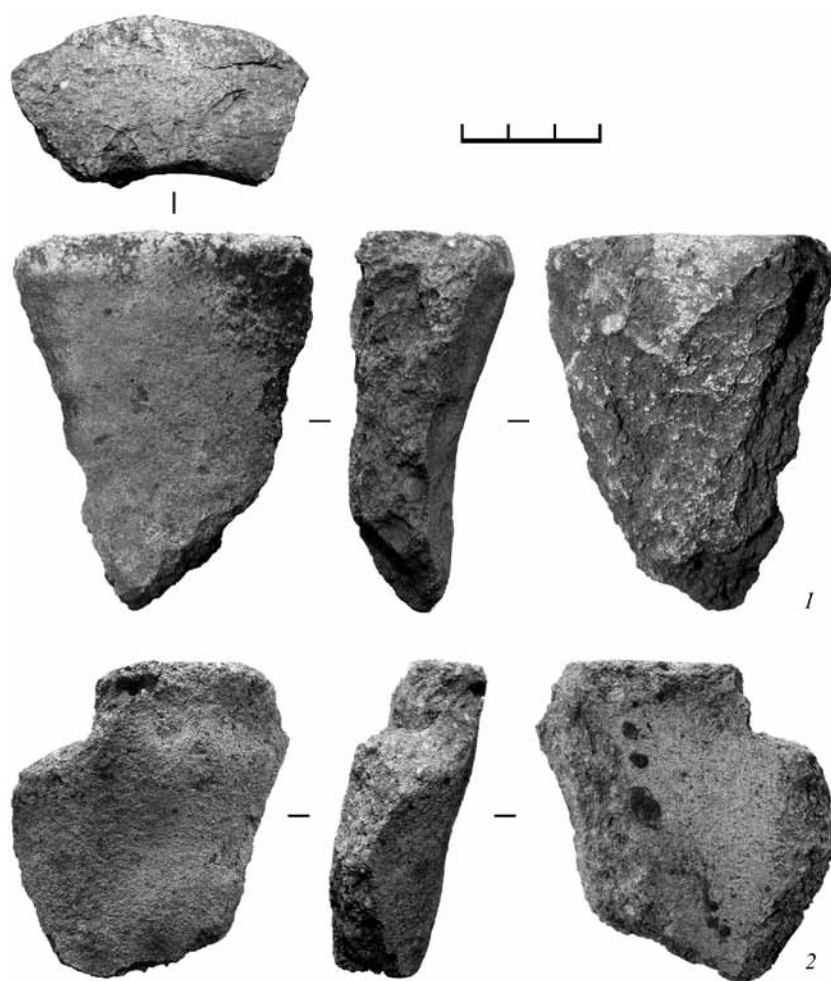

Рис. 11. Поселение Истье 2. Фрагменты раструба воздуходувных сопел

пок металлургической печи конца XII – первой половины XIII в. на селище у с. Невежеколодезное на Верхнем Дону, внешние диаметры которых составляли 45 мм, реже – 50 мм, диаметр внутреннего канала – 25 мм (Тропин, 2004. С. 114). Диаметры цилиндрической части сопел с древнерусского селища Карьер-1 в Окско-Донском междуречье также укладываются в пределы 42–50 мм (Зацаринный, 2008. С. 74, 94. Рис. 15Б, 1–6).

Истьянские сопла с пиковыми значениями внешних диаметров 60, 65 и 70 мм выглядят более массивными и тяжелыми на фоне верхнедонских, превышая их в диаметре в полтора, а иногда и два раза. Близкие параметры имеют также сопла с других среднеокских памятников.

На Средней Оке крупнейшим поселением, где имеются свидетельства использования сыродутного процесса в производстве, является Старая Рязань. В 1949 г. на Северном городище Старой Рязани раскопан мастерская металлур-

га XII–XIII вв. При расчистке сооружения выявлено около 30 обломков глиняных сопел цилиндрической, призматической и конусовидной формы. Внешний диаметр сопел составлял 55–60 мм, внутренний – 22–25 мм, длина наибольшего фрагмента – 20,5 см (Монгайт, 1949. С. 6, 7; 1955. С. 99, 100).

Еще один домонгольский производственный комплекс на Северном городище выявлен А. В. Чернецовым и И. Ю. Стрикаловым в 2009–2010 гг. Найденные здесь обломки сопел наиболее близки истьянским и по форме (цилиндрическая), и по составу формовочной массы, и по размерам (внешний диаметр – 62–65 мм, в одном случае – 53 мм, диаметр внутреннего отверстия – 20 мм) (Стрикалов, 2011). Обломки конусовидных глиняных сопел с каналом диаметром 23 мм найдены также на Лубянском городище (Монгайт, 1961. С. 270), еще один фрагмент цилиндрического сопла диаметром 63 мм обнару-

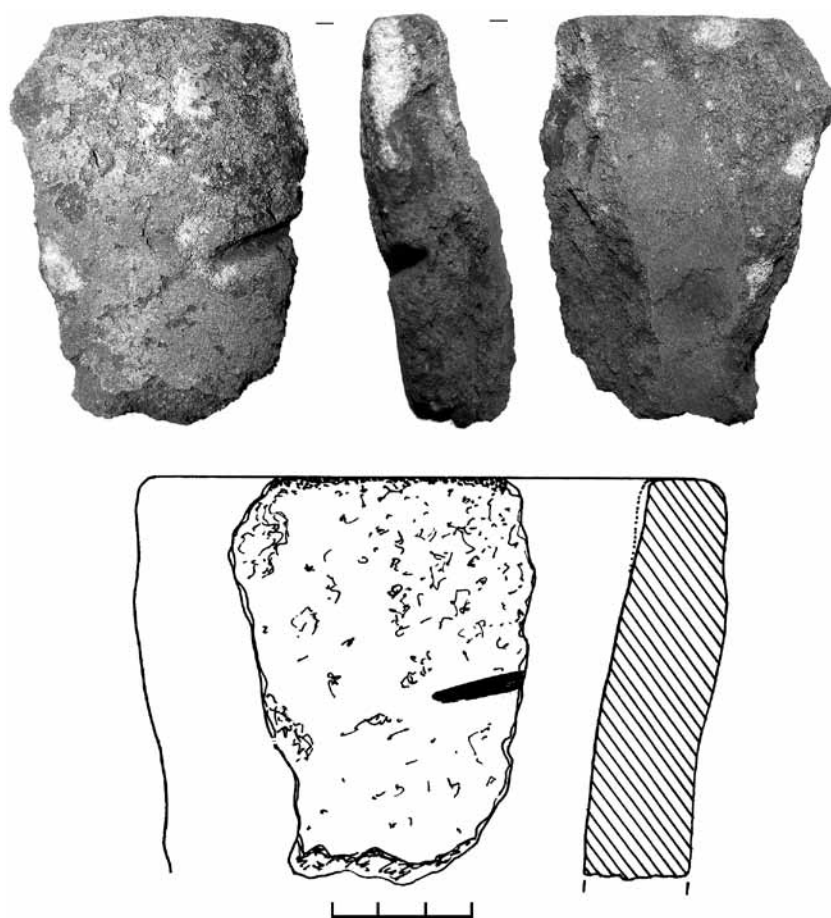

Рис. 12. Поселение Истье 2. Фрагмент сопла со знаком

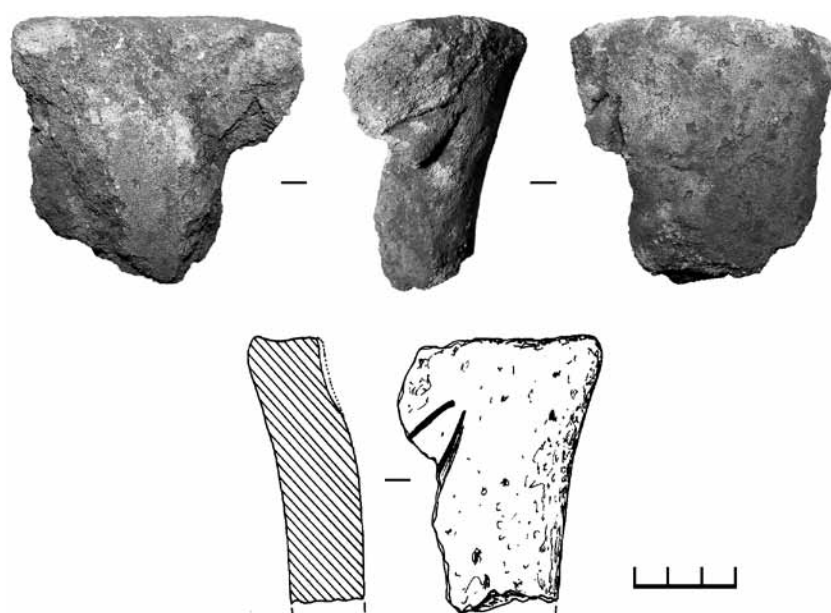

Рис. 13. Поселение Истье 2. Фрагмент сопла со знаком

жен на селище XIII–XIV вв. Варваровка (Буланкин, 1988. С. 3).

Объяснить разницу между значениями внешних диаметров истыинских сопел и сопел, использовавшихся в работе верхнедонских домников, пожалуй, можно различием применявшихся воздуходувных мехов. Вероятно, истыинские металлурги использовали мехи больших габаритов и большей мощности с более крупной деревянной головой, отчего требовались сопла с большим диаметром раструба и диаметром самой трубки. Увеличение мощности мехов могло быть вызвано превосходящим рабочим объемом и высотой шахты домны, что позволяло получать за раз больший объем восстановленного железа. Единственное выявленное на поселении Истье 2 производственное сооружение, от которого сохранился лишь развал основания, сложенного из кусков известняка, значительно превосходит по размерам другие подобные сооружения древнерусского времени в европейской части России. Размеры его составляют около 2,1×1,2 м. Напротив, для горнов второй половины XIII – первой половины XIV в. с территории Куликова поля характерны небольшой внешний диаметр (в среднем 0,7 м) и низкие показатели рабочего объема (около 0,12–0,25 куб. м), что свидетельствует об их невысокой производительности (Наумов, 2008. С. 89). Не имея на этой порубежной территории Руси крупных городских экономических и политических центров, домны Куликова поля работали, вероятно, исключительно на обеспечение сельских поселений.

Приведенные данные служат лишним подтверждением выдвинутого выше предположения о том, что поселение Истье 2 являлось одним из крупнейших поставщиков металла для Старой

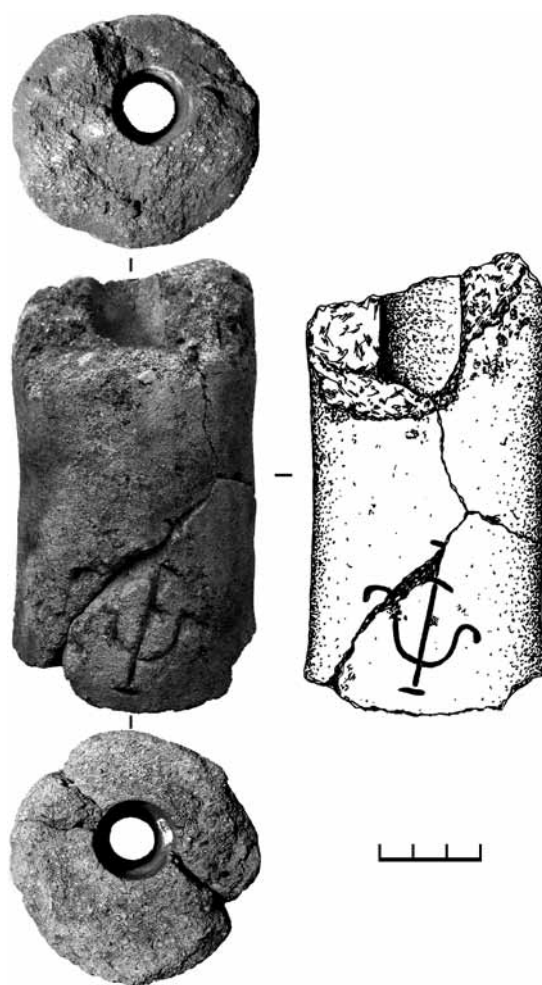

Рис. 14. Поселение Истье 2. Фрагмент сопла с изображением знака Рюриковичей

Рязани, требовавшей, как крупный столичный город, большого объема железа для своих ремесленных мастерских.

Литература

- Буланкин В. М., 1988. Отчет о разведках на территории Кадомского и Сасовского районов Рязанской области в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12007.
- Буланкин В. М., 2009. Отчет об археологических разведках в Рязанской области в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 42476.
- Буланкин В. М., Завьялов В. И., Иванов Д. А., 2012. Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 166–174.
- Буланкин В. М., Киселев В. Ю., 2010. Археологические исследования Истье 2 поселения в Старожиловском районе Рязанской области в 2008 г. // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. 440 с.
- Завьялов В. И., 2010. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 г. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 37615–37618.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.

Зацаринный С. В., 2008. Древнерусское селище Карьер-1 под городом Щёкино // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула. С. 58–102.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР. 257 с. (МИА. № 32).

Монгайт А. Л., 1949. Отчет об археологических раскопках в Старой Рязани / Архив ИА РАН. Р-1. № 379.

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: АН СССР. 228 с. (МИА. № 49).

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: Наука. 400 с.

Наумов А. Н., 2008. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV в. Тула: Музей-заповедник Куликово поле. 255 с.

Стрикалов И. Ю., 2011. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37374.

Тропин Н. А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Воронежский университет. 264 с.

D. A. Ivanov

Nozzles from Russian production settlement Iste 2

Summary

Comparison of nozzles from Iste with comparable items from settlements on the Upper Don shows that the latter are considerably smaller in size. This difference

could be connected with the extensive output levels of the works, which were intended to supply iron for a major town – and located not far from Old Ryazan.

В. Ю. Коваль

Новые данные по планировке и застройке «малого» города Ростиславля Рязанского¹

Планировка и застройка средневековых городов Руси до сих пор остается одним из наименее выясненных вопросов их исторической топографии. Если в крупнейших городских центрах, таких как Новгород, Псков, Киев, Москва, которые даже в своей современной планировке сохранили следы средневековой городской структуры, которая может быть более или менее достоверно реконструирована, то в «мертвых» городах средневековой Руси решение этой задачи часто бывает невозможно, поскольку от древней структуры не сохранилось никаких следов. Все это в наивысшей степени относится к малым городам средневековой Руси, которые если даже и не относятся к числу «мертвых», то полностью перестроены в Новое время (примеров множество: Дмитров, Перемышль Московский, Руза, Волоколамск, Можайск – и это только на территории Московского княжества). В этом случае единственным источником получения данных о древней планировке становятся археологические раскопки. Однако и здесь исследования упираются в проблему незначительных площадей, подвергнутых вскрытию и изучению, на которых разобрать следы древней планировки либо вовсе невозможно, либо эти следы столь незначительны, что можно говорить в лучшем случае об ориентировке построек на локальных участках изолированных раскопов. Все это дополняется трудностями интерпретации вскрываемых объектов (особенно если древесина в культурном слое не сохраняется и реконструкцию приходится проводить по заглубленным в грунт частям построек).

Не меньше трудностей возникает при изучении древней городской застройки, которая упирается в проблему реконструкции объемов зданий и иных

сооружений по их археологизированным остаткам, сохранность которых зачастую недостаточна для таких реконструкций и вызывает больше вопросов, нежели предоставляет оснований для надежных ответов (Коваль, 2010. С. 84–98). Несмотря на то что изучению архитектуры русского жилища на базе данных археологии посвящены многочисленные работы, в том числе монографические, подавляющее большинство из них рассматривало деревянные постройки, сохранившиеся в северорусских городах с «мокрым» культурным слоем, позволявшим проследить многие детали конструктивного устройства этих построек. Фактически только материалы из этих городов и позволяют более или менее достоверно реконструировать внешний облик древнерусских городских поселений. Однако большая часть средневековых поселений средней полосы и юга Восточной Европы, в том числе едва ли не все малые города, не имеют «мокрого» слоя и, соответственно, сохранившихся остатков конструктивных деталей древних построек. А при тех серьезных различиях, которые существуют ныне и имелись всегда между северорусским и южнорусским домостроительством, строить выводы о конструкции и объемах домов юга и средней полосы Руси на основании знаний о севернорусском домостроительстве методически не совсем верно. По меньшей мере предлагаемые в таком случае реконструкции следует рассматривать как в значительной мере гипотетические, а скорее всего, и просто недостоверные. Более правильным в таком случае кажется ограничивать реконструкцию жилых (и всех иных) построек теми крайне скудными данными, которые дает

¹ Исследование выполнено благодаря осуществлению экспедиционных проектов 2015 и 2016 гг., поддержанных РГНФ (проекты № 15-01-18023 и 16-01-18025).

археология памятников с «сухим» слоем, не пытаясь строить весьма зрелищные, но крайне слабо обоснованные проекции из прошлого.

Подавляющее большинство так называемых малых городов Руси изучено настолько фрагментарно, что ни о каких конкретных данных об их планировке говорить не приходится. При этом среди малых городов особенно слабо изучена планировка мысовых, к числу которых относится и Ростиславль Рязанский. Однако благодаря 25-летним археологическим исследованиям этого памятника некоторые возможности для изучения его планировки и застройки все же появились. За это время (к концу 2016 г.) на площади городища девятью раскопами вскрыта площадь более 5300 кв. м, что составляет 1/5 часть площади городища (рис. 1). Некоторые соображения на этот счет высказывались нами ранее (Коваль, 2005; 2008), однако новые исследования позволили существенно скорректировать первоначальные представления, выявить допущенные ошибки и не оправдавшие себя гипотезы.

Напомним, что Ростиславль Рязанский был типичным малым городом средневековой Руси, основанным в 1153 г. на северо-западной границе Рязанского княжества, который просуществовал до начала XVII в. От города сохранилась укрепленная площадка (городище) площадью 2,5 га и примыкавшие к нему неукрепленные поселения общей площадью около 10 га. Городище имеет вид вытянутого треугольника размером 350×150 м, оно размещается на краю высокого коренного правого берега р. Оки на высоте 35–45 м над современным уровнем воды в межень. Площадка образована древним сухим оврагом, отсекающим от платообразной равнины мыс, вытянутый с юга на север. С юга мыс отсечен от равнины валом и рвом, которые, как показали многолетние исследования (полная прорезка и целый ряд врезок), являлись остатками древнерусской фортификации – древо-земляной стены, которая перестраивалась не менее двух раз. Возникновение стены относится, по-видимому, ко второй половине XIII в., перестройки – к XIV–XV вв. (Коваль, 2014; 2015). Вопрос о более ранней фортификации на этом месте, связанной с городом второй половины XII – первой половины XIII в., остается открытым.

Кроме главной оборонительной линии, отсекавшей мыс и формировавшей площадку города, укрепления XIV в. размещались вдоль края оврага (восточный край площадки), а также на оконечности мыса, где размещалось небольшое городище раннего железного века (прекратило существование в V–VI вв. н. э.), вал которого был использован для создания небольшой цитадели. Для этого перед

этим валом был вырыт ров шириной 5 м и глубиной 2,0–2,5 м (Коваль, 2011). Исследование фортификации составляет отдельную весьма важную тему, которая, однако, теснейшим образом связана с изучением городской планировки, поскольку именно размещение фортификационных сооружений определяло застройку территории внутри их контуров, да и за их пределами тоже.

При прежних исследованиях городской планировки априорно принимались два исходных постулата.

1. Главная оборонительная линия Ростиславля в виде древо-земляной стены, ограничивавшей территорию площадью 2,5 га, возникла в момент основания города (1153 г.), так что в дальнейшем эта площадка оставалась неизменной на протяжении 450 лет.

2. Два проема в ныне существующем валу отражают реальное существование в древности двух въездов на площадку в древо-земляной стене города.

Исходя из этих постулатов, реконструировались две почти параллельные улицы, ведущие от двух проходов в стене в направлении городского собора, где они могли соединяться на центральной площади, занимавшей позицию между собором и усадебной застройкой (рис. 2). Казалось бы, все выглядело вполне логично. Однако последующие исследования показали, что такая реконструкция не подтверждается. Прежде всего раскопки в северной части площадки городища, рядом с церковным местом, там, где две предполагавшиеся улицы должны были бы соединяться, никаких следов второй (западной) улицы не обнаружилось. Под «следами улицы» здесь понимаются канавы от частоколов, ограничивавших дворовладения. В северной части площадки городища обнаружено несколько частокольных канав от разновременных ограждений, их глубина колебалась от 20 до 50 см, ширина – от 20 до 40 см. По данным стратиграфии (соотношению канав и объектов более раннего и более позднего времени), одни канавы можно относить к домонгольской эпохе, другие – к золотоордынскому времени. Наиболее сложную проблему составляет определение ширины уличного проезда, поскольку из нескольких параллельных канав трудно выделить те, которые существовали синхронно. В зависимости от выбора вариантов ширина улицы могла составлять от 3,5 до 6,0 м. Такую же ширину имели в ряде мест даже самые крупные (и широкие) улицы Старой Рязани, в Великом Новгороде ширина Великой улицы составляла всего 4,5 м. И хотя следов деревянной мостовой (например, следы от продольных лаг) нигде на Ростиславле не обнаружено,

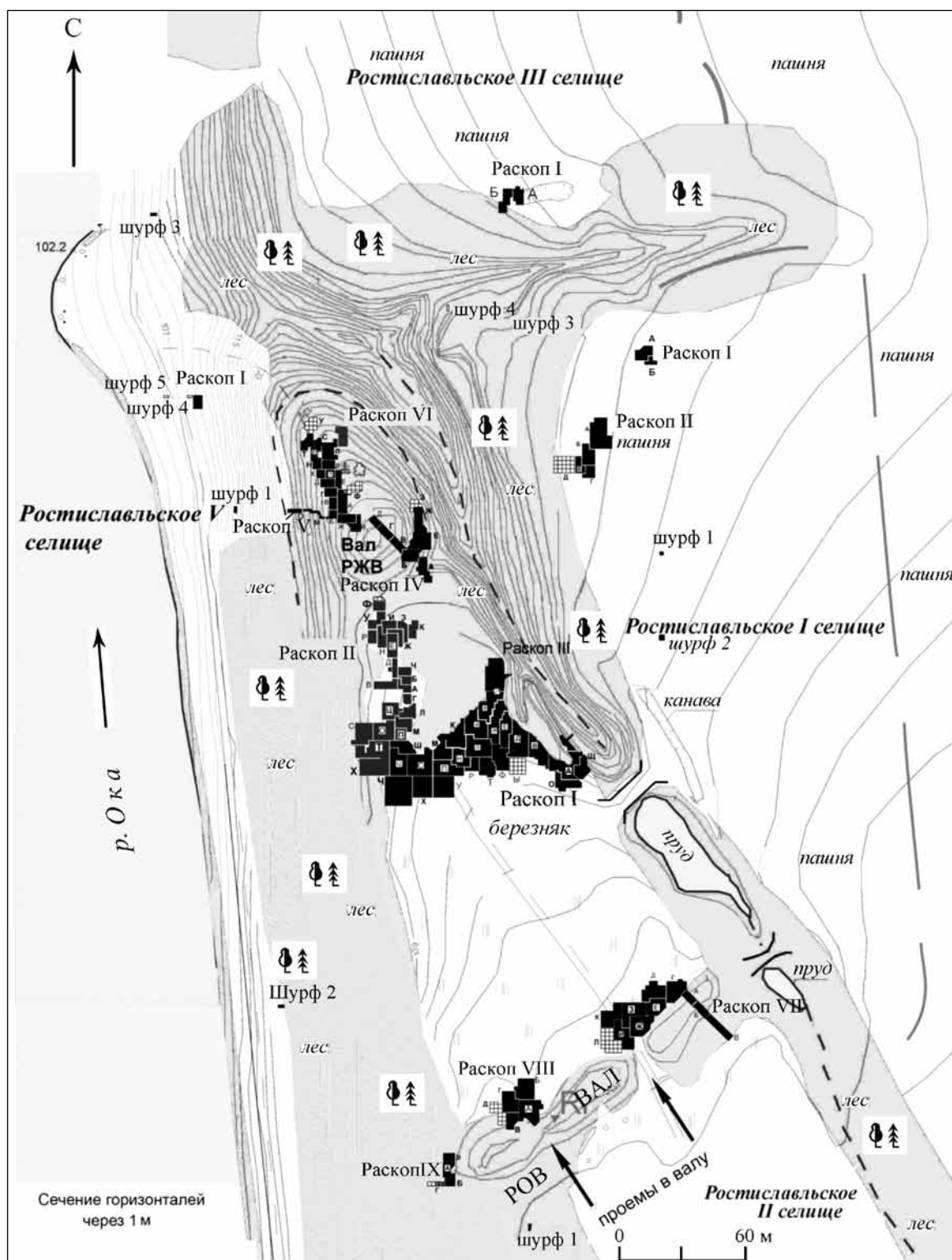

Рис. 1. Схема городища Ростиславль с обозначением исследованных раскопов и основными микротопографическими ориентирами

но существование подобных мостовых допустимо предполагать по принципу «от противного». Если бы улицы Ростиславля не имели деревянного покрытия, то в сырую погоду суглинистый грунт

превращался бы в липкую жижу, растаптываемую ногами людей и животных, прорезаемую колесами повозок (археологически перемешанная масса легко фиксировалась бы на материковой поверхности).

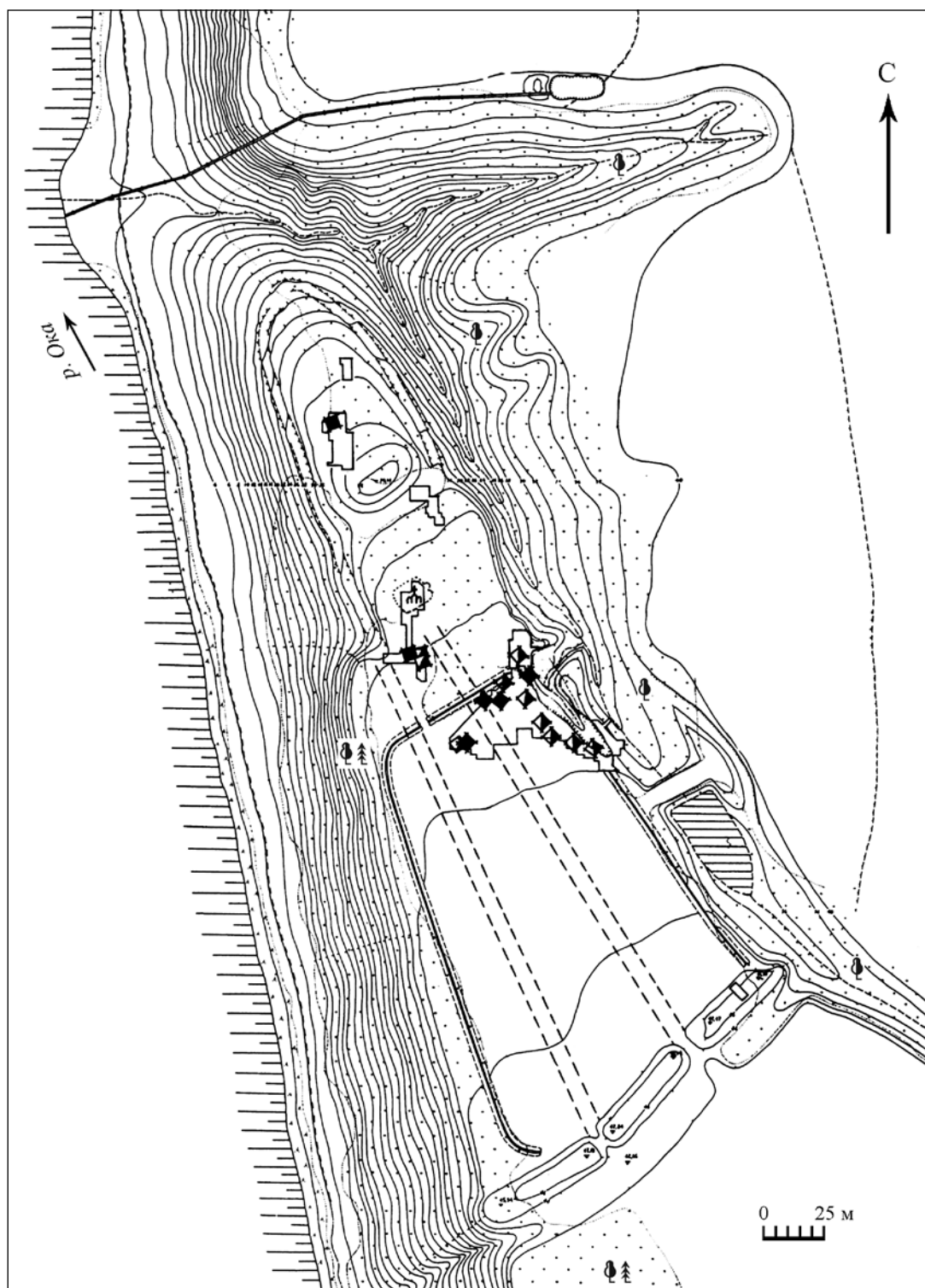

Рис. 2. Первоначальная схема планировки Ростиславля (в XIV в.) (по: Коваль, 2008. Рис. 9)

сти). Однако по таким улицам просто невозможно было бы передвигаться значительную часть года, поэтому единственно возможным выходом из положения была постройка деревянных мостовых, которые должны были периодически обновляться, как

это происходило во многих других городах Руси, в том числе и в столице Рязанской земли – Старой Рязани, где явных следов уличных мостовых также не обнаружено, но в былом их существовании нет сомнений.

Единственная городская улица упиралась на северном краю площадки городища в деревянный городской собор с окружающим его элитарным кладбищем XII–XIV вв. и небольшой (не более 20×10 м) незастроенной площадью, размещавшейся перед южным фасадом храма. Улица выходила именно на эту площадь. Правда, неясно, не могла ли она поворачивать тут на запад и, выйдя на край западного склона, продолжаться по нему к северу, выходя на стрелку мыса несколько ниже вала городища РЖВ. К сожалению, это предположение практически невозможно проверить, поскольку западный склон городища, как показали его прорезки, был в сильнейшей степени эрозирован, вероятно, в XVI–XX вв. Кроме того, тут же в советское время была сделана врезка, служившая, вероятно, для водоотвода с территории яблоневого сада, организованного на площадке городища в 1950-х гг. Даже одного из этих факторов было достаточно, чтобы уничтожить весьма слабые следы улицы (или проезда), если они здесь существовали. Основным аргументом в пользу реальности высказанной гипотезы является то соображение, что иначе было бы невозможно осуществлять связь между основной территорией города и мысовой площадкой, отделенной от нее валом городища РЖВ, высота которого (более 5 м) и его крутые склоны не позволяли свободно передвигаться между этими двумя частями городской застройки. Восточный вариант обхода мысовой площадки можно исключить, поскольку проведенные тут исследования показали, что средневековый ров перед валом здесь непосредственно уходил в край оврага, не оставляя места для какого-либо проезда.

Еще более важное значение имели полученные данные о том, что древо-земляная стена на месте современного вала могла быть построена в конце XIII или начале XIV в. (Коваль, 2015. С. 73–87). Безусловно, этой стене могли предшествовать более легкие укрепления (например, частокол со рвом), следы которых могли просто не сохраниться из-за масштабного строительства древо-земляных укреплений в золотоордынский период. Но все же никаких реальных следов этой ранней линии обороны нигде не сохранилось.

Значительные по площади раскопки к северу от восточного («главного») проема в валу (остатки городской стены XIII–XV вв.) позволили установить, что уличный проезд подводил непосредственно к этому проему, причем по обе стороны от него размещались постройки (рис. 3). Правда, имелись и различия. К востоку от улицы тут находилась большая и богатая усадьба с многочисленными

погребями, размещавшимися, вероятно, под жилыми домами, которые постоянно перестраивались и передвигались на несколько метров в сторону от предыдущего положения. Площадь этой усадьбы составляла не менее 800 кв.м. Богатство жителей усадьбы фиксировалось по находкам серебряных золотоордынских дирхемов, разнообразных предметов воинской культуры (ременные накладки, конское снаряжение, наконечники стрел), другим статусным находкам (книжные заставки, русская поливная керамика, импортное стекло). Участок к западу от улицы разительно отличался – тут выявлены только небольшие подпольные ямы XIV в. с единичными вещами в заполнении, расположенные почти вплотную к остаткам оборонительной стены. На остальной вскрытой площади культурный слой практически не содержал вещевых находок и даже керамики – видимо, здесь размещалась незастроенная площадь. Это совершенно новый и даже несколько неожиданный аспект проблемы планировки малых городов: во всех иных исследованных частях Ростиславля в XIV в. вся территория была довольно плотно застроена, поэтому наличие большого (общей площадью более 130 кв. м) незастроенного участка не может быть случайным. Видимо, эта площадка была выделена из застройки сознательно и поддерживалась в таком состоянии на протяжении долгого времени. При этом ее невозможно рассматривать как боевую площадку у оборонительной стены, поскольку как раз рядом со стеной дома-то и стояли. Невозможно видеть в ней и рыночную площадь или какой-то иной хозяйственный организм из-за полного отсутствия каких-либо культурных остатков. Следует обратить внимание на то, что проем в валу в этом месте слишком широк (около 6 м), причем край вала к востоку от него явно был поврежден в Новое или Новейшее время, вероятно, в ходе расширения этого проема (рис. 3). При этом наличие проема еще в первой половине XIX в. не вызывает сомнений, поскольку в описаниях городища тех лет упоминаются именно два прохода в валу. Видимо, первоначально проход здесь был существенно более узким.

Другим важным для реконструкции городской планировки местом был участок перед вторым (юго-западным) проемом в валу Ростиславля (рис. 4). Сам этот проем существенно отличался от предыдущего, он был существенно уже (в нижней части – не более 2 м), причем поверхность этого проема была на метр выше уровня поверхности площадки городища внутри валов. Заложенным здесь раскопом VIII проведена врезка в проход в валу, что позволило установить сохранение в нем

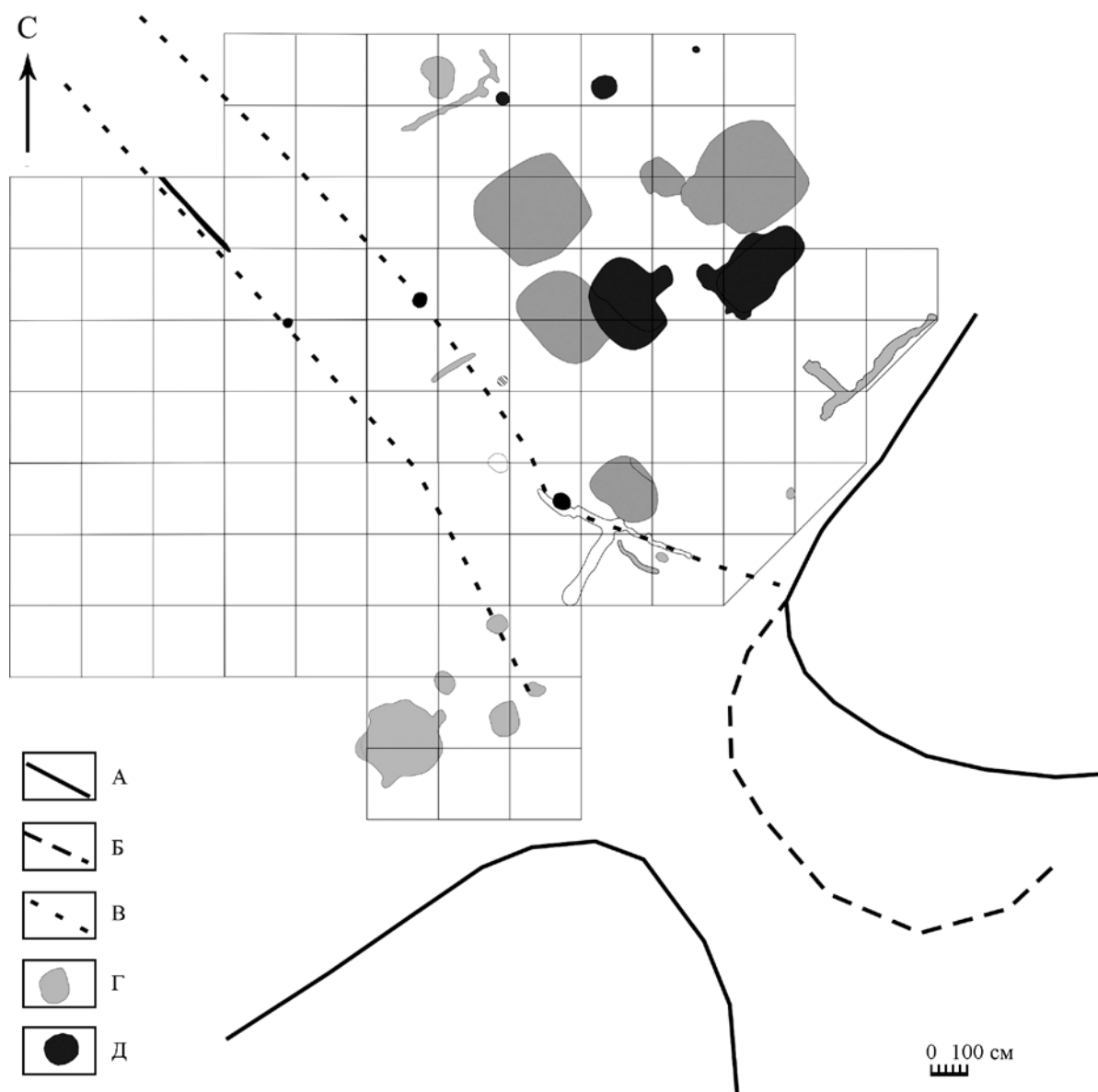

Рис. 3. Раскоп VII (у восточного проема в валу)

А – контур современного подножия вала; Б – контур края вала до повреждений Нового времени; В – гипотетические границы улицы; Г – объекты середины – второй половины XIV в.; Д – объекты конца XIV – начала XV в.

следов от бревен горюней (или полых клетей?) (рис. 5). Ограниченный размер врезки диктовался стремлением минимально повредить существующий внешний вид вала, однако из-за этого не удалось достоверно установить, принадлежат ли открытые конструкции стене этапа 3 (когда вдоль внутреннего фаса стены размещались полые клетки) или же они были сооружены позднее, например, на этапе 4. Однако, как бы конкретно ни датировались обнаруженные конструкции, они существовали во временном интервале второй половины XIV – XV в. Отсюда следует, что в указанный

период на этом месте не было никакого прохода, а шла городская стена.

Дальнейшие раскопки перед проходом показали интересную картину: здесь вплотную к стене располагались разнообразные сооружения и постройки – частокольные канавы, подпольные и хозяйственные ямы, даже один ледник. Все они относились к разным эпохам – от XIII до XVI в. При этом прямо перед нынешним проходом в XV в. размещалась крупная (4×4 м) хозяйственная постройка, слегка заглубленная в материк. Судя по пятну прокала в центре этого углубления, здесь могла находиться печь,

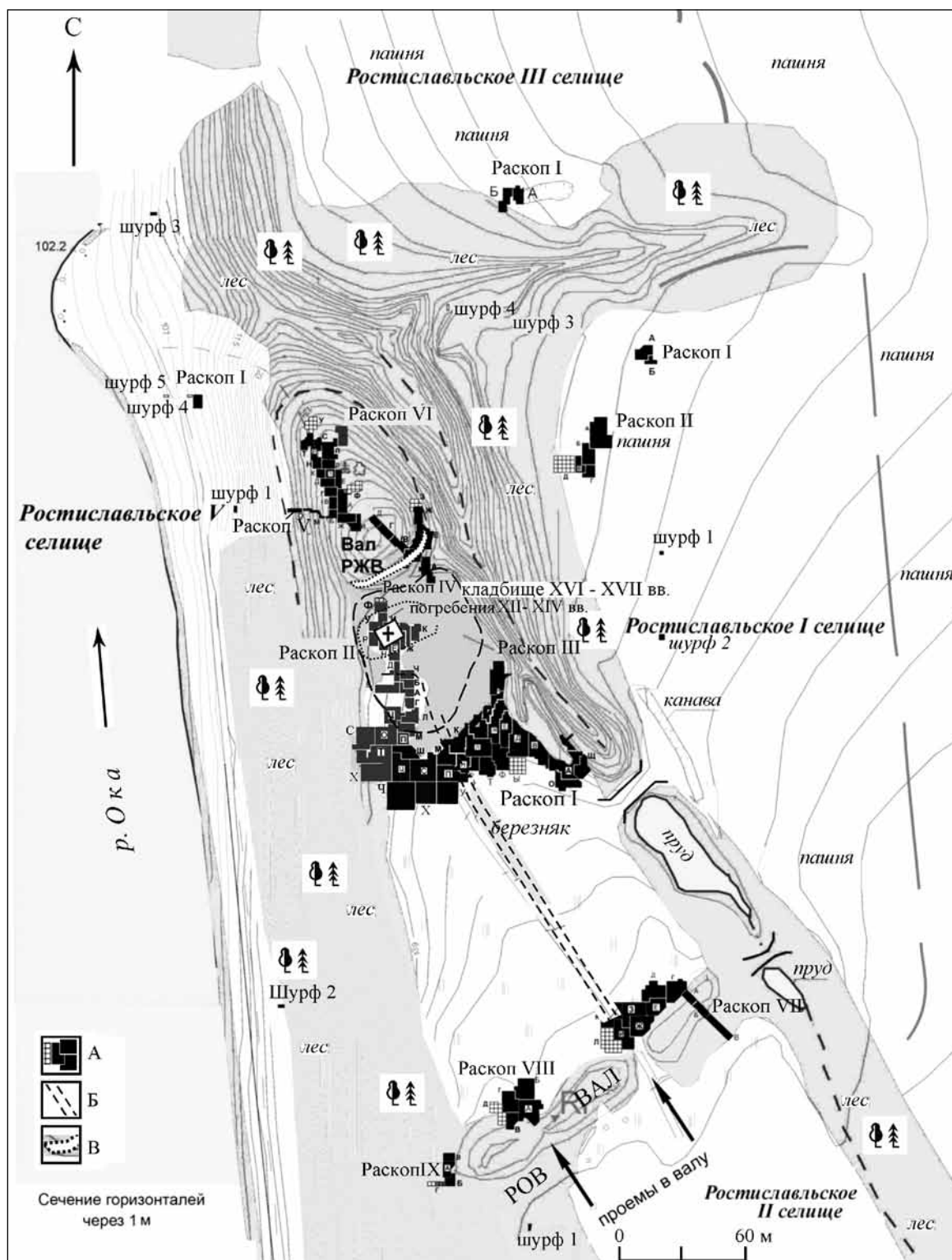

Рис. 4. Схема планировки Ростиславля в XIV в. по данным новых исследований

А – раскопы; Б – средневековый ров у подножия вала РЖВ (реконструкция); В – трасса улицы

а все сооружение могло служить овином. Но эта постройка (рядом с ней имелись и другие) перегораживала трассу возможного передвижения от или к проему в валу (рис. 5). Это значит, что в XV в. в стене еще

не было никакого прохода (ворот, калитки), а видимый сегодня проем в валу возник позже, видимо, во временном интервале XVI–XVIII вв. Неясно, впрочем, зачем мог понадобиться этот проход в то время,

когда Ростиславль переживал упадок (XVI в.), или в то время, когда здесь размещались крестьянские пашни (XVII–XVIII вв.).

Хотя один из проходов в валу (восточный), исходя из новых данных, все же мог отмечать положение воротного проема в древо-земляной оборонительной стене XIII–XV вв., само фронтальное размещение такого проема все же оставалось не вполне объяснимым. Ведь у городищ мысового типа с одной главной оборонительной линией, пересекающей мыс, такая организация въезда встречается крайне редко, типичным же является размещение въезда на одном из краев стены. С точки зрения фортификационного искусства такой вход рационально делать на правом (для обороняющихся, т. е. глядя изнутри города) фланге стены: в таком случае атакующие должны подходить к этому проходу, обращаясь к стене правой, не защищенной щитом стороной. Для Ростиславля это означало, что вход мог быть на юго-западном краю современного вала. С целью поиска гипотетического древнего въезда в город здесь был заложен раскоп IX. Однако исследования 2013–2015 гг. показали, что никакого въезда в этом месте не существовало, вместо него тут были обнаружены остатки такой же древо-земляной стены, как и на других участках этого сооружения. Здесь была прослежена совершенно неожиданная система организации обороны: стена тут поворачивала под прямым углом и как бы загибалась к северу, вдоль склона к р. Оке (*Коваль, Русаков, 2016. С. 113–123*). При этом городни были поставлены непосредственно на склон (старую пашню), без следов малейшей подрезки склона для более прочной установки фортификационных сооружений. Интересно, что до строительства стены тут размещались один или два ряда оград типа плетня (остались следы от часто расположенных колышков диаметром около 5 см), вытянутых по самому краю довольно крутого склона, обращенного к Оке. Эти плетни, конечно, не могли иметь отношения к фортификации. Зато ямы от глубоко вкопанных столбов, выстраивавшихся в ряд вдоль того же склона, могли являться следами более серьезной ограды в виде намета (вертикальные столбы, в пазы которых вставлялись края горизонтально уложенных бревен). Такого ограждения было вполне достаточно для того, чтобы за ним от вражеских стрел могли укрываться воины, полностью контролировавшие передвижение противника по склону. Ограда предшествовала древо-земляной стене, но для ее датировки данных недостаточно. Она могла существовать как в домонгольское время, так и на протяжении XIII–XIV вв., до строительства стены этапа 3.

Хотя отсутствие въезда в город на краю главной оборонительной стены установлено, нельзя исключать возможности того, что дорога в город могла проходить ниже по склону, под контролем легкой деревянной ограды. Передвижение по этой дороге находилось бы под контролем обороняющихся. Однако, учитывая сильную эрозию склона, вероятность обнаружения следов такой дороги невысока.

Новые данные, полученные при раскопках Ростиславля, существенно меняют прежние представления о планировочной структуре города. Напомним, что П. А. Раппопорт при классификации древнерусских городов отнес Ростиславль (по формальным признакам наличия двух линий укреплений) к числу городищ сложно-мысового типа, причем его мысовая площадка рассматривалась им в качестве детинца, а остальная часть городища – окольного города. А. Л. Монгайт был в целом согласен с такой интерпретацией и предполагал, что этот детинец Ростиславля возник на месте городища эпохи раннего железного века. Однако размеры мысовой части городища (в границах вала РЖВ) слишком малы, чтобы рассматривать ее в качестве детинца, что заставляло сомневаться в такой интерпретации еще А. В. Кузу: на ее территории могла бы разместиться только одна крупная усадьба либо несколько совсем мелких. Детинцы городов размерами менее 0,2 га на территории Руси неизвестны; даже для укреплений площадью 0,5 га интерпретация в качестве детинцев является сомнительной, обычно их рассматривают в качестве остатков феодалных усадеб или временных убежищ. В то же время отсутствие надежных свидетельств в пользу существования у Ростиславля древо-земляной стены по трассе современного вала уже во второй половине XII в. заставляет рассматривать в качестве допустимого варианта возможность сооружения на мысовой площадке (на месте городища дьяковской культуры) в середине XII в. небольшого по площади городка. Такое укрепление можно было бы рассматривать в качестве своеобразного замка, крепостицы, которая, разумеется, не могла служить полноценным детинцем, скорее речь могла идти о некой «манифестации» (если не имитации) настоящего города. В этом случае, даже если по трассе позднейшей древо-земляной стены была проведена какая-то оборонительная линия, она охватила участок, который был застроен лишь частично (напомним, что на раскопах VII, VIII, IX, расположенных вдоль вала, общая площадь которых превышает 1000 кв. м, обнаружен только один объект домонгольской эпохи). Тогда территорию, примыкавшую к «замку» на оконечности мыса, логичнее

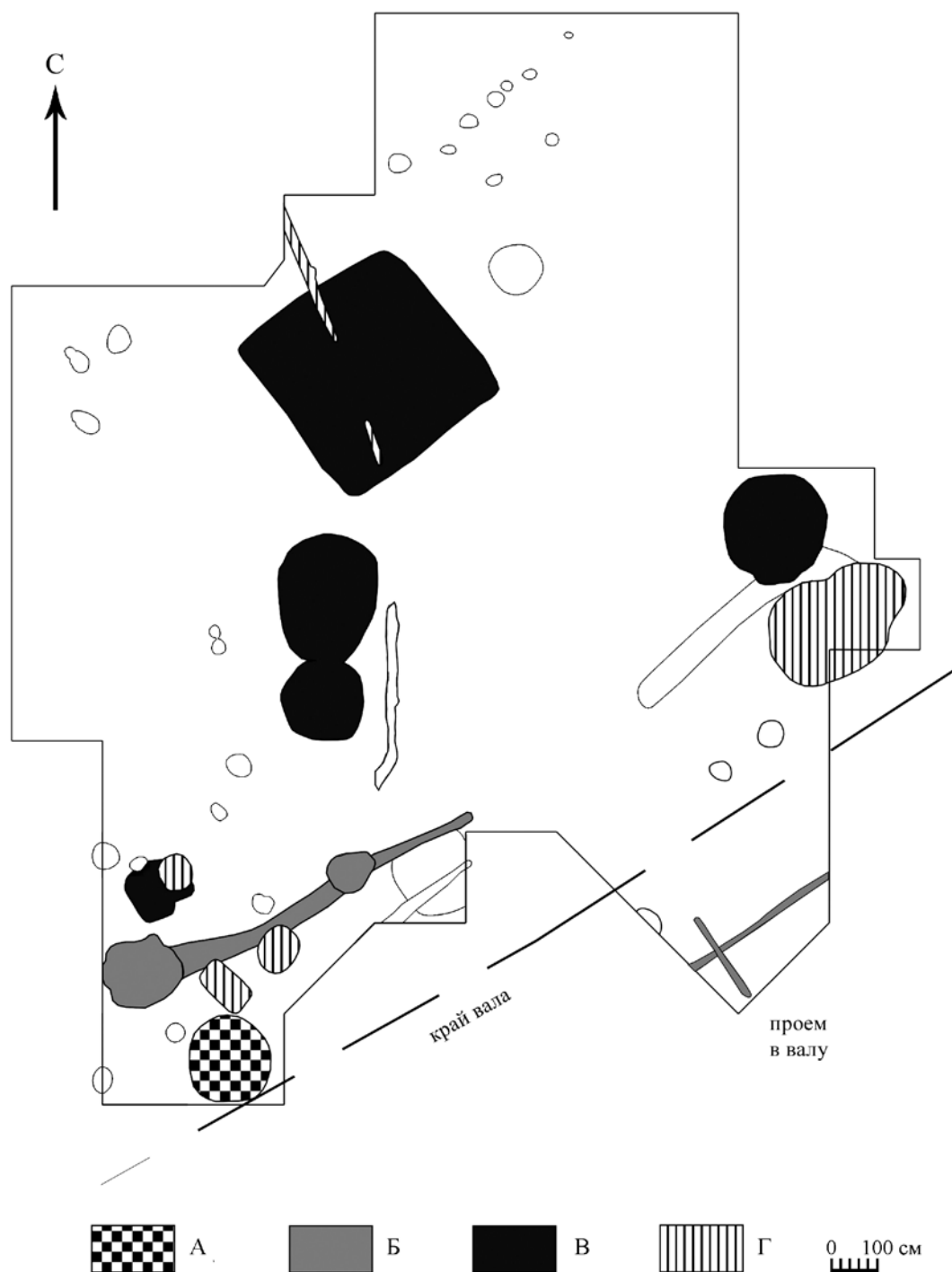

Рис. 5. Раскоп VIII (у западного проема в валу)

А – яма домонгольской эпохи; Б – объекты второй половины XIV – начала XV в.; В – объекты XV в.; Г – объекты XVI в.

было бы рассматривать в качестве окольного города или даже посада (в том случае, если никаких укреплений по упоминавшейся трассе все же не было). Но на этой территории была построена деревянная церковь, рядом с ней возникла площадь, к которой вела единственная улица города – это все признаки

именно городской организации пространства. Таким образом, для домонгольского этапа существования Ростиславля фиксируется противоречивая ситуация: при наличии целого ряда признаков города (церковь, уличная застройка, наличие посадов площадью более 7 га, примыкающих к центральной

площадке) и летописного подтверждения основания города отсутствуют надежные данные о главном признаке – наличии укреплений. Даже крепостица на мысовой площадке скорее реконструируется по косвенным признакам, чем констатируется твердо установленными фактами. Тем не менее в городском характере поселения довольно трудно усомниться. Поэтому не случайно даже после Батыева нашествия это место не только не запустело, но и получило новый импульс развития, в том числе полноценную древо-земляную стену, сформировавшую детинец площадью 2,5 га. Интересно, что появление детинца вполне стандартного для древнерусских городов размера не привело к одновременному уничтожению укреплений на мысовой площадке. Правда, пространство рядом со рвом тут было застроено уже в первой половине XIV в., а не позднее начала XV в. оборонительные сооружения тут были ликвидированы, ров засыпан.

Таким образом, в исторической планировке Ростиславля выявляются два крупных и неравноценных этапа. На первом, домонгольском этапе здесь был основан город, по-видимому, лишенный мощных укреплений, которые полагались ему по статусу. Была построена только небольшая крепость на руинах городища РЖВ, которая не могла служить надежной защитой жителям города, и вряд ли на ее территории проживали какие-то представители княжеской администрации. Во всяком случае, за 20 лет раскопок на этой площадке не было найдено никаких вещей XII–XIII вв., которые можно было бы отнести к числу особо статусных. Например, даже обломки стеклянных браслетов встречались тут не чаще, чем на остальной площади городища (по состоянию на 2013 г. – 17 находок против 194, т.е. в пересчете на вскрытую площадь один обломок браслета приходится на 23–25 кв. м вскрытой площади как на мысовой площадке, так и вне ее). Часть площадки окольного города оставалась незастроенной, но в северной его части застройка была достаточно плотной, с расстояниями между отдельными строениями 5–10 м. Уличная планировка, несомненно, уже сложилась, но при большом запасе свободной площади она сохранялась только на минимальном уровне – в городе была только одна улица.

На втором, золотоордынском этапе, когда возникла полноценная древо-земляная стена и был сформирован детинец, мысовое укрепление (раньше мы его называли «цитадель», и теперь нет оснований отказываться от этого условного термина) сохранялось по крайней мере до конца XIV в. На территории детинца застройка была неравномерной: в северной части очень плотной, в южной – более разреженной,

причем здесь, у главных ворот в городской стене, сформировалась незастроенная площадь, назначение которой пока остается неясным. Выше уже отмечалось, что эта площадь не могла служить городским рынком или предназначаться для иных хозяйственных целей. Остается предположить, что она могла являться местом сосредоточения войск в случае осады детинца либо это была резервная площадка для размещения жителей посада и близлежащих деревень на случай такой осады (т.е. аналог позднейших «осадных дворов»). Надо признать, что это предположение чисто умозрительно, поскольку отсутствуют какие-либо данные о выдержанных Ростиславлем осадах. Поэтому площадь могла оставаться невосребованной к своему предназначению на всем протяжении истории города. Кроме того, к сожалению, отсутствуют какие-либо данные о существовании подобных площадей в других русских городах этой эпохи. Если со временем окажется, что такие площади – стандартный элемент планировки детинцев, можно будет говорить о целенаправленном планировании городской территории и участии городской администрации в этом планировании.

Отдельным элементом городской планировки Ростиславля являлся некрополь, возникший вокруг единственной в городе церкви, вероятно, выполнявшей функции собора. Он возник во второй половине XII в., когда захоронения стали совершать вплотную к стенам храма. В XIII в. все резервы для расширения этого кладбища (изначально небольшого и, вероятно, элитарного) были полностью исчерпаны, поэтому оно могло распространяться только к северу, в сторону рва перед «цитаделью» и, может быть, к востоку, где уже сформировалась жилая застройка. К XIV в. незастроенная площадка вокруг городского собора несколько расширилась, отодвинувшись к югу по меньшей мере на 10 м. Это видно по тому, что на месте или рядом с постройками, существовавшими в XII–XIII вв. к югу от собора, не выявлено крупных объектов позднезолотоордынского времени. Несомненно, это связано с постепенным расширением кладбища, возникшего вокруг собора, которое постепенно съедало примыкавшую к нему центральную площадь. Такая перепланировка в центре города в условиях возросшей плотности его застройки не могла произойти стихийно. Следовательно, в этом можно предполагать результат действий городской администрации, направленных на организацию вокруг собора значительно более крупного, чем раньше, кладбища, потребовавшую сдвига центральной площади к югу за счет сокращения площади одной или нескольких усадеб, расположенных к югу (и, вероятно, к востоку) от храма. При

этом ближайšie к собору усадьбы относились к наиболее престижным по местоположению и могли принадлежать только лицам высокого социального статуса. Вещевые находки с этих усадеб подтверждают такое предположение (это обломки византийских амфор, восточной поливной посуды, каменных крестов-тельников, писал, книжных застежек, пломбы дрогичинского типа). В то же время кладбище в это время (XIV в.) оставалось еще небольшим (очевидно, по-прежнему элитарным), поскольку со всех сторон оно было окружено жилой застройкой. Настоящий существенный рост территории кладбища мог произойти не ранее середины XV в., когда плотность застройки города резко сократилась и вокруг собора появились обширные незастроенные пространства.

Вопрос о местоположении основного (всеобщего) городского кладбища в XII–XIV вв. остается пока не решенным из-за недостатка конкретных археологических данных. Полное отсутствие на площадке детинца и посадов находок (остатков погребений, надгробий, предметов культа), указывающих на размещение кладбищ в каких-либо иных местах города, позволяет делать вывод, что таковых здесь не было. Видимо, подобно кладбищу Старой Рязани XI–XII вв., в Ростиславле оно

изначально размещалось вне города. В этом случае единственным местом, на котором такое кладбище могло располагаться, является территория позднейшего «погоста Ростиславль» (известен по письменным источникам с XVII в.). К сожалению, вся территория этого памятника варварски перекопана несколькими поколениями археологов-любителей и продолжает оставаться полигоном для упражнений современных черных копателей. В отвалах многочисленных грабительских ям здесь обнаружены бесформенные плиты известняка, явно попавшие в кладбищенский слой извне; они могли служить надгробиями погребений XIV–XV вв., подобно «валунным надгробиям» Московской земли того же времени. Но если кладбище здесь существовало в XIV в., то можно допускать возможность его функционирования и в более раннее время, начиная с середины XII в., момента основания города. Во всяком случае, иных вариантов для размещения городского кладбища в радиусе 5 км от Ростиславля просто нет.

Приведенные здесь наблюдения и выводы носят предварительный характер, однако на сегодняшний день они представляются наиболее вероятными и обоснованными.

Литература

Коваль В. Ю., 2005. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли. С. 262–287.

Коваль В. Ю., 2008. Планировка и застройка малого города средневековой Руси на примере Ростиславля Рязанского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН. С. 116–151.

Коваль В. Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 84–98.

Коваль В. Ю., 2011. «Ростиславльский курган»

(вал городища раннего железного века на Ростиславле) // АП. М.: ИА РАН. Вып. 7. С. 35–58.

Коваль В. Ю., 2014. Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации // КСИА. Вып. 236. М.: ИА РАН. С. 134–138.

Коваль В. Ю., 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.

Коваль В. Ю., Русаков П. Е., 2016. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // КСИА. Вып. 242. С. 113–123.

V. Yu. Koval

Fresh details about the ground-plan and construction of the «small» town of Rostislavl

Summary

This paper presents conclusions about the ground-plan for a typical medieval Russian «small» town, Rostislavl – based on material collected during excavations over 2011–2016. This fresh information gave grounds for the lead excavator to reconsider former assumptions. Particularly,

it became clear that this small town had just one single central street – and not two, as had previously been thought. For all its simplicity in layout, the town had a fortified «fortress» on the tip of its river cape – at which, however, there were no signs of residence by the city's elite.

И. Н. Кузина, В. А. Зейфер, Б. Е. Янишевский

Из новых находок стеклянных сосудов в Переславле-Залесском¹

Эта статья продолжает публикацию находок из раскопок в Переславле-Залесском, по ул. Советской, 33, 37, проводившихся под руководством В. А. Зейфера и Б. Е. Янишевского в 2013 г.² Работы велись в южной части городища, неподалеку от линии валов (остатков городских укреплений XIII–XVIII вв.), в 600 м к югу от левого берега р. Трубеж, впадающей в Плещеево озеро. В XIII–XIV вв., когда, согласно археологическим данным, началось первоначальное заселение этого участка города, рядом находились ворота городских укреплений.

В результате раскопок собрана представительная коллекция предметов из керамики, металла и стекла, позволяющая уверенно датировать вскрытый культурный слой. Изделия из стекла в коллекции занимают по количеству не последнее место: найдены стеклянные браслеты, бусы и сосуды как древнерусского производства, так и импортные, в частности, восточного происхождения. Особое внимание среди последних вызывают фрагменты двух, очевидно, сирийских сосудов, декорированных эмалью и золотом. О них и пойдет речь в настоящей работе.

Одиннадцать стеклянных обломков, представляющих открытый сосуд – чашу на ножке, найдены в 2013 г. в раскопе по ул. Советской, 33. Сохранились части венчика и стенок чаши (рис. 1). Стекло прозрачное, практически бесцветное, с легкой желтизной, круглыми и вытянутыми вдоль венчика пузырьками воздуха. Венчик массивный – 7 мм толщиной, плоский, с выступом наружу. Толщина стенок у венчика – 4 мм, в нижней части уменьшается до 2,5 мм. Стенки гладкие, в нижней части, у места соединения чаши с ножкой, с внешней сто-

роны заметны легкие ребра, сходящиеся к дну. Диаметр сосуда составлял 17 см, высота, судя по аналогиям, вместе с ножкой должна была составлять 16–18 см. Сосуд изготовлен дутьем в форму. О ножке информации нет, ее наличие предполагается только по аналогиям, хотя известны подобные сосуды без ножки или на невысоком поддоне (рис. 2) (*Hasson*, 1998. Col. pl. F; *Lamm*, 1929. Taf. 158, 5, 6).

С внешней стороны вся поверхность чаши покрыта золотом и цветными эмалями – белой, желтой, красной, розовой, зеленой и синей. Золото в декоре играет ведущую роль и составляет весь рисунок фона – стилизованный растительный орнамент – арабеск, им же заполнены эмалевые контуры рисунка. Золото наносилось на сосуд в первую очередь, затем, зачастую поверх него, накладывались эмали. Красная использовалась как для проведения тонких линий, так и для заполнения крупных элементов декора. Синей обозначены границы круглых медальонов и отдельные элементы, желтой и белой – крупные объекты и мелкие детали. Реже всего встречается в декоре розовая и зеленая эмали – ими подчеркнули лишь отдельные элементы.

Сохранившиеся фрагменты позволяют составить практически полное представление о декоре. Рисунок на чаше можно разделить на два сюжета: игра в поло и музыкант под окнами башни, откуда за ним наблюдает дама. Оба сюжета хорошо известны в исламском искусстве: на керамической и стеклянной посуде, изделиях из металла и других материалов мастера в мамлюкскую эпоху часто изображали сцены из дворцовой жизни и развлечений знати, практически каждый сюжет дополнялся стилизованным растительным декором (*Ward*, 1998. P. 30; *Contadini*,

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Русь и народы евразийских степей в X–XVII вв. по данным археологии» программы ОИФН РАН «Историческая память и российская идентичность».

² См.: Зейфер, Мазурок, Рассказова, 2014; Зейфер, 2015; Зейфер, Мазурок, 2015.

Рис. 1. Фрагменты стеклянной чаши из раскопок в Переславле-Залесском, 2013 г. (См. цв. вкл.)

А – верхний орнаментальный пояс; Б – нижний орнаментальный пояс

1998). Верхний сюжетный ряд, начинающийся от самого венчика, составляет изображение дворца с башнями и окнами разных очертаний. Стены дворца сложены из крупных блоков, четко прорисованных по золоту тонкими красными линиями; башни украшены яркими завершениями; арочные и одинарные окна, стены также подчеркнута нарядны за счет нанесенной поверх золота цветной эмали. Под окном башни сидит мужчина в цветных одеждах, в руках у него струнный музыкальный инструмент. Слушая музыканта, в круглое окно башни выглядывает девушка. Сохранилась часть лица еще одной девушки в другом окне. Как правило, мастера вокруг дворцов изображали сады или отдельные растения. В нашем случае сохранилось изображение только одного дерева, обозначенного зеленым цветом.

Второй сюжет – игра в поло в нижней орнаментальной зоне. В трех круглых медальонах диаметром около 8 см внутри трехцветных контуров (синяя и красная эмали и золото) на фоне растительного декора, прорисованного тонкой красной линией и заполненного золотом, размещены наездники – участники игры, по одному в каждом медальоне. Полностью восстанавливается изображение красного коня в богатом убранстве с повернувшимся лицом к зрителю наездником. Также почти полностью

сохранилось изображение желтого коня, часть человеческой фигуры утрачена. От третьего медальона сохранилась небольшая часть с головой белого коня в сбруе. Судя по всему, других медальонов на сосуде не было. Лица всех людей прорисованы тонкими красными линиями по золоту, как и подавляющее большинство деталей росписи сосуда. Этот прием повсеместно применялся при росписи стеклянных изделий мамлюкского периода, также как и способ изображения крупных построек. Достаточно указать на один из самых знаменитых из дошедших до нашей дней сирийских графинов середины XIII

Рис. 2. Стеклянные чаши без ножки и с ней (по: Lamm, 1929. Taf. 158, 5, 6)

Рис. 3. Стеклянная бутылка, Сирия, сер. XIII в. Лихтенштейн (по: Carboni, 2002. Р. 243)

в., хранящегося в Лихтенштейне (Carboni, 2002. Р. 242) (рис. 3).

Представление о полной форме переславлянского сосуда дает чаша, хранящаяся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (рис. 4). Ее предназначение до конца непонятно: сосуд в силу небольшого размера могли использовать для питья или для

омовения рук, вернее, кончиков пальцев, как было принято в Средневековье. В любом случае золотая роспись при взгляде сверху на внутреннюю поверхность стекла создавала впечатление необыкновенного блеска и роскоши.

Более 30 фрагментов, найденных в раскопе рядом с разбившейся чашей на ножке, принадлежали

Рис. 4. Стеклянная чаша, Сирия, сер. XIII в. Нью-Йорк (по: *Carboni*, 2002. Р. 240). (См. цв. вкл.)

графину, или декантеру – сосуду с высоким тонким горлом и округлым туловом (рис. 5). Горло сосуда собирается из осколков полностью без каких-либо утрат. Его высота до места перехода в основной объем составила около 15 см. Размеры подовального венчика – около 4,5×6,2 см. Толщина венчика по самому краю – до 0,7 см. Книзу горло сосуда сужается, уменьшается и толщина стекла, составляя всего миллиметр у стенок тулова. На расстоянии чуть более 7 см от края венчика сделана складка диаметром примерно 6,2 см и толщиной 0,7 см в виде кольца для упора пальцев. О донце информации нет. Общая высота также не восстанавливается. Сосуд изготовлен свободным выдуванием из бесцветного стекла хорошей прозрачности. Как и первый сосуд, графин полностью покрывала золотая роспись арабесками, но только более тонкая. Ее сохранность, к сожалению, хуже, чем в первом случае – в основном она угадывается по следам на стекле. Широкая полоса золота покрывала весь округлый край венчика, золото заполняло рисунки тонкими красными линиями на орнаментальных поясах горла и между ними, повторяло линии узора,

нанесенного цветными эмалями: красной, синей, желтой и белой. Декор тулова составляли в различных сочетаниях круглые медальоны как минимум пяти видов и обрамляющие их прямые и волнистые красные тонкие линии (рис. 6). Полностью композиция декора не восстанавливается. Можно лишь предположить, что фигур человека и животных, а также надписи на графине не было.

Графины (декантеры) служили сервировочной посудой. В них наливали вино непосредственно перед употреблением, поэтому наличие крышек или пробок к ним не предполагалось. По сохранившимся в частных и музейных коллекциях целым сосудам известен их объем: в основном он составлял до двух литров. Декантер на рисунке 7, датированный серединой XIV в., имеет вместимость 2300 мл, высоту 41 см и максимальный диаметр 20 см (*Carboni*, 2001. Р. 366). Переславльская находка перекликается с ним по форме и декору, особенно по оформлению горла поясами синей эмали, распределением орнаментальных зон с рисунком красными линиями и золотом. Главной особенностью сосуда из Переславля-Залесского

Рис. 5. Фрагменты стеклянного графина из раскопок Переславле-Залесском, 2013 г. (См. цв. вкл.)

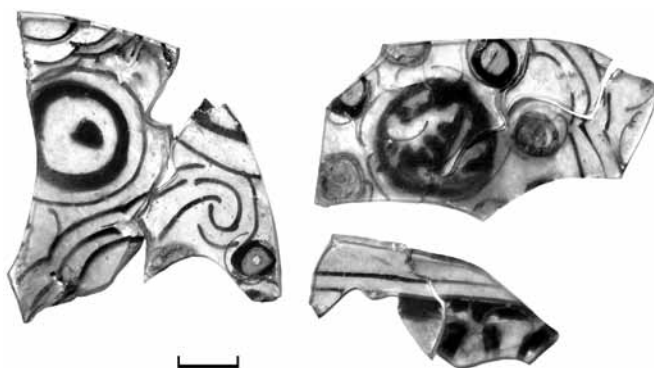

Рис. 6. Фрагменты орнамента на тулове стеклянного графина. Переславль-Залесский, 2013

Рис. 7. Стеклянный декантер. Египет или Сирия, сер. XIV в. Париж (по: *Carboni*, 2001. Р. 367). (См. цв. вкл.)

является форма венчика – овальная со сливом. Все известные по публикациям декантеры имеют круглый венчик без слива.

Судя по расположению открытых раскопками объектов и общему составу вещевой коллекции, на этом месте находилась резиденция крупного золотоордынского чиновника, а оба описанных здесь сосуда принадлежали к его личным вещам. Они представляют собой прекрасные образцы ху-

дожественного стиля, достигшего расцвета в исламском искусстве во второй половине XIII – первой половине XIV в. Общепринятая датировка подобных сосудов не противоречит обстоятельствам находок в Переславле-Залесском. Стеклянные сосуды этого времени хорошо известны на памятниках зарубежной Европы и территории Волжской Болгарии. Немногочисленные целые экземпляры хранятся в крупных музеях мира и частных кол-

лекциях. Два целых декантера из Причерноморья хранятся в фондах Государственного Эрмитажа (см.: *Gilded and Enamelled Glass...* 1998; *Валиулина*, 2015). Фрагменты различных стеклянных сосудов с росписью встречаются и на древнерусских памятниках. Они известны в золотоордынских слоях в Переяславле Рязанском, Ростиславле Рязанском, Владимире, Твери, городах Белоруссии и др. (см., например: *Стрикалов, Кузина*, 2015; *Кабаев, Галь-*

чук, 2007. Рис. 2; *Сафарова*, 2015; *Лавыш*, 2015; и др.). Тем не менее находки из Переславля-Залесского занимают особое место в этом списке. Их исключительность заключается в сохранности, позволяющей реконструировать полную форму и сюжеты росписи. Кроме того, авторам этой статьи неизвестны аналогии сосудов с таким же точным сочетанием сюжетов и форм, как у находок из Переславля-Залесского.

Литература

Валиулина С. И., 2015. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе// *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*/отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История. С. 236–261.

Зейфер В. А., 2015. Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек из раскопок южной части кремля г. Переславля-Залесского (по результатам исследований 2013 года)// *АП. Вып. 11*. М.: ИА РАН. С. 287–298.

Зейфер В. А., Мазурок О. И., Рассказова А. В., 2014. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском// *АП. Вып. 10*. М.: ИА РАН. С. 304–321.

Кабаев Д. А., Гальчук Л. Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2)// *Археология Владимиро-Суздальской Руси. Материалы научного семинара*. М.: ИА РАН. С. 68–74.

Лавыш К. А., 2015. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации// *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*/отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История. С. 225–235.

Мазурок О. И., Зейфер В. А., 2015. Отражение минувшего. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском// *АП. Вып. 11*. М.: ИА РАН. С. 299–303.

Сафарова И. А., 2015. Актуальные вопросы хронологии средневековых стеклянных изделий

из раскопок в Твери// *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*/отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История. С. 209–2017.

Стрикалов И. Ю., Кузина И. Н., 2015. Новая находка импортного стеклянного сосуда из острога Переяславля Рязанского// *КСИА. № 240*. М.: Языки славянской культуры. С. 263–270.

Carboni S., 2002. Painted Glass// *Glass of the Sultans*. NY – Corning – Athens – L. P. 199–273.

Carboni S., 2001. Glass from islamic lands. NY: Thames and Hudson. 416 p.

Contadini A., 1998. Poetry on enamelled glass: the Palmer Cup in the British Museum// *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*/ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 56–60.

Gilded and Enamelled Glass from the Middle East/ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press, 1998. 212 p.

Hasson R., 1998. An enamelled glass bowl with «Solomon seal»: the meaning of a pattern// *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*/ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 41–49.

Lamm C. J., 1929. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*. 2 Bänden. Band II. Abbildungen. Berlin: Dietrich Reimer. 566 s. (Forschungen zur islamischen Kunst, Bd. 5. Ed. F. Sarre).

Ward R., 1998. Glass and brass: parallels and puzzles// *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*/ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 30–34.

I. N. Kuzina, V. A. Zeifer, B. E. Yanishevsky

Glass vessels of Pereslavl: new findings

Summary

The article describes two glass vessels from the excavation in Pereslavl-Zaleski: footed bowl (tazza) and a decanter, found in 2013. The vessels were gilded and enamelled. The number of remaining pieces allows to

reconstruct the shape and decoration of vessels. They were made in Syria in the second half of the 13th or first half of the 14th century. They are rare finds on the monuments of Rus.

М. Ю. Меньшиков

Секира Перуна или топор святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI–XVII веках

В ходе исследования выявленной недавно новой для Москвы категории находок в виде миниатюрных топориков XVII в. возникло много вопросов, связанных с причинами появления и существования этих предметов в материальной культуре русского Средневековья. Ранее уже были рассмотрены вопросы морфологии московских топориков (*Векслер, Меньшиков, 2015*), их семантика, возможные варианты применения и хронология (*Меньшиков, 2016*). Но остались вопросы о появлении самой идеи использования миниатюрных топориков в русском средневековом обществе и о причинах, вернувших данную категорию предметов в оборот на Руси во второй половине XVII в.

В рамках этой работы хотелось бы проследить эволюцию миниатюрных топориков с XI в., попытаться проанализировать возможное их назначение, а также попробовать соотнести изменения в форме и географии распространения миниатюрных топориков с историческими процессами, происходившими на обширной территории, включая земли Руси, Византии, Европы и Англии.

Миниатюрные топорики в контексте металлических амулетов подвесок и украшений на Руси в XI–XII веках

В археологической литературе за находками миниатюрных копий боевых топоров, преимущественно XI–XII вв., прочно закрепился термин «амулеты-топорики». На наш взгляд, существует ряд отличий, выделяющих миниатюрные топорики из основной массы амулетов и украшений Руси. Заметным отличием амулетов-топориков с втулками от других металлических сакральных подвесок является отсутствие топориков I и II типов (*Макаров, 1992*) в опубликованных цепных и арочных наборах, которые при этом включают все другие виды амулетов, существовавших

синхронно в славянских землях: ключи, ложечки, ножны, гребни и пр. (*Рыбаков, 2013. С. 563. Рис. 91; «Древняя Русь», 1997. С. 156; Журжалина, 1961; Рябинин, 1988*). Наличие деревянных топорниц, неоднократно находимых вместе с металлической частью, также ставит топорики особняком в порядке их ношения. Существует отдельная, пока еще малочисленная, группа секировидных изделий с элементами подвески (*Paulsen, 1956. P. 199; Kucypera et al., 2010. Tabl. XII, 2; XIV, 6*). Но они выходят за рамки рассматриваемых здесь миниатюрных топориков XI–XII вв. и, скорее, являются отображением либо бытовых инструментов, либо имитируют, что кажется более вероятным, биметаллические кресала.

Второе и более существенное отличие связано с географией распространения миниатюрных топориков. На протяжении XI в. начинает формироваться общий стиль украшений и предметов мелкой пластики, входящих в состав богатых парадных древнерусских уборов. В основе своей этот стиль восходит к византийским прототипам. При этом в среде более простых рядовых украшений сохраняются локальные территориально-этнические варианты, имевшие определенное разнообразие в пределах древнерусского государства (*Рябцева, 2005. С. 275–276, 278*). Некоторое разнообразие характерно и для традиционных древнерусских групп амулетов, имитирующих бытовые предметы («Древняя Русь», 1997. С. 154). «Амулеты-топорики», учитывая контекст обнаружения, сложно отнести к элитарному парадному набору украшений, при этом их ареал невозможно связать с отдельной этнической группой, и он гораздо шире, чем у всех иных групп древнерусских сакральных привесок.

В отличие от височных колец, других видов амулетов или иных украшений, имеющих этническую принадлежность (*Рябцева, 2005. С. 36*),

миниатюрные топоры встречаются как в различных славянских землях Руси, так и в землях с финским и балтским населением в Восточной Европе, а также в Скандинавии и Северной Европе. На юге они доходят до Крыма и территорий на западном берегу Черного моря, в X–XII вв. периодически входивших в состав Византийской империи (*Kucypere et al.*, 2010. С. 132; *Йотов*, 2003. С. 27; *Атанасов*, 2013. С. 92, 93). То есть если сравнивать территорию распространения амулетов-топоров с иными формами оберегов, имевших обычно религиозную, этническую, а часто и более узкую – племенную – принадлежность, то можно уверенно говорить, что топоры стоят особняком среди подобных сакральных предметов. Распространение топоров соотносимо лишь с распространением христианской – наднациональной – символики. Таким образом, будет логичным предположить, что миниатюрные топоры, будучи амулетами или оберегами, либо являются символом широко распространенного культа – столь широко распространяются лишь кресты в этот период (*Седов*, 1988), либо артефактами, связанными с большой социальной группой, представители которой встречались на всем пространстве от западных окраин Скандинавии и Руси до Западного Закамья на востоке и от Новгородских земель до черноморских окраин Византийской империи. И если иного, отличного от христианства, широко распространенного культа в этот период на указанной территории мы не знаем, то выделить на этом пространстве единые в своей культуре социальные группы не представляется сложным. Археологические находки, общие для этой территории, объединены в рамках дружинной воинской культуры. В первую очередь это находки предметов вооружения и отдельные категории дорогих ювелирных изделий, традиционно связываемых с княжеской властью, представители которой, в свою очередь, преимущественно декларировали себя христианами.

Этапы распространения миниатюрных топоров в Средневековье

В процессе изучения миниатюрных топоров стало возможным выделить три ключевых этапа их бытования, исходя из географии, морфологии и материала, из которого они изготавливались.

I этап. В основном в северной части Европы часто встречаются различные формы подобных изделий, изготовленных из разных материалов: янтарные (*Мугуревич*, 1965. С. 60; *Paulsen*, 1956. Р. 201–204), костяные (*Paulsen*, 1956. Р. 52–59), железные (*Каргер*, 1958. Табл. XVI, 10) и из цветного металла (*Schoknecht*, 1977. Р. 79, 80). На данном этапе отсут-

ствует какая-либо стандартизация в их изготовлении, и не всегда форма миниатюрных топоров имеет реальный прототип среди боевых топоров.

Все известные европейские находки миниатюрных топоров первого этапа имеют скандинавское происхождение и так или иначе связываются с культурой викингов. Самая южная известная автору находка миниатюрного топора X в. происходит из Киева, и обнаружена она в погребении юноши при раскопках Десятинной церкви (*Каргер*, 1958. С. 174–178). Большое их количество найдено на территории самой Фенноскандии, возможно, отдельные топоры именно этого времени обнаружены в Англии (данные находки являются случайными и официально не опубликованы).

Ряд европейских авторов, говоря об этих находках, рассматривает их как амулеты, входящие в круг почитания скандинавских богов, аналоги или заменители молоточков Тора (*Schoknecht*, 1977. Р. 79, 80; *Perkins*, 2001. Р. 55, 70). Начавшаяся в IX в. христианизация Скандинавии привела на первых порах к религиозному синкретизму. Параллельно с широким распространением нательных крестов в X в. на территории Фенноскандии и на севере Руси (*Седов*, 1988) к этому же времени относится большое количество находок, традиционно связываемых с языческими богами викингов. Религиозный синкретизм приводит к тому, что в погребениях вместе с крестом могут быть встречены и молоточки Тора, и возможные символы Одина, и миниатюрный топор (*Fuglesang*, 1989. Р. 18). При этом за пределами скандинавской среды некоторые элементы этого набора могут являться украшениями и не нести религиозной нагрузки. Помимо погребального инвентаря лояльное отношение к разным религиозным атрибутам прослеживается и по находкам литейных форм, предназначенных для отливки одновременно как крестов, так и молоточков Тора (*Fuglesang*, 1989. Р. 18). Письменные источники также подтверждают постепенное проникновение христианства в эту среду (*Гуревич*, 2006. С. 113).

II этап. В отличие от изделий предшествующего этапа, миниатюрные топоры XI–XII вв. практически стандартны по внешнему виду и материалу изготовления (*Макаров*, 1992). География их распространения значительно расширяется и охватывает в это время всю территорию Руси и ряд сопредельных земель. Большинство изделий этого времени выполнено из сплавов на основе меди. Также существуют железные топоры, сделанные очень качественно и полностью подражающие миниатюрным топорам типов I и II по типологии Н. А. Макарова. На сегодняшний день

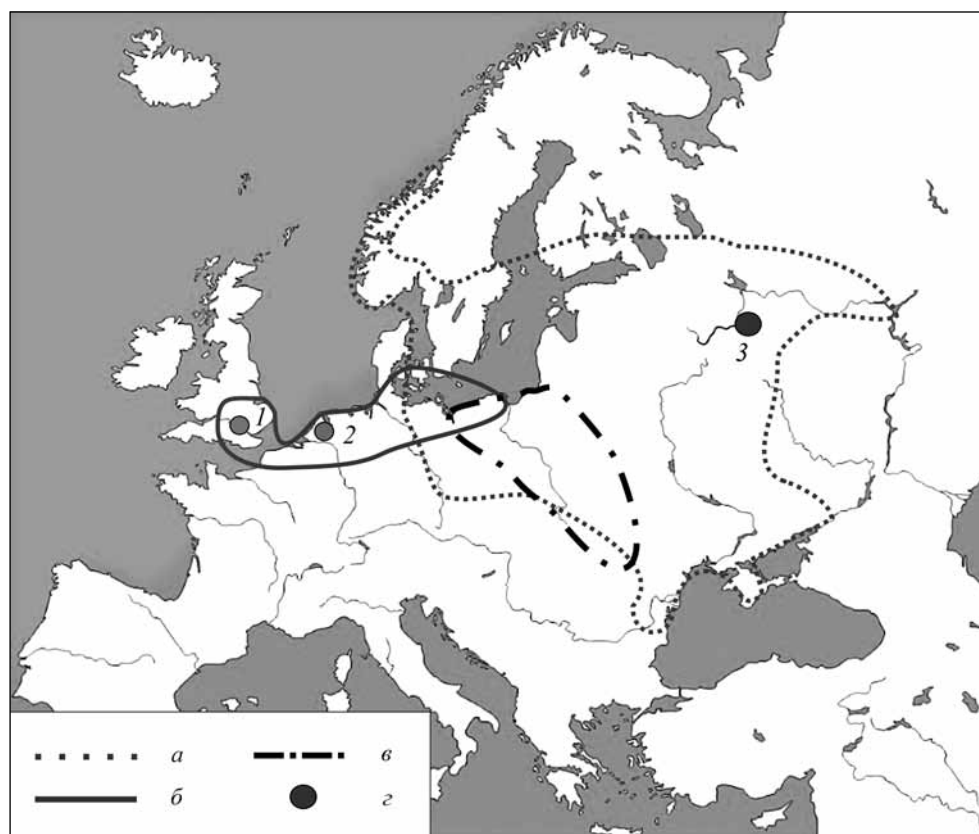

Рис. 1. Распространение миниатюрных топориков XI–XVII вв.

а – граница ареала миниатюрных топориков XI–XII/XIII вв. (Макаров, 1992. Рис. 6; Kucypera et al., 2010. Rys. 3 и др.); *б* – граница ареала миниатюрных топориков XIII – нач. XVI в. (Beuningen, Koldewey, 1993. P. 292, 351, 432; Spencer, 2010. P. 305; Beuningen, Koldewey, 1993. P. 292, 429–430; Koldewey, 2006. P. 125, 130; Beuningen et al., 2012. P. 350–351); *в* – граница ареала миниатюрных топориков XVI–XVII вв. (Kotowicz, Muzyczuk, 2008. S. 133–135; коллекция музея г. Гданьска; случайные и неопубликованные находки); *з* – места обнаружения миниатюрных топориков (1 – миниатюрный свинцовый топорик с символикой Карла V Габсбурга, Лондон, Англия (Spencer, 2010. P. 305); 2 – миниатюрный свинцовый топорик с символикой Карла V Габсбурга, Хорн, Нидерланды (Hoorn, collectie Archeologie West-Friesland. № WES02-000); 3 – миниатюрные свинцовые топорики русской работы, 1650–1660-е, Москва (Меньшиков, 2016)

автору известно всего четыре таких экземпляра: один миниатюрный топорик типа II, найденный в Шлезвиге, хранится в коллекции археологического музея в замке Готторф (*Schloss Gottorf*), второй происходит из одного из центров на западном пути из Скандинавии в Византию – г. Крушвица (польск. *Kruszwicy*) (Hensel, 1979; Hensel-Moszczyńska, 1981. S. 171, 200, 203). В сети Интернет выложена информация еще о двух топориках I и II типов из грабительских раскопок.

Находки топориков, происходящих с территории средневековой Руси, большей частью имеют четкую хронологию, поскольку многие из них обнаружены в хорошо датированных слоях целого ряда памятников. В основном их находят в культурных отложениях и погребениях XI–XII вв. Иногда даты выходят за эти рамки, но чаще всего это связано либо с недостаточной точностью датировки

комплексов, либо, как мы покажем это дальше, с ошибочной атрибуцией более поздних топориков (Боровский, Сагайдак, 1985. С. 40, 41). На сегодняшний день опубликовано не менее 150 экземпляров, происходящих из археологических раскопок (Paulsen, 1956. P. 190–199; Даркевич, 1961; Успенская, 1967. С. 94–99; Зверуго, 1989. С. 60; Макаров, 1992; «The Ancient Hungarians», 1996. P. 173; Алексеев, 2004; Kucypera et al., 2010; Салмина, Салмин, Михайлов, 2013. С. 132; Hensel-Moszczyńska, 1981. S. 171–172; Panasiewicz, Wołoszyn, 2002; Терський, 2010; Савицький, Свиницький, 2009; Савицький, Свиницький, 2012; Супруненко, 2015; Атанасов, 2013. С. 92, 93; Костюкевич, 2014. С. 44, 45; и др.). Многие топорики еще не опубликованы, и огромное количество подобных артефактов выложено на грабительских сайтах. Основной ареал – Скандинавия, Русь, Восточная Европа (рис. 1).

Практически ни у кого, кто сталкивался в ходе раскопок с миниатюрными топориками, выделенными в два основных типа Н. А. Макаровым, не возникает сомнения в нижней границе их датировки. Ранняя дата появления всегда определяется первой половиной – серединой XI в. При этом на всей территории их бытования они появляются практически одновременно, и пока нельзя выделить центр, из которого они могли распространяться. На сегодняшний день неизвестны и находки литейных форм для их изготовления, что является странным при такой многочисленности и позволяет предполагать, что они могли производиться за пределами рассматриваемого ареала.

Что же касается верхней границы бытования, то для находок топориков типов I и II (по Н. А. Макарову) существуют некоторые расхождения в датировке. Большинство топориков, найденных на территории Руси, не выходят во вторую половину XII в. Однако среди артефактов, обнаруженных на территории Польши, Украины и России, есть топорики, которые авторы склонны датировать рубежом XII–XIII вв., считая их при этом локальными вариантами типа I (*Kucypera et al.*, 2010. S. 106, 124. Tabl. II, 7; VIII, 6), что, на наш взгляд, не совсем верно.

Географически и исторически эта группа находок тяготеет к основному массиву миниатюрных топориков XI–XII вв. Однако существует ряд признаков, которые отличают их от металлических изделий типов I и II и при этом являются общими для всей данной группы, что позволяет выделить их из массива миниатюрных топориков, описанных Н. А. Макаровым.

1. Все известные на сегодняшний день топорики указанной группы изготовлены из свинца или сплава на его основе.

2. Эти топорики имеют общую морфологию, наиболее близкую боевым топорам, атрибутируемым А. Р. Артемьевым в его работе как топоры местной новгородской работы (*Артемьев*, 1994. Рис. 2; 3, 1; *Колчин, Янин, Ямичиков*, 1985. С. 156). В последнее время находки подобных топоров стали известны в Поднепровье и на территории Скандинавии. Общими для данной группы миниатюрных изделий (как и боевых топоров) являются следующие признаки: наличие полудизкульной выемки на нижней грани топора, которая оканчивается шпорцей; расширение лезвийной части за счет изогнутой и задранной вверх верхней грани подобно «датским секирам» или топорам типа М (*Petersen*, 1919. P. 41, 45–47). Также значительно совпадают характер и участки ornamentации топоров и их миниатюрных копий.

3. Все известные миниатюрные топорики данной группы имеют одинаковое декоративное оформление, состоящее из трех основных элементов: шпорцы с одного края; орнаментальных поясков с расположенным внутри них ритмичным орнаментом в виде параллельных рельефных линий и/или треугольников; отверстия (иногда ложного) в лезвии топора с краем, оформленным в виде валика или пояска.

4. Топорики данного вида, вероятно, связаны с самым поздним периодом бытования данной группы артефактов в домонгольской Руси.

Хорошо датированных подобных топориков единицы, однако массовость этих находок, выложенных на сайтах кладоискателей, позволяет говорить о целой серии очень близких миниатюрных изделий. На сегодняшний день большинство находок таких топориков известно с территории южной и юго-западной Руси, и датируются они концом XII – началом XIII в. (*Kucypera et al.*, 2010. S. 106, 124. Tabl. II, 7; XII, 4; *Panasiewicz, Wołoszyn*, 2002). Единственная задокументированная находка подобного топорика на севере Руси происходит из Старой Руссы (*Торопова*, 2011. С. 51. Рис. 66, 4). Топорик подобной формы, но значительно отличающийся по размерам, происходит с острова Вайгач (*Макаров*, 1992. С. 48). Данная группа топориков является самой поздней из встречаемых на Руси, и она предшествует широкому распространению миниатюрных свинцовых топориков в Европе. Учитывая хронологическую последовательность и общий ареал с топориками типов I и II по типологии Н. А. Макарова, допустимо предложить выделение данной группы изделий в тип III (рис. 2).

Вернемся к вопросу об истоках происхождения миниатюрных топориков. В целом, несмотря на наличие языческих элементов в культуре, можно говорить о том, что к середине XI в. христианство было распространено среди викингов, а скандинавская знать и дружина в основном были христианизированы (*Мельникова*, 2013). На рунических камнях, установленных в честь служивших и погибших «в греках», часто встречается прославление именно христианского Бога (*Мельникова*, 2001. С. 348–350). Высказанное разными авторами предположение о принадлежности миниатюрных топориков сильно христианизированной дружинной воинской культуре ставит под сомнение тезис В. П. Даркевича о связи миниатюрных топориков с культом Перуна (*Даркевич*, 1961).

Период XI–XII вв. ознаменован рядом исторических событий, очевидно связанных с распространением миниатюрных топориков в силу

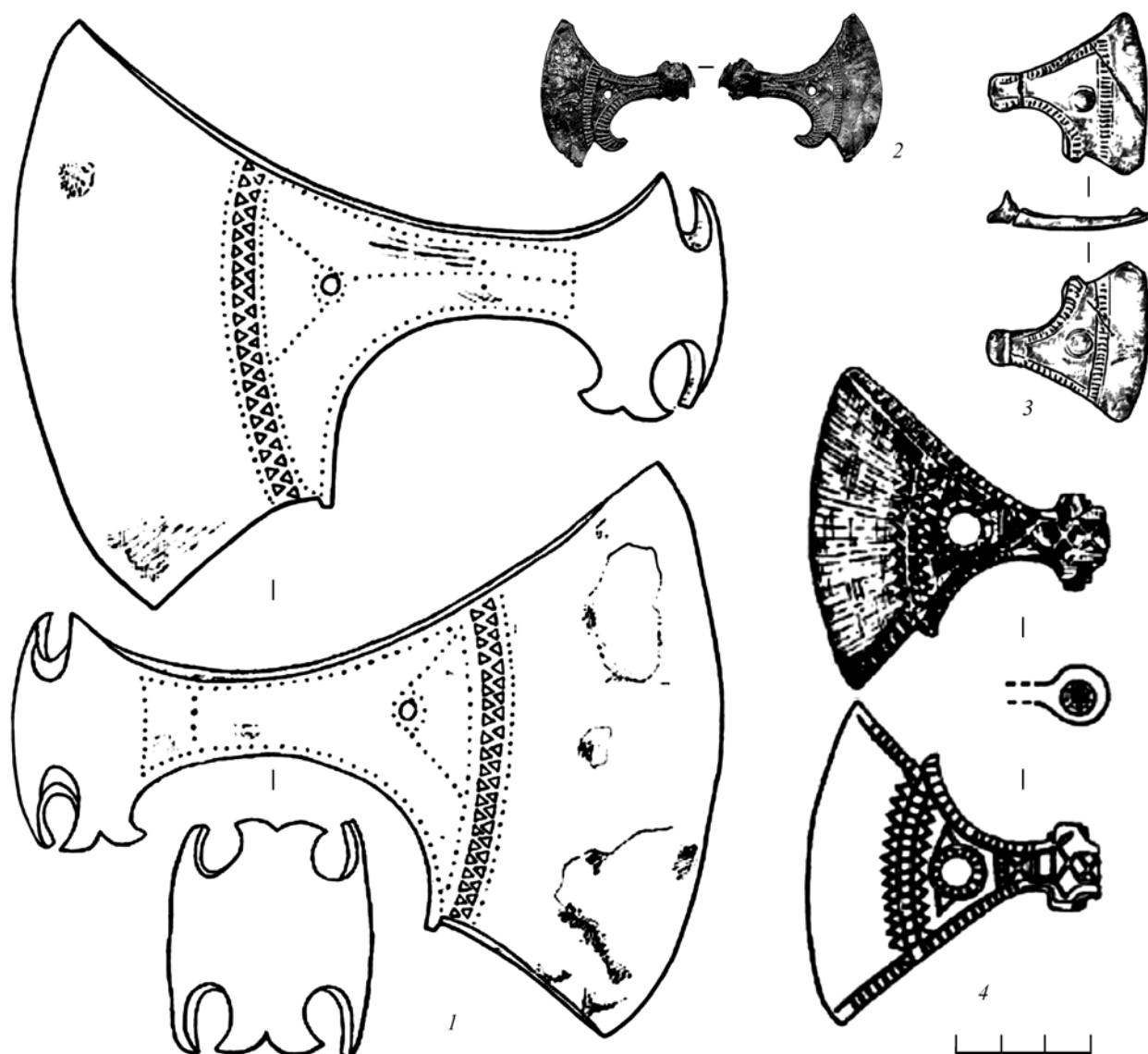

Рис. 2. Миниатюрные топорики типа III и их прототип

1 – железный боевой орнаментированный топор. Великий Новгород (Артемов, 1994. Рис. 2); 2 – свинцовый миниатюрный топорик. Старая Русса. Свинец (Торопова, 2011; Электронная база данных археологических находок Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Пятницкий-I-21-53-A-39 (<http://www.novsu.ru/archeology/db/>); 3 – свинцовый миниатюрный топорик. Гродек (Польша) (Kucypera et al., 2010. Tabl. XII, 4); 4 – свинцовый миниатюрный топорик. Остров Вайгач, святилище «Болванский нос I» (Петров, 2008. Рис. 41)

географических и социальных причин. Данные артефакты встречаются на огромной территории от Скандинавии до приграничных районов Византии и от Западного Закарья до западных границ Восточной Европы (Макаров, 1992; Kucypera et al., 2010). Именно этот период является временем появления и наивысшего расцвета почитания культа св. Олафа, ставшего покровителем варяжских воинов, а к концу XI в. – главным небесным патроном купцов, ведущих заморскую торговлю (Мельникова, 1996. С. 93). В это же время формируются институты скандинавской гвардии, при дворе

византийского императора получившей название «варангов» или «вэрингов», а при дворе англосаксонских правителей – «хускерлов».

В европейской историографии представление о связи миниатюрных топориков с культом св. Олафа высказал еще в 1939 г. П. Паулсен (Paulsen, 1956. Р. 247–255). Позже прозвучали предположения о наследовании миниатюрными топориками молоткам Тора (Schoknecht, 1977. Р. 79, 80). В отечественной литературе и литературе стран бывших республик СССР данные предметы традиционно связывались с воинским культом и культом Перуна

(Даркевич, 1961; Рыбаков, 2013; Панишко, Златогорский, 2009; Радул, 2012; и др.). Впервые сомнение в непосредственной связи амулетов-топоригов с языческим культом высказал Н. А. Макаров (1992. С. 51). Позднее идея о взаимосвязи миниатюрных топоригов и св. Олафа была опубликована в посмертной работе Ю. М. Лесмана (2014. С. 76).

История канонизации св. Олафа не проста и заслуживает отдельного описания. Наиболее полно биография конунга Олафа Харальдсона изложена в сборнике саг, приписываемых Снорри Стурлусону (1980. С. 167–378). По мнению М. И. Стеблин-Каменского, одна из трех саг об Олафе, названная «Древнейшая сага об Олафе святом», является наиболее ранним текстом среди «королевских саг», объединенных сборником «Круг земной». Она написана в Исландии в XII в. (Стурлусон, 1980. С. 589). А. А. Сванидзе также придерживается мнения, что к концу XII в. уже существовал литературный источник в виде саги, где Олаф именуется святым. Вероятным автором данного произведения предположительно считают Одда Сноррасона (Сванидзе, 2014. С. 54). В тексте саги помимо жизнеописания детально рассказывается о событиях, последовавших за гибелью конунга Олафа Харальдсона в битве при Стиклестадире 29 (или 31) июля 1030 г. Чудеса, иллюстрирующие святость Олафа, начинают происходить еще на поле битвы, практически сразу после гибели конунга. Торир Собака, убивший Олафа, во время боя был ранен, но когда кровь убитого попала на его рану, то рана сразу зажила, и ее не нужно было перевязывать: «Торир сам рассказывал об этом чуде, когда святость Олава конунга стала явной для всех. Торир был первым из знатных людей в войске врагов конунга, кто признал святость конунга» (Стурлусон, 1980. С. 364). Затем следует описание чуда, произошедшего со слепым нищим, который прозрел, когда протер глаза руками мокрыми от крови убитого Олафа (Стурлусон, 1980. С. 368). Через год тело конунга было обретено нетленным и, после нескольких последовавших за этим чудес епископ Гримкелль с согласия народа и по решению нового конунга Свейна объявил Олафа Харальдсона святым. Его тело было внесено в церковь Клеменса в Тронхейме и поставлено над алтарем (Стурлусон, 1980. С. 372, 373). В первые же годы после смерти конунга образ Олафа как святого начинает широко распространяться в варяжской среде. Наиболее ранним памятником, не дошедшим до нас, считается «*Translatio S. Olavi*» (Мельникова, 1996. С. 94). Этот источник, вероятно, появляется еще до того, как в 1036 г. Магнус Добрый, сын

Харальдсона, вводит празднование дня св. Олафа. Магнус берет на себя заботу о мощах своего отца и каждые 12 месяцев до конца своей жизни остригает ему ногти и волосы, которые продолжают расти у нетленного тела святого конунга. Подобные изменения плоти мертвого человека, безусловно, с точки зрения средневекового жителя Европы, являются подтверждением святости Олафа (Сванидзе, 2014. С. 381). Около 1040 г. скальд и дружинник Олафа Сигват Тордарссон сочиняет «Поминальную драпу», включающую описание мессы в день св. Олафа (Мельникова, 1996. С. 94; Джаксон, 2000. С. 80). Почитание образа св. Олафа быстро распространяется в ареале влияния скандинавской дружины. В середине XI в. в Константинополе появляется церковь или придел св. Олафа, построенная специально для моления придворной скандинавской стражи (Мельникова, 1996. С. 99–106). В конце XI в. строится церковь св. Олафа в Сигтуне, а в начале XII в. храм, посвященный Олафу, вероятно, возводится и в Висбю. (Мельникова, 1996. С. 93, 94). В XII в. фреска с изображением св. Олафа написана на столбе Рождественского храма в Вифлееме (Fett, 1938. С. 80). О почитании нового святого на Руси, где Олаф Харальдсон был хорошо известен и как гость, и как родственник Ярослава Мудрого (Джаксон, 2000. С. 74.), мы можем уверенно говорить с начала XII в. Церковь св. Олафа в Новгороде упоминается в рунической надписи рубежа XI–XII вв. из Шюсты (Мельникова, 1996. С. 97; 2001. С. 338). Обоснование даты появления церкви св. Олафа на рубеже XI–XII в. в Великом Новгороде, исходя из русских источников, приводится в работе Е. А. Рыбиной (1986. С. 19). История упоминания церкви св. Олафа в русских летописях в связи с пожаром в Новгороде подробно разобрана в работе Т. Н. Джаксон (2000. С. 81, 82). Помимо многих чудес в русских землях, связанных с именем норвежского конунга, называется и чудодейственная икона св. Олафа (Джаксон, 2000. С. 80, 81, 83, 84; Успенский, 2002. С. 115, 116, 131, 132). Святой Олаф упоминается в русской молитве святой Троице, переведенной с латыни в середине XII в. (Мельникова, 1996. С. 97, 98). Таким образом, мы видим наличие всех атрибутов почитания святого. В норвежской устной церковной традиции принято считать, что Олаф официально стал святым с 1164 г. без ссылок на какой-либо источник. Возможно, данная дата связана с каким-то малоизвестным в литературе событием во времена хаоса в церковном устройстве периода борьбы за папский престол между Александром III и антипапами, ставленниками Фридриха Барбароссы.

В работе, посвященной культу св. Олафа в Новгороде и Константинополе, Е. А. Мельникова пишет, что канонизация Олафа Римско-католической церковью происходит в конце XII в. (Мельникова, 1996. С. 93). Однако Ф. Б. Успенский, комментируя работу Е. А. Мельниковой, указывает, что официальная канонизация св. Олафа папским престолом происходит лишь в 1888 г. (Успенский, 2001. С. 267. Прим. 7; 2002. С. 245). Вероятно, в данном случае с точки зрения современных правил римской католической церкви правильно говорить о беатификации Олафа сразу после смерти, то есть о проведении процедуры, в результате которой Олаф Харальдсон был причислен к лику блаженных и стал почитаться местным святым, что является предварительной ступенью на пути к канонизации. Но популярность Олафа была такова, что термин «святой» и все атрибуты этого звания закрепились при имени погибшего конунга уже в 1031 г. Также некоторой путанице со статусом святого способствовало то, что Олаф Харальдсон погиб и был объявлен святым незадолго до великой схизмы 1054 г., окончательно разделившей Восточную и Западную церкви. Признание св. Олафа и в православной Руси, и в католической (до XVII в.) Норвегии привело к тому, что долгое время св. Олаф считался последним общим святым римской и православной церковей. Несмотря на столь позднюю дату окончательной канонизации Олафа Харальдсона, на протяжении всего Средневековья и Нового времени он был чрезвычайно почитаем в Европе и официально именовался святым патроном Норвегии. Изображение св. Олафа часто встречается на средневековых европейских торговых пломбах в культурных слоях Москвы, Великого Новгорода и других городов. Его именем названы самые высокие средневековые постройки Выборга и Таллина, сохранившиеся до наших дней. В 1847 г., за 41 год до официальной канонизации, в Норвегии была учреждена высшая награда – орден Святого Олафа (Спаский, 2009. С. 82, 83). Мы можем говорить об уникальности развития образа святого, который, став одним из самых популярных святых Европы фактически сразу после смерти, оставался не признанным официально римской папской курией более 850 лет. Русской православной церковью Олаф Харальдсон не признан святым до сих пор, несмотря на существование православных икон с его изображением. Главным атрибутом св. Олафа на протяжении всего Средневековья с самого начала становится топор, являющийся, с одной стороны, оружием северного воина, а с другой – почитаемый как

орудие мученичества святого. Изображения Олафа с топором широко распространены в Северной Европе и Англии как на фресках соборов и в церковной скульптуре, так и в виде паломнических значков. Следует отметить, что указанный случай не единичен в христианстве, когда топор как орудие страстей или в ином качестве становится почитаемым атрибутом святого. Топорище легендарного Ноя поместили в основание колонны Константина 11 мая 330 г. («Византийский словарь», 2011. С. 483, 484). Позднее в католицизме топор являлся атрибутом множества святых: св. Матфея, св. Петра Веронского, св. Вольфганга Регенсбургского, св. Бенедикта, св. Иосифа. Однако ни один святой носитель топора не получил такой популярности в Северной Европе, как св. Олаф.

Незадолго до появления культа св. Олафа в скандинавской среде в Византии происходит формирование корпуса варяжской стражи. Скандинавы появляются при византийском дворе еще в первой половине X в. (Мельникова, 1998. С. 161, 162). Наиболее известное событие этого столетия с участием северных наемников – помощь императору Василию II Болгаробойце шеститысячного русского корпуса князя Владимира при подавлении восстания Варды Фоки в 988–989 гг. («Византийский словарь», 2011. С. 179, 180). Пришедшие с севера «русы», вероятно, имели многонациональный состав, включающий скандинавов, славян и, возможно, другие этнические группы (Bibikov, 2005. Р. 13). О варяжской дружине упоминается в связи с конфликтом между русским и грузином во время похода Василия II в 1001 г. (Успенский, 2005. С. 434). На основании исландских и византийских источников мы знаем, что скандинавы служили наемниками, участвовали в сражениях и заграничных походах византийцев, в том числе и на своих судах (Bibikov, 2005. Р. 19). Время от времени они упоминаются в качестве дворцовой стражи. Иностранная гвардия при византийском дворе совсем не новое явление – об армянской гвардии пишет еще Прокопий Кесарийский, но до XI в. упоминания о наемной иностранной страже единичны. В произведении Константина VII «О церемониях» в связи с событиями 946 г. упоминается и дворцовая стража в парадных одеждах, состоящая из «крещеных росов» (Литаврин, 1981. С. 46). Побывавший дважды (в 949 и 968 гг.) при византийском дворе и оставивший его детальное описание Лиутпранд Кремонский упоминает стражу, называя ее «львами», но не определяет ее этнический состав (Лиутпранд Кремонский, 2006. С. 133). Вероятно, первое упоминание (980-е)

о «варяжской гвардии» в исландских сагах связано с именем Кольскегга – предводителя вэрингов. А с начала XI в. термин «вэринг» становится уже часто употребляемым в скандинавских источниках (Мельникова, 1998. С. 160, 161). В византийских источниках термин «варанги» (греч. βάρανγοι) впервые упоминается в 1034 г. в хронике Иоанна Скилицы (Скилица, С. 424; Васильевский, 1908. С. 177, 182–184, 211; Кансалыкова, 2015. С. 312). Позже варяжская стража постоянно появляется на страницах византийских источников.

В сагах до конца XII в. можно встретить имена 26 норвежцев, состоявших на византийской службе (Бибиков, 1990. С. 167, 168). По подсчетам S. Blöndal, только в правление Алексея I Комнина в составе византийского войска побывали около 4–5 тысяч варягов (Blöndal, 1978. Р. 140), а для охраны Константинополя на время похода в 1081 г. было оставлено 300 северных воинов (Blöndal, 1978. Р. 123). Непосредственное участие в гвардии императора определяется термином «вэринг», он же применим к небольшой привилегированной группе, служившей при дворце. Для остальных видов службы или вассального подчинения используются другие скандинавские термины (Мельникова, 1998. С. 161, 162). М. Фасмер выводит термин «вэринг» от древнескандинавского *var* – «верность, поручка, обет», то есть «союзники, члены корпорации» (Фасмер, 1964). Опираясь на контексты употребления термина «варанг», можно сделать вывод, что он, скорее всего, не является этническим и объединяет всех наемников с севера, входящих в дворцовую стражу (Bibikov, 2005. Р. 15, 16; Blöndal, 1978. Р. 164). После 1066 г. (битва при Гастингсе) в среде варангов значительно увеличивается контингент англосаксов (Blöndal, 1978. Р. 141–147).

Практически всегда в качестве основного элемента вооружения варяжской гвардии упоминаются топор или секира. На единственной сохранившейся печати великого варяжского переводчика изображен топор (Schlumberger, 1884. Р. 350). Греки именовали варяжскую стражу «пеликофоры» (греч. πελικοφόρος – «секироносная»). Существует большое количество изобразительных источников, где даже в аллегорических образах варанги изображаются с их ключевым оружием (d'Amato, 2013. Р. 70–90; Скилица, С. 62).

Секироносцы упоминаются Пселлом при церемонии интронизации Феодоры и Зои в 1042 г. Описывая первую встречу с мятежным Исааком Комнином в 1057 г., Пселл пишет о наемниках с топорами позади сидящего на троне Исаака, а позднее секироносцы-варяги защищают царя Михаила VII от Ро-

мана Диогена (Пселл, 2003). Отряды варангов сопровождали византийскую знать во время паломничеств в Святую землю (Blöndal, 1978. Р. 65). Помимо собственно охранных функций варяги участвовали и в дворцовом церемониале как стражники. С секирой на правом плече варанги сопровождали императора во время выходов, несли стражу возле трона (Скабаланович, 2004. С. 41). В отдельные периоды в личной охране императора состояло до 500 варягов (Blöndal, 1978. Р. 181). Здесь приведена лишь малая часть упоминаний о вооруженных топорами воинах в византийских источниках этого периода.

Первый этап существования варяжской стражи и ее активного участия в дворцовой жизни, включая участие в переворотах, прослеживается вплоть до падения Константинополя в 1204 г. «Секироносные варвары» были последней надеждой Феодора Ласкариса при осаде Константинополя, но, не получив плату, они отказались сражаться, после чего варяжская стража прекратила существование (Blöndal, 1978. Р. 166).

Следует отметить еще одно историческое явление, связанное с той же социальной группой, к которой можно отнести и варангов. В Англии в XI в. фиксируется термин «хускерл» (англ. *housecarl*, *húskarlar*, *huscarl*). Он, как и термин «вэринг», относится к скандинавской гвардии, но уже при англосаксонских правителях до 1066 г. (Hooper, 1992. Р. 1–16). После поражения при Гастингсе часть оставшихся в живых хускерлов пополнила ряды варангов и сражалась со вчерашними врагами уже в византийско-норманских конфликтах. Основу вооружения хускерлов, вероятно, составляли так называемые датские секиры, которые можно видеть на знаменитом гобелене из Байе (Brown, 1992. Р. 170; Paulsen, 1956. Р. 265), то есть топоры типа М по европейской системе (Petersen, 1919. Р. 45–47; Paulsen, 1956. Р. 14) или типа VII по принятой в России типологии (Кирпичников, 1966. С. 39. Рис. 6, 1). Безусловно, учитывая общие регионы вербовки наемных воинов, есть все основания полагать, что взаимопроникновение культур социальных групп хускерлов и варангов происходило с самого начала, и это могло привести к выработке общих традиций. Известна находка рунического камня из Туринге, текст на котором посвящен воину, погибшему в Гардарике, хорошо исполнившему свой хускерл, в данном контексте, вероятно, долг службы, что сравнимо со значением термина *var* (Мельникова, 2001. С. 312).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Миниатюрные топоры XI–XII вв. существуют синхронно с тремя протяженными историческими

событиями, имеющими общие социальные черты и глубоко связанными географически: период формирования социальной группы хускерлов, первый этап существования варяжской стражи при дворе византийского императора, а также становление, расцвет и период наивысшего почитания культа св. Олафа – единственного на тот момент святого выходца из той же среды, что хускерлы и варяжская стража. Именно Олаф сразу занимает место святого патрона норвежских воинов (Мельникова, 1996. С. 93). Атрибутом святого фактически становится «орудие производства» вэрингов и хускерлов. Надэтнический характер распространения миниатюрных топориков, особый формат ношения этих амулетов в отличие от других подобных миниатюрных копий бытовых вещей, а также высказанные ранее разными авторами предположения о связи миниатюрных топориков с воинским дружинным кругом – все это позволяет говорить о том, что данные артефакты связаны с наемным военным контингентом, служившим как византийскому императору, так и «варварским» правителям (например, в Англии). Основу названного контингента составляли выходцы из христианизированных земель Северной Европы, Англии и Руси.

Падение Византийской империи в 1204 г. и прекращение первого этапа деятельности варяжской стражи, без перерыва служившей восточным римским правителям на протяжении более полутора веков, совпадает с исчезновением на Руси миниатюрных топориков.

III этап. С начала XIII в. в странах Западной Европы миниатюрные топоры начинают отливать из свинца или свинцово-оловянистого сплава, подобно широко распространенным там значкам пилигримов (Spenser, 2010).

Миниатюрные топоры, относящиеся к третьему этапу, не встречаются на территории Руси с XIII до середины XVII в. Наиболее хорошо известны находки свинцовых топориков с территории Англии, современной Бельгии, Голландии, Польши. Большое количество миниатюрных топориков хранится в фондах и опубликовано на сайте Гданьского музея (Beuningen, Koldeweij, 1993. Р. 292, 351, 429, 430, 432; Spencer, 2010. Р. 305; Koldeweij, 2006. Р. 125, 130; Beuningen et al., 2012. Р. 350, 351; Kotowicz, Muzyczuk, 2008. С. 133–135; и др.). Много находок топориков происходит с территории Украины (Златогорский, Панишко, 2009. С. 67, 68; Боровский, Сагайдак, 1985. С. 40, 41), но, к сожалению, большая их часть депаспортизирована и происходит из грабительских раскопок.

Эти топоры не укладываются в типологию Н. А. Макарова. Огромное их количество в по-

следнее время было найдено кладоискателями, но, несмотря на то что в континентальной Европе и Англии изображения находок (и сами они) предоставляются музейным сотрудникам для ознакомления, датировки более половины подобных изделий неточны, так как построены исключительно на морфологии, а не на контексте обнаружения. При этом существуют отдельные находки топориков, которые имеют очень четкие датировки на основании геральдических изображений на них.

В пределах третьего этапа можно выделить несколько периодов: наиболее ранние свинцовые миниатюрные топоры связаны с территорией Англии и Северной Европы XIII–XV вв.; второй период относится ко времени расцвета империи Габсбургов в конце XV – первой половине XVI в.; третий совпадает с «золотым веком» Речи Посполитой (середина XVI – первая половина XVII в.). Топоры последнего периода происходят преимущественно с территории Короны Королевства Польского.

Чтобы понять причины возникновения очередного этапа бытования миниатюрных топориков, необходимо снова обратиться к истории Византии. Правители Никейской империи, демонстрируя преемственность византийских традиций, воссоздавали в том числе и имперские церемониалы. Несмотря на расширение этнического состава гвардии за счет кочевых народов (Шукуров, 2009. С. 127–128), была восстановлена и придворная стража из северных варваров, вооруженных топорами. Вся дворцовая гвардия была разделена на пять полков, за одним из которых сохранилось название варангов или пелекофоров-секироносцев. Бойцы этого полка, как и раньше, в качестве ключевого атрибута имели секиры, но, в отличие от периода зарождения скандинавской гвардии, теперь этнически полк состоял преимущественно из англичан и шотландцев (Blöndal, 1978. Р. 170). Вероятно, этим объясняется начало распространения в Европе миниатюрных топориков третьего этапа именно с Англии. Опираясь на работу Псевдо-Кодина, Марк Бартусис обращает внимание на то, что военная функция варангов, расквартированных в столице в поздний период существования империи, практически полностью заменена церемониальной (Bartusis, 1997. Р. 273). «Варяжская» гвардия прослеживается по византийским источникам вплоть до XV в. (Bartusis, 1997. Р. 274).

В XIII–XV вв., в отличие от трех предыдущих столетий, большая часть наемников попадала в Византию через средиземноморский регион. Вероятно, отчасти это связано с установлением монголами

контроля над территорией между Малой Азией и Русью, что привело к разрушению существовавших ранее стабильных связей между Скандинавией и Византией через земли Руси (Bak, 2012. С. 86–87). С другой стороны, после четвертого крестового похода путь в Византию через Европу стал более понятен и доступен. Из культурных слоев XIII – середины XVII в. с территории Руси не известно ни одного миниатюрного топорика, но в Северной Европе данная категория находок становится часто встречаемой. Существует ряд сходств и различий между топориками II и III этапов. Европейские топорики XIII–XVII вв., в отличие от экземпляров XI–XII вв., изготовлены из свинца или свинцово-оловянных сплавов; значительно отличается декор – многие миниатюрные топоры, особенно происходящие с территории Англии и Нидерландов, а также Священной Римской империи, украшены геральдическими символами первых лиц государства или армии (Spenser, 2010. Р. 301–307). Некоторые топоры, имитирующие топоры венгерской стражи или гайдуков, найденные на территории Речи Посполитой, имеют в своем декоре изображение державы. В то же время нельзя не обратить внимание на сходства: несмотря на появление цельнолитых топориков (с топориком и лезвием сформированными одним приемом), существует большое количество экземпляров, имеющих проушину для деревянного древка (Spenser, 2010. Р. 301–307); в целом сохраняются размеры изделий; практически все формы миниатюрных топориков (или алебард и полэсков для позднего времени) имеют синхронные прототипы среди предметов вооружения придворной стражи или телохранителей первых лиц государства. Опираясь на вышесказанное, можно предположить, что традиция особых охраняемых войск или гвардии, вооруженной разными вариантами топоров, существует в Византии, а затем и в Европе начиная с XI в. На протяжении всего этого периода «секироносная гвардия» сопровождается различными формами миниатюрных топориков, полностью имитирующих реальные прототипы оружия охраны правителей. Наиболее интересные образительные источники, посвященные этой теме, представлены в Королевской музейной коллекции Англии и в коллекции Государственного Эрмитажа, а также среди миниатюр французских манускриптов. Самыми яркими из них в данном контексте являются «The Meeting of Henry VIII and the Emperor Maximilian I», 1513 г. (Queen's collection at Hampton Court Palace, Wolsey Room 2. RCIN 405800); «The Field of the Cloth of Gold», 1545 г. (Queen's collection at Hampton Court Palace, Wolsey Room 1. RCIN 405794) Jean Bourdichon; «Entrée de Louis XII à Gênes», около

1508 г. (Bibliothèque nationale de France, Manuscripts Department, Western Section, Fr. 5091). Отдельного внимания заслуживают листы 23–24 из цикла иллюстраций, выполненных Hogenberg Nicolaas в 1530 г. и посвященных церемониальной процессии в Болонье по случаю коронации Карла V (ГЭ. № ОГ-74956). Среди изображенных на этом полотне лиц в окружении парадного эскорта алебардистов, наследников традиций варангов (как мы предполагаем), можно увидеть Бонифация IV Монферратского, фактически последнего наследника фамилии Палеологов по мужской линии. Наиболее широко коллекция богато декорированных полэсков и алебард, послуживших прототипами для миниатюрных топориков и принадлежавших охране первых лиц европейских государств XV – начала XVII в., представлена в коллекциях Королевского музея оружия в Лидсе (Royal Armouries in Leeds. № VII.1542; VII.1509; VII.1670; VII.1345; VII.1385 и др.), Метрополитен-музея (The Metropolitan Museum of Art. № 04.3.80; 29.156.3; 29.156.31; 26.261.11; 14.25.379; 14.25.300; 04.3.79; 14.25.340; 04.3.69) и др.

Распространение миниатюрных топориков в Европе может быть отчасти связано с восприятием византийских ритуалов, проработанных еще Константином Багрянородным (1991), Псевдо-Кодином (*Pseudo-Kodinos*, 1966) и в «Клитологии» Филофея (Успенский, 1898), и, возможно, с представлениями об элитарности придворной стражи, восходящей к варангам и хускерлам, которые отличались высоким профессионализмом и верностью своей клятве сюзерену. Можно предположить, что английский королевский двор, а потом и дворы Священной Римской империи и Речи Посполитой, вводили у себя элементы имперских традиций. Есть все основания полагать, что даже завоеватели Византии наряду с титулом цезаря Рима (тур. *Kayser-i-Rûm*) переняли этикет и некоторые элементы дворцовой стражи. При дворе Османской империи были созданы подразделения балтаджи (тур. *baltacı* – секирчики), комплектовавшиеся юношами из христианских земель, призванными в порядке девширме (тур. *devşirme* – налог крови). В их обязанности входило несение дворцовой церемониальной стражи, а вооружение состояло из богато декорированных топоров.

Возвращение миниатюрных топориков на Русь

Русь, по всей видимости, унаследовала форму дворцовой гвардии византийского образца. Время появления рынд при московском государе совпадает с появлением идеи о том, что после падения Византии именно Русь становится ее преемницей.

Подтверждение данной концепции стремились найти как в материальном воплощении, так и в философских и религиозных идеях. Женившись на Софье Палеолог, Иван III наследует не только византийский герб, но и закрепляет свой статус преемника византийского трона. При Иване III изменяется титулатура московских государей, появляется термин «самодержец» – калька с греческого «автократор», впервые в переписке московский правитель именуется царем («кесарем») (Скрынников, 2006. С. 186, 187). Василия III император Максимилиан в письмах время от времени называет *kauzer* и *imperator* (Синицына, 1998. С. 219, 220). В первой четверти XVI в. псковский старец Филофей формулирует концепцию «Москва – Третий Рим» (Тимошина, 2005). Примерно в то же время, в начале XVI в., появляются легенды о византийском происхождении шапки Мономаха и ряда других государственных реликвий (Дмитриева, 1955. С. 164, 165; Синицына, 1998. С. 197, 198). Возрождение придворного византийского церемониала стражи является логичным продолжением формирования восприятия Руси как наследницы Империи. Следует отметить, что впервые подобную мысль еще в конце XVIII в. высказал Ф. И. Миллер (1790. С. 58, 59), опиравшийся в своих размышлениях на текст «Алексиады», но тогда его предположение не получило развития и было забыто.

Традиционно принято считать, что слово «рында» впервые встречается в описании одного из событий Куликовской битвы, из чего часто следует вывод о его бытовании уже с конца XIV в. (Левыкин, 1997; Пономарева, 2015). Однако источники, описывающие битву, что также отмечают названные выше авторы, созданы значительно позже (Никоновская летопись и Сказание о Мамаевом побоище). Вполне возможно, что термин «рында» попал в эти тексты в XVI в., когда данное слово уже было в обиходе. Именно к этому времени относится создание самых ранних известных списков Сказания о Мамаевом побоище (Дмитриев, 1954; Пенской, 2015) и Никоновской летописи (Клосс, 1980. С. 7–19). Наиболее раннее достоверное упоминание термина «рында», известное автору, встречается в разряде 7030 (1521) г. («Разрядная книга...», 1977. С. 186), в последующие года слово «рында» употребляется регулярно в связи с подготовкой царских выездов. В том числе упоминается наличие топоров у рынд в записи, датированной 7071 (1562) г.: «С топоры были рынды и ездили за государем» («Разрядная книга...», 1982. С. 112).

Попытка лингвистического анализа слова «рында» не дает убедительного ответа на вопрос о его происхождении. М. Фасмер в своем словаре у-

тверждает, что рында – «трудное слово, явно иноязычного происхождения» (Фасмер, 1971. С. 529). Он приводит мнение К. Тёрнквист, которая выводит слово от древнего исландского *rond* (край щита), но эта версия вызывает сомнения у самой К. Тёрнквист в связи с фонетикой. Остальные версии рассматриваются М. Фасмером как нереалистичные.

Детально ритуал, вооружение и форму рынд при царском троне первым описал Адам Олеарий, наблюдавший их в ходе посольства 1632 г.: «Перед тронном его царского величества стояли четыре молодых и крепких князя, по двое с каждой стороны, в белых дамастовых кафтанах, в шапках из рысего меха и белых сапогах; на груди у них крестообразно висели золотые цепи. Каждый держал на плече серебряный топорик, как бы приготовившись ударить им» (Олеарий, 2003. С. 51). Слова Олеария напоминают ритуал, существовавший на 300 лет ранее при византийском дворе. Описывая варангов, Псевдо-Кодин сообщает, что при появлении императора стражи поднимали топоры и перекладывали их на правое плечо (цит. по: Поляковская, 2008. С. 478). Позднее, в 1674 г., рынды появляются на миниатюрах Эрика Пальмквиста (2012. Илл. 19.).

Пока остается открытым вопрос о порядке ношения миниатюрных топориков. Изобразительные источники, детально отображающие средневековые европейские костюмы, не позволяют обнаружить на них миниатюрных топориков, закрепленных как-либо на одежде. При этом изображения религиозных паломнических значков встречаются часто. Светские, так называемые ливрейные, значки помимо исполнения в металле имели аналоги из ткани, нашивавшиеся на одежду и более заметные в бою или при парадном выходе, как, например, хорошо известный ливрейный вепрь Ричарда III (Fox-Davies, 1907. Р. 53; Устинов, 2012. С. 13) или орел, вышитый на русском парадном терлике из коллекции Музеев Московского Кремля («Древности...», 2006. Отд. IV. С. 68. Рис. 20). Можно лишь умозрительно заключить, что металлический значок подлежал ношению на непарадной форменной или светской одежде вне пределов службы или выдавался при завершении службы.

Таким образом, московские миниатюрные топоры 1650–1660-х годов появились в Москве не как случайное подражание амулетам времен Киевской Руси, а в результате продолжительного генезиса идеи имперской дворцовой стражи, начавшегося в Византии, прошедшего через земли Англии, Северной Европы, Священной Римской империи, государства Ягеллонов и Речи Посполитой. Окончательно оформленный в царствование Алексея

Михайловича ритуал охраны государя получил еще один атрибут, уходящий своими корнями в прошлое, в виде миниатюрных топориков. Институт рынд упразднил Петр I после возвращения из европейской ознакомительной поездки в 1698 г., что стало одним из первых событий в череде начавшихся западных реформ. При этом в европейской традиции придворная стража, вооруженная декорированными алебардами, сохранялась еще в середине XVIII в.

Примеры подобной гвардии можно увидеть на картинах «Franz I. Stephan und Joseph (II) Frankfurt am 29. März 1764» (худ. Johann Dallinger von Dalling; коллекция музея Kaiserliche Wagenburg Wien); а также «Krönungsmahl Joseph II in Frankfurt am Main» (худ. Martin van Meytens; коллекция музея Kunsthistorisches Museum Wien в замке Schönbrunn). В Ватикане описанная форма охранных войск существует в архаичном виде до сих пор.

Литература

- Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП: Мат. научн. семинара. М.: ИА РАН. С. 177–192.
- Артемов А. Р., 1994. Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // ННЗ. Вып. 8. Новгород. С. 156–165.
- Атанасов Г. Г., 2013. О численности русской армии князя Святослава во время его походов в Болгарию и о битве под Дристрой (Доростолом) в 971 г. // ВВ. Т. 72 (97). С. 86–102.
- Бибиков М. В., 1990. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. Copenhagen. Т. 36. С. 161–171.
- Боровский, Я. Е., Сагайдак М. А., 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев: Наукова думка. С. 38–60.
- Васильевский В. Г., 1908. Труды в 4 тт. Т. 1. СПб. 401 с.
- Векслер А. Г., Меньшиков М. Ю., 2015. Амулеты-топоры из раскопок на территории г. Москвы // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 497–500.
- Византийский словарь / ред. К. А. Филатов. СПб.: Амфора, 2011. Т. 1. 590 с.
- Гуревич А. Я., 2006. Язычество христиан или христианство язычников // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 109–115.
- Даркевич В. П., 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4. С. 91–102.
- Джаксон Т. Н., 2000. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М.: Языки русской культуры. 168 с.
- Дмитриев Л. А., 1954. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тр. Отдела древнерусской литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР. Т. 10. С. 185–199.
- Дмитриева Р. П., 1955. Сказание о князьях владимирских. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 216 с.
- Древности Российского государства. Репринтное издание 1849–1853 гг. Отд. IV. СПб.: Альфарет, 2006. 88 с.
- Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с. (Археология СССР. Т. 16).
- Журжалина Н. П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. С. 122–140.
- Зверуго Я. Г., 1989. Верхнее Понеманье IX–XIII вв. Минск: Наука и техника. 208 с.
- Златогорський О. Є., Панишко С. Д., 2009. Дослідження давньоруського Любомля // Археологічні дослідження в Україні в 2008 р. Київ: ІА НАН України. С. 67–69.
- Йотов В., 2003. Викингите на Балканите. Варна: Б. и. 28 с.
- Капсалькова К. Р., 2015. Чудеса и диковины в зеркале «Краткой истории» Иоанна Скилицы // Физика. Технологии. Инновации. Екатеринбург: УрФУ. Вып. 1. С. 310–313.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.–Л.: АН СССР. Т. 1. 579 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.–Л.: Наука. 216 с. (САИ. Вып. ЕІ-36).
- Клосс Б. М., 1980. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука. 312 с.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В., 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство. 168 с.
- Комнина Анна, 1996. Алексиада. СПб.: Алетейя. 704 с.
- Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. Ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М.: Наука. 496 с.
- Костюкевич А. В., 2014. Амулеты-топоры с территории Полоцкой земли // Беларускаяе Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: Зборнік навуко-

вых артыкулаў II міжнароднай навукавай канферэнцыі. Ч. 1. Полацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт. С. 43–46.

Левыкин А. К., 1997. Воинские церемонии и регалии русских царей. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». 96 с.

Лесман Ю. М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры//Stratum plus. № 5. Кишинев. С. 43–93

Литаврин Г. Г., 1981. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников//ВВ. Т. 42. М. С. 35–48

Лиутпранд Кременский, 2006. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. М.: SPSL «Русская панорама». 192 с.

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики//РА. № 2. С. 41–56.

Мельникова Е. А., 1996. Культ святого Олафа в Новгороде и Константинополе//ВВ. Т. 56 (81). М. С. 92–106.

Мельникова Е. А., 1998. Варяги, варанги, взринги: скандинавы на Руси и в Византии//ВВ. Т. 55 (80). Ч. 2. М. С. 159–164.

Мельникова Е. А., 2001. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература. 495 с.

Мельникова Е. А., 2013. Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников//Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. М: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 362–407.

Меньшиков М. Ю., 2016. Происхождение, хронология и семантика изображений миниатюрных топориков из раскопок в историческом центре Москвы//АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 239–252.

Миллер Ф. И., 1790. Известие о дворянах российских. СПб. 508 с.

Пселл Михаил, 2003. Хронография. Краткая хроника. СПб.: Алетейя. 396 с.

Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне. 145 с.

Олеарий А., 2003. Описание путешествия в Московию/Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич. 480 с.

Пальмквист Эрик, 2012. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.: Ломоносовъ. 344 с.

Панишко С., Златогорський О., 2009. Військові дії на Волині у давньоруський період//Минуле і сучасне Волині та Полісся. Сторінки воєнної

історії краю. Матеріали XXX Всеукраїнської науково-практичної історико-краєзнавчої конференції. Луцьк. С. 152–154.

Пенской В. В., 2015. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище»//Наука. Искусство. Культура. № 3 (7). М. С. 22–28.

Петров Н. И., 2008. Археология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского культурологического общества. 232 с.

Поляковская М. А., 2008. Византийская империя XIV в.: «театр власти»//Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург: Уральский университет. С. 468–483.

Пономарева И. Г., 2015. Из истории русского дворцового церемониала (ранние известия о рынках)//Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М. С. 41–45.

Радул О. С., 2012. Дитячі обереги у східних слов'ян VI–XIII ст.//Вісник Черкаського університету. № 230. Черкаси. С. 96–102.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М.: АН СССР, 1977. 188 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. М.: АН СССР, 1982. 666 с.

Рыбаков Б. А., 2013. Язычество древней Руси. М.: Академический Проект. 806 с.

Рыбина Е. А., 1986. Иноземные дворы в Новгороде в XII–XVII вв. М.: Изд-во Московского университета. 173 с.

Рябинин Е. А., 1988. Языческие привески-амулеты Древней Руси//Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 55–63.

Рябцева С. С., 2005. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История. 384 с.

Савицький В., Свінцицький В., 2009. Знахідки монетних гривен на території Волині//Минуле і сучасне Волині та Полісся. Володимир-Волинський в історії України і Волині: Матеріали XXXII конференції. Луцьк: Пульс, 2009. С. 200–204/

Савицький В., Свиницький В., 2012. Давньоруські амулети-сокирки у збірці Волинського краєзнавчого музею//Острозький краєзнавчий збірник. Вип. 5. Острог: СПД Свиначук Р. В. С. 309–318.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Михайлов А. В., 2013. Древнейший период освоения Завеличья: новые археологические данные//Вестник Псковского государственного университета. Вып. 2. Псков: ПГУ. С. 124–134.

Сванидзе А. А., 2014. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение. 782 с.

Седов В. В., 1988. Об одной группе древнерусских крестов// Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 63–67.

Синицына Н. В., 1998. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Материалы международного семинара «Da Roma alla Terza Roma». М.: Индрик. 416 с.

Скабаланович Н. А., 2004. Византийское государство и церковь в XI веке. Т. II. СПб: Изд-во Олега Абышко. 416 с.

Скилица Иоанн. История византийских императоров в Константинополе с 811 по 1057 год, написанная куропалатом Иоанном Скилицей. Мадридская рукопись// Skylitzes Matritensis. Мадрид. Национальная библиотека Испании. Интернет-публикация: <https://www.wdl.org/en/item/10625/>

Скрынников Р. Г., 2006. Иван III. М.: АСТ Транзиткнига. 285 с.

Спасский И. Г., 2009. Иностранные и русские ордена до 1917 г. М.: Вече. 224 с.

Стурлусон Снорри, 1980. Круг Земной. М.: Наука. 687 с.

Супруненко О. Б., 2015. Знахідка унікальної підвіски-сокирки у Посуллі// Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XVIII. Запоріжжя. С. 198–200.

Терський С. В., 2010. Зброя та захисний обладунок населення Надстубляниці – волості княжого міста Пересопниці у X–XII ст.// Вісник Національного університету «Львівська політехніка». № 670. С. 22–30.

Тимошина Е. В., 2005. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла»// Правоведение. № 4. СПб. С. 181–208.

Торопова Е. В., 2011. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2010 г.// Архив ИА РАН. Р-1.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески// Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М. С. 88–112.

Успенский Ф. Б., 2001. Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова «олух»)// Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М.: Восточная литература. С. 263–280.

Успенский Ф. Б., 2001. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры. 157 с.

Успенский Ф. Б., 2002. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры. 451 с.

Успенский Ф. И., 1898. Византийская табель о рангах// Известия Русского археологического

института в Константинополе. Т. 3. София. С. 98–137.

Успенский Ф. И., 2005. История Византийской империи. Т. 3. М.: Астрель; АСТ. 800 с.

Устинов В. Г., 2012. Войны роз. Йорки против Ланкастеров. М.: Вече. 448 с.

Фасмер М., 1964. Этимологический словарь русского языка: М.: Прогресс. Т. 1. 562 с.

Фасмер М., 1971. Этимологический словарь русского языка: М.: Прогресс. Т. 3. 827 с.

Шукуров Р. М., 2009. Византийские тюрки: к вопросу об этническом составе Византийской империи// Византийский Временник. Т. 68 (93). С. 108–134.

D'Amato R. 2013. The betrayal: military iconography and archaeology in the Byzantine paintings of the 11th – 15th c. AD representing the Arrest of Our Lord// Weapons bring peace? Warfare in medieval and early modern Europe. Wroclaw: Wroclawska Drukarnia Naukowa PAN. S. 69–96.

Bak V., 2012. Древнескандинавские и древнерусские паломничества в Святую Землю в XI–XII веках: сравнительный анализ// Orientalia Christiana Cracoviensia, 4. S. 77–89

Bartusis M. C., 1997. The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. University of Pennsylvania Press. 438 p.

Beuningen H. J. E. van, Koldeweij A. M., 1993. Heilig en Profaan. 1000 laatmiddeleeuwse insignes uit de collectie H. J. E. van Beuningen// Rotterdam Papers. Vol. 8. Cothen. 342 p.

Beuningen, H. J. E. van, Koldeweij A. M., Kicken D., Asperen, H. van., 2012. Heilig en Profaan 3. 1300 laatmiddeleeuwse insignes uit openbare en particuliere collecties// Rotterdam Papers. Vol. 12. Cothen. 440 p.

Bibikov M., 2005. Byzantine sources for the history of balticum and Scandinavia// Byzantino-Nordica 2004. Papers presented at the international symposium of Byzantine studies held on 7–11 May 2004 in Tartu, Estonia. Tartu: University Press. P. 12–28.

Blöndal S., 1978. The Varangians of Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press. 242 p.

Brown R. A., 1992. The battle of Hastings// Matthew Strickland. Anglo-Norman Warfare: Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Woodbridge: Boydell & Brewer. P. 161–181.

Fett H., 1938. Hellig Olav Norges evige konge. Oslo. Gyldendal Norsk Forlag. 175 p.

Fox-Davies A. C., 1907. Heraldic badges. L.; NY: J. Lane. 212 p.

Fuglesang, Signe Horn., 1989. Viking and Medieval Amulets in Scandinavia// Fornvannen. Vol. 84. Stockholm. P. 15–25.

Hensel B., 1979. Miniaturowy toporek z Kruszwicy // *Slavia Antiqua*. T. 26 (1979). Poznań. S. 127–130

Hensel-Moszczyńska B., 1981. Wyroby z miedzi i jej stopów z wczesnośredniowiecznej kruszwicy // *Slavia Antiqua*. T. 28 (1981–1982). Poznań. S. 127–222.

Hooper N., 1992. The Housecarls in England in the Eleventh Century // *Matthew Strickland. Anglo-Norman Warfare: Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare*. Woodbridge: Boydell & Brewer. P. 1–16.

Koldewey J., 2006. Geloof & geluk: sieraad en devotie in middeleeuws Vlaanderen: tentoonstelling, Brugge, Bruggemuseum-Gruuthuuse, van 22 september 2006 tot 4 februari 2007. Arnhem: Terra Lannoo. 272 p.

Kotowicz P. N., Muzyczuk A., 2008. Militaria úredniowieczne z królewskiego miasta krosna // *Acta Militaria Mediaevalia IV*. Kraków – Sanok. S. 125–166.

Kucypera P., Pranke P., Wadył S., 2010. Wczesno-średniowieczne miniaturowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. Korpus zabytków // *Życie codzienne przez pryzmat rzeczy, «Kultura materialna średniowiecza w Polsce»*. T. 1. Toruń. S. 103–176.

Panasiewicz W., Wołoszyn M., 2002. Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów // *Archeologia Polski*. T. 47. № 1–2. S. 245–286.

Paulsen P., 1956. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn: Habelt. 335 p.

Perkins R., 2001. Thor the wind-raiser and the eyrarland image. Viking society for northern research university college. London. 177 p.

Petersen J., 1919. De norske vikingesverd, en typologisk-kronologisk studier over vikingetidens vaaben av Jan Petersen. Kristiania. 228 p.

Pseudo-Kodinos, 1966. Traité des offices. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. 420 p.

Schlumberger G., 1884. Sigillographie de l'Empire Bizantin. Paris: E. Leroux. 749 p.

Schoknecht U., 1977. Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin. 215 p.

Spencer B., 2010. Pilgrim Souvenirs and Secular Badges. Woodbridge: Boydell Press. 362 p.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest, 1996. 477 p.

M. Y. Menshikov

Axes of Perun, or hatchets of St. Olaf? The historical context of miniature axes ("axe amulets") in the 11th – 17th centuries AD

Summary

This paper deals with the historical processes connected to the existence of miniature axes in the 11th – 17th centuries AD. A new typological group of miniature axes appears in Russia and abroad in the

12th – 13th centuries. The paper discusses the relationship between the tradition of the Russian Tsar's guard, the Rynda and the tradition of Byzantine Varang guards.

Н. А. Тропин

Хозяйственные постройки с каменными печами второй половины XIV – первой половины XV века из округа Ельца (к вопросу об овинах)

В 2011–2012 гг. экспедиция Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина проводила раскопки на поселении Аргамач-Пальна-3, восточнее г. Елец, в нижнем течении р. Пальны (Тропин, Инишаков, Инишакова, 2015). На этом участке известно 12 средневековых поселений, на трех из которых в разные годы проводились раскопки (Аргамач-Пальна-1; Аргамач-Пальна-3; Аргамач-Пальна-5). На исследуемом памятнике они проводились впервые.

Поселение Аргамач-Пальна-3 занимает высокий левобережный склон р. Пальны высотой 32–42 м (рис. 1). Площадка памятника задернована лишь в южной части, в северной половине поверхность распаханна под лесополосы. Площадка имеет значительный уклон в южном направлении, в сторону реки. Перепад высот составляет 10 м. На ее поверхности на расстоянии 20 м расположены два межевых камня начала XX в. (верхний и нижний). Это четырехгранные столбы известняка, возвышающиеся на 0,6 м. Верхний срез верхнего камня был определен как репер памятника и ноль раскопа.

На памятнике до начала раскопок фиксировались девять западин, которые составляли три компактные группы, удаленные друг от друга на 20–30 м. Как показали раскопки, западины разных размеров и глубин связаны с подпольными ямами. Размеры поселения 6×200 м установлены с высокой долей вероятности в процессе раскопок и наблюдений по распашке в ходе планшетного сбора находок.

Работы осуществлялись в два этапа. На первом из них проводился сбор находок на планшет, начатый еще в 2010–2011 гг. до проведения раскопок. Результаты планшетной съемки опубликованы (Инишаков, Инишакова, 2011). Они показали, что существенную группу находок составили артефакты, связанные со снаряжением всадника и верхового коня. Дальнейшие раскопки подтвердили это наблюдение. Находки указывают на хронологиче-

ские рамки поселения: вторая половина XIV – первая половина XV в.

На втором, основном, этапе проводились работы, в ходе которых на двух раскопах вскрыто 4080 кв. м. Исследованы остатки пятнадцати жилищ, пяти хозяйственных построек. Две из хозяйственных построек оказались необычными. У них имелись печи, врезанные в материк и выложенные из плиточного известняка. Подобные сооружения в округе Ельца встречены впервые, неизвестны они и на обширной территории Юго-Востока Руси. Постройки были обнаружены в полевой сезон 2011 г. (раскоп 1).

Постройка № 1. До начала раскопок на этом месте фиксировалась западина размерами 3,2×3,4 м, глубиной 0,1 м. Постройка состояла из углубленного в материк котлована подпрямоугольной формы и печи-каменки. Его размеры – 2,1–2,4×2,1–2,5 м, глубина – 0,51–0,61 м (рис. 2; 3, 1). В южной части котлована наблюдаются выходы материкового известняка. На поверхности известняка расчищены фрагменты горелых плах – остатков деревянных конструкций сооружения.

Вблизи юго-восточного угла котлована с наружной стороны имелась ступенька глубиной 0,33 м и размерами 0,15×0,6 м. В северо-восточном углу котлована вблизи печи также расчищена ступенька глубиной 0,59 м размерами 0,6×0,9 м.

Развал печи зафиксирован с северной стороны котлована. Она ориентирована по линии С–Ю с незначительным отклонением и устьем обращена внутрь котлована. Печь углублена в материк на 0,23 м, над уровнем материка ее развал возвышался не более чем на 0,05–0,15 м. Таким образом, высота ее топочной части не превышала 0,3 м. Сохранившиеся размеры печи 0,9×1,7 м фактически соответствуют размерам специально вырытой для нее ямы.

Печь сложена из известняковых камней различных размеров толщиной 0,10–0,15 м. Наиболее

крупные из них (16 ед.) в виде подквадратных или подпрямоугольных плиточных форм конструктивно обрамляли печь. Ее свод был выложен из известняковых плит, просевших внутрь сооружения (7 ед.). Удалось установить, что камни снаружи были обмазаны слоем глины толщиной не более 0,05 м. Под печи был материковым (глина), провал которого достигал 0,15 м. Зафиксированы следы его ремонта в виде тонкой прослойки около 0,03 м из необожженной глины. Эта прослойка разделяла два пода толщиной 0,05–0,07 м разных этапов бытования печи (рис. 2, 2).

Заполнение постройки состояло из шести слоев, фиксирующих два этапа ее функционирования и постепенный процесс засыпки котлована после гибели сооружения. Слои имеют незначительную мощность (рис. 2, 2). Верхние два слоя – горизонты поэтапной засыпки котлована (нивелировочные отметки -581/-605 см), содержавшие 323 обломка круговой посуды и 29 костей животных. Среди вещевых находок – железный наперсток, глиняное рыболовное грузило.

Слой 3 состоял из темной гумусированной земли со значительными включениями обмазки, горелого дерева и угольков на отметках -605/-623 см. По нашему мнению, это остатки разрушенных деревянных конструкций котлована. В третий слой вклинивается со стороны печи линза обожженной глины (слой 4) мощностью до 0,2 м и длиной 0,6 м. Она образовалась при разрушении печи. Слой 3 содержал 29 обломков керамики.

Слой 5 состоял из темно-серой земли с включениями обмазки, горелого дерева и угольков. Его отметки -623/-652 см. Верхний уровень этого слоя – уровень пола сооружения на втором этапе функционирования. Слой 5 образовался в результате досыпки – нивелировки дна сооружения. Вот почему в нем встречены развалы двух горшков и 120 обломков керамики.

Слой 6 фиксируется в южной части котлована и представлен глиняной линзой, которая могла образоваться в результате оплывания материковой стенки котлована. Возникает впечатление, что сооружение какое-то время находилось в открытом виде и его материковые стенки оплывали.

Фиксируемые два этапа бытования постройки и этап ее пребывания в качестве мусорной ямы соответствуют выделенным нами четырем этапам жизни поселения по результатам анализа жилищ.

Второе сооружение с каменной печью – это постройка № 5В. Свое буквенное обозначение она получила с учетом выявленных трех строительных этапов при изучении объекта № 10 (10А; 10Б; 10В)

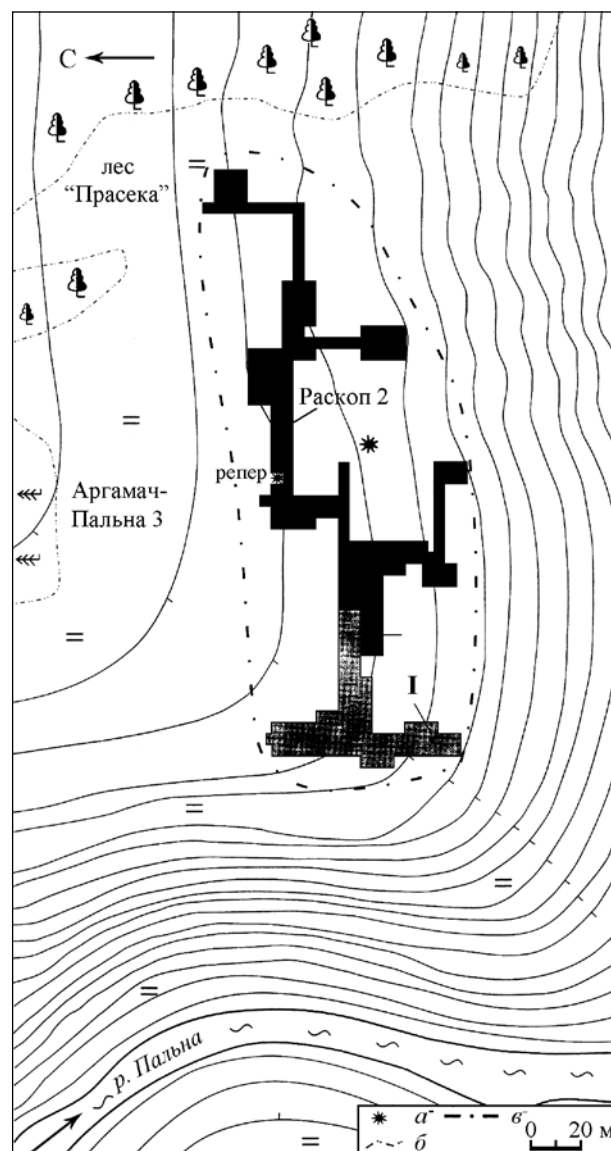

Рис. 1. План поселения 3 у с. Аргамач-Пальна с расположением построек с каменными печами (I)

а – межевой камень; б – граница леса; в – граница поселения; сечение горизонталей – 2,5 м

(рис. 3, 2; 4, 1). В целом археологический котлован, связанный с постройкой № 5, имел неправильную подпрямоугольную форму и размеры 2,4×3,6 м, глубину 0,49–0,92 м (рис. 4, 1). В его южной части наблюдаются выходы материкового известняка, поэтому его глубина здесь меньше, а стенки отлогие.

Постройка № 5 включает в себя объект № 10 с расположенными в нем двумя печами: глинобитной и каменной, представляла собой неоднократно перестраивавшееся сооружение. Об этом говорит неправильная прямоугольная форма котлована; наличие двух печей, одна из которых, глинобитная, была разрушена и засыпана в древности. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют

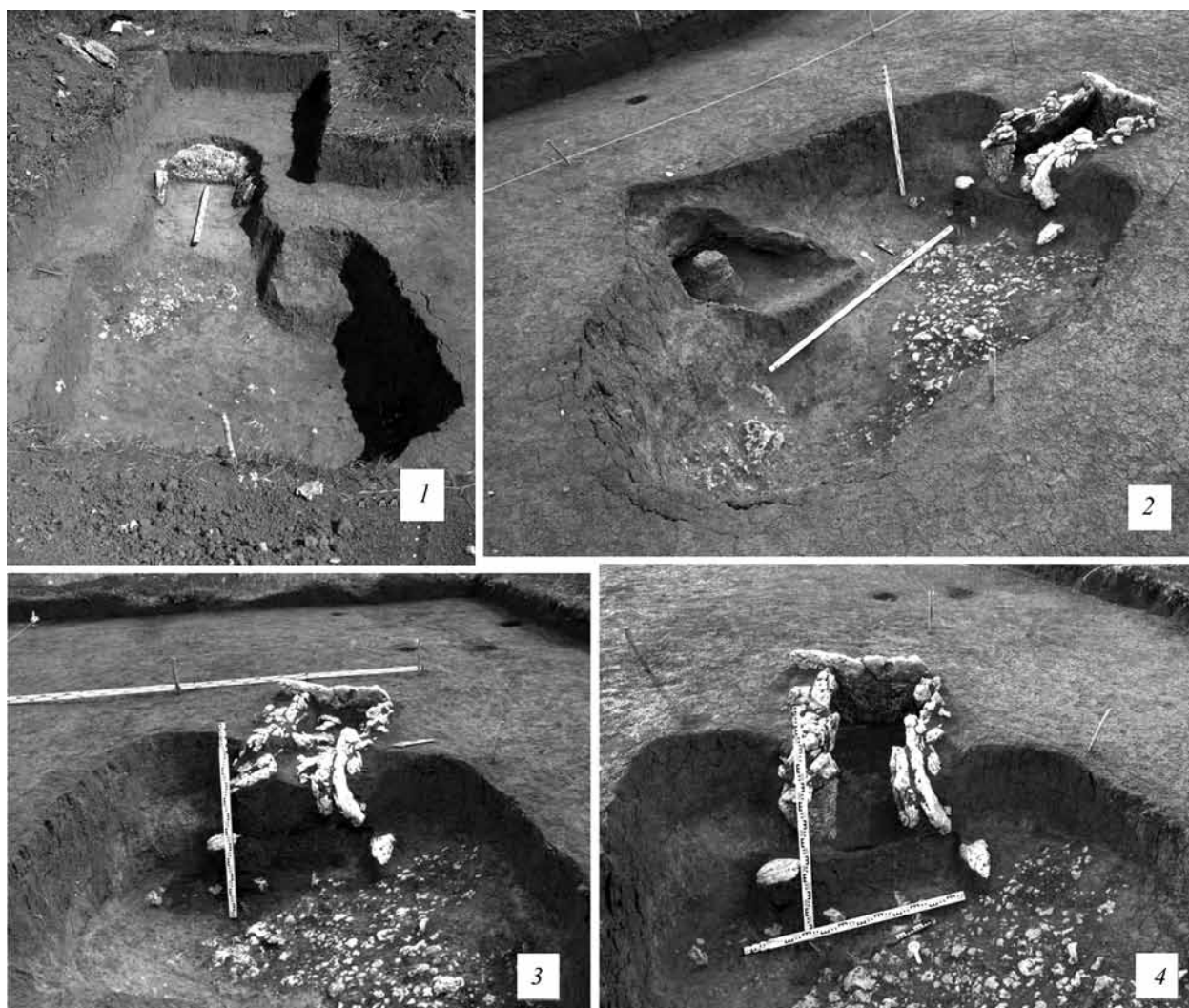

Рис. 3. Постройка № 1 (1); постройка № 5 (2); печь постройки № 5В на разных этапах исследования (3, 4). (См. цв. вкл.)

без каких-либо включений, начинался непосредственно под дерном, его толщина – до 50 см. Второй слой – гумусированная земля с обильными включениями горелого дерева, обожженной глины – достигал отметки -324 см (мощностью до 28 см). Под ним находились слои засыпки объекта № 5Б.

Печь-каменка примыкала к котловану с восточной стороны (рис. 5, 1). Она вытянута по линии СЗ–ЮВ, устье направлено внутрь котлована. Она сохранилась полностью, с учетом обвалившегося каменного свода. Для печи в древности в материке была выкопана прямоугольной формы яма размерами 1,0×1,3 м и глубиной 0,4 м. Стенки ямы были облицованы крупным плиточным известняком, для свода использовались камни размерами поменьше. Торцевая (восточная) стенка печи состояла из одного камня длиной 0,92 м, высотой 0,56 м, толщиной 0,09–0,15 м (рис. 3, 4; 5, 2). Северная стенка состояла также из одного камня длиной 0,94 м, высотой

0,5 м, толщиной 0,13 м. Южную стенку образуют два камня – 0,22×0,46 м и 0,31×0,58 м, толщина – 0,08 м. Слева от входа в устье печи стоял опорный камень, частично поддерживавший рухнувший свод. Его высота – 0,39 м, ширина – 0,19–0,29 м, толщина – 0,13 м. Все стенки и рухнувший свод с наружной стороны были промазаны слоем глины толщиной 0,03 м. Внешние размеры печи соответствовали размеру ямы под печь – 1,0×1,3 м. Печь возвышалась над уровнем материка на 0,10–0,13 м.

Внутри печи находился под из глины (рис. 5, 2) размером 0,7×1,1 м, толщиной 0,04 м. Под ним в центральной части топочной камеры отмечена тонкая (до 2 см) прослойка сырой глины, толщина которой уменьшалась к краям (вероятно, это признак ремонта пода). Ниже расположен материк, прокаленный на 0,05 м. Под печи расположен под наклоном от торцевой стенки к устью (перепад высот составлял 0,13 м). Высота печи от пода

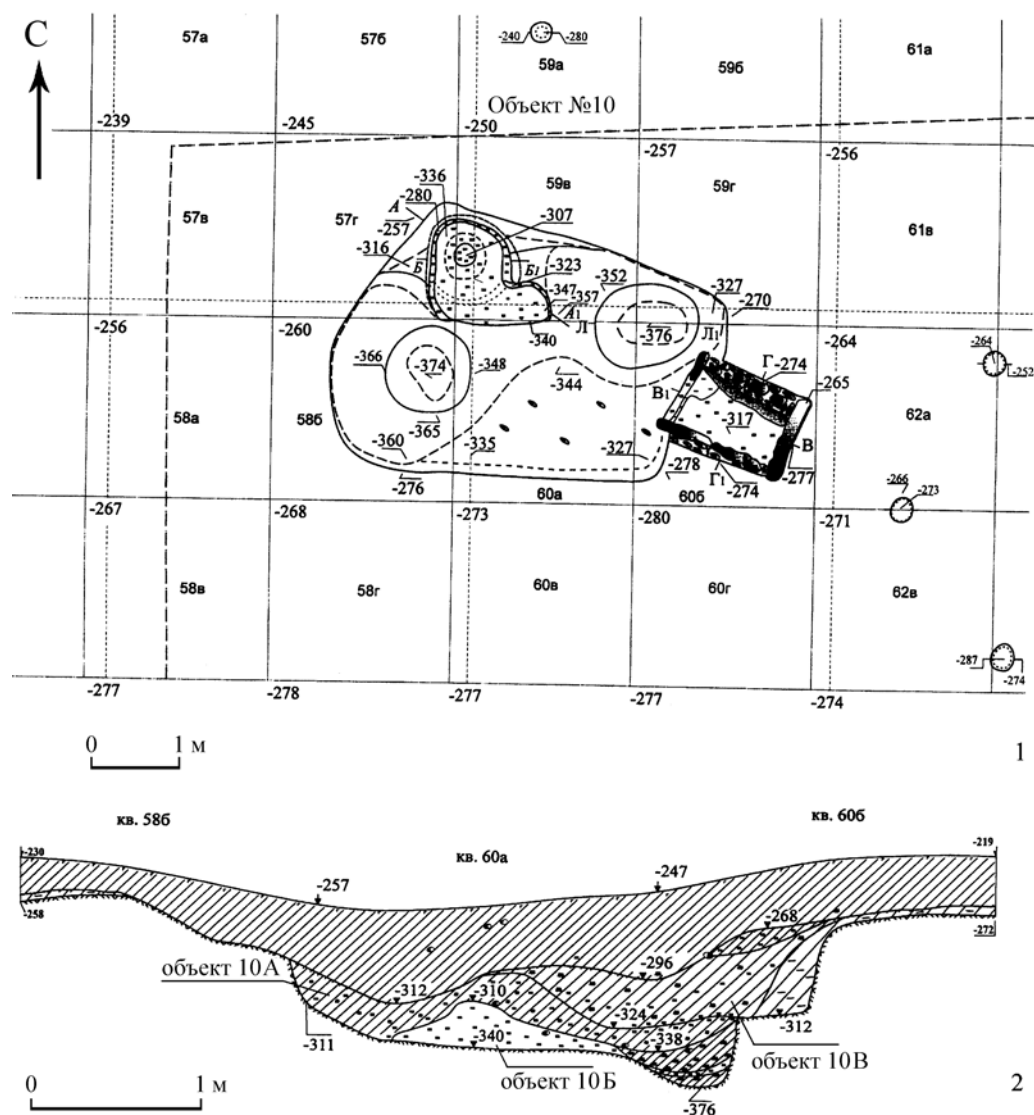

Рис. 4. Постройка № 5 (объект № 10) с тремя строительными этапами

до верхнего уровня камней составляет 0,42 м. Хотя под печи сооружен на материке, небольшой участок устья печи покоился на слое предыдущего этапа (объект 10Б) – это слой земли с обильным включением угля, обожженной глины.

Постройка № 5В являлась третьим строительным этапом. Рассмотрим два предшествующих этапа.

Постройка № 5А представляла собой хозяйственную яму, расположенную в юго-западной части объекта 10А (рис. 6, 1) и перекрытую частично постройкой этапа Б. Диаметр нижней части ямы – 0,93 м. Учитывая конусовидный низ ямы, можно предполагать, что и выше она имела округлую в плане форму, а диаметр достигал 1,5 м. Глубина ямы в материке – 1,08 м.

В заполнении ямы можно выделить два слоя (рис. 4, 2). Верхний – до отметки -312 см – со-

стоял из чернозема. Второй слой – от отметки -312 до -384 см – состоял из суглинка с включениями обожженной глины. Появление этого нижнего слоя в заполнении связано с функционированием глинобитной печи этапа Б. Следовательно, в силу возникших хозяйственных нужд рядом с ямой вскоре появляется новый объект – постройка 5Б.

Постройка № 5Б представляла собой углубленный в материк котлован (объект № 10Б) с развалом глинобитной печи. Она частично перекрывала яму 5А, но была чуть менее глубокой. Объект № 10Б имел подпрямоугольную форму и размер 1,4×3,4 м (рис. 6, 2). Длинной стороной ориентирован по линии 3–В, глубина в материке составляла 0,91–1,06 м. Уровень пола в объекте фиксировался на отметках от -352 см (уровень материка у начала топки) до -376 см (в северо-восточном углу).

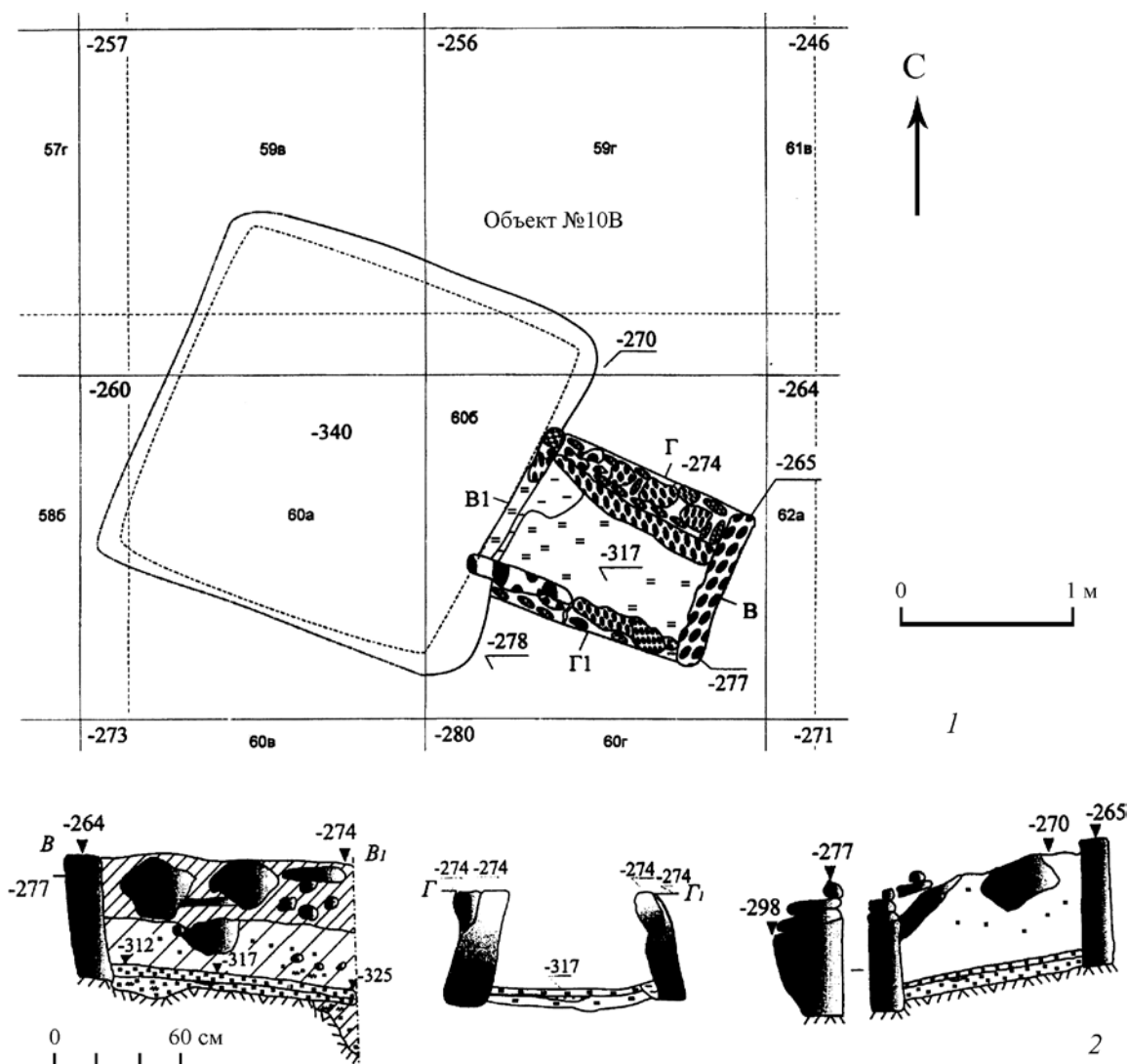

Рис. 5. Постройка № 5В. План и разрезы печи

Ключевым сооружением в данном объекте являлась глинобитная печь, расположенная в северо-западном углу котлована и полностью вылепленная из глины, за исключением задней стенки и козла. Ее размер – 0,95×1,30 м. Она вытянута по линии СЗ–ЮВ. Сохранившаяся высота – 0,73 м. Толщина стенок – 0,08 м. По внешнему виду глинобитная печь заметно кособокая. Это объясняется расположением рядом ямы предшествующего времени.

С восточной стороны к печи примыкала топчанная камера для закладки дров. Ее длина – 0,5 м, ширина – 0,3 м, высота у устья – 0,3 м. Перепад высот по полу составляет 0,1 м в сторону начала топчанной камеры. Внутри топки находился козел, вырезанный в материке. Его высота – 0,30–0,37 м, диаметр в основании – 0,4 м, в верхней части – 0,2 м. Козел поддерживал сохранившуюся перегородку из глины, находившуюся на 0,32 м выше уровня

пода. Толщина перегородки – 0,08 м. Толщина пода – 0,08–0,10 м.

В северо-восточном углу котлована 10Б расчищена яма, предназначенная, вероятно, для закладки дров в печь; она расположена строго напротив топки, продолжая ось топчанной камеры. Ее размер – 1,0×1,4 м при глубине 0,24 м от уровня материкового пола. Заполнение ямы в нижней части характеризовалось обилием горелого дерева. Низ ямы находился на отметке -376 см.

Выводы по постройке № 5Б-В: Исследованное сооружение не являлось жилой постройкой, т.к. в нем фактически отсутствовал бытовой мусор. Наличие глинобитной печи никак нельзя связывать и с производством посуды. По размерам печь мала и соответствовала обычным кухонным печам. Отсутствуют также признаки иного ремесленного производства. Мы предполагаем, что данная постройка

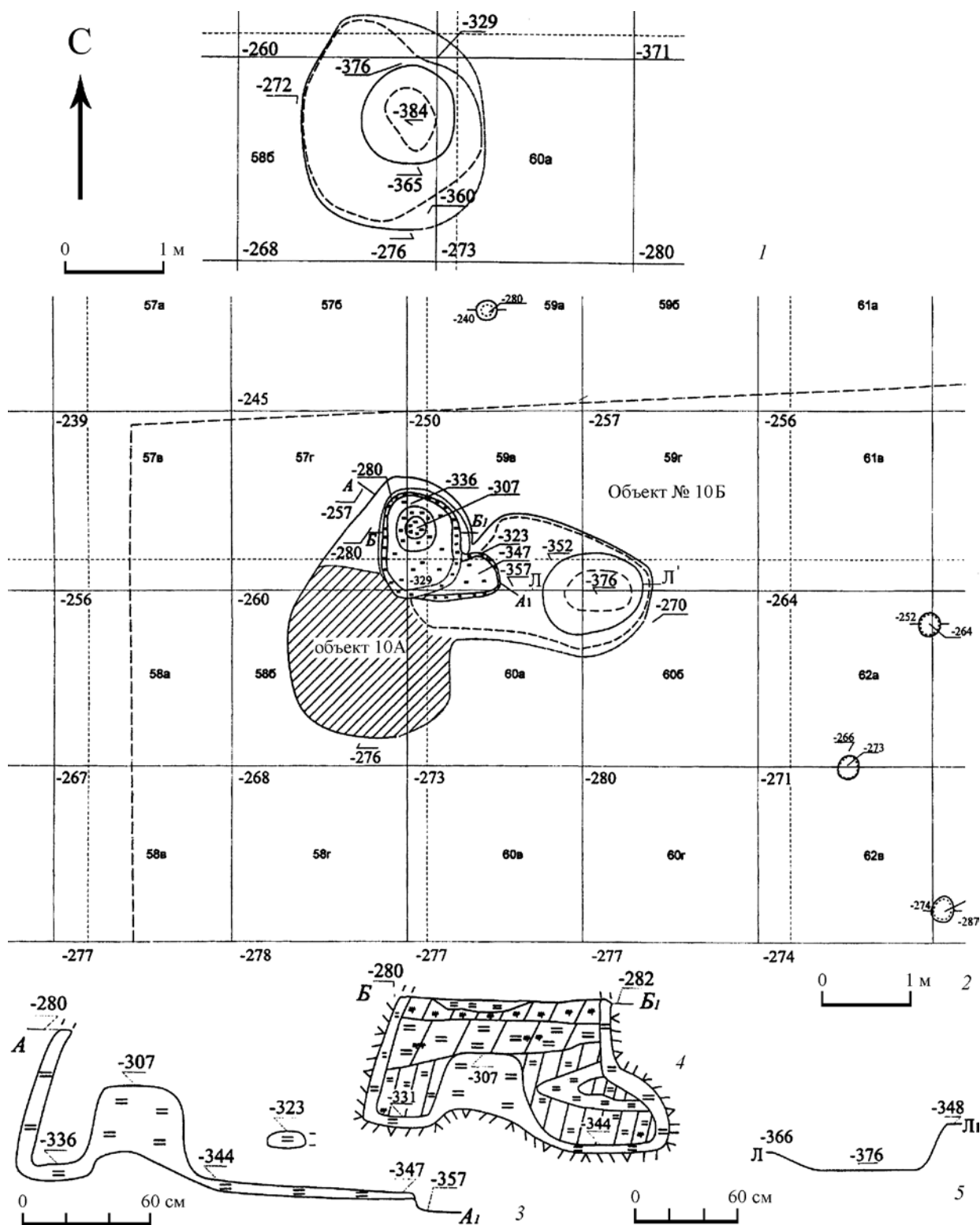

Рис. 6. Постройка № 5А (1), постройка № 5Б (2). Планы и разрезы

на двух этапах своего функционирования (постройка № 5Б, постройка № 5В) выполняла одно и то же хозяйственное назначение и могла являться овином. Ее углубленная часть с печью (сначала глинобитной, затем каменной) являлась нижним ярусом (ямник), поверх которого на уровне верхнего яруса (садило) ставились снопы.

Сооружение, скорее всего, было срубным. Расположенная рядом серия столбовых ям, незначительно углубленных в материк и небольшого диаметра, связывается не с основным, а с дополнительным конструктивным оформлением овина за счет выступов с трех сторон. При этом полезная площадь для укладки снопов в наземной части была больше, чем площадь ямника. Размеры овина реконструировать затруднительно, вокруг него на площади 5×11 м располагался гумусированный слой, маркирующий следы интенсивной жизни.

Общие выводы.

1. Исследованные хозяйственные постройки с каменными печами (постройка № 1 и постройка № 5В) являются однотипными сооружениями, состоящими из котлована подпрямоугольной формы и печи-каменки. Котлованы имели площадь около 5 кв. м и углублены в материк на 0,5–0,6 м. Печи сооружались с внешней стороны котлована, в специальных углублениях подпрямоугольной формы, и устьем были обращены в котлован. Размеры этих печных углублений: в постройке № 1 – 0,90×1,70×0,23 м, в постройке № 5В – 1,0×1,3×0,4 м. Печи сооружались из крупных камней – местного плиточного известняка. Снаружи камень обмазывался слоем глины. Внутреннее пространство печи было небольшим: для печи из постройки № 1 – 0,65×1,10×0,40 м, для печи из постройки № 5В – 0,70×1,10×0,42 м. Объем топки таких печей составлял 0,3 куб. м.

2. В постройках зафиксировано несколько этапов их функционирования. В постройке № 1 – два этапа бытования, этапы разделяет пожар. Третий этап связан с превращением постройки в мусорную яму. Каменная печь в постройке № 5В возникает на третьем этапе археологического котлована (объект № 10). Это предполагает, что более ранней по времени была постройка № 1 и после ее гибели сооружается (возможно, тем же мастером) каменная печь в постройке № 5В. Таким образом, очевидно, что в жилом пространстве западного участка поселения в одно и то же время функционировало лишь одно подобное сооружение.

3. Обе хозяйственные постройки размещаются на юго-западном участке поселения, в 20 м от жилых домов, расположенных на самом возвышенном месте; здесь раскопано три из четырех разновременных жилищ. Одно из них являлось хоромами площадью 110 кв. м, имело две бытовые печи (постройка № 3).

4. Постройки с каменными печами мы гипотетически связываем с овинами. Прямые аналогии нам неизвестны, хотя овины с глинобитными печами не являются редкостью (Гоняный, Шеков, 1996; Зейфер, Янишевский, 2013). Следует обратить внимание на ряд обстоятельств: 1) каменные печи не только углублены в материк, но их верхний уровень фактически находится в земле; 2) печник максимально обезопасил постройку от пожара, обмазав глиной поверхность каменки; 3) малый объем печи в 0,3 куб. м недостаточен для ее использования в производственных целях. Подобная углубленная в материк печь предназначалась для подогрева (просушки), поддержания необходимой невысокой температуры на небольшом пространстве.

Литература

Гоняный М. И., Шеков А. В., 1996. Древнерусское гумно середины XIV в. в верховьях р. Ведицец на Куликовом поле//Тез. докл. отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 91–93.

Зейфер В. А., Янишевский Б. Е., 2013. Хозяйственное сооружение (овин) на усадьбе Бородино по раскопкам 2011 года//АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 280–287.

Иниаков А. А., Иниакова А. В., 2011. Комплекс вооружения служилого человека второй половины XIV – начала XV в. Елецкого княжества//На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: Елецкий госуниверситет. С. 32–45.

Тропин Н. А., Иниаков А. А., Иниакова А. В., 2015. Исследования микрорайона сельских поселений XIV – начала XV вв. в округе Ельца//АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН. С. 290–291.

N. A. Tropin

**Workshop buildings with stone-built oven stoves from the latter 14th century
to the early 15th century, in the vicinity of Elets**

Summary

This paper presents studies of two workshop buildings from the latter 14th century or early 15th, with stone-built stoves, examined during excavations at Site 3 in the village of Argamach-Palna, in the district of the town of Elets. They are interesting as examples of outbuildings. They are located 20 metres from the

residential buildings, on the periphery of the residential area. Two stages of their construction can be pinpointed in their history and remodelling, and the installation/rebuilding of their stoves. It can be established that these workshops didn't exist in parallel – but instead in stages, with one replacing the other.

Археология Московского государства и Нового времени

Н. В. Жилина

Рясна в головном уборе Московской Руси

У славяно-русских рясен, шумящих подвесок к головному убору, красивая, но прерывистая история. Вспомним о ее основных этапах, раскинутых во времени и не всегда связанных между собой. Но вполне вероятно, что эта связь проявится с появлением нового материала.

В состав раннеславянских (антских) кладов конца VI – VII в. (Среднее Поднепровье) входит круг изделий, которые определяются как детали наконечников (рис. 1, 4–8): трубчатые пронизки, трапециевидные привески, соединительные стержни с крючками (Корзухина, 1974. С. 316–319; Щеглова, 1999. С. 300, 301. Рис. 10). По материалам убора гото-аланского населения Крыма этого времени прослежена конструкция такого шумящего украшения с основой из дерева, деталями из бронзы, скрепленного проволокой и кожаными шнурками (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 85). Совпадение деталей позволяет предполагать аналогичную конструкцию у славян (рис. 1, 9). В данную эпоху четко фиксируется ленточная конструкция головного убора: пластинчатые металлические ленты жестко закрепляли головное полотно (рис. 1, 10–12). В Трубчевском кладе вместе с венком сохранилась холщовая ткань (Щеглова, 1999. С. 298). Выделено два типа венков: ровные и расширяющиеся к концам ленты (Родинкова, 2003. С. 114. Рис. 1, 1, 25; 2, 2). Есть и фрагменты пластин с сужающимися концами (рис. 1, 12). К венкам крепились крупные височные кольца со спиральными завитками и округлые двучастные пластины, соответствующие им по размеру и орнаментированные сходно с лентами-венками (рис. 1, 1–3). Реконструкция крепления височных колец на пластинах в виде наушников по сторонам головы, предложенная Б. А. Рыбаковым, не является ныне опровергнутой. На реконструкциях современных исследователей конкретизировано меньше деталей крепления, но части убора раз-

мещаются аналогично (Родинкова, 2007. Рис. 3). Плоские пластины, возможно, были предназначены для наматывания волос (рис. 1, 1).

Такой убор относится к обильно-металлической стадии, соответствующей драпированному костюму (Жилина, 2010а; Zhilina, 2016). В нем находили место и шумящие украшения. Использование связок из трубчатых пронизок с привесками в девичьем уборе могло быть действительно связано с косой. Но в закрытом уборе замужней женщины эти украшения крепились непосредственно к головному убору или его деталям, имитирующим волосы или косы. Сложные подвески-цепи из стержней, трубочек и трапециевидных подвесок раннеславянского убора можно рассматривать более широко как шумящие подвески головного убора, которые могли быть прикреплены не только к косам, но и к боковым или задней сторонам убора (рис. 1, 4–8). Известна уникальная шумящая связка предметов – из колокольчиков, височного кольца и фрагментов цепей, закрепленная на одном общем кольце (рис. 1, 10). Она могла крепиться и к головному убору, и в нагрудной области. В уборе в это время не выделились отдельные амулеты. Весь обильный комплекс убора с нагрудными и головными цепями, шумящими подвесками в целом осмысливался как оберегающий покров. В эпоху раннего Средневековья в костюме сохранились традиции веков металла (бронзового и железного): конструктивная связанность драпированной одежды и металлического убора, обилие металла, престижность его в костюме и просто любовь к нему.

Далее на протяжении довольно долгого периода нет сведений о шумящих подвесках к славяно-русскому головному убору. Среди головных украшений древнерусских кладов XI–XIII вв. есть группа колоколовидных рясен (круглых в сечении) с шумящими цепочками и бляшками. Она не столь многочисленна, как головные подвески,

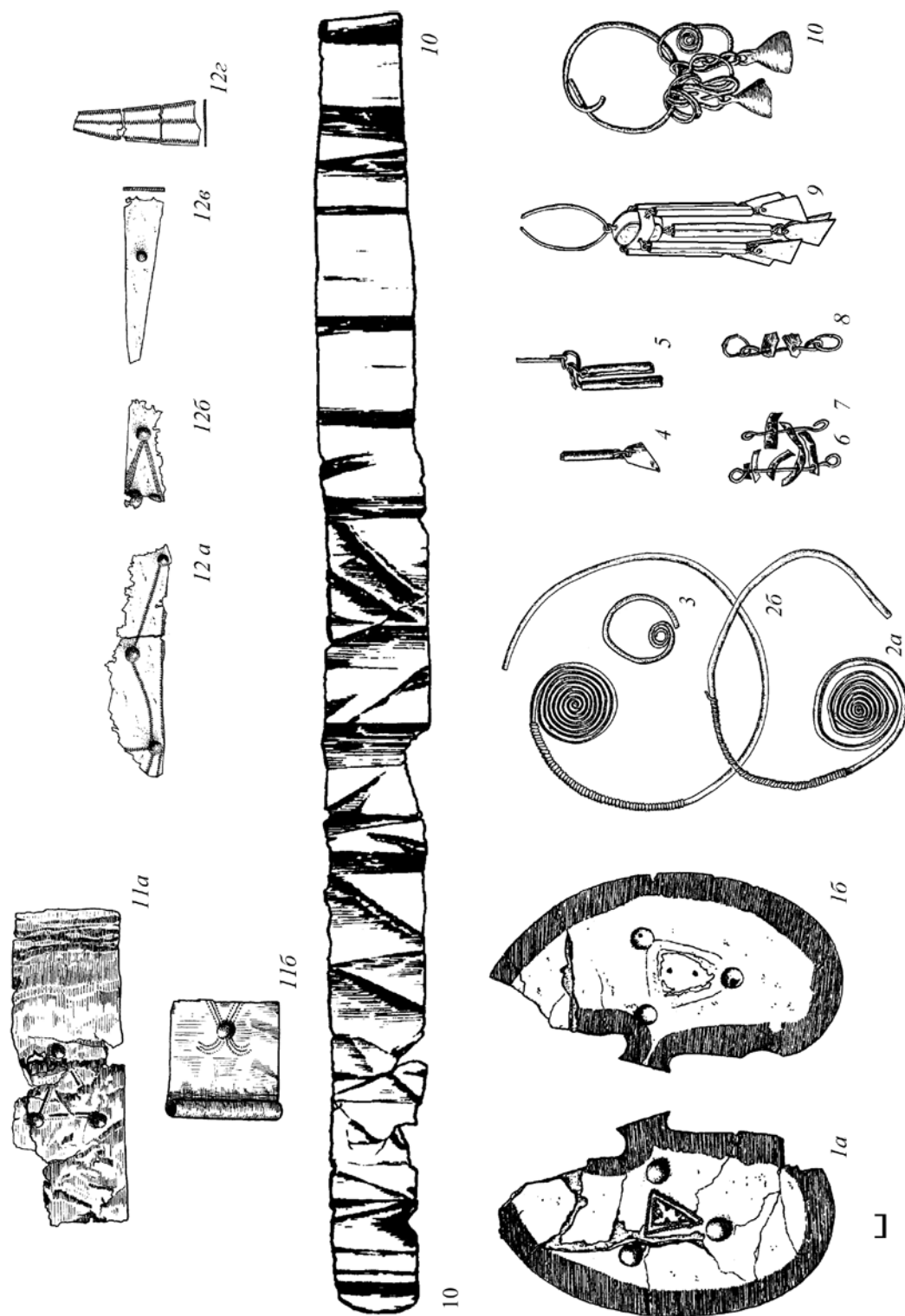

Рис. 1. Детали головного убора и шумящие украшения конца VI – VII в.

1 – височные пластины, Малый Ржавец, (Корзухина, 1996, Табл. 4, 3, 4; 11, 1, 2); 2, 3 – височные кольца со спиральным завитком, Мартыновка, Козиевка (Корзухина, 1996, Табл. 17, 5, 6; 49, 15); 4–8 – детали расен, Новая Одесса (Корзухина, 1996, Табл. 45, 4–7); 9 – реконструкция подвески, Крым, могильник Лучистое, склеп 10, слой 5, захоронение 17 (Айбабин, Хайрединова, 2008, Табл. 52, 14); 10 – связка предметов на кольце, Козиевка (Корзухина, 1996, Табл. 54, 1); 10–12 – венки и их фрагменты, Мартыновка, Козиевка, Колосково (Корзухина, 1996, Табл. 16, 9; 57, 12, 13; 104, 7, 8, 11, 14)

сформированные из височных колец или колтов, – всего немногим более 20 экз. колоколовидных подвесок, найдены также отдельные подвесные цепочки с бляшками (Жилина, 1997; 2010б. С. 66–81). По типологическим аналогиям и художественному оформлению колоколовидные рясна тяготеют к периоду XI – первой половине XII в. Они сходны с ряснами из Моравии с филигранными изображениями женской фигуры и коня. На них наблюдается линейно-геометрический стиль зерни, характерный для X–XI вв., стилистически они близки нагрудным цепям из кладов XI в. (Жилина, 2010в. С. 186. Рис. 8, 15, 16). Дата некоторых подвесных цепочек к ряснам из слоя Новгорода тяготеет к XI – первой половине XII в. (Жилина, 1997. Рис. 1; 2014. С. 116–118. Рис. 90, 1–27).

Исследователи костюма обратили внимание на связь археологических колоколовидных рясен с кистевидными ряснами кичкообразного головного убора из нитей, ткани, бисера и стекла (Моисеенко, Фалеева, 1990. С. 158, 159). М. А. Сабурова предложила реконструкцию колоколовидных рясен в составе ленточного головного убора (Сабурова, 1997. Табл. 73). Наличие в кладе из Сельца Новгородской губернии сеток из цепочек с бляшками, по размеру соответствующих подзатыльнику, конструктивно сходных с ряснами и выполненных в такой же филигранной технике, позволяет предполагать существование кичкообразной конструкции головного убора в XI–XII вв. (Жилина, 1997. С. 210. Рис. 2, 1; 2014. С. 325, 326. № 174/4). Технология изготовления филигранных подвесок имеет черты византийской филигранной школы (Жилина, 1997. С. 206; 2010б. С. 76–78). То есть народная шумящая подвеска-колокольчик получила ювелирный облик. Таким образом, в древнерусском кичкообразном головном уборе с колоколовидными ряснами конца XI – первой половины XII в. суммировались народная традиция шумящего убора и навыки византийской ювелирной культуры. Г. Ф. Корзухина отметила неясность состава древнерусского княжеского убора XI в. (Корзухина, 1954. С. 51–53, 65–68). На наш взгляд, убор с колоколовидными ряснами представляет традиционную линию русского женского убора, но в дальнейшем она оказалась отклонена провизантийскими вариантами (рис. 2).

Рясна упомянуты в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей матери» при рассказе о восьмом и девятом чудесах. Произведение составлено в 1163–1164 гг. (Кучкин, Сумникова, 1996. С. 487). В рассказе о восьмом чуде женщина по имени Евфимия «...посла усирязи же и ряссы златыя къ с(вя)тѣи Б(огороди)ци в Володимирѣ

с попом...» (цит. по: Кучкин, Сумникова, 1996. С. 506, 507). Девятое чудо произошло в Твери. После благополучного рождения сына тверская боярыня послала украшения к иконе. «И посла златыя косы и усерязи свои къ иконѣ с(вя)тыя Б(огороди)ца в Володимирѣ, имиже обѣщалася бѣ» (цит. по: Кучкин, Сумникова, 1996. С. 507, 508).

В двух рассказах употребляются сходные конкретные названия украшений. Это подчеркивает типичность самих украшений и дает сведения о названиях, употреблявшихся в XII в. Упоминаются два вида украшений. Во-первых, это «усерязи». В других письменных источниках этот термин относится в основном к XIII–XIV вв. (Лукина, 1990. С. 141; Кучкин, Сумникова, 1996. С. 485). В XII в. это слово не обязательно означало серьги, его можно понимать расширительно как различные подвески к головному убору, скорее всего, под ним имеются в виду трехбусинные кольца, которые носили разными способами.

Судя по контекстам, названия второго вида украшений – «златые ряссы» Евфимии и «златые косы» тверской боярыни – синонимы, и их можно относить к колоколовидным ряснам. Слово «рясы» более точное, соответствует типологическому названию «рясна». А вот слово из тверского чуда «косы», возможно, является более старым названием рясен, передающим их связь с волосами, косами. И именно указание на связь с волосами подтверждает предложенное понимание термина.

В этнографических уборах русских украшения, вплетаемые в косу, «косники», завершались кистевидными или колоколовидными подвесками (Якунина, 1955. С. 102) в головном уборе замужних женщин, они крепились к головному убору (рис. 2, 2).

Ко времени «Сказания...» рясна накопились в фамильных сокровищницах, древнерусских кладках, зарытых в XII–XIII вв. На протяжении второй половины XII – первой трети XIII в. убор с колоколовидными ряснами по традиции сохранялся отдельными фамилиями как более старинный, некоторые украшения выполнялись из золота, как, например, находка из Чернигова 1958 г. (Жилина, 2014. С. 364, 366. № 233/1).

Распространение христианского провизантийского убора с перегородчатой эмалью диадемно-го (ленточного) строения с подвесками-колтами и ленточными ряснами (цепи из бляшек, ленты из колец и колодочек) в XII – первой трети XIII в. способствовало уходу кичкообразной конструкции в прошлое (Жилина, 2010в. С. 188). Из Византии же была заимствована форма рясен в виде храма, или «сиона», которые, на наш взгляд,

Рис. 2. Колоколовидные и кистевидные подвески

1 – древнерусский головной убор кичкообразной конструкции с колоколовидными рясами XI – 1-й пол. XII в., серебро. Реконструкция Н. В. Жилиной, рисунок О. В. Федорова; 2 – подвеска-косник, жемчуг, перламутр, ГИМ (Якунина, 1955. Рис. 54)

относились к мужскому убору. Традиция ношения рясен в русском мужском княжеском головном уборе идет от венца князя Владимира Святославича, отраженного на монетах конца X – начала XI в., и продолжается в XI–XII вв. Известны находки золотых рясен-«сионцев» в кладах из Старой Рязани 1822 и Киева 1824 и 1887 гг. (Жилина, 2014. С. 118; Рис. 90, 30–32. № 162/7а; 107/8; 102/5). Рясна просматриваются на эмалевых портретах Бориса и Глеба на колтах из рязанского клада (Жилина, 2015. Рис. 4, 1, 2).

К числу наиболее поздних форм XIII в. относятся рясна, сочетающие колоколовидную форму с четырехугольной (влияние византийских сионцевидных подвесок) или кубические. Рясна ярусной формы есть в кладе из Згарского городища Хмель-

ницкой обл. 1970 г., рясна кубической формы сохранились в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (Жилина, 2010б. С. 66–73. Рис. 26, 3, 5; 2014. С. 118. Рис. 90, 28, 29. № 205/19).

В XIV–XVI вв. на Руси, судя по изобразительным и вещественным источникам, головной убор ленточной конструкции с колтами и височными кольцами уходит в прошлое. Тем не менее в Радзивилловской летописи он более 20 раз показан на княгине Ольге (рис. 3, 1). Нельзя не отметить, что он приобрел более жесткую полусферическую форму, но лента-венчик выделена (Жилина, 2013. С. 157. Рис. 1, 13–15).

В XV в. по письменным источникам улавливается различие частей рясен, для них есть разные названия. В духовной грамоте князя Верейского

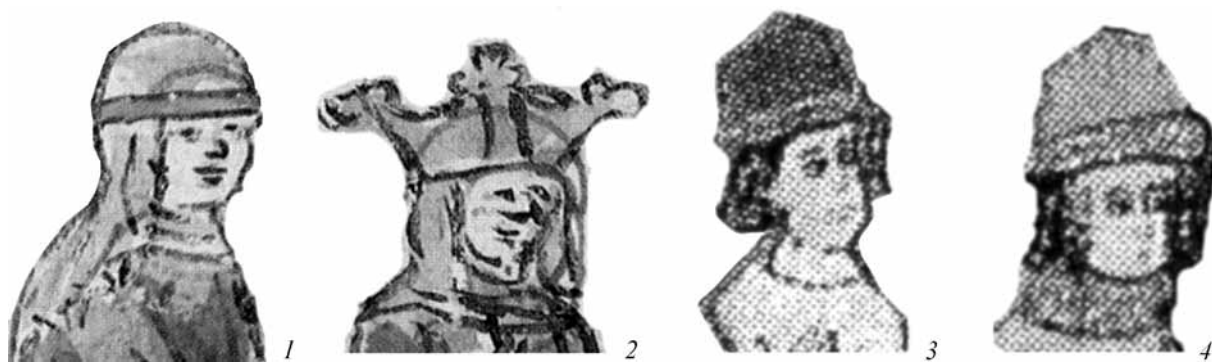

Рис. 3. Головные уборы XV в. по изобразительным источникам

1 – ленточный убор, княгиня Ольга, Радзивилловская летопись, л. 33об; 2 – полоцкая княгиня Рогнеда (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 33об, 163об); 3, 4 – шапки с ряснами (?), знатные женщины, пелена «Церковная процессия», 1498 г. (Маясова, 2004. Ил. 8)

и Белозерского Михаила Андреевича (около 1486 г.) в числе пожалованного дочери имущества упомянуты «рясы с яхонты да с лалы; колтки золоты с яхонты» (ДДГ, 1950. № 80. С. 312). Возможно, в это время в уборе совмещались еще рясна и колты. Или же эти украшения слились в единой форме и таким образом названы две их основные части (Уткин, 1970. С. 62). Основная подвеска переместилась вверх и сохраняла форму лунничного колта (колтки), от нее спускались длинные рясенные цепи (рясы). В этом же комплексе пожалованных женских одежд и украшений был «венец царский с городы, да с яхонты, да с лалы, да з зерны с великими», к нему, вероятно, и относились упомянутые подвесные украшения.

Рясна просматриваются на шапках знатных женщин на пелене «Церковная процессия» 1498 г. (рис. 3, 3, 4).

Все источники XVI в. – письменные, изобразительные, археологические и вещевые материалы музейных собраний – хорошо соответствуют друг другу. Они показывают существование в это время составного головного убора кичкообразной конструкции.

В духовной грамоте 1521 г. князя углицкого Дмитрия Ивановича (брата великого князя Василия Ивановича) в числе одежды, находящейся в казне, упомянута лицевая часть кичкообразного головного убора с украшениями: «чело кичное золото с яхонты и с жемчуги, и с жемчужинами, и с плохим камнем». Да три переперы кичные серебряны золочены с яхонты и с плохим каме-

нем» (ДДГ, 1950. С. 409. № 99). Чело кичное в виде повязки, повышающееся в лицевой части, происходящее от нарядного девичьего венка, называлось сверху на шапку – основу убора замужней женщины. Это чело кичное было символом замужества.

Статья 67 свадебного чина Домостроя зафиксировала состав женского свадебного убора: кика – верхняя часть, подзатыльник – задняя свисающая часть (под и за кикой), покрывала, шапка-волосник, подбрусник – шапка под покрывалом («Домострой...», 1882. С. 166, 167, 176). Составной убор мог внешне уже отклониться от народных вариантов кичкообразной конструкции, но типологически ей соответствовал, сохранил сложный состав и верхнюю высокую часть. Название «кика», несмотря на возможные перемены самого убора, переходило и на его новые варианты.

Икона XVI в. «О Тебе радуется» круга Дионисия показывает женщин в храме. Здесь в двух случаях оказались четко отражены части составного убора: головное покрывало, волосник и рясна (рис. 4, 1а). Структура волосника – текстильная или вязаная шапка, скрепленная тканевыми полосами вокруг головы и поперечно (Забелин, 2001. 484–485; Жилина, 2013. С. 161, 162. Рис. 4, 1–9). Изображение на иконе показывает тканевую мягкую фактуру волосника. Нижний край головного убора обозначен двумя параллельными линиями. Скорее всего, это края волосника и нашивной ленты, расположенные друг над другом, как и на сохранившихся волосниках этого времени (рис. 4, 1–3)¹. Подобные

¹ Не исключены и другие варианты интерпретации изображения: 1) здесь отразились края волосника и подбрусника; 2) здесь могут быть показаны верхняя шапка, сформировавшаяся на основе волосника, и волосник/подбрусник, слившиеся воедино.

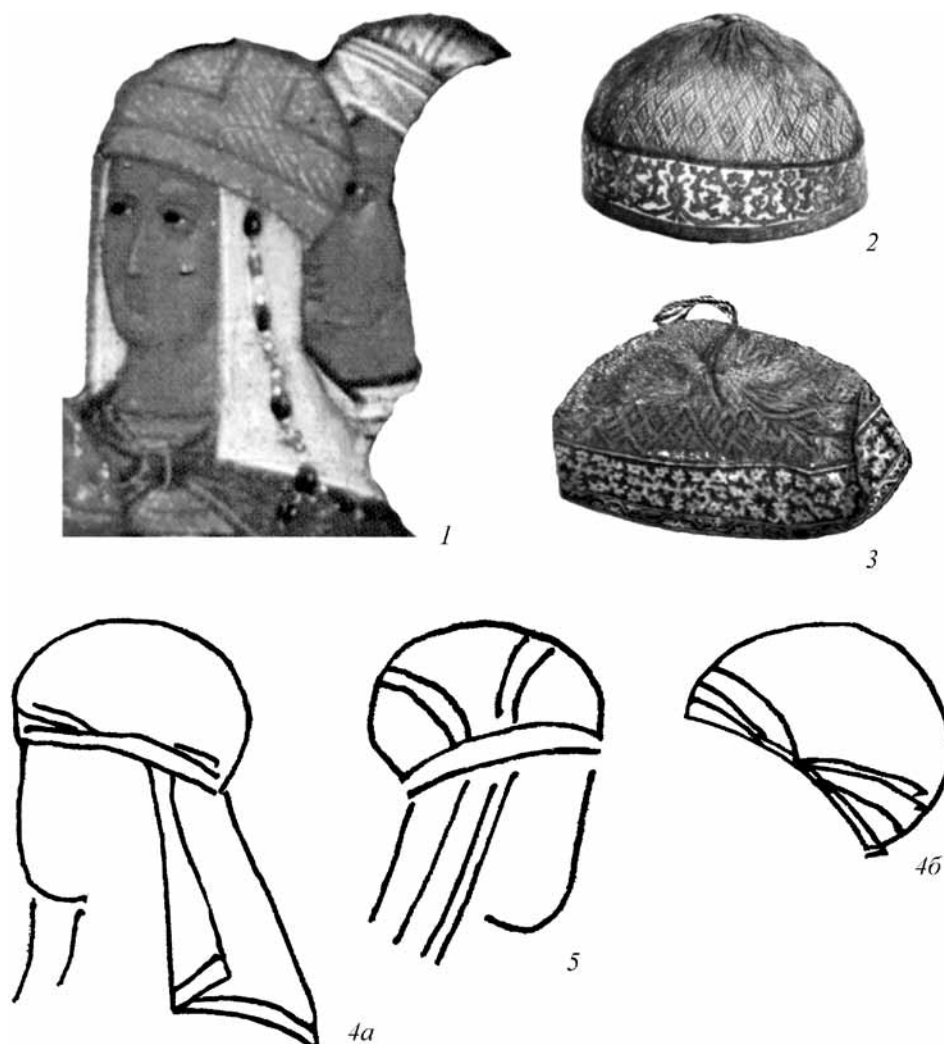

Рис. 4. Головные уборы XVI в. по изобразительным источникам, повседневный и погребальный варианты

1, 2 – икона «О Тебе радуется» мастерской Дионисия. Прорисовка Н. В. Жилиной (Грицак, 2006. С. 168); 2, 3 – волосники Марии Темрюковны 1569 г. и Марфы Собакиной 1571 г. из погребений. Раскопки Вознесенского монастыря в Москве (Панова, Синицына, 1987. С. 339, 340); 4, 5 – миниатюры ЛЛС, Лаптевский том, л. 424об, 659. Прорисовки Н. В. Жилиной (ЛЛС, 2009б. С. 259, 270)

шапки есть и на изображениях ЛЛС (рис. 4, 4, 5). В одном случае на иконном изображении показана рясенная подвеска, прикрепленная к краю убора. Она имеет вид бусинной и жемчужной нити, завершающейся привесками (рис. 4, 1).

Волосники и покрывала хорошо представлены археологически. При раскопках Вознесенского монастыря в Москве найдены головные уборы московских цариц: покрывала и волосники XVI в. (рис. 4, 2, 3). Волосники расположены под покрывалами, возможно верхними, и прикреплены булавами к волосам (Панова, Синицына, 1987).

Эти изобразительные и археологические материалы дают представление о строгих вариантах убора, повседневном и погребальном. Такая часть

головного убора, как волосник, известна в развитии западноевропейского головного убора. Она также была основой составной конструкции и в дальнейшем послужила формированию различных форм шапок и кокошников (Жилина, 2013. Рис. 4, 7).

Но есть сведения и о парадных, праздничных вариантах. Рясна отражена на коронах цариц, в частности, на миниатюре Хронографического сборника ЛЛС (рис. 5, 2). Известно описание парадного роскошного убора царицы Ирины Федоровны Годуновой во время приема константинопольского патриарха в 1588, 1589 гг. По обеим сторонам ее короны спускалось по три длинные цепи, состоящие из драгоценных камней, поверх которых находились крупные изумруды (Якунина, 1955. С. 64–66).

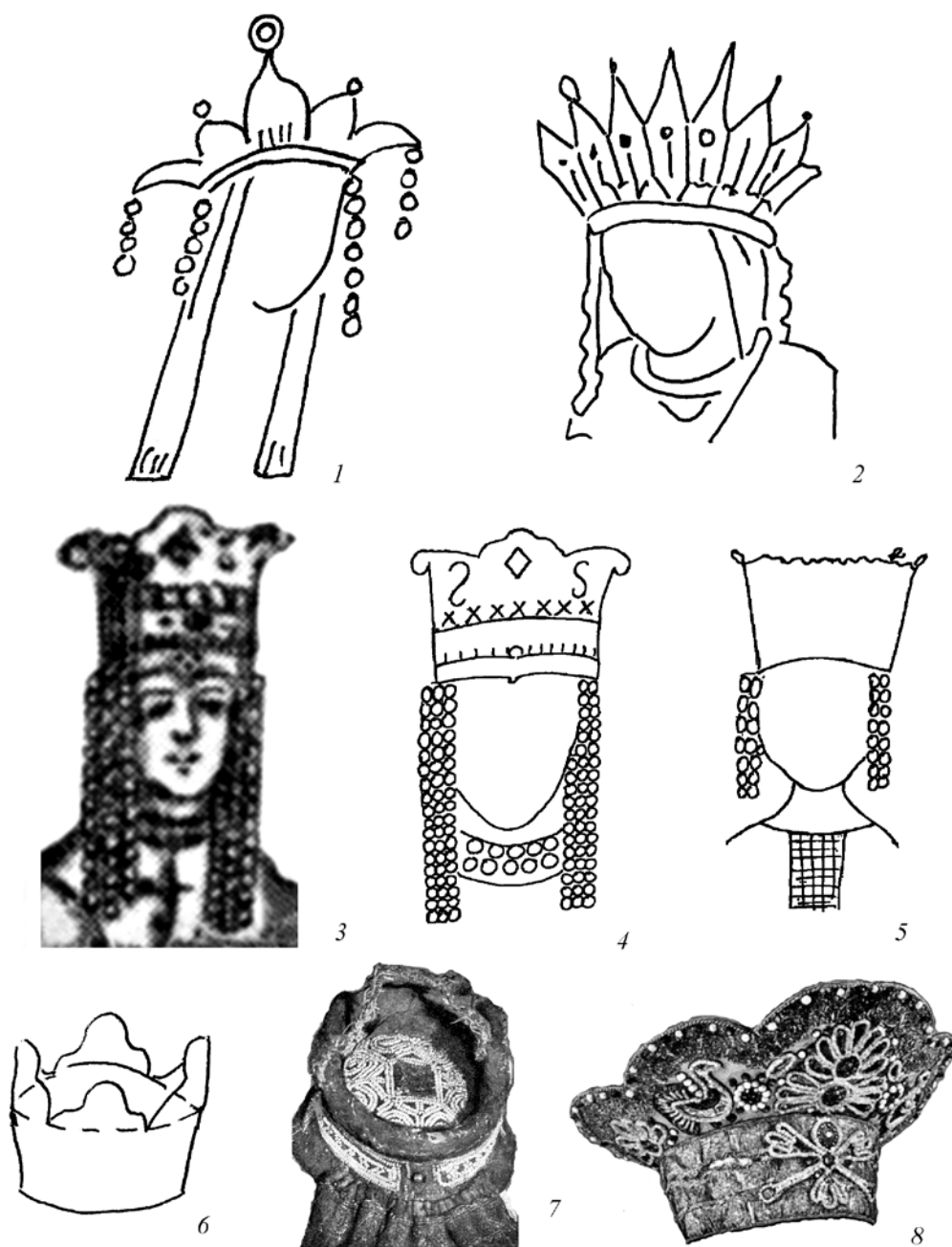

Рис. 5. Свадебный головной убор XVI–XVII вв. по изобразительным источникам

1 – Рогнеда, Голицынский том, л. 55 (ЛЛС, 2009а. С. 115); 2 – многозубчатая корона с ряснами, Хронографический сборник, л. 662об (ЛЛС, 2010. С. 214); 3–5 – рисунки к сочинению А. Олгария: невеста из боярского семейства (Олгарий, 1906. Л. 175, 215; Рабинович, 1986. Рис. 37); 6 – гипотетическая реконструкция основной формы кики. Прорисовки Н. В. Жилиной; 7 – свадебный головной убор Шенкурского у. Архангельской губ. (Молотова, 1978. Рис. 4); 8 – девичий головной убор, кон. XVIII – нач. XIX в., ГИМ (Якунина, 1955. Рис. 7)

Свадебный или праздничный вариант женского убора завершала кика. Изучая письменные источники изображения, И. Е. Забелин пришел к выводу, что кика и была похожа на корону царицы наличием яруса из зубцов, и отличалась от нее тем, что тулья ее расширялась (Забелин, 2001. С. 487, 488). То есть кика возвышалась и расширялась над

головой, сохраняя зубцы (рис. 5, 6), но конкретные варианты могли различаться.

Среди изображений Лицевого свода можно указать особый свадебный головной убор, принадлежащий княгине Рогнеде: корона с криволинейными зубцами и двойными ряснами, прикрепленными к краю короны (рис. 5, 1). Она обнаруживает

сходство с более ранним изображением короны в том же сюжете Радзивилловской летописи (рис. 3, 2). В связи с особыми обстоятельствами свадьбы уборы, вероятно, изображены утрированно, с усилением элементов свадебности, и поэтому можно полагать, что в них отражен облик именно свадебного варианта кики.

Из примеров, приведенных Забелиным, представлению о кике наиболее всего соответствуют рисунки XVII в. из сочинения А. Олеария (1906. С. 175, 215). Убор дважды и почти одинаково показан на невесте, обильные густые рясна из нескольких, вероятно жемчужных, нитей прикреплены к кике (рис. 5, 3–5). Этот убор отличается от скромного повседневного варианта. Изображения кик XVII в. имеют сходство с девичьими праздничными венками и свадебными этнографическими коронами XVIII–XIX вв. («Этнография...», 1987. С. 275. Рис. 126; *Молотова*, 1978). Их разделяет не столь большое время. Кроме того, кика головного убора замужней женщины связана происхождением с нарядными девичьими венками (рис. 5, 7, 8).

Таким образом, изобразительные источники продемонстрировали два варианта ношения убора с ряснами: в повседневном с волосником или шапкой (рис. 4) и в свадебном или праздничном – с кикой и обильными ряснами (рис. 5).

Известны и сами рясна-подвески. Две пары рясен относятся к XIV–XV вв., одна из них, возможно, специально предназначена для убора иконы. Основной вещевой материал рясен связывается с XVI в. Все рясна сохранились в составе музейных собраний, в основном они поступили туда из ризниц крупных монастырей, так как были поднесены к иконам знатными женщинами. Продолжалась традиция, известная по «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Божьей матери». Единичные находки – бусины-пронизки из раскопок Владимира и Москвы – можно предположительно связывать с ряснами (2, № 4, 5). Известны также фотографии рясен из Суздальского музея с описаниями (*Георгиевский*, 1927. С. 33. Табл. I, XVII, XXVI, *рис. 1*)².

Типология. Можно выделить два основных вида: объемные (I) и плоскостные (II) рясна (рис. 6). Отделы определены по конструктивному закреплению подвески: 1 – подвеска нанизана на крепежную деталь (1, № 1; 1, № 2³); 2 – подвеска с петлей, наде-

той на крепежную деталь (2, № 6); 3 – крепежная деталь слита с украшением (2, № 1–3).

Подотделы выделены по виду крепежной детали и способу закрепления: 1 – кольцо (а – жесткая петля, б – шарнир, в – цепи); 2 – полукольцо с нижней горизонтальной перекладиной; 3 – полукольцо (дуга) – 2, № 1–3); 4 – кольцо с отходящим стержнем (1, № 1).

Типы выделены по форме подвески. Типы, относящиеся к виду I: I – колоколовидные (рис. 2); II – сионцевидные; III – четырехугольные в сечении, ярусные; IV – кубические (1, № 1; 2, № 6). Типы, относящиеся к виду II: I – четырехугольные (1, № 2); II – лунничные (2, № 1–3; 3, № 1); III – ленточные (3, № 2); IV – миндалевидные (3, № 3).

Бляшки подвесных цепочек дают свою типологию. В состав цепи входят промежуточные бляшки-пронизки и концевые бляшки-подвески. Они также подразделяются на виды объемных и плоских. Вид I – объемных включает типы в форме: I – граненых пирамидок; II – бусин: а – сферических, б – овально-конических в сечении, в – овально-конических (ребристых), г – миндалевидных, д – цилиндрических; III – колоколовидных.

Плоскостные бляшки вида II более разнообразны по типам: I – фигурные; II – круглые; III – лунничные; IV – четырехугольные (квадратные, прямоугольные, ромбические); V – quadriфоллийные; VI – крестообразные; VII – кринообразные; VIII – миндалевидные; IX – треугольные; X – в виде фигуры птицы⁴.

XIV–XV вв. Важно отметить, что рясна новой эпохи продолжают свое развитие с той формы, на которой закончили его в домонгольское время: кубической или четырехугольной. Кроме объемных представлены и плоскостные (рис. 6). Конструкция первой пары кубических рясен архаична: подвеска надета на крепежную деталь, которая представляет собой кольцо с отходящим вниз стержнем, как у серег, в виде «знака вопроса» (1, № 1). Рясна относятся к отделу 1, типу IV (кубических). Пара рясен из Рязанского музея напоминают сионцевидный тип рясен домонгольского периода: по четырем углам корпуса подвески находятся узкие цилиндрические колонки, на гранях – драгоценные вставки. Вниз свисают четыре цепи из жемчуга, завершающиеся подвесками

² К сожалению, они имеют мелкий масштаб изображений, поэтому привлечена информация о тех, которые удалось понять типологически.

³ В такой форме дается ссылка на Каталог рясен и их деталей в приложении к статье: первая арабская цифра означает хронологический подраздел каталога, вторая – номер вещи внутри хронологического подраздела.

⁴ В этой типологии учтены возможные формы бляшек, часть из них известна по домонгольскому периоду.

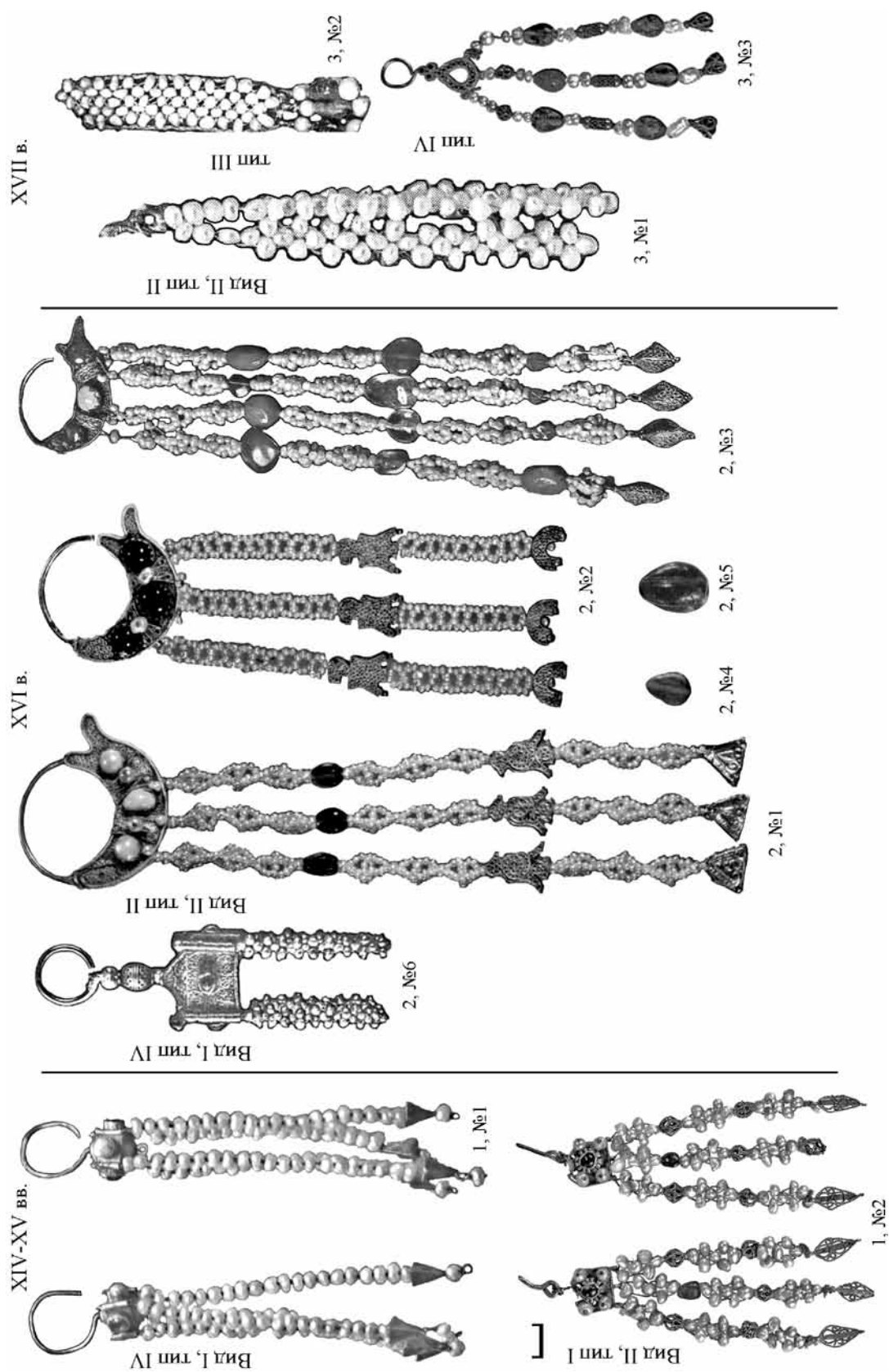

Рис. 6. Рясна XIV-XVII вв., типологический ряд (обозначения соответствуют номерам по каталогу в приложении)

в виде трехгранных пирамидок и жемчужинами. Важно, что подвесок на каждом украшении по четыре в соответствии с количеством граней корпуса, как и в домонгольское время. В дальнейшем, видимо, нити становятся не столь регулярными и более обильными.

Традиция дарения иконам женских украшений вызвала к жизни и плоскостные формы украшений к иконам. Другая пара рясен украшала московскую икону «Богоматерь Боголюбская» конца XIV–XV в. из Благовещенского собора Московского Кремля (1, № 2). По оформлению она сходна с первой парой. Плоскостная форма не исключает и ношение в головном уборе, в любом случае иконные рясна отражают формы женского головного убора. Плоская основа орнаментирована рельефными драгоценными деталями: жемчужинами по углам, закрепленными на стержнях-спинях, центральным камнем в цилиндрическом касте, оправленном гофрированной лентой. Корпус ажурных бусин образован скаными петлями. Более сложны нижние миндалевидные бляшки. Их основу составляет прямая пластина-подкладка, проходящая по центру бляшки; на нее уложен филигранный орнамент из окружностей и завитков, симметричный относительно продольной оси. Низание жемчужных нитей имеет геометрический (ромбический) строй.

XVI в. Рясна сохранились в качестве приклада к иконам Покровского монастыря в Суздале («Русское серебро...», 1984. С. 22, 215, 216; «Русское прикладное искусство...», 1982. № 112. С. 206; Георгиевский, 1927. Табл. I, XVII, XXVI: рис. 1. № 509–515). Их жертвовали высокопоставленные женщины.

Датировка рясен музейных собраний XVI в. (2, № 1–3, 6) подтверждается и стилистикой сканого орнамента спирального стиля, вступающего в это время в апогей, использованием на более простых изделиях выделенных крупных завитков и фона из колечек (Жилина, 2001). Косвенно эту дату подтверждают и единичные бусины-пронизки из археологического материала (2, № 4, 5).

В Описи Покровского женского монастыря в г. Суздале 1597 г. при описании икон часто упоминаются «рясы жемчужные» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 1–75). Этот важный письменный источник дает сведения о частях рясен и их конкретных названиях (Якунина, 1955. С. 46).

Рясна изготавливаются из золота, серебра, использовалась позолота. Типичное описание украшений выглядит так: «...да рясы жемчужные по четыре пряти колотки и переимы и наконечники у ряс серебряны золочены» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 5).

«Колтки» или «колотки» – это верхние подвески округло-лунничной формы. Верхние подвески имели и другой вид. У некоторых рясен вместо колтков упомянуты кольца (иногда со вставками), лапки (лапотки, лапочки) и пластинки (плащики) (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 21, 23, 42, 50)⁵. Это разные типы рясен.

«Пряти» или «пряди» – это жемчужные снизанные нити или ленты. Их может быть от одной до четырех на одном украшении⁶. Именно столько жемчужных нитей известно у сохранившихся рясен и у рясен на изображениях (рис. 4, I; 6).

«Переимы» – промежуточные бляшки-пронизки. Они также различны: иногда это пронизки из металла: «а у них в переимах прониски», «да пронизочки серебряны позолочены». Переимами могут быть «камешки» – драгоценные камни, упомянуты переимы из коралла («переимы королковые»), из бисера. Интересно упоминание «переим голубчиков» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 24, 41). Под названием «голубцы» в русском костюме известны серьги, состоявшие из колец и пластин, напоминавших по форме птиц с развернутыми крыльями (Соснина, Шангина, 1998. С. 62, 63). Пластины аналогичной формы входили и в состав рясен. Разные виды переим чередовались в одном изделии (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 5, 13, 14, 18, 19).

«Наконечники» – концевые бляшки-подвески, среди них упомянуты сканые (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 11).

Более простые рясна состояли только из жемчужных прядей и «камешков» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 27). По всей видимости, некоторые не имели верхней подвески. Выделялся особый тип рясен: «с камешки и с переперы» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 28). Слово «переперы» довольно часто упоминается при описании одежд и украшений Московской Руси: это орнаментальные зоны, оформленные в виде решеток, сеток (Полный церковно-славянский словарь, 2009. С. 412). Очевидно, в данном случае это жемчужные сетки-ленты.

⁵ В опубликованной в этой же книге Ведомости 1725 г. один раз в составе одной пары рясен упомянуты «кольца и колотки» (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 74).

⁶ В Ведомости 1725 г. упомянуты рясна с шестью и восемью прядями, но вполне возможно, что сосчитаны пряди на двух парных украшениях (Георгиевский, 1927. Приложение. С. 63–74).

Сохранившиеся рясна отражают значительное совпадение с материалом Описи 1597 г. (рис. 6). Для данного времени известны рясна с подвеской на жесткой петле, надеваемой на кольцо (отдел 2, подотдел 1 (2, № 6). Подобным образом крепились и домонгольские колоколовидные рясна. С XIII в. данную подвеску роднит и нанизывание трех бусин на стержень под кольцом (аналогия подвеске из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко). Этой конструкции соответствует тип IV – кубических рясен, также обнаруживающий преемственность от рясен XIII–XV вв. Такие рясна принадлежали супруге Ивана Грозного царице Анастасии Романовне (1532–1560 гг.)⁷.

На иконе Богоматери Иверской или Грузинской из суздальского Покровского монастыря были закреплены три пары аналогичных кубических рясен, но с несколько более длинными жемчужными нитями: на одних – по три промежуточные бляшки в виде птиц, на других – по три ромбические бляшки, завершаются нити ромбическими подвесками. По преданию, эти рясна принадлежали другой супруге Ивана Грозного, Марии Темрюковне (1545/1546–1569 гг.) (Георгиевский, 1927. С. 7. Табл. I).

К XVI в. сложились плоскостные лунничные рясна, их крепежная дужка (отдел 3, подотдел 3) оказалась слита с орнаментальной лунничной частью украшения. В образовании такой формы сказалось, видимо, слияние шумящих рясен с лунничной формой прежних украшений, колтов и височных колец.

Известны рясна с трехвершинной лунничной частью внизу кольца, сохраняющие четыре крестообразно снизанные жемчужные нити (обозначая этим преемственность от кубической формы), в качестве промежуточных деталей использованы бусина, бляшка в форме птицы, бусина; в качестве завершающей подвески – ромбическая бляшка (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 510).

У других рясен один край лунничной фигуры раздвоен (2, № 1–3), что позволяет провести конкретную параллель с височными кольцами с зооморфной лопастью или фигурным окончанием, имеющими довольно широкую датировку от XI до XIV в. (Голубева, 1961; Рис. 6, 4; Кирпичников, Овсянников, 1979. Рис. 2, 7; Захаров, 2004. С. 57). Иногда такая форма сопоставляется с рыбой (Уткин, 1970. С. 62). Различные формы лунничных колец по новгородским материалам датируются XIII–XIV вв. (Седова, 1981. С. 15. Рис. 2, 4, 6; 3, 5). Близкая оформлению

рясен XVI в. орнаментальная форма конца височного кольца с зооморфно-растительным окончанием встречена в кладе XV в. из с. Гавердово близ Рязани (Зубков, 1951. Рис. 52, 4). Таким образом, лунничная форма и другие детали, хорошо известные по предшествующим формам украшений, влились в облик рясен с длинными подвесками (2, № 1–3). Поэтому характеристику из духовной грамоты князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича можно отнести непосредственно к форме лунничных (вид II, тип II). У этих рясен только три жемчужные нити, или пряди, как они называются в описи, снизанные более сложно – объемными ромбами или кольцами.

Бляшки жемчужных нитей продолжают развитие домонгольских форм: ромбические, треугольные, лунничные, бусинные. Новыми на ряснах XVI в. являются зооморфные бляшки в форме птиц, известные и по серьгам данного времени.

Известны и другие формы плоскостных рясен на кольце (подотдел 1). Пара рясен с круглой плоской подвеской внизу завершается снизанной жемчужной лентой с плоскостной подвеской и тремя жемчужинами внизу (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 513). Другая пара рясен проще – две узкие ленточные жемчужные пряди закреплены на кольце, в трех местах разделены сферическими бусинами, завершены подвесками, похожими на монету (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 515). Эти рясна относятся к типу III – ленточных.

Другие две пары рясен имеют подвески треугольной и фигурной формы (подвески-«голубцы»), с двумя жемчужными нитями (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 514). Разнообразие форм рясен в Московской Руси было значительно богаче, но в целом проанализированный материал подтверждает их связь с домонгольским периодом и типологическую связь с формами височных колец и колтов.

Материал XVI в. дополняется отдельными археологическими находками – бусинами, которые могли быть промежуточными звеньями в подвесных цепях рясен (рис. 6). Следует оговориться, что такие бусины могли относиться и к серьгам, но все же больше вероятность сохранения бусины вместе с серьгой, отдельно же бусина могла оказаться скорее вследствие разрыва рясенной нити. Стекланная миндалевидная фиолетовая бусина происходит из раскопок во Владимире

⁷ Идентифицированы на фотографии в издании В. Т. Георгиевского (1927. С. 7. Табл. I; Табл. XXVI, рис. 1, № 509).

из слоя XV–XVI вв. (2, № 4). Она аналогична бусинам в цепях подвесок рясен из музейных материалов (2, № 1–3). Две стеклянные бусины такой же формы найдены в Москве в Зарядье в слое первой половины XVI в. (2, № 5).

Для XVII в. известны рясна, предназначенные для икон, вероятно, изначально входившие в их оклад. Эти рясна имели преимущественно плоскостные формы, их подвеска не выделялась величиной. Произошло общее упрощение состава подвески, промежуточные и концевые бляшки не выделяются.

Думается, какое-то время продолжалось бытование лунничных рясен (тип II), но иконные рясна отражают его деградацию, колты сильно уменьшились и практически незаметны, играют служебную роль крепления. Известны также рясна с округлой плоскостной миндалевидной подвеской (3, № 3). Основную декоративную роль играют жемчужные нити (3, № 1). Аналогично выглядят и рясна на свадебных киках XVII в. на рисунках А. Олсена (рис. 6, 3–5).

Можно выделить ленточные рясна (вид II, тип III), широкая жемчужная лента удобна для оклада иконы (3, № 2). Но, видимо, плоские ленточные рясна использовались в это время и в женском уборе – они, вероятно, показаны на портрете царицы Марии Ильиничны Милославской, второй супруги царя Алексея Михайловича, на иконе XVII в. «Кийский крест» Б. Султанова (ГИМ). Сохранились они и в русском народном костюме в виде плоских ленточных украшений в виде сетки по сторонам головы (Соснина, Шангина, 1998. С. 350). Рясна окончательно теряют характер шумящей подвески, становятся плотно прилегающей боковой частью головного убора.

Рясен нет в повседневных уборах женщин на рисунках к Альбому Мейерберга, нет их и на живописных женских портретах конца XVII в. – парсуне царевны Софьи в царском облачении (ГИМ)

и царицы Марфы Матвеевны (ГРМ; Жилина, 2016. Рис. 2, 4). В этих уборах использованы серьги. В XVI в. появились изображения кокошника (ЛЛС), они продолжают и в рисунках иностранных путешественников (Жилина, 2013. С. 165, 167. Рис. 4, 16–19; 7, 4–8). Распространение кокошника было одной из основных причин утверждения серег.

Таким образом, в Московской Руси произошло возвращение к традиционной, более древней форме кичкообразного головного убора и к соответствующим ему подвескам – ряснам (Жилина, 2003. С. 278, 279). Это можно рассмотреть как параллель с возвращением гривен. Все эти явления связаны со свадебным убором (Жилина, 2016. С. 209–216. Рис. 4, 5, 7, 8). Форма кубических рясен тяготеет к более раннему времени XIV – первой половине XVI в. Она показывает преемственность с предшествующим периодом, свидетельствует о том, что рясна еще сохраняют свою традиционную форму, не образуя какого-либо слияния с формой других украшений. И колты, и височные кольца в XIV–XV вв. продолжали свое существование, но уходили в прошлое. В XVI в. складывается лунничная форма рясен, показывающая слияние с прежними формами украшений, и, видимо, колты и височные кольца уже не существуют. В XVI в. рясна лидируют как основные парадные украшения женского головного убора. Выделены парадный и повседневный варианты убора с ряснами. Рясна в целом стали легче прежних подвесок по сторонам головы, но не потеряли общей длины и обильности декора, придаваемой подвесками из бусин, бляшек и жемчужных нитей.

Ко второй половине XVII в. ситуация изменилась. Из повседневного убора рясна, по-видимому, ушли, но сохранились в свадебном. Обетное подвешивание их к в качестве приклада к иконам является сферой их последнего применения. На Руси утвердилось ношение серег.

Приложение

Каталог рясен и их деталей

1. XIV–XV вв.

1. Подвески-рясна кубической формы с четырьмя цилиндрическими колонками по углам и овальными вставками в цилиндрических кастах по граням; к четырем углам снизу присоединены четыре жемчужные цепи, снизанные в нить и завершенные гранеными сужающимися подвесками; крепежная деталь – кольцо с отходящим вниз вертикальным стержнем.

Желтый металл, жемчуг, вставки с камнями.

2 экз. (пара); 30×30 мм; общая длина – 200 мм (размер указан приблизительно).

РИАМЗ, экспозиция; согласно музейной легенде, принадлежали одной из рязанских княгинь (фото Н. В. Жилиной).

Ориентировочно XIV в.

Подвеска: вид I, отдел 1, подраздел 4, тип IV; концевые бляшки-подвески – вид I, тип I.

2. Подвески-рясна для иконы плоскостные, квадратной формы, в центре закреплена овальная вставка в касте из вертикальной пластины в оправе из гофрированной ленты, по углам – четыре жемчужины на стержнях; от нижнего края отходят три подвесные цепочки из жемчуга, снизанные ромбами, между парами жемчужных ромбов – сканные ажурные бусины из симметричных относительно поперечного сечения петель, на окончаниях жемчужных нитей – ажурные плоские миндалевидные подвески, основой которых является ленточная пластина, а декор состоит из простых завитков; на центральной подвеске в верхнем промежутке закреплена бусина из стекла или алмадина; вместо одной нижней миндалевидной подвески закреплена ажурная бусина.

Золото, алмадины, жемчуг.

2 экз. (пара); 12×13 мм; общая длина – 90 мм (размер указан приблизительно).

ГММК. Благовещенский собор Московского Кремля, приклад иконы «Богоматерь Боголюбская» («Царский храм», 2003. С. 104. № 12).

Конец XIV – начало XV в.

Подвеска: вид II, (крепление, возможно, не первично), тип I; промежуточные бляшки-пронизки: вид I, тип IIб; концевые бляшки-подвески: вид II, тип VIII.

2. XVI в.

1. Подвески-рясна лунничной формы с одним раздвоенным концом, на жесткой дужке, украшенные орнаментом из завитков и колечек скани, двумя крупными жемчужинами и одной бирюзовой вставкой в центре в зубчатых кастах, между которыми расположены мелкие жемчужины; снизу три жемчужные цепочки, снизанные в виде объемных фигур с ромбическим сечением, с алмадиновыми бусинами и золотыми скаными бляшками в виде птичек в качестве промежуточных, с треугольными тисненными бляшками на концах с растительно-завитковым орнаментом.

Золото, серебро, жемчуг, бирюза, алмадины.

2 экз. (пара); Д – 52 мм; общая длина – 222 мм.

ГММК. Покровский монастырь в Суздале (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 512; «Русское серебро...», 1984. № 22; с. 215).

XVI в.

Подвеска: вид II, отдел 3, подотдел 3, тип II; промежуточные бляшки-пронизки: верхние – вид I, тип IIб; средние – вид II, тип X; концевые бляшки-подвески – вид II, тип IX.

2. Рясна лунничной формы с одним раздвоенным концом, на жесткой дужке, украшенные завитковым орнаментом и колечками скани, тремя крупными алмадиновыми вставками в зубчатых кастах, между которыми расположены две жемчужины; снизу три жемчужные цепочки, снизанные в виде колец с промежуточными скаными бляшками-пронизками в виде птичек и концевыми лунничными бляшками-подвесками с жемчужинами в центре и по концам лунницы.

Серебро, жемчуг, бирюза, алмадины, эмаль.

2 экз. (пара); Д – 50 мм; длина – 170 мм.

ГММК. Покровский монастырь в Суздале (Георгиевский, 1927. Табл. XXVI, рис. 1, № 511; «Русское серебро...», 1984. № 24; с. 216).

XVI в.

Подвеска: вид II, отдел 3, подотдел 3, тип II; промежуточные бляшки-пронизки: вид II, тип X; концевые бляшки-подвески – вид II, тип III.

3. Рясна лунничной формы с одним раздвоенным концом, на жесткой дужке, украшенные сканью, двумя крупными алмадиновыми вставками, между которыми расположена вставка из бирюзы в зубчатых кастах; между вставками – дугообразные пластины со сканью, поднятые над поверхностью; снизу три жемчужные цепочки, снизанные в виде объемных фигур с ромбическим сечением; на каждой – по три промежуточные пронизки-бляшки из бусин, концевая бляшка-подвеска в виде ребристой бусины с ромбическим сечением.

Серебро, жемчуг, стекло, камни; 2 экз. (пара).

Д – 40 мм; общая длина – 240 мм.

ГВСИАХМЗ. Покровский монастырь в Суздале («Русское прикладное искусство...», 1982. С. 206, 207. № 112).

XVI в.

Подвеска: вид II, отдел 3, подотдел 3, тип II; промежуточные бляшки-пронизки: вид I, тип IIб; концевые бляшки-подвески – вид I, тип IIб.

4. Бусина-пронизка, миндалевидной формы, фиолетовая.

Стекло; 1 экз.; 14×10 мм.

Владимир; пласт 5, кв. 90, № 101 (Седова, 1999а. № 22356. С. 20; 1999б. № 22357. Рис. 37, 3).

Ориентировочно XVI в., в слое керамика XV–XVI (XVII) вв.

Вид I, тип IIг.

5. Бусины-пронизки от рясен (?), найдены с ниткой бусин).

Стекло; 2 экз.; 22×17 мм (одна фрагментирована).

Москва, Зарядье, между Елецким и Ершовым пер.; участок 5, кв. 9, глубина -260/-280, № 8563 (Дубынин, 1954а. № 1061. С. 3, 7, 24, 33, 47, 50; 1954б. № 1061а. Л. 10об. (XVIII), рис. 10; л. 41об.).

Первая половина XVI в. (данный участок и глубина находятся несколько ниже сооружений 10 и 10а, относящихся к середине – второй половине XVI в., а эти сооружения в свою очередь – ниже водостоков XVII в.).

Вид I, тип IIв.

6. Рясно кубической формы, со сканью спирального орнамента, с колонками по четырем углам из спиральной филигрании; закреплена на кольце с помощью стержня с тремя нанизанными бусинами; внизу – жемчужные нити, снизанные крестообразно.

1 экз.; серебро (?), жемчуг; скань; 30×30 мм (размер указан приблизительно).

ГТГ (Георгиевский, 1927. Табл. I, XXVI, рис. 1, № 509; Якунина, 1955. С. 46, 73. Рис. 24; Жилина, 2003. Рис. 5, 5).

Принадлежали царице Анастасии Романовне (1532–1560 гг.).

XVI в.

Подвеска: вид I, отдел 2, подотдел 1а, тип IV; промежуточные бляшки-пронизки (по две на каждой жемчужной нити): вид II, тип X; концевые бляшки-подвески – вид II, тип IV.

3. XVII в.

1. Рясна на иконе «Богоматерь Взыграние Младенца»: к лунничной подвеске прикреплены две нити жемчуга, снизанного крестообразно.

Металл, жемчуг; 2 экз.; общая длина – примерно 150 мм.

ГММК. Москва, Симонов монастырь; икона по надписи принадлежала дяку Ивану Кирилловичу Грязеву (Мартынова, 2002. С. 72. № 41).

Конец 1620-х – начало 1630-х гг.

Подвеска: вид II, отдел 3, подотдел 3, тип II.

2. Рясна на иконе «Дмитрий Угличский»: к округлой подвеске (заслонена другими деталями оклада) присоединена лента из пяти рядов снизанного жемчуга, с тремя подвесками снизу, каждая – из двух жемчужин и центральных бусин.

Металл, жемчуг, стекло (?); 1 экз.; длина – около 100 мм.

ГММК. Москва (?), Архангельский собор Московского Кремля (Мартынова, 2002. С. 57. № 27).

Начало XVII в.

Подвеска: вид II, отдел и подотдел неопределимы, тип III; концевые подвески – вид I, тип IIб.

3. Рясна с иконы «Богоматерь Одигитрия»: к кольцу с отходящим вниз стержнем присоединена миндалевидная подвеска с тремя отходящими нитями из снизанных в один ряд жемчужин и бусин, завершенных колоколовидными филигранными подвесками из трех лопастей.

Золото, альмандины, жемчуг, стекло; 2 экз.; длина – 105 мм.

ГММК. Иконостас Благовещенского собора Московского Кремля («Царский храм», 2003. С. 126. № 23).

XVII в.

Подвеска: вид II, отдел 1, подотдел 4, тип IV; промежуточные бусины: вид I, тип II а, б, г, д; концевые подвески: вид I, тип III.

Литература

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 336 с.

Георгиевский В. Т., 1927. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука. 59 с. Приложение. 75 с.

Грицак Е. Н., 2006. Мир Рублева. М.: Терра – Книжный клуб. 192 с.

Дубынин А. Ф., 1954а. Отчет о работе Московской экспедиции за 1954 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 1061. Ч. 1.

Дубынин А. Ф., 1954б. Московская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье г. Москвы. Архив ИА РАН. Р-1. № 1061а.

Домострой по списку Общества истории и древностей Российских. М.: Катков, 1882. 203 с.

Голубева Л. А., 1961. Могильник X – середины XI в. на Белом озере//СА. 1961. № 1. С. 201–215.

Грицак Е. Н., 2006. Мир Рублева: ок. 1360/70–1427/30. М.: Терра – Книжный клуб. 192 с.

ДДГ. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 588 с.

Жилина Н. В., 1997. Древнерусские рясна//Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.: Русский мир. С. 197–214. (Материалы по археологии России; вып. 3).

Жилина Н. В., 2001. Русское и византийское искусство филигрании//КСИА. Вып. 211. С. 58–69.

Жилина Н. В., 2003. Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия//Русь

в XIII в.: Древности темного времени. М.: Наука. С. 278–289.

Жилина Н. В., 2010а. Убор из украшений в соотношении с костюмом//Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. С. 35–40.

Жилина Н. В., 2010б. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, Гриф и К. 260 с.

Жилина Н. В., 2010в. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв.//Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.: Нестор-История. С. 175–198.

Жилина Н. В., 2013. Русский женский головной убор XV–XVII вв.//Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–174.

Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS. 400 с.

Жилина Н. В., 2015. Реконструкция венца Владимира Святого на основании изображений на монетах//КСИА. Вып. 241. С. 263–274.

Жилина Н. В., 2016. Ожерелья в костюме Московской Руси (предварительный очерк)//АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 206–238.

Забелин И. Е., 2001. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. II. М.: Языки русской культуры. 793 с.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Зубков В. И., 1951. Гавердовский клад//КСИИМК. Вып. XLI. С. 138–141.

Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований//СА. 1979. № 3. С. 103–118.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 226 с.

Корзухина Г. Ф., 1974. К истории Среднего Поднепровья. Санкт-Петербург/Архив ИИМК. Ф. 77. № Р-134.

Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь: Таврия. С. 352–435; 586–705.

Кучкин В. А., Сумникова Т. А., 1996. Древнейшая редакция Сказания о Владимирской иконе Богоматери. Вступительная статья и предисловие//Чудотворная икона в Византии и древней Руси. М: Мартикс. С. 476–509.

Лукина Г. Н., 1990. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука. 180 с.

ЛЛС. Русская летописная история. Кн. 1. М.: Актеон, 2009а. 488 с.

ЛЛС. Русская летописная история. Кн. 3. М.: Актеон, 2009б. 522 с.

ЛЛС. Всемирная история. Кн. 1. 2010. М.: Актеон, 482 с.

Мартынова М. В., 2002. Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М.: ГММК. 303 с.

Маясова Н. А., 2004. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М.: Красная площадь. 496 с.

Моисеенко Е., Фалеева В., 1990. Бисер и стеклярус в России XVIII – начала XX века. Л.: Художник РСФСР. 256 с.

Молотова Л. Н., 1978. Шенкурские свадебные головные уборы//Русский народный свадебный обряд. Л.: Институт этнографии АН СССР. С. 220–232.

Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А. С. Суворин. 582 с.

Панова Т. Д., Синицына Н. П., 1987. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986 г. Л.: Наука. С. 338–342.

Полный церковно-славянский словарь/Сост.: протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2009. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. 1168 с.

Рабинович М. Г., 1986. Одежда русских XIII–XVII вв.//Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 63–111.

Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. 1994. Кн. 1, 2. СПб.: Глагол; М.: Искусство. 1994. 936 с.

Родинкова В. Е., 2003. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье//Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в ГИМ. Тез. конф. Ч. II. М.: ГИМ. С. 113–117.

Родинкова В. Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ)//Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.: ИА РАН, Гриф и К. С. 358–388. (Раннеславянский мир. Вып. 9.)

Русское прикладное искусство XVII – начала XX в. Из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М.: Владимиро-Суздальский музей, 1982. 280 с.

Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М.: Советская Россия, 1984. 250 с.

Сабурова М. А., 1997. Одежда // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–102.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука. 196 с.

Седова М. В., 1999а. Отчет об археологических исследованиях во Владимире по адресу: ул. Б. Нижегородская, д. 39 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22356.

Седова М. В., 1999б. Альбом к отчету об археологических исследованиях во Владимире по адресу: ул. Б. Нижегородская, д. 39 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22357.

Соснина Н., Шангина И., 1998. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство. 400 с.

Уткин П. И., 1970. Русские ювелирные украшения. М.: Легкая индустрия. 164 с.

Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М.: ГММК, 2003. 416 с.

Щеглова О. А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие // *Stratum plus*. № 5. С. 287–312.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука. 1987. 560 с.

Якунина Л. И., 1955. Русское шитье жемчугом. М.: Искусство. 159 с.

Zhilina N., 2016. Attire of the adornments: the main historical stages: natural, heavy metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. Vinus: Saulius Jokuzys Publishing-Printing House. P. 87.

N. V. Zhilina

Ryasna headwear pendants during the Muscovian Rus period

Summary

Ryasna are traditional Slavic pendants which were part of women's headwear decoration during the pre-Imperial period (i.e. prior to the period of Emperor Peter I). The design of ryasna pendants in Muscovian Rus shows some degree of inheritance from the pre-Mongolian period. In the 16th century ryasna pendants were the primary element in the decoration of female

headwear. There were delineated forms of everyday and ceremonial kinds of ryasna decoration. By the latter 17th century ryasna had fallen out of everyday use, but were still retained for ceremonies such as weddings. Using ryasna pendants as decorations for icons remained a sphere of their subsequent use.

А. В. Лазукин

Поселенческие памятники XII–XVI веков округа Звенигорода

Памятники поселенческого типа XII–XVI вв. Одинцовского р-на¹ и г. Звенигорода представлены городищами, селищами, церковными местами, производственными комплексами, историческим культурным слоем Звенигорода и Саввино-Сторожевского монастыря (рис. 1, Приложение). К началу 2015 г. на рассматриваемой территории зарегистрировано 126 памятников², из них средневековых городищ – 1, селищ древнерусского времени XI–XIII вв. – 16, позднесредневековых XIV–XVI вв. – 71, многослойных поселений с материалом от раннего железного века до позднего Средневековья – 39³ (см. Приложение). Среди этих памятников доминируют сельские поселения, часто небольшой площади, с культурным слоем незначительной мощности и немногочисленными находками. Подобные селища хорошо известны по археологическим материалам Москворецкого бассейна, проблемам их изучения посвящено значительное число публикаций (*Кренке*, 2000; 2003; 2004; 2008; *Чернов*, 2000; 2004; 2005; *Юшко*, 1991; 2005; и др.). Типология поселенческих памятников Московской земли достаточно полно разработана А. А. Юшко (1991. С. 5–10). Цель данной работы заключается в обзоре и характеристике наиболее типовых селищ дофеодального и феодального периодов Московской земли в округе Звенигорода.

Картографирование памятников XI – начала XVII в. округа Звенигорода дает представление о динамике ее заселения, темпах и степени освоения, преемственности населения в культурной и хозяйственной областях. В XI–XIII вв. в рассматриваемом регионе наиболее освоены были участ-

ки, тяготеющие к долине Москвы-реки и ее малых притоков. Но стратиграфия пойменных отложений не позволяет «видеть» памятники старше XVI в., поскольку значительная их часть перекрыта мощным слоем молодого аллювия. По этой причине селищ в пойме реки на рассматриваемой территории выявлено мало, значительно больше поселений прибрежно-овражного типа и расположенных на склонах водоразделов, надпойменных террасах или вершине коренного берега. При этом для памятников древнерусского времени отмечается их приуроченность к водотокам, что для селищ позднего Средневековья не является обязательным условием.

Одним из наиболее изученных участков микрорегиона является территория Дунинско-Поречьевского археологического комплекса, который представляет собой реликтовый культурный ландшафт, отражающий древнейший этап освоения человеком Подмосковья. Он расположен в лесном массиве на правом коренном берегу р. Москвы к западу от д. Дунино. Протяженность вдоль русла – около 2 км, общая площадь комплекса – более 35 га (рис. 1, 33–38, 87–91). Его основу составляют шесть памятников археологии раннего железного века – одно городище и пять селищ. Средневековые памятники представлены тремя селищами древнерусского времени (XI–XIII вв.) и двумя селищами развитого Средневековья (XIV – начала XVII в.). Кроме того, в состав комплекса входят три курганных могильника XI–XIII вв. и 25 объектов ландшафтной археологии. Два средневековых памятника комплекса расположены у самой подошвы коренного берега, на первой и второй

¹ До 1966 г. Звенигородского р-на.

² Из них только 46 имеют охранный статус и состоят на учете в госорганах.

³ В том числе и на местах бывших городищ.

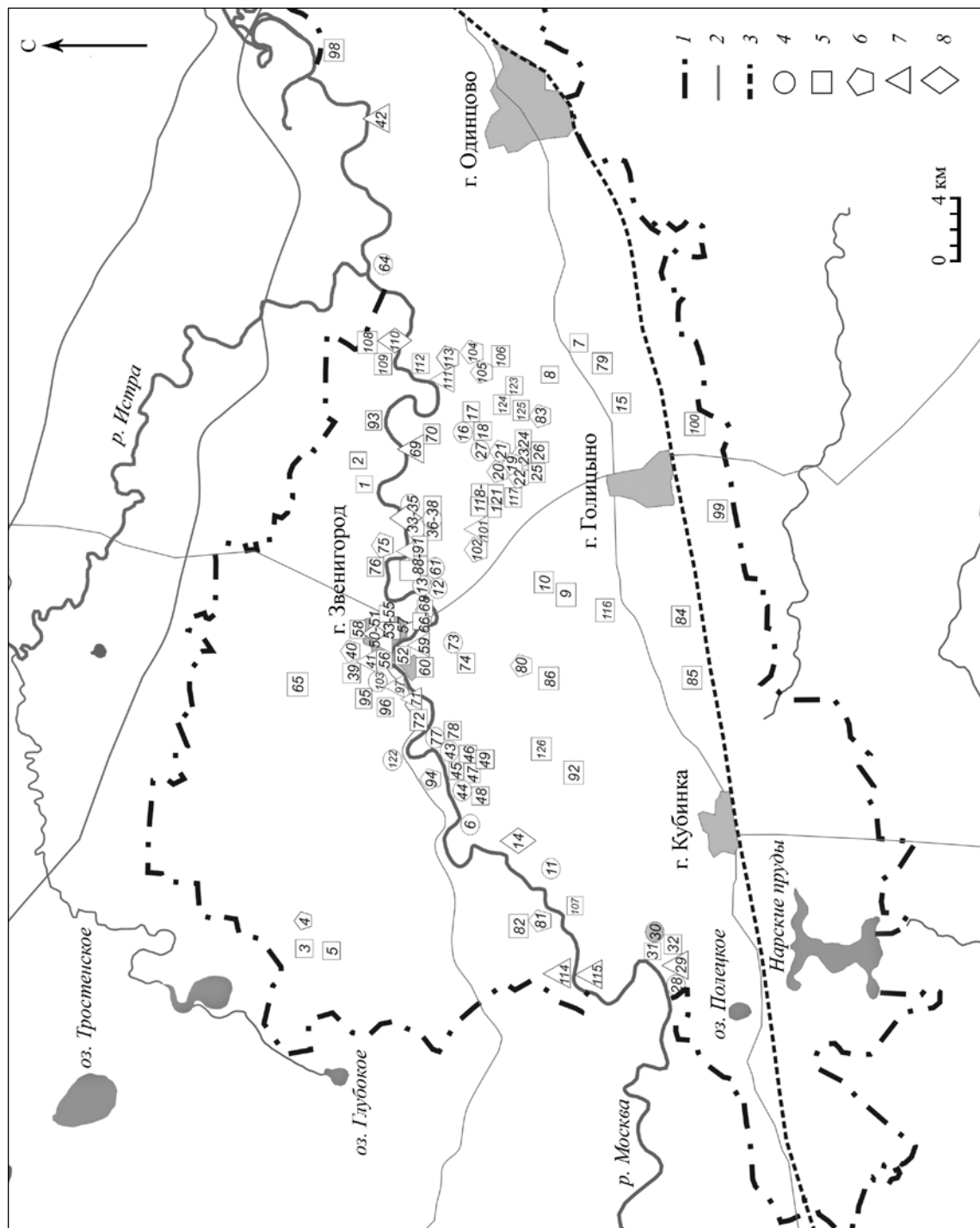

Рис. 1. Памятники поселенческого типа XII–XVI вв. округа Звенигорода. (Номера памятников соответствуют нумерации в Приложении 1)

1 – границы Одинцовского района; 2 – шоссе; 3 – железная дорога; 4 – поселения XI–XII вв.; 5 – поселения XIV–XVII вв.;

6 – поселения XI–XVII вв.; 7 – поселения РЖВ и XI–XIII вв.; 8 – поселения РЖВ и XIV–XVI вв.

надпойменных террасах, близ приустьевой части правого борта оврага (3-е Поречьевское селище и 2-й Поречьевский курганный могильник), три – на мысу коренного берега, рядом с оврагом (1-е и 2-е Поречьевские селища, 3-й Поречьевский курганный могильник), остальные занимают оползневые террасы (селища Дунино-7, Дунино-10) или находятся на вершине коренного берега, ближе к его мысовым уступам (селище Дунино-11, 1-й Поречьевский курганный могильник). Самым древним из них является 3-е Поречьевское селище (АКР, 1997. С. 247. № 26696), где обнаружена лепная керамика роменского типа, семилучевое височное кольцо, ранняя круговая керамика XI–XII вв. По данным Звенигородского музея, проводившего обследования памятника в 2001–2003 гг., на территории селища найдена и дьяковская керамика. Как уже отмечалось выше, селище расположено у подошвы правого коренного берега, на первой и второй надпойменных террасах, в устье оврага. Культурный слой в виде гумусированной супеси темно-серого цвета мощностью до 0,5 м выявлен на двух участках размерами 85×70 м (восточный) и 130×20–50 м (западный). Вероятно, первые славянские поселенцы заняли заброшенное селище или зону сельхозосвоения раннего железного века. В конце XII – начале XIII в. его жители перебираются на более высокий участок берега (1-е и 2-е Поречьевские селища), а на территории заброшенного селища появляется курганный некрополь (2-й Поречьевский курганный могильник) (АКР, 1994. С. 154. № 356). По мере его разрастания появляется необходимость в дополнительном месте погребения умерших, и таким новым кладбищем становятся 1-й (АКР, 1994. С. 153, 154. № 355) и 3-й (АКР, 1997. С. 248. № 2669в) Поречьевские курганные могильники. Они со временем также достигают больших размеров (более 80 насыпей суммарно) и начинают наступать на ближайшее к ним 1-е Поречьевское селище (АКР, 1994. С. 152, 153. № 350). На примере средневековых памятников Дунинско-Поречьевского комплекса видно, что древнерусские поселенцы заняли ту же экологическую нишу, что и их предшественники дьяковцы. Они основали поселение близко к реке, под пашню использовали, вероятно, обширные пойменные участки. Следующим их шагом стало освоение вершин коренного берега и прилегающей территории, сведение лесных массивов под новые угодья.

Значительное число средневековых памятников, в той или иной степени концентрации, «разбросано» на обследованной территории, при этом на многих участках отмечается их сравнительно высокая плотность.

Одним из наиболее характерных памятников древнерусского времени является селище Горышкино-10⁴ (рис. 1, 27). Оно расположено на правом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки (правый приток Москвы-реки), в 0,85 км к ССЗ от северной окраины д. Горышкино, в 0,96 км к ЗЮЗ от южной окраины пос. Горки-10. Высота над урезом воды в ручье – 10 м, расстояние до русла – 7–10 м. Поверхность селища плавно понижается в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях (в сторону ручья и реки). Культурный слой – слабогумусированная светло-серая супесь с включениями керамики, пещины и отдельных находок, фиксируется вдоль берега ручья в виде пятна овальной в плане формы. Его размеры – 80–85×40–50 м, мощность слоя – 0,1–0,2 м. На бровке берега в северо-восточной части поселения, где была проведена зачистка осыпи, слой более насыщен гумусом и имел темно-серый, почти черный цвет. В нем фиксировались редкие включения угля и мелкие куски пещины. Этот слой подстилала бурая супесь, плавно переходившая в плотную супесь светло-бурого цвета – материк.

Находки. Массовый материал: керамика древнерусская круговая красноглиняная (98 фр-тов) и белоглиняная (28 фр-тов) с линейным и линейно-тычковым орнаментом, всего 126 фрагментов. Глиняное тесто с примесью дресвы, крупного песка и органических включений. Обжиг окислительный полный или неполный. На периферии поселения и на ближайшей к нему территории с юго-восточной, южной и юго-западной сторон найдены обломки поздне-средневековой керамики качественного обжига, из светложелтых глиен с включениями мелких кварцитов, дающих «сахаристую» поверхность, без декора, всего шесть небольших обломков. Такую керамику В. Ю. Коваль называет керамикой вяземского типа и датирует ее первой половиной – серединой XVI в. (Коваль, 2010. С. 196–200). Она, вероятно, маркирует территорию сельскохозяйственного освоения в более поздний период. *Индивидуальные находки* собраны на поверхности памятника в ходе площадных сборов, всего 33 целых предмета или фрагментов из черного или цветного металлов. К категории ювелирных украшений относятся ромбовидная подвеска

⁴ Памятник выявлен Н. А. Кренке и А. В. Лазукиным летом 2010 г.

с вписанным в центр прорезным косым крестом и шариками на концах, фрагменты семилопастных височных колец V и VI типов (по Т. В. Равдиной), два рубчатых перстня, обломок решетчатого перстня, подвеска грушевидной формы с щелевидной прорезью и литое звено от цепочки S-образной формы. К элементам костюма относится небольшая поясная пряжка из бронзы, у которой отсутствует язычок, а к категории предметов бытового и хозяйственного назначения относился дисковидный свинцовый грузик. Изделия из черного металла: целые и фрагментированные ножи, обломки лезвия серпа или косы, крупный и малый рыболовные крючки, два небольших наконечника стрел ромбического сечения с шаровидным упором, конские удила, так называемый ледоходный шип и группа предметов непонятного назначения. К элементам конской упряжи можно отнести три железные пряжки различного размера и формы. Датировка памятника на основании массового материала и индивидуальных находок – XII–XIII вв. Основная масса ювелирных украшений памятника находит аналогии среди древностей московского бассейна, которые связываются с вятическим населением края, а находки специализированных орудий труда дают представление о его основных хозяйственных занятиях и промыслах – земледелии, рыболовстве, охоте.

В 100 м к ЮЗ от селища расположена синхронная ему курганный группа Горышкино-12, состоящая из 15 насыпей высотой до 2,0–2,3 м и диаметром до 15–18 м, с полукольцевыми или кольцевыми околочурганскими ровиками. В профиле охотничьей ямы на склоне одного из крайних курганов, в его нижней части, зафиксирован погребенный пахотный горизонт мощностью около 10 см. Это слой темно-серой гумусированной супеси с характерной ровной границей в основании. Таким образом, можно говорить о возведении части курганов группы на заброшенном пахотном поле. Планировочную структуру всего комплекса (селище на берегу водотока, кладбище на вершине водораздела и, вероятно, пахотное поле между ними) следует рассматривать как наиболее характерную и типовую модель обустройства жилых и хозяйственных зон на местной территории в XII–XIII вв.

Следующий типовой поселенческий памятник, но с более широкой датировкой – селище Горки-10⁵ (рис. 1, 17). Расположено в 0,4 км к ЮЗ от южной окраины пос. Горки-10, на левом бере-

гу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки (правый приток Москвы-реки), в 0,15 км к СЗ от его русла – левый берег сухого оврага, выходящего в пойму безымянного ручья на склоне водораздела. Расстояние до русла Вязёмки – 0,2 км. Высота над урезом воды в ручье – 8–10 м. Поверхность селища плавно понижается в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях (в сторону оврага, ручья и реки). Культурный слой представляет собой однородную слабо гумусированную темно-серую супесь с включениями керамики, пещины и отдельных находок. Мощность слоя – 0,10–0,15 м. Слой темно-серой супеси подстилает светло-бурая супесь – материк. Размер памятника – 50×30 м, вероятно, это небольшое поселение-малодворка. Культурный слой памятника значительно перемешан в ходе плантажной распашки в 2009–2010 гг., через центральную часть селища проложен противопожарный ров шириной 0,6 м и глубиной 0,3–0,4 м. Поверхность частично задернована, на ней начинается восстанавливаться подлесок.

Находки: керамика древнерусская круговая красноглиняная (7 обломков) и белоглиняная (20 обломков) с линейным и штампованным орнаментом. Глиняное тесто с примесью дресвы, песка и органических включений. Обжиг полный или частично окислительный, печной или горновой. Более поздняя керамика представлена фрагментами чернолощеной (2 экз.) и мореной (3 экз.) посуды. Один фрагмент чернолощеной керамики является обломком верхней части цветочного горшка XIX в. Всего обнаружено 32 керамических фрагмента. *Индивидуальные находки:* медная рамочная пряжка прямоугольной формы с рельефным декором на лицевой поверхности; железный кованый стержень прямоугольного сечения с заостренным концом (возможно, зуб бороны); деформированный нож с черешковой рукояткой и еще один кованый стержень с плоским концом. Скрамность собранной коллекции косвенно свидетельствует о низком социальном статусе и бедности обитателей этого селища. Датировка памятника на основании находок – XII–XIII, XIV–XVI вв. В 0,19 км к ССЗ от селища, на вершине водораздела, в лесу, находится курганный группа Горки-10-1⁶. Она состоит из пяти полусферических насыпей высотой 1,5–2,3 м и диаметром до 15–18 м, с кольцевыми и полукольцевыми ровиками в их основании. Учитывая близость расположения курганов и селища, можно рассматривать их в качестве единого

⁵ Впервые памятник выявлен и осмотрен автором летом 2011 г., в 2014 г. обследование селища было продолжено.

⁶ До 2006 г. цифровое обозначение в названии поселка обозначалось латинской цифрой – Горки-X.

поселенческого комплекса. Это типовое малодворное поселение пережило монголо-татарское вторжение и продолжало функционировать и в позднем Средневековье.

Еще один характерный поселенческий памятник микрорегиона – селище Андреевское 3 (Козлово). Расположено в 3,0 км к ЮЗ от с. Андреевское, в 3,2 км к З от д. Горбуново, в лесу. В 2,5 км к З от памятника находится окраина оз. Глубокого, его самая южная точка (рис. 1, 5). Селище занимает вершину водораздела и его восточный склон, высота – 220 м над уровнем Балтики. К настоящему времени вся площадь памятника заросла лесом и кустарником. По северо-восточной окраине селища проходит старая трасса дороги Андреевское – Терехово, которая делает резкий поворот на ЮЗ, пересекает центральную часть памятника и далее следует в восточном направлении. Рядом с поворотом дороги на ЮЗ находится большой искусственный пруд с обваловкой, заросший травой и осокой. В летнее время он почти полностью пересыхает, но ранней весной пруд довольно полноводен, и вода в нем держится очень долго. Он имеет прямоугольную в плане форму с округлыми углами, ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Длина его – более 35 м, ширина – 30 м. Общая площадь селища превышает 1000 кв.м. В центральной части памятника зафиксировано скопление ям (более 15) различных размеров и глубины. Самая большая из них (№ 1) находится к С от основного скопления, ее глубина достигает 3,0 м. В юго-западной части селища отмечены две углежогные ямы, а к С от них слабо просматривается трасса еще одной неширокой дороги. Она тянется в направлении с ЮЗ на СВ. Культурный слой в виде серо-бурой и темно-серой гумусированной супеси прослежен в кротовинах, в бортах ям и среди корневой системы поваленных деревьев. В отдельных местах в супеси отмечены включения дисперсного угля и пачины. Мощность слоя – не менее 0,2 м. Подъемный материал представлен мелкими фрагментами красноглиняной и белой керамики, обломками кирпича и известнякового камня (один из них со следами обработки). Среди вещевых находок имеется целая серия кузнечных изделий из черного металла – детали цилиндрических замков и ключи, ножи, скобель, сошник, полица, предметы конской упряжи и снаряжения, фрагменты цепи, дверной пробой и др. Коллекция предметов из цветного металла включает в себя два крупных наперсных

креста с округлыми медальонами на концах, причем в ушке одного из них сохранился фрагмент шнура, бронзовый перстень со вставкой (не сохранилась) и свинцовую крышку флакона. Датировка большинства предметов из этой части коллекции укладывается в хронологические рамки от XIV в. до начала XVII в. Часть индивидуальных находок относится к более позднему времени и советскому периоду. Это медная монета регулярного чека XVIII в., 20-копеечная монета 1930-х гг., винтовочные гильзы и пули, осколки снарядов, чугунная «рубашка» гранаты РГД-33. Старожилы из Андреевского считают это место бывшей деревней Козлово, жителей которой насильно переселил Иван Грозный. В приправочном списке с писцовых книг 1558–1560 гг. действительно упоминается деревня с таким названием, которая по размеру своих угодий среди поселений округа Андреевского была, так сказать, среднестатистической: «Пашни сто тринадцать чети в поле, а в дву по тому ж, земля середняя. Сена восемьдесят пять копен, рощи десять чети, кустарю пашенного две чети, а непашенного три четверти...» («Материалы...», 1992. С. 71). Во второй половине XIX – начале XX в. в урочище Козлово находились углежогные ямы, которые продолжали функционировать до самой войны. Их остатки удалось обнаружить (см. выше), рядом с ними стояли жилой дом, хлев, погреб, сарай. Последний насельник, по сведениям старожилов, покинул это место с семьей в 1942 г., после чего жизнь тут заглохла окончательно. Вероятно, именно к этому заключительному этапу поселения относятся остатки жилых и хозяйственных построек в его центральной части (ямы 12–16) с большим количеством обломков кирпича и глины. Это селище позднего Средневековья относится к типу поселений на холмах, на вершине водораздела, вдали от водотоков. Источниками воды выступают большой искусственный пруд и, возможно, колодец.

Следующий памятник – селище Григорово-5⁷ (рис. 1, 32). Он не является типовым, в ходе археологических обследований последних лет аналогичные ему поселения удалось изучить, но их пока немного. Памятник расположен в 1,36 км к В от д. Григорово, в 1,5 км к З от пос. санатория им. Герцена, рядом с бывшим пионерлагерем «Голубые дачи», в 0,03 км к СЗ от СВ угла участка; на правом коренном берегу р. Москвы, на мысу между двумя оврагами; высота над рекой – 20–22 м. Площадка подтреугольная в плане,

⁷ Памятник выявлен автором летом 2015 г.

Таблица 1. Реконструируемые керамические сосуды из ямы № 1.

Типы керамики	Количество
Горшки красноглиняные	9
Кувшин красноглиняный	1
Миска красноглиняная с ангобом	1
Горшок красноглиняный с ангобом	1
Кувшины краснолощенные (сплошь и сеткой)	2
Кувшины краснолощенные (полосами)	3
Кувшин белоглиняный	1
Горшки белоглиняные грубые (с дресвой)	2
Горшки белоглиняные грубые (с песком)	6
Горшок чернолощенный	1
Миска чернолощенная	1
Всего	28

обращена вершиной на С; поверхность выположенная, в северной и западной частях незначительно понижается; территория заросла лесом, покрыта деревьями лиственных и хвойных пород (липа, сосна), на южной периферии памятника растет кустарник, поверхность задернована. В южной и западной частях селища зафиксированы две ямы, вероятно, остатки жилых или хозяйственных сооружений. Яма № 1 имеет прямоугольную форму, размер 2,6×2,5×0,8–1,0 м, ориентирована длинной стороной по оси СЗ–ЮВ. Она была раскопана неустановленными лицами, ее заполнение частично выбрано на глубину до метра. Стратиграфия заполнения прослежена в северном профиле ямы. Верхний слой, мощностью до 0,4–0,45 м, сложен супесью серого цвета. Ниже шла прослойка темно-серой, почти черной супеси с включениями угольков (горелый слой) толщиной 5–7 см. Ее подстилает грязно-желтый песок, в котором отмечены крупные фрагменты керамики, мощность его доходит до 25–30 см. Ниже зафиксирован чистый материковый песок светло-желтого цвета. В отвалах грунта и рядом зафиксированы крупные (диаметром до 15–18 см) валунные камни, часть из них расколота, а также большое количество керамики. Яма № 2 расположена в 12–13 м к В от ямы 1; имеет овальную форму, ее размер – 3,0×2,8 м, глубина – до метра. В 10 м к ЮВ от ямы № 1 и в 10 м к ЮЗ от ямы № 2 видна канавка длиной 8 м и шириной метр при глубине 0,6–0,8 м. Она вытянута с З на В, на восточной стороне заканчивается круглой ямой диаметром 1,3 м и глубиной до метра. Она очень напоминает межевые канавы XVIII в. В северной части памятника имеется еще одна небольшая яма округлой формы, глубиной до 0,2 м. Культурный

слой в виде супеси темно-серого и серого цвета с редкими включениями мелких угольков, пещины и круговой керамики зафиксирован в заполнении ямы № 1 и на восточном склоне оврага к З от селища. На верхней площадке, в т. ч. и возле ям, он не прослежен. Мощность слоя на склоне незначительна, всего 5–10 см. Подобная ситуация, когда культурный слой сползает на склон, зафиксирована на ряде более ранних памятников бассейна Москвы-реки, в т. ч. и в окрестностях Звенигорода. Как, например, на расположенном в 1,5 км ниже по течению реки городище РЖВ Григорово, где слой отсутствует, или на Дютьковском городище на р. Сторожке, где слой сохранился только у его подошвы с северной стороны. Смещение культурного слоя на склоны связано, вероятно, с эрозийными процессами.

В ходе площадных сборов подъемного материала удалось обнаружить обломок железного ножа, железное кольцо и фрагмент кованого гвоздя. Нож с прямой спинкой, рукоятка пластинчатая, торец слегка закруглен, на поверхности имеются сквозные отверстия для фиксации накладок (не сохранились). Подобные ножи характерны для позднего Средневековья, среди них встречаются и импортные изделия, часто клейменные (*Кренке*, 2009. С. 340. Рис. 94, 4–15). Железное кольцо изготовлено из круглой в сечении проволоки, диаметр его – 45 мм. Подобные крупные кольца могли использовать в качестве соединительных элементов ременной конской упряжи или окончаний цепей. Встречаются такие кольца и в дверных проемах, датировка широкая. Железные гвозди квадратного или прямоугольного сечения с граненой шляпкой встречаются в слоях с домонгольского

времени. Сельские кузнецы ковали их вплоть до конца XIX – начала XX в. Из заполнения ямы № 1 происходят находки остеологических материалов: это обломки и целые экземпляры крупных костей (лопатка, позвонок), клыков, зубов, часть из них коровьи. Из ямы, вероятно, происходила железная сковорода округлой формы. Ее бортики невысокие, до 20 мм, стенки тонкие (2–3 мм), прямые, отогнуты наружу. Смушает небольшая толщина металла изделия, что сближает изделие с более поздней продукцией. Но контекст находки позволяет датировать ее не позже начала XVII в.

Керамическая коллекция из ямы № 1 представлена обломками круговой посуды из красно- и светложгущихся глин, всего 273 обломков, не менее чем от 28 сосудов (табл. 1)

Доминирует красноглиняная гладкая керамика с добавками мелкого песка в формовочной массе (106 фрагментов). Их венчики имеют характерную профилировку, с подтреугольным краем, шейки короткие, плечики выпуклые, тулово коническое. По плечу проходит горизонтальный линейный орнамент, два-три ряда, линии прочерчены тонкой палочкой. Такую керамику Р. Л. Розенфельдт датировал XIV–XV вв. (Розенфельдт, 1968. С. 12). Другую многочисленную группу красноглиняной керамики составляют обломки лощеной посуды (71 обломков). В глиняном тесте с трудом фиксируется мелкий песок, оно тщательно промешано и отличается высоким качеством обжига. У 10 фрагментов лощение нанесено по всей внешней поверхности, 7 покрыты косой сеткой лощения, 54 – с линейным декором на горловине. Краснолощеную посуду составляют кувшины с ручкой, часто высоких (вытянутых) пропорций. На дне одного кувшина видны отпечатки структуры древесины от подставки. Горловина и плечики одного тонкостенного кувшина покрыты плотным линейным орнаментом (рифлением), глиняное тесто чистое, без видимых примесей, обжиг горновой, качественный. Такую керамику предложено называть можайской, датировка ее укладывается в середину – вторую половину XVI в. (Коваль, 2010. С. 200–202). Среди красноглиняной керамики есть пять обломков с ангобом – от горшка и миски. Ангоб нанесен сплошь по внешней поверхности сосудов. Белоглиняную керамику представляют обломки горшков и кувшинов, всего 72 фрагмента. Из них у 10 в формовочной массе помимо песка отмечены редкие кварциты (дресва с острыми гранями). Поверхности таких обломков шероховатые, неровные, выглядят грубо. Верх венчика отогнут наружу, имеет

заостренное утолщение. Белоглиняная грубая керамика характерна для керамических комплексов ряда подмосковных памятников второй половины XV – первой половины XVI в., а в целом она получила широкое распространение в XVI в. (Чернов, 1991. С. 51, 52). Эта керамика сильно отличается от более поздней белоглиняной гладкой посуды XVII в. В глиняном тесте остальных образцов дресва отсутствует, добавлен только мелкий песок. Они более гладкие и ровные с обеих сторон. Обломков чернолощеной посуды встречено 17 шт., среди них полные профили небольшого горшка и глубокой миски с высокими стенками. Большинство исследователей соглашаются с тем, что чернолощенная керамика появляется в Москве в XVI в., в некоторых случаях отмечается ее появление в начале XVI в. По мнению Р. Л. Розенфельдта, керамический материал из раскопок 1954–1957 гг. в Зарядье свидетельствует, что керамика эта есть и в горизонтах второй половины XV в. (Розенфельдт, 1968. С. 28).

Столовая посуда высокого качества, продукция городских гончаров, на рядовых сельских поселениях округа Звенигорода встречается редко. Вероятно, ее присутствие на территории селища Григорово-5 связано с высоким статусом его владельца. Датировка памятника – конец XIV – начало XVII в.

Выводы

- Древнейшие поселения (XI–XIII вв.) тяготеют к берегам крупных рек и притоков, часто находятся на бровке высокого (коренного) берега.
- Поселения более позднего времени (XIV–XVI вв.) расположены как вблизи водотоков, так и на водоразделах. Часто они устраивались на территории более ранних памятников.
- В обеих хронологических группах доминируют селища небольшой площади, с культурным слоем незначительной мощности.
- Значительная часть поселений выделяется скудностью вещевого материала и ограниченным набором керамики. Это наблюдение применимо как к селищам XI–XIII вв., так и к памятникам XIV–XVI вв.
- Отдельные категории находок позволяют говорить о статусе поселений (владельческое место или усадьба, крестьянское хозяйство, церковное место и т. д.).
- Плотность поселений XI–XVI вв. в целом достаточно высока, что говорит о значительной степени освоенности округа Звенигорода в рассматриваемый период.

Приложение

Перечень средневековых поселенческих памятников Звенигорода и его округи

№ п/п	Название	Датировка	Статус	Примечание
1	Аксиньино. Селище 1	XV–XVIII вв.		
2	Аксиньино. Селище 3	XIV–XVII вв.		
3	Андреевское. Селище 1	XIV–XVIII вв.	АКР, 1994. № 303	
4	Андреевское. Селище 2	XII–XVIII вв.	АКР, 1994. № 304	«Дмитровский погост»
5	Андреевское. Селище 3	XIV–XVII вв.		Урочище Козлово
6	Аниково. Селище	XI–XIII вв.		
7	Бол. Вязёмы. Селище 1	XIV–XVII вв.		
8	Бол. Вязёмы. Селище 2	XIV–XVII вв.		
9	Брёхово. Селище 1	XIV–XVII вв.		
10	Брёхово. Селище 2	XIV–XVII вв.		
11	Бушарино. Селище	XII–XIII вв.		
12	Введенское. Селище 1	XII–XIV вв.		
13	Введенское. Селище 2	XII–XIV вв.		
14	Власово. Селище	РЖВ; XV–XVII вв.		
15	Голицыно. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
16	Горки-Х. Селище 1	XII–XIII вв.		
17	Горки-10. Селище 2	XIV–XVI вв.		
18	Горышкино. Селище 1	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 316	
19	Горышкино. Селище 2	XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 317	
20	Горышкино. Селище 3	XII–XVII вв.		
21	Горышкино. Селище 4	XII–XIV вв.		
22	Горышкино. Селище 5	XII–XIV вв.		
23	Горышкино. Селище 6	XII–XIV вв.		
24	Горышкино. Селище 7	XIII–XV вв.		
25	Горышкино. Селище 8	XIV–XVIII вв.		
26	Горышкино. Селище 9	XIV–XVII вв.		
27	Горышкино. Селище 10	XI–XIII вв.		
28	Григорово. Селище 1	XI–XIII вв.	АКР, 1994. № 324	
29	Григорово. Селище 2	РЖВ; XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 325	
30	Григорово. Селище 3	РЖВ,		Санаторий им. Герцена
31	Григорово. Селище 4	XIV–XVI вв.		Санаторий им. Герцена
32	Григорово. Селище 5	XIV–XVI вв.		Санаторий им. Герцена
33	Дунино. Селище 1	XI–XIII вв.	АКР, 1994. № 332. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
34	Дунино. Селище 2	РЖВ; XIV–XVI вв.	АКР, 1994. № 333. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
35	Дунино. Селище 7	XII–XIII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 12.11.2004 № 263-р	
36	Дунино. Селище 10	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 12.11.2004 № 263-р	
37	Дунино. Селище 11	XII–XIII вв.		
38	Дунино. Селище 12	XV–XVII вв.		
39	Дютково. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
40	Дютково. Селище 2	XI–XIV вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
41	Дютково. Селище 3	РЖВ, XI–XIII, XIV–XVI вв.		Урочище Олимп

№ п/п	Название	Датировка	Статус	Примечание
42	Жуковка. Селище	РЖВ. X–XIII	АКР, 1994. № 337	
43	ЗБС. Селище 1	XIII–XIV вв.		Биостанция МГУ
44	ЗБС. Селище 2	XIII–XIV вв.		
45	ЗБС. Селище 3	XIII–XIV вв.		
46	ЗБС. Селище 4	Бронзовый век, РЖВ, XI–XIII вв., XIV–XVI вв.		
47	ЗБС. Селище 5	Неолит, бронза, XV–XVI вв.		
48	ЗБС. Селище 6	XIII–XVI вв.		На Милеевском овраге
49	ЗБС. Селище	XIV–XVI вв.		
50	Звенигород. Городище «Городок»	РЖВ, XII–XV вв.	АКР, 1994. № 345. Федеральный. Постановление СМ РСФСР от 30.08.1960 № 1327	
51	Звенигород. Городище «Городок». Земляные валы	XIV–XV вв.	АКР, 1994. № 345. Федеральный. Постановление СМ РСФСР от 30.08.1960 № 1327	
52	Звенигород. Культурный слой Верхнего посада	XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 345. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
53	Звенигород. Культурный слой Западного посада	XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 345. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
54	Звенигород. Культурный слой Нижнего посада	XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 345. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
55	Звенигород. Культурный слой Супоневского посада	XII–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
56	Звенигород. Культурный слой поселения «Служилая слобода»	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
57	Звенигород. Поселение «Старая Стрелецкая слобода»	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
58	Звенигород. Селище Дубацинское (Ильинское)	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
59	Звенигород. Селище 1	РЖВ. XI–XIII вв.	АКР, 1994. № 347	Урочище Колтарево
60	Звенигород. Селище 2	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 348	Пансионат «Солнечный»
61	Звенигород. Селище 4	XI–XIII вв.	АКР, 1994. № 350	Санаторий «Поречье»
62	Звенигород. Кирпичный завод 1	XVII в.	АКР, 1994. № 357. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
63	Звенигород. Кирпичный завод 2	XVII в.	АКР, 1994. № 358. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
64	Знаменское. Селище 1	XI–XIII вв.	АКР, 1994. № 360. Распоряжение Министерства культуры МО от 21.04.05 № 117-р	
65	Ивашково. Селище 1	XIV–XVII вв.		
66	Игнатьево. Селище 1	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 361. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
67	Игнатьево. Селище 2	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
68	Игнатьево. Селище 3	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	

№ п/п	Название	Датировка	Статус	Примечание
69	Иславское. Селище 1	РЖВ, XI–XVII вв.	АКР, 1994. № 362. Федеральный. Постановление СМ РСФСР от 30.08.1960 № 1327, Указ Президента РФ от 20.02.1995 № 176	
70	Иславское. Селище 2 (производственный комплекс?)	XV–XVII вв.		
71	Каринское. Селище 1	РЖВ, XII–XIII вв.		АКР, 1994. № 365
72	Каринское. Селище 2	XIV–XVII вв.		АКР, 1994. № 366
73	Клопово. Селище 1	XI–XIII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
74	Клопово. Селище 2	XIV–XVI вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
75	Козино. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
76	Козино. Производственный комплекс.	XVII в.		
77	Луцино. Селище 1	XI–XIII вв.		
78	Луцино. Селище 2	XIV–XVII вв.	Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 20.07.2001 № 232	
79	Малые Вязёмы. Селище	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 380	
80	Мартьяново. Селище	XI–XVI вв.		
81	Михайловское. Селище 1.	XII–XVII вв.	АКР, 1994. № 382	
82	Михайловское. Селище 2.	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 383	
83	Назарьево. Селище	XI–XVII вв.	АКР, 1994. № 385	
84	Петелино. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
85	Подлипки. Селище 1	XV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
86	Покровское. Селище 1	XIV–XVIII вв.		«Покровский погост»
87	Поречье. Селище		Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
88	Поречье. Селище 1	XIV–XVI вв.	Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
89	Поречье. Селище 2	XI–XVII вв.	АКР, 1997. № 2669а. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
90	Поречье. Селище 3	РЖВ, XI–XII вв.	АКР, 1997. № 2669б. Приказ Комитета по культуре МО от 06.05.2002 № 146	
91	Поречье. Селище 4	XVI–XVIII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
92	Пронское. Селище 1	XV–XVIII вв.		
93	РАНИС. Селище	РЖВ, XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 390	«Никола на песку»
94	Рыбушкино. Селище	XII–XVII вв.		
95	Саввино-Сторожевский монастырь. Культурный слой	XV–XVII вв.	АКР, 1994. № 346. Распоряжение Министерства культуры МО от 13.07.2005 № 238-р	
96	Саввинская Слобода. Селище 1	XIV–XVII вв.		

№ п/п	Название	Датировка	Статус	Примечание
97	Саввинская Слобода. Селище 2	РЖВ, X–XIII вв.	АКР, 1997. № 2671. Приказ Комитета по культуре МО от 20.07.2001 № 232	
98	Серебряные ручьи. Селище 1		Выявленный. Приказ Министерства культуры МО от 19.03.2003 № 141	
99	Сивково. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
100	Сидоровское. Селище	XIV–XVII вв.		
101	Скоротово. Селище 1	РЖВ, XII–XIV вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
102	Скоротово. Селище 2	XII–XIV вв.		
103	Скит прп. Саввы. Селище	XI–XIII вв.		
104	Таганьково. Селище 1	XIII–XVII вв.	Выявленный. Приказ Министерства культуры МО от 10.06.2003 № 346	
105	Таганьково. Селище 2	XII–XV вв.	Выявленный. Приказ Министерства культуры МО от 10.06.2003 № 346	
106	Таганьково. Селище 3	XV–XVIII вв.		
107	Троицкое. Селище	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 400.	
108	Уборы. Производственный комплекс	XVII в.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 21.04.05 № 117-р	
109	Уборы. Селище 2	XIV–XVII вв.		
110	Уборы. Селище 3	РЖВ, XVI–XVIII вв.		
111	Успенское. Городище	РЖВ, XII–XVII вв.		
112	Успенское. Селище 1	XIV–XVII вв.	АКР, 1994. № 404	
113	Успенское. Селище 2	РЖВ, XI–XVII вв.	АКР, 1994. № 405	
114	Хотяжи. Селище 1	Неолит, РЖВ, X–XVII вв.	Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 20.07.2001 № 232	
115	Хотяжи. Селище 2	РЖВ, X–XVI вв.	Выявленный. Приказ Комитета по культуре МО от 20.07.2001 № 232	
116	Часцы. Селище 1	XIV–XVII вв.		
117	Чигасово. Селище 1	XIV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
118	Чигасово. Селище 2	XV–XVII вв.		
119	Чигасово. Селище 3	XV–XVII вв.		
120	Чигасово. Селище 4	XV–XVII вв.		
121	Чигасово. Селище 5	XV–XVII вв.	Выявленный. Распоряжение Министерства культуры МО от 24.04.2006 № 195	
122	Ягунино. Селище	XII–XIII вв.		
123	Ямщина. Селище 1	XV–XVI вв.		
124	Ямщина. Селище 2	XV–XVI вв.		
125	Ямщина. Селище 3	XV–XVII вв.		
126	Ястребки. Селище	XIV–XVI вв.		«Носов погост»

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1994. 320 с.
- АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 350 с.
- Коваль В. Ю., 2010. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья//АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–205.
- Кренке Н. А., 2000. Сельская округа Москвы в XII–XIII вв.//Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.: ИА РАН. С. 58–59.
- Кренке Н. А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках//Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 151–167.
- Кренке Н. А., 2004. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. (по данным исследования парка «Царицыно»)// Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М.: Наука. Т. 1. С. 77–125.
- Кренке Н. А., 2008. Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.: ИА РАН. 364 с.
- Кренке Н. А., Чернов С. З., 1997. Древности Московской земли//История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1: XII–XVIII века. М.: Наука. С. 6–15.
- Лазукин А. В., 2005. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2004 году/Архив ИА РАН. Р-1. № 31597. С. 5–7.
- Материалы для истории Звенигородского края, 1992. Вып. 1. М.: Археографический центр. 156 с.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей/Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV – XVI в.//МК. М.: ИА РАН. С. 50–58.
- Чернов С. З., 2000. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1990-х годов волостей Пехорка и Воря)//Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.: ИА РАН. С. 88–91.
- Чернов С. З., 2004. Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования исторических территорий//Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука. С. 17–27.
- Чернов С. З., 2005. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы//Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука.
- Юшко А. А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.: Наука. 197 с.
- Юшко А. А., 2005. Звенигород московский и удел звенигородских князей. М.: ИА РАН. 136 с.

A. V. Lazukin

Monuments of settlers of the 12th to 16th centuries in the vicinity of Zvenigorod

Summary

This article discusses the characteristics of a number of typical settler monuments of the 11th to 16th centuries in the vicinity of Zvenigorod and its villages.

An overview is presented with the topography, characteristics of the cultural layers, and descriptions of individual finds and the majority material finds.

Н. А. Баранов, А. М. Фатьков

Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2

Находки керамических кумганов при раскопках крупных городов не являются чем-то из ряда вон выходящим. В общем объеме фрагментированного керамического материала их очень немного, хотя и встречаются они вполне регулярно. При исследовании средневековых селищ находки такого вида посуды весьма редки, что указывает на статус как находок, так и подобных памятников.

В качестве столовой посуды кумганы появляются на территории Московского княжества в конце XV в. (Глазунова, 2009. С. 133) и бытуют вплоть до XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 33). С течением времени и появлением в гончарном ремесле новых технологических приемов изготовления столовой посуды изменяются и характеристики кумганов. Они проходят долгий путь развития от красноглиняных, покрытых ангобом и росписью красной краской (раствором глины), до чернолощенных и поливных сосудов с декором из валиков и штампованного орнамента (Рабинович, 1951. С. 9, 100. Рис. 3; Бойцов, 1991. С. 38. Табл. 89, 98, 100; Кренке, 2009. С. 62; Глазунова, 2009. С. 133, 463; Векслер, Гусаков, Патрик, 2014. С. 444. Рис. 11, 6; Вишневский, 2001. С. 84; Зацаринный, 2003. С. 96, 12; Емельянов, 2011. Рис. 418, 443, 477; Баранов, Фатьков, 2015. С. 422–432; Розенфельдт, 1968. С. 25, 30, 51, 91. Табл. 10, 4–6, 8–15; 17, 22, 23, 29).

Пока трудно ответить на вопрос, как и откуда впервые эта форма сосуда возникла в конце XV в. на территории Московского княжества. Большинство исследователей считают, что такой вид посуды пришел с востока как подражание металлическим кумганам (Глазунова, 2009. С. 133). В контексте позднесредневековой Руси они были более дешевым вариантом. Кумганы известны в слоях древнего Болгара (Хлебникова, 1988. Рис. 37, 8, 39, 1, 3, 42, 1). Р. Л. Розенфельдт также отмечал близость форм московских чернолощенных кумганов

и фляг к образцам посуды, бытовавшей в городах Среднего Поволжья (Розенфельдт, 1968. С. 30).

Другие исследователи связывают появление кумганов с приглашением в Московию итальянских строителей во второй половине XV в. (Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. С. 444). Хотя сами же авторы признают, что в Москве не найдено ни одного фрагмента посуды, сделанной итальянцами (для личного использования) или привезенной с Запада, с которой можно было сделать такую копию (Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. С. 446). Тем не менее полностью отвергать западное происхождение такой формы сосудов нельзя.

Большинство найденных при раскопках кумганов и их фрагментов имеют весьма стандартный набор конструктивных особенностей (см. выше) и зачастую сравнительно несложно вычлениваются из общей массы керамического материала. Однако встречаются и исключения. Одним из таких исключений стала находка во время археологических раскопок средневекового селища Большое Саврасово 2 в Ленинском р-не Московской обл. (рис. 1) обломков весьма необычного по конструкции кумгана из слабоожеленной глины (рис. 2).

Селище Большое Саврасово 2 (XI в., конец XIV – начало XVII в.) выявлено в 2006 г. М. И. Гоняным (2007) и исследовано им же в 2012 г. (Гоняный, 2012; Богомолов и др., 2015. С. 339). В 2015 г. Институт археологии РАН и ЦАИ «Куликово поле» провели масштабные раскопки на территории памятника, давшие значительный археологический материал. После обработки и систематизации находок, изучения планиграфии, а также работы с архивными источниками селище Большое Саврасово 2 было интерпретировано как поселение резчиков по камню (Фатьков, Яганов, 2015. С. 420).

Обломки необычного по форме кумгана из слабоожеленной глины обнаружены в придонной

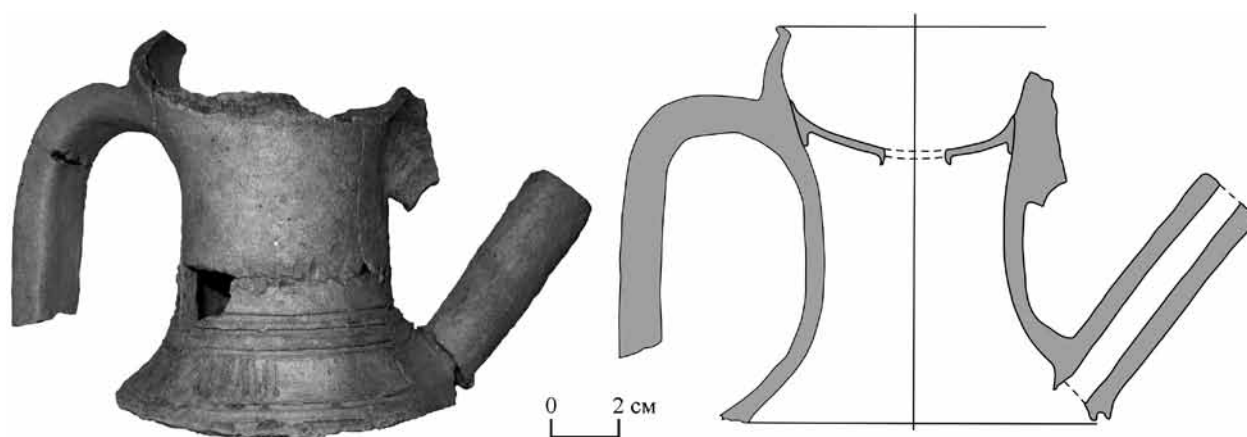

Рис. 2. Общий вид фрагмента кумгана из объекта № 234

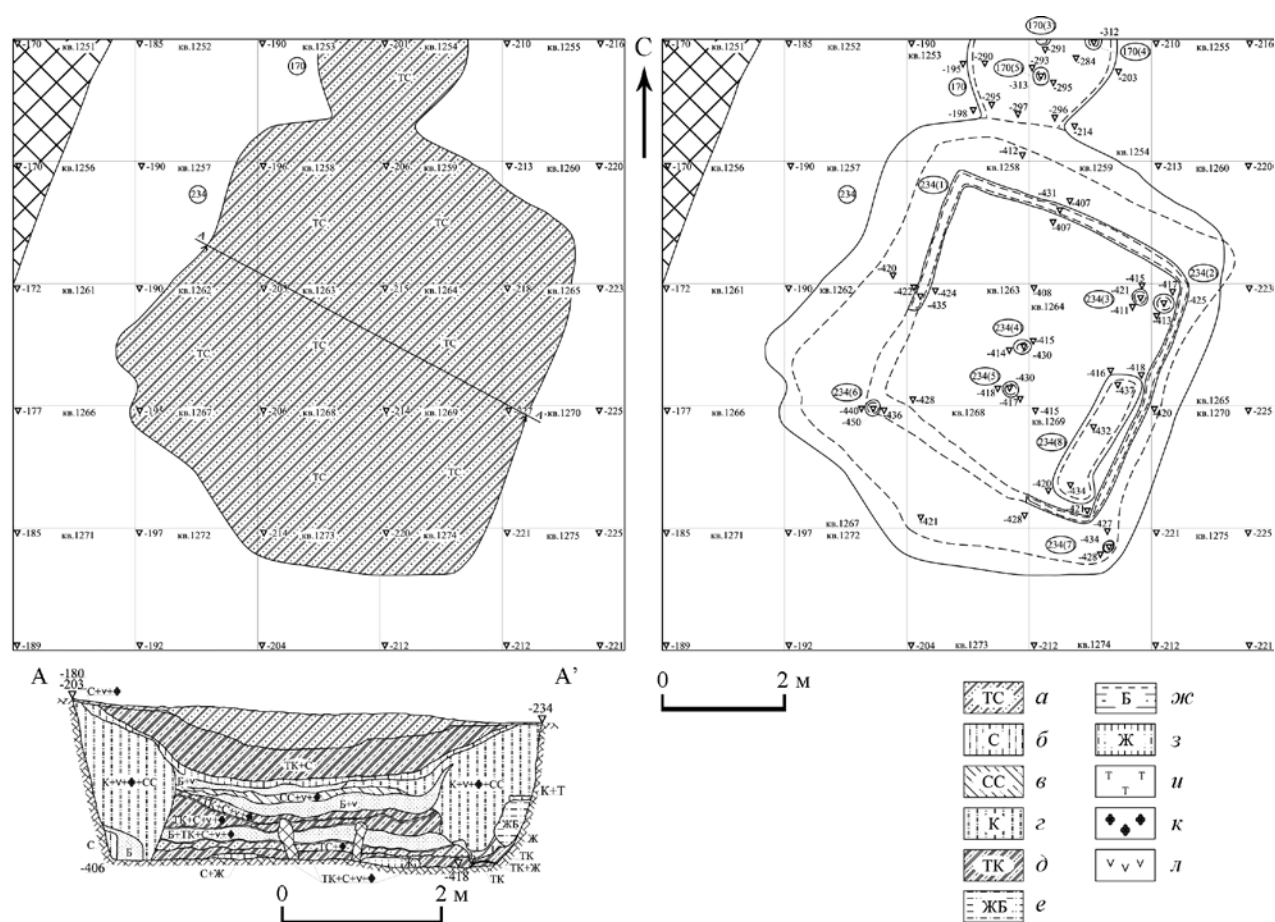

Рис. 3. Селище Большое Саврасово 2. Объект № 234. План и разрез

а – темно-серый суглинок; б – серый суглинок; в – светло-серый суглинок; г – коричневый суглинок; д – темно-коричневый суглинок; е – желто-бурый суглинок; жс – белесый суглинок; з – желтый суглинок; и – древесный тлен; к – печина; л – древесный уголь

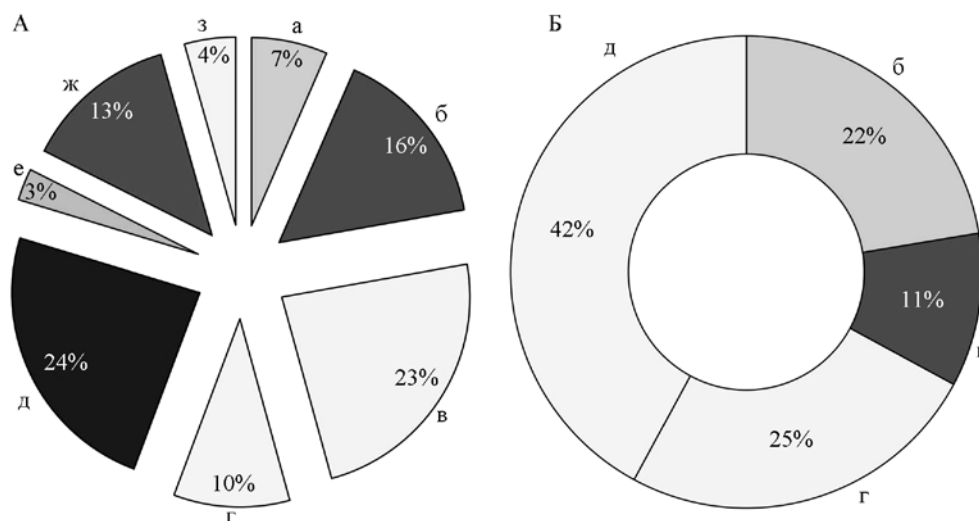

Рис. 4. Селище Большое Саврасово 2. Статистика массового керамического материала верхнего, среднего (А) и нижнего (Б) заполнения объекта № 234

На втором месте по количеству обломков (от общей массы находок) – красноглиняная керамика с примесью мелкозернистого песка полного и неполного окислительного обжига (соответственно 22 и 25% от общей массы находок). В комплексе из нижней части заполнения отмечено близкое соотношение белоглиняной и красноглиняной керамики, в двух прослойках зафиксировано преобладание красноглиняной керамики, среди которой полностью отсутствовали образцы с развитыми московскими формами (венчики типа 3) и орнаментацией конца XV – XVI в. Все найденные верхние части горшков имеют «стадиально более ранний» облик по схеме И. А. Бойцова (1991. С. 37. Рис. 1): венчики в основном типа 5, линейный орнамент разрезен и размещен на плече и тулове.

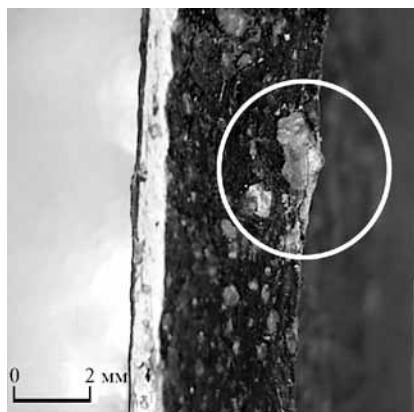

Рис. 5. Кумган. Включения естественных примесей песка в формовочной массе сосуда. (См. цв. вкл.)

Обломки светлоглиняной керамики неполного обжига с примесью некалиброванного песка, собранной в заполнении объекта № 234, составляли 33% от общей массы находок керамического боя. На втором месте по количеству обломков – красноглиняная керамика с примесью мелкозернистого песка (ее доля составила 28% от общего объема находок – рис. 4, Б). Обломков посуды, которые можно было бы интерпретировать в качестве осколков других кумганов или кувшинов, в заполнении объекта № 234 не встречено.

Помимо обломков керамики в заполнении объекта найдены три монеты, самая поздняя из них – денга 1422–1425 гг. (Василий Дмитриевич, 1389–1425 гг.). Исходя из всего вышеперечисленного, археологический объект был интерпретирован как остатки погребя XV в. (Фатков, 2014).

К сожалению, описываемый кумган сохранился не полностью, фактически две трети сосуда отсутствуют. До нас дошла лишь часть плеча с носиком, обломком ручки и горло (рис. 2). Тем не менее эти обломки весьма интересны. Горло сосуда вытянуто и расширяется кверху, образуя своеобразную чашечку с загнутыми внутрь краями. От горла книзу стенки расширяются. По аналогии с другими кумганами можно предположить, что тулово сосуда было шарообразным. От плеча сосуда, с противоположной от ручки стороны, начинается короткий трубчатый носик, установленный под углом около 45° и заканчивающийся ровным (срезанным) краем. Диаметр горла кумгана – 5,5 см, диаметр венчика – около 9 см, длина носика – 7,5 см, его диаметр – 1,1 см.

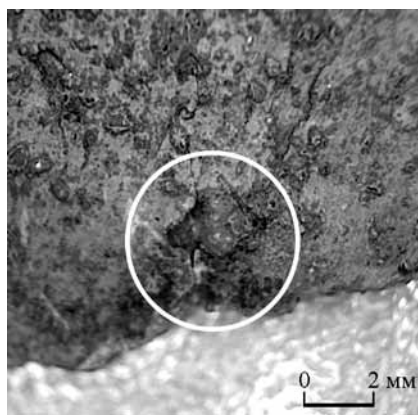

Рис. 6. Кумган. Включения крупных зерен кварца в формовочной массе сосуда. (См. цв. вкл.)

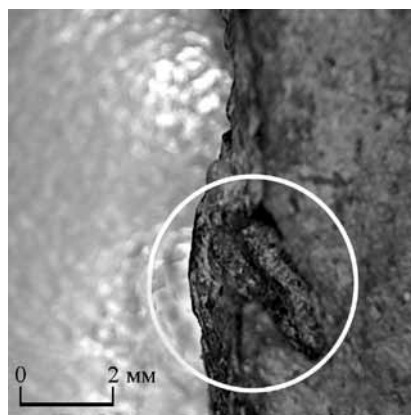

Рис. 7. Кумган. Пустоты от выгоревших органических соединений. (См. цв. вкл.)

Исходным сырьем для изготовления этого сосуда послужила слабоожеженная глина средней пластичности – в ней довольно много естественной примеси мелкодисперсного песка (рис. 5). Встречаются также единичные и довольно крупные включения кварца (до 0,4 мм), не являющиеся искусственной примесью (рис. 6). Изредка в формовочной массе сосуда встречаются включения слюды и пустоты с частично невыгоревшей органикой (рис. 7). Искусственных примесей в формовочной массе кумгана прослежено не было.

Характер обжига кумгана – окислительный неполный. Черепки на местах слома сосуда имеют два цвета – светло-коричневый (с внешних сторон сосуда) и темно-серый (внутренний).

Верхняя часть кумгана, как уже упоминалось выше, имеет форму чашки с незначительно наклоненными внутрь стенками, а венчик – форму уплощенного, выгнутого наружу валика со следами подрезки инструментом, из-за чего, собственно, и образовался его выступ (рис. 2). Чуть ниже к стенке «чашки» примазан верхний конец ручки подпрямоугольного сечения (рис. 8). С противоположной от ручки стороны крепился трубчатый носик.

Одной из отличительных черт этого сосуда является его горло. В отличие от всех остальных кумганов и близких к ним по строению кувшинов горло этого сосуда перекрыто сверху тонкой горизонтальной пластиной (мембраной) с неровным овальным отверстием в центральной части. Скорее всего, эту мембрану сделали в предпоследний момент формовки сосуда (завершающим штрихом было создание «чашечки» и соединение ее с мембраной), так как она не имеет с внутренней стороны следов примазывания к стенкам горла, они есть только с внешней стороны (рис. 9). Такая мембрана

предохраняла от случайного проливания жидкости, хотя и удлиняла время наполнения сосуда.

Горло и тулово сосуда сформованы путем кольцевого налепа из лент шириной 2,0–2,4 см (рис. 10). Изнутри ленты не полностью примазаны

Рис. 8. Ручка кумгана

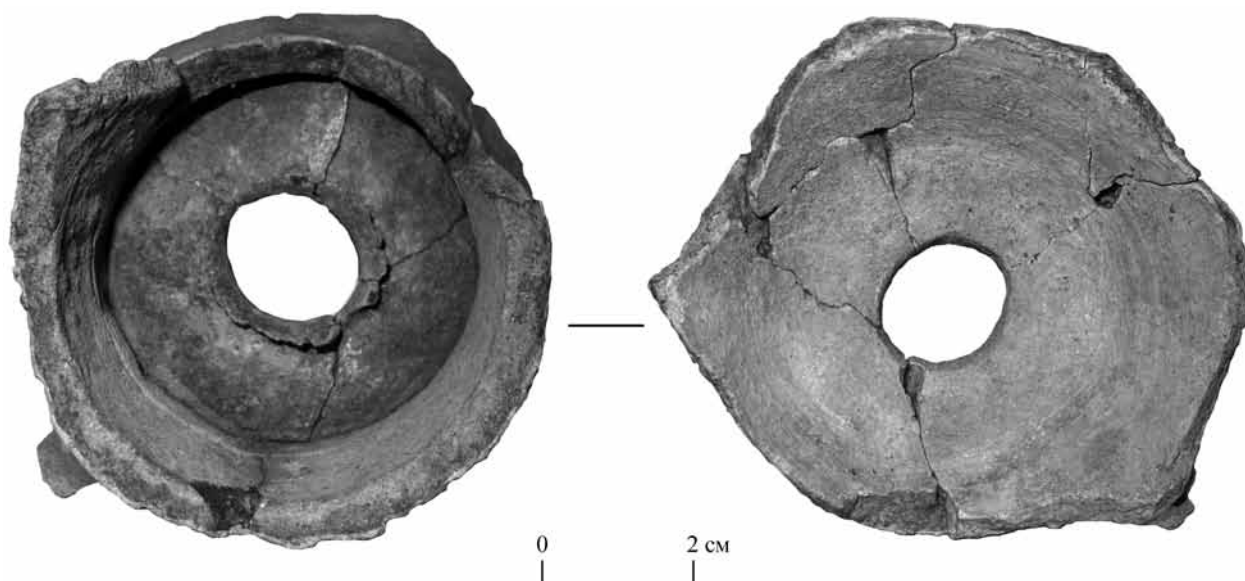

Рис. 9. Крепление глиняной мембраны к горлу кумгана (виды снизу и сверху)

друг к другу. Из-за узкого горла рука гончара не пролезала внутрь, и он не смог уплотнить стыки лент, а это снижало прочность кумгана (почти все найденные верхние части найденного сосуда разбились четко по стыкам лент).

Носик сосуда сформовали вокруг стержня, возможно, небольшой палочки диаметром 1,1 см. Затем этим же орудием гончар проткнул плечо будущего кумгана (диаметры отверстий совпадают) и примазал носик к внешней стороне тулова (рис. 11). На внутренней стороне сосуда следы примазывания носика отсутствуют. Заглаживание внешней поверхности кумгана, скорее всего, производилось куском ткани.

Сосуд декорирован частыми горизонтальными и волнистыми линиями, периодически чередующимися с рядами коротких вертикальных линий (рис. 2).

Для нанесения узора использовалась палочка с рабочим концом толщиной 0,02–0,03 см. Орнамент на ручке сосуда состоял из двух вертикальных линий с короткими горизонтальными линиями между ними – в виде своеобразной лесенки (рис. 8). Узор из параллельных волн присутствует и на обломке пластины, скреплявшей носик с горлом кумгана. Судя по немногочисленным обломкам тулова, оно было декорировано аналогично горлу и плечу (рис. 12).

Поиск аналогий среди уже известных красноглиняных кумганов, к сожалению, не увенчался успехом. Отдельные морфологические признаки встречаются единично в кумганах более поздних периодов. Например, при раскопках в Москве в Зарядье был найден обломок горла поливного кумгана также с мембраной и завершением в форме чашечки, отличавшейся лишь вертикальными краями (рис. 13,

Рис. 10. Излом стенок горла: следы кольцевого налепа и крепления лент на внутренней поверхности сосуда

Рис. 11. Крепление носика кумгана. (См. цв. вкл.)

Рис. 12. Обломки стенок кумгана

Рис. 13. Сходные по конструктивным особенностям сосуды из раскопок в Москве (Зарядье) (Розенфельдт, 1968. Табл. 10, 4; 14, 7, 8; 17, 23) и в Болгаре (Хлебникова, 1988. Рис. 34, 8; 39, 1; 42, 1)

а – Розенфельдт, 1968. С. 51. Табл. 17, 23). Но эта находка относится к XVIII в., в отличие от кумгана из Саврасово. Также подобная мембрана с отверстием в центре и горло-«чашечка» присутствуют на двух верхних частях сосудов, интерпретируемых неоднозначно (рис. 13, б, в – Розенфельдт, 1968. С. 30. Табл. 14, 7, 8). Но, исходя из внешних признаков (наличия слива и сквозных отверстий), их никак нельзя рассматривать в качестве кумганов. Мембраны как конструктивный элемент присутствуют и у поздних (XVIII в.) поливных красноощенных чернильниц, что также нельзя считать аналогией.

Еще одной находкой из Зарядья, весьма близкой по форме горла, является обломок черноощенного кувшина, отнесенного к третьей группе сосудов – с шаровидным туловом и коротким, хорошо выделенным горлом. Этот обломок кувшина также имел завершение горла в форме чашечки. В одном из подобных кувшинов в Москве на ул. Спартаковской был найден клад великокняжеских монет XV–XVI вв. (рис. 13, г – Розенфельдт, 1968. С. 31. Табл. 10, 4).

Надо отметить, что по ряду внешних признаков исследуемый кумган похож на кувшины

из раскопок в г. Болгаре. Некоторые из них также имели крепления ручек на уровне венчика, горло, расширяющееся кверху, образуя близкую к воронке форму, и отстоящий от тулова короткий носик. Но разница во времени бытования и некоторых конструктивных элементах очень заметна. Т. А. Хлебникова относит появление носика как конструктивного элемента кувшина к раннезолотоордынским этапам существования Болгара (Хлебникова, 1988. С. 66), что заметно отличает его по времени от кумгана из Саврасово.

Подводя итоги, хочется отметить несколько основных моментов.

1. С уверенностью можно сказать, что найденный кумган – это произведение русского гончара. На это указывают присущие только местной средневековой керамике технологические приемы работы с глиной (исходное сырье, способ формовки сосуда, характер обжига), однако большого опыта в работе с этим типом посуды у гончара, скорее всего, не было (возможно, он делал такой сосуд впервые). Это хорошо прослеживается хотя бы по непрочному соединению лент.

2. Форма носика этого кумгана не имеет аналогий в московской керамике. Также ни у одного из опубликованных красноглиняных (или близких к ним) кумганов не прослежено завершения горла в форме чашечки, не встречается в качестве конструктивной особенности и горизонтальная пластина – мембрана, предохранявшая от расплескивания жидкости. Такой прием вообще не характерен для всей керамики Москвы и Подмоскovie XV в.

3. Интересен контекст обнаружения обломков кумгана. Найденный вместе с ним основной керамический материал представлен обломками изделий из слабоожеженной глины с примесью песка. По своим характеристикам они относятся к слабо изученным в Подмоскovie и Москве гончарным традициям, хотя в верхних горизонтах объекта № 234 и присутствовал керамический материал XVI в. (Фатьков, 2014).

Литература

Фатьков А. М., Баранов Н. А., 2015. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 422–432.

Бобринский А. А., 1987. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 270 с.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 339–411.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2014. Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 426–452.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2015. Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 437–448.

Вишневский В. И., 2001. Отчет об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 24533–24535.

Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора. М.: ИА РАН. С. 130–141. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12.)

Гоняный М. И., 2007. Отчет о проведении разведочных археологических работ в Московской области в 2006 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1.?

Гоняный М. И., 2012. Отчет о детальных археологических исследованиях, проведенных в 2012 г. на селище Большое Саврасово 2, расположенном

в Ленинском районе Московской области / Архив ИА РАН. Р-1.

Емельянов А. В., 2011. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Кулаково 3 в Раменском районе Московской области в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1.

Зацаринный С. В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 96–112.

Кренке Н. А., 2009. Комплексы второй половины XVI века: Опричный двор // Археология Романова двора. М.: ИА РАН. С. 67–76. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12.)

Новосёлова Т. Н., 2014. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 419–425.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. С. 57–105.

Рабинович М. Г., 1951. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья, на строительстве административного здания в 1950 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 526.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е 1–39.)

Хлебникова Т. А., 1988. Неполиваная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 8–102.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–58.

Фатьков А. М., 2014. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок на территории селища Большое Саврасово 2 / Архив ИА РАН. Р-1.

Фатьков А. М., Яганов А. В., 2015. Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 412–421.

N. A. Baranov & A. M. Fatkov

**A rare kind of kumgan jug, from excavations at the village
of Bolshoye Savrasovo-2**

Summary

In 2013, during excavations at the village of Bolshoye Savrasovo-2 in the Moscow Region, among the debris filling a large cellar from the 15th century, fragments of

ceramic kumgan jug were discovered which are highly atypical for that period. The particularly unusual aspect was shape of this jug, with its extended spout and body.

А. А. Гиппиус, С. А. Кабатов, Е. А. Кабатова

Каменное изделие с надписью с селища Вёжи

Произведения декоративно-прикладного искусства представляют особый интерес в контексте изучения развития русского искусства, где особый раздел составляют произведения мелкой пластики. Значение подобных находок исключительно велико. В средневековой Руси из камня – шифера, сланца, известняка – выполнялись резные иконки, кресты, литейные формы, пряслица, рыболовные грузила.

Одним из лучших образцов древнерусского прикладного искусства является шиферный образок (5,8×4,3×0,6 см), найденный в Новгороде в результате археологических раскопок 1972 г. (Николаева, 1975. С. 219). На одной стороне (лицевой) изображены святые Симеон Столпник и Ставрокий, по бокам колончатые надписи; на другой стороне – святой Георгий на коне (рис. 1). Высокое профессиональное мастерство, палеографические признаки надписей и аналогии с иконкой Бориса и Глеба, происходящей из Солотчинского монастыря, позволяют датировать ее XIII–XIV вв. (Николаева, 1975. С. 225). Другим примером может выступать серия шиферных нательных крестов, распространенных на Руси в XII–XIII вв. (Муравьева, 1999. С. 17–19) (рис. 2).

В 2015 г. при финансовой поддержке ВОО РГО¹ и Министерства культуры РФ² на острове Вёжи (рис. 3) проводились археологические исследования на раскопе II. Параллельно с земляными работами обследована береговая линия острова, в результате чего выявлена серия подъемного материала, где зафиксирована одна очень интересная находка (№ 344) (Кабатов, 2015), обнаруженная

на освободившемся от воды участке к ЮЗ от раскопа II (рис. 4).

Это предмет подпрямоугольной формы (ширина – 43 мм, высота – 44 мм, толщина – 12 мм) с небольшими сколами³ в нижнем левом и верхнем левом углах лицевой стороны, изготовленный либо из черного сланца, либо из черного нефрита (рис. 5). На лицевой стороне нацарапан текст, который размещен в 5 строк. На всех боковых гранях камня фиксируются поперечные процарапанные линии глубиной 0,5–1 мм. На верхней грани таких линий 7 (в 2 мм от левого края – 2, через 8 мм – 3, еще через 1,5 мм – 2), на нижней – 8 (в 3 мм от левого края – 3, через 1,2 мм – 3, через 10 мм – 2), на левой – 9 (в 3 мм от нижнего края – 3, через 19 мм – 6), на правой – 5 (в 26 мм от нижнего края). Обратная сторона не имеет каких-либо следов, кроме следов отделки и шлифования.

Изделие из подобного материала (черного полированного камня) найдено в Костроме на посадской усадьбе в середине 1990-х годов С.И. Алексеевым и упомянуто в коллективной монографии, посвященной археологическому изучению региона (рис. 6; «Археология Костромской земли», 1997. С. 218. Рис. 53, 2). С.И. Алексеев идентифицировал это изделие как формочку, предназначавшуюся для отливки конусовидного украшения. С обеих сторон плитки прослеживались прочерченные изображения животных и различные символы. С одной стороны какое-то животное, с обратной – неоконченная композиция из солярного знака и трудно атрибутируемых

¹ Грант «Межрегиональная комплексная археологическая и научно-познавательная экспедиция «Загадки острова Вёжи» Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

² Государственный контракт «Проведение спасательных археологических полевых работ (археологические раскопки) на объекте археологического наследия «Селище Вёжи», эпоха бронзы, железный век, Средневековье. II тыс. до н.э. – XVIII в.» в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

³ След неудавшегося сверления отверстия (?).

Рис. 1. Шиферная иконка «Св. Симеон Столпник и св. Ставрокий» из Новгорода. Камень, резьба. (Николаева, 1975. С. 220, 222)

1 – св. Симеон Столпник и св. Ставрокий. Лицевая сторона. 1-я треть XIII в.;
2 – св. Георгий. Обратная сторона. Нач. XIV в.

Рис. 2. Шиферные кресты-тельники XII–XIII вв. из собрания Владимиро-Суздальского музея (по: Муравьева, 1999. Рис. 68, 62, 64, 70)

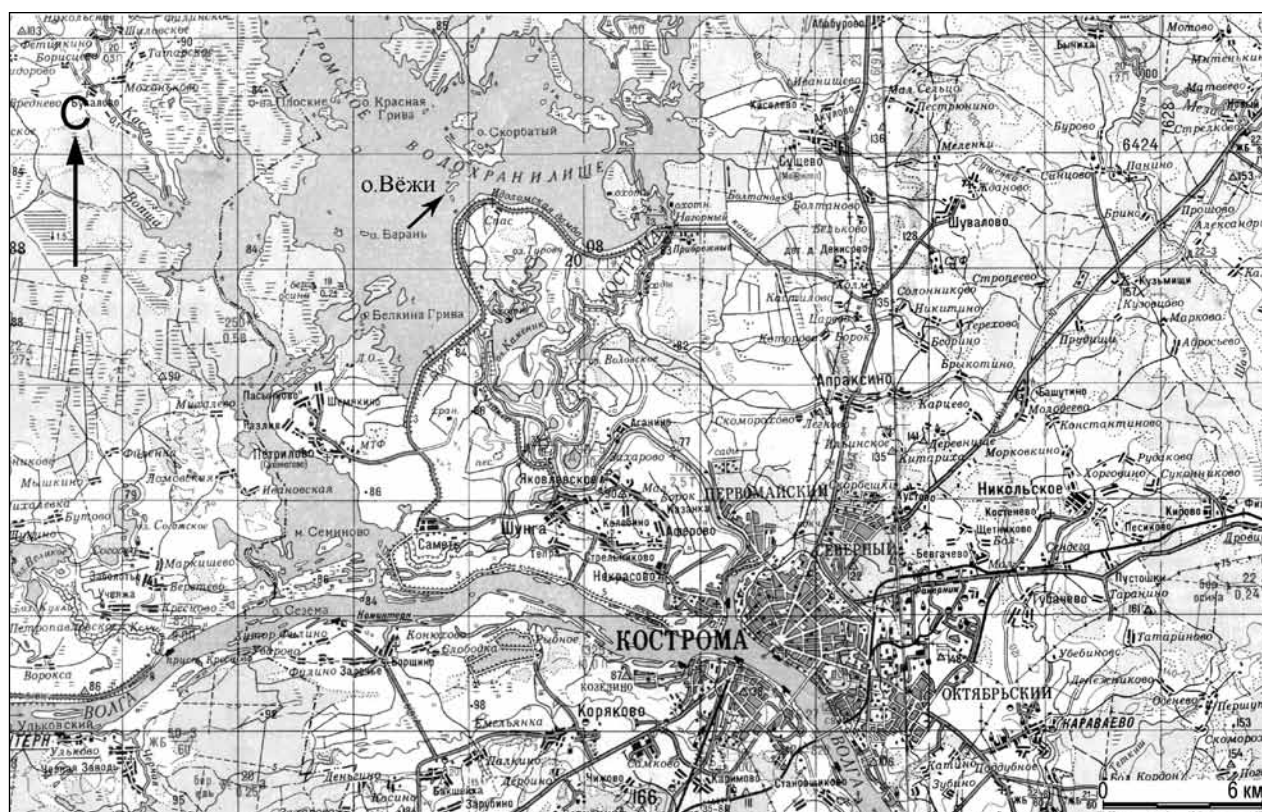
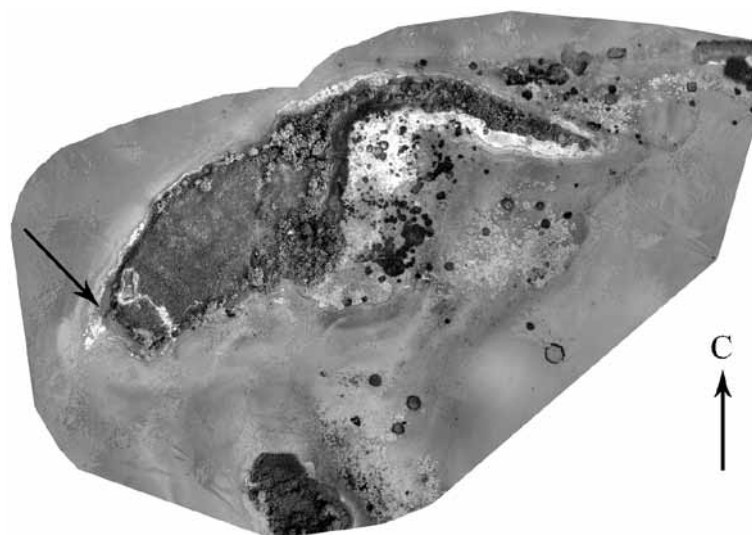

Рис. 3. Местонахождение острова Вёжи (указан стрелкой)

Рис. 4. Остров Вёжи. Аэрофотоснимок.
Стрелкой указано местонахождение каменного
изделия с надписью

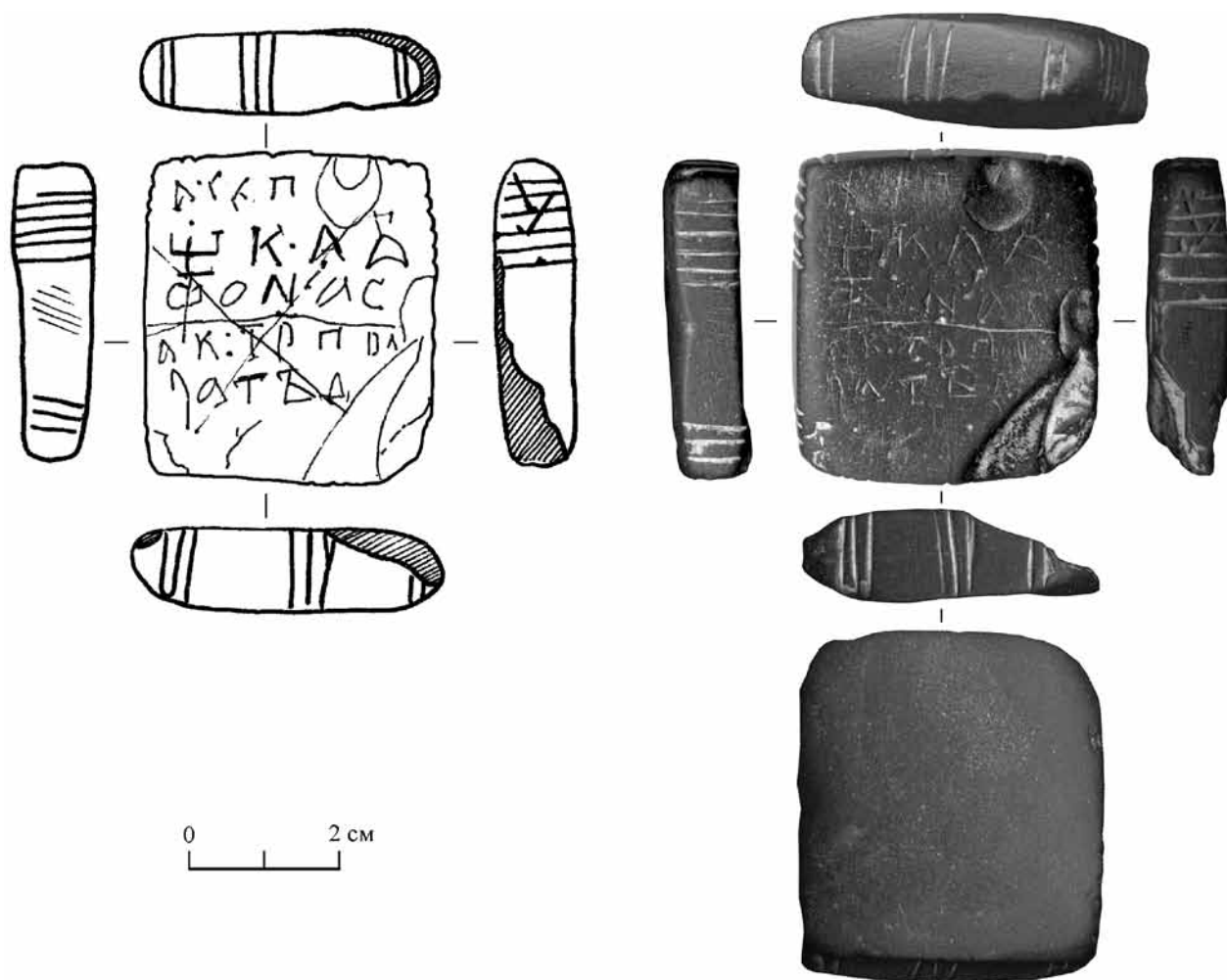

Рис. 5. Изделие из камня (№ 344). Селище Вёжи. Фото и прорись

изображений. Высказывались предположения, что рядом с изображением животного размещалась руническая надпись (Высоков, 2006. С. 186–191), которые нельзя рассматривать как хоть сколько-нибудь обоснованные⁴.

В отличие от костромской находки вёжская содержала читаемый текст, выполненный кириллическим алфавитом. По мнению А. А. Гиппиуса, надпись может быть прочитана следующим образом (рис. 5; 7):

а се п---
 щка ѿ
 фонас
 [а] кто по[к]
 [р]а ть д

Текст с конъектурой и восстановлением недописанных фрагментов:

«А се п(ло)щка Офонас<ева>, а кто покра, ть д<а будет проклатъ>». Перевод: «Это плашка Афанасия. А кто украл, тот пусть будет проклят».

Реконструируемое в надписи слово *площка* (ранне-др.-рус. *площка*) – производное от *плоскый* (Фасмер, 1987. С. 287) – фиксируется словарями лишь как обозначение плоского сосуда, плошки («Словарь...», 1989. С. 110). Однако внутренняя форма делает его потенциально применимым к любому плоскому предмету. Можно думать, что *площка* выступает в данном случае в значении современного *плашка* – «пластина, плоский кусок чего-либо». Последнее производно от *плаха*, связанного чередованием гласных с *плыхы*, в свою очередь связанного с *плоскый* (Фасмер, 1987. С. 275).

⁴ Достаточно указать на одновременное использование при этом «прочтении» древнегерманских и тюркских рунических знаков.

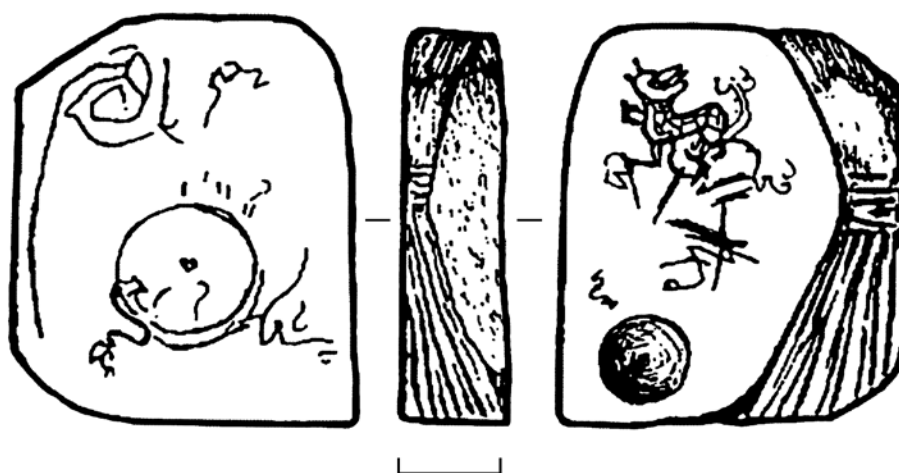

Рис. 6. Литейная форма с посада Костромы («Археология Костромской земли», 1997. Рис. 53, 2)

Реконструкция *Ѡфонас<ьева>*, предполагающая, что слово осталось недописанным, исходит из того, что значение принадлежности последовательно выражалось в древнерусском языке притяжательным прилагательным, форма родительного падежа была бы для этого времени редчайшим исключением. Имя *Афанасий* могло, конечно, выступать в надписи и в одной из его сокращенных форм (*Офонось*, *Офанась* и др.).

Отметим имеющие датирующие значения палеографические, орфографические и лингвистические особенности надписи, опираясь в первую очередь на данные берестяных данных и методику их внестратиграфического датирования, разработанную А. А. Зализняком (*Янин, Зализняк, 2000*).

Хронологически показательны следующие черты:

- 1) форма буквы *Ѡ* с узким верхом (в берестяных грамотах – после 1200 г., преимущественно после 1280 г.);
- 2) употребление буквы *ѣ* (после 1300 г.);
- 3) передача начального *о-* через *Ѡ* (систематически – с середины XIII в.);
- 4) утрата слабых редуцированных в *площ(ь)ка* и *к(ь)то* (систематически – с середины XII в.).

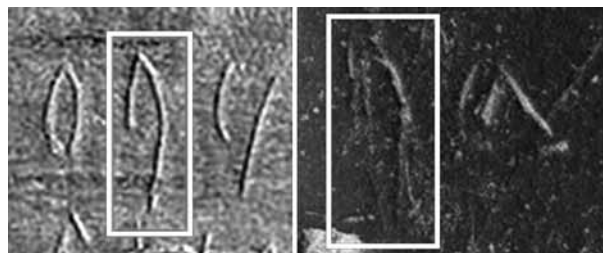
Буква *р* в начале 5-й строки имеет зеркальное начертание, совершенно такое же, как в берестяной грамоте № 99 середины XIV в. (рис. 8).

Совокупность этих черт на фоне уставного характера письма в целом делает наиболее вероятной датировку надписи XIV в.

Содержательно и структурно надпись сходна с тремя владельческими надписями на бытовых предметах, содержащими проклятие тому, кто украдет или повредит (?) предмет. Это 1) графито на рукояти ножа XI–XII вв. из Дрогичина: *Ежъковъ*

Рис. 7. Надпись на находке с селища Вёжи. Фото

Рис. 8. Зеркальная буква «р» в берестяной грамоте № 99 (слева – по: *Арциховский, Борковский, 1958. С. 26*) и надписи на каменном изделии с селища Вёжи (справа)

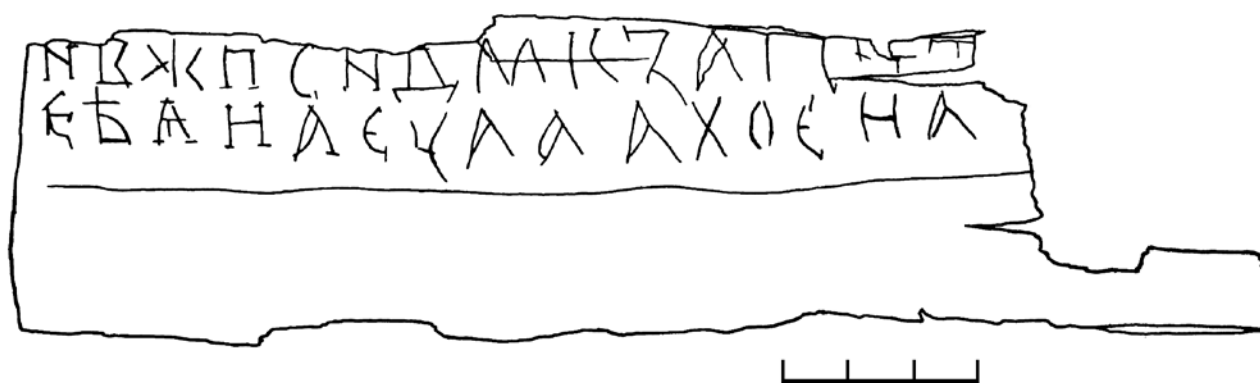

Рис. 9. Берестяная грамота № 46. Прорись (Арциховский, 1954. С. 48)

ножъ. А иже жкрадетъ проклатъ буд... (Німчук, 2013. С. 138; Михеев, 2015. С. 317), 2) берестяная грамота № 957 начала XII в., представляющая собой надпись на донце или крышке берестяного лукошка: *Воибоудино лоукънъчо. Иже е укльдетъ⁵, да проклатъ боуде{ou}тъ. А Шьвъко џслъ* (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015. С. 60–62), и 3) надпись на горшке из Ростиславля (летописного города в Рязанской земле), датируемом первой половиной XIII в.: «...(д)аль гороноць Юрию, а кт(о) возмъ, а да і⁶...» (Коваль, Медынцева, 2013. С. 164–174). В то же время связка *А се ... А кто...* сближает ее с таким известным памятником древнерусской эпиграфики, как надпись на чаре князя Владимира Давыдовича: *А се чара кнѧ Володимирова Давыдовча. Кто из нее пь<еть>, тому на здорovie, а хвала Бога своего ѡсподарѧ великого кня<зя>* (Медынцева, 1991. С. 26). Традиционная датировка этого памятника первой половиной XII в. была недавно пересмотрена А. А. Туриловым, убедительно показавшим на основе палеографического и лингвистического анализа надписи, а также стилистического анализа декора чары, что она создана никак не ранее второй половины XIII в., а скорее всего в первой половине XIV в. (Турилов, 2009). Поскольку наша надпись, бесспорно, относится к позднерусскому времени, общность синтаксического оформления двух текстов, отличного от демонстрируемого надписями XI–XII вв., оказывается дополнительным аргументом в пользу датировки А. А. Турилова. В языковом отношении особенно показательна замена относительного *иже* на *кто*, ярко отражающая эволюцию данной конструкции

в живой восточнославянской речи. Заметим, что надпись на горшке из рязанского Ростиславля ведет себя в этом отношении уже как позднерусский текст.

Особый интерес представляет употребление в надписи формы аориста *покра*. В тексте XIV в. это явно книжная черта, что неудивительно, учитывая вероятное присутствие в надписи церковнославянской формулы *да будетъ проклатъ*. Ср. также обусловленные установкой на книжность формы аориста в берестяной грамоте № 46 (первой половины XIV в.), представляющей собой школьную шутку: *Невъѣжа писа, недума каза, а хто се цита, ...* (текст записан в два ряда и читается по вертикали; окончание, содержавшее ругательство, обрвано) (рис. 9). Два текста объединяет и прагматика форм прошедшего времени, ориентированных на момент прочтения, а не на момент написания текста. Угроза, призванная предотвратить кражу предмета, сформулирована как адресованная лицу, уже эту кражу совершившему. В этом смысле наша надпись выступает отдаленным, но вполне реальным предшественником известного анекдотического экслибриса «Украдено из библиотеки NN» и подобных ему владельческих надписей «превентивного» характера.

Такое употребление аориста в нашем тексте позволяет, как кажется, лучше понять уже приведенный текст берестяной грамоты № 957, в котором фигурирует загадочная словоформа *укльдетъ* (рис. 10). А. А. Зализняк трактует ее как 3-е л. ед. ч. презенса реконструируемого глагола **уколости*, родственного словам *колдовать*,

⁵ О значении слова см. ниже.

⁶ Публикаторы предположительно восстанавливают: *да і(сохнеть)...*

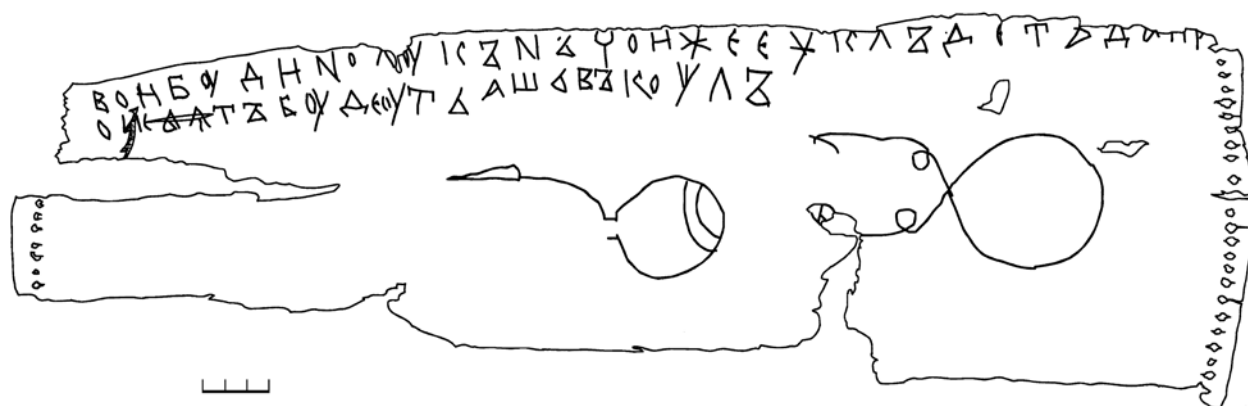

Рис. 10. Берестяная грамота № 957. Прорись (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015. С. 60–61)

колдун и предполагает значение «заколдует» или более общее значение «повредит, наведет порчу». Альтернативные трактовки – допущение ошибок в записи словоформ *укладеть* и *украдет* – им справедливо отводятся: первая – из-за странности смысла, вторая – из-за необходимости предполагать две ошибки в одном слове. Однако и предложенная трактовка имеет свои недостатки. Смущает не только реконструкция *ad hoc* неизвестного по другим источникам глагола, но и смысловая уникальность формулы, предохраняющей предмет не от банальной кражи, но от наведения порчи. Кажется подозрительным и совпадение начал реконструируемого глагола и глагола *украсти*, выступающего в стандартном варианте формулы. Избежать этих трудностей позволяет следующее решение, допускающее наличие в записи только одной элементарной ошибки. *Уклъ* может быть понято как написанная с пропуском слога форма *ук(ра)лъ* (ср. аорист *покра* в нашей надписи), а сегмент *детъ* – как исход словоформы *украдетъ*, составляющей для *укралъ* временную альтернативу: **укралъдетъ* = *укра|лъ (-детъ)* «украл или украдет». Эта трактовка находит неожиданную поддержку в самой грамоте № 957 – в виде словоформы *будеоуть*, заключающей в себе два альтернативных грамматических показателя – ед. и мн. числа (*будеть* vs *будуть*). При таком прочтении проклятие оказывается сформулированным с учетом возможного варьирования ситуации в двух отношениях: оно адресовано тому (или тем), кто украл (или украдет) лукошко.

Определить достоверно функциональную принадлежность нашей находки пока затруднительно. Из подобного материала на селище Вёжи известны оселки для заточки и правки режущих граней ножей (рис. 11), возможно, топоров, кос (?). Однако

все они имеют длину не менее 8–10 см и более, то есть длину, необходимую для безопасной работы с острой режущей частью затачиваемого предмета. В случае с нашей находкой подобная процедура невозможна в силу большого риска нанести себе травму. Предположение о том, что данный предмет может являться заготовкой некой индивидуальной иконки или предмета (амулет?) личного характера, в данном случае имеет место быть и, на наш взгляд, является более всего состоятельным.

Вполне возможно, что наша находка – это предмет, на котором фиксировались либо результаты определенной торговой сделки, либо наличие купленного или проданного товара; а грани плашки, где фиксируются хорошо читаемые насечки (рис. 5), возможно, обозначают единицы, десятки, сотни, тысячи. Предмет с фиксированной информацией могли носить с собой либо его помещали вместе с товаром, и здесь она выполняла роль определенной накладной или описи товара. В этом случае понятны причина и мотивация проклятия тому, кто его «покрадет». Интересен, на наш взгляд, еще один момент. На лицевой стороне, где прочерчен текст, слабо фиксируются прочерченные крест-накрест линии в виде литеры X, которые как бы перечеркивают указанную надпись. Это мог сделать сам хозяин плашки, когда информация о результатах сделки или о товаре была уже неактуальна, либо это сделал человек, который выкрал ее, а возможно, и вместе с товаром, и перечеркиванием текста он как бы аннулировал проклятия Афанасия, делая ее и возможный товар обезличенным, ничейным.

Подобный памятник эпиграфики в Костромском Поволжье для периода конца XIII – начала XIV в. на сегодняшний день не имеет аналогий. Качественное содержание предмета, текста и материала, из

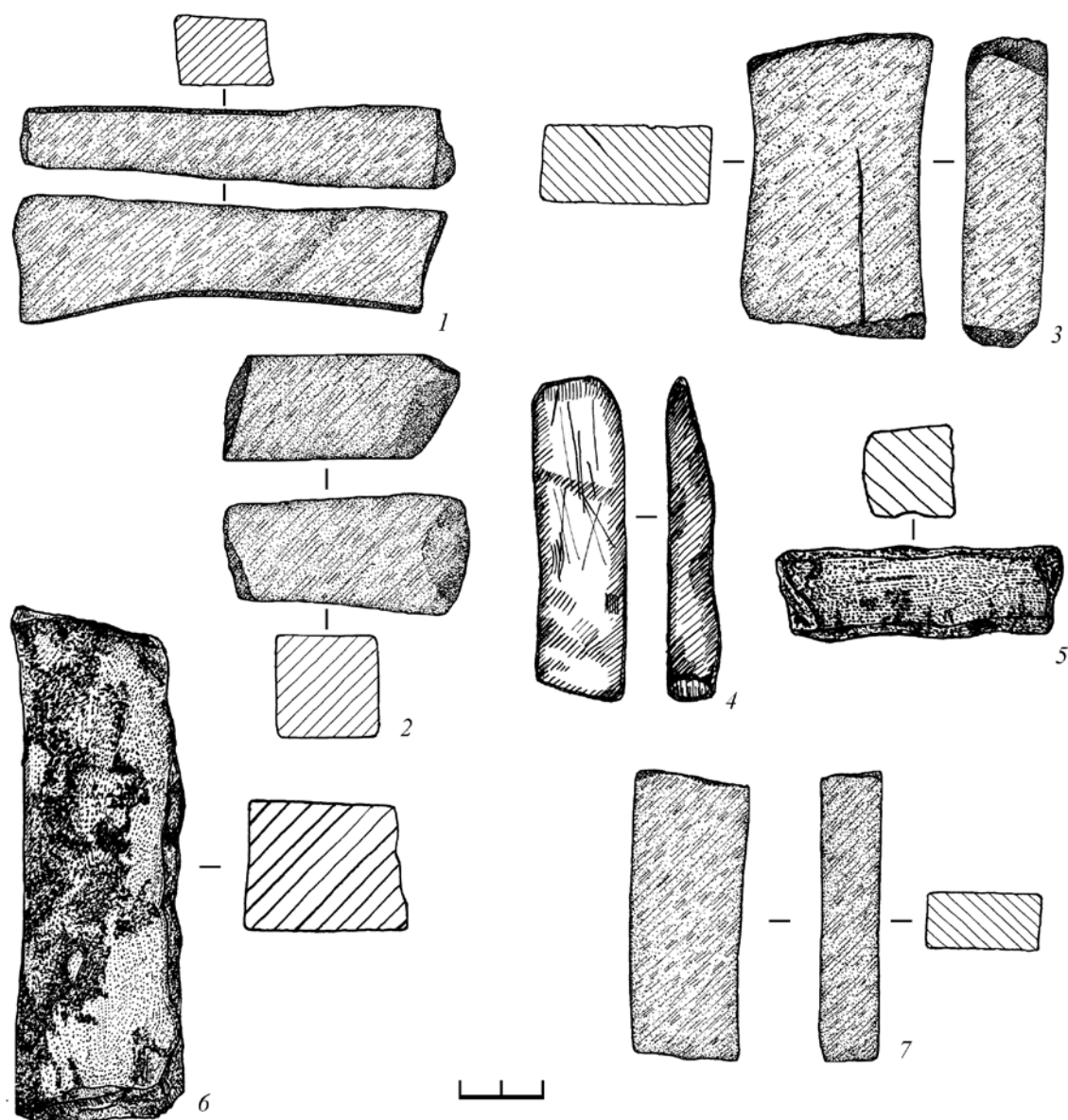

Рис. 11. Оселки. Селище Вёжи

1 – № 179; 2 – № 143; 3 – № 158; 4 – № 243; 5 – № 234; 6 – № 279; 7 – № 180

которого изготовлено изделие, позволяет констатировать факт того, что Костромская земля в обозначенный период не являлась территорией, находящейся за границей ойкумены и даже не самой

ойкуменой, а была уже довольно известной в Московской Руси территорией, включенной в ее активно растущие сферы интересов и игравшей определенную роль в молодом растущем государстве.

Литература

Археология Костромской земли/Ред. А. Е. Леонтьев. Кострома: Кострома, 1997. 276 с.

Арциховский А.В., 1954. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Т. II. М.: АН СССР. 92 с.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). Т. III. М.: АН СССР. 159 с.

Высоков С.А., 2006. Результаты исследований надписи и изображения животного, помещенных

в книге «Археология Костромского края», изданной в Костроме в 1997 г. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома: Департамент культурного наследия, культуры и туризма Костромской области. С. 186–191.

Кабатов С.А., 2015. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / Архив ИА РАН.

Коваль В.Ю., Мединцева А.А., 2013. Новая эпиграфическая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2. (Матер. I междунар. конфер. «Вопросы эпиграфики». Университет Дмитрия Пожарского. М., 30–31 января 2012 г.) / отв. редактор А. Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 164–174.

Мединцева А.А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М.: Наука. С. 26–39.

Михеев С.М., 2015. О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. Vol. 4. № 1. Part 2. М.: ФГБОУВО МПГУ. С. 311–323.

Муравьева А.Н., 1999. Энкалпионы и кресты-тельники XI – н. XVI в. из археологических

коллекций ВСМЗ // Каталог. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 28 с.

Німчук В.В., 2013. Давньоукраїнський напис из Дорогичина // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ: ФГБОУВО МПГУ. С. 138–142.

Николаева Т.В., 1975. Каменная иконка, найденная в Новгороде // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология, 1974. М.: Наука. С. 219–227.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. Вып. 15. М.: Наука, 1989. С. 109–110.

Турилов А.А., 2009. Чара великого князя Владимира Давыдовича – памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М.: Северный паломник. С. 393–399.

Фасмер М., 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс. 287 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 2000. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари. 432 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А., 2015. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Русские словари. 288 с.

A. A. Gippius, S. A. Kabatov & E. A. Kabatova

A stoneware item attributable to the settlement of Vezha

Summary

This article presents details of a stoneware plate, discovered by accident near to the town of Kostroma (on the Upper Volga). The plate bears an engraved inscription putting a curse on a thief. According to

paleography and linguistics, this inscription could be dated to the 13th or 14th centuries. The purpose of this plate remains to be established.

С. А. Кабатов, С. А. Курочкина, С. Я. Алибеков

**Использование естественно-научных методов
для анализа керамики селища Вёжи Костромской области
(по археологическим материалам 2015 года)**

Селище Вёжи, открытое в 1995 г., является уникальным образцом русского средневекового поселения Верхнего Поволжья. Разнообразный материал (изделия из кожи и дерева, металлический инвентарь, керамические изделия), полученный в результате многолетних археологических изысканий, дает возможность более полно охарактеризовать занятия сельского населения Костромского Поволжья. Использование естественно-научных методов для анализа предметов материальной культуры в ряде случаев позволяет дополнить или даже изменить представление о средневековой культуре сельского населения региона.

Мы затронем только один аспект материальной культуры селища Вёжи, а именно – его керамическое производство в XV–XVIII вв. На сегодняшний день керамический комплекс с данного селища насчитывает 23 259 единиц массового материала. В большинстве своем это керамика местного производства.

Существует общепринятая классификация костромского керамического материала, в основу которой легла схема, разработанная Г. П. Смирновой для новгородской средневековой керамики (*Смирнова*, 1956. С. 228–248). Первые попытки датировки керамического материала г. Костромы и городских центров Костромской области предприняты С. И. Алексеевым (1999. С. 57–59). Затем данная схема была доработана и уточнена С. А. Кабатовым, она классифицируется по принципу различия сосудов или венчиков, характерных для серии сосудов, произведенных в одно и то же время. Для уточнения хронологических рамок бытования отдельных групп керамики привлечены другие вещевые находки – металлические изделия (ножи, топоры, замки, ключи), кожаные изделия и техника домостроительства (*Кабатов*, 2004. С. 7–25).

Вёжская керамика по морфологическим признакам аналогична материалу из других русских городов данного временного периода. Сырьем для нее являлась тощая ожелезненная глина с искусственными примесями (песок, дресва, органика), которые исчезают к XVI в. Посуда изготавливалась при помощи спирально-жгутового налёпа, начин донно-емкостный составной. Сосуды изготовлены на уровне РФК не выше 4. Миски и лампы-светильники изготовлены на уровне РФК 5–6. Программа конструирования полого тела – донно-емкостная. На дне встречаются следы подсыпки, следы от оси диска. Способы обработки поверхности – заглаживание руками или деревянным инструментом, лощение. Орнаментация не отличается разнообразием, чаще всего используются линейный и волнистый орнамент, косые и овальные насечки. После изготовления посуда тщательно просушивалась, затем происходил процесс обжига (*Кабатов*, 2011. С. 242).

В целом керамический материал селища Вёжи делится на четыре группы: красноглиняная керамика (рис. 1, 1–10); мореная керамика (рис. 2, 1–9); чернолощеная керамика (рис. 2, 10–12); белоглиняная поливная поздняя керамика. По морфологическим особенностям и технологическим признакам выделяются 11 основных типов, внутри которых варианты по форме венчика (*Кабатов*, 2011. С. 241–243. Рис. 24).

Для уточнения данной схемы и получения более подробной информации о технологических особенностях изготовления глиняной посуды на селище Вёжи нами проведен ряд технико-технологических и естественно-научных анализов. С этой целью была обработана серия керамического подъяемого материала, собранная в 2015 г. на участке размывающейся береговой линии о. Вёжи (табл. 1).

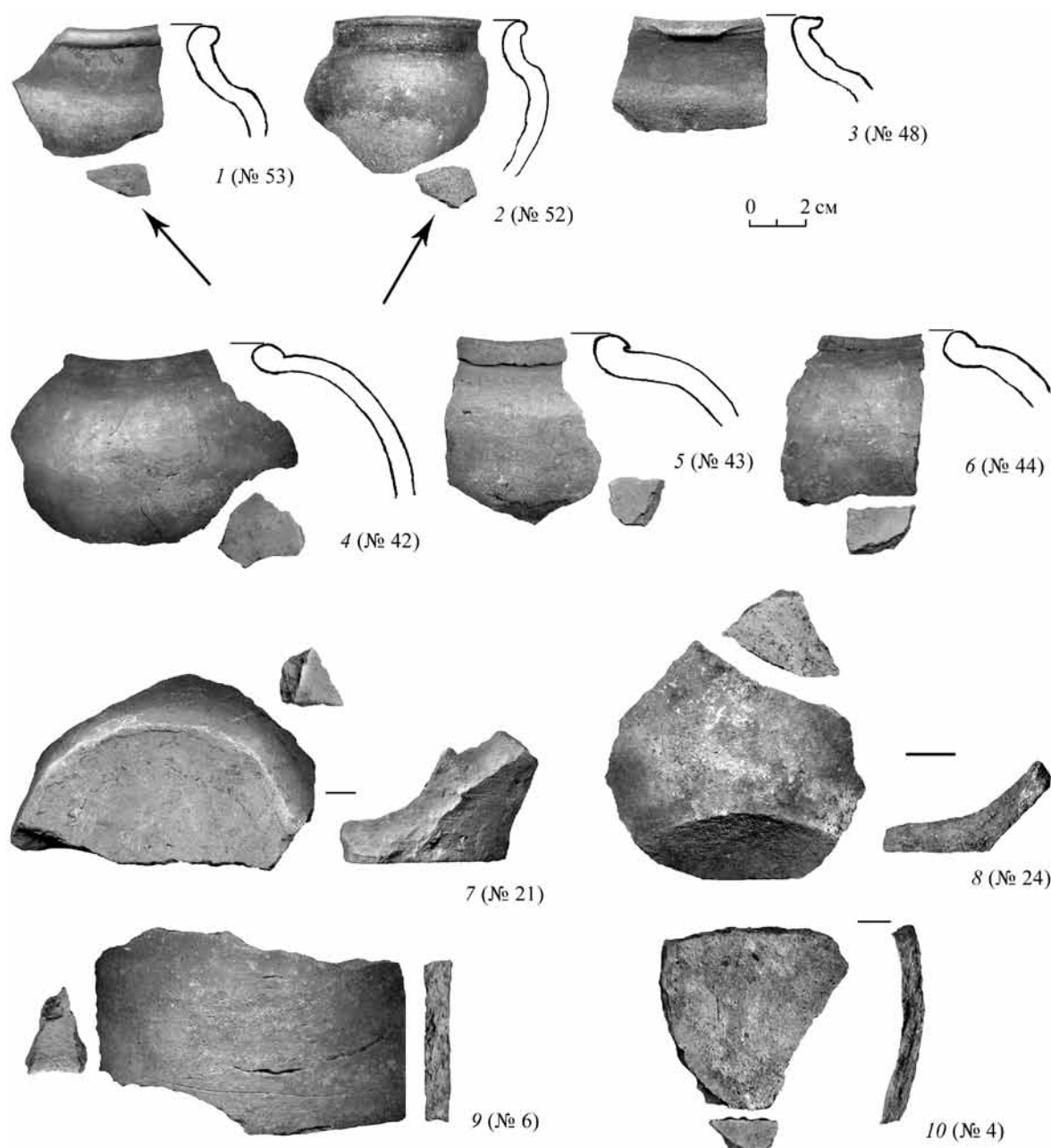

Рис. 1. Подъемный керамический материал селища Вёжи. (См. цв. вкл.)

1–10 – красноглиняная керамика. Стрелками показаны образцы керамики, обожженной при 850°C.

В скобках указан порядковый номер образца по коллекционной описи

Данный материал соотносится с керамическим материалом, который встречается на 6–8-м строительных горизонтах и датируется периодом не ранее начала второй трети XV в. и не позднее конца XVII в. (Кабатов, 2015). В данный временной отрезок бытовала посуда нескольких типов, но в рассмотренном нами подъемном материале присутствуют сосуды трех типов (и их вариантов): VIII (рис. 1, 1–2; 2, 1), X (X', X'') (рис. 1, 3; 2, 2–3) и XI (рис. 1, 4–6; рис. 2, 4–5) (табл. 2).

Для получения более полной информации при обработке керамического материала было решено использовать несколько методов, которые взаимно дополняли бы друг друга и подтверждали полученные результаты.

1. Методика технико-технологического анализа.

2. Естественно-научные методы:

– термическая обработка: обжиг в муфельной печи;

– метод бинокулярной микроскопии;

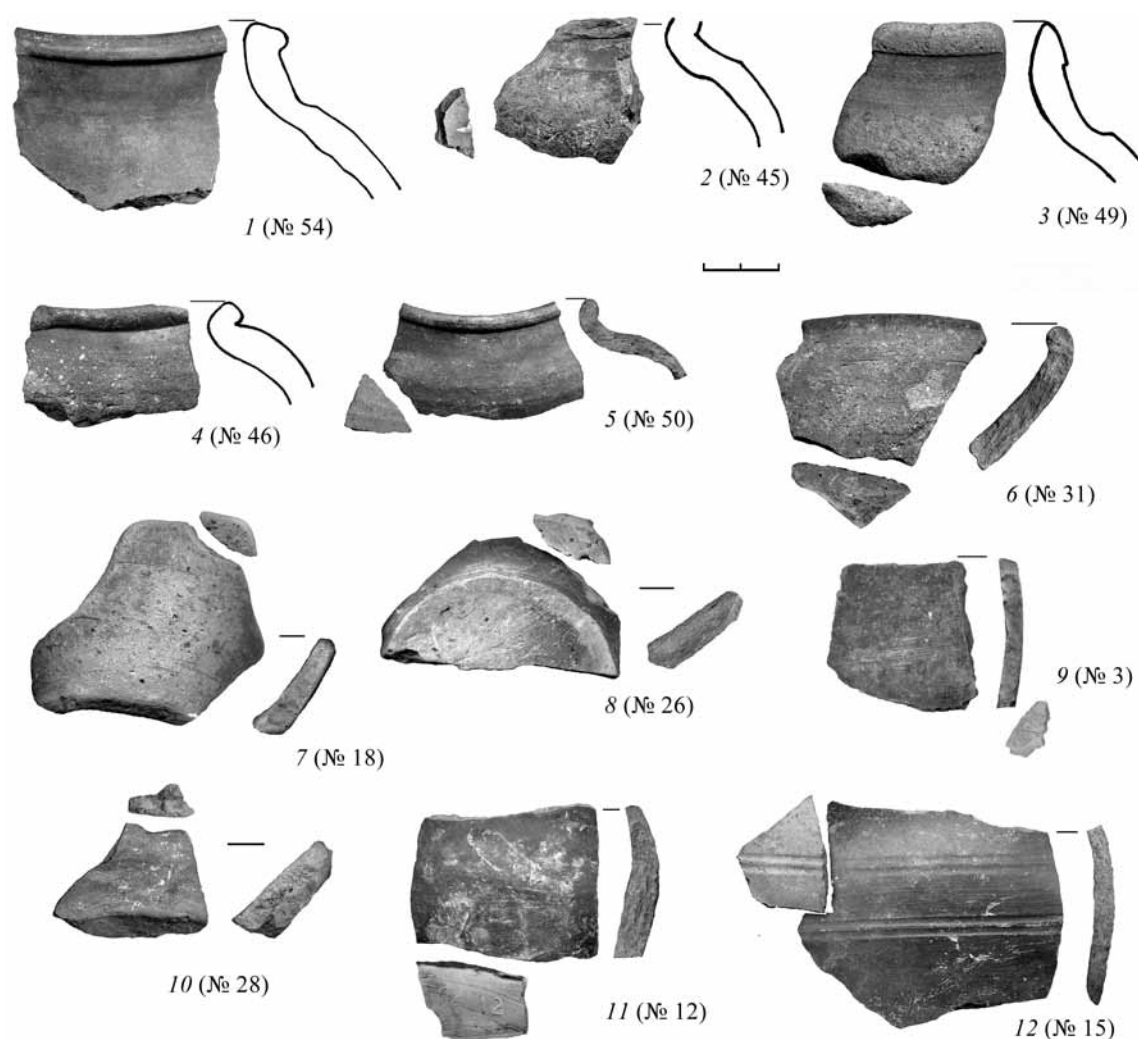

Рис. 2. Подъемный керамический материал селища Вёжи. (См. цв. вкл.)

1–10 – мореная керамика; 11–12 – чернолощеная керамика

- рентгенофлуоресцентный анализ;
- макроscopicкий анализ.

Все естественно-научные методы проведены в лаборатории Поволжского государственного технического университета д.т.н. профессором С. Я. Алибековым.

Ниже представлены результаты, полученные в ходе проведенных анализов.

Используя методику *технико-технологического анализа*, разработанную А. А. Бобринским и Ю. Б. Цетлиным, определялись технологические признаки, такие как уровень РФК; вид начина; программа и конструирование полого тела; способы дополнительной обработки поверхности изделия (Бобринский, 1978. С. 114–241; Цетлин, 2012. С. 49–126).

Прежде чем перейти к технической характеристике изделий, необходимо было определить со-

став формовочной массы (исходное глинистое сырье, естественные и искусственные примеси).

Для определения степени ожелезненности природного глинистого сырья был произведен *обжиг в муфельной печи* по методике Ю. Б. Цетлина всех 56 фрагментов керамики (Цетлин, 2006. С. 422). Образцы керамики помещались в муфельную (лабораторную) печь SNOL (СНОЛ) при комнатной температуре. Затем температура в печи доводилась до 850°C, фрагменты выдерживались в течение 20 минут при этой конечной температуре, и печь выключалась. Фрагменты керамики вынимались из печи на следующий день. После обжига в муфельной печи все 56 фрагментов приобрели кирпично-красный цвет. Такой цвет фрагментам придает железосодержащая глина. Таким образом, для всех изделий была использована ожелезненная глина (рис. 1; 2).

Таблица 1. Подъемный керамический материал с. Вёжи (по материалам 2015 г.).

Группы и типы керамики	Число фр-тов	Всего, %
<i>Красноглиняная керамика</i>		
Венчики сосудов, в том числе:		
– тип VIII	4	
– тип X'	2	
– тип XI	3	
Донца сосудов	6	
Стенки сосудов	8	
Миски	1	
Крышки	3	
Грузила	2	
Итого	29	51,7
<i>Мореная керамика</i>		
Венчики сосудов, в том числе:		
– тип VIII	1	
– тип X	1	
– тип X'	1	
– тип X''	1	
– тип XI	2	
Донца сосудов	8	
Стенки сосудов	3	
Миски	1	
Грузила	3	
Итого	21	37,5
<i>Чернолощеная керамика</i>		
Донца сосудов	1	
Стенки сосудов	4	
Грузила	1	
Итого	6	10,8
Всего	56	

Для анализа исходного глинистого сырья (оценки степени его запесоченности) и входящих в состав формовочной массы примесей во всех 56 образцах использован метод бинокулярной микроскопии (микроскоп МБК-10). В настоящее время нет общепринятой точки зрения по вопросу о степени запесоченности глины, естественной или искусственной примеси песка в ней, разные исследователи применяют различные критерии (Бобринский, 1978. С. 89; Лопатина, Каздым, 2010. С. 48). В изученных образцах в качестве естественных примесей присутствуют мелкий пылевидный песок, сочетающийся с отдельными крупными окатанными частицами; мелкий окатанный песок; просматриваются мелкая рельефность и зернистость излома. Практически во всех образцах глина среднезапесоченная.

В качестве естественных примесей присутствуют также единичные включения бурого железняка, известковой крошки, раковины, органики, а также

окатанный разнокалиберный, многоцветный кварцевый песок (табл. 3).

Эти включения хорошо просматриваются на полученных макрошлифах (рис. 3).

В рассмотренных материалах можно выявить один простой и два сложных рецепта формовочных масс:

1) простой: глина без искусственных примесей (51 фр., 91,06%);

2) сложные: глина + песок (2 фр., 3,57%); глина + дресва (3 фр., 5,35%).

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в среде вёжских гончаров имел массовое распространение прием изготовления керамики из одной глины – среднезапесоченной ожелезненной без искусственных добавок. Наличие естественных примесей бурого железняка, известковой крошки, раковины, органики и концентрации естественного кварцевого песка позволило предположить

Таблица 2. Распределение керамики по строительным горизонтам.

(МК – мореная керамика; КГ – красноглиняная керамика; ЧЛ – чернolощеная керамика).

Строительный горизонт (датировка)	8 (не ранее начала 2-й трети XV – не позднее 1-й пол. XVII в.)			7 (не ранее 2-й пол. XV – не позднее кон. XVII в.)			6 (не ранее рубежа XV/XVI вв. – не позднее рубежа XVI–XVII вв.)		
	МК	КГ	ЧЛ	МК	КГ	ЧЛ	МК	КГ	ЧЛ
Группы керамики									
Типы (варианты) керамики			VI						
	VIII		VIII	VIII		VIII	VIII	VIII	VIII
	IX	IX		IX			IX		IX
	X		X				X		X
	X'	X'	X'	X'	X'	X'	X'	X'	X'
				X''		X''	X''		X''
	XI			XI	XI		XI	XI	XI
	XI'		XI'	XI'		XI'	XI'	XI'	XI'

Таблица 3. Естественные и искусственные примеси в керамическом материале с. Вёжи.

Примеси в керамике	Число фр-тов	Итого, %
<i>Естественные примеси</i>		
Песок	13	23,21
Песок, бурый железняк, известковые включения, органика, ракушка	8	14,28
Песок, бурый железняк, органика	9	16,07
Песок и бурый железняк; песок и органика; песок и известковые включения	21	37,52
Всего	51	91,08
<i>Искусственные примеси</i>		
Песок	2	3,57
Дресва	3	5,35
Всего	5	8,92

использование гончарами как минимум двух-трех разных сырьевых источников. Данный вывод подтверждают результаты, полученные в ходе рентгенофлуоресцентного анализа.

Рентгенофлуоресцентный анализ был использован для получения более полной информации об исходном глинистом сырье, в данном случае – о химическом составе глин. Для анализа использован портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр (анализатор) *SI TINAN Series*. Изучено девять образцов керамики (табл. 4).

Данные химического анализа глины, из которой сделаны исследуемые образцы селища Вёжи, позволяют констатировать факт наличия двух групп:

1) кремнеземные: в них больше оксида кремния SiO_2 (7 фр., 77,8%);

2) глиноземные: в них больше оксида алюминия Al_2O_3 (2 фр., 22,2%).

Подобное может свидетельствовать об использовании местными гончарами как минимум двух сырьевых источников.

Для более полной характеристики макроструктуры изделия проведен *макроскопический анализ*, цель которого:

– определить макроструктуру изделия (то есть его зернистость);

– определить пористость изделия (форма, глубина пор и их внутренняя структура);

– проследить форму и состав включений (макрошлиф четко показывает форму кристаллов песка, полевого шпата, бурого железняка, кальцитового цемента (известковые включения), биотита, мусковита);

– определить структурные несовершенства (дефекты, трещины и т. п.).

Были приготовлены макрошлифы с использованием шлифовальной машинки и металлографической бумаги (от № 50 до № 100). Перед фотофиксацией поверхность шлифа подвергалась очистке для удаления из пор частичек пыли. Макрошлифы были сфотографированы с 10-кратным увеличением при искусственном освещении (рис. 4; 5).

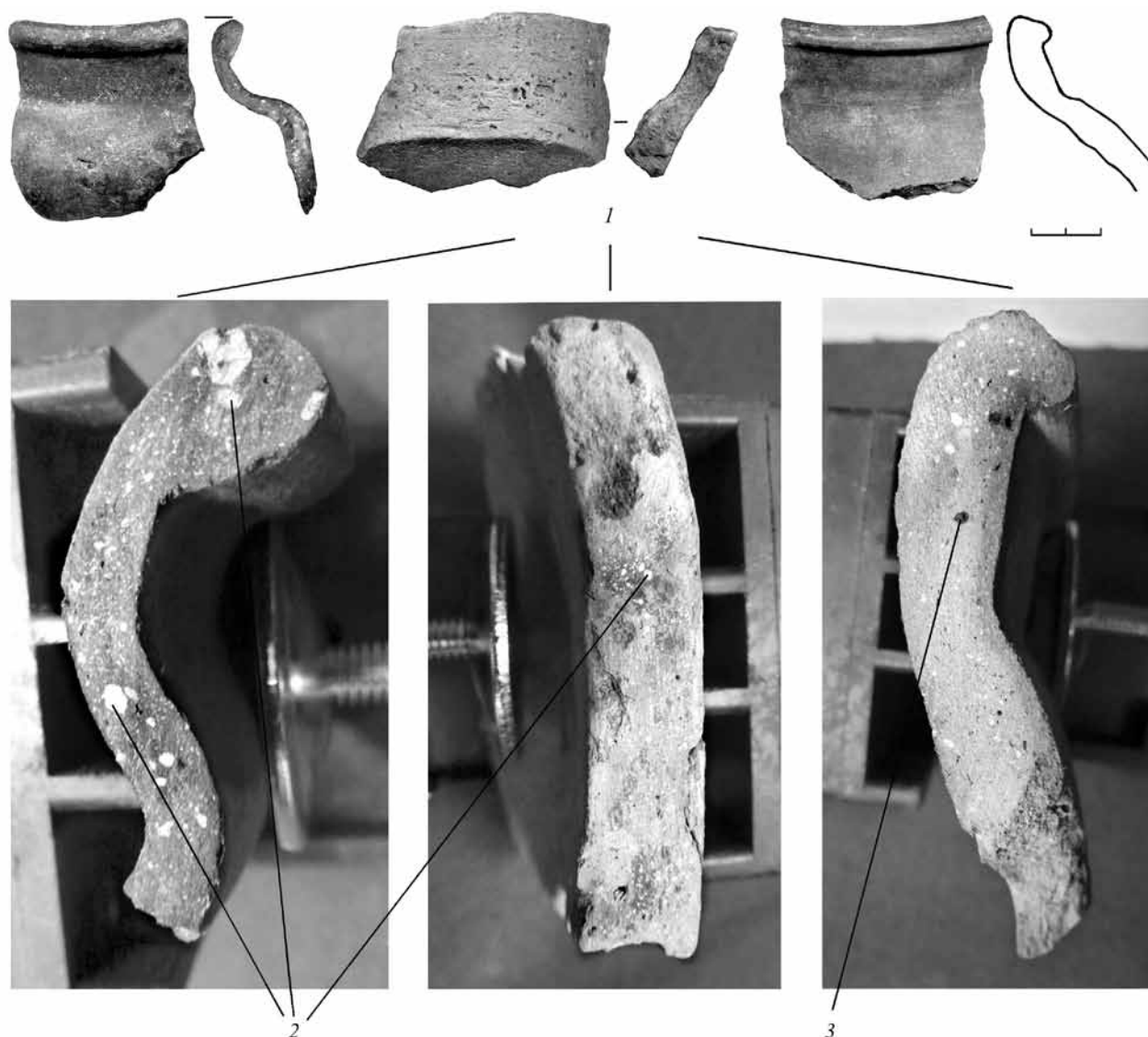

Рис. 3. Фотофиксация естественных примесей на макрошлифах керамических изделий

1 – макрошлифы; 2 – включения кварцевого песка; 3 – включения бурого железняка.
Стрелками показаны макрошлифы и включения естественных примесей

На макрошлифах читаются следующие включения: кристаллы кварца, кальцитовый цемент (известковые включения), полевые шпаты, биотит, мусковит.

Таким образом, используя результаты естественно-научных методов, мы более точно определили состав формовочной массы (исходное глинистое сырье и примеси естественные и искусственные) изделий селища Вёжи. Вероятно, гончары использовали жирные глиноземные и тощие кремнеземные глины как минимум из двух-трех сырьевых источников. Хотя более 90% исследуемых образцов сделаны из одной глины (запесоченной ожеженной без искусственных добавок), в качестве естественных примесей фиксируются песок и дресва.

Далее переходим к технической характеристике изделий, используя методику *технико-технологического анализа*.

Из 15 донцев сосудов только для 5 мы можем зафиксировать *донно-емкостную программу конструирования начина* (составной, высота начинов от 1,3 до 2,0 см). Остальные – это небольшие фрагменты, которые подверглись сильному внешнему воздействию. На поверхности днищ фиксируются бортик, подсыпка песка, отпечаток поверхности деревянного круга, следы от оси диска.

Сегодня можно достоверно выделить только один *способ конструирования полого тела*: спиральный налеп из жгутов.

Таблица 4. Химический состав глин с. Вёжи, по данным рентгенофлуоресцентного анализа.

№ образца	Анализируемый предмет	Химический элемент, %										Глина
		Al	Si	Fe	Mn	P	S	Ti	Sn	Zn	Mg	
39	Грузило красноглиняное	42,50	–	43,45	1,15	–	–	5,59	3,06	–	2,36	Жирная глиноземная
34	Крышка красноглиняная	41,88	–	44,16	–	–	–	5,26	3,58	1,65	2,03	Жирная глиноземная
44	Стенка красноглиняная	1,02	74,50	13,94	–	6,92	1,21	2,25	–	–	–	Тощая кремнеземная
49	Венчик мореный	5,32	68,60	19,56	0,95	1,20	0,68	2,15	–	–	–	Тощая кремнеземная
46	Венчик мореный	4,29	64,95	23,43	0,69	1,27	0,51	2,91	–	–	–	Тощая кремнеземная
37	Грузило мореное	3,73	61,96	23,44	0,92	3,47	0,78	3,03	2,44	1,32	6,5	Тощая кремнеземная
35	Крышка красноглиняная	5,08	58,95	27,41	1,49	1,66	1,02	2,66	–	–	–	Тощая кремнеземная
43	Венчик красноглиняный	4,05	54,03	28,03	1,59	2,03	4,16	–	1,96	–	–	Тощая кремнеземная
45	Венчик мореный	2,51	41,14	39,97	–	9,32	2,41	1,87	–	–	–	Тощая кремнеземная

Сосуды, изготовленные способом скульптурной лепки, подвергались профилированию на гончарном круге (тулово + плечико + венчик). Данные признаки соответствуют РФК-(3)4 и реже РФК-5 (в наших образцах это в большей степени относится к мореной и чернолощеной керамике).

Обработанный материал позволяет говорить, что вёжские гончары применяли следующие *приемы обработки поверхности*: заглаживание (деревянным ножом и пальцами), обтачивание, лощение полосчатое и сплошное.

Орнамент встречен только на двух фрагментах: стенка чернолощеного сосуда (сдвоенные врезные горизонтальные линии) и крышка красноглиняная (рис. 2, 12).

Скорее всего, гончары использовали *прием неполной выдержки изделий* при температурах каления больше 650–700°. Был распространен обжиг в окислительной среде: 55,4% керамики (31 экз.) показывают обжиг сквозной и равномерный (красноглиняная, мореная и чернолощеная), 44,6% (25 экз.) имеют в изломе темные прослойки (с четкой или размытой границей), что является признаком неполного прокаливания. Но пока не проведены дополнительные исследования, невозможно сказать точно, при какой именно температуре обжигалась керамика на с. Вёжи.

На данный момент считается, что вёжские гончары *обжигали свою посуду в обычных бытовых печах*. Горновых устройств или специальных пе-

чей для обжига керамики при археологических раскопках на селище Вёжи пока не найдено.

Основу ассортимента вёжских гончаров составляли кухонные горшки, корчаги, миски, крышки и т. д. Это стандартная керамика XV–XVIII вв., которая повсеместно встречается в разных русских городах: Москве, Новгороде, Владимире, Нижнем Новгороде, Царевококшайске (*Бойцов*, 1991. С. 38, 39; *Розенфельдт*, 1968. С. 28–38; *Смирнова*, 1956. С. 228–248; *Курочкина*, 2011. С. 126–129).

В рассматриваемый временной период гончарство на селище Вёжи покрывало спрос на данную продукцию среди жителей поселений, а традиции местных мастеров похожи на традиции гончаров других русских центров. Сравнительный анализ керамического материала до и после проведенных анализов представлен в таблице 5.

Итак, в результате проведенных технико-технологического и естественно-научных анализов керамического материала мы получили более подробную информацию о технологических особенностях изготовления глиняной посуды на селище Вёжи в XV–XVII вв.

На основании проведенного химического анализа выделены два сорта глин: кремнеземные и глиноземные, которые гончары селища Вёжи использовали при изготовлении своих изделий. Также установлено, что все изученные образцы изготовлены из ожелезненных глин, причем содержание Fe в них составляет от 20 до 45%.

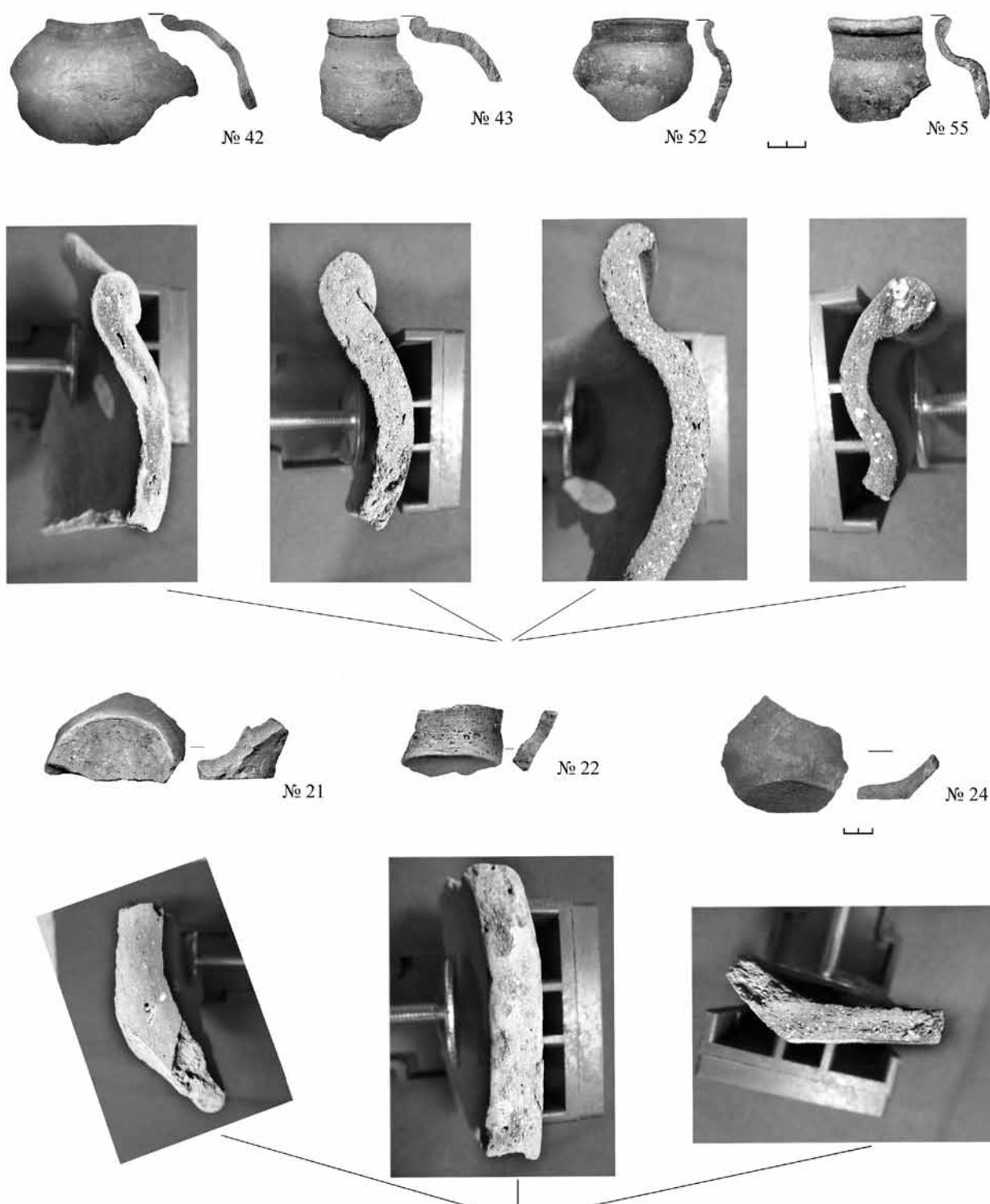

Рис. 4. Макрошлифы красноглиняных керамических изделий. (Стрелками показаны макрошлифы, сфотографированные с 10-кратным увеличением при искусственном освещении. Нумерация образцов указана в соответствии с коллекционной описью)

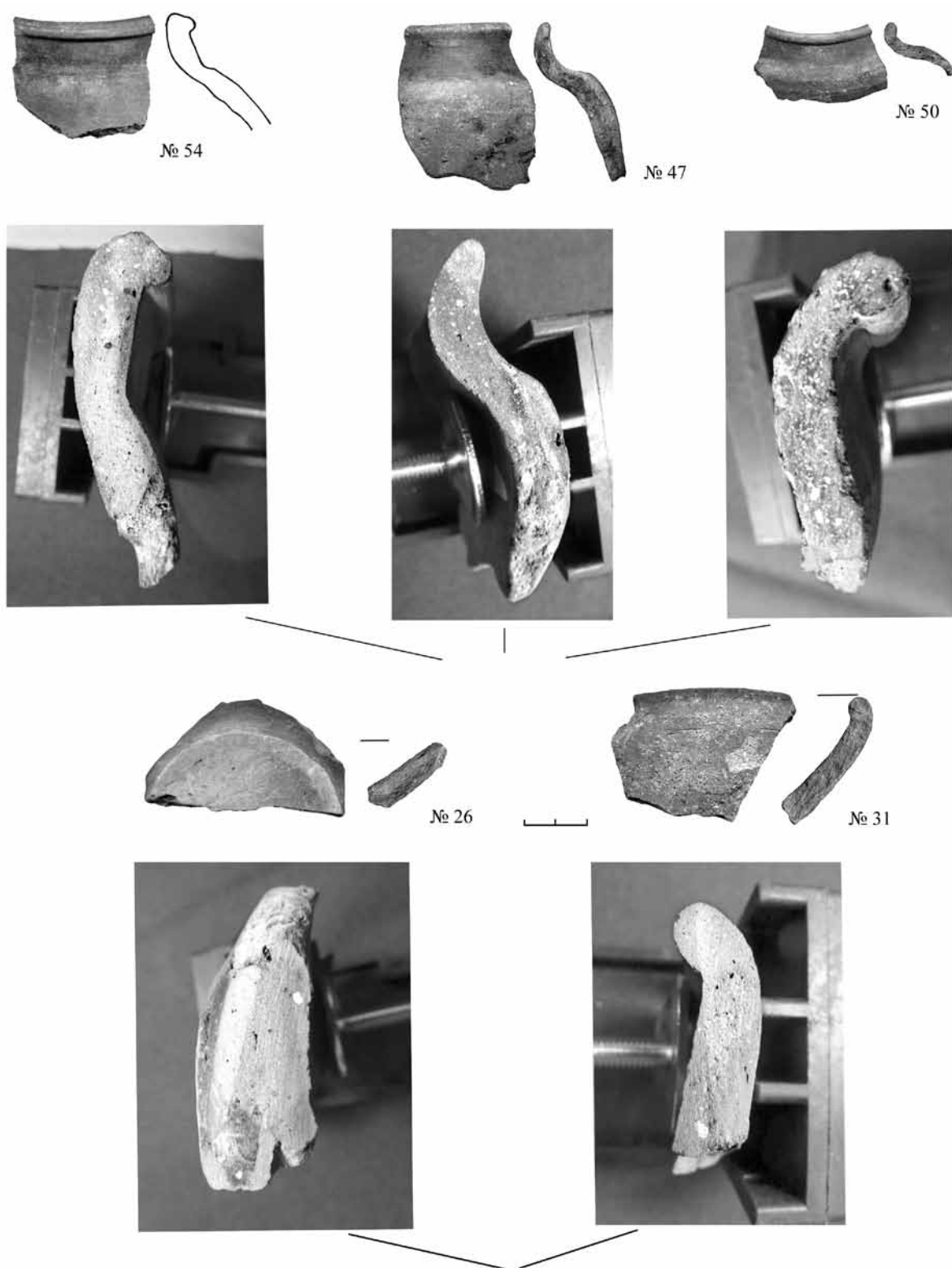

Рис. 5. Макрошлифы мореных керамических изделий. (Стрелками показаны макрошлифы, сфотографированные с 10-кратным увеличением при искусственном освещении. Нумерация образцов указана в соответствии с коллекционной описью)

Таблица 5. Сравнительный анализ керамического материала с. Вёжи.

Показатели	Описание керамического материала (до проведенных анализов)	Описание керамического материала (после проведенных анализов)
Исходное сырье	Тощая ожелезненная глина	Ожелезненная глина, среднезаспесоченная. Естественные примеси: бурый железняк, известковая крошка, раковина, органика, песок. Также есть включения других минералов. Использовалась во влажном состоянии. Глины кремнеземные и глино-земные (жирные и тощие).
Формовочные массы	Могли вводить в качестве искусственной примеси песок, дресву, органику	Рецепты: 1) простой: глина без искусственных примесей; 2) сложные: глина + песок; глина + дресва. Массовое распространение приема изготовления керамики из среднезаспесоченной ожелезненной глины без искусственных добавок.
Программа конструирования начинов	Донно-емкостная (составной)	Донно-емкостная (составной, спиральный налеп). На поверхности днищ фиксируются бортик, подсыпка песка, отпечаток деревянного круга, след от оси диска.
Конструирование полого тела	Спирально-жгутовой налеп	Спирально-жгутовой налеп.
Формообразование	РФК не выше 3–4, 5–6 (для мисок и светильников)	РФК-(3)4, реже 5.
Обработка поверхности	Заглаживание рукой, деревянным инструментом	Заглаживание деревянным ножом и пальцами гончара, обтачивание, лощение полосчатое и сплошное.
Орнамент	Горизонтальные и волнистые линии, насечки	Врезные горизонтальные полосы.
Придание изделиям прочности	Обжиг в печи	Мог использоваться прием неполной выдержки изделий при температуре каления больше 650–700°. Распространен обжиг в окислительной среде; мог быть сквозным равномерным, но встречаются фрагменты с темными прослойками. Вероятно, для обжига использовались печи.

Литература

Алексеев С. И., 1999. Археологические источники в контексте формирования территории г. Костромы в XII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета. № 2. Кострома: КГУ. С. 57–59.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 278 с.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА АН СССР. С. 33–41.

Кабатов С. А., 2004. Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века // Новейшие археологические исследования в российской провинции. Работы молодых исследователей провинции как социокультурного феномена. Ч. II. Кострома: КГУ. С. 7–25.

Кабатов С. А., 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 222–248.

Кабатов С. А., 2015. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи. Кострома. Т. I. 276 с.; Т. II. 104 с.

Курочкина С. А., 2011. Керамика города Царевококшайска (по материалам раскопок 2008–2010 гг.) // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Матер. науч. конф., посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, литературы и истории. С. 125–131.

Лопатина О. А., Каздым А. А., 2010. Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН. С. 46–57.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.)//МИА. № 55. М.: АН СССР. С. 228–248.

Цетлин Ю. Б., 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для про-

изводства глиняной посуды//Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр. С. 421–425.

Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 430 с.

S. A. Kabatov, S. A. Kurochkina & S. Ya. Alibekov

The use of natural scientific methods in the analysis of ceramic artefacts from the village of Vezha, in Kostroma Region (based on archaeological finds of 2015)

Summary

To improve the classification of ceramic artefacts found at sites in the town of Kostroma and settlements in its vicinity, natural scientific methods were used. These included incineration in a muffle furnace;

binocular microscopy; X-ray fluorescent analysis; and macroscopic analysis. New information was obtained about the technological processes used in manufacturing ceramics in the 15th – 17th centuries.

Д. О. Осипов

Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги)

В статье подведены предварительные итоги изучения изделий из кожи, собранных при археологических раскопках в московском Зарядье с июля по декабрь 2015 г., проводившихся Институтом археологии РАН и ООО «Столичное археологическое бюро». В настоящее время археологические исследования на этой территории продолжаются.

Для истории Москвы Зарядье имеет особый статус, поскольку именно здесь в 1950-х гг. проводились первые масштабные раскопки, предшествовавшие строительству гостиницы «Россия». Здесь же впервые в нашей стране началось изучение «археологической кожи». В 1952 г. руководителем московской археологической экспедиции М. Г. Рабиновичем для исследования массовых деталей кожаной обуви, найденных в напластовках XVI–XVII вв., была привлечена группа обувщиков-технологов под руководством профессора Ю. П. Зыбина. Следует подчеркнуть, что наряду с традиционной органолептической методикой описания и систематизации массовых находок технологи провели химические и физико-механические исследования найденных археологами изделий. Им удалось исследовать химический состав кожевенного сырья, выявить процентный состав золы, жирующих веществ, измерить прочность кожи на разрыв и стойкость к истиранию. Как следует из их отчета, собранные в раскопе образцы кожаной обуви не уступали по качеству тогдашним ГОСТам, а по некоторым показателям даже превосходили их (Зыбин, Шестакова, Богданов, 1952). В то время подобных исследований не проводили ни в одной стране мира. К сожалению, после отстранения М. Г. Рабиновича от руководства

экспедицией¹ эта работа не получила поддержки у нового руководства и была прекращена. Сегодня для обработки собранного в Зарядье материала мы использовали такие доступные естественнонаучные методы, как рентгенофлуоресцентный анализ (Приложение 1) и жидкостная хроматография (Приложение 2).

Характеристика коллекции

На семи раскопах общей площадью 572 кв. м собрано более 10,5 тыс. находок, подавляющую часть которых составляют обрезки от раскроя (табл. 1). Однако распределение материала на исследованной площади было неравномерным. Основное количество находок происходит с трех раскопов – № IV, V, VII, совокупная площадь которых равна 286 м². Значительная часть найденных в Зарядье изделий из кожи относится к XVI–XVII вв. Вышележащие напластовки повреждены фундаментами и подвалами каменной застройки XIX в., стилобатом гостиницы «Россия» и многочисленными коммуникациями. К самым ранним находкам принадлежат изделия, зафиксированные в нижележащих напластовках раскопа VII, датирующихся XIV в.

Кроме ремесленных отходов и обувных деталей в коллекции насчитывается небольшое количество кожаных изделий, основная часть которых сохранилась фрагментарно. В их число входят рукавицы, обрывки сумок, мячей и ножен. Отдельного внимания заслуживают такие редкие находки, как ольстра (седельная кобура) и лестовка (четки). Среди археологического материала на сегодняшний день известно всего четыре ольстры, происходящих из Москвы (Векслер, Осипов, 1999. С. 215), Ивангорода

¹ В условиях проводившейся в те годы кампании по борьбе с космополитизмом человек с такой фамилией, возглавляющий экспедицию, работавшую в самом центре Москвы, был живой мишенью для критики.

Таблица 1. Общая статистика изделий из кожи.

Находки	Раскоп I	Раскоп II	Раскоп IV	Раскоп V	Раскоп VI	Раскоп VII
Подошвы (всего)	3	4	991	164	33	413
Подошвы с клеймом	254 ²					
Подметки			28	2	1	2
Головки		1	264	32	22	154
Поднаряд			197	27	18	98
Задники			183	19	18	297
Голенища			19	4	5	13
Каблук (наборный)			232	45		11
Каблук внутренний		2	12			317
Поршень			3	2		
Рукавицы			5			1
Ремни						1
Прокладки/шайбы			1	22		3
Ольстра	Зона наблюдения в районе строительства паркинга					
Лестовка	Зона наблюдения в районе строительства паркинга					
Футляр (?)			2			1
Сумки			4		1	2
Мяч					1	2
Ножны			2	1		2
Изделия			1			2
Стельки войлочные			4	2	3	36
Стельки вязаные					1	
Мелкие обрывки обувных деталей	7	3	112	23	9	256
Обрезки первичного края	3		45			1437
Обрезки вторичного края	14	1	1128	98	24	3615
Неопределенные обрывки	4		95	2	3	145
Всего	31	11	3321	443	120	6808
Общее количество	10 735					

(Курбатов, 1995. С. 206) и сибирской крепости Тары (Осипов и др., в печати). Такие находки, как кожаные четки – лестовки, в археологических публикациях не отражены вовсе, хотя этот предмет личного благочестия был довольно широко распространен.

Сырье. Осмотр мерейной³ поверхности значительной части находок показал, что для выделки обуви использовались шкуры домашних животных, в основном крупного рогатого скота (КРС), обладавшие более высокой плотностью и упругостью. Они шли на выделку так называемого тяжелого товара – полуваля, использовавшегося для изготовления подошв. Мягкий товар (опоек, выросток), получавшийся из телячьих шкур, шел на изготовление деталей верха. Следует отметить, что самая ранняя из известных московских кожевенных слобод на-

ходилась именно в Зарядье. Лишь во второй половине XIV в. «кожевническая черная полусотня» была переведена на дальнюю окраину средневековой Москвы. По переписи дворов 1638 г., эта слобода насчитывала 51 двор, а в 1653-м их стало 74. В современном городе название слободы сохранила Кожевническая ул., пролегающая от Павелецкого вокзала до Новоспасского моста (Осипов, 2006. С. 61).

Кожаная обувь

Именно эта категория находок, как правило, является самой массовой в составе коллекций изделий из кожи. В данном случае практически весь объем обувных деталей, за исключением пяти поршней, принадлежит к высокой обуви, представленной сапогами различных конструкций.

² Поскольку все подошвы с клеймами найдены в верхних напластованиях, датирующихся второй половиной XVII в., целесообразно объединить данные со всех раскопов, где был зафиксирован слой этого времени.

³ Меря – рисунок на лицевой поверхности выделанной кожи.

Рис. 1. Поршень кожаный. Р. V, кв. В-2, гл. -98 см

Туфель на этом этапе раскопок не зафиксировано даже в самых ранних напластованиях раскопа VII, относящихся к середине XIV в.

Все пять поршней принадлежат к типу наиболее распространенных, так называемых простых (рис. 1). Один фрагмент такой обуви, найденный в верхних напластованиях раскопа IV, украшен тремя линиями тисненых вдавлений и бахромой (рис. 2, 3).

Самые ранние детали сапог, зафиксированные в предматериковом слое раскопа VII, конструктивно принадлежат к переходному типу, занимающему промежуточное положение между мягкой и жесткой конструкцией. От сапог древнерусского времени их отличает наличие жесткой однослойной подошвы (рис. 3, 1) и дополнительных подкладок задника (рис. 4, 8). Головки таких сапог имели округлый носок, прямой обрез верха и короткие скошенные боковины. Верхний обрез задника слегка вытянут (рис. 4, 7).

Со второй половины XIV в. конструкция задника приобретает вид кармана, внутрь которого вставлен берестяной вкладыш, верхняя кромка задники вытягивается вверх⁴ (рис. 4, 6, 9). На рубеже XIV–XV вв. сапожные головки снабжаются поднарядом (подкладкой), который в этот период занимает лишь носочную часть детали (рис. 4, 3б). Выше уровня -300/-320 см в раскопе VII подошвы со сквозным швом и подрезкой под нить окончательно сменяются подошвами, скреплявшимися с верхом при помощи потайного шва⁵. В это время потайной шов достаточно узкий (не более

0,5 см), располагается вплотную к краю подошвы (рис. 3, 2). Конструкция двусоставного сапожного голенища в сравнении с домонгольскими образцами не претерпевает каких-либо изменений.

Формирование сапог жесткой конструкции заканчивается к середине XV в. В дальнейшем она существенно не меняется, вплоть до появления у сапог наборного каблука, сменившего невысокий (1–1,5 см) «внутренний» каблук, изготовленный из 3–5 косо срезанных подкладок (рис. 3, 8). За это время потайной шов постепенно отодвигается от края подошвы и становится несколько шире. Окончательно формируется карман задника с берестяным вкладышем (собственно задником) и пятиугольной задинкой со скошенными боковинами и заостренным верхом (рис. 4, 10).

Примечательно, что в это время наряду с обычной обувью, предназначенной для повседневного ношения, жители Зарядья используют специализированную обувь. К ней принадлежат сапоги, найденные в раскопе VII в слое XVI в., имеющие двусоставный верх, где передняя часть голенища выкроена зацело с головкой, а задняя часть голенища составляет одну деталь с задником. Такая форма кроя минимизирует количество швов, сквозь которые могла просачиваться вода, что характерно либо для охотничьих «ловчих» сапог, либо для рыбацких бродней. Подобная обувь известна по раскопкам в Москве (Осипов, 2006. С. 46. Илл. 74) и Великом Новгороде (Осипов, 2011).

⁴ Вытянутый верх задника – технологический прием, снижающий нагрузку на шов и препятствующий быстрому сминанию и изнашиваемости пяточного узла. Судя по постепенному вытягиванию верха, это понимание пришло к ремесленникам не сразу, а опытным путем.

⁵ Шов впотай, при котором нить проходит в толще кожаного листа, не выходя наружу.

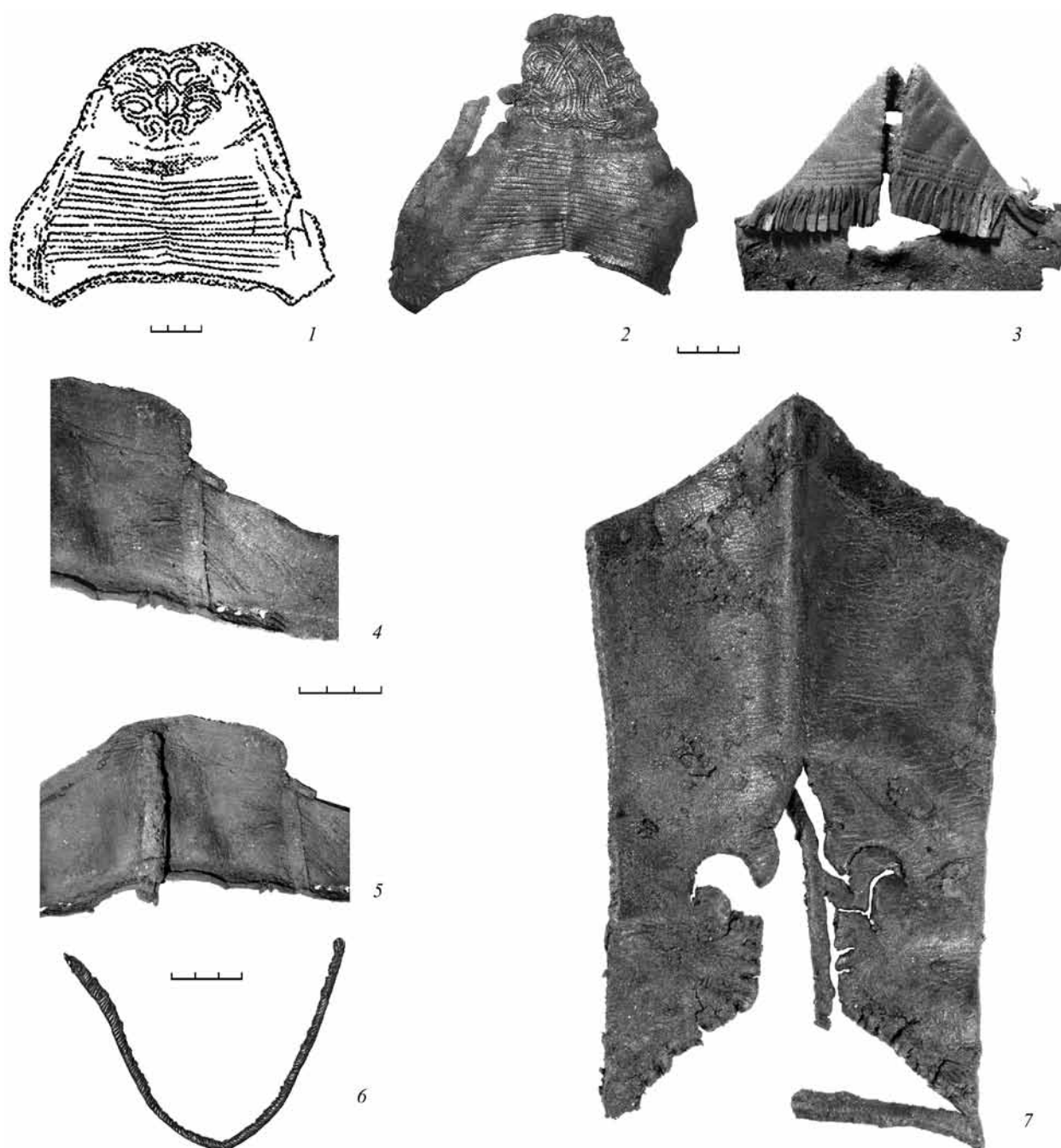

Рис. 2. Обувь. Декор

1 – головка сапожная из раскопок А.Ф. Дубынина; 2 – головка сапожная с расшивкой. Р. IV, кв. Г-3, гл. -120 см; 3 – поршня обрывок. Р. IV, уч. 2, кв. Г-5, гл. до 0 см; 4, 5 – фрагмент задней части верха с декоративным швом и гвоздиками. Р. IV, кв. В-4, гл. -20 см; 6 – декоративная проволока. Р. V, кв. В-1, гл. +14 см; 7 – голенище. Зона наблюдения, профиль 21

В напластованиях последней четверти XV – начала XVI в. ожидаемо появляются сапожные головки с заостренным и вытянутым «копьевидным» носком (рис. 4, 3a). Такой фасон сапог, копирующий

европейские *poulaine*⁶, появляется под влиянием французско-бургундской моды, распространившейся впоследствии по всей Европе. Начало ее проникновения в Россию находит отражение в материалах

⁶ Изобретение *poulaine* приписывается графу Анжуйскому, желавшему таким образом скрыть уродливость стопы (Мерцалова, 1993. С. 162). Гипертрофированные носки *roulaine*, набитые конским волосом, пристегивались к ноге специальной цепочкой и браслетом. Их длина, строго регламентированная сословной принадлежностью, могла достигать 40 см (Мерцалова, 1993. С. 205).

Рис. 3. Обувь. Детали низа. Клейма

1 – подошва. Р. VII, кв. 9, гл. -340/-360 см; 2 – подошва. Р. VII, кв. 2, гл. -360/-380 см; 3 – подошва с кроколем. Р. IV, уч. 2, кв. Е-3, гл. до 0 см; 4 – подошва с кроколем. Р. VI, уч. 2, кв. Б-14; 5 – подошва с клеем. Р. IV, кв. В-2, пл. 1; 6 – подошва с клеем. Р. IV, уч. 2, кв. Е-3. Гл. до 0 см; 7 – подошва с клеем. Р. IV, кв. В-5, пл. 1; 8 – каблук внутренний. Р. IV, кв. В-5, гл. -20 см; 9 – шерстяная вязаная стелька. Р. VI, уч. 2, кв. А-16, гл. до -200 см; 10 – наборный каблук. Р. IV, кв. Г-3, пл. 1

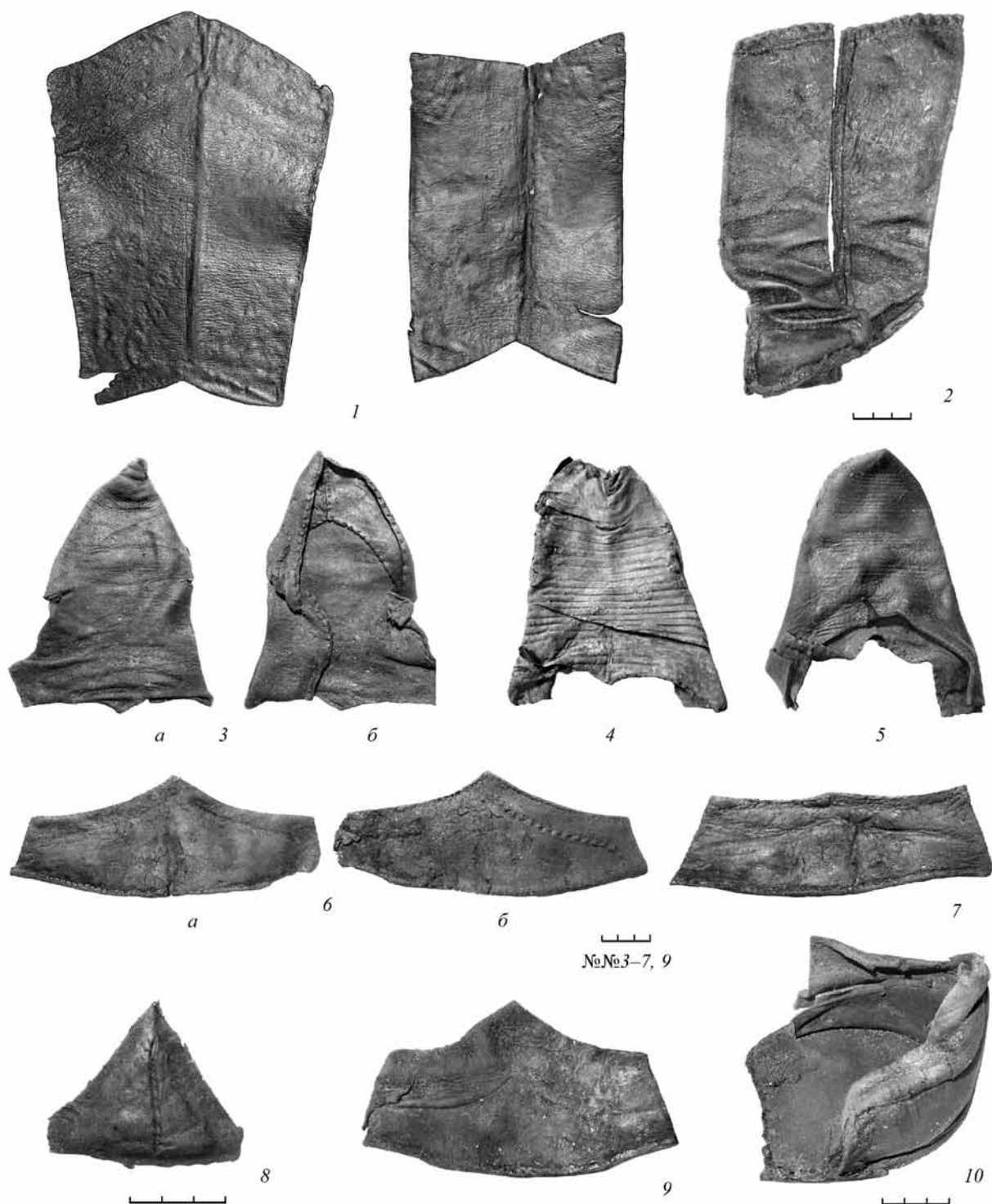

Рис. 4. Обувь. Детали верха

1 – двусоставное голенище. Раскопки А. Ф. Дубынина 1955–1957 гг. Уч. 8, гл. -340/-360 см; 2 – двусоставное голенище. Р. VII, кв. 6/н, гл. -160/-180 см; 3 – головка сапожная. Р. VII, кв. 18, гл. -200/-220 см; 4 – головка сапожная. Р. V, кв. Д-12, гл. -120 см; 5 – головка сапожная. Р. IV, уч. 2, кв. Е-6, гл. до -60 см; 6 – задник. Р. VII, кв. 3, гл. -340/-360 см; 7 – задник. Р. VII, кв. 2, гл. -340/-360 см; 8 – внутренняя деталь задника. Р. VII, кв. 17, гл. -240/-260 см; 9 – задник. Р. VII, гл. -180/-200 см; 10 – пятка подошвы с задником. Р. VII, кв. 18, гл. -240/-260 см

археологических коллекций Пскова, Полоцка, Ивангорода, Москвы и др. Русские сапоги имеют гораздо меньшую в сравнении с *poulaine* длину носка, не превышающую 2,5 см. Однако в России мода на заостренный и вытянутый носок не получила широкого распространения и окончательно исчезла к рубежу XV–XVI вв. Относительно небольшая численность таких моделей указывает на принадлежность их владельцам к правящему сословию, где удлиненный носок, как и одежда с удлиненными рукавами, подчеркивал непричастность ее владельца к физическому труду (Осипов, 2012. С. 240–250). В Зарядье головки с «копьевидным» носком зафиксированы на раскопах IV, V, VII. Сам факт наличия значительного количества таких деталей косвенно свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе проживавшего здесь населения.

В начале XVI в. сапоги с заостренным носком сменяет обувь с загнутым вверх носком подошвы, вшивавшейся в специальный вырез в носочной части сапожной головки. Появление такого фасона было обусловлено дальнейшим развитием жесткой конструкции, для которой характерен полный поднаряд, закрывавший весь подъем стопы. В этом случае сохранение эластичности носка обеспечивали треугольный вырез и поперечное линование на подъеме стопы (рис. 4, 4).

В отличие от описанных выше остроносых моделей сапоги с загнутыми вверх носками получают широкое распространение во всех слоях общества, различаясь лишь качеством кожи и богатством декора. Сапоги с загнутыми носами можно видеть на портрете Василия III с гравюры венецианского издания книги С. Герберштейна «Записки о Московии» (1988. Рис. 2), на горельефной фигуре мастера Авраама, помещенной в центре нижнего регистра левой створки дверей Корсунских (Магдебургских) врат Новгородского Софийского собора⁷, а также на глиняных игрушках (Осипов, 2014. С. 18. Илл. 16). Мода на загнутые носки приходит в Россию из стран Востока. Самые ранние из известных нам изображений обуви такого фасона сохранились на персидских миниатюрах XII–XIII вв. (Горелик, 1972. С. 42–44).

Декор сапог

Найденные в Зарядье сапоги украшались в зависимости от модных течений или статуса их владельцев. Наибольший интерес представляет сапог, найденный

при археологических наблюдениях в зоне паркинга при расчистке колодца, заполнение которого авторы раскопок датируют XVI в. По конструкции этот сапог аналогичен описанному выше фасону с загнутыми носками. Сапожный набор включает двусоставное голенище и головку с поднарядом. Судя по размеру, обувь принадлежала подростку. Уникальным является способ декора, выполненный в технике мозаики. Фигурная вставка на передней части голенища, изготовленного из цветной кожи, по форме напоминает геральдическую лилию (фр. *fleur de lys*). Примечательно, что мозаичная вставка и голенище изготовлены из кожи, окрашенной в различные цвета (Приложение 1). Кроме мозаичной вставки голенище имело декоративную оторочку по верхнему краю, на что указывают характерные швы, расположенные чуть ниже верхнего обреза (рис. 1; 2). Сохранившийся вдоль верхней кромки цвет красного красителя косвенно свидетельствует в пользу того, что верх голенища изначально был обшит материей.

Цветная кожа и богатый декор этих сапог также указывают на высокий социальный статус их владельца. Что касается техники декоративной отделки, то ее, по моему мнению, также следует искать в восточной традиции, в частности, у казанских татар, где техника кожаной мозаики получила мощное развитие, выраженное в хорошо организованном промысле, ставшем визитной карточкой казанских обувщиков (Самтарова, 2004. С. 7).

Отдельным вопросом является факт попадания дорогой и мало изношенной обуви в колодец, что не характерно для широко распространенной практики вторичного использования сапожных голенищ. Судя по набору деталей, попавший в колодец сапог изначально был целым.

Расшивка. В этой технике изготовлен единственный фрагмент сапожной головки, зафиксированной на раскопе IV в. в напластованиях XVI в. (рис. 2, 2). Редкость подобных находок обусловлена тем, что широко распространенная у древнерусских туфель техника расшивки цветными нитями для декора сапог использовалась довольно редко. Тем не менее такие модели известны в коллекциях Великого Новгорода (Изьмова, 1959. С. 159), Старой Рязани (Фатюнина, 2011. С. 158–167) и других русских городов. В Москве до настоящего времени была известна всего одна сапожная головка, украшенная расшивкой (рис. 2, 1), также происходящая из Зарядья (Дубынин, 1960. Рис. 41, 8).

⁷ Магдебургские врата на западной стороне Софийского собора в течение нескольких веков служили торжественным входом в собор. Сделаны врата западноевропейскими мастерами. Среди фигур, изображенных на вратах, присутствует фигура русского мастера Авраама, собравшего пластины ворот после их перевозки из Швеции.

К праздничной обуви принадлежат два фрагментарно сохранившихся обрывка задника, украшенного металлической планкой по оси пятки и задрапированными швами, найденный на раскопе IV в слое начала XVII в. (рис. 2, 4, 5).

Для повседневной обуви использовались более простые приемы декорирования, такие как тиснение. Линейным тиснением украшена большая часть сапожных головок, принадлежащих к сапогам с загнутыми носками (рис. 4, 4). Кроме декоративной функции гофрирование верха делалось с целью предотвращения образования грубых складок на подъеме стопы. Эта техника, получившая широкое распространение с начала XVI в., выполнялась при помощи нагретого железного стержня (шила).

Для украшения пятки и носка в XVI в. активно использовались металлические гвоздики, набивавшиеся в виде вертикальной линии, ромба или треугольника. Все исследованные нами детали подбиты обычными железными гвоздиками (Приложение 2).

Обшивка края. Кроме упомянутых выше сапог с мозаичным декором, на большей части голенищ, происходящих из слоя XV–XVI вв., сохранились следы фестонной деформации верхнего края, маркирующей линию переметочного шва, крепившего меховую оторочку или цветную кожу (ткань), которой обшивался верхний обрез голенища (рис. 4, 2). Сапог с сохранившейся обшивкой при раскопках не зафиксировано. Ее изображение можно видеть на миниатюрах Лицевого летописного свода («Русская летописная история», 2012. С. 390).

Плетеная проволока. На рубеже XVI–XVII вв. для украшения пяточного ранта стали широко использовать крученую проволоку (рис. 2, 6). Образцы обуви с подобным декором зафиксированы в различных частях Москвы (Осипов, 2006. С. 65). Среди находок из Зарядья мы отобрали три образца, исследованных нами с помощью RF-анализатора. Все они изготовлены из латунной проволоки (Приложение 2).

В начале XVII столетия распространяются модели с наборным каблуком, способствующим усилению жесткости пяточного узла и обеспечивающим удобство при ходьбе. При раскопках 2015 г. в Зарядье зафиксировано 288 фрагментов каблучных деталей, составляющих 6,5% всех обувных деталей. Высота каблучков различна. Самый высокий каблук нашей коллекции достигает 6 см,

однако очевидно, что часть кожаных фликов (подкладок) утрачена, поэтому изначально каблук был выше (рис. 3, 10). Для лучшей фиксации стопы у каблучных моделей распространяются подошвы с крокулем⁸.

Изменяются у каблучных моделей и форма деталей верха. В частности, значительно удлиняются крылья головок, носок которых чаще всего не заостренный, как у сапог XVI в., а округлый (рис. 4, 5).

Клейма

В третьей четверти XVII в. на сапожных подошвах появляются тисненные клейма, нанесенные нагретым шилом. На сегодняшний день по раскопкам в Москве известно семь различных типов клейм, служивших в качестве знаков, позволяющих мастеру выделять свою продукцию (Осипов, 2014. С. 47, 48). По предположению Ю. Сванн, их могли использовать и оптовые торговцы обувью (Swann, 2001. S. 120–121).

В нашей коллекции насчитывается 254 клейменные подошвы, что составляет примерно половину всех подошв, найденных в Зарядье в слое второй половины XVII в. за все предыдущие исследования. Несмотря на обилие клейменных подошв, в данной коллекции отмечено всего три типа ранее известных клейм. К первому, самому распространенному типу принадлежат клейма в виде трех полос, расположенных на внешней стороне подошвы в месте сужения свода стопы (рис. 3, 6). Второй тип, насчитывающий семь экземпляров, представлен комбинированным орнаментом, состоящим из горизонтальных и вертикальных полос (рис. 3, 5). Три подошвы маркированы одной линией, проходящей по центру переймы⁹ (рис. 3, 7).

Размеры обуви

Благодаря хорошей сохранности кожи в нашей коллекции оказалось 442 целые подошвы, найденные в напластованиях XVII–XVI вв., которые удалось обмерить. Обмеры производились в камеральной лаборатории до высушивания деталей, поэтому погрешности, вызванные усыханием кожи, минимальны. Серии массовых замеров позволяют установить антропометрические характеристики владельцев обуви, поскольку длина стопы находится в корреляционной связи с ростом человека. Массовые обмеры, произведенные в 1960-е гг. советскими обувщиками-технологами, позволили

⁸ Подошвы изогнутой формы – это подошва, пяточная часть которой имеет форму фронтальной поверхности каблука.

⁹ Место сужения свода стопы.

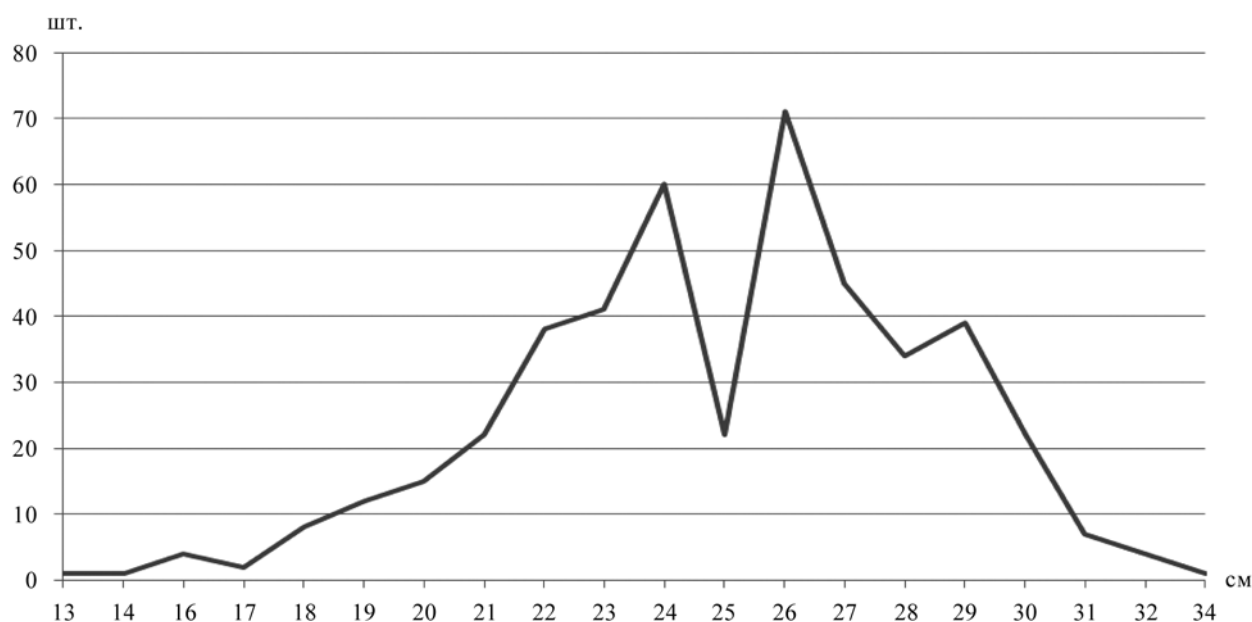

Рис. 5. Размеры подошв

установить процентное соотношение, составляющее примерно 15–16% величины роста (имеются в виду среднестатистические показатели), у женщин – 15,5%, у мужчин – ближе к 15,8% (Зыбин, 1982. С. 75).

Полученные обмеры дают возможность получить репрезентативную выборку, определяющую половозрастную характеристику населения, проживавшего на исследуемом участке Зарядья. Согласно обмерам подошв средний рост женщин, проживавших на территории Зарядья в XVII в., составлял 150 см: $(24:15,8) \times 100 = 150,1$ см. Рост мужчин был равен 170 см: $(26,5:15,5) \times 100 = 170$ см. Наши расчеты не противоречат полученным ранее показателям при обмере обуви из коллекции московского Зарядья (Осипов, 2003. С. 18, 19).

Самый маленький размер имеет подошва детского сапожка длиной всего 13 см. Самая большая подошва достигает в длину 34 см, что соответствует 51-му размеру, обнаружена в слое первой половины XIV в. Согласно приведенным выше параметрам, даже с учетом припуска на швы и ношения сапог поверх зимних онучей рост ее владельца превышал 2 м.

Суммируя данные обмеров подошв, проведенных с учетом использования холщовых и шерстяных онучей или носков, мы получаем количественный показатель, отраженный графически (рис. 5). Максимальные пики показывают среднюю величину женской и мужской обуви: у женщин – 24 см (современный 37-й размер), у мужчин – 26,5 см

(современный 41,5-й размер). Нижняя точка на отметке 25 см разделяет обувь на мужскую и женскую. Небольшое количество детской и подростковой обуви, как и в предыдущей серии обмеров 2003 г., может объясняться двумя причинами. Во-первых, наличием детской обуви из растительных материалов, а во-вторых, тем, что дети, особенно в летнее время, чаще бегали босиком.

Сравнивая полученные показатели из Зарядья с данными обмеров подошв, собранных при раскопках 2007 года на кремлевском подоле, можно сказать, что слободское население в среднем было более высокорослым, чем их современники, обитавшие в Кремле (Осипов, 2014. С. 74).

Изделия из кожи

Небольшая по количеству коллекция кожаных изделий, составляющая 42 предмета, включает рукавицы, ножны, детали сумок и мячей, обрывок кожаного ремня с латунной накладкой, а также круглые прокладки и шайбы (табл. 1).

Рукавицы. В нашей коллекции имеется шесть фрагментарно сохранившихся рукавиц, принадлежащих к одному типу кроя, включавшему две детали, на одной из которых имелся вырез для большого пальца (рис. 6, 2 а, б). Такие рукавицы, получившие у исследователей название двухдетальных (двусоставных), были широко распространены на всей территории России.

Мячи представлены тремя деталями сегментовидной формы (рис. 6, 4 а, б). В Москве мячи

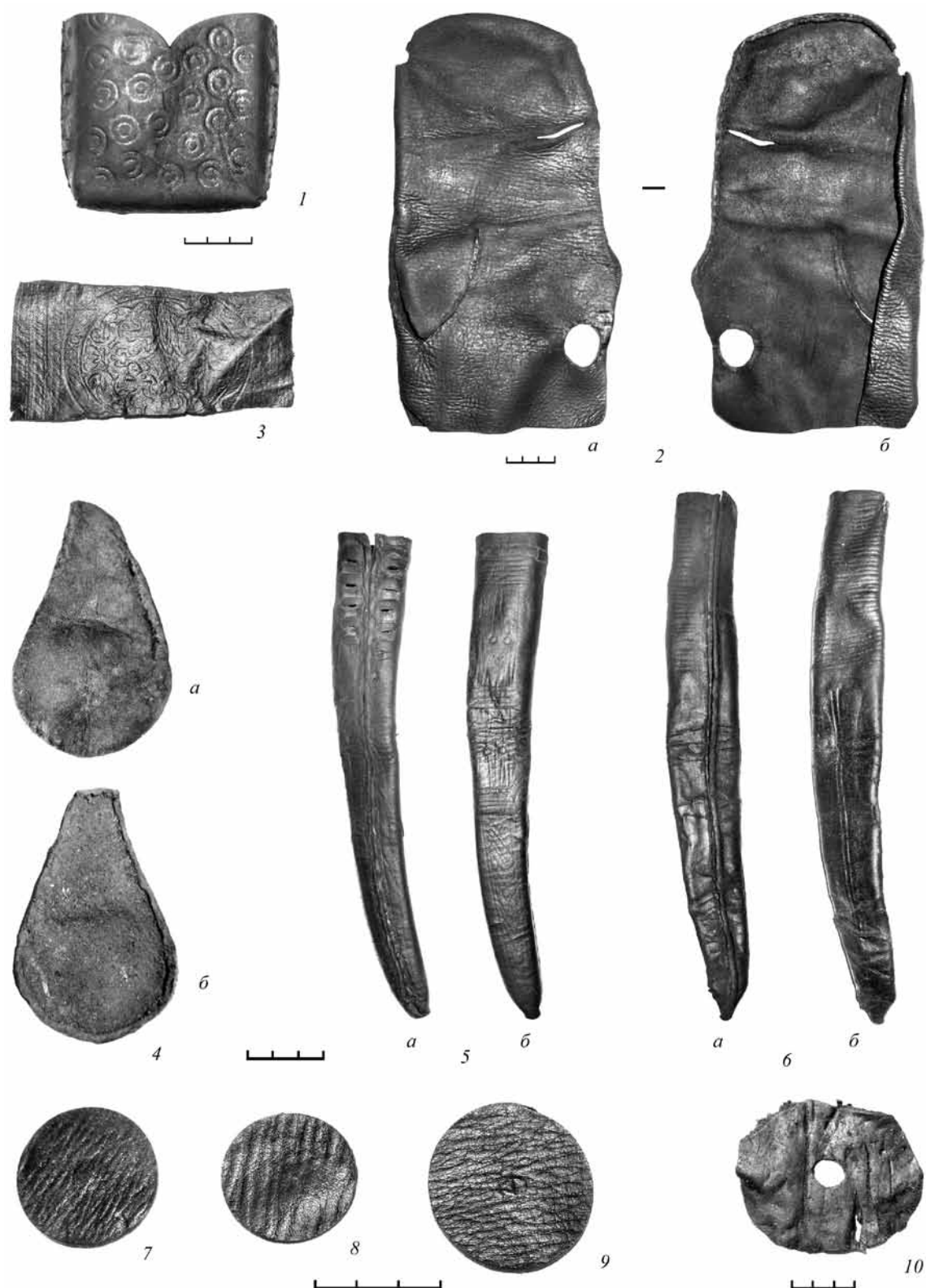

Рис. 6. Изделия из кожи

1 – футляр с циркульным орнаментом. Р. VII, кв. 2, гл. -234; 2 – рукавица. Р. IV, уч. 2, кв. Е-6, гл. -60 см; 3 – обреза тонкой кожи с тиснением. Р. IV, кв. Д-3, гл. +42 см; 4 – деталь мяча. Р. VII, кв. 18, гл. -220/-240 см; 5 – ножны. Р. IV, кв. В-1, гл. -118 см; 6 – ножны. Р. V, кв. В-2, гл. -98 см; 7–9 – прокладки. Р. V, гл. -100 см; 10 – шайба. Р. 7, кв. 2, гл. -340/-360 см

такого кроя известны по раскопкам Старого Гостиного двора, где они были зафиксированы в напластованиях XV в. (Векслер, Осипов, 2000. С. 155). Мячи, набивавшиеся конским волосом, относятся к группе универсальных игрушек, использовавшихся в состязательных играх (Морозова, 1990. С. 70).

Ножны, найденные в напластованиях XVI в., насчитывают всего 5 шт. Два футляра украшены тиснением (рис. 6, 5). По типологии, предложенной Т. С. Матехиной (Варфоломеевой), где основными признаками систематизации ножен являются форма кроя изделия и место расположения шва (Варфоломеева, 1993. С. 165), все ножны из Зарядья принадлежат к первой группе, имеющей симметричный крой со швом, расположенным на внутренней стороне футляра.

Футляр-коробочка с циркульным орнаментом зафиксирован на раскопе VII в слое XVII в. Верхняя часть футляра имеет вырез в виде ласточкина хвоста (рис. 6, 1). Коробочка изготовлена из одного куска кожи, сшитого по бокам тачным швом. На стенках футляра с обеих сторон имеется по две пары прорезей для ремня. Их наличие позволяет предположить раздвижную конструкцию футляра, состоящего из двух половин. Подобные находки довольно редки. Раздвижные орнаментированные кожаные пеналы известны, в частности, по раскопкам в Московском Кремле (Осипов, 2014. С. 98) и Великом Новгороде (Матехина, 2009. С. 187).

Ольстра (седельная кобура), предназначавшаяся для пистолета или карабина, имеет форму вытянутого футляра с расширением в верхней части (рис. 7, 3), зафиксирована при наблюдениях в зоне строительства паркинга. Размеры кобуры: длина – 50 см, ширина нижней узкой части (под ствол) – 5–9 см, ширина верхней части, закрывавшей рукоять пистолета с замком, – 16–18 см. Цельнокроеный футляр, вывернутый бахтармой наружу, соединен сбоку переметочным швом, что дает основание определить, что перед нами внутренняя часть футляра, верх которого, скорее всего, был матерчатым.

Найденная ольстра предназначалась для седельных пистолетов, использовавшихся кавалеристами в конце XVI – XVII в. Сам факт такой находки, зафиксированный при наблюдениях в зоне строительства паркинга, указывает на принадлежность ее хозяина к элитному конному войску, формировавшемуся из дворян.

*Лестовка*¹⁰. Обрывок сложенного вдвое изделия трапециевидной формы размером 7×6 см, с отверстиями для крепления (рис. 7, 1), также обнаружен при археологическом наблюдении в районе строительства паркинга. Форма и размер фрагмента, а также наличие отверстий в верхней его части позволяют нам атрибутировать его как часть (лопасть) лестовки, являвшейся разновидностью четок, использовавшихся для подсчета молитв и поклонов (рис. 7, 2). Такие четки, имевшие 109 ступеней (бобочек), разделенных на неравные группы, могли изготавливаться из кожи, материи или шерсти. На конце лестовки крепились два лапостка, обозначавших скрижали Завета Божия, тогда как треугольная форма пластины являла символ Святой Троицы. Однозначной истории возникновения лестовки не существует. Изначально она служила для не книжных (т. е. неграмотных) монахов. Сегодня лестовки изготавливаются и применяются всеми старообрядческими церквями и согласиями, однако именно такие четки были широко распространены в православной атрибутике. С лестовкой изображались преподобный Серафим Саровский, святая Анна Кашинская и другие праведники.

Найденная деталь, не имевшая следов расшивки, могла принадлежать к простым четкам, имевшим гладкую поверхность. Они сосуществовали вместе с парадными, имевшими богато расшитые лапостки (Яскейнен, 2003. С. 80–125).

Изделия из других материалов

Кроме кожаных деталей для изготовления обуви использовались упоминавшиеся выше берестяные вставки задника, металлические подковки и гвоздики, декоративная латунная проволока, крепившаяся на пяточном ранте, утепляющие войлочные стельки. К редким находкам относится обрывок шерстяной вязаной стельки, найденной в раскопе IV в слое XVII в. (рис. 3, 9).

К обуви, изготовленной с использованием растительных волокон, относятся лапти косога плетения, дублированные кожаными ремешками. Такая обувь, занимавшая промежуточное положение между обычными лаптями и кожаными поршнями, была более практичной в сравнении с первыми, которые снашивались за неделю. Обувь, изготовленная из лыка и кожи, неоднократно встречалась при раскопках в Москве, в том числе и на территории Зарядья. Малое количество подобных находок

¹⁰ Лестовка – разновидность четок в дораскольной Руси, после раскола была вытеснена вервицей, больше всего используется у старообрядцев, но до сих пор в ходу у многих православных. Четыре треугольника лестовки именуются лапостками.

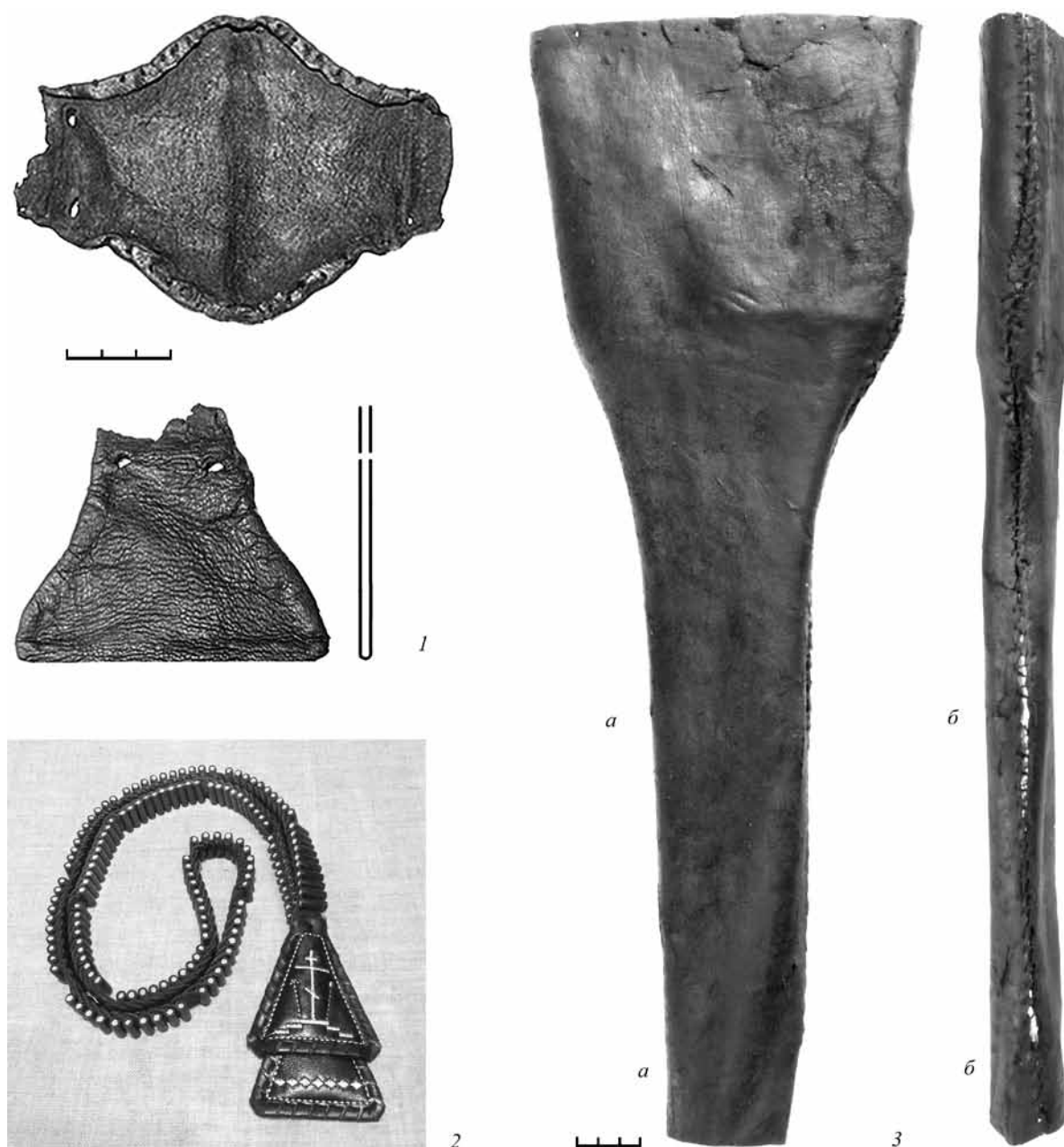

Рис. 7. Изделия из кожи

1 – лестовка. Зона наблюдения, профиль 27; 2 – лестовка современная; 3 – ольстра. Зона наблюдения в районе паркинга

свидетельствует о том, что такая обувь не получила широкого распространения (Осипов, 2014. С. 58, 59).

Изделия из кожи и сапожные инструменты из коллекции ГИМ

Материал, собранный при раскопках 2015 г., целесообразно дополнить ранее не опубликованными предметами из коллекции Зарядья, сформированной в результате работ Московской экспедиции Института археологии АН СССР, хранящихся

ныне в фондах ГИМ (оп. 1817). К ним принадлежат 14 предметов, включающих «чехол для копья», две сапожные головки, обрывок лаптя, сплетенного из кожаных ремешков, двусоставное голенище, две фигурные накладки, обрывок ремня от конской упряжи, наборные каблуки, орнаментированные ножны, а также сапожный нож и шило с деревянной рукоятью (рис. 8, 1). Наибольший интерес представляют ножны, чехол и обувные подковки.

Ножны асимметричной формы, с небольшим выступом, имеющие заостренную часть нижнего

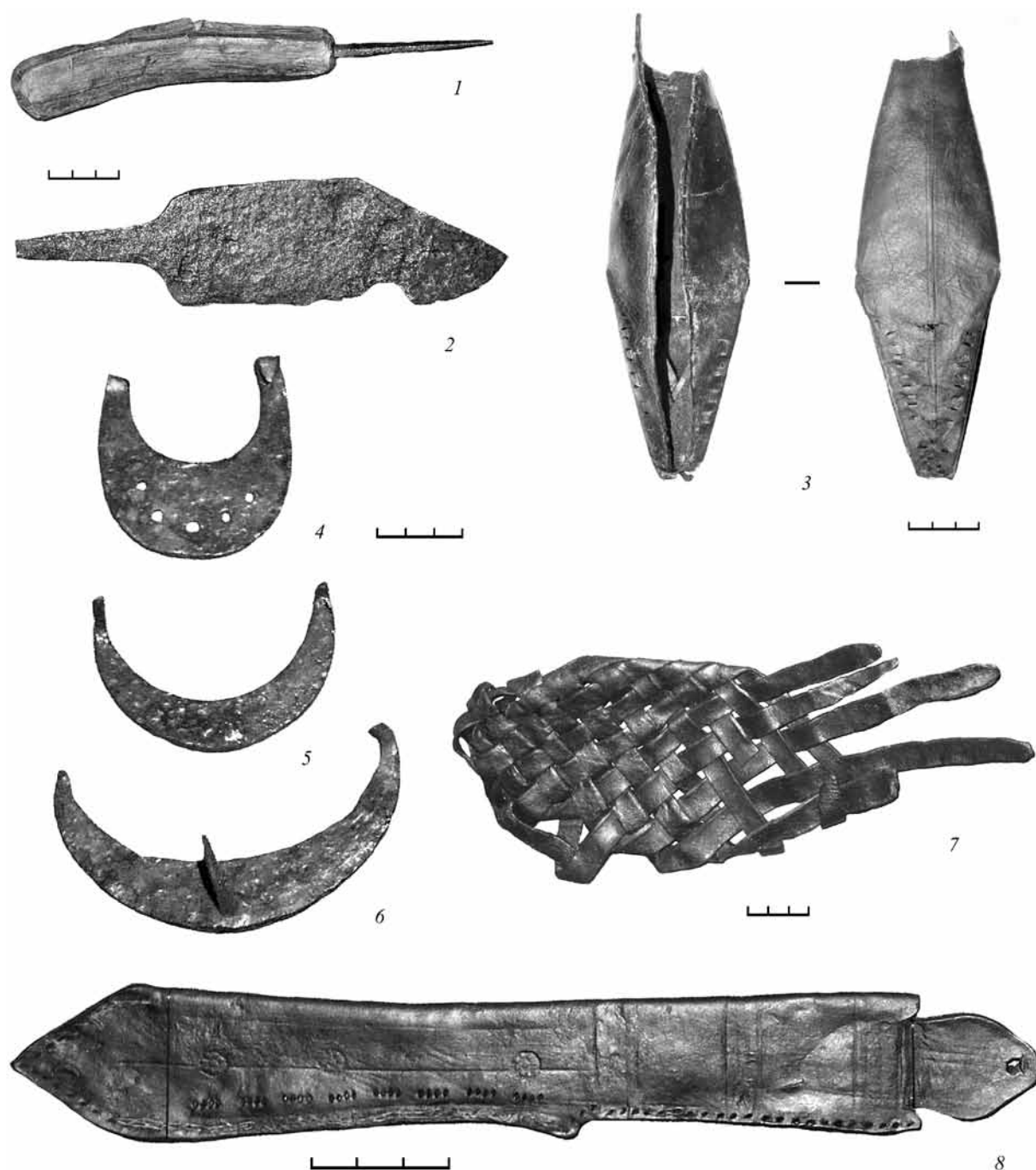

Рис. 8. Сапожные инструменты и изделия из кожи из раскопок А. Ф. Дубынина 1955–1957 гг. (уч. V)

1 – шило с деревянной рукоятью, кв. 1, гл. -320/-340 см; 2 – сапожный нож, кв. 16, гл. -440 см; 3 – футляр для ложки, б/п; 4–6 – обувные подковки, б/п; 7 – лапоть из кожаных ремешков, кв. 11, гл. -140 см; 8 – ножны, кв. 3, гл. -260 см

края, сшитые тамбурным швом¹¹ тонкой латунной проволокой круглого сечения (оп. 1817, № 629). Вверху, над устьем ножен, имеется выступающая часть в виде двухстороннего клапана с отверстием

для подвешивания, которое одновременно ограничивало выпадение предмета.

Ножны орнаментированы поперечными линиями, сгруппированными по четыре, и отпечатка-

¹¹ Тамбурный шов имеет вид цепочки, при которой одна петля выходит из другой.

ми небольшого круглого штампа в виде розетки (рис. 8, 8). По типологии Т. С. Матехиной, относящей к основным признакам форму края изделия и место расположения шва, ножны принадлежат к первой группе (Варфоломеева, 1993. С. 165).

«Чехол для копья». Название, указанное в описи находок, взято нами в кавычки, поскольку хорошо известные аналогии дают возможность четкой атрибуции этого ромбовидного футляра (оп. 1817, № 2278), предназначавшегося для хранения ложек. На это, в частности, указывает ременная стяжка, фиксировавшая ложку в чехле (рис. 8, 3). Данный футляр отличается от других известных находок простотой края и отсутствием декора.

Футляры для ложек, как простые, так и богато украшенные, неоднократно встречались при раскопках в Москве и других городах. В последние годы аналогичный по конструкции футляр зафиксирован при раскопках на подоле кремлевского холма в напластованиях XVI в. (Осипов, 2014. С. 88. Илл. 55, 1).

Обувные подковки. Сменившие т. н. внутренний каблук наборные каблуки стали подбивать железными подковками, что отмечает, в частности, Ганс Мориц Айрман, уроженец г. Нюрнберга, побывавший в России в составе шведского посольства в 1678 г. («Иностранцы...», 1991. С. 348). Систематизация и описание всего объема подковок, собранных при раскопках в Зарядье, требуют специального исследования. На этапе предварительного описания рассматриваются семь обувных подковок с плоской серповидной формой пластины, крепившихся к каблуку с помощью шипов и гвоздей (рис. 8, 4–6). С помощью RFA установлено, что все они изготовлены из железа (Приложение 2).

Ремесленные отходы

Скопления кожаных обрезков регулярно отмечаются в полевой раскопной документации, однако форма обрезков, как правило, не описывается, анализ их залегания не ведется. Между тем это довольно информативная категория находок, позволяющая определить вид, основные приемы раскроя и сборки изготавливаемых там вещей.

В данном случае, как и ранее, скоплениями именуются участки, где присутствует более 50 единиц на квадрат/пласт раскопа. Меньшее количество считается фоновым. В нашей коллекции ремесленные отходы, представленные обрезками от раскроя, составляют более половины всех находок – 59,2%. Из них 1485 (23/3%) принадлежит к обрезкам первичного края, а 4880 (76,61%) со-

ставляют обрезки вторичного края (табл. 1). Последние определяются на основании частично сохранившейся формы предыдущего края и следов шовных отверстий (рис. 9, 5). На обрезках с края кожаного листа, который использовался для первичного раскроя изделий, сохраняются остатки волоса (рис. 9, 13). Часть отходов представляет собой обрезки с различными пороками шкуры, отбракованные при раскрое. Это могут быть складки, последствия опухолей, зажившие свищи и пр. (рис. 9, 10, 11). В «Алфавите» XVII в. отмечено общее название таких пороков – отнорица или близна: «В животным же близна нарицается болячка или вред кий» («Алфавит...». Д. 33. Л. 9.1). Наиболее частыми пороками кожи были свищи – изъязны в виде дыр или проколов: «Купить на оболочку книг немецких... сафьянов два червчатых да два желтых, чтобъ были не толсты и не свищеваты, чисты» (ДАИ, 1846. С. 195).

Обилие и характер обрезков от раскроя, несомненно, указывает на деятельность сапожной мастерской по пошиву и ремонту обуви, однако интенсивность их выпадения различна. Так, в верхних горизонтах раскопа VII, расположенного на трассе Кривого переулка, примыкавшего к Великой улице, встречаются единичные, причем мелкие, обрезки, тогда как в одновременных напластованиях раскопа IV их на порядок больше, хотя раскоп заложен по трассе Мокринского переулка, где также сохранилась деревянная мостовая. Мало отходов и на площади раскопа VI, расположенного в глубине жилого квартала.

Отсутствие обрезков от раскроя подтверждает факт уборки улиц от скапливавшегося мусора, который старались вывозить с усадебной территории. На примере раскопок в других частях Москвы мы видим стремление горожан утилизировать отходы сапожного ремесла на пустырях, в оврагах или в заполнении заброшенных погребов (Осипов, 2006. С. 66; 2014. С. 118).

Ниже уровня деревянной мостовой количество обрезков от раскроя на площади раскопа VII резко увеличивается. Вплоть до самого материка их концентрация составляет 40–70 единиц на квадрат/пласт. Нитевидная форма основного количества этих обрезков маркирует операцию окончательной подгонки деталей после сшивания. Кроме нитевидных обрезков мы видим негативы от раскроя подошв (рис. 9, 7, 8).

Следует отметить, что проблема санитарной гигиены русских средневековых городов практически не исследована. Мы знаем, что для позднего Средневековья сохранились свидетельства вывоза

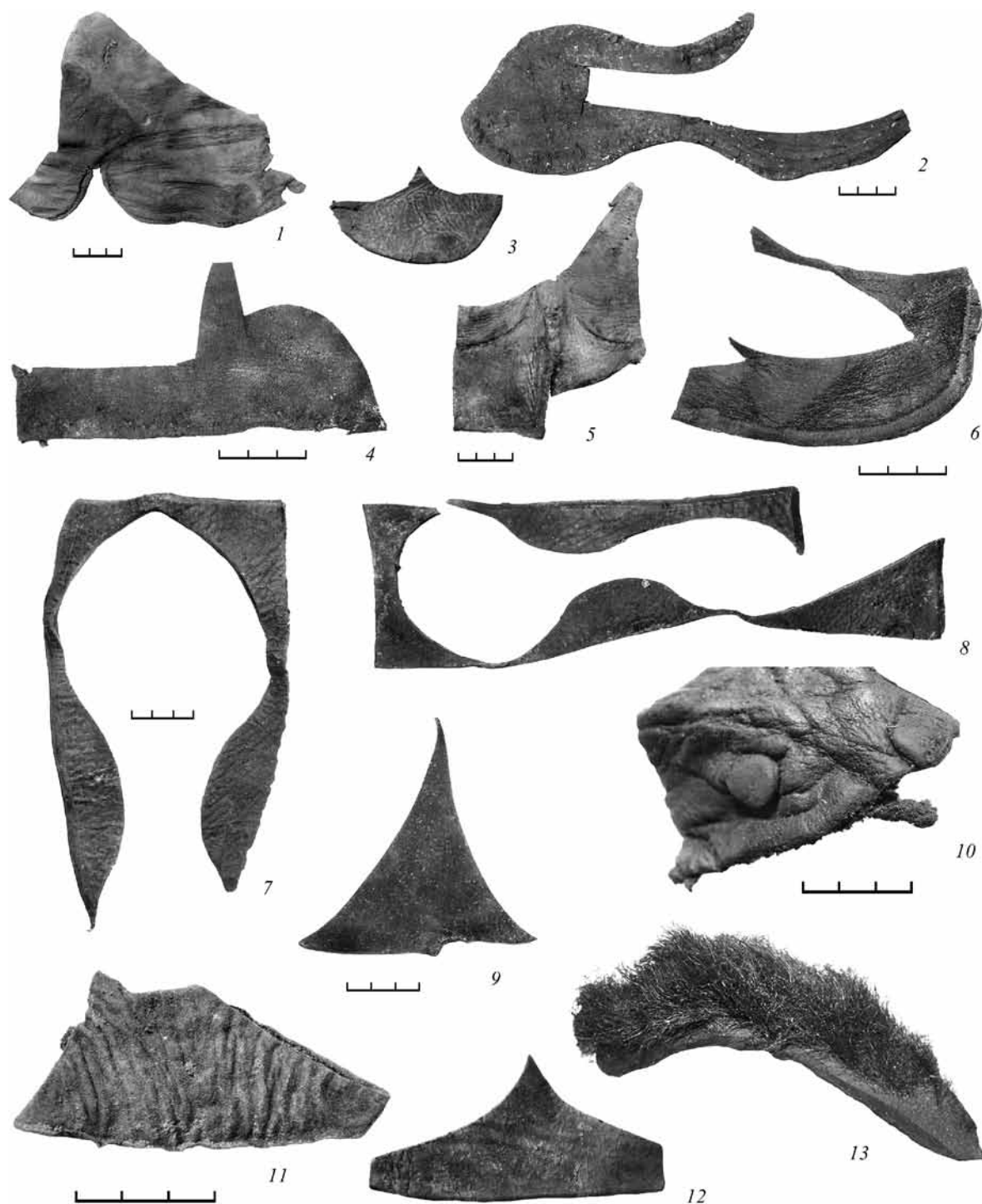

Рис. 9. Обрезки от раскроя

1 – обрезок задней части голенища. Р. IV, кв. Д-2, пл. 1; 2 – обрезок подошвы. Р. VII, кв. 2, гл. -320 см; 3 – обрезок от раскроя. Р. V, кв. А-2, пл. 4; 4 – обрезок вторичного кроя. Р. IV, кв. Г-2, пл. 2; 5 – обрезок задней части голенища. Р. IV, кв. Д-3, пл. 1; 6 – обрезок детали с застроченным швом. Р. IV, кв. В-2, пл. 2; 7, 8 – негативы подошв. Р. VII, кв. 18, гл. -320 см; 9 – обрезок кожи. Р. VII, кв. 13, гл. -280 см; 10 – следы пороков шкуры. Р. VII, кв. 13, гл. -320/-340 см; 11 – следы пороков шкуры. Р. IV, кв. Б-1, пл. 1; 12 – обрезок. Р. II, кв. Е-2, пл. 3; 13 – край кожевенного листа с остатками шерсти. Р. VII, кв. 12, гл. -380 см

отходов (Сорокин, 1995. С. 29, 66), однако у исследователей можно встретить противоречивую информацию по этому поводу. В частности, процесс замены мостовых одни исследователи связывают с их износом (Янин, 1953. С. 229), а другие – с замусориванием (Засурцев, 1963. С. 6). Как показывает практика раскопок увлажненного грунта, культурный слой составляет строительный и бытовой мусор, а также ремесленные отходы. «Если отвлечься от частных и оценивать общее санитарное состояние усадеб и городов в целом, то можно утверждать, что это была накапливающаяся в течение столетий мусорная свалка» (Сорокин, 1995. С. 28).

Повсеместное распространение обрезков кожи заставляет нас скорректировать представление о локализации сапожных мастерских. Таких мастерских действительно было много. Не случайно ремесленники, занятые кожевенным ремеслом, были самыми многочисленными (Арциховский, 1939. С. 7). Однако сам факт обнаружения значительного скопления обрезков не дает нам основания для вывода размещения на этом месте мастерской. Все вышесказанное свидетельствует о том, что отходы могли оказаться на значительной площади вокруг мастерской, смыкаясь с зоной соседних мастерских, образуя сплошной слой обрезков от раскроя и обрывков кожаной обуви.

Приложение 1

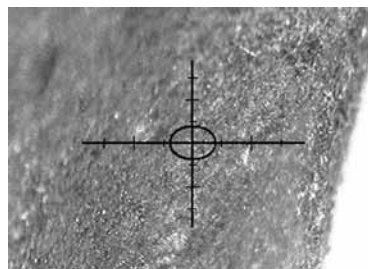
Металлические изделия из раскопок в Зарядье, исследованные с помощью рентгенофлуоресцентного метода

Анализы проведены научным сотрудником отдела археологических памятников ГИМ А. О. Шевцовым на микрорентгенофлуоресцентном спектрометре *M-1 Mistral*, предназначенном для неразрушающего анализа изделий из металлов.

Раскопки А.Ф. Дубынина 1954–1955 гг.

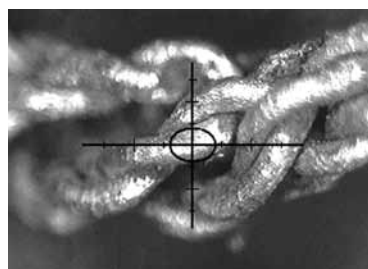
№ 1. Подковка обувная. ГИМ. Оп. 1817. № 20. Уч. 5, кв. 19, гл. -290 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 87.48
Chromium (Cr) 0.00
Nickel (Ni) 0.00
Copper (Cu) 0.39
Zinc (Zn) 12.13
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.00
Tin (Sn) 0.00
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00
Lead (Pb) 0.00
Bismuth (Bi) 0.00

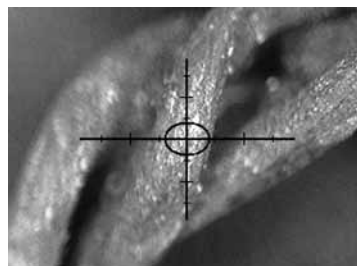
№ 2. Проволока. ГИМ. Оп. 1817. № 631. Уч. пл. 4, гл. -280 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 0.27
Chromium (Cr) 0.04
Nickel (Ni) 0.02
Copper (Cu) 78.85
Zinc (Zn) 20.15
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.10
Tin (Sn) 0.09
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00
Lead (Pb) 0.49
Bismuth (Bi) 0.00

№ 3. Проволока. ГИМ. Оп. 1817. № 1006. Уч. 5, гл. -300 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 0.82
Chromium (Cr) 0.05
Nickel (Ni) 0.23
Copper (Cu) 74.20
Zinc (Zn) 23.51
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.05
Tin (Sn) 0.09
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00
Lead (Pb) 1.05
Bismuth (Bi) 0.00

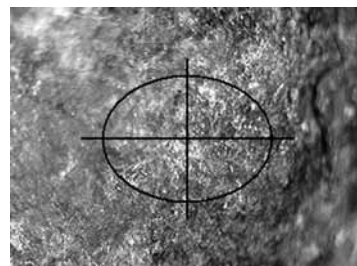
№ 4. Проволока. Р. IV, уч. 2, кв. Е 5, гл. до -20 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 0.48
Chromium (Cr) 0.00
Nickel (Ni) 0.03
Copper (Cu) 80.04
Zinc (Zn) 18.22
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.11
Tin (Sn) 0.03
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00
Lead (Pb) 1.08
Bismuth (Bi) 0.00

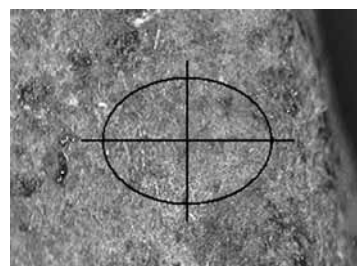
№ 5. Подковка. ГИМ. Оп. 1838 В. Уч. 8, гл. -280/-300 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 99.84
Nickel (Ni) 0.00
Copper (Cu) 0.00
Zinc (Zn) 0.00
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.06
Tin (Sn) 0.10
Lead (Pb) 0.00
Bismuth (Bi) 0.00
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00

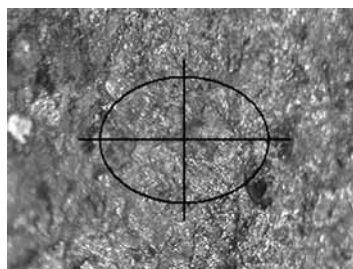
№ 6. Подковка. ГИМ. Оп. 1864. Уч. 5, кв. 5, гл. -240/-260 см.

Element conc. %
Iron (Fe) 99.38
Nickel (Ni) 0.00
Copper (Cu) 0.18
Zinc (Zn) 0.00
Arsenic (As) 0.00
Silver (Ag) 0.16
Tin (Sn) 0.17
Lead (Pb) 0.10
Bismuth (Bi) 0.00
Gold (Au) 0.00
Mercury (Hg) 0.00

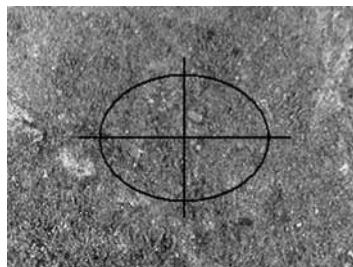
№ 7. Подковка. ГИМ. Оп. 1758. Уч. 5, сооруж. 4, гл. -300/-320 см.

Element conc. %
 Iron (Fe) 99.90
 Nickel (Ni) 0.00
 Copper (Cu) 0.00
 Zinc (Zn) 0.00
 Arsenic (As) 0.10
 Silver (Ag) 0.00
 Tin (Sn) 0.00
 Lead (Pb) 0.00
 Bismuth (Bi) 0.00
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.00

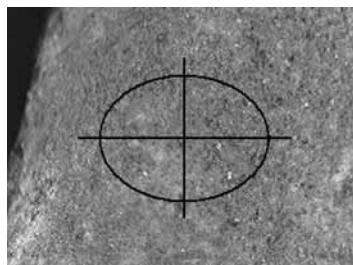
№ 8. Подковка. ГИМ. Оп. 1758. Уч. 5, кв. 3, гл. -260/-280 см.

Element conc. %
 Iron (Fe) 98.12
 Nickel (Ni) 0.00
 Copper (Cu) 1.12
 Zinc (Zn) 0.00
 Arsenic (As) 0.00
 Silver (Ag) 0.23
 Tin (Sn) 0.28
 Lead (Pb) 0.10
 Bismuth (Bi) 0.00
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.15

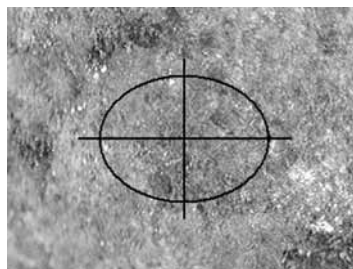
№ 9. Подковка. ГИМ. Оп. 1766. Уч. 5, кв. 6, сооруж. № 15.

Element conc. %
 Iron (Fe) 99.33
 Nickel (Ni) 0.00
 Copper (Cu) 0.37
 Zinc (Zn) 0.14
 Arsenic (As) 0.00
 Silver (Ag) 0.08
 Tin (Sn) 0.08
 Lead (Pb) 0.00
 Bismuth (Bi) 0.00
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.00

№ 10. Подковка. ГИМ. Оп. 1831. Уч. 5, кв. 3, гл. -260/-280 см.

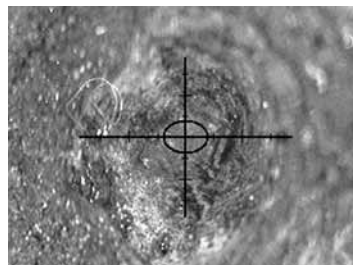
Element conc. %
 Iron (Fe) 100.00
 Nickel (Ni) 0.00
 Copper (Cu) 0.00
 Zinc (Zn) 0.00
 Arsenic (As) 0.00
 Silver (Ag) 0.00
 Tin (Sn) 0.00
 Lead (Pb) 0.00
 Bismuth (Bi) 0.00
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.00

Раскопки ООО «Столичное археологическое бюро» 2015 г.

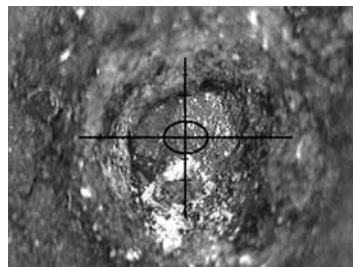
№ 11. Подошва. Декоративные гвоздики на носке подошвы. Р. IV, кв. В-1, пл. 2.

Element conc. %
 Iron (Fe) 99.69
 Chromium (Cr) 0.00
 Nickel (Ni) 0.00
 Copper (Cu) 0.14
 Zinc (Zn) 0.00
 Arsenic (As) 0.00
 Silver (Ag) 0.02
 Tin (Sn) 0.14
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.00
 Lead (Pb) 0.00
 Bismuth (Bi) 0.00

№ 12. Подошва. Декоративные гвоздики на носке подошвы. Р. IV, кв. В-1, пл. 2.

Element conc. %
 Iron (Fe) 99.49
 Chromium (Cr) 0.00
 Nickel (Ni) 0.17
 Copper (Cu) 0.18
 Zinc (Zn) 0.00
 Arsenic (As) 0.00
 Silver (Ag) 0.00
 Tin (Sn) 0.16
 Gold (Au) 0.00
 Mercury (Hg) 0.00
 Lead (Pb) 0.00
 Bismuth (Bi) 0.00

Приложение 2

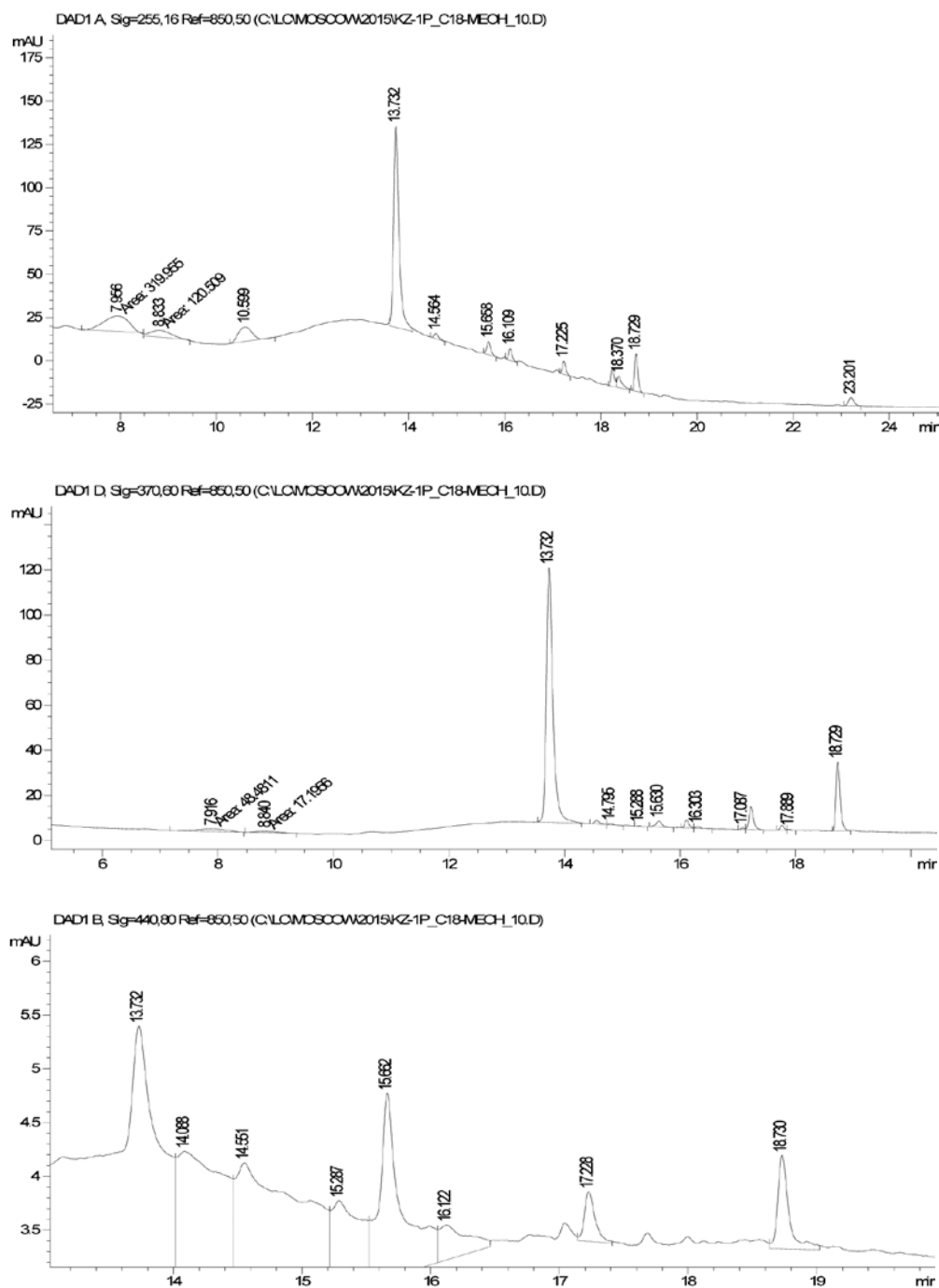
Анализ кожи сапог, найденных при раскопках в Зарядье, в зоне паркинга

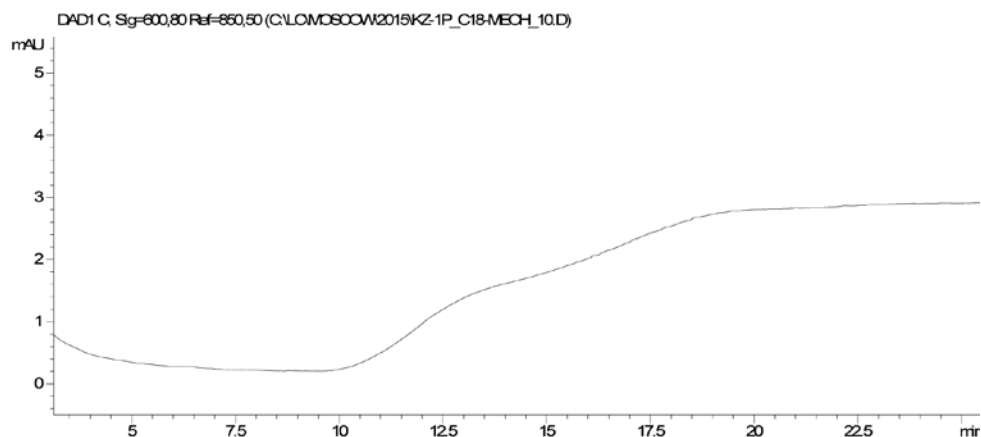
Методика жидкостной хроматографии

Навеску образца ~3 мг кипятили в 150 мкл раствора соляной кислоты/метанола/воды (2:1:1 по объему). Полученный раствор центрифугировали в течение 20 мин. Центрифугат декантировали с осадка и упаривали досуха. Сухой остаток растворяли в 100 мкл смеси метанол/вода (1:1 по объему), полученный раствор центрифугировали 20 мин. 30 мкл центрифугата вкалывали в хроматографическую систему.

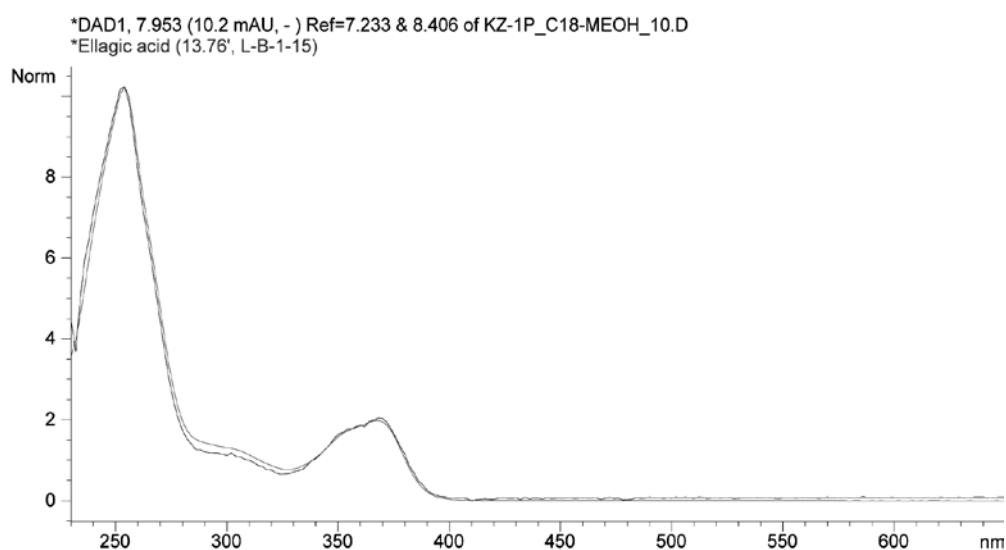
Образцы анализировали на приборе ВЭЖХ *Agilent 1200* (*Agilent*) с диодно-матричным детектором. Разделение проводили на колонке *Zorbax Rx-C18* (4,6×150 мм, 5 мкм). Детектирование вели на полосах 247–263 нм (УФ-область), 340–400 нм (желтые красители), 400–480 нм (красные красители), 560–640 нм (синие красители).

Хроматограммы образца № 1

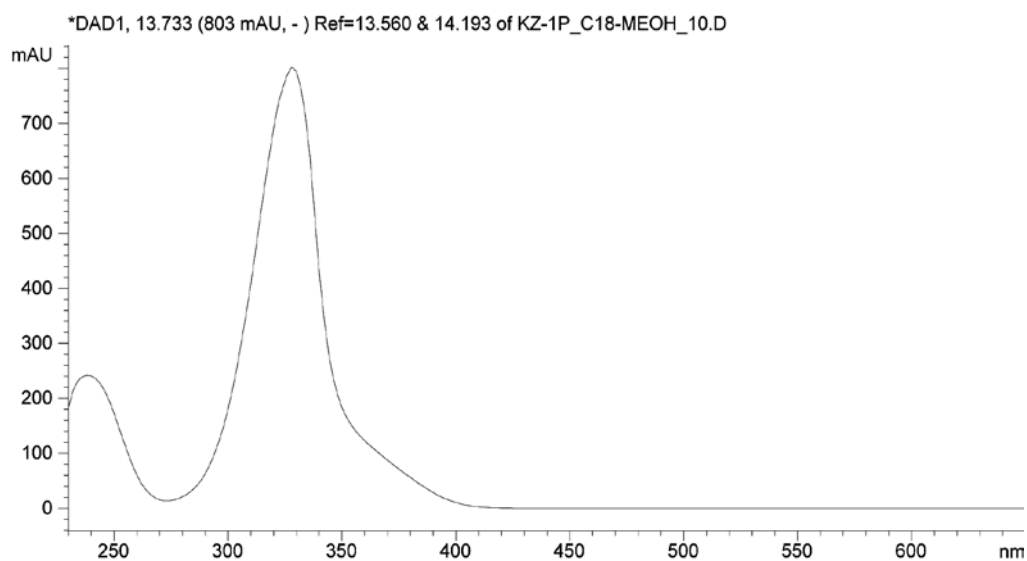

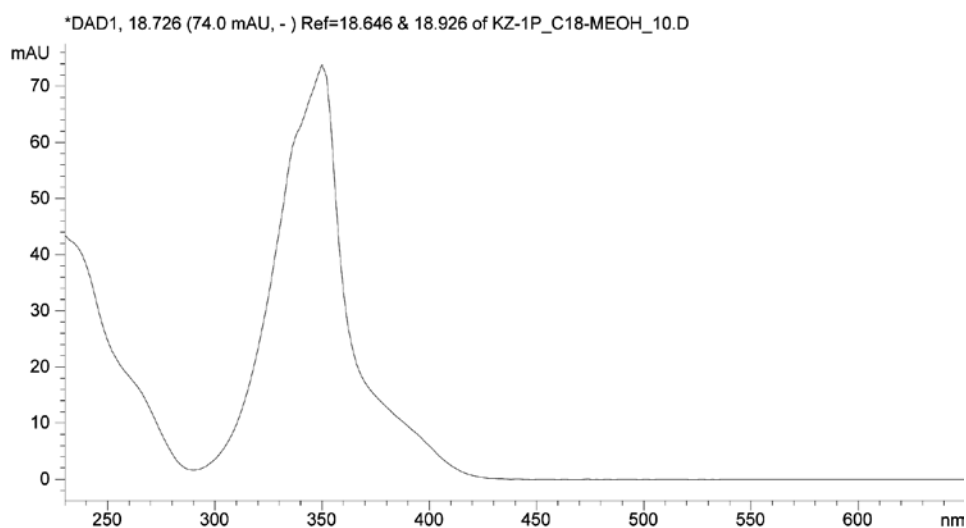
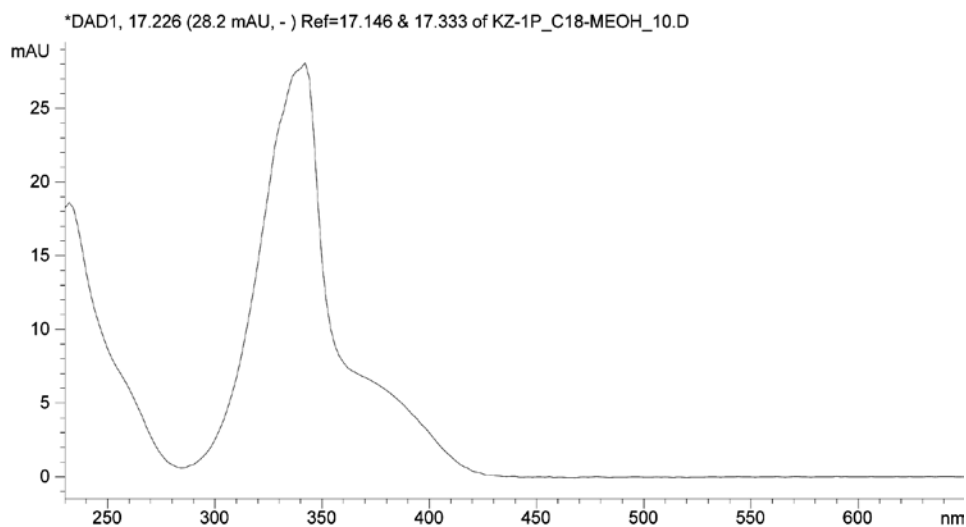
Пики в УФ-области и в диапазоне детектирования желтых веществ обусловлены поглощением дубильных веществ. Широкие пики 7.96 и 8.83 мин. соответствуют эллаговой и 3-О-метилэллаговой кислотам, т. е. компонентам танинов:

Спектры наиболее интенсивных пиков в хроматограмме, зарегистрированной на полосе 340–400 нм, близки между собой. Они соответствуют веществам красно-коричневого цвета. Идентифицировать их не удалось. Вероятно, эти вещества использовались при дублении кожи.

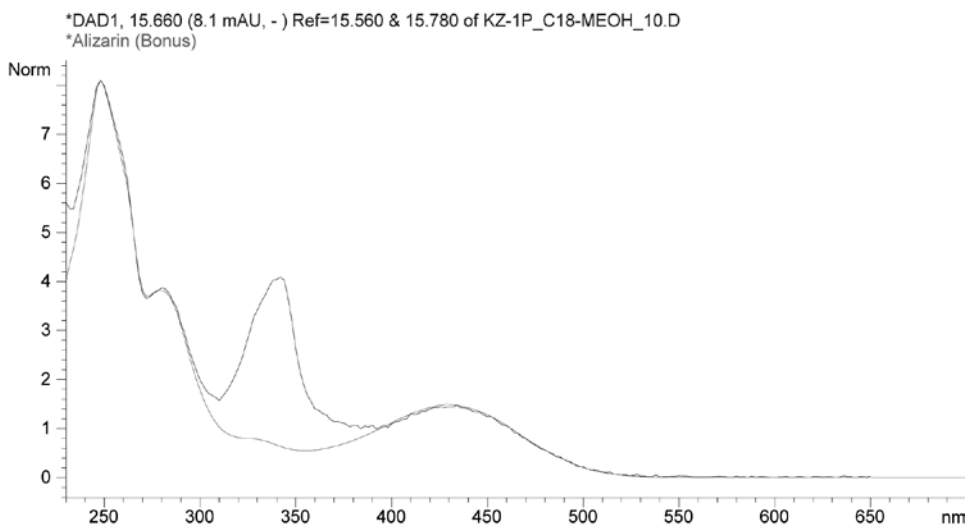
Спектры поглощения соединений с временами удерживания 13.73, 17.23 и 18.73 мин.

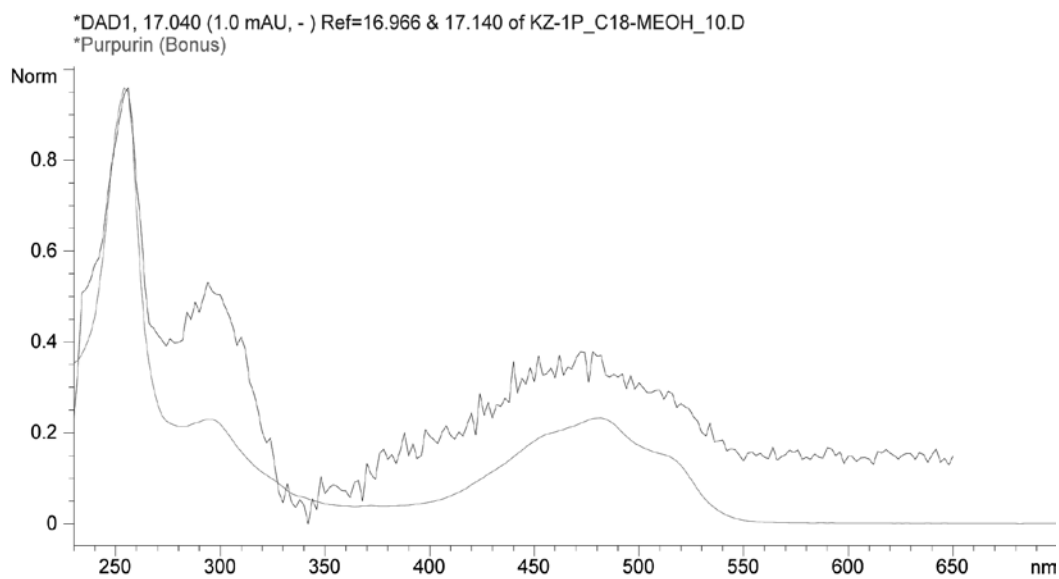

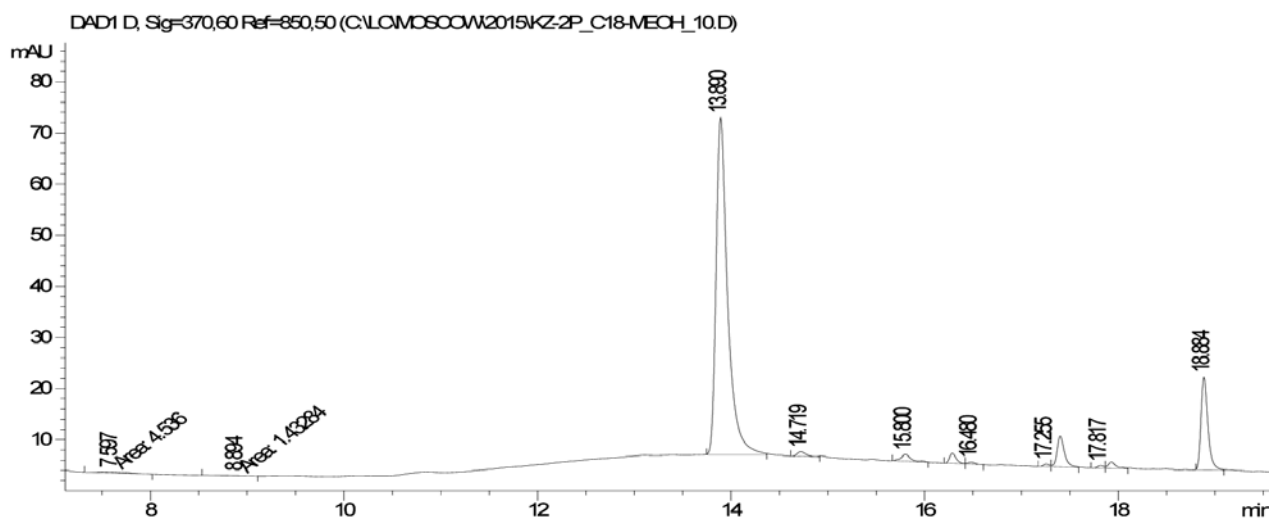
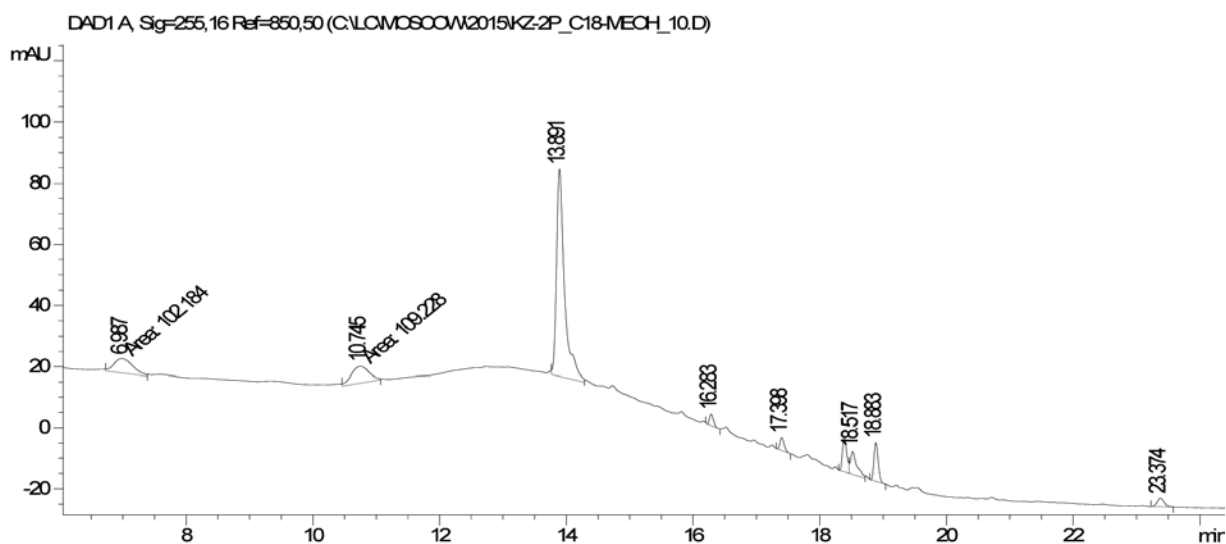
В диапазоне 400–480 нм помимо тех же дубильных веществ определяются красители марены красильной – ализарин и пурпурин. На поглощение ализарина накладывается примесное поглощение ~340 нм. Содержание пурпурина очень мало. Синих красителей не обнаружено.

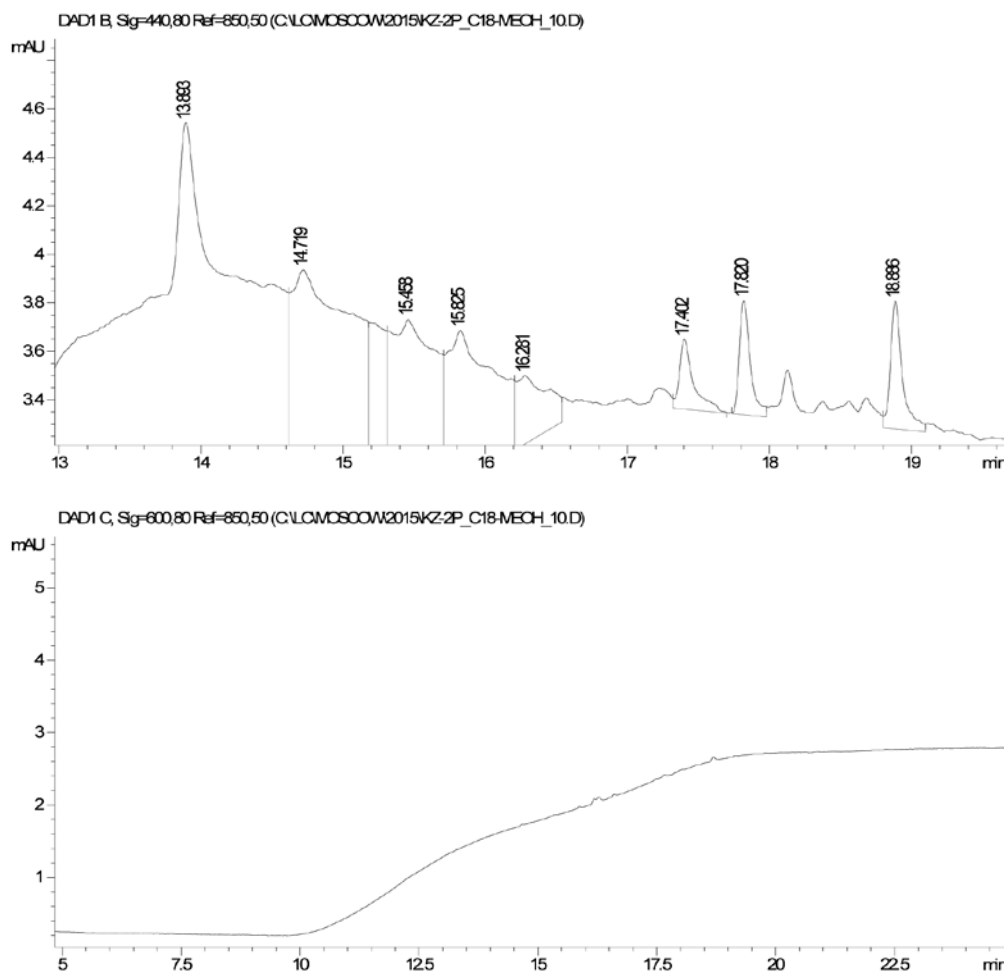
Спектры поглощения ализарина (время удерживания 15.66 мин.) и пурпурина (время удерживания 17.04 мин.) и наложенные на них спектры стандартов:

Хроматограммы образца № 2

В хроматограммах экстракта второго образца кожи красных и синих красителей не обнаружено. Эллаговая кислота определяется в следовых количествах, вероятно, процесс дубления этой кожи был другим по сравнению с первым образцом. Остальные соединения совпадают с таковыми в первом образце.

Выводы

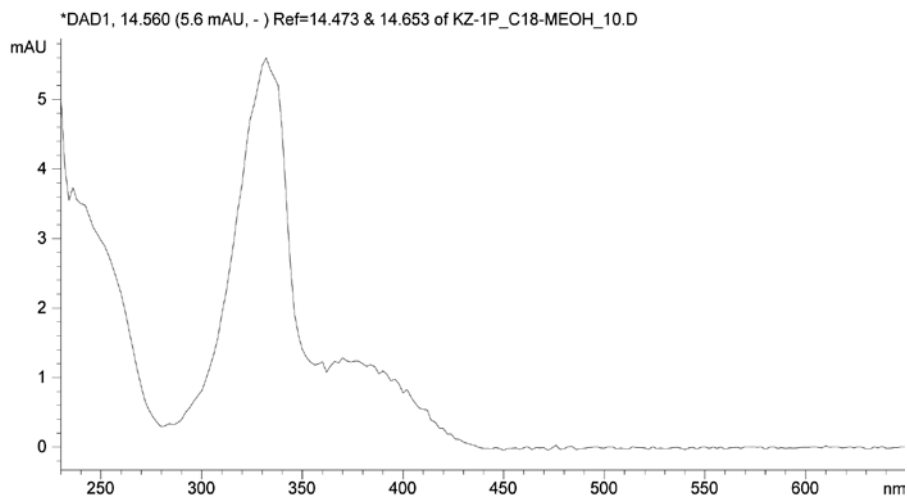
Кожа образца № 1 была красного цвета. Обнаружены красители ализарин и пурпурин, источником которых обычно служит марена красильная (*Rubia tinctorum* L.).

Кожа образца № 2 была красно-коричневого цвета, обусловленного использовавшимися дубильными веществами.

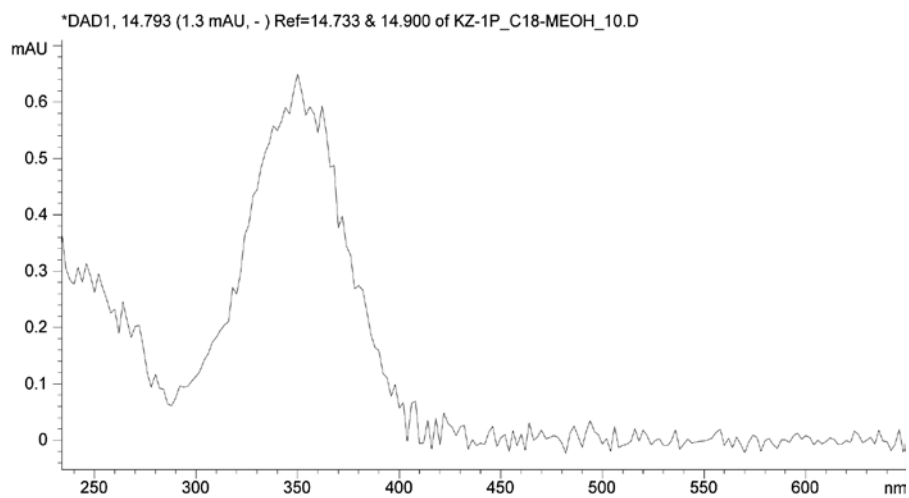
Дополнение

Спектры поглощения веществ из хроматограмм:

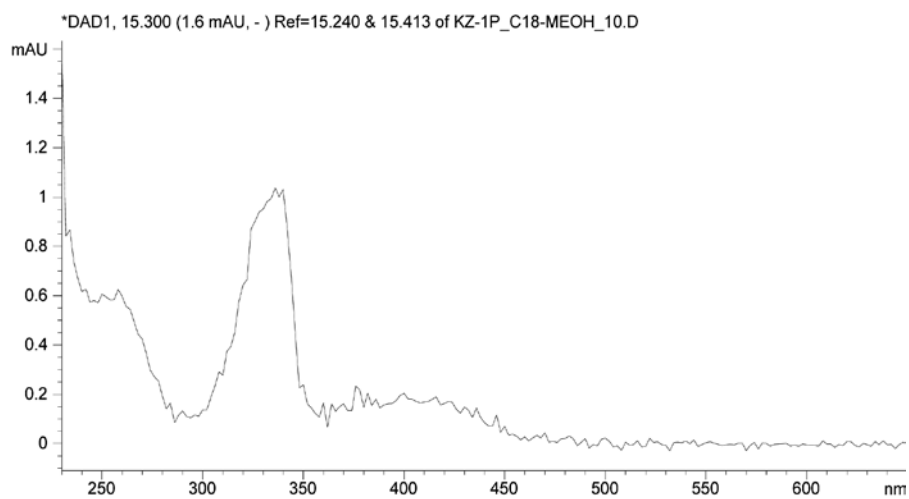
Rt 14.56 мин.

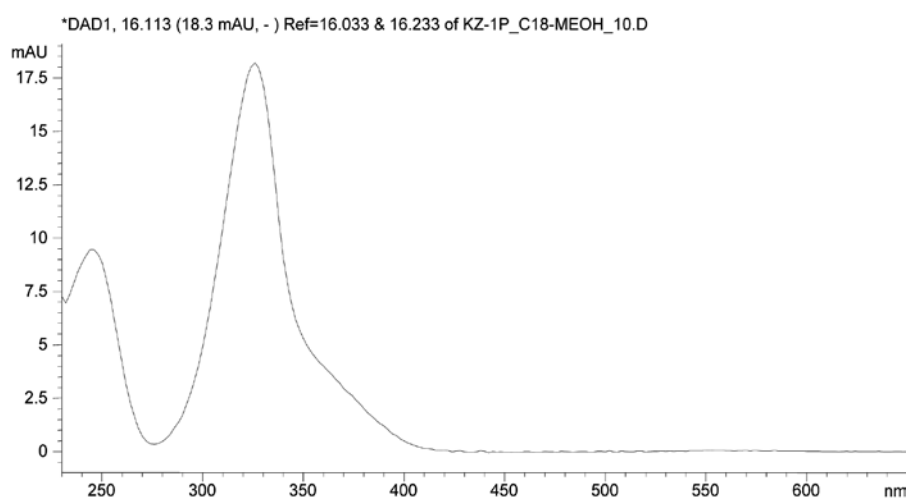
Rt 14.79 мин.

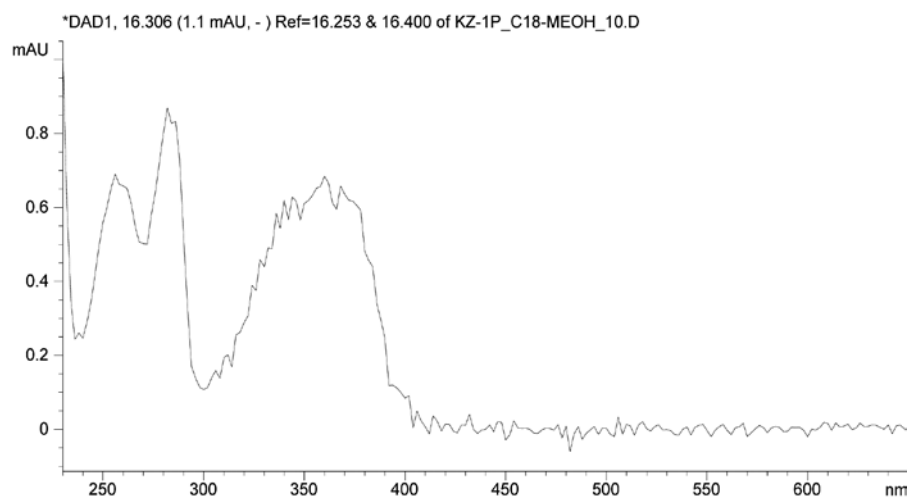
Rt 15.30 мин.

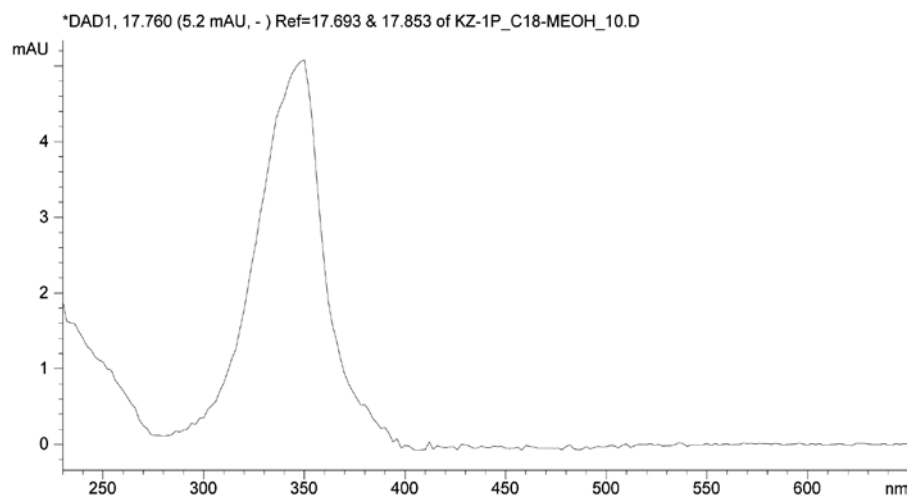
Rt 16.11 мин.

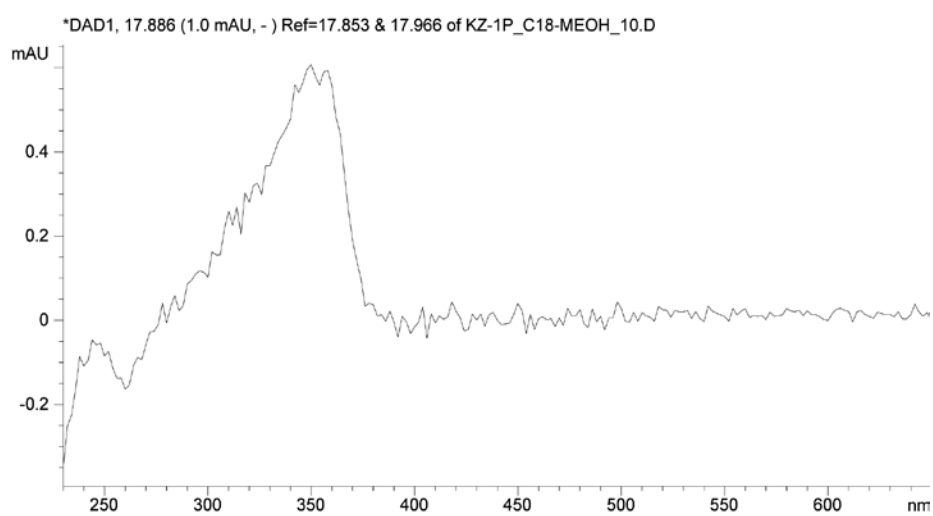
Rt 16.31 мин.

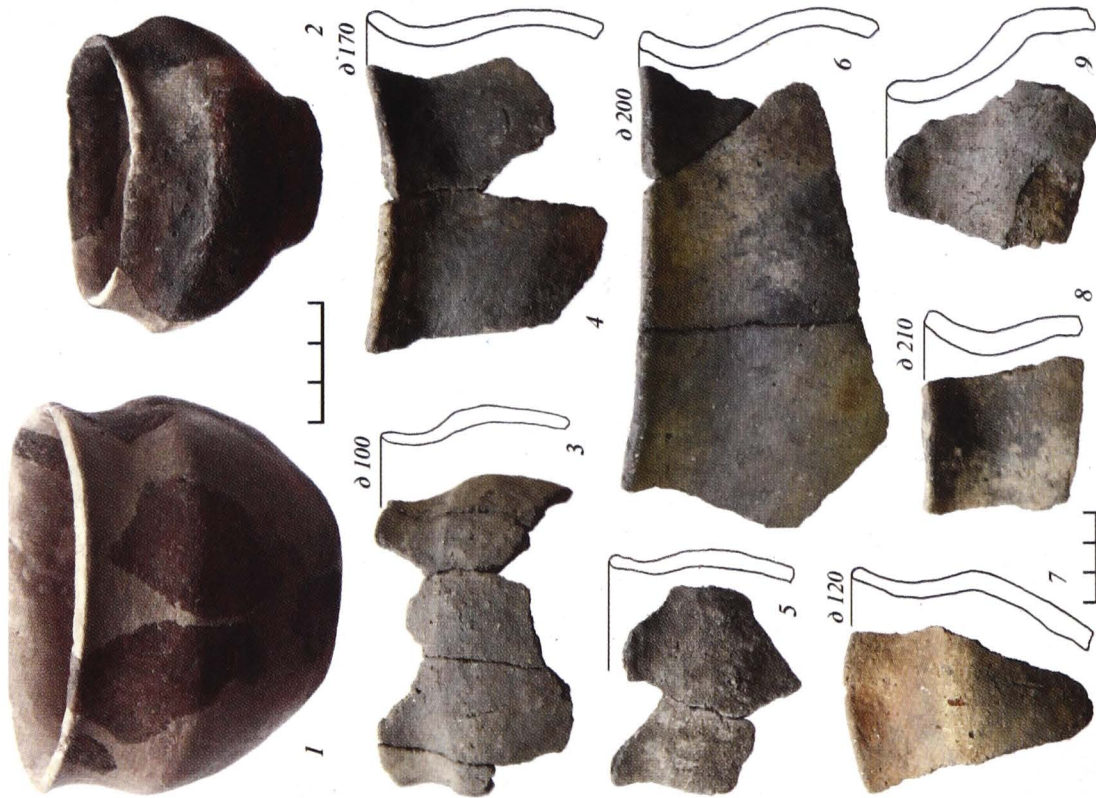

Rt 17.76 мин.

Rt 17.88 мин.

К статье Т. Н. Новоселовой, В. И. Вишневского «Ратковский раннесредневековый финно-угорский могильник...».

Рис. 7. Ратковский могильник. Индивидуальные находки

1 – фрагмент льячка; 2-4 – фрагменты литейных форм; 5 – скребок; 6-7 – ножевидные пластины. 1 – керамика; 2-4 – камень; 5-7 – кремнь

К статье Е. П. Зоц «Древнерусский погребальный костюм...». Рис. 8. Ожерелье из погребения 63

1 – фото, вид с юга; 2 – возможная схема расположения бус и подвесок в ожерелье (стеклянные бусы, подвеска медного сплава с изображением Георгия Победоносца(?), золотостеклянная подвеска)

К статье И. Н. Кузиной, В. А. Зейфера, Б. Е. Янишевского «Из новых находок...». Рис. 1. Фрагменты стеклянной чаши из раскопок в Переславле-Залесском, 2013 г.

К статье И. Н. Кузиной, В. А. Зейфера, Б. Е. Янишевского «Из новых находок...». Рис. 4. Стеклянная чаша, Сирия, сер. XIII в. Нью-Йорк (по: Carboni, 2002. P. 240)

К статье И. Н. Кузиной, В. А. Зейфера, Б. Е. Янишевского
«Из новых находок...». Рис. 5. Фрагменты стеклянного графина из раскопок в Переславле-Залесском, 2013 г.

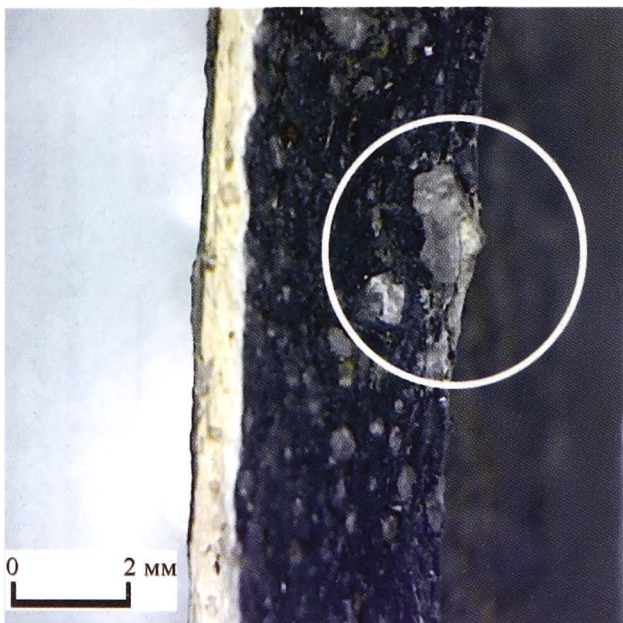

К статье И. Н. Кузиной, В. А. Зейфера, Б. Е. Янишевского
«Из новых находок...».

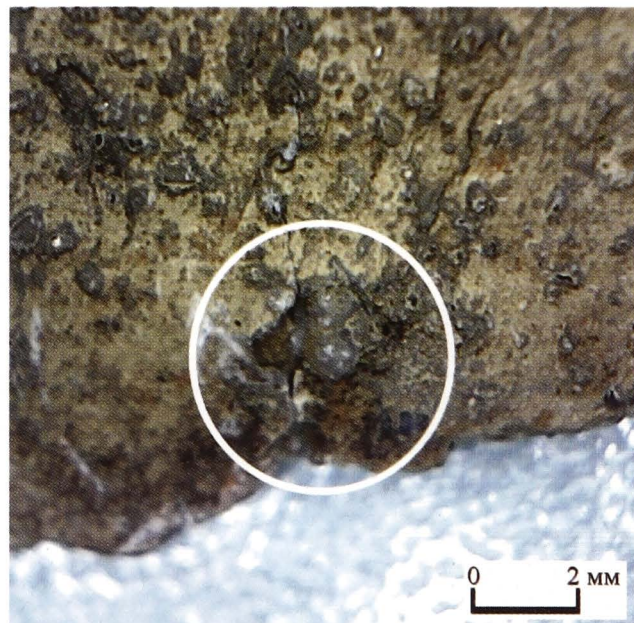
Рис. 7. Стеклянный декантер. Египет или Сирия, сер. XIV в. Париж (по: Carbone, 2001. P. 367)

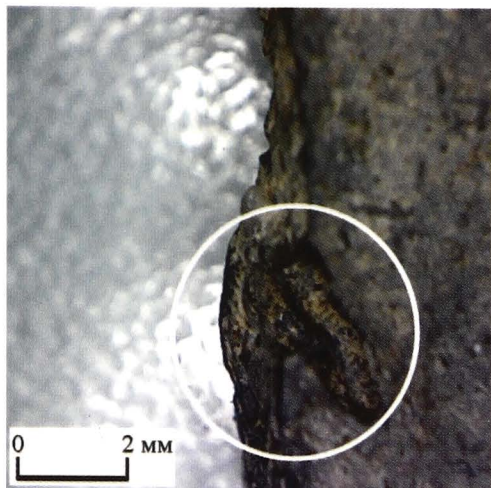
К статье Н. А. Тропина «Хозяйственные постройки с каменными печами...». Рис. 3. Постройка № 1 (1); постройка № 5 (2); печь постройки № 5В на разных этапах исследования (3, 4)

К статье Н. А. Баранова, А. М. Фаткова «Кумган редкой разновидности...». Рис. 5. Кумган. Включения естественных примесей песка в формовочной массе сосуда

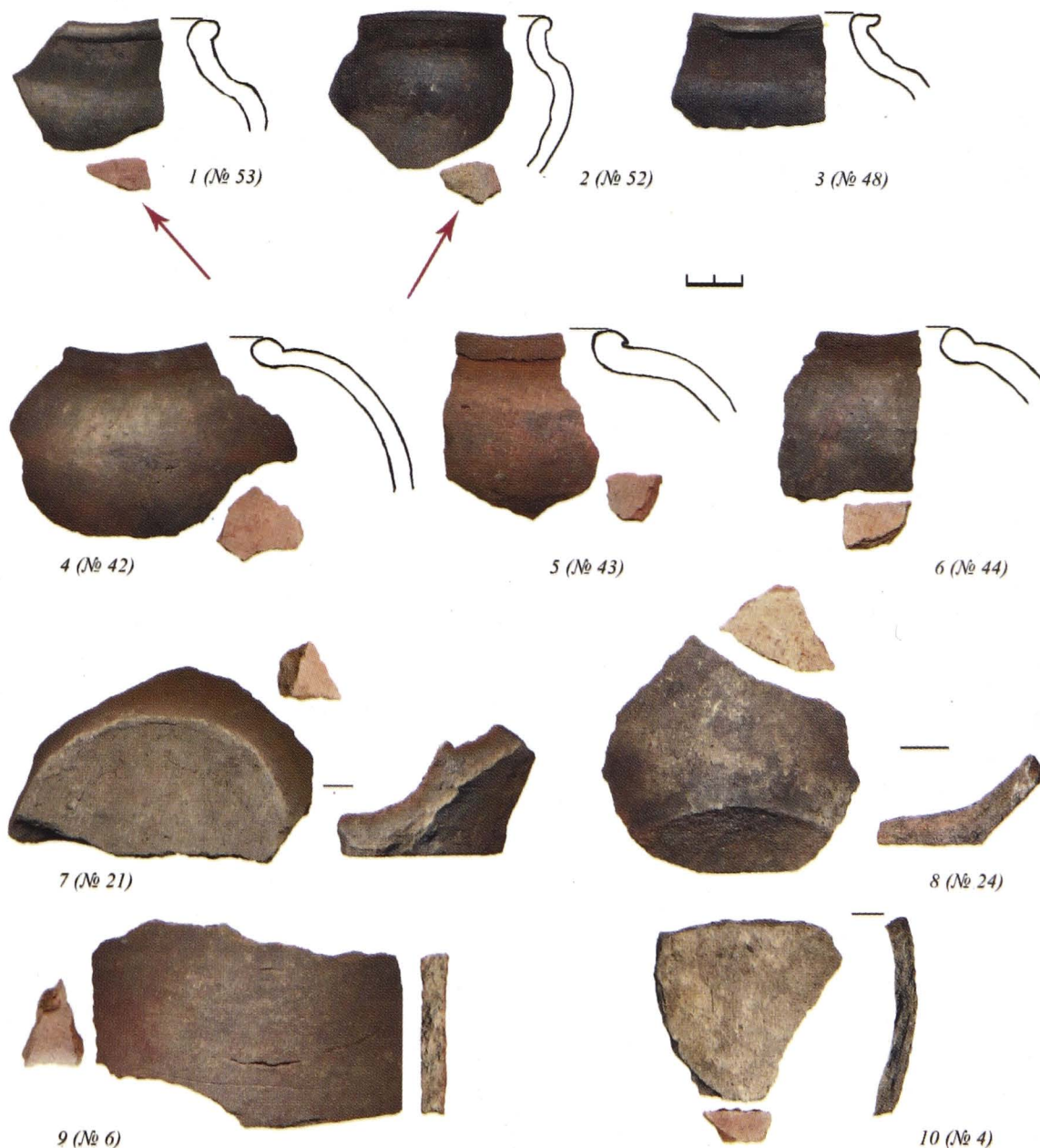
К статье Н. А. Баранова, А. М. Фаткова «Кумган редкой разновидности...». Рис. 6. Кумган. Включения крупных зерен кварца в формовочной массе сосуда

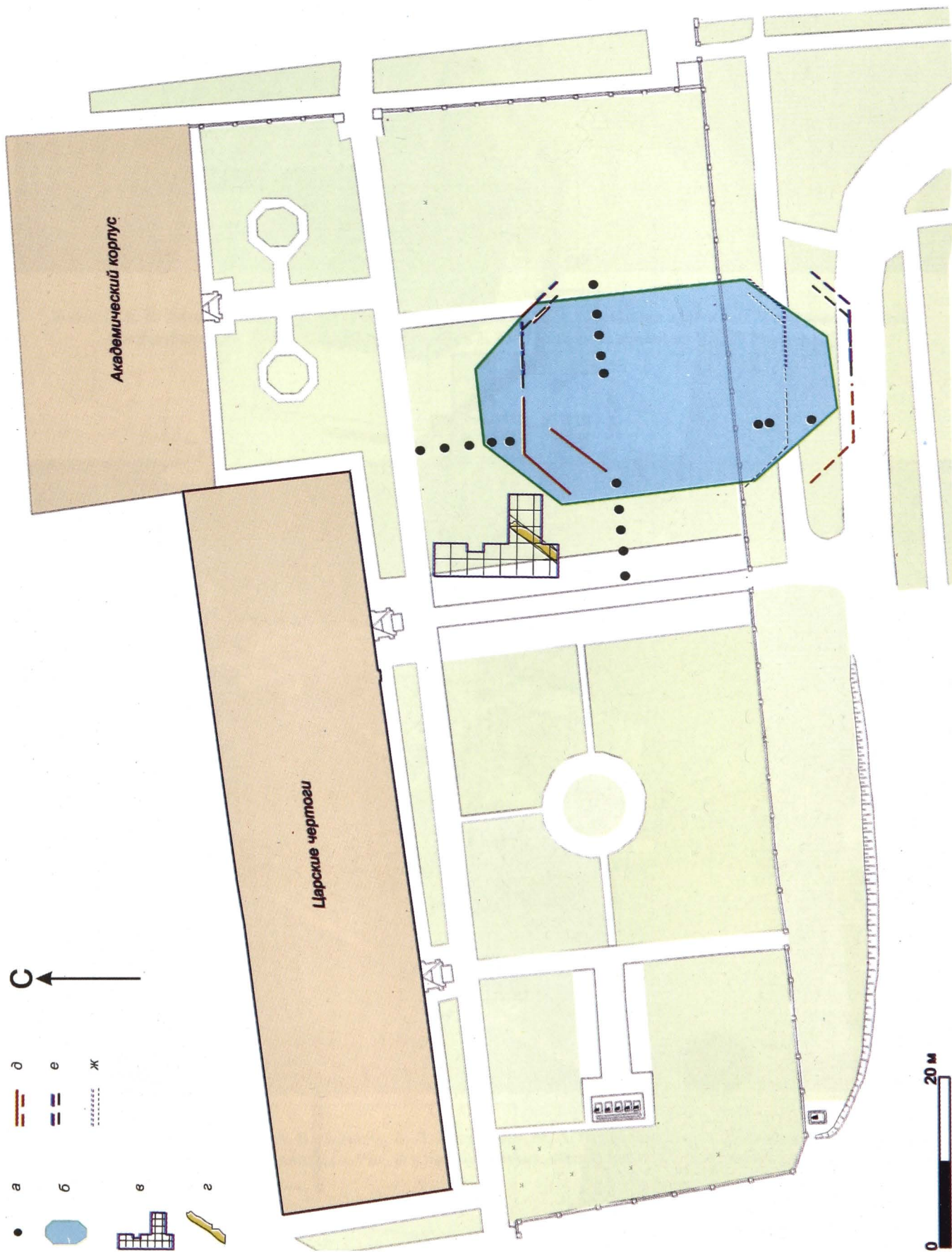
К статье Н. А. Баранова, А. М. Фаткова
«Кумган редкой разновидности...».
Рис. 7. Кумган. Пустоты от выгоревших
органических соединений

К статье Н. А. Баранова, А. М. Фаткова «Кумган редкой
разновидности...». Рис. 11. Крепление носика кумгана

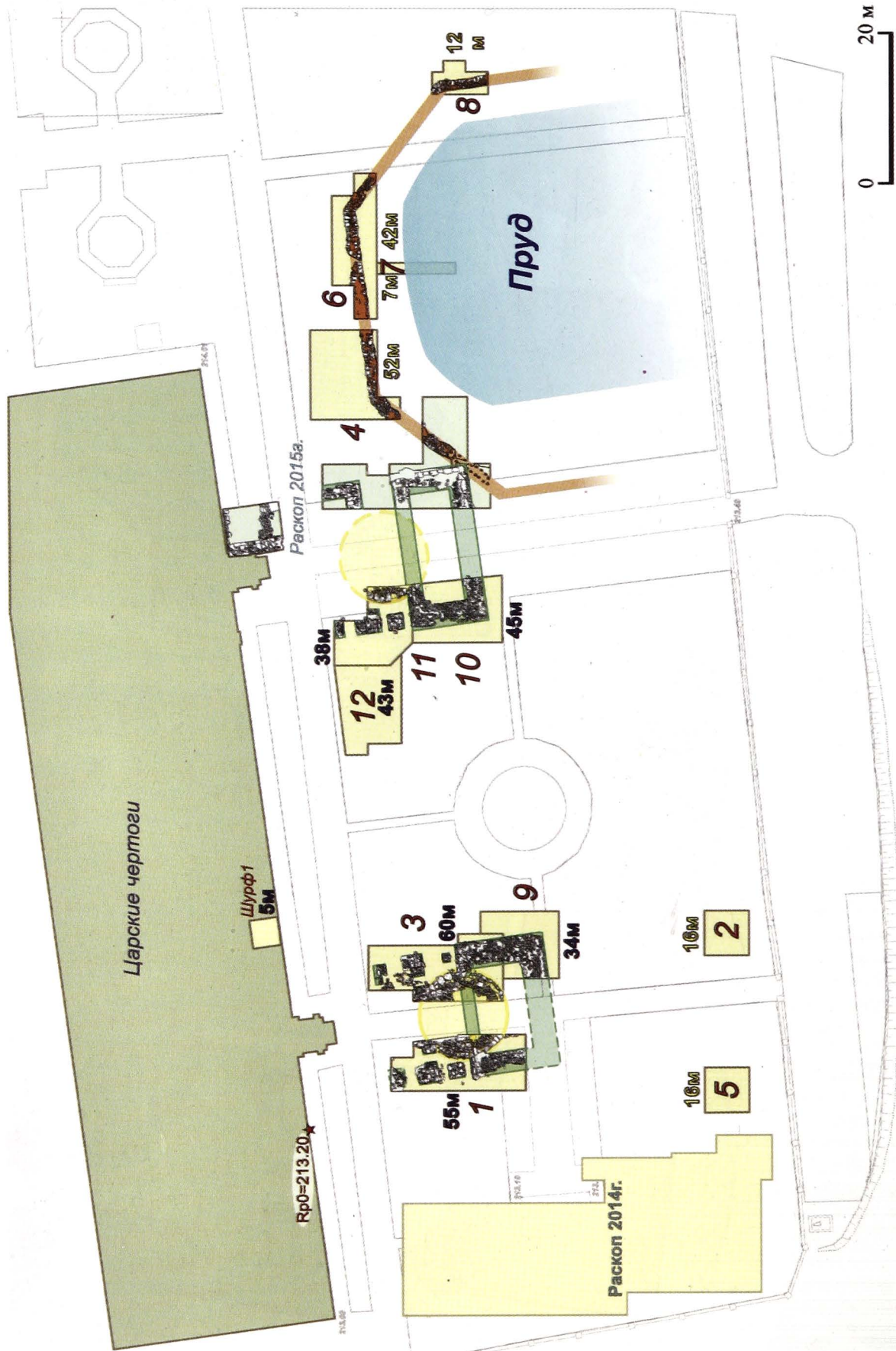

К статье С. А. Кабатова, С. А. Курочкиной, С. Я. Алибекова «Использование естественно-научных
методов...». Рис. 1. Подъемный керамический материал селища Вёжи
1–10 – красноглиняная керамика. Стрелками показаны образцы керамики, обожженной при 850°C.
В скобках указан порядковый номер образца по коллекционной описи

К статье
А. В. Энговатовой,
Е. Е. Васильевой,
В. Г. Бездудного,
В. Н. Марчука
«Геофизические
методы локализации...».

Рис. 1. Прорисовка
и реконструкция
предполагаемых контуров
Писаревского пруда
на фрагменте современного
топографического плана
Троице-Сергиевой лавры
а — боровые скважины;
б — локализация
Писаревского пруда
по результатам бурения
и архивных исследований;
в — раскоп 2015 г.;
г — объект 6, выявленный
в ходе археологических работ
2015 г.;
д — четко зафиксированные
георадаром контуры пруда;
е — нечетко зафиксированные
георадаром контуры пруда;
ж — реконструируемые
предполагаемые контуры
пруда

К статье

А. В. Энговатовой,

А. В. Яганова,

А. Л. Высоцкого,

М. А. Курицына

«Архитектурно-

археологические

исследования...».

Рис. 1. Сводный

план участков

и архитектурных объектов,

исследованных в 2016 г.

(1–12 – номера

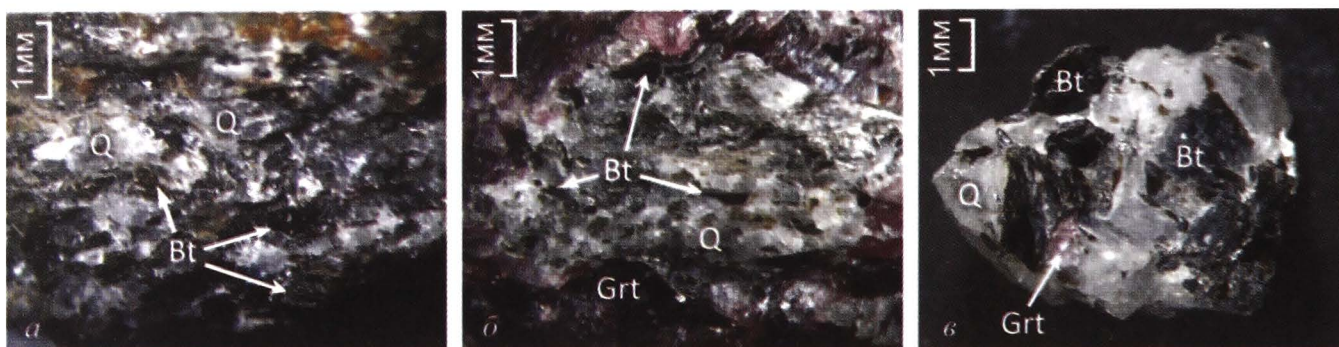
археологических участков)

К статье А. В. Энговатовой, А. В. Яганова, А. Л. Высоцкого, М. А. Курицына «Архитектурно-археологические исследования...». Рис. 6. Общий вид раскопов 1, 3 и 9 западного крыльца Чертогов. Фото 2016 г.

К статье А. В. Энговатовой, А. В. Яганова, А. Л. Высоцкого, М. А. Курицына «Архитектурно-археологические исследования...». Рис. 8. Слой пожарища, обнаруженный в раскопе 6

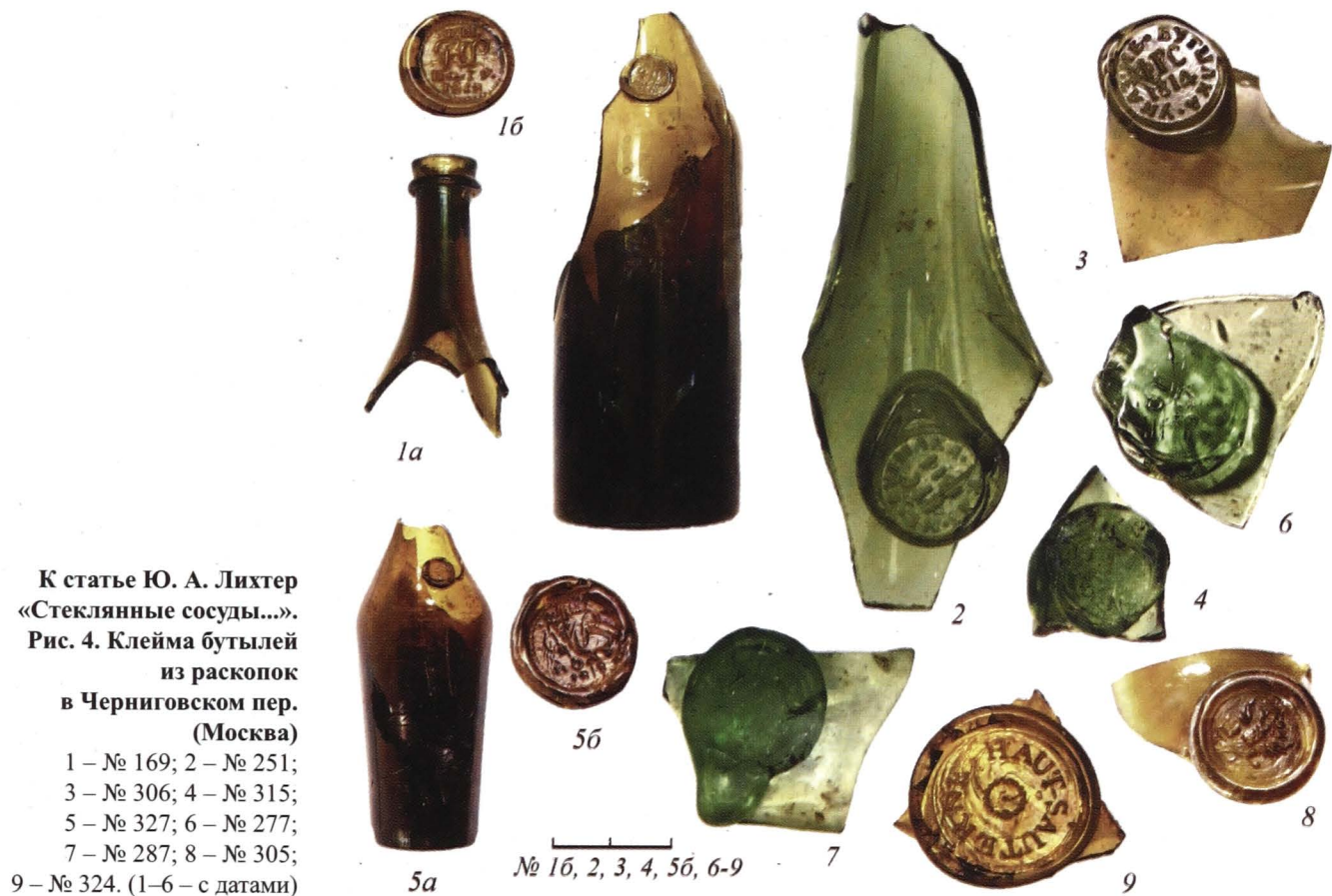

К статье А. В. Окулова и др. «Альмандины в слое XVII века в Москве...». Рис. 5. Кварц-биотитовые сланцы
а) – Кительского месторождения; б) – на поверхности граната-альмандина, найденного при раскопках в Москве;
в) – фрагмент кварц-биотитовых сланцев, найденный вместе с гранатами

К статье Ю. А. Лихтер «Стеклянные сосуды...». Рис. 1. Открытые сосуды из раскопок
в Черниговском пер. (Москва) и аналогии им

- 1 – бокал № 313; 2 – бокал (“Miller’s glass buyer’s guide”, 2004, p. 95; верхний ряд); 3 – бокал № 310;
4 – бокал (Беляев, 1994. Табл. 102, 1); 5 – стопа № 366; 6 – стопа (Рожанківський, 1959. Р. 15 в. С. 73);
7 – стопа (Polak, 1975. Fig. 15. Р. 47); 8 – стакан № 429; 9 – стакан (Ашарина, 1998. Рис. 9); 10 – стакан № 314;
11 – стакан (Cierpiela, 1977. Rys. 54); 12 – стакан № 304; 13 – стакан (Cierpiela, 1977. Rys. 35; 36)

а

б

в

г

К статье В. Ю. Тютюнова и др. «Средневековые горные
выработки...». Рис. 5. Каменоломня «Солнечная»
а – подсчеты углем на стене (колонне); б – рисунок весов
углем на стене (колонне); в – остатки кожаной сумки на камне;
г – не вывезенные обработанные блоки известняка

К статье В. Ю. Тютюнова и др. «Средневековые горные выработки...».
Рис. 6. Керамический кувшин из каменоломни «Солнечная»

К статье С. З. Чернова «Двор с монетными весами...».
Рис. 13. Дунино-6. Раскоп 1. Комплекс находок из ямы 1
158-161 – фрагменты поливных керамических сосудов;
162 – обоймища рукояти из кости; 169 – оселок из песчаника

К статье А. А. Полюляха «Археологические исследования в селе Гжель...».

Рис. 2. Кувшины типа 2

- 1 – ЗАО «Объединение Гжель»; 2 – НВФ 17090/387; 3 – ЗАО «Объединение Гжель»;
4 – НВФ 17090/1176; 5 – НВФ 17090/957; 6 – ОФ 27642/46; 7 – ОФ 27642/2;
8 – НВФ 17090/1074; 9 – НВФ 17090/825; 10 – НВФ 17090/1166; 11 – НВФ 17090/692;
12 – ОФ 27642/27; 13 – НВФ 17090/192; 14 – НВФ 17090/439; 15 – НВФ 17090/1068;
16 – НВФ 17090/1194

К статье А. А. Полюляха «Археологические исследования в селе Гжель...».

Рис. 7. Крышки горшков (1-7), горшкообразные формы (8-11) и лохань (12)

- 1 – НВФ 17090/1230; 2 – НВФ 17090/344; 3 – НВФ 17090/1231; 4 – НВФ 17090/1213;
5 – НВФ 17090/495; 6 – НВФ 17090/1211; 7 – НВФ 17090/1210; 8 – НВФ 17090/496;
9 – НВФ 17090/635; 10 – НВФ 17090/235; 11 – НВФ 17090/1082; 12 – ОФ 27642/6;
13 – ОФ 8274/422

К статье Н. Н. Малышевой, А. А. Полюляха, Т. Г. Сарачевой «Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве». Рис. 2. Голосники в верхней части восьмерика центральной церкви собора. Фотография выполнена в процессе реставрации 2015 г.

К статье А. Г. Векслера, Г. К. Патрик, М. Г. Гусакова «Некоторые аспекты истории изразцового дела...». Рис. 10. Львы. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье А. Г. Векслера, Г. К. Патрик, М. Г. Гусакова «Некоторые аспекты истории изразцового дела...». Рис. 11. Птица на ветке. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье [А. Г. Векслера](#), [Г. К. Патрик](#), [М. Г. Гусакова](#) «Некоторые аспекты истории изразцового дела...».
Рис. 12. Орнамент из цветов.
Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье [А. Г. Векслера](#), [Г. К. Патрик](#), [М. Г. Гусакова](#) «Некоторые аспекты истории изразцового дела...».
Рис. 13. Городок. Полихромный изразец.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье [А. Г. Векслера](#), [Г. К. Патрик](#), [М. Г. Гусакова](#) «Некоторые аспекты истории изразцового дела...».
Рис. 14. Лев. Полихромный изразец.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье [А. Г. Векслера](#), [Г. К. Патрик](#), [М. Г. Гусакова](#) «Некоторые аспекты истории изразцового дела...».
Рис. 15. Ножка печи. Полихромный изразец.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье [А. Г. Векслера](#), [Г. К. Патрик](#), [М. Г. Гусакова](#) «Некоторые аспекты истории изразцового дела...».
Рис. 17. Подзор. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

К статье О. Н. Глазуновой «Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей...». Рис. 4. Лицевые ковровые изразцы
1, 2, 3, 6, 7 — из Нового Иерусалима; 4, 5, 9, 10 — из Вильноса;
8 — из Смоленска

К статье О. Н. Глазуновой «Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей...». Рис. 5. Фризовые изразцы со сценой охоты
1 — из Нового Иерусалима; 2 — из Вильнюсского замка

К статье О. Н. Глазуновой «Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей...». Рис. 6. Фризовые изразцы со львом и грифоном
1 — из Нового Иерусалима; 2 — из Иверского Валдайского монастыря;
3 — из Белоруссии

К статье О. Н. Глазуновой «Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей...». Рис. 7. Печные валики с изображением ангелов
1, 2, 3 — из Нового Иерусалима; 4, 5 — из Вильнюсского замка;
6 — из Иверского Валдайского монастыря

Литература

- Алфавит, сказующий толкование иностранных речей обретаемых во святых книгах русского языка имущий начало от аза/БАН. Д. 33. Л. 9.1.
- Арциховский А. В., 1939. Новгородские ремесла//Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород. С. 3–15.
- Варфоломеева Т. С., 1993. Кожаные ножны из раскопок в Новгороде//ННЗ. Вып. 7. Новгород. С. 162–167.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.)//ТТЗ. Тверь. С. 214–221.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 2000. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году//Археологические памятники Москвы и Подмосквья. М. С. 153–159. (Тр. МИМ. Вып. 10. Ч. 3).
- Временник Ивана Тимофеева/Подред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Наука, 2004. 511 с.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.: Изд. МГУ. 430 с.
- Горелик М. В., 1972. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник. (Опыт изучения мужского костюма)//СЭ. № 2. С. 37–50.
- Даль В. И., 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.–М. 712 с.
- ДАИ. СПб., 1846. 446 с.
- Дубынин А. Ф., 1960. Археологические исследования в Зарядье в 1955 году//КСИИМК. Вып. 79. С. 64–79.
- Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода//Тр. НАЭ. Т. IV. Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–165. (МИА. № 123).
- Зыбин, Ю. П., 1982. Конструирование изделий из кожи//Учебник для вузов. М. 264 с.
- Зыбин Ю. П., Шестакова И. С., Богданов И. А., 1952. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи/Архив ИА РАН. Ф-1. № 555.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого//МИА. Вып. 65. 273 с.
- Иностранцы о древней Москве, 1991/Ред.-сост. М. М. Сухман. М.: Столица. 427 с.
- Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости//РА. № 2. С. 198–208.
- Курбатов А. В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах//Записки ИИМК РАН. № 3. СПб.: Дмитрий Буланин. 259 с.
- Матехина Т. С., 2009. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки. Дисс. ... канд. ист. наук. М. <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Matekhina.pdf>. (дата обращения 07.12.2016). 204 с.
- Мерцалова М. Н., 1993. Костюм разных времен и народов. М.: Академия моды. 544 с.
- Морозова Н. А., 1990. Игрушки древнего Новгорода//ННЗ. Вып. 3. Новгород. С. 69–71.
- Осипов Д. О., 2003. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве)//РА. 2003. № 2.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XIII–XVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). М.: ИА РАН. 202 с.
- Осипов Д. О., 2011. К вопросу об атрибуции одной категории кожаных изделий//Археологические вести. № 17. СПб. С. 184–192.
- Осипов Д. О., 2012. Мода в обуви XV–XVI в.//Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. XXI. М. С. 240–250.
- Осипов Д. О., 2013. Сапоги поморов Зимнего берега Белого моря//Природа. № 8. С. 68–71.
- Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Актеон. 269 с.
- Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Чёрная М. П. (в печати). Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.)//Археология, этнография и антропология Евразии.
- Поварнин Г. Г., 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. СПб. 320 с.
- Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. М.: Наука. 354 с.
- Русская летописная история. Кн. 18. М.: Актеон, 2012. 500 с.
- Саттарова Л. И., 2004. Казанская узорная кожа. Культура и традиции. М.: Культура и традиции. 160 с.
- Сорокин А. Н., 1995. Благоустройство Древнего Новгорода. М.: Общество историков архитектуры. 142 с.
- Фатюнина О. А., 2011. Изделия из кожи кремля Переяславля Рязанского XVI – первой половины XVII в.//Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1. С. 158–167.
- Янин В. Л., 1953. Великий Новгород//По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы. С. 217–252.

Яскеляйнен Е. И., 2003. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX в. в коллекции музея «Кижи» // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск: Кижский музей-заповедник. С. 80–125.

Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Publisher: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 357 p.

D. O. Osipov

**A collection of leather-made items from excavations in Zaryade (Moscow)
(preliminary report)**

Summary

This article presents the preliminary findings of research into leather items excavated from cultural layers of the 14th to 17th centuries. The majority of these

items were shoes or parts of shoes from the 16th and 17th century. There were also examples of knife-sheaths, and other items including a rosary, and a pistol-holster.

А. В. Горохова, А. С. Лазарев, И. А. Бушуев

**Предварительные итоги
археологических исследований 2013–2015 годов
на территории Красных рядов в городе Костроме
(по материалам раскопа «Мелочные ряды I»)**

Раскоп «Мелочные ряды I» располагался внутри Красных рядов (Гостиного двора) г. Костромы на территории памятника археологии «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв.» (рис. 1).

В 1413 г. первый костромской кремль, располагавшийся на пересечении современных улиц Островского и Пятницкой, был полностью уничтожен пожаром («Археология Костромского края», 1997. С. 208). Новая крепость была перенесена к юго-востоку и расположилась на более удобной в оборонительном и градостроительном отношениях возвышенности, что является вполне типичной чертой для многих средневековых русских городов. Первое летописное упоминание о втором костромском кремле относится к 1416 г.: «Того же лета (6924 г. – *Прим. авт.*) град Кострома заложен бысть» (ПСРЛ, 1859. С. 88). Новая крепость располагалась на возвышенности, что было более удобно и в оборонительном отношении, и в бытовом: высота защищала новое место поселения от весеннего половодья. Кремль имел форму четырехугольника, с трех сторон его окружали земляной вал и ров, а четвертой стороной был берег р. Волги. На валу стояла крепостная стена с 3 воротами и 14 четырехгранными башнями, окружавшая город с четырех сторон. Территория второго кремля исторически делилась на две части: Старый город (XV–XVI вв.) и пристроенный к нему в первой четверти XVII в. Новый город («Памятники архитектуры...», 1996. С. 5) (рис. 2).

Плотная деревянная застройка Старого города представляла серьезную опасность во время пожа-

ров. К началу XVII в. множество горожан проживали за стенами кремля, в связи с чем возникла необходимость расширения укрепленной городской территории. В 1619 г. был возведен Новый город, примыкавший к крепостной стене с северо-западной стороны. Писцовая книга 1627–1630 гг. свидетельствует: «А поставлен был тот Новый город для осаднова времени во 127-м году (1619 г. – *Прим. авт.*), а ставили посадские люди собою. Орублен тарасы косые, как ставитца острог лежачей. А около его веден был ров. И город во многих местех развалился и ров поосыпался» («Писцовая книга...», 2004. С. 17).

Между двумя частями крепости стояли Большие Спасские ворота, которые вели из Старого города к торгу. В XVII в. в Костроме деревянные лавки образовывали 21 торговый ряд, еще 148 лавок стояли поодиночке, при этом некоторые из них, ввиду ограниченности пространства Нового города, располагались у крепостных стен и по склону Молочной горы. Во время сокрушительного пожара 1773 г. практически все они были уничтожены огнем, а торговцам в спешном порядке приходилось возводить новые, мало заботясь об их конструктивных особенностях и внешнем виде (*Бочков*, 1997. С. 9).

В 1775 г. был составлен проект регулярной перепланировки города, окончательно утвержденный в 1781 г. В 1789 г. Кострома стала центром наместничества, смена статуса поставила перед местными властями целый комплекс вопросов в отношении строительства и устройства внутригородского хозяйства. Была устроена центральная городская площадь (Сусанинская,

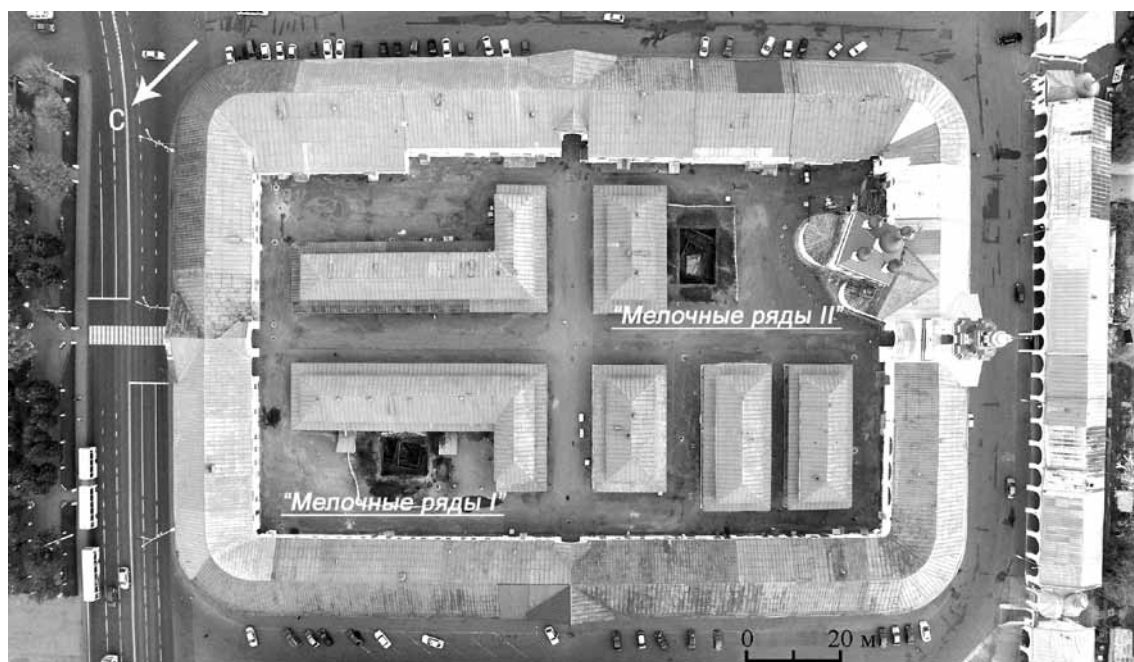

Рис. 1. Раскоп «Мелочные ряды I» на территории Красных рядов в г. Костроме. Аэрофотосъемка

старое название – Екатеринославская), в первой четверти XIX в. возводились административные здания (Присутственные места, Пожарная каланча, Гауптвахта). На месте сгоревшей торговой площади было решено построить комплекс каменных торговых рядов. В 1791–1796 гг. построены два параллельных каменных торговых комплекса – Гостиный двор (Красные ряды) и Большие мучные ряды.

Решение о строительстве Гостиного двора было принято властями в 1787 г. Автором проекта стал главный архитектор костромского наместничества Карл Клер. Согласно решению городского магистрата было решено построить четыре линии лавок. До марта 1788 г. власти обязали костромских купцов определить с необходимым количеством лавок для постройки (Кудряшов, 1992. С. 14). Строительством, начавшимся в 1791 г., руководил Степан Андреевич Воротилов вместе с сыном Ефремом и братьями Иваном и Петром. После смерти С. А. Воротилова его братья и сын прекратили работу, строительство закончилось только в 1796 г., на окончательном этапе им руководил И. Гове, уездный землемер.

В 1820-х гг. к дворовой галерее Гостиного двора сделаны пристройки Рукавичного и Холщового рядов. В 1830–1832 гг. возводятся четыре каменных корпуса Мелочных рядов, автор проекта – губернский архитектор Петр Иванович Фурсов. Еще два корпуса в северо-западной части Гостиного двора

возводятся в 1874–1875 гг. («Памятники архитектуры...», 1996. С. 16, 17).

Так вкратце выглядит история застройки городской территории, в пределах которой находится раскоп «Мелочные ряды I», на основании письменных источников. Недостаток письменных источников по истории застройки центральной части Костромы до XIX в. был дополнительно усугублен пожаром в здании Государственного архива Костромской области 16 сентября 1982 г. В огне погибло множество ценных документов, которые могли бы дать дополнительные сведения как о строительстве комплекса торговых рядов в конце XVIII – XIX вв., так и о застройке этой территории в «дорегулярный» период. Главным и фактически единственным документом, дающим сведения по указанному вопросу, является «Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг.», в которой содержится подробная опись всех дворов и строений, находившихся в пределах городской территории, в том числе и деревянных торговых рядов.

Обращение к материалам «Писцовой книги» не позволяет точно определить характер застройки и расположение конструкций на месте раскопа (северная часть территории Красных рядов), однако дает право сделать вывод, что планировка городских улиц и торговых рядов была весьма запутанной. Согласно данным источника, деревянный Гостиный двор располагался рядом с крепостной

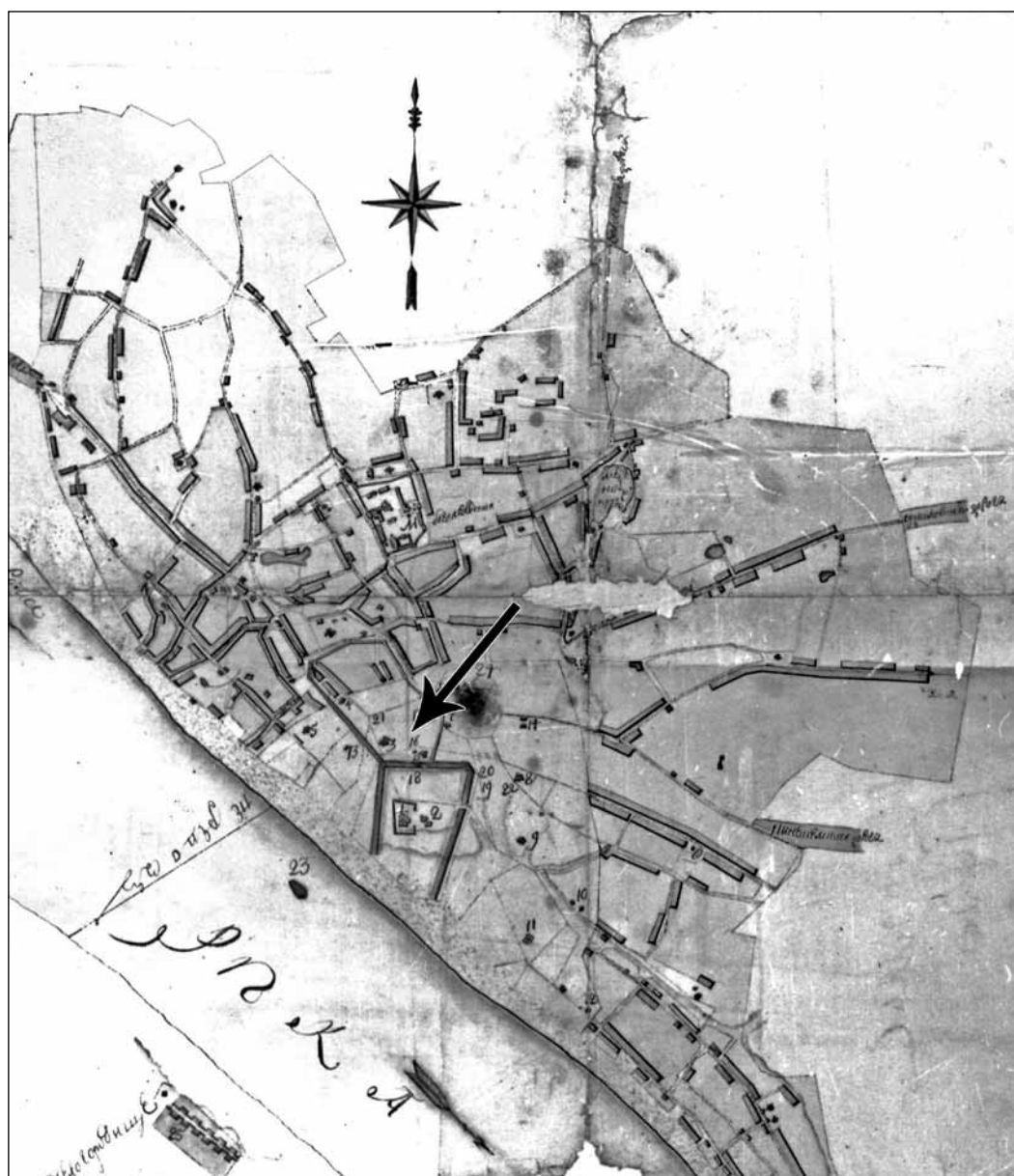

Рис. 2. Фрагмент плана «...города Костромы, составленного 12 июня 1773 г. после пожара 18 мая 1773 г.»
Участок раскопок отмечен стрелкой

стеной между Воскресенскими и Благовещенскими воротами. Непроездная башня, располагавшаяся между ними, именовалась «Глухая у Гостиного двора». Здесь находились таможенная изба и важная – крытое сооружение над крупными весами, возведенное на торговой площади; есть упоминание о трех амбарах на людских дворах. Фрагмент оригинального описания Гостиного двора гласит: «Да по сторон таможни к городской стене Нового города двор Гостин, где ставятца торговые приезжие люди со всякими товары. Длины двору тридцать пять сажен, поперег шеснатцать сажен

с четью. А на дворе две избы. Адна на мшенике на два онбара об осми замках, да онбар третей о дву замках, да онбар же об одном замке. А отдают те онбары приезжим торговым людям...» («Писцовая книга...», 2004. С. 251).

Место проведения археологических раскопок, согласно «Писцовой книге», располагается ближе к Благовещенским воротам. В той местности преимущественно ставились лавки, а не амбары («Писцовая книга...», 2004. С. 235).

Первые археологические исследования на территории Красных рядов проведены в 2002 г.

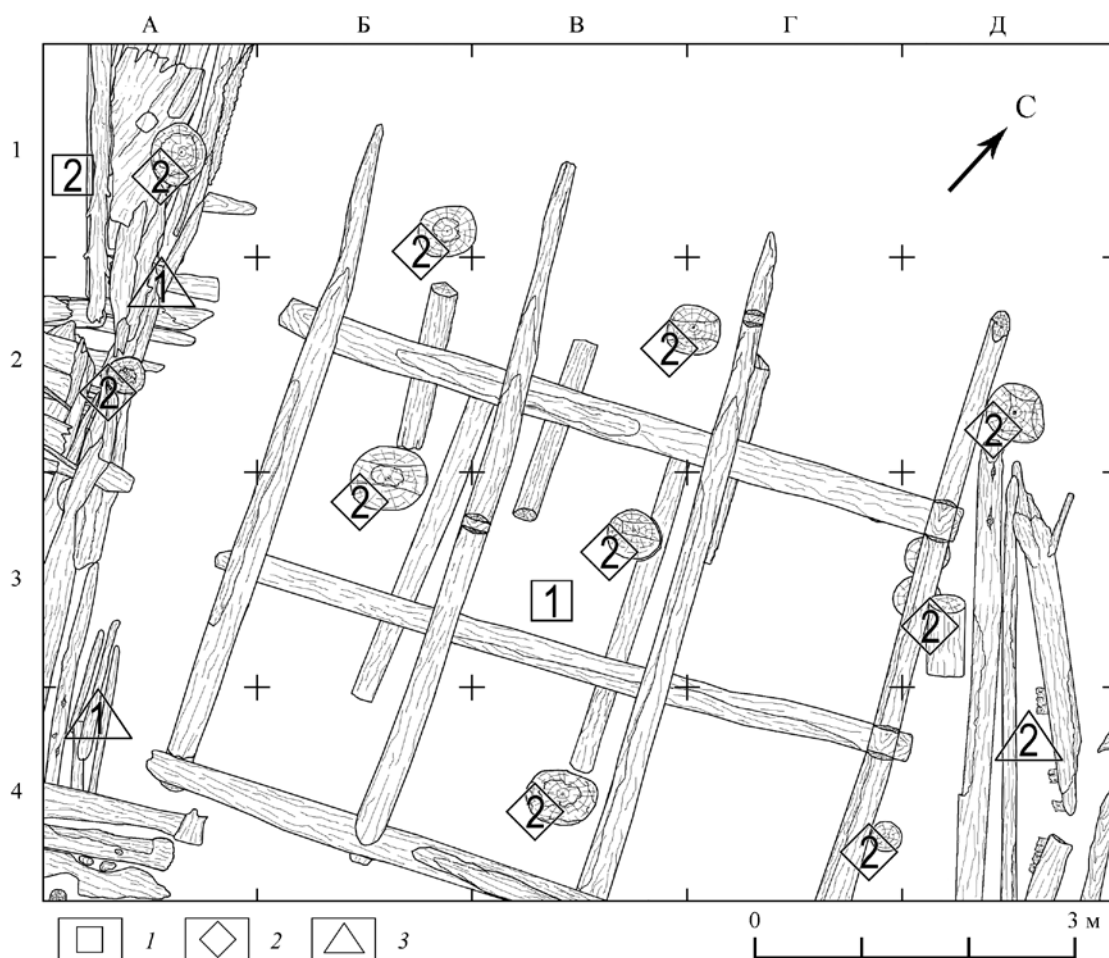

Рис. 3. Расположение конструкций в пластах 5–8

1 – сруб; 2 – конструкция; 3 – мостовая. Цифры на рисунке соответствуют номерам объектов

С. И. Алексеевым. В результате выявлен культурный слой мощностью до 1,5 м, находки представлены керамикой XIII–XVIII вв. В 2012 г. В. И. Гордеевым с целью обследования состояния культурного слоя у корпуса Е Мелочных рядов внутри Гостиного двора был заложен рекогносцировочный шурф, в котором на отметке -149 от условного 0 выявлен угол деревянной срубной конструкции (сруб № 1).

В 2013 г. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» под руководством А. В. Гороховой с целью исследования выявленной постройки заложен раскоп размером 8×8 м (64 кв. м). Раскоп сориентирован по линии СЗ–ЮВ, шурф 2012 г. включен в сетку раскопа (кв. Б/4). С ЮЗ на СВ линии квадратов получили наименование заглавными буквами русского алфавита (А, Б, В, Г, Д), с СЗ на ЮВ – арабскими цифрами (1, 2, 3, 4). В ходе работ в 2013–2015 гг. на площади 80 кв. м изучены культурные слои пластов 1–10, на отдельных

участках – пластов 9–21. После выявления материка разборка грунта осуществлялась внутри конструкций и ям. На основной площади раскопа мощность культурного слоя составляла от 2,6 до 4,6 м. В ходе полевых сезонов 2013–2015 гг. на раскопе открыты и исследованы остатки семи различных сооружений (нумерация приводится в соответствии с порядком их выявления и включения в полевую документацию).

Конструкция № 1 – хозяйственное сооружение XX в. (яма для гашения извести, использовавшаяся при ремонте рядов).

Сруб № 2. Погреб, рубленный в лапу. Ориентирован по линии СЗ–ЮВ, уходит в профиль юго-западной и северо-западной стенок раскопа (кв. А/1, А/2) (рис. 3; 4). В заполнении сруба фиксируется навал ржавого железа и строительного мусора советского периода. Функционировал же погреб до конца XIX в. (на уровне его дна обнаружены четыре монеты, самая поздняя из которых датируется 1883 г.).

Рис. 4. Зачистка после пласта 7 (сруб № 1, мостовая № 1, конструкция № 2). Вид с запада

По данным дендрохронологического анализа, сруб № 2 датируется временем после 1861 г.¹

Вышеуказанные объекты были построены после возведения кирпичных корпусов Торговых рядов. К дорегулярному периоду относятся описанные ниже конструкции.

Конструкция № 2. Выявлена на уровне 3-го пласта (нивелировочные отметки -102/-250 см). Столбовой фундамент постройки ориентирован по направлению ЮЮЗ–ССВ. Сохранились 10 основных бревен разного диаметра (от 0,4 до 0,8 м). Расстояние между столбами – от 1,4 до 2,4 м (рис. 3; 4). По данным дендрохронологического анализа, данная постройка датируется периодом после 1761 г.

Сруб № 1. Выявлен на уровне 3-го пласта (нивелировочные отметки -109/-220 см). Срубная конструкция подквадратной формы размером 6,5×6 м ориентирована на ССЗ–ЮЮВ (для строительства использовалась сосна) (рис. 3; 4). Сохранились два нижних венца, рубленных в чашу. Сруб разделен внутренними стенами на шесть ячеек. С юго-западной стороны сруб имеет четыре выноса под

помост (предмостье), позволяющие точно определить ориентацию постройки фасадом на ЗСЗ. В кв. Б-Д/3-4 прослежено поперечное бревно (балка пола?). Бревна сруба местами обуглены. Бревно, относящееся к юго-западной стене сруба, обуглено с внешней стороны. Особенностью данного сруба является система подкладных бревен, заведенных под переднюю стену (прослежены с 6-го по 11-й пласт) (рис. 5). Для фиксации подкладных бревен использованы два бревна, подложенных под нижний венец передней стены. Понижение грунта здесь связано с проседанием засыпки нижележащих срубов № 3 и 4. В ячейке № 3 на подкладном бревне имеется зарубка, сделанная после разрушения сруба № 1 для удобства опускания столба при возведении конструкции № 2. Использование подкладных бревен под нижние венцы в целом типично для древнерусских построек более раннего периода, что подтверждается археологическими раскопками на территории Новгорода («Древняя Русь...», 1985. С. 148. Табл. 51). Отсутствие верхней части сруба не позволяет судить о размерах и характере дверного и оконных проемов,

¹ Дендрохронологическая экспертиза проведена специалистами Лаборатории дендрохронологии Института географии РАН под руководством научного сотрудника к. г. н. В. В. Мацковского (всего изучено 64 спила как с различных объектов, так и с отдельных бревен и досок). Дендрохронологические датировки (по Вологодской дендрошкале) носят предварительный характер, т. к. на момент написания статьи были получены результаты не по всем образцам.

Рис. 5. Подкладные бревна и столбы фундамента сруба № 1 после разбора пластов 9 (1) и 10 (2). Вид с северо-запада

настила полов и о кровле. Фундаментом ему служили 17 столбов, врытых в землю. Из них 4 – под выносы, 6 – под переднюю стену и примыкающие к ней углы, 4 – под центральной частью постройки и 3 – под задней стенкой. По данным дендрохронологического анализа, данная постройка датируется периодом после 1740 г. Основное заполнение сруба № 1 составляют темно-серая и коричневая супеси с включениями большого количества угля и кирпичной крошки. Сруб № 1 и следы пожара перекрыты слоем светло-серой супеси с включениями кирпичной крошки, извести и угля, который

в центральной части раскопа подстилает прослойка рыжего суглинка с желтым песком. Данные напластования связаны с благоустройством территории торго (засыпанием земель следов пожара) и строительством корпусов Красных рядов и корпуса Мелочных рядов.

На уровне 6–7-го пластов в юго-западной и северо-восточной частях раскопа обнаружены две деревянные мостовые (настилы), примыкающие к срубам № 1 (рис. 3; 4). *Мостовая № 1* в кв. А/1–А/4 ориентирована параллельно срубам № 1. В кв. А/1, А/2 мостовая пререзается срубом № 2. В пределах тех же

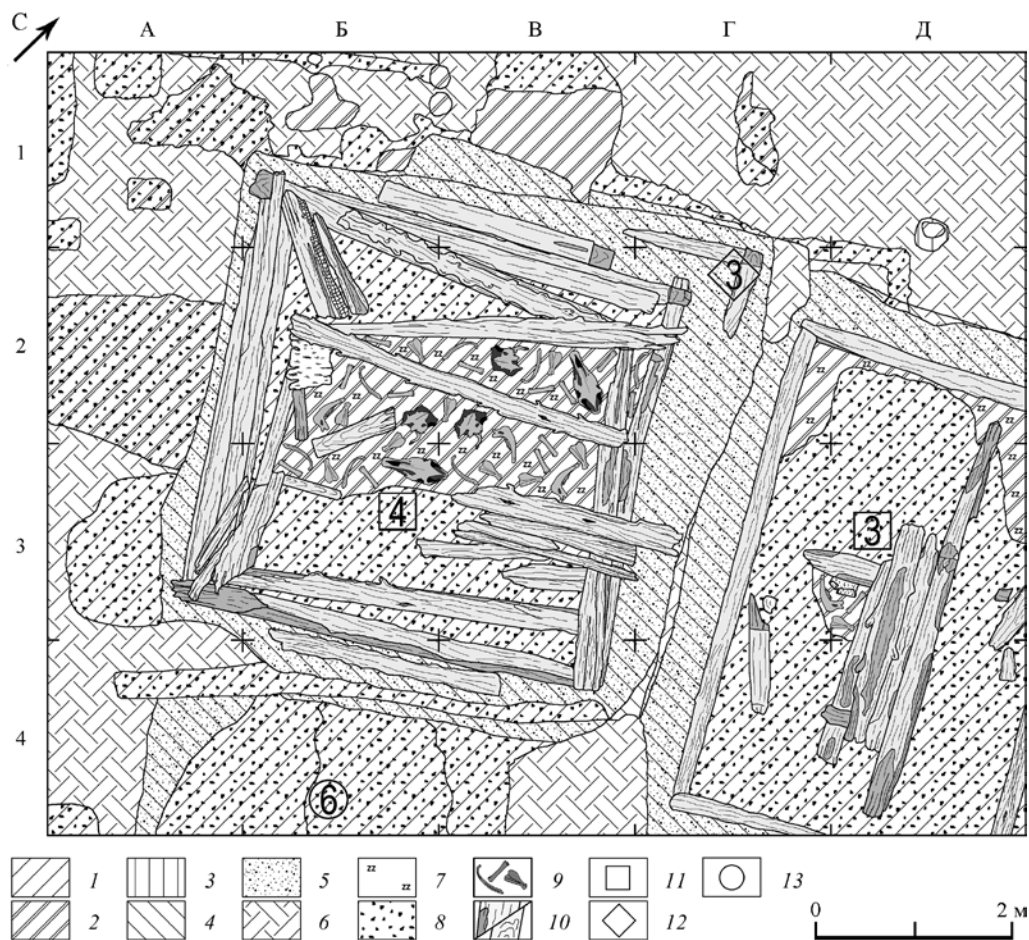

Рис. 6. План раскопа после разбора 12-го условного пласта (гл. -280/-300).

Засыпка из костей животных в срубах № 3 и 4

1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – светло-серая супесь; 4 – рыжий суглинок; 5 – песок; 6 – материк; 7 – щепа; 8 – уголь; 9 – кости животных; 10 – дерево (бревно/доска); 11 – сруб; 12 – конструкция; 13 – яма

Рис. 7. Заполнение сруба № 4 с костями животных в процессе разборки (гл. -280/-300). Вид с юга

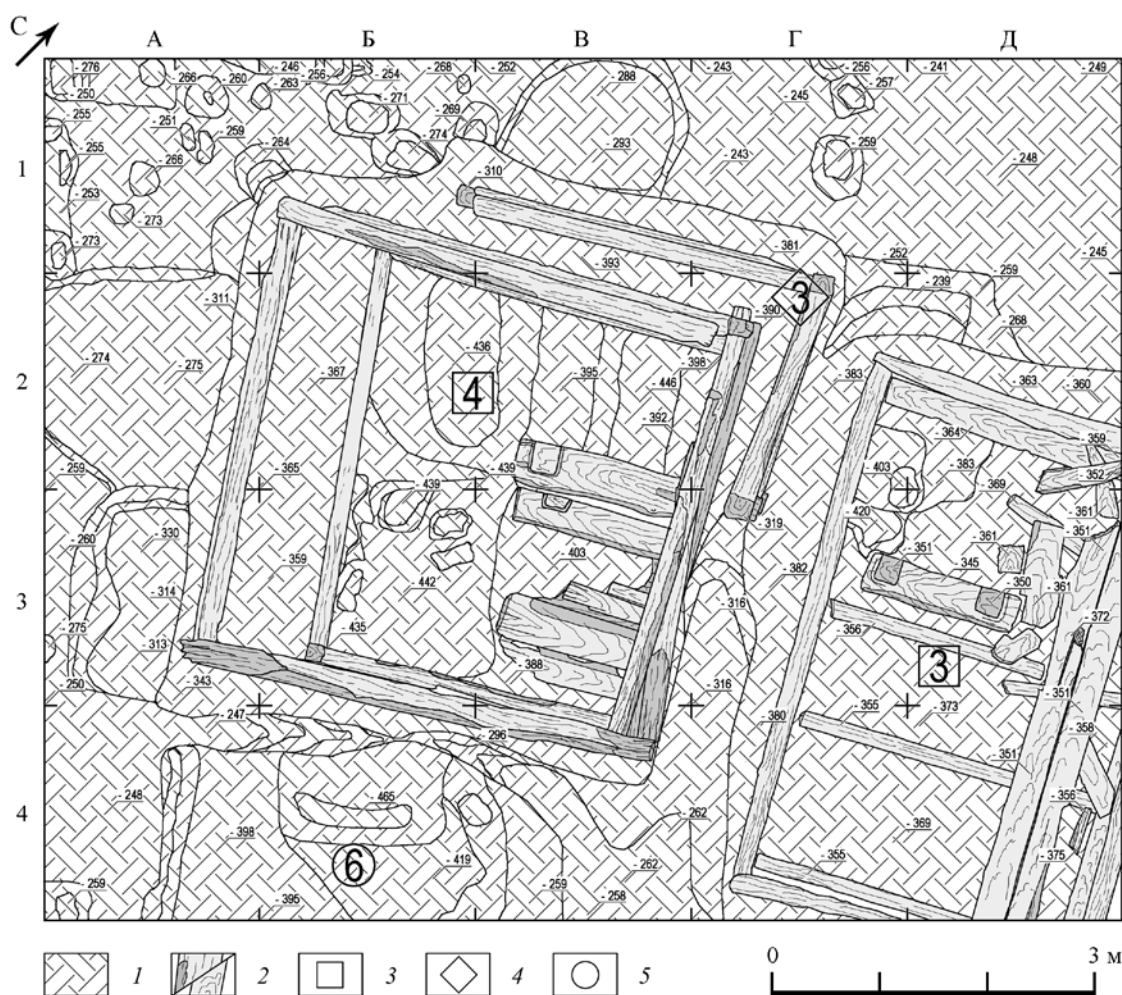

Рис. 8. План раскопа на уровне материка. Срубы № 3 и 4, конструкция № 3 (гл. -241/-465)

1 – материк; 2 – дерево (бревно/доска); 3 – сруб; 4 – конструкция; 5 – яма

квадратов на настиле фиксируются углубления от столбов конструкции № 2. Мостовая № 2 находилась в кв. Д/2, Д/4 и Г/2, частично заходя под сруб № 1. По результатам дендрохронологического исследования, мостовая № 1 датируется временем после 1673 г., однако эта датировка не очень надежна из-за низких корреляций как между образцами мостовой, так и между осредненной серией для мостовой и другими объектами раскопа.

На уровне 7–13-го пластов залегал слой с обильным содержанием костей домашних животных, перекрывавший срубы № 3 и 4 и составлявший их заполнение (крупный рогатый скот – 54,31%, лошадь – 30,91%, мелкий рогатый скот – 3,72%, собака – 2,8%, свинья – 1,97%, кошка и рыба реч-

ная – менее 1%; не идентифицировано – 6%) (рис. 6; 7). Данная засыпка содержит более 85% всей коллекции костных останков, полученной в ходе исследований 2013–2015 гг.² Вероятнее всего, кости животных использовались в качестве подсыпки для выравнивания поверхности после гибели и разборки надземных частей срубов № 3 и 4 и перед новым строительством на данной территории. Подобные случаи использования костей животных при благоустройстве территории известны по исследованиям «костных вымоستков» в древнерусских городах и на сельских поселениях вплоть до XVIII в. (Яворская, 2013а, 2013б; Ужастова, 2016). Необходимо отметить, что, несмотря на засыпку, просадка грунта, особенно над сру-

² Всего за 2013–2015 гг. было отобрано и отправлено на остеологический анализ 5340 образцов костей животных. Экспертиза костных останков проведена к. вет. н. доцентом ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия» С. В. Барминым.

Рис. 9. Общий вид на срубы № 3 и 4 на уровне материка. Вид с севера

бом № 4, была значительной, что видно в профиле бровки, а также потребовало создания системы подкладных бревен при строительстве в XVIII в. сруба № 1 (рис. 5). Срубы № 3 и 4 находились в котлованах, занимающих большую часть раскопа и заполненных перемешанным слоем из серой супеси, рыжего суглинки, песка и угля (рис. 6).

Сруб № 3. Выявлен на уровне 7-го пласта в северо-восточной части раскопа (нивелировочные отметки -193/-403 см) (рис. 8). Сохранились восемь венцов (верхний истлел) (рис. 9). Сруб ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением к западу. Рублен в лапу, пол дощатый на поперечных лагах, уложенных на землю. Сохранился обрубок бревна, служивший опорой лестницы. Расстояние между зарубками для тетив – 80 см, что характерно для деревянных построек Средних веков («Древняя Русь...», 1985. С. 152). Заполнение пространства между восточной стеной сруба и стенками раскопа в кв. Д/4, западение слоя

рыжего суглинки с песком в профилях северо-восточной и юго-восточной стенок позволяют интерпретировать эту стену как внешнюю стену сруба. Аналогичное заполнение имели котлованы срубов № 3 и 4. На юго-западной стене сруба с внешней стороны есть маркировочные зарубки (на семи бревнах, первая – на нижнем венце). По данным дендрохронологического анализа, сруб № 3 не удалось надежно датировать из-за недостаточной длины серий годовых колец у отобранных образцов. Заполнение сруба состояло из темно-серой супеси с включениями щепы и угля. Зафиксированный в верхних слоях заполнения слой горелого зерна мощностью более 20 см относится к периоду разрушения сруба № 1 либо одновременных с ним построек. Основу зерна составляет ячмень с незначительной примесью семян овса и сорняков (горец вьюнковый, пырей ползучий, редька дикая, пикульник обыкновенный, торица полевая, марь белая, чистец болотный, мак, тимopheвка луговая)³.

³ Определение видового состава отобранных образцов проведено специалистами филиала ФГБУ «Россельхозцентр» по Костромской обл. (руководитель филиала Е. Н. Шахорова, начальник отдела семеноводства Н. Н. Тиханова).

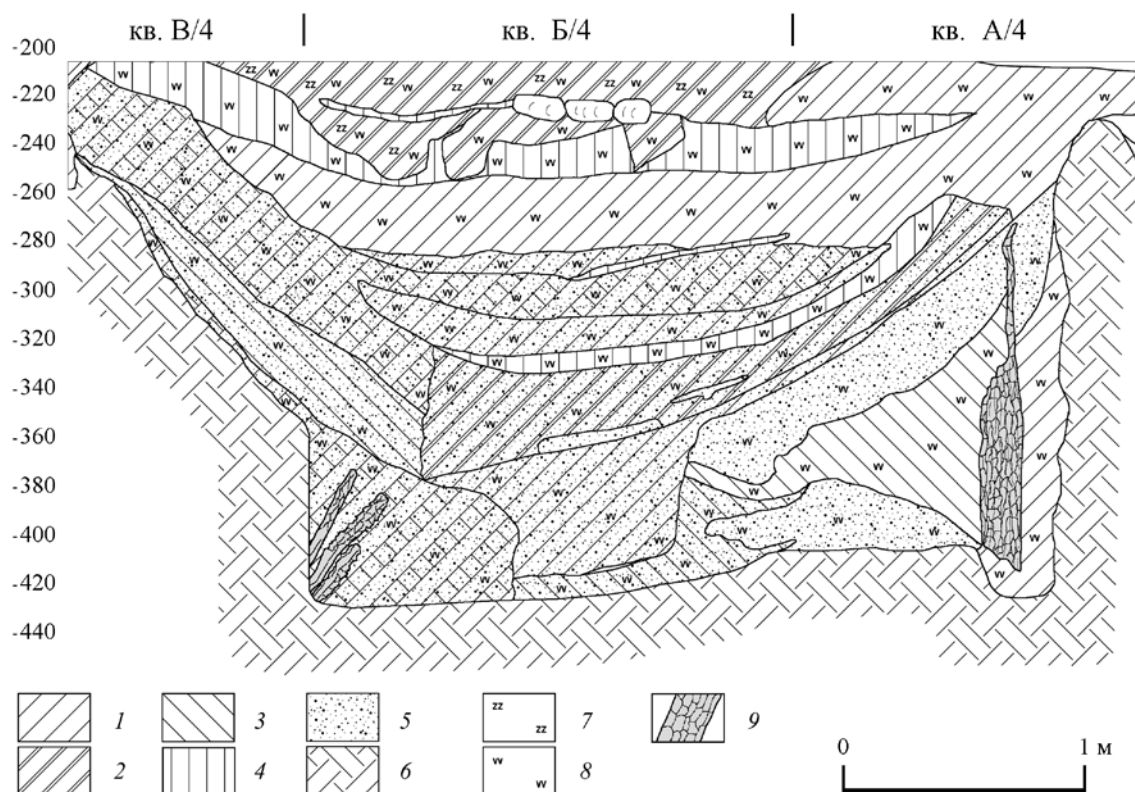

Рис. 10. Сечение ямы № 6 в юго-восточной стенке раскопа

1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – рыжий суглинок; 4 – светло-серая супесь;
5 – песок; 6 – материк; 7 – щепа; 8 – уголь; 9 – горелое дерево

Сруб № 4. Выявлен на уровне 8-го пласта в кв. В/4, продолжался на 9–17-м пластах в кв. А-Г/1-4 (нивелировочные отметки -200/-439 см). Сруб подквадратной формы ориентирован по направлению С–Ю, размер 4,4×4,4 м. Рублен в лапу, сохранился на шесть венцов (рис. 8; 9). На северо-западной стенке сруба видны маркировочные зарубки на четырех бревнах, нижнее бревно зарубок не имеет. В кв. В/2, В/3 находились два упора под лестницу и остатки досок пола, лежащие на материке, что может быть связано с заменой перекрытия пола. В кв. Б/1-3 выявлено бревно, ориентированное аналогично срубам. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен сруба с внешней стороны зафиксированы два симметрично лежащих бревна (длиной около 2,5 м), не связанные с конструкцией сруба № 4 (рис. 6). Заполнение сруба состояло из темно-серой и серой супесей с включениями щепы, желтого песка, угля и кирпичной крошки. В северном углу сруба – скопление битого кирпича. По данным дендрохронологического анализа, данная постройка датируется периодом после 1688 г.

Конструкция № 3. Выявлена на уровне 11-го пласта в кв. В-Г/1-2. Примыкает к срубам № 4 с северной стороны (на расстоянии около 40 см от стенки сруба) и представляет собой сложенный в лапу угол высотой в четыре венца (нивелировочные отметки -301/-393 см) (рис. 6; 8; 9). Вероятно, относится к остаткам погребя, находившегося на этом месте до строительства сруба № 4. Дендрохронологический анализ не позволяет надежно датировать данный объект.

На поверхности материка зафиксированы 23 ямы. Наибольший интерес из ям представляет **яма № 6** в кв. А-В/4, уходящая в юго-восточную стенку раскопа (нивелировочные отметки -260/-465 см) (рис. 10; 11). По периметру ямы сохранились остатки обгорелой конструкции из вертикальных столбов (рис. 12). Заполнение ямы состояло из рыжего суглинка и серой супеси с включениями желтого песка, угля (рис. 10; 11). По краям ямы встречаются зоны спекшегося от высокого температурного воздействия песка (прокалы). В заполнении ямы выявлены обломки сероглиняной керамики с примесью дресвы в тесте, в т.ч. ошлакованной, по аналогиям с материалами дру-

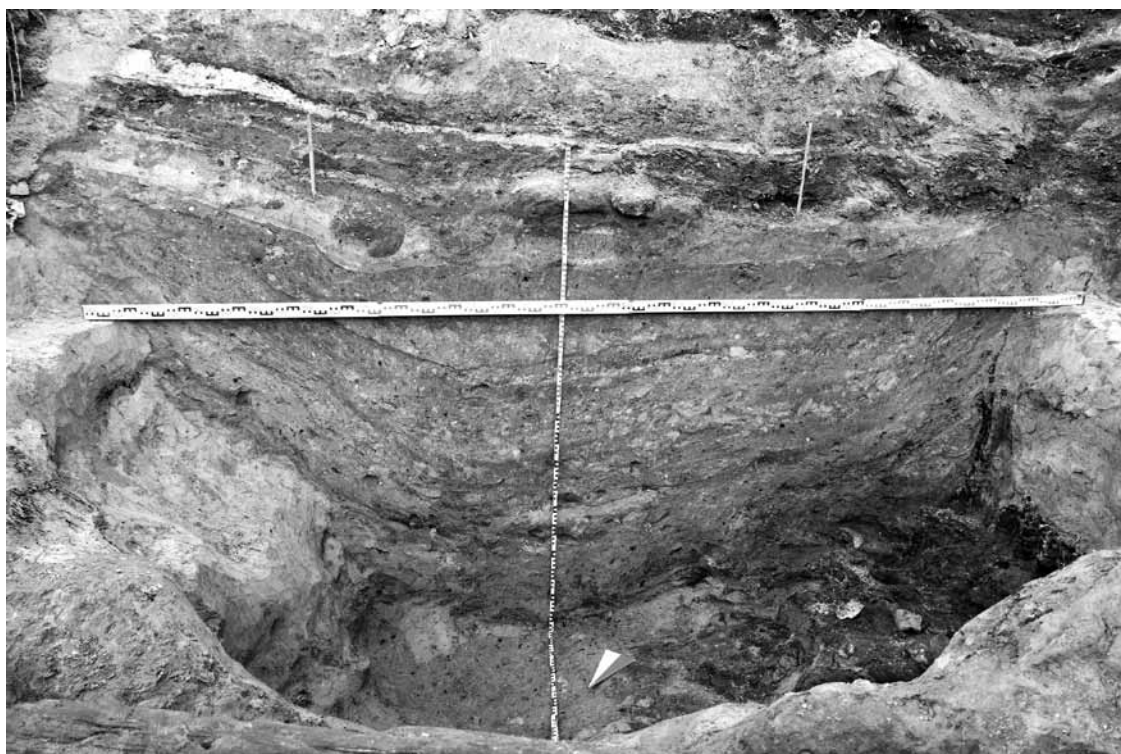

Рис. 11. Сечение ямы № 6 в юго-восточной стенке раскопа в процессе разбора заполнения. Вид с северо-запада

гих раскопок на территории г. Костромы датированной XIV–XV вв.

Комплекс находок, выявленных в процессе раскопок, охватывает период с начала XV по конец XIX в. (всего обнаружено 445 предметов) (рис. 13–16). Необходимо отметить, что в составе коллекции практически отсутствуют заметные следы ведения домашнего хозяйства – например, всего два обломка ножей, при этом нумизматические материалы представлены 141 монетой. В заполнении сруба № 3 выделяется группа предметов из бересты: 24 берестяные «тарелки» (рис. 14, 3), туес, внутри которого обнаружен обломок оселка, и фрагмент лаптя. Наличие в заполнении срубов № 3 и 4 находок, датирующихся периодом XVI–XVIII вв., свидетельствует о том, что ямы срубов представляли проблему для жителей и активно засыпались как бытовым мусором (фрагменты обуви, деревянные изделия, испорченная посуда и т. п.), так и, вероятно, культурным слоем с других участков торгового района (рис. 14–16). В качестве засыпки использовались в том числе и отходы производства – шлаки и обломки сопел.

Рис. 12. Яма № 6 в процессе разборки, горелый часток и скопление керамики в слое пожара. Вид с северо-востока

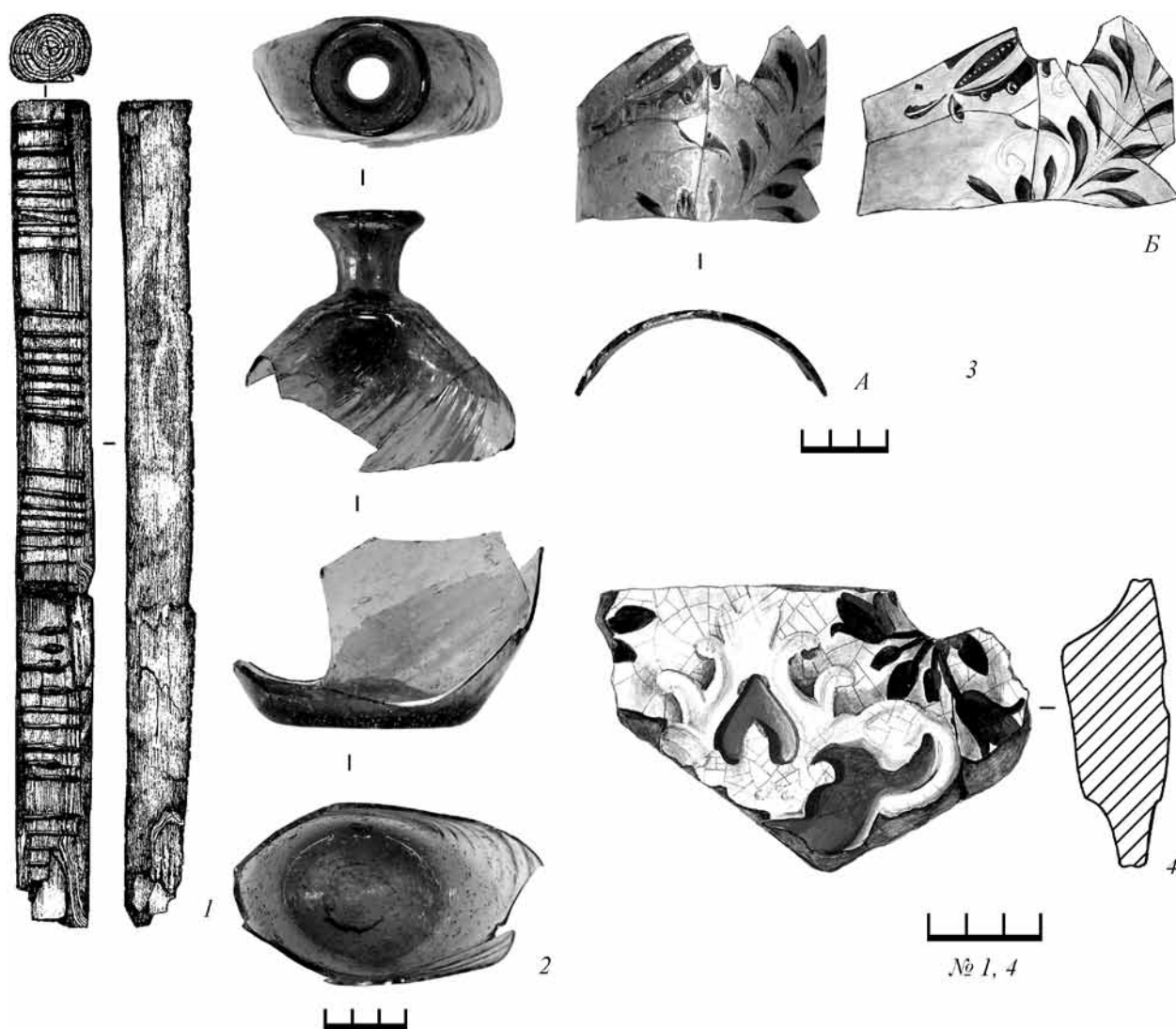

Рис. 13. Индивидуальные находки из пластов 5–7. (См. цв. вкл.)

1 – счетная бирка; 2 – фляга; 3 – фр-т расписного сосуда (А – фото; Б – рисунок-развертка); 4 – фр-т полихромного рельефного изразца. 1 – дерево; 2, 3 – стекло; 4 – глина

Археологические исследования на раскопе «Мелочные ряды I» в 2013–2015 гг. позволили проследить четыре этапа застройки городского торгового ядра в период XV–XIX вв. *Первый этап* характеризуется ямами на материке (в том числе ямой № 6 с остатками горелой столбовой конструкции), утратившими функциональное назначение к моменту строительства срубов № 3 и 4. Материалы, найденные в ямах, не позволяют точно датировать их заполнение (XV–XVI вв.). Ко *второму этапу* относятся срубы № 3 и 4, а также конструкция № 3, заглубленные в материк и датированные XVI–XVII вв. *Третий этап* связан с периодом функционирования сруба № 1 в начале XVIII в. К *четвертому этапу* относится конструкция № 2 (вторая половина XVIII в.). Последние два этапа связаны с пожаром 1773 г., на что

указывают обуглившиеся бревна сруба № 1 и наличие горелого зерна в его заполнении.

Назначение выявленных построек предварительно определяется как хозяйственное (складское), что связано с отсутствием забутовок и укреплений под печи и элементов печных конструкций, а также небольшим количеством кирпича в их заполнении.

Данные материалы представляют собой значительный интерес в связи с тем, что ранее на этом участке городской территории археологические раскопки не проводились. Их актуальность обусловлена недостатком письменных источников и картографического материала, отражающих историю г. Костромы в период до введения регулярного плана застройки в конце XVIII в.

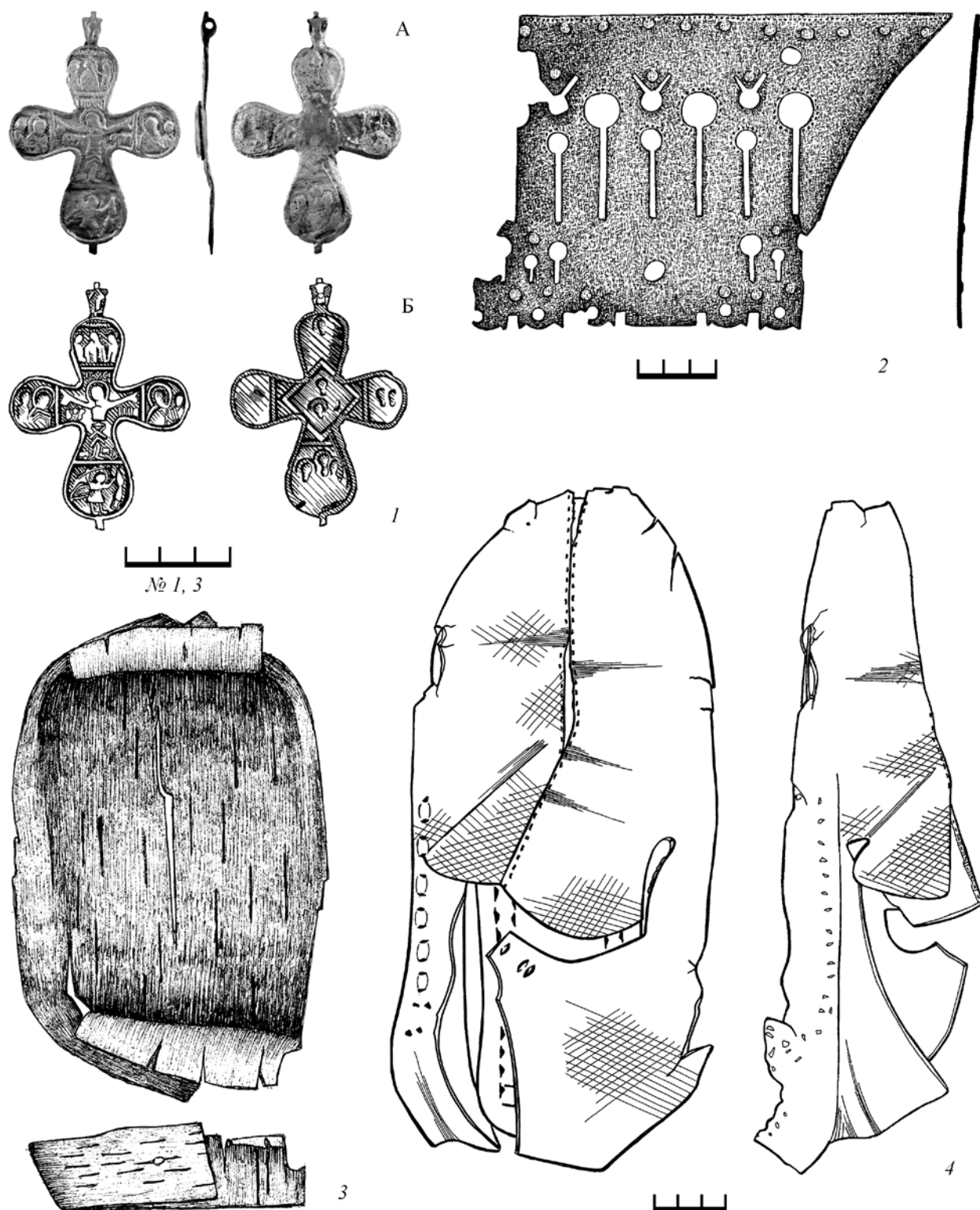

Рис. 14. Индивидуальные находки из заполнения сруба № 3

1 – наперсный крест (А – фото; Б – рисунок); 2 – обломок замочной личины; 3 – берестяная «тарелка»; 4 – туфля.
1 – цветной металл; 2 – железо; 3 – береста; 4 – кожа

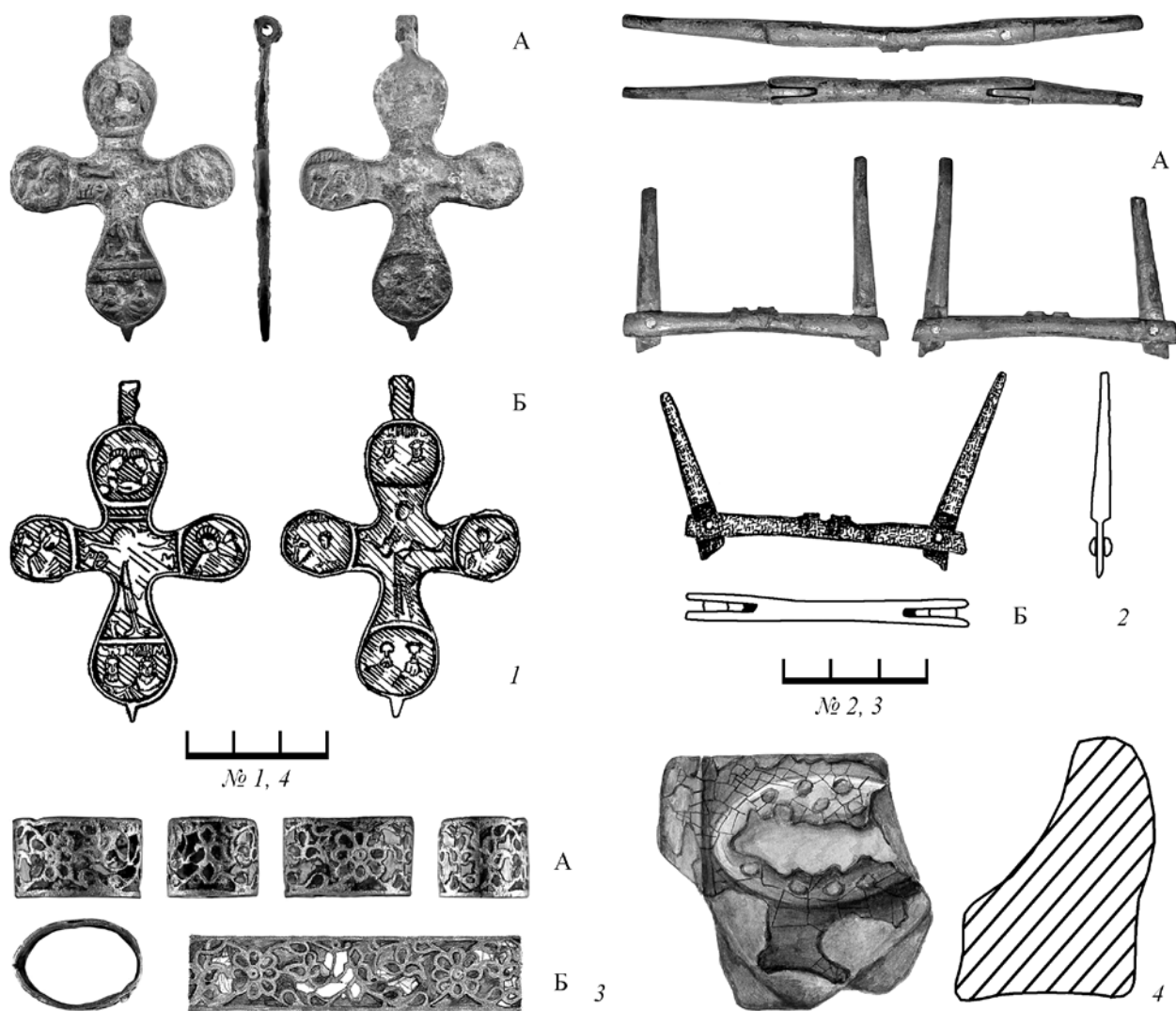

Рис. 15. Индивидуальные находки из заполнения сруба № 4

1 – наперсный крест (А – фото; Б – рисунок); 2 – складное коромысло весов (А – фото; Б – рисунок); 3 – обоймица рукояти ножа, (А – фото; Б – рисунок-развертка); 4 – фрагмент муравленого изразца. 1–3 – цветной металл; 4 – глина

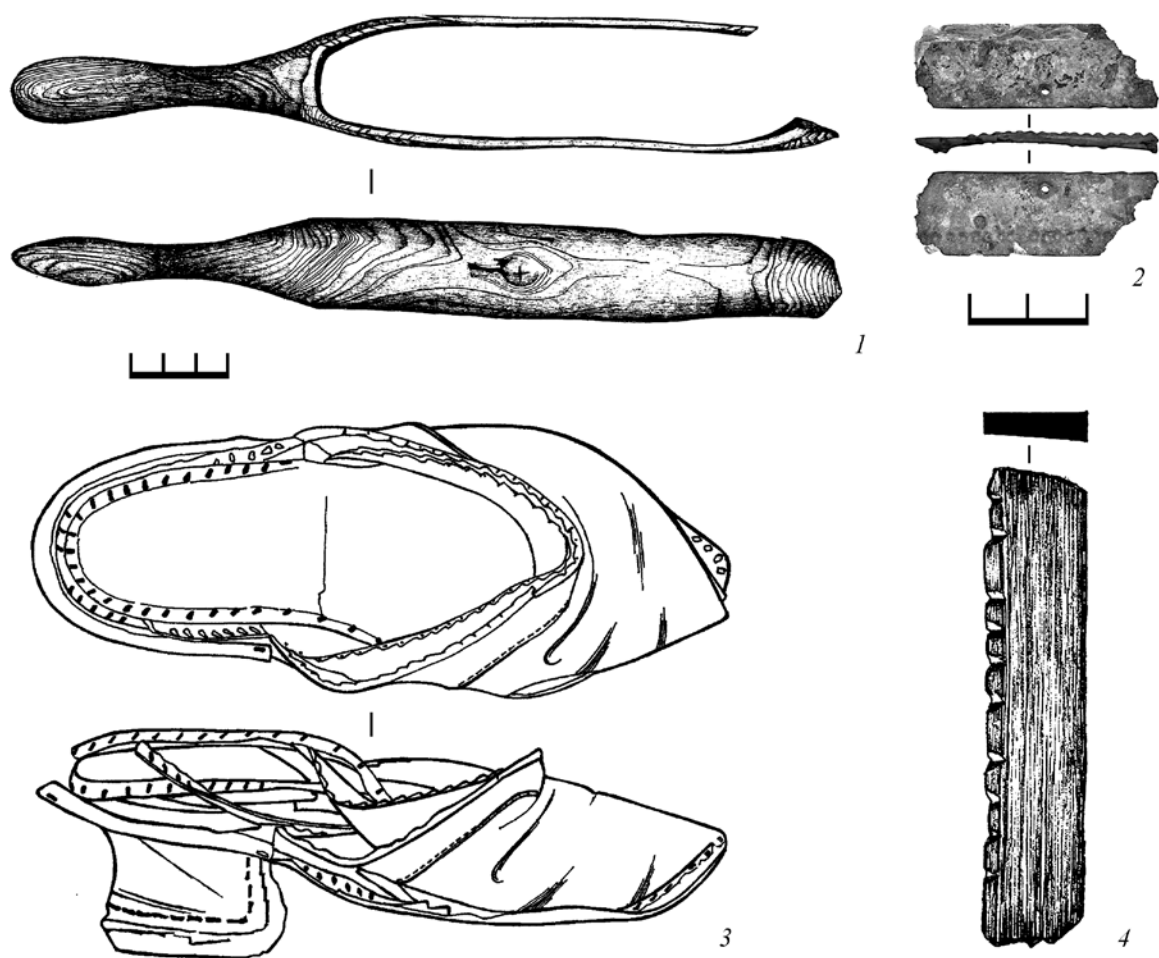

Рис. 16. Индивидуальные находки из заполнения сруба № 4

1 – обломок челнока; 2 – обломок оконной рамки с фрагментами слюды; 3 – туфля с каблуком; 4 – счетная бирка.
1, 4 – дерево; 2 – железо, слюда; 3 – кожа, дерево

Литература

Археология Костромского края. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области, 1997. 276 с.

Бочков В. Н., 1997. Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома: Эврика-М. 230 с.

Древняя Русь. Город, замок, село/Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР. Т. 15).

Кудряшов Е. В., 1992. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. 64 с.

Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. I. Ч. I/Под ред. В. Б. Корозина. Кострома: Кострома, 1996. 367 с.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг./Сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокур-

цева. Кострома: КОСТРОМАИЗДАТ-850, 2004. 432 с.

ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 317 с.

Ужастова И. Р., 2016. Необычное заполнение костями животных подпольной ямы селища Игнатьево-II//Междунар. полевая школа в Болгаре: сб. матер. итоговой конф. Казань; Болгар. С. 91–97.

Яворская Л. В., 2013а. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки//Зоологический журнал. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

Яворская Л. В., 2013б. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове//АИППЗ. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 42–55.

A. V. Gorokhova, A. S. Lazarev, I. A. Bushuev

Preliminary results of archaeological research over 2013–2015 in the Red Arcades in Kostroma (according to the materials from the excavation «The Trade (Melochnye) Arcades I»)

Summary

The article provides preliminary results of archaeological research over 2013–2015 at the excavation «The Trade (Melochnye) Arcades I» in the Red Arcades in Kostroma. On the basis of stratigraphic observations and interpretation of the collection of archaeological remains, cultural layers can be dated to

the 15th – 19th centuries. Special interest is presented for the remains of six different buildings describing several stages of development of Kostroma before the fire of 1773 and the beginning of brick construction according to the plan approved by Catherine II.

А. С. Лазарев, И. В. Волков

**Нумизматические материалы из раскопок 2013–2015 годов
на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I»)**

Исследования на раскопе «Мелочные ряды I», расположенном на территории Красных рядов в г. Костроме, проводились археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» в 2013–2015 гг. Общая площадь раскопа, на котором изучены культурные напластования XV–XIX вв., предшествующие и синхронные строительству каменных корпусов Красных (1791–1796 гг.) и Мелочных (1830–1832 гг.) рядов, составила 80 кв.м. Более подробная характеристика изученного участка приводится в специальной работе А. В. Гороховой, А. С. Лазарева и И. А. Бушуева, входящей в настоящий сборник. Мы глубоко признательны руководителю раскопок А. В. Гороховой (Кострома) за предоставленную возможность опубликовать обнаруженные монеты.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот нумизматических памятников Средневековья, Нового и Новейшего времени, обнаруженных в результате раскопок. Монеты составляют существенную долю (141 экз., почти одну пятую часть) от общего количества индивидуальных находок. Так, 5 экз. было обнаружено в 2013 г. (4 – XVIII–XIX вв.; 1 – 1939 г.), 63 экз. в 2014 г. (18 – XVI–XVII вв.; 45 – XVIII–XIX вв.), 75 экз.

в 2015 г. (61 – XV–XVII вв., 13 – XVIII–XIX вв.; 1 – 1925 г.). Из общего количества не рассматриваются далее лишь две монеты советского времени: полкопейки 1925 г. и 2 копейки 1939 г., найденные, соответственно, при разборке 1-го пласта и после зачистки северо-западной стенки раскопа. В таблице 1 приведено распределение находок по хронологии.

К сожалению, весьма осложнила работу неудовлетворительная сохранность большинства находок, в первую очередь относящихся к XVI–XVII вв. Испытывая длительное воздействие агрессивного городского грунта, в подавляющем большинстве случаев эти монеты (как медные, так и серебряные) в той или иной степени подверглись химической коррозии, а потому многие из них не могли быть точно определены. В связи с этим следует обратить особое внимание на то, что их крайне сложно использовать при метрологических исследованиях. Однако такая ситуация характерна для большинства городских раскопок; поэтому некоторые определения, предложенные в настоящей публикации, могут быть в дальнейшем (после реставрации и углубленного изучения материала) скорректированы.

Таблица 1. Распределение серебряных и медных монет по столетиям.

Датировка	Количество монет		Всего
	серебряные	медные	
XV в.	1	–	1
XVI в.	4	23	27
XVII в.	12	22	34
XVI–XVII вв., плохой сохранности	–	14	14
XVIII в.	1	51	52
XIX в.	1	10	11
Всего	19	120	139

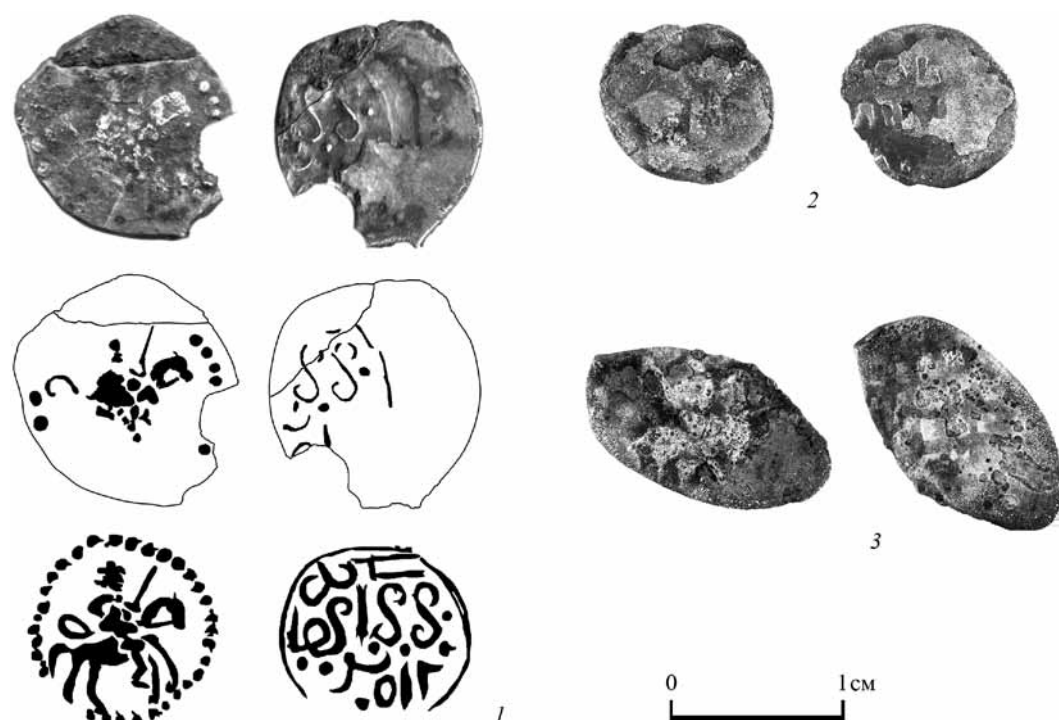

Рис. 1. Серебряные монеты XV–XVI вв.

1 – денга Семена Владимировича Серпуховского (фото, прорисовка и графическая реконструкция штемпелей);
2, 3 – денга и копейка Ивана IV

Паспортные данные всех монет, обнаруженных в ходе раскопок 2013–2015 гг., их атрибуция и весовые данные приведены в общепринятой табличной форме в Приложении к статье. Порядковая нумерация в указанном Приложении совпадает с нумерацией в тексте и на иллюстрациях.

Монеты XV–XVII веков (76 экз.)

Самой ранней монетой, найденной в ходе работ, является анонимная денга удельного князя Семена Владимировича Боровского, отчеканенная во втором десятилетии XV в. Она обнаружена при разборке заполнения ямы № 6 на уровне 13-го условного пласта (нивелировочные отметки -300/-320 см). На аверсе помещено изображение всадника с мечом вправо в точечном ободке. На реверсе – зеркальное подражание монете Хорезма 815 г. х. в линейном ободке (рис. 1, 1; Волков, Зайцев, Лейбов, 2006. С. 108. № 11). Монеты этого типа весьма редки: к концу 2016 г. зарегистрировано чуть более 50 экземпляров таких денег, отчеканенных большим количеством различных штемпельных пар. Несмотря на то что рассматриваемая группа не несет ни имени князя, ни вообще каких-либо русских надписей, ее принадлежность устанавливается достаточно четко при использо-

вании поштемпельного анализа и изучении топографии находок. Денги, отчеканенные при помощи штемпелей, снятых с этого же маточника лицевой (со всадником) стороны, связываются по обратным штемпелям с монетами, несущими имена Серпуховско-Боровских князей Семена и Василия. А учитывая находку в 2012 г. клада, время сокрытия которого точно датируется второй половиной 1410-х гг. (Волков, Титов, 2013. С. 111, 112), содержащего, в частности, и рассматриваемые монеты, нужно признать доказанной их атрибуцию, предложенную более десяти лет назад.

Следующими по времени чеканки являются монеты времени Ивана Грозного (нумизматические памятники второй четверти XV – первой трети XVI в. в процессе раскопок обнаружены не были). Точно определены две из них. Это московская денга и псковская копейка (рис. 1, 2, 3); обе монеты относятся к периоду до принятия Иваном IV царского титула, то есть к 1533–1547 гг. Денга обнаружена на уровне 17-го условного пласта в предматериковом горизонте заполнения сруба № 4, копейка – при разборке 9-го пласта. Еще две монеты (Приложение, № 4 и 5) определены как денги того же правителя лишь предположительно в силу их плохой сохранности.

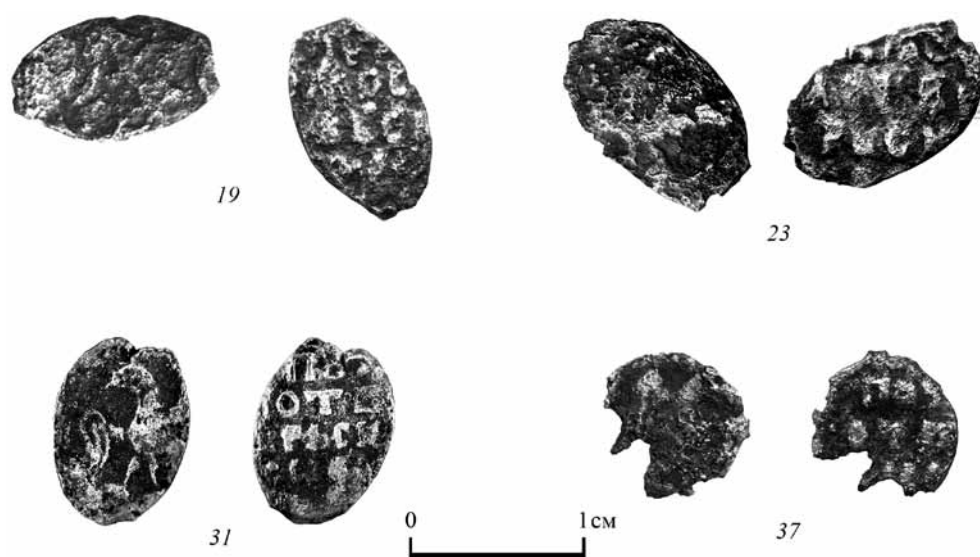

Рис. 2. Медные пула времени правления Ивана IV
(здесь и далее указываются порядковые номера по Приложению)
19 – московское; 23, 31, 37 – тверские

Медные монеты Ивана IV – маленькие пула – представлены 23 экземплярами (Приложение, № 19–41). Следует учесть, что их количество может быть немного увеличено за счет тех медных «проволочных» монет, которые полностью корродировали и не могли быть определены даже приблизительно (Приложение, № 63–77). Но даже и те экземпляры, сохранность которых позволила определить их принадлежность, составляют более трети от общего количества зарегистрированных на раскопе медных монет XVI–XVII вв. Все они обнаружены в процессе разборки пластов 6–9 (–160/–240 см) и в заполнении сруба № 3 (пласт 16; –360/–380 см) и сруба № 4 (с 15-го по 17-й пласт; –340/–400 см).

Подавляющее большинство монет рассматриваемой группы – тверские пула трех наиболее распространенных разновидностей. Это типы с изображением птицы с цветком в клюве (Гайдуков, 1993. № 358; Приложение, № 22–25. 4 экз.), «птицы влево с распростертыми крыльями» (Гайдуков, 1993. № 360. Приложение, № 26–36. 11 экз.) и «птицы вправо с распростертыми крыльями» (рис. 2, 23, 31, 37; Гайдуков, 1993. № 362. Приложение, № 37, 38. 2 экз.). Сюда же примыкают три тверских пула, идентифицирующиеся лишь по остаткам строчных надписей, которые сложно точно отнести к тому или иному типу (Приложение, № 39–41). В то же время московские пула, синхронные по времени бытования, представлены лишь тремя экземплярами всего одного

типа – с крылатой сиреной (рис. 2, 19; Гайдуков, 1993. № 405. Приложение, № 19–21).

Такое соотношение по месту чеканки представляется весьма показательным. Хотя расстояние от Костромы до Твери примерно такое же, как от Костромы до Москвы, тверские пула в костромском культурном слое абсолютно преобладают. Подобное количественное соотношение тверских и московских выпусков характерно для самой Твери, а в Москве оно совершенно иное. Например, при раскопках 1996–2002 гг. на Романовом дворе в Москве было обнаружено 100 экз. медных монет времени Ивана IV. Из них московских – 82%, тверских – 17% и новгородских – 1% (Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 105–108). Это наблюдение над встречаемостью медных выпусков в городском культурном слое, по нашему мнению, ярко свидетельствует о том, что основная масса разменной монеты попадала в Кострому по речному, Волжскому торговому пути, а не по сухопутным дорогам, связывающим Кострому со столицей государства.

Монет конца XVI – начала XVII в. при раскопках не обнаружено. Следующими по хронологии являются находки серебряных копеек царя Михаила Федоровича, представленных 6 экз., которые хронологически распределяются равномерно, охватывая все правление Михаила (1613–1645 гг.) (рис. 3, 6, 8, 9). Три из них выявлены в одной углистой прослойке в кв. А/4 на уровне пласта 4 (–120/–140 см), две – в предматериковом заполнении сруба № 4, еще одна – в том же кв. А/4, но в нижележащих слоях.

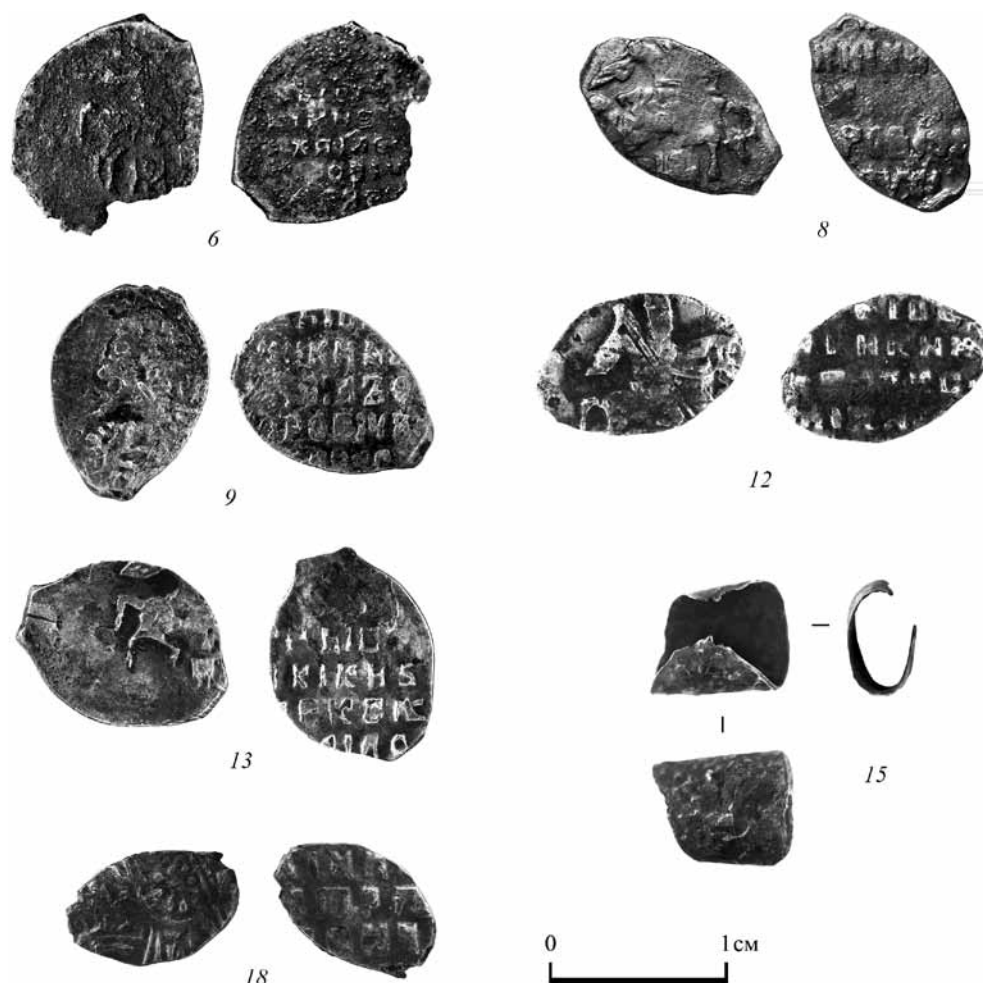

Рис. 3. Серебряные копейки XVII – начала XVIII в.

6, 8, 9 – Михаил Федорович; 12, 13, 15 – Алексей Михайлович; 18 – Петр Алексеевич

Серебряные копейки следующего царя – Алексея Михайловича (рис. 3, 12, 13, 15) представлены в материалах раскопа 4 экз., причем два из них также найдены в заполнении сруба № 4, а одна – в срубе № 3. В основном эти монеты относятся ко второй половине правления Алексея Михайловича; период их бытования ограничивается началом XVIII в. (Мельникова, 1989; и др.).

Медные копейки, чеканившиеся также в правление этого царя, в 1655–1663 гг., представлены 21 экз. (Приложение, № 42–62). Они составляют более четверти от всех нумизматических находок XV–XVII вв., обнаруженных в ходе раскопок, и относятся в основном к продукции обоих Московских (Старого и Нового, «Английского») денежных дворов (рис. 4, 42, 43, 49); кроме того, 1 копейка отчеканена в Новгороде и 6 – в Пскове (рис. 4, 56–60). Медные копейки найдены при разборке слоя после извлечения из раскопа венцов

сруба № 1 и в заполнении срубов № 3 и 4 с 8-го по 17-й пласт (–200/–400 см).

Наконец, как уже было сказано, 15 медных монет, изготовленных в технике проволочной чеканки, имеют столь плохую сохранность, что определить их даже приблизительно не удалось (Приложение, № 63–77).

Самой поздней по времени чеканки из проволочных монет является серебряная копейка Петра I, отчеканенная на столичном Старом дворе в 1716 г., на самом последнем этапе выпуска этих архаичных для XVIII в. платежных средств (рис. 3, 18). По данным письменных источников, употребление старых серебряных копеек (чеканка которых была полностью прекращена в 1717 г.) продолжалось, однако, в течение всей первой половины XVIII в.

К группе русских монет XVII в. примыкает единственный среди обнаруженных иностранных

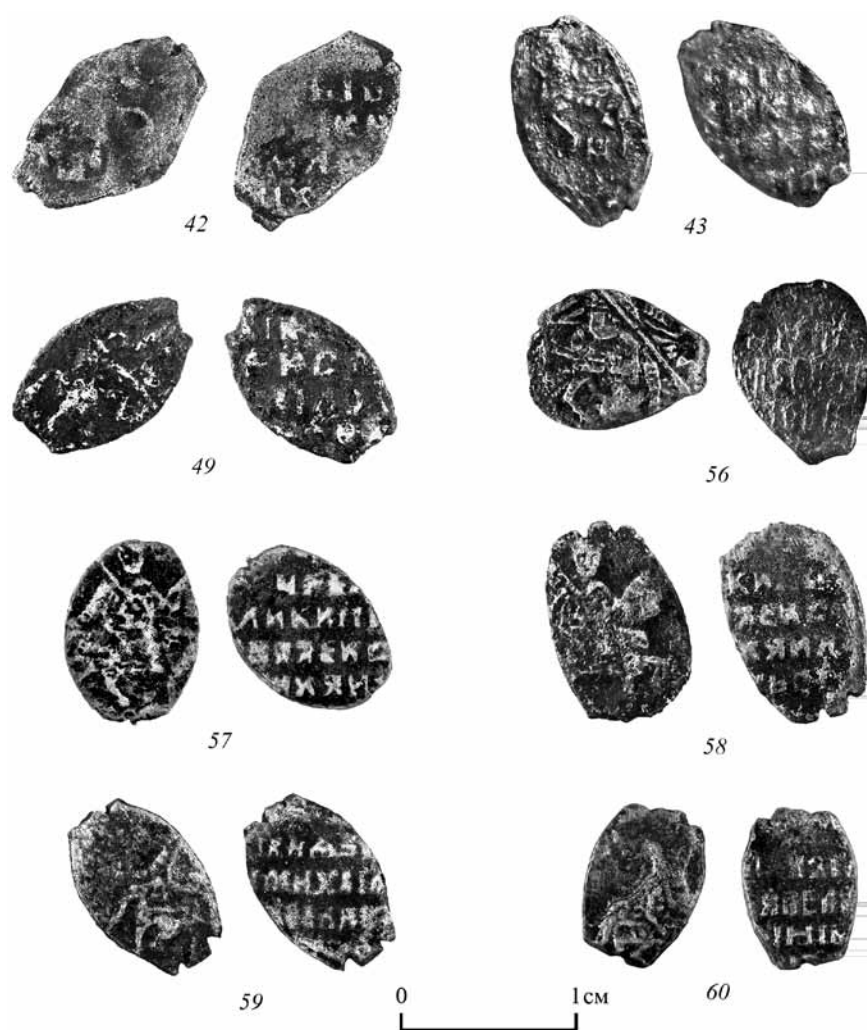

Рис. 4. Медные копейки Алексея Михайловича 1655–1663 гг.

42, 43, 49 – московские дворы; 56 – Новгород; 57–60 – Псков

денежный знак – шведская медная монета королевы Кристины (1632–1654 гг.) из династии Ваза (Васа) номиналом 1 эре, отчеканенная в 1651 г. на монетном дворе Авеста (рис. 5). Приведем подробное описание этой уникальной для Костромской земли находки. На аверсе монеты в центре, в круге из шнурового орнамента изображен герб Швеции под короной; по кругу легенда: «CHRISTINA D:G:SVE:GO: WAN: [REGINA ET: P]R:NÆ» («Кристина, божьей милостью королева и наследная принцесса шведов, готов и вандалов»); по краю – шнуровой орнамент. На реверсе в круге из шнурового орнамента помещена эмблема провинции Даларны (Далекарлии): изображение двух скрещенных стрел, разделяющих центральную часть монеты на четыре части. Слева и справа от эмблемы – обозначение номинала: «1-ÖR», в нижней части – знак минцмейстера

Маркуса Кока (Markus Kock): щит с изображением направленной вверх стрелы со звездами по бокам; по кругу легенда: «MON[ETA: NOVA: CV]PREA DALARENSIS MDCLI» («Монета новая медная далекарлийская 1651»); по краю монеты – шнуровой орнамент. Ребро монеты гладкое (Ahlström, Almer; Hemmingsson, 1976. № 116; Krause, Mishler, 2008. XVII, KM № 162.2). Авторы выражают глубокую признательность сотруднику отдела нумизматики ГИМ Е. В. Ушанкову за помощь в атрибуции.

Рассматриваемая находка обнаружена в кв. Б/3 (отметка -220 см), под срубом № 1, на уровне конструкций его фундамента. Говорить о конкретных причинах выпадения этого необычного для русских земель нумизматического памятника в культурный слой нашего города весьма сложно. Однако примечательно, что Кострома наряду с Ярославлем особо выделена в донесениях шведского

Рис. 5. Шведская монета 1 эре королевы Кристины. Авеста, 1651 г.

торгового представителя в Москве (1650–1655 гг.) Иоганна де Родеса как один из главных центров кожевенного производства, продукция которого для шведов представляла особый интерес (*Куриц*, 1915. С. 167, 169). Возможно, данная находка является свидетельством пребывания некоего «шведской земли торгового человека» в весьма отдаленной от Скандинавии Костроме.

Монеты XVIII–XIX веков (61 экз.)

На рубеже XVII–XVIII вв. денежная система России была подвергнута существенным преобразованиям, которые входили в комплекс масштабных реформ Петровского времени. С 1700 г. в обращение вводится медная монета «машинной чеканки»: полушки, денги и копейки. Все эти номиналы времени правления Петра I представлены среди находок из раскопа в Красных рядах (рис. 6).

Монеты XVIII–XIX вв., обнаруженные в ходе исследований, составляют чуть менее половины от общего количества нумизматических находок (61 экз.; Приложение, № 79–139). По правлениям они распределяются следующим образом: Петр I – 7; Анна Иоанновна – 10; Анна Иоанновна или Елизавета Петровна – 16; Елизавета Петровна – 8; Елизавета Петровна или Екатерина II – 2; Екатерина II – 8; Павел I – 1; Николай I – 2; Александр II – 6; Александр III – 1 экз. Все медные, за исключением самой поздней – пятнадцатикопеечника 1883 г. При этом выделяется представительная в количественном отношении группа полушек и денег 1730–1756 гг. (33 экз. Приложение, № 86–119). Подавляющее большинство этих мо-

нет имеет очень плохую сохранность, обусловленную, по всей видимости, воздействием огня. Это наблюдение согласуется с данными письменных источников об опустошительных пожарах на территории Нового города Костромского кремля в XVIII в., в частности, о пожаре 1773 г., который уничтожил практически все городские постройки. Основная масса монетных находок XVIII в. относится к заполнению пластов 2–9 (-100/-240 см).

Монеты XIX в. (Приложение, № 131–139) обнаружены при разборе пластов 1–2 (-70/-95 см), а также в заполнении и на дне сруба № 2 (-210/-220 см), ориентированного параллельно корпусам Гостиного двора (Красных рядов) и Мелочных рядов.

Подведем некоторые итоги. Внушительное количество монетных находок на относительно небольшой площади раскопа «Мелочные ряды I» подтверждает расположение на данном участке (либо в непосредственной близости от него) городского торгового места, находившегося в Новом городе и упоминаемого в Писцовой книге. Анализ монетных находок с привлечением данных дендрохронологического датирования* и стратиграфических наблюдений позволяет уточнить хронологические рамки функционирования ряда исследуемых построек. Так, со дна сруба № 2 были извлечены четыре монеты периода правления Александра II (1867, 1870, 1876 гг.) и Александра III (1883 г.), что соотносится со временем постройки погреба после 1861 г. по Вологодской дендрошкале. Монеты XVIII в. отмечают глубину засыпки срубов № 3 и 4, произведенной

* Дендрохронологическая экспертиза проведена специалистами Лаборатории дендрохронологии ИГ РАН под руководством научного сотрудника, канд. геогр. н. В. В. Мацковского.

Рис. 4. Медные копейки Алексея Михайловича 1655–1663 гг.

42, 43, 49 – московские дворы; 56 – Новгород; 57–60 – Псков

в течение нескольких лет в 1720–1730-х гг., перед началом строительства сруба № 1 (после 1740 г., по данным дендрохронологии). Монеты из предматерикового слоя срубов № 3 и 4 также соотносятся со временем функционирования этих сооружений (по результатам дендрохронологического исследования, сруб № 4 построен после

1688 г.). Несмотря на то что в материалах раскопа практически нет нумизматических материалов, происходящих из закрытых комплексов, состав монетных находок, безусловно, отражает различные периоды освоения данного участка: от основания Старого города в 1416 г. до постройки Гостиного двора губернского города XIX в.

Опись нумизматических находок XV–XIX веков из раскопа «Мелочные ряды I»

I. Серебряные монеты XV – начала XVIII века

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка, годы	Вес, г	Литература
1	340	13 услов. пл. (-300/-320), яма № 6, кв. А/4	Удельный князь Боровский Семен Владимирович	Боровск (?)	Анонимная анзиграфная денга с подражанием монете Хорезма	1410-е	0,63 (обл.)	ВЗЛ, № 11
2	431	17 услов. пл. (-380/-400), кв. Г/2, сруб № 4	Иван IV	Москва	Денга б/б	1535–1540	0,20 (корр.)	ГКХ, № 38
3	250	9 пл. (-220/-240), кв. Д/2	Иван IV	Псков	Копейка А	1535–1547	0,39 (корр.)	ГКХ, № 21
4	217	9 пл. (-220/-240), кв. Б/4	Иван IV (?)	?	Денга плох. сохр.	1530-е – 1580-е	0,10 (обл.)	–
5	266	9 пл. (-220/-240), кв. А/4	Иван IV (?)	?	Денга плох. сохр.	1530-е – 1580-е	0,17 (обл.)	–
6	230	Зачистка ЮВ стенки, кв. А/4	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М	Ок. 1619	0,41 (обл.)	ГКХ, № 432
7	18	4 пл. (-120/-140), кв. А/4	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М	Ок. 1623	0,36	ГКХ, № 492
8	19	4 пл. (-120/-140), кв. А/4 (углистое пятно с горелым зерном)	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М	Ок. 1625	0,42	ГКХ, № 501
9	436	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М	Ок. 1640	0,38	ГКХ, № 639
10	432	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. Г/2	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М плох. сохр.	1620–1630	0,28 (корр.)	–
11	254	9 пл. (-220/-240), кв. А/4	Михаил Федорович	Москва	Копейка о/М плох. сохр.	1613–1645	0,31 (корр.)	–
12	425	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Москва	Копейка о/М	1663–1676	0,28	ГКХ, № 888
13	388	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4	Алексей Михайлович	Москва	Копейка о/М	1663–1676	0,37	ГКХ, № 904
14	231	Зачистка ЮВ стенки, кв. А/4	Алексей Михайлович	Москва	Копейка о/М плох. сохр.	1645–1676	0,36 (корр.)	–
15	407	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 3	Алексей Михайлович	Москва	Копейка о/М плох. сохр.	1663–1676	0,23 (скручена в трубочку)	–
16	393	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 3	?	?	Копейка плох. сохр.	XVII в.	0,27 (обл.)	–
17	403	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 4, кв. В/3	?	?	Копейка плох. сохр.	XVII в.	0,20 (обл.)	–
18	226	Зачистка ЮВ стенки, кв. А/4	Петр I	Москва, Старый двор	Копейка ΨSI	1716	0,25	ГКХ, № 1348

¹ ВЗЛ – Волков И. В., Зайцев В. В., Лейбов В. Л., 2006; Г. – Гайдуков П. Г., 1993; ГКХ – Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2015; Узд. – Уздеников В. В., 1985; Сг. – Krause C. L., Mishler C., 2008.

II. Медные монеты XVI–XVII веков

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература
19	102	7 пл. (-180/-200), кв. В/1	Иван IV	Москва	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,28	Г., № 405
20	221	9 пл. (-220/-240), кв. В/3	Иван IV	Москва	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,23	Г., № 405
21	248	9 пл. (-220/-240), кв. Б/4	Иван IV	Москва	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,21	Г., № 405
22	91	6 пл. (-160/-180), кв. В/3	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530-е – 1540-е	0,33	Г., № 358
23	101	7 пл. (-180/-200), кв. В/1	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530-е – 1540-е	0,29	Г., № 358
24	207	8 пл. (-200/-220), кв. Г/1	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530-е – 1540-е	0,37	Г., № 358
25	220	9 пл. (-220/-240), кв. В/4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530-е – 1540-е	0,19	Г., № 358
26	185	8 пл. (-200/-220), кв. В/1	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,22	Г., № 360
27	187	8 пл. (-200/-220), кв. А/2	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,19	Г., № 360
28	204	8 пл. (-200/-220), кв. В/4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,19	Г., № 360
29	249	9 пл. (-220/-240), кв. Б/4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,22	Г., № 360
30	257	9 пл. (-220/-240), кв. А/2	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,28	Г., № 360
31	386	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,37	Г., № 360
32	390	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,33	Г., № 360
33	406	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,43	Г., № 360
34	411	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 4, кв. В/3	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,24	Г., № 360
35	413	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. Г/2	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,23	Г., № 360
36	433	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. Г/2	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,25	Г., № 360
37	179	8 пл. (-200/-220), кв. Г/1	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,13	Г., № 362
38	392	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 3	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540-е – 1560-е	0,23	Г., № 362
39	205	8 пл. (-200/-220), кв. В/4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое плох. сохр.	1530-е – 1560-е	0,24	–
40	218	9 пл. (-220/-240), кв. Б/4	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое плох. сохр.	1530-е – 1560-е	0,12	–
41	255	9 пл. (-220/-240), кв. Б/4	Иван IV	Тверь (?)	Пуло маленькое плох. сохр.	1530-е – 1560-е	0,30	–
42	389	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4, кв. В/3	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м	1655–1663	0,41	ГКХ, № 2021
43	212	8 пл. (-200/-220), кв. Д/4	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м	1655–1663	0,27	ГКХ, № 2027
44	387	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м плох. сохр.	1655–1663	0,25	–
45	414	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. Б/2	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м плох. сохр.	1655–1663	0,25	–
46	422	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м плох. сохр.	1655–1663	0,37	–
47	426	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Москва, Старый двор	Копейка о/м плох. сохр.	1655–1663	0,22	–
48	383	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 3, кв. Д/4	Алексей Михайлович	Москва, Старый (?) двор	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,23	–

II. Медные монеты XVI–XVII веков (окончание)

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература
49	273	10 пл. (-240/-260), кв. Б/4	Алексей Михайлович	Москва, Новый двор	Копейка МД плох. сохр.	1655–166	0,34	–
50	192	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Алексей Михайлович	Москва, Новый(?) двор	Копейка МД(?) плох. сохр.	1655–1663	0,37	–
51	223	Зачистка ЮЗ стенки	Алексей Михайлович	Москва(?)	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,24	–
52	247	9 пл. (-220/-240), кв. Б/3	Алексей Михайлович	Москва(?)	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,23	–
53	339	13 услов. пл. (-300/-320), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Москва	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,38	–
54	384	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 3, кв. Д/2	Алексей Михайлович	Москва	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,25	–
55	385	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 3, кв. Д/3	Алексей Михайлович	Москва	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,32	–
56	341	13 услов. пл. (-300/-320), сруб № 3, кв. Д/3	Алексей Михайлович	Новгород	Копейка НО	1655–1663	0,28	ГКХ, № 2730
57	428	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Псков	Копейка П	1655–1663	0,32	ГКХ, № 2534
58	435	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Псков	Копейка П	1655–1663	0,36	ГКХ, № 2534
59	283	10 пл. (-240/-260), сруб № 4, кв. Б/2	Алексей Михайлович	Псков	Копейка П	1655–1663	0,29	ГКХ, № 2618
60	430	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4	Алексей Михайлович	Псков	Копейка П	1655–1663	0,34	ГКХ, № 2624
61	265	Зачистка ЮВ стенки, кв. А/4	Алексей Михайлович	Псков	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,41	–
62	437	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Алексей Михайлович	Псков	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,33	–
63	103	7 пл. (-180/-200), кв. А/2	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,04	–
64	176	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,26	–
65	195	8 пл. (-200/-220), кв. Д/4	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,09	–
66	206	8 пл. (-200/-220), кв. В/1	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,30	–
67	237	9 пл. (-220/-240), кв. В/4	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,17	–
68	245	9 пл. (-220/-240), кв. В/1	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,26	–
69	271	10 пл. (-240/-260), кв. Г/2	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,12	–
70	280	10 пл. (-240/-260), кв. Б/4	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,17	–
71	282	10 пл. (-240/-260), сруб № 4, кв. Б/2	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,19	–
72	302	10 пл. (-240/-260), сруб № 4, кв. В/2	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,15	–
73	325	12 услов. пл. (-280/-300), сруб № 3, кв. Д/3	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,19	–
74	342	13 услов. пл. (-300/-320), яма № 6, кв. А/4	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,21	–
75	391	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4, кв. В/4	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,22	–
76	399	16 услов. пл. (-360/-380), сруб № 3, кв. Д/3	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,16	–
77	438	17 услов. пл. (-380/-400), сруб № 4, кв. В/2	Маленькое пуло или копейка Алексея Михайловича, плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,28	–
78	215	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Швеция. Кристина. Авеста. 1 эре			1651	49,60	Ст., XVII, КМ № 162.2

III. Монеты XVIII–XIX веков

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Описание	Дата, годы	Вес, г	Литература
79	208	8 пл. (-220/-240), кв. Г/3	Петр I. Деньга	1701	1,87	Узд., № 2214
80	170	8 пл. (-220/-240), кв. Д/4	Петр I. Копейка НД	1708	7,40	Узд., № 2250
81	37	4 пл. (-120/-140), кв. А/3	Петр I. Деньга плох. сохр.	1704–1712	3,85	Узд., гр. I, Б/б
82	219	9 пл. (-220/-240), кв. В/2	Петр I. Копейка НД	1715	6,38	Узд., № 2315
83	358	15 услов. пл. (-340/-360), сруб № 4, кв. Б/3	Петр I. Полушка	1720	0,64	Узд., № 2367
84	189	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Петр I. Полушка плох. сохр.	1718–1722	0,38	Узд., гр. III
85	267	9 пл. (-220/-240), кв. А/3	Петр I. Полушка плох. сохр.	1718–1722	0,51	Узд., гр. III
86	20	4 пл. (-120/-140), кв. В/4	Анна Иоанновна. Полушка	1730	2,50	Узд., № 2421
87	191	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Анна Иоанновна. Полушка	1735	2,80	Узд., № 2433
88	306	11 услов. пл. (-260/-280), сруб № 4, кв. Б/3	Анна Иоанновна. Полушка	1735	3,69	Узд., № 2433
89	131	5 пл. (-140/-160), кв. Д/4	Анна Иоанновна. Полушка	1736	3,39	Узд., № 2437
90	228	Зачистка ЮВ стенки, кв. В/4-Г/4	Анна Иоанновна. Деньга	1736	5,31	Узд., № 2436
91	120	4 пл. (-120/-140), кв. Д/4	Анна Иоанновна. Деньга	1737	8,00	Узд., № 2438
92	229	Зачистка ЮВ стенки, кв. В/4-Г/4	Анна Иоанновна. Деньга	1737	5,75	Узд., № 2438
93	244	Зачистка ЮВ стенки	Анна Иоанновна. Деньга	173?	7,55	Узд., гр. VI
94	52	5 пл. (-140/-160), кв. Б/1	Анна Иоанновна. Деньга плох. сохр.	1731	5,88	Узд., гр. VI
95	107	2 пл. (-80/-100), кв. Д/1	Анна Иоанновна. Полушка плох. сохр.	173?	3,56	Узд., гр. VI
96	15	3 пл. (-100/-120), кв. В/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	3,55	Узд., гр. VI
97	17	4 пл. (-120/-140), кв. В/1	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	3,08	Узд., гр. VI
98	34	4 пл. (-120/-140), кв. Г/1	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	2,26	Узд., гр. VI
99	49	4 пл. (-120/-140), кв. Г/1	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	2,45	Узд., гр. VI
100	53	5 пл. (-140/-160), кв. Б/3	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	2,09	Узд., гр. VI
101	61	5 пл. (-140/-160), кв. В/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	0,94	Узд., гр. VI
102	128	5 пл. (-140/-160), кв. Д/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	2,27	Узд., гр. VI
103	135	6 пл. (-160/-180), кв. Д/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	1,85	Узд., гр. VI
104	140	6 пл. (-160/-180), кв. Д/3	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	1,30	Узд., гр. VI
105	142	6 пл. (-160/-180), кв. Д/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730–1754	3,14	Узд., гр. VI
106	23	4 пл. (-120/-140), кв. В/4	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	4,30	Узд., гр. VI
107	36	4 пл. (-120/-140), кв. В/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	5,91	Узд., гр. VI
108	45	4 пл. (-120/-140), кв. Г/4	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	5,96	Узд., гр. VI

III. Монеты XVIII–XIX веков (окончание)

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Описание	Дата, годы	Вес, г	Литература
109	54	5 пл. (-140/-160), кв. В/3	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	3,86	Узд., гр. VI
110	115	4 пл. (-120/-140), кв. Д/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	5,91	Узд., гр. VI
111	134	6 пл. (-160/-180), кв. Д/2	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730–1754	4,69	Узд., гр. VI
112	125	5 пл. (-140/-160), кв. Д/1	Елизавета I. Деньга	1747	7,17	Узд., № 2467
113	129	5 пл. (-140/-160), кв. Д/4	Елизавета I. Деньга	1748	6,00	Узд., № 2469
114	124	5 пл. (-140/-160), кв. Д/4	Елизавета I. Деньга	1750	6,23	Узд., № 2475
115	253	Зачистка ЮВ стенки, кв. Б/4	Елизавета I. Деньга	1750	6,38	Узд., № 2475
116	116	4 пл. (-120/-140), кв. Д/2	Елизавета I. Деньга	1753	7,12	Узд., № 2481
117	123	5 пл. (-140/-160), кв. Д/4	Елизавета I. Деньга	1759	7,91	Узд., № 2538
118	236	Зачистка ЮВ стенки, кв. Д/4	Елизавета I. 5 копеек плох. сохр.	1756–1762	46,70	Узд., гр. VIII, А/а
119	70	6 пл. (-160/-180), кв. Г/1	Елизавета I. Деньга плох сохр.	175?	7,27	Узд., гр. VIII
120	111	3 пл. (-100/-120), кв. Д/2	Елизавета I или Екатерина II. 2 копейки плох. сохр.	1756–1796	16,18	Узд., гр. VIII
121	199	8 пл. (-200/-220), кв. Б/3	Елизавета I или Екатерина II. 2 копейки плох. сохр.	1756–1796	14,70	Узд., гр. VIII
122	24	4 пл. (-120/-140), кв. В/4	Екатерина II. 2 копейки плох. сохр.	1765	16,34	Узд., № 2604+2606
123	35	4 пл. (-120/-140), кв. Г/1	Екатерина II. 2 копейки плох. сохр.	1766	15,41	Узд., № 2619+2623
124	9	2 пл. (-80/-100), кв. Б/2	Екатерина II. 5 копеек ЕМ	1767	43,95	Узд., № 2631
125	12	2 пл. (-80/-100), кв. В/2	Екатерина II. 2 копейки ЕМ	1768	19,93	Узд., № 2644
126	261	Зачистка ЮВ стенки	Екатерина II. 5 копеек ЕМ	1768	49,61	Узд., № 2643
127	235	Зачистка ЮВ стенки, кв. Д/4	Екатерина II. 5 копеек ЕМ	1775	49,61	Узд., № 2673
128	33	4 пл. (-120/-140), кв. Г/1	Екатерина II. 2 копейки плох. сохр.	1763–1796	18,67	Узд., Гр. VIII, Б/б
129	38	4 пл. (-120/-140), кв. Г/4	Екатерина II. 5 копеек плох. сохр.	1763–1796	36,15	Узд., Гр. VIII
130	106	2 пл. (-80/-100), кв. Д/4	Павел I. 1 копейка ЕМ	1800	10,57	Узд., № 2923
131	108	2 пл. (-80/-100), кв. Д/1	Николай I. 1/2 копейки серебром ЕМ	1840	4,44	Узд., № 3325
132	241	Зачистка СЗ стенки	Николай I. 1/2 копейки серебром ЕМ	1840	4,35	Узд., № 3325
133	88	6 пл. (-160/-180), сруб № 2, кв. А/1	Александр II. 2 копейки ЕМ	1859	8,47	Узд., № 3531
134	200	8 пл. (-200/-220), сруб № 2, кв. А/1	Александр II. 2 копейки плох. сохр.	1867	7,44	Узд., Гр. XVI
135	1	1 пл. (-60/-80), кв. А/1	Александр II. 2 копейки ЕМ	1869	5,85	Узд., № 3638
136	2	1 пл. (-60/-80), кв. А/1	Александр II. 2 копейки ЕМ	1869	5,77	Узд., № 3638
137	202	8 пл. (-200/-220), сруб № 2, кв. А/1	Александр II. 2 копейки ЕМ	1870	6,26	Узд., № 3650
138	201	8 пл. (-200/-220), сруб № 2, кв. А/1	Александр II. 5 копеек ЕМ	1876	15,02	Узд., № 3696
139	197	8 пл. (-200/-220), сруб № 2, кв. А/1	Александр III. 15 копеек СПб-ДС	1883	2,43	Узд., № 1943

Литература

- Волков И. В., Зайцев В. В., Лейбов В. Л., 2006. Особая группа монет московских уделов // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 1. М.: Древлехранилище. С. 101–113.
- Волков И. В., Титов Г. А., 2013. Новые материалы для исследования денежного обращения Московских земель в конце правления Василия I // Государственный исторический музей. Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений. М.: Триумф принт. С. 110–116.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI в. М.: Наука. 297 с.
- Гайдуков П. Г., Кренке Н. А., 2009. Средневековые монеты из раскопок на Романовом Дворе // Археология Романова Двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. С. 101–109. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).
- Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV до правления царя Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт. 692 с.
- Куриц Б. Г., 1915. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М.: Синодальная типография. 268 с.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика. 318 с.
- Уздеников В. В., 1985. Монеты России 1700–1917. М.: Финансы и статистика. 504 с.
- Ahlström B., Almer Y., Hemmingsson B., 1976. Sveriges mynt 1521–1977 / The Coinage of Sweden. Stockholm: Numismatika bokforlaget. 256 S.
- Krause C. L., Mishler C., 2008. Standard Catalog of World Coins 1601–1700 / Ed. By Colin R. Bruce. Iola, WI: Krause publications. 1440 p.

A. S. Lazarev & I. V. Volkov

Numismatic finds from excavations over 2013–2015 in the area of the Red Arcades in Kostroma (the ‘Trade Arcades I’ excavation)

Summary

Silver and copper coins from the archaeological excavations in the town centre of Kostroma (on the Upper

Volga River), dating from the 15th to 19th centuries. An unusual find were some Swedish coins of the 18th century.

А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева, В. Г. Бездудный, В. Н. Марчук

**Геофизические методы локализации археологических объектов:
уточнение местонахождения Писаревского пруда
в Троице-Сергиевой лавре (работы 2015 года)**

Введение

В течение полевого археологического сезона 2015 г. Институтом археологии РАН при участии Лаборатории археологической геофизики и специалистов ФИРЭ им. В. А. Котельникова РАН проведены комплексные научно-исследовательские работы на территории объекта археологического наследия Троице-Сергиева лавра, Московская духовная академия, г. Сергиев Посад, Московская обл.

Комплексные научно-исследовательские работы включали в себя архивные изыскания, георадарные исследования, бурение для проверки полученных геофизических данных и локализации засыпанного пруда, археологические исследования. При исследовании требовалось выявить структурные изменения и обнаружить погребенные объекты под дневной поверхностью методом подповерхностного радиозондирования георадаром МАРС-300/1 с последующим контрольным бурением в выбранных точках, что потребовало исследования части территории Московской духовной академии (картирования засыпанного пруда).

Историко-архивные исследования

Наиболее раннее изображение «сада царского с прудом» относится к первой половине XVII в. Источниками являются две иконы первой половины XIX в., которые скопированы с протографа, написанного в первой половине 1640-х гг. (Мильчик, 2007. С. 391). На них представлен выполненный в условной иконописной манере вид монастыря с запада, который в одном случае сопровождается текстовыми пояснениями. При сравнении планировочной ситуации на иконах с текстом описи монастыря 1641 г. выясняется, что оба источника довольно точно ее отображают и дополняют друг друга.

Судя по иконному изображению, в царском саду, расположенном к юго-востоку от царских келий, имелся круглый или овальный в плане пруд с обвалкой, обнесенный частоколом. С запада к ограде сада примыкает деревянное одноэтажное двухоконное строение (возможно, беседка или лебединый амбар). Восточнее находится еще одна одноэтажная постройка, но принадлежит ли она саду, неясно. В описях 1641 и 1701 гг. сад не упоминается, так как он не являлся объектом описания.

В конце XVII в. на месте деревянных царских хором в северной части монастыря был построен двухэтажный каменный летний дворец с двумя парадными крыльцами на южном фасаде, причем местоположение сада было сохранено; возможно, сад был расширен или реконструирован.

На плане 1739 г. (первом топографическом плане монастыря, снабженном экспликацией) границы сада обозначены более конкретно (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1146. Д. 242. Л. 672). Этот план выполнен незадолго до значительных изменений в архитектурном облике монастыря, поэтому зафиксированную на нем ситуацию можно в целом отнести к началу XVIII в.

Участок, занимаемый садом, прямоугольный в плане, был обнесен деревянной (?) оградой с калиткой в юго-западном углу. Западное прясло ограды примыкало к восточной стенке восточного крыльца чертогов, южное трассировано от северного крыльца Успенского собора до дороги, идущей от Святых ворот на Житный двор. Восточное прясло проходило параллельно этой дороге и перпендикулярно ограде Житного двора, которая являлась северной границей сада. В юго-западной части сада располагался пруд восьмигранной в плане формы, вытянутый по оси север – юг. Планировка сада на чертеже не показана, в экспликации он также не отмечен.

В месте примыкания ограды Житного двора к северо-восточному углу чертогов существовал проход, связывавший сад с внутренним двором. Но на поздних планах (Холодкова, 2010. С. 85, 86) он уже отсутствует. План 1739 г. грешит в пропорциях, поэтому фактические размеры сада и пруда здесь показаны неверно. На гравюре И. Зубова, датируемой по присутствующим на ней постройкам между 1733 и 1738 г., сад не изображен.

План 1740 г. обозначает границы сада и пруд в несколько отличных от предыдущего пропорциях (в экспликации они обозначены как «сад и в нем пруд»). Здесь также отсутствует его планировка, за исключением разбивки на квадраты, которые должны, по мнению рисовальщика, обозначать регулярные посадки деревьев.

Более обстоятельно сад представлен на плане и аксонометрии монастыря из Планной книги (СПГИХМЗ. Инв. 5562/1–46 ИХО. Л. 4, 6). Хотя следует заметить, что Планная книга является по сути проектом перестройки монастыря после пожара 1746 г. и изображенные в ней строения не всегда соответствуют натуре 1740-х гг.

На чертеже сад показан в описанных ранее границах, но его планировка изображена более подробно. На аксонометрии сад окружен решетчатой оградой в столбах; в центре каждого из трех ее прясел устроены калитки. Восточная и северная части сада разбиты на четыре разноразмерных боскета, между которыми проложены параллельные и перпендикулярные дорожки. Пруд обведен куртинами, образующими с юга и запада аллеи, а по периметру обнесен оградой в столбах.

Более поздние планы лавры являются в той или иной мере переработкой первоисточников из Планной книги и не прибавляют ничего нового к уже известной нам информации о саде.

В описях и подрядах по Троице-Сергиевой лавре, начиная, по крайней мере, с 1766 г., сад и пруд именуются Писаревскими (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 124. Л. 18)¹. История происхождения этого топонима представлена в описании монастыря 1782 г. следующим образом: «Внутри Лавры на правой стороне со входу от святых ворот подле дворца есть сад регулярной сделанный из разных проспектов обнесенный с наружи каменною стеною с балюстрадом и столбами. Онный сад разводил, так как и имеющейся по середине пруд копал бывший в Лавре настоятель архимандрит Тихон Писарев, от кото-

рого имени и показанный сад называется Писаревским» (Павел, иеромонах, 1782. С. 34.).

Писаревский сад просуществовал до начала XIX в. В 1814 г. по высочайшему повелению семинарские здания в северной части лавры были переданы Московской духовной академии. В 1816 г. «на правой стороне со входу от святых ворот подле дворца сад регулярной, принадлежавший лаврской семинарии, который был сделан из разных проспектов и обнесен снаружи каменною стеною с решеткою и столбами, срублен и в середине одного пруд завален» (Смирнов, 1879. С. 328)².

Георадарные исследования

На основании этих архивных данных была получена информация о предположительном местонахождении засыпанного пруда на территории Московской духовной академии Троице-Сергиевой лавры перед современным Ректорским корпусом. Было принято решение производить георадарные исследования в несколько этапов. На момент начала геофизических работ территория исследуемых площадей Московской духовной академии и Троице-Сергиевой лавры была покрыта низкорослой травой и не требовала дополнительной подготовки. Трудность геофизического исследования состояла в наличии деревьев на участках исследования, поэтому одной из трасс для проведения георадиолокационного зондирования была выбрана дорожка, покрытая брусчаткой. На остальной территории приходилось размечать относительно небольшие свободные от деревьев прямоугольные участки, которые могли пересекаться и накладываться друг на друга. Георадарные измерения производились согласно Методике георадиолокационного зондирования: направление профилирования – одностороннее, расстояние между профилями – 0,25 м. На плане (рис. 1) приведены результаты первого этапа георадарного исследования участков в виде наложения наиболее характерных послойных планов, с прорисовкой выявленных объектов на выявленные по архивным данным контуры пруда. Интерпретация результатов георадарных исследований, выполненных с поверхности дорожки с брусчатым покрытием, оказалась затруднительной из-за рассеивания электромагнитного сигнала при прохождении через брусчатку и слои подсыпки под ней, в результате полученное изображение получилось размытым и некачественным. При анализе результатов обработки данных,

¹ Другое название сада – Учительский, так как он располагался вблизи учительских покоев.

² Автор дает ссылку на дела правления академии 1829 г. № 40.

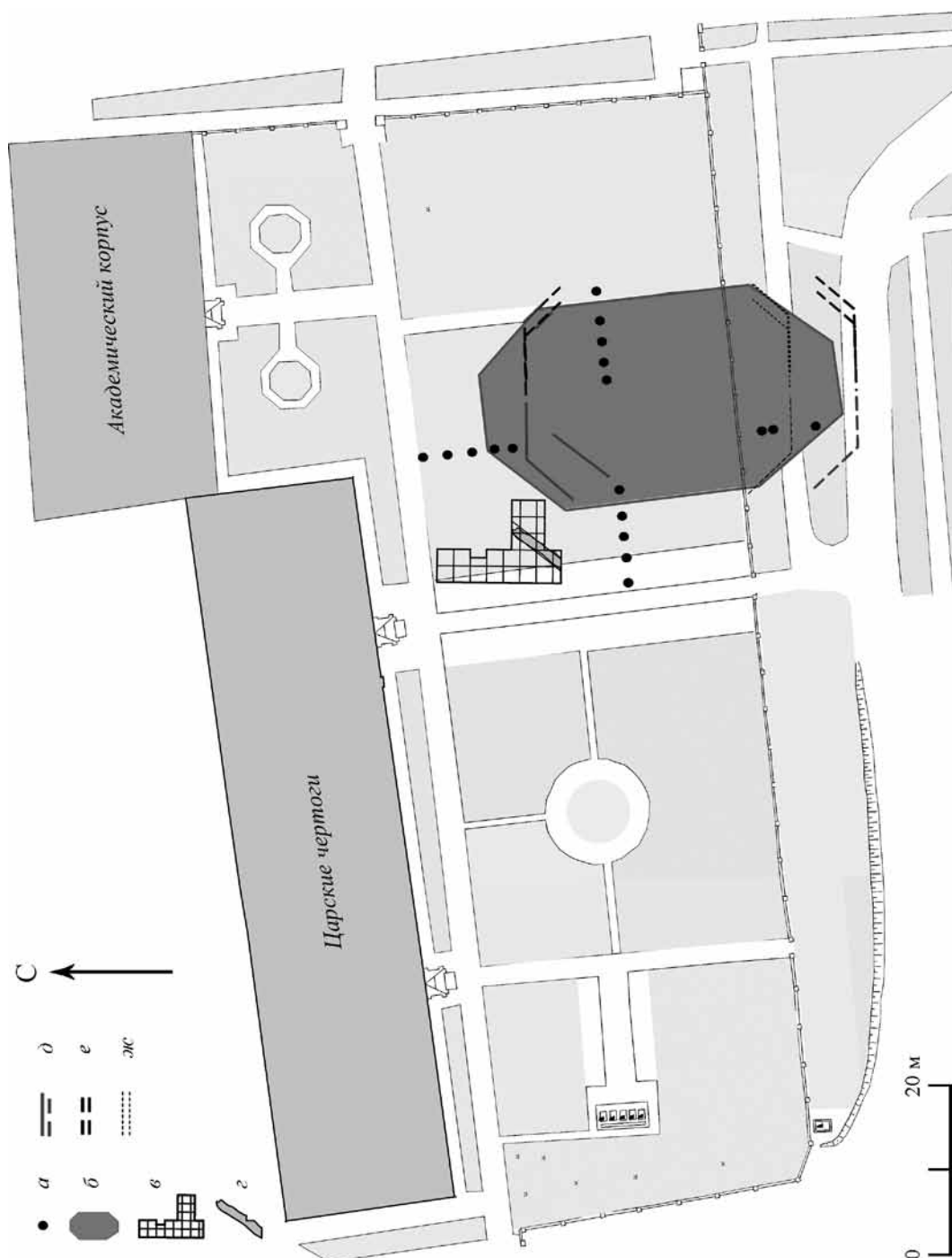

Рис. 1. Прорисовка и реконструкция предполагаемых контуров Писаревского пруда на фрагменте современного топографического плана Троице-Сергиевой лавры. Совмещение с контуром пруда, восстановленного по архивным данным. Совмещение с данными, полученными в ходе бурения и археологических работ. (См. цв. вкл.)
 а – буровые скважины; б – локализация Писаревского пруда по результатам бурения и архивных исследований; в – раскоп 2015 г.; г – объект 6, выявленный в ходе археологических работ 2015 г.; д – четко зафиксированные георадаром контуры пруда; е – нечетко зафиксированные георадаром контуры пруда; ж – реконструируемые предполагаемые контуры пруда

полученных на остальных участках, обнаружена линейная структура, направлением запад – восток. Наиболее четко зафиксирован северо-западный угол пруда – сплошная красная линия. По итогам анализа полученных результатов первого этапа было принято решение увеличить и расширить площадь георадарных исследований: приходилось дополнительно размечать свободные от деревьев участки. Было проведено совмещение наиболее характерных послонных планов с прорисовкой выявленных структур. Анализ полученных данных позволил нанести выявленные структуры на план участков и на выкопировку плана территории Московской духовной академии (перед входом в Ректорский корпус), при этом, исходя из анализа исторических планов, сделано допущение, что засыпанный пруд имеет симметричную форму.

Дополнительные исследования

Для точной локализации местоположения пруда, расположенного в Писаревском саду и засыпанного в начале XIX в., на территории участков геофизических исследований было дополнительно проведено бурение ручным и мотобуром. Всего заложено 18 буровых скважин. Бурение показало наличие в части кернов обломочного материала, строительного мусора (вероятно, остатки разобранной ограды пруда и других строений.) Часть скважин показали чистый пахотный слой (вероятно, на месте бывших огородов). Поскольку из архивных источников известно, что пруд был засыпан строительным мусором, а в восточной части были расположены огороды, можно уверенно предположить, что заполнение плотными строительными остатками характеризует засыпку котлована пруда. По результату бурения реконструировались предположительные границы засыпанного пруда.

Выводы

По итогам комплексного исследования можно констатировать, что:

- выявлен северный и северо-восточный углы котлована засыпанного пруда;
- выявлена конструкция (объект № 6 в раскопе), которая вписывается в общую с прудом планировку;
- бурение подтверждает данные геофизики. Наличие ограды, разделяющей территории Московской духовной академии и лавры, затруднило использование георадара для выявления южной границы засыпанного пруда. По результатам архивных исследований и данным бурения, пруд выходил за пределы современной территории Московской духовной академии;
- в северной части засыпанного пруда выявлены слабо читаемые структуры. Их интерпретация на данном этапе исследования затруднена (требуются дополнительные археологические исследования). С северо-восточной части контура пруда под слоем грунта выявлено предполагаемое сооружение. Четко прослеживаются его два прямых угла (северный и западный). Ориентировка сооружения соотносится с выявленными контурами пруда и его ограды. Предположительные размеры северо-западной части контура предполагаемого объекта – 6–8 м. Функциональное назначение сооружения неясно, возможны различные варианты: остатки беседки, остатки вымостки или площадки перед входом в сад. Требуются дополнительные археологические исследования.

По итогам комплексных исследований и камеральной обработки полученных данных можно сделать вывод о наличии на участках комплексного исследования сада Московской духовной академии структур, связанных с предметом поиска. Выявлено взаимное расположение контуров пруда (по архивным данным) и предположительных контуров пруда, частично выявленных и реконструированных в результате георадарного исследования, бурения и раскопок, а также структур и сооружений около него (рис. 1). Дальнейшие археологические исследования уточнят результаты и интерпретацию комплексных работ полевого сезона 2015 г.

Литература

Мильчик М. И., 2007. Три иконы с изображением Троице-Сергиева монастыря и формирование древнерусской иконографии «обителей» // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы IV международной конференции. М.: Индрик. С. 389–408.

Павел, иеромонах, 1782. Краткое историческое описание Святотроицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных происшествий случившихся

во оной. СПб. 68 с.

Смирнов С. К., 1879. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М. 655 с.

Холодкова Н. В., 2010. Графические материалы XVIII в. как источник по истории архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2010. Сергиев Посад. Вып. 11. С. 82–97.

A. V. Engovatova, E. E. Vasilieva, V. G. Bezdudny & V. N. Marchuk

**Geophysical methods for pinpointing archaeological sites – confirming
the location of the Pisarevsky Pond at the Trinity St Sergius Lavra Monastery
(during works in 2015)**

Summary

In 2015, historic archival and geophysical research was undertaken at the Moscow Academy of Divinity, directed at pinpointing the location of the so-called

Pisarevsky Pond. The northern and north-western corners of the filled-in pond were located, along with constructions which are part of the overall plan of the pond.

А. В. Энговатова, А. В. Яганов, А. Л. Высоцкий, М. А. Курицын

Архитектурно-археологические исследования на территории Московской духовной академии в 2016 году

В сезон 2016 г. Подмосковной экспедицией ИА РАН продолжены архитектурно-археологические исследования на участке Московской духовной академии, расположенной на территории памятника истории и культуры федерального значения Троице-Сергиевой лавры¹. Работы начаты в 2015 г., и полученные тогда результаты позволили несколько скорректировать программу изучения этого участка. Основной целью работ 2016 г. было получение большей информации об утраченных конструкциях здания Царских чертогов; границах и элементах планировки так называемых Писаревского (XVII–XIX вв.) и Академического (XIX в.) садов. Всего было исследовано 425 кв. м.

Археологические исследования предваряли комплексные геофизические (георадарные, магнитометрические) разведки, результаты которых позволили локализовать скрытые под землей объекты – остатки крылец чертогов и элементы планировки Писаревского сада (рис. 1).

Объект исследований – современная территория Академического сада – расположен к югу от каменного здания Царских чертогов, которое построено в конце XVII в. на участке, ранее занимаемом «государевыми покоями» – дворцом для остановки царских особ при богомольных посещениях Троице-Сергиева монастыря.

Данные письменных источников

Наиболее ранние свидетельства о существовании в монастыре «государевых келий» относятся к 1556 г. (Бычков, 1865. С. 22). Тогда завершилось сооружение каменной ограды вокруг монастыря, значительно расширившей его территорию. Ранее в северной части располагалась хозяйственная зона – Житный

двор, конюшни, кузницы, поэтому место, освободившееся после переноса служб за пределы обители, решено было занять под царский дворец.

Напротив него, на освободившемся пространстве, в 1559 г. царь Иван IV закладывает новую каменную церковь Живоначальной Троицы, которая должна была стать соборной (ныне Успенский собор). Необходимо отметить, что Житный двор и кузницы, примыкавшие к дворцовому участку с востока и запада, продолжали существовать вплоть до второй половины XVIII в.

Новый этап реконструкции или восстановления царских келий в 1620 г. был связан с возобновлением прерванных Смутным временем царских богомольных походов в Троице-Сергиев монастырь, начало которым было положено царем Михаилом Федоровичем в 1619 г. В дальнейшем они обязательно происходили два раза в год: в начале лета и осенью. Первое упоминание о дворце царя Михаила Федоровича находим в описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. Он находился справа от Святых ворот, «против церквей Живоначальные Троицы и Пречистые Богородицы Успения», а каменные хоромы для царицы и царевича располагались слева от Святых ворот, «против церкви чудотворца Никона» (НИОР РГБ. Ф. 173 I. Д. 578. Л. 514). Не исключено, что такое разделение царских покоев было связано с тем, что вместе с царем Михаилом в походах участвовала его мать старица Марфа. Как монахине, ей предоставлялись отдельные апартаменты напротив Никоновской церкви, которые после смерти в 1631 г. перешли к царице Евдокии Лукьяновне и царевичу Алексею.

Дворец времени Михаила Федоровича мы видим на иконах, изображающих панораму Троице-Сергие-

¹ Археологические работы проводились при поддержке Министерства культуры РФ.

Западное прясло ограды примыкало к восточной стенке восточного крыльца чертогов, южное трассировано от северного крыльца Успенского собора до дороги, идущей от Святых ворот монастыря на Житный двор. Восточное прясло проходило параллельно этой дороге и перпендикулярно ограде Житного двора, которая являлась северной границей сада. В юго-западной части сада располагался пруд восьмигранной в плане формы, вытянутый по оси север – юг. По сравнению с территорией нынешнего Академического сада участок с прудом значительно выдавался на юг.

В документах, начиная по крайней мере с 1766 г., сад и пруд именуются Писаревскими (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 124. Л. 18). История происхождения этого топонима представлена в описании монастыря 1782 г. следующим образом: «Внутри Лавры на правой стороне со входу от святых ворот подле дворца есть сад регулярной, сделанный из разных проспектов, обнесенный с наружи каменною стеною с балюстрадом и столбами. Оный сад разводил, так как и имеющейся по середине пруд копал бывший в Лавре настоятель архимандрит Тихон Писарев, от которого имени и показанный сад называется Писаревским» (Павел, 1782. С. 34).

Архимандрит Тихон управлял монастырем в 1718–1721 гг., в то время когда, как известно, сад,

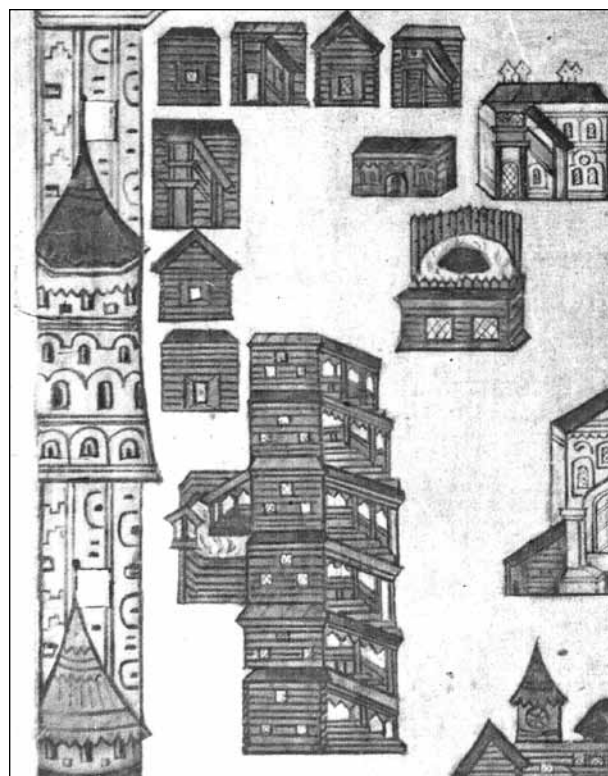

Рис. 2. Изображение царских келий и сада на иконе из собрания СПГИХМЗ

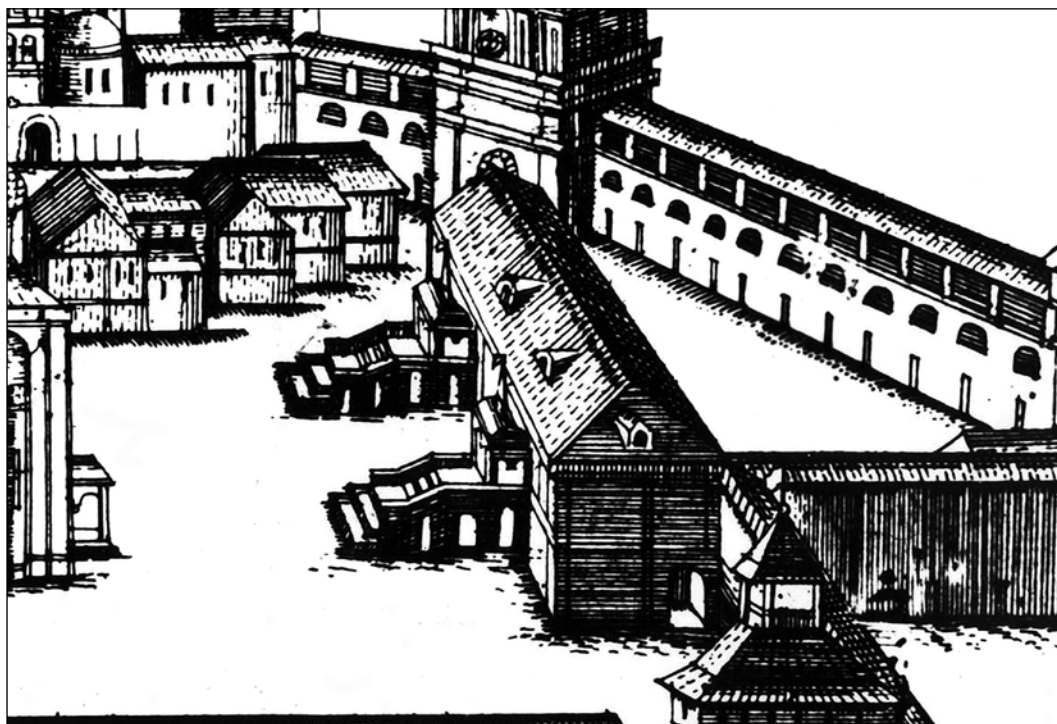

Рис. 3. Фрагмент гравюры И. Зубова (между 1733 и 1738 гг.) с видом чертогов

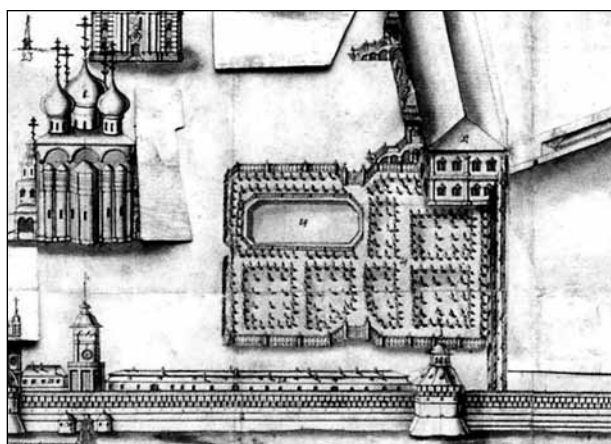

Рис. 4. Писаревский сад на аксонометрии из «Планной книги» (1740-е)

пруд и каменные чертоги уже существовали, но, возможно, он был причастен к реконструкции бывшего царского сада и пруда после постройки каменного дворца.

В первой половине XVIII в. сад окружала решетчатая ограда в столбах; в центре каждого из трех ее прясел устроены калитки. Восточная и северная части сада разбиты на четыре разноразмерных боскета, между которыми проложены параллельные и перпендикулярные дорожки. Пруд обсажен куртинами, образующими с юга и запада аллеи, а по периметру обнесен оградой в столбах (рис. 4).

В XVIII–XIX вв. дворцовый комплекс неоднократно перестраивался. Наиболее значимые работы происходили в 1740-х гг., когда по западной и южной линиям ограды Житного двора построены трехэтажные каменные покои для дворцовых служителей и кухонный корпус, выполнена лепная отделка покоев императрицы, построена деревянная галерея на южном фасаде.

После перевода в Троице-Сергиеву лавру Московской духовной академии (1814 г.) чертоги были реконструированы. По разысканиям С. К. Смирнова «и крыльцо и галерея уничтожены в августе 1815 г.» (Смирнов, 1879. С. 311). В 1847 г. «перед двумя входами в чертоги устроены два каменные, подходящие к архитектуре чертогов, крыльца».

Писаревский сад просуществовал до 1816 г. «на правой стороне со входу от святых ворот подле дворца сад регулярной, принадлежавший лаврской семинарии, который был сделан из разных проспектов и обнесен снаружи каменною стеною с решеткою и столбами, срублен и в середине оного пруд завален» (Смирнов, 1879. С. 328.). В 1839–1840 гг. упоминается новый сад, который «разведен в английском виде сад пред Царскими чертогами в юж-

ной стороне на всем угле, занимаемом академиею» (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 5331. Л. 7).

Наиболее радикальные переделки происходили в интерьере восточной части чертогов. В 1869–1870 гг. здесь была устроена домовая церковь, которая в 1892 г. была увеличена и по проекту архитектора И. Ф. Червенко к восточной стене чертогов пристраивается алтарь (ЦГА Москвы. Ф. 54. Оп. 148. Д. 11. Л. 21–27; 33–35. Ф. 229. Оп. 3. Д. 523. Л. 9–13). Храм сгорел в 1921 г., а пристройка 1892 г. разобрана в 1927–1928 гг. (Холодкова, 2015. С. 77).

Результаты археологических исследований

Раскопы и шурфы на территории Академического сада были заложены по результатам геофизических разведок, выявивших ряд зон, где могли находиться объекты, интересные для архитектурно-археологических исследований. Наиболее перспективными оказались вскрытия на северо-восточном (раскопы 1, 3, 9) и юго-западном (раскопы 4, 6, 8, 10, 11) участках сада.

В первом случае выявлено несколько этапов кладок, относящихся к фундаменту и нижней зоне конструкции западного крыльца чертогов. Местоположение и размеры утраченных крылец чертогов известны по графическим материалам XVIII в. Они изображены на чертежах плана и южного фасада «Планной книги» 1740-х гг. Причем восточное крыльцо, видимо, парадное (оно выходило к северным дверям Успенского собора), было на сажень шире западного; но их длина была одинакова – около 11 сажен. Перед двухмаршевыми лестницами располагались прямоугольные площадки размером около 6×2 сажени (рис. 5).

Выявленные при раскопках кладки западного крыльца, судя по расположению и характеру использованного в них материала, представляют собой по меньшей мере два этапа строительства крыльца. К первому этапу можно отнести кольцевидный в плане фундамент, к северу переходящий в западную и восточную стенки, перпендикулярные южному фасаду чертогов. Нижний ряд кладки, составленный из крупных гранитных валунов, грубо отесанных блоков белого камня и более мелких его фракций, уложен насухо непосредственно на культурный слой и укреплен сверху стяжкой из известково-песчаного раствора (которая сохранилась фрагментарно). Промежутки между крупными элементами кладки заполнены мелкими осколками белого камня.

Из-за наличия между шурфами функционирующего тротуара, ведущего к зданию Московской

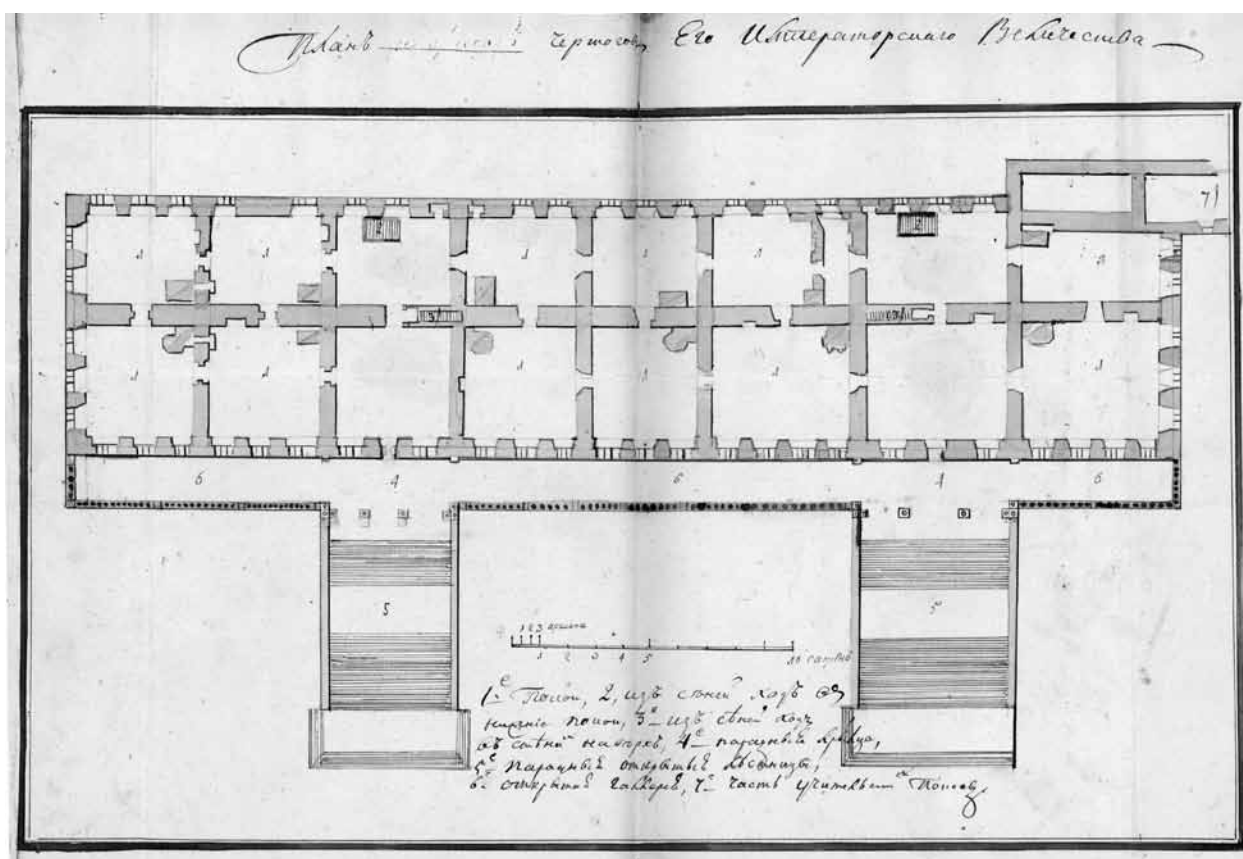

Рис. 5. План чертогов XVIII в.

духовной академии, вскрыты только западный и восточный участки ленты фундамента, что, впрочем, не помешало установить его внешний диаметр – 8 м. Ширина нижнего ряда фундамента, прослеженная в шурфе 1, – 140 см. Внутренность кольцевидного фундамента заполнена крупным и мелким кирпичным щебнем. С севера к этому фундаменту примыкает ленточный (шириной по внешним габаритам около 6 м), который трассирован по направлению юг – север, к южной стене чертогов.

Перекрывающая этот фундамент прямоугольная в плане конструкция (внешние размеры в среднем $13 \times 7,5$ м) также относится к первому этапу его возведения. От нее сохранились один-два ряда кладки, а внутренность изначально была заполнена кирпичной и белокаменной кладкой, частично выбранной при разборке в 1815 г. С северо-востока и северо-запада видно, что кладка кольцевидного фундамента несколько нарушена при его устройстве. Эта конструкция по большей части составлена из половинок большемерного кирпича формата $31,5$ ($32,0$) \times $15,5$ ($14,5$) см, уложенных по абрису нижнего ряда на известково-песчаном растворе.

С внешней стороны имеются выступы, которые, видимо, предназначались для установки белокаменных ступеней. Кирпичной кладкой заполнена и внутренняя зона фундамента, где кирпич уложен по расстеленному на щебне известково-песчаному раствору как плашмя, так и на ребро. В кладке использовано несколько бракованных белокаменных профилированных деталей, относящихся к оконным наличникам чертогов. Следовательно, выявленная конструкция служила одновременно пилоном лестницы и площадкой крыльца (рис. 6).

Севернее пилона выявлены основания шести столбов (сечением в среднем 2×2 м), предназначавшихся для опирания сводов лестниц. Их основания сложены из белокаменных блоков, к которым имеются кирпичные прикладки, обозначающие планировку подлестничных помещений (палаток). Не все столбы первоначальные: в некоторых случаях видны следы ремонтов и переделок, произведившихся в течение XVIII в. Вышележащие элементы первоначальной конструкции лестницы, видимо, были полностью утрачены в 1816 г.

Кроме того, выше фундаментов выявлен фрагмент мощения из мелкого булыжника, уложенно-

Рис. 6. Общий вид раскопов 1, 3 и 9) западного крыльца чертогов. Фото 2016 г. (См. цв. вкл.)

го непосредственно на грунт без подготовки. Мостовая относится, по-видимому, ко времени планировки Академического сада в конце 1830 – начале 1840-х гг., когда западное крыльцо было уже уничтожено.

В шурфах 10 и 11 выявлена западная часть основания восточного крыльца чертогов, где также обнаружен участок кольцевой выкладки фундамента, который, как и в случае с западной лестницей, перекрывается прямоугольной конструкцией с внешними габаритами 14,0×7,5 м. Севернее здесь прослежены три прямоугольные в плане опоры лестницы, аналогичные обнаруженным при раскопках западного крыльца.

Георадарные разведки 2015 г.² позволили обозначить конфигурацию Писаревского пруда. Подтвердилось, что объект имел восьмигранную форму, известную по планам XVIII в., его окружала ограда на каменном фундаменте неглубокого заложения. Участок этой конструкции был обнаружен при исследованиях 2015 г. в виде фрагмента ленточного фундамента шириной 1,1–1,2 м, трассированного с северо-востока на юго-запад. Он был заложен во рву, в основание которого были вбиты деревянные сваи, расположенные с шагом 20–30 см (от них сохранились следы в материке). Материалом кладки

являлись небольшие валуны (в диаметре не более 20 см) и колотый белый камень на густом известково-песчаном растворе. Большая часть прослеженной в шурфе 2015 г. конструкции разобрана, сохранился небольшой фрагмент ее кладки, который уходил в северный борт раскопа.

В сезон 2016 г. были заложены шурфы (4, 6, 8) по трассе ограды Писаревского пруда, выявленной георадарными исследованиями. Шурфами были вскрыты фрагменты северо-западной, северной (длина около 18 м), северо-восточной и восточной лент фундамента, которые, в отличие от исследованного в 2015 г., сохранились без видимых утрат. Кирпичная кладка сооружения утрачена практически полностью, за исключением небольшого забутовочного участка в западной зоне северного прясла (рис. 7).

В верхней зоне фундамента обнаружена белокаменная деталь с профилированным торцом, профиль представляет собой упрощенную и огрубленную аттическую базу, где верхний и нижний валики заменены полками, скоция довольно сильно заглублена. Вероятно, данный блок предназначался для использования в цоколе. Судя по отсутствию отделочных слоев и следов выветривания на лицевой поверхности профиля, блок был отбракован

² Работы ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой.

Рис. 7. Общий вид раскопов 4 и 6, выявивших северную часть ограды Писаревского пруда. Фото 2016 г.

в процессе изготовления, а не использован в кладке вторично. К декорации фасадов чертогов конца XVII в. эта деталь не имеет никакого отношения.

Шурфом 7 осуществлена прорезка северного берега Писаревского пруда, засыпанного в 1816 г. кирпичным и раствором щебнем. Здесь обнаружены линия заплывшего берега и остатки деревянных укрепительных конструкций – «обрубов», представляющих собой стенки из вертикально установленных бревен.

Несмотря на то что в процессе археологического изучения Академического сада большая часть площади раскопок сосредоточена на остатках каменных сооружений, удалось проследить фрагменты культурного слоя. Выяснена стратиграфия культурных напластований, которые на исследованных участках оказались неожиданно мощными – от 1,85 до 2,04 м от современной дневной поверхности до материка. Во всех раскопах четко выделялся пожарный горизонт, предварительно датированный второй половиной XVI в. (рис. 8).

В сезон 2015 г., ниже отметки подошвы фундамента крыльца, зафиксирована выстилка из большемерного кирпича формата 31,5(32)×14(15,5) см, уложенного плашмя по песчаной подсыпке. Ее также перекрывала прослойка пожара. По-видимому, она относилась к сооружению, предшествующему каменному зданию чертогов. Возможно, это фраг-

мент подклета (нижнего этажа) деревянных царских келий или принадлежавшей им служебной постройки.

Выявленные на исследованных площадях следы сгоревших деревянных сооружений XVI–XVII вв., предшествовавших ныне существующим каменным чертогам, не оставляют сомнений в справедливости исторических указаний на существование здесь царских келий Ивана IV и Михаила Федоровича. Подтверждают это и совсем не рядовые индивидуальные находки, и множество встретившихся фрагментов печных изразцов XVII в. Интересна и коллекция из трех механизмов массивных накладных замков, планиграфически четко лежащих на линию восток–запад в 2 м к северу от тротуарной дорожки вдоль южного фасада чертогов.

О более раннем периоде освоения территории свидетельствуют следы пахотных борозд на поверхности материкового покровного суглинка (рис. 9). В предматериковом слое темно-серого суглинка найдена довольно редкая монета раннего периода княжения Василия II Темного (1425–1461 гг.). Вообще, на изученных в 2016 г. площадях найдено 10 монет удельного периода.

Уникальной можно назвать и прекрасно сохранившуюся прикладную печать из медного сплава с ажурной орнаментированной ручкой. В поле печати изображена пятилучевая корона с литерами

Рис. 8. Слой пожарища, обнаруженный в раскопе 6. (См. цв. вкл.)

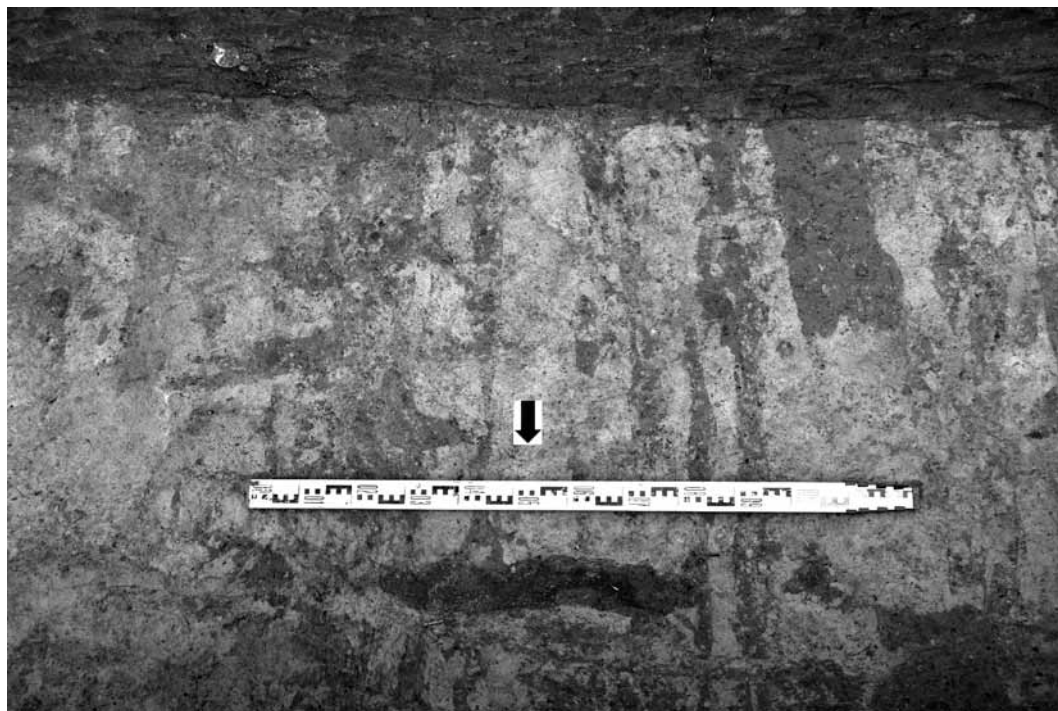

Рис. 9. Следы пахоты на материке в раскопе 4

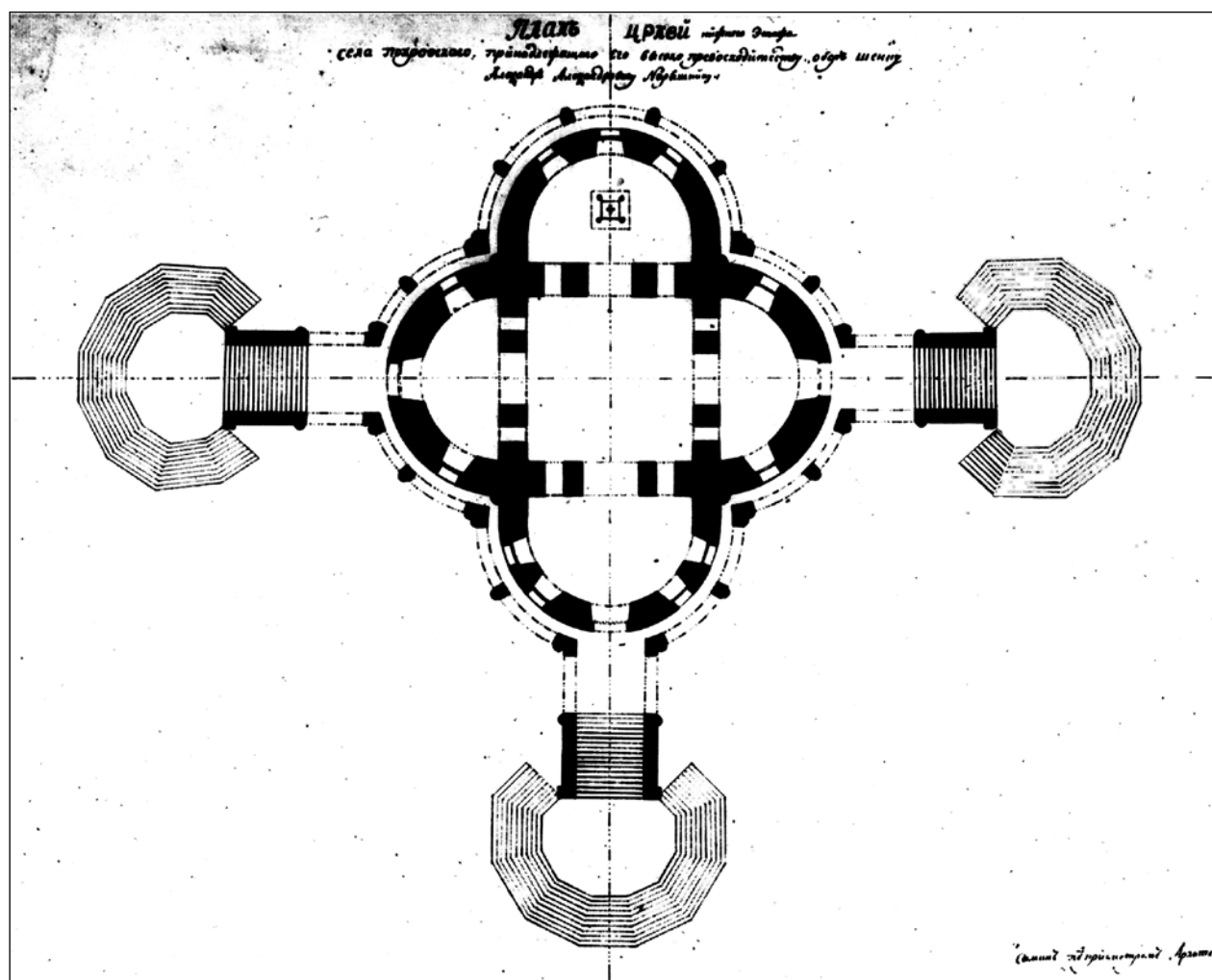

Рис. 10. План церкви Покрова в Филях (по: Ильенко, 1990. С. 126. Рис. 13)

ПАИДБИ с барочным орнаментом. Интерес представляет и миниатюрная шахматная костяная фигурка токарной работы, орнаментированная медными кольцевыми врезками. Размер фигурки позволяет предположить, что она происходит из «дорожного» набора шахмат.

Керамическая коллекция из более чем 2500 фрагментов разновременных сосудов в настоящее время продолжает изучаться, и нет сомнения в том, что такой массив керамики окажется чрезвычайно полезным для уточнения многих датирующих моментов керамического производства севера московского региона.

В результате исследований также выявлено, что на начальной стадии возведения каменных чертогов были заложены крыльца совершенно иной конструкции, нежели те, которые известны нам по иконографическим источникам XVIII в. Как показали раскопки, изначально планировалось, что

при входе на крыльцо будет круглая или, скорее, многогранная площадка со ступенями, ведущими непосредственно на восток.

Такие архитектурные решения известны нам по крайней мере на двух памятниках конца XVII в. – церкви Покрова в Филях (построена в 1690–1691 гг.) и церкви Троицы в Троицком-Лыкове (построена в 1690–1695 гг.). В первом случае существовали три девятигранные площадки со входами, которые были капитально перестроены вместе с крыльцами после войны 1812 г. на старых основаниях, но с полным изменением их планировочного решения (Ильенко, 1990). План первоначальной редакции крылец фиксирует чертеж, выполненный в конце XVIII в. В отличие от филевской церкви, где крыльца вели на второй этаж здания (в холодную церковь), в одноэтажной Троицкой церкви круглые (граненые) площадки крылец, без промежуточного лестничного восточного,

выводили непосредственно на окружавшие храм паперти, немного возвышенные от земли (рис. 3). Первоначальная форма площадок обоих памятников выявлена при исследованиях, проводившихся И. В. Ильенко в 1950–1960-х гг. (рис. 10).

Фундаменты круглых площадок заложены, видимо, одновременно с основным зданием чертогов, но в ходе строительства выяснились обстоятельства, которые не позволили осуществить это решение. Видимо, причина изменения замысла кроется в расположении площадок, не рассчитанных на необходимую длину лестничных маршей, которые получались слишком крутыми. К тому же ширина лестницы (6 м) была недостаточной для такого монументального здания. Поэтому при строительстве габариты лестниц были распространены в длину и ширину, а нижние площадки сделаны прямоугольными. Заложенный фундамент разбирать не стали, а использовали как часть нового. Как видим на гравюре И. Зубова (между 1733 и 1738 гг.), оба крыльца чертогов имеют нижние площадки прямоугольной, а не круглой формы. Тот же самый вариант представлен в проекциях плана и южного фасада чертогов из «Планной книги» начала 1740-х гг.

Интересным объектом является основание каменной ограды Писаревского пруда, местоположение и конфигурация которой ранее были известны только по графическим источникам XVIII в. Но изображенная здесь ограда не имеет отношения к фундаментам, выявленным в сезоны 2015–2016 гг. В плане она значительно шире, и хотя выявленные основания не впущены в материк, но сооружены они более капитально, чем ограда XVIII в., от которой после ликвидации сада не осталось и следа. Трасса обнаруженной ограды предшествовала каменному зданию чертогов конца XVII в., так как

ее северо-западный – западный участок был перекрыт площадкой восточного крыльца и разобран при строительстве последнего. Следовательно, после возведения царского дворца эта ограда уже не существовала и заменена другой, появившейся, возможно, уже во времена реконструкции сада Тихоном Писаревым в 1718–1721 гг. или позднее, в 1740-х гг.

В результате археологических исследований, проведенных в сезон 2016 г., сделаны важные находки, позволяющие судить о сооружениях, бывших на участке царского дворца в XVI–XVIII вв. и ранее. Появились свидетельства, что на начальном этапе освоения (XV – первая половина XVI в.) данная территория имела хозяйственное значение (пашня, огород, конюшни). Это, наверное, первая возможность исследования культурного слоя (пускай на периферийной территории) Троице-Сергиева монастыря, не нарушенного многослойными некрополями и позднейшими перекопами.

Впоследствии на участке к северу от Успенского собора, сменяя друг друга, появляются несколько различных деревянных построек, предназначенных для пребывания великокняжеской (царской) семьи. В конце XVII в. здесь возводится каменный царский дворец с вспомогательными постройками 1740-х гг. (западными и южными покоями дворцовых служителей, кухней). Тогда же реконструируется сад, существовавший при дворце, по крайней мере, с первой половины XVII в., получивший в источниках название Писаревского. После перехода построек дворца в ведение Московской духовной академии (начало XIX в.) происходят серьезные изменения первоначального облика единственного сохранившегося до наших дней памятника этого дворцового комплекса – здания Царских чертогов.

Литература

Бычков А. Ф. 1865. Краткий летописец Свято-троицкие Сергиевы Лавры // ЛЗАК. 1864 год. СПб. Вып. 3. С. 18–26.

Ильенко И. В., 1990. Методика реставрации церкви Покрова в Филях // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 3. М.: Стройиздат. С. 121–136.

Павел, иеромонах, 1782. Краткое историческое описание Свято-троицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных происшествий случившихся во оной. СПб.

Смирнов С. К., 1879. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870 гг.). М.

Холодкова Н. В., 2015. К вопросу об изменении облика Царских Чертогов Троице-Сергиевой лавры в XVII – начале XXI века // Дворцы Романовых как источники истории и культуры. Матер. междунар. конф.: Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф. СПб. С. 69–79.

A.V. Engovatova, A.V. Yaganov, A.L. Vysotsky, M.A. Kuritsyn

**Architectural and Archaeological Investigations within the Grounds
of Moscow Academy of Divinity, during 2016**

Summary

This paper covers the results of architectural and archaeological investigations undertaken in the gardens of the Moscow Academy of Divinity at the Trinity St Sergius Lavra monastery in Sergiev Posad (70 km from Moscow). The primary goal of the research was to discover more information about the now-lost building of the Royal Chambers (18th century); and the boundaries and ground-plans of the Piskarëvsky (17th – 19th c.) and Academichesky (19th c.) Gardens.

Archaeological excavations in 2016 were preceded by wide-ranging geophysical studies, whose results made it possible to determine objects hidden under the ground – the remains of the porches of the Chambers, and some ground-plan elements of the Piskarëvsky Gardens.

As a result of the investigations, evidence emerged that in the earliest stages of habitation of this land (the 15th and early 16th centuries) it was put to agricultural

use (crops, vegetable gardens, stables). Similarly, one of several cultural layers of the grounds of the Trinity St Sergius Lavra Monastery was uncovered, without resorting to disturbance of the graveyards or to intensive disturbance of the ground.

The remains of several architectural sites were studied. Several layers of foundations belonging to the lower layers of the western porch of the former Royal Chambers were identified. Similarly identified were the base sections of columns intended to support the staircase arches. The foundations of stone enclosures around the Piskarëvsky Ponds were researched – whose locations and configuration had previously only been known from illustrations made in the 18th century. Wooden fencing and buttressing which stood around the banks of the ponds was also studied – so-called «log walls», made of vertically mounted log sections.

А. В. Окулов, К. В. Воронин, В. И. Лебедев, М. Ю. Меньшиков

**Альмандины в слое XVII века в Москве:
ювелирное сырье или отходы камнерезного производства?**

В 2015 г. ООО «Столичное археологическое бюро» (руководитель работ К. В. Воронин) проводило археологические раскопки на территории парка бывшей Екатерининской больницы (здание № 15/29 на пересечении ул. Петровки и Страстного бульвара). При этом в слоях первой половины XVII в. было обнаружено несколько скоплений кристаллов и фрагментов кристаллов граната-альмандина¹. Эти скопления локализованы в культурном слое на расстоянии до 20 м друг от друга на площади до 200 м². Данные стратиграфии не позволяют уверенно связать находки с функционированием какой-либо постройки. Основная часть альмандинов обнаружена непосредственно в культурном слое, одно скопление гранатов выявлено в заполнении материковой ямы, и еще пять находок – в заполнении столбовой ямы. Во всех случаях слой с находками содержал следы пожара. К территории локализации скоплений альмандина примыкает погреб погибшей в огне постройки, датированной первой половиной XVII в. Вероятно, эта территория являлась задним двором усадьбы, главные постройки которой прослежены вдоль красной линии древней ул. Петровка.

Впервые гранаты-альмандины в слоях средневекового города были установлены при проведении раскопок в Твери (*Романова и др.*, 2012). Позднее подобные гранаты обнаружены при подводных археологических исследованиях на дне реки Волхов в Великом Новгороде (*Степанов*, 2013). Однако московская находка являет-

ся на настоящий момент самой многочисленной по количеству и самой значимой по суммарному весу гранатов и, кроме того, локализована в пределах одного участка раскопа. Остановимся более подробно на ее описании.

Всего обнаружен 1761 фрагмент кристаллов при незначительной доле целых кристаллов, общим весом 2408 г. Фрагменты отличаются друг от друга морфологией, размерами и целостностью, под которой понимается доля объема от первоначально целого кристалла. По этим признакам было выделено семь групп.

В *первую группу* (рис. 1; 2; 3) входят целые кристаллы (22 экз. весом 88,5 г, 3,76% от общего веса находок). Форма кристаллов – округлая, близкая к изометричной, часто эллипсоидная, с удлинением вдоль одной оси. На некоторых кристаллах отмечаются незначительные сколы. Размеры варьируются от 10×8×7 до 21×17×12 мм. Образцы в основном имеют неправильные кристаллографические очертания, лишь один из них обладает четкой формой тетрагонтриоктаэдра (рис. 4, в). Грани кристаллов нечеткие, выражены слабо, с многочисленными неровностями и уступами, имеют тонкую параллельную штриховку. Ребра граней также проявлены неотчетливо. Расположение штриховки подчинено кристаллографической оси 4-го порядка, в месте выхода оси 2-го порядка штриховка образует ромбы (рис. 4, б–в). На гранях фиксируются чешуйки биотита – минерала вмещающих горных пород, в одном случае на грани установлен фрагмент

¹ Альмандин – минерал группы граната, подгруппы пироп-альмандин-спессартина (ряд пиральспитов). Химический состав минерала этой подгруппы определяется соотношением пиропового ($Mg_3Al_2[SiO_4]_3$), альмандинового ($Fe_3Al_2[SiO_4]_3$) и спессартинового ($Mn_3Al_2[SiO_4]_3$) минала (компонента). Собственно альмандином называют гранаты с преобладанием альмандинового минала. В природе альмандин образует кристаллы, зерна и сплошные зернистые массы. Цвет альмандина от красного до бордового и почти черного. Он часто встречается в разнообразных метаморфических породах, также может появляться в гранитах в незначительном количестве.

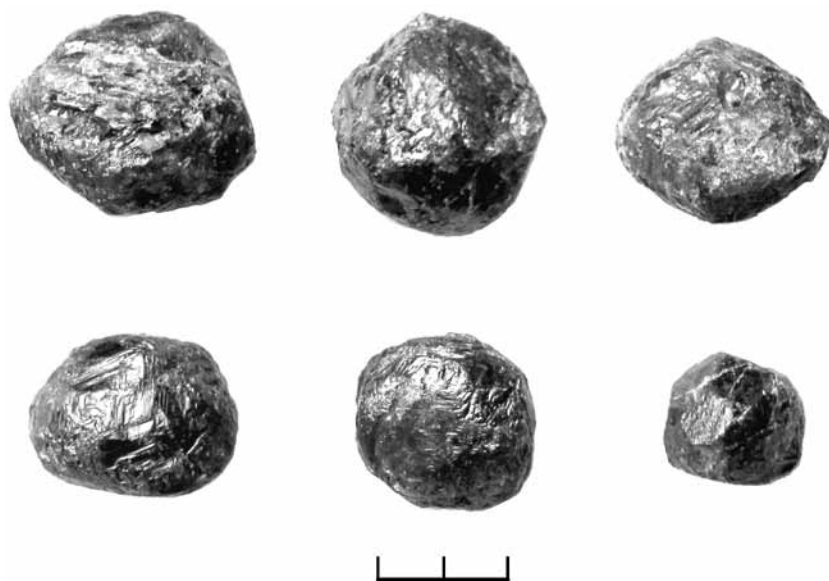

Рис. 1. Целые кристаллы граната-альмандина (группа 1). Москва, парк Екатерининской больницы

вмещающих пород – кварц-биотитовых сланцев (рис. 5, б). Блеск на гранях яркий, стеклянный. Окраска граната бордово-красная, очень насыщенная, лучше всего заметна по трещинам или в тонких сколах (рис. 6; 7).

Ко *второй группе* (рис. 2; 3) относятся крупные фрагменты кристаллов, слагавшие около 1/2 от целых кристаллов (51 экз. весом 166,5 г; 6,91% от общего веса находок). В идеальном случае они имеют форму половины шара, где сферическая поверхность – это поверхность кристалла, а основание – неровная поверхность скола. Размеры варьируются от 21×13×12 до 12×9×7 мм. Преобладают фрагменты размерами около 15×12×8 мм. Поверхности кристаллов обладают теми же характерными чертами, которые были описаны ранее на примере целых кристаллов. Часто на гранях наблюдаются чешуйки биотита, иногда встречаются фрагменты вмещающих кварц-биотитовых сланцев. Поверхности скола неровные, угловатые, блеск жирный, излом раковистый. Особенности окраски те же, что и у целых кристаллов.

В *третью группу* (рис. 2; 3) включены крупные фрагменты, слагавшие менее 1/2, но более 1/4 от целых кристаллов (232 экз. весом 608 г; 25,24% от общего веса находок). Они имеют плоско-выпуклую форму, где выпуклая часть – это поверхность кристалла, а уплощенно-неровная – поверхность скола. Размеры фрагментов от 27×22×11 до 10×9×5 мм, в основном преобладают фрагменты с размерами около 17×13×7 мм. Характеристика поверхностей кристаллов и поверх-

ностей сколов аналогична группе 2. На поверхностях кристаллов наблюдаются листочки биотита.

Образцы *четвертой группы* (рис. 2; 3) по сути являются разновидностью фрагментов третьей, но имеют меньшие размеры; это фрагменты, составившие менее 1/4 от целых кристаллов (202 экз. весом 238 г, 9,88% от общего веса находок). Аналогично фрагментам третьей группы они имеют выпуклую поверхность, покрытую гранями, и уплощенную поверхность скола. В идеальных случаях форма таких фрагментов соответствует форме плоско-выпуклой линзы. Размеры от 17×16×5 до 9×8×3, преобладают образцы размерами около 12×12×5. Окраска граната бордово-красная, насыщенная, по сравнению с образцами предшествующих групп на просвет проявлена более заметно в связи с уплощенной формой фрагментов. На поверхностях кристаллов наблюдаются листочки биотита.

К *пятой группе* (рис. 2; 3; 6) относятся фрагменты, обладающие формой сильно уплощенного цилиндра или сильно уплощенного усеченного конуса (76 экз. весом 201 г; 8,35% от общего веса находок). Размеры – от 23×18×6 до 15×15×4. Фрагменты имеют две параллельные или субпараллельные неровные поверхности скола и боковую поверхность, покрытую гранями. Особенности этих поверхностей аналогичны описанным выше. На поверхностях кристаллов наблюдаются листочки биотита.

В *шестую группу* (рис. 2; 3; 8) включены фрагменты неправильной формы, имеющие как неровные поверхности скола, так и поверхности с гранями

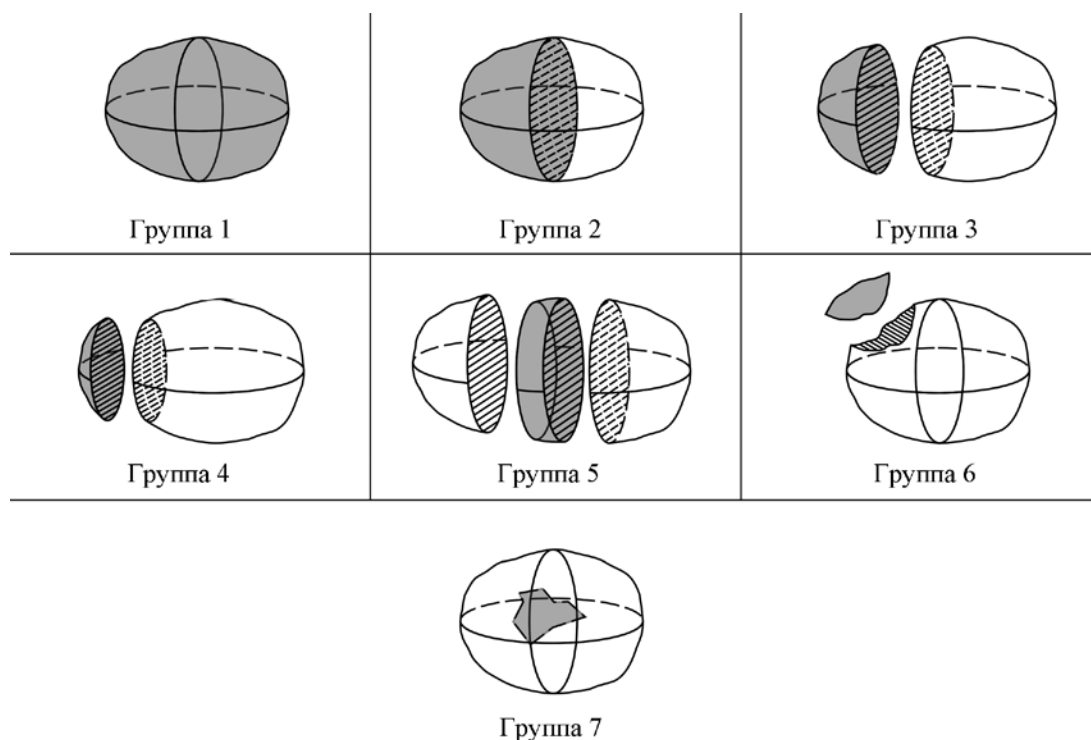

Рис. 2. Разделение находок граната-альмандина на группы на основе морфологии и объемной доли от целого кристалла

(794 экз. весом 877,5 г; 36,43% от общего веса находок). Размеры от $25 \times 16 \times 12$ до $8 \times 6 \times 5$ мм, преобладают образцы с размерами около $16 \times 12 \times 8$ мм. Характеристика поверхностей кристаллов и поверхностей сколов аналогична описанным ранее особенностям поверхностей предыдущих групп.

Образцы *седьмой группы* (рис. 2; 3; 7) – это осколки кристаллов, имеющие только неровные

поверхности скола, лишённые или практически лишённые поверхностей с гранями (384 экз.; 229 г; 9,51% от общего веса находок). По внешнему виду они напоминают мелкие осколки битого стекла. Размеры от $20 \times 10 \times 7$ до $3 \times 2 \times 1$ мм, преобладают образцы размерами около $12 \times 8 \times 7$ мм. Поверхности сколов имеют те же особенности, что и в предыдущих группах.

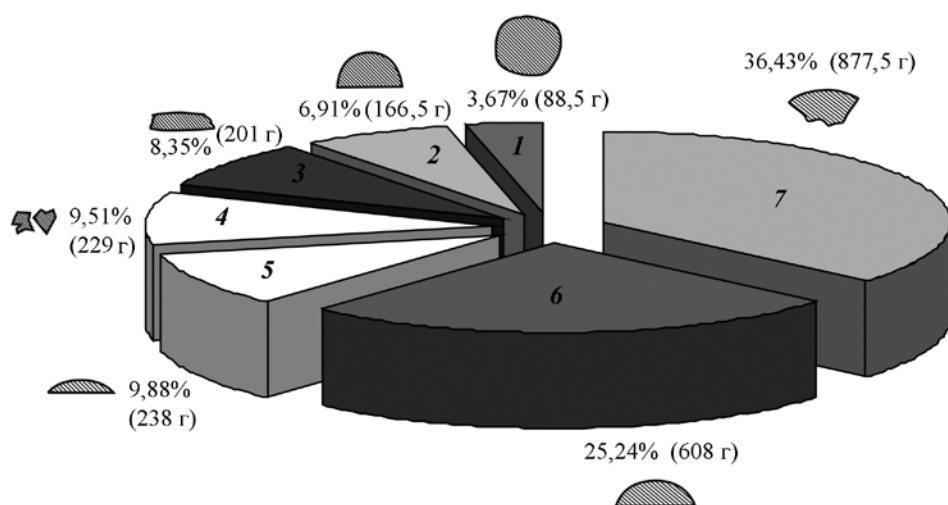

Рис. 3. Процентное соотношение веса выделяемых групп гранатов-альмандинов из раскопок в Москве

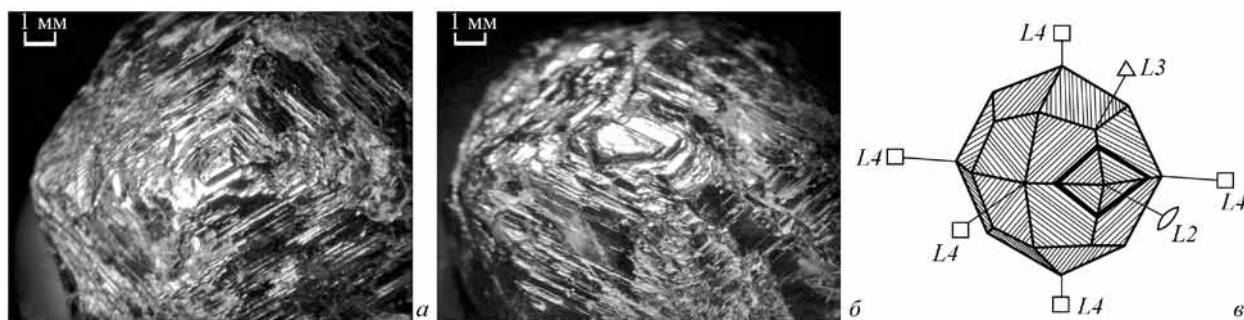

Рис. 4. Штриховки на гранях кристаллов граната-альмандина

a – Кительское месторождение; *б* – находки в Москве; *в* – кристаллографические закономерности ориентировки штриховки на гранях кристалла граната Кительского месторождения, имеющего форму тетрагон-триоктаэдра. Символами обозначены кристаллографические оси: L_4 – четвертого порядка, L_3 – третьего порядка, L_2 – второго порядка. Черным обозначен ромб (след грани ромбододекаэдра) в месте выхода оси L_2

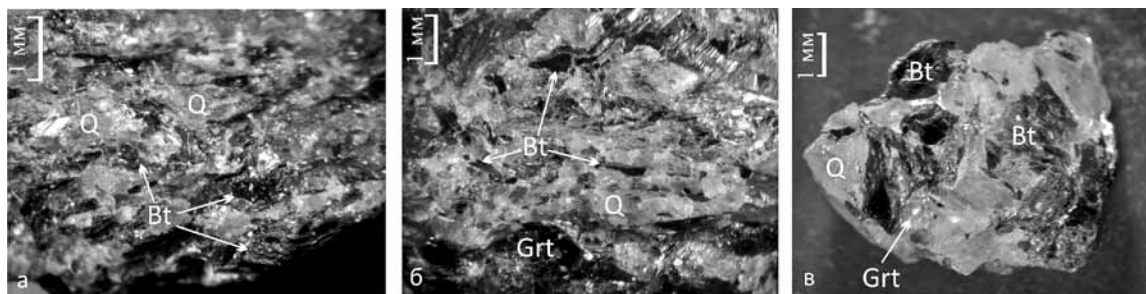

Рис. 5. Кварц-биотитовые сланцы. (См. цв. вкл.)

a – Кительского месторождения; *б* – на поверхности граната-альмандина, найденного при раскопках в Москве; *в* – фрагмент кварц-биотитовых сланцев, найденный вместе с гранатами. Q – кварц; Grt – гранат; Bt – биотит

Совместно с гранатом-альмандином было обнаружено два небольших обломка вмещающих его пород – кварц-биотитовых сланцев с мелкими включениями граната. Наибольший из фрагментов имеет размеры 6×5×4 мм.

Гранат-альмандин – это характерный минерал метаморфических горных пород, кроме того, он встречается в горных породах магматического происхождения. Как известно, на территории Москвы и Московской области развиты породы осадочного происхождения, поэтому собственных значимых проявлений граната здесь нет.

Единичные кристаллы граната и их обломки, а также в различной степени окатанные обломки магматических и метаморфических пород с включениями граната известны в составе ледниковых отложений, т.е. являются перенесенным материалом. Возможно нахождение мелких гранатов в аллювии рек, перемывающих ледниковые отложения. Все эти находки относительно редки и крайне незначительны из-за небольшого размера, малого количества материала и неравномерности

его распределения в толще пород. Ни в настоящее время, ни ранее они не могли иметь практического значения.

Таким образом, обнаруженные в Москве гранаты, как и альмандины Твери и Новгорода, являются привозным материалом. Попытаемся установить его происхождение.

Макроскопически, по морфологии, цвету и сравнительно высоким ювелирно-поделочным качествам кристаллы и их фрагменты обнаруживают максимальное сходство с гранатами Кительского месторождения. Месторождение расположено в южной части Балтийского кристаллического щита, на северном берегу Ладожского озера, примерно в 14 км к северо-западу от города Питкяранта (рис. 9). Эта территория сложена гранито-гнейсовыми куполами архея – раннего протерозоя, пространство между которыми заполняют метаморфические толщи раннепротерозойского возраста, расчлененные на сортавальскую и ладожскую серии. Отложения сортавальской серии примыкают непосредственно к куполам, окаймляя их. Центральную

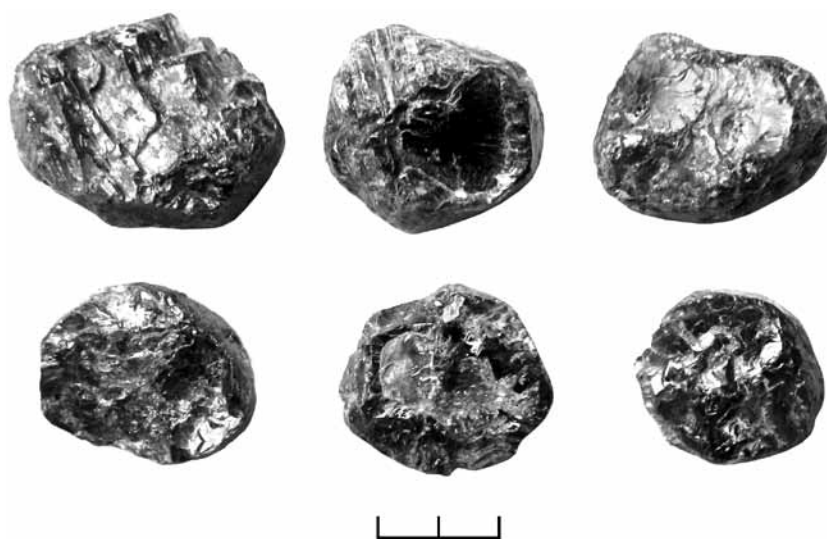

Рис. 6. Фрагменты кристаллов граната уплощенно-цилиндрической формы (группа 5).
Москва, парк Екатерининской больницы

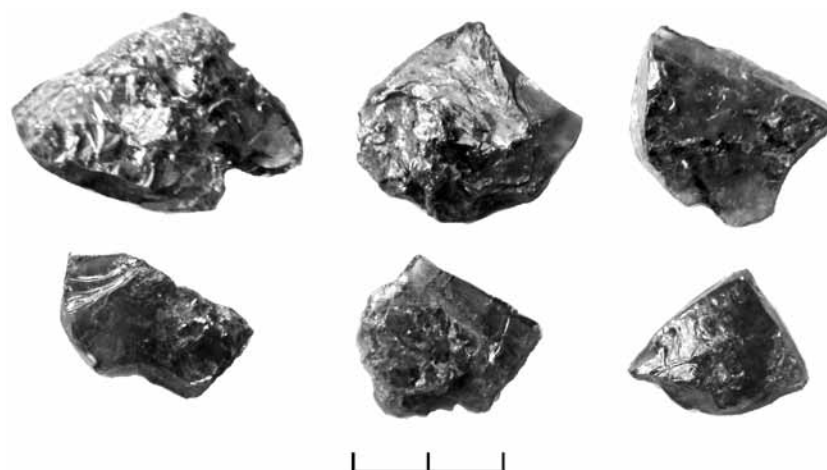

Рис. 7. Осколки кристаллов граната, лишенные гранных поверхностей (группа 7).
Москва, парк Екатерининской больницы

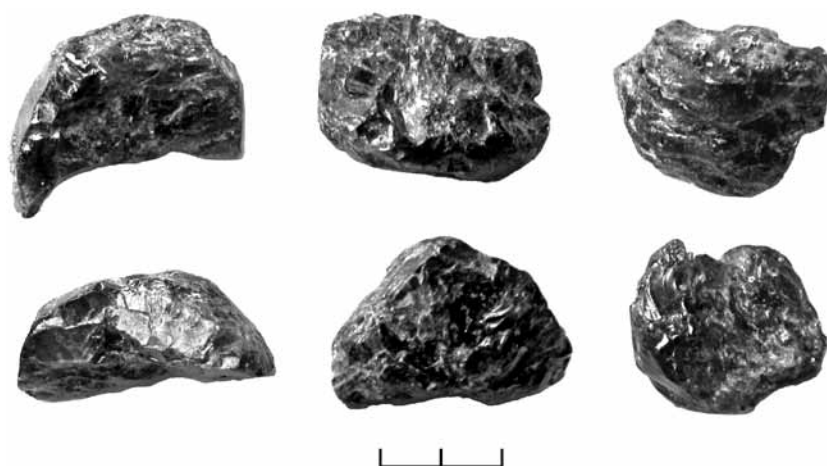

Рис. 8. Фрагменты кристаллов граната неправильной формы (группа 6).
Москва, парк Екатерининской больницы

часть межкупольного пространства формируют отложения свиты контиосари ладожской серии, к которой и приурочено Кительское месторождение граната-альмандина. В составе свиты выделяется зона плагиосланцев шириной от 0,3 до 2,5 км, в которой широко развиты полосы порфиروبластических кварц-биотитовых сланцев с полевым шпатом, альмандином, силлиманитом и более редким мусковитом. Наибольшая концентрация граната наблюдается в сланцах, обладающих мелкой складчатостью, богатых силлиманитом и биотитом, протолит которых был обогащен железом (Киевченко, Сенкевич, Гаврилов, 1982; «Методические указания...», 1977).

При макро- и микроскопическом минералогическом и кристаллографическом изучении гранатов-альмандинов Кительского месторождения и найденных в Москве был выявлен целый ряд общих черт:

1) весьма характерная окраска – насыщенная, бордово-красная (рис. 1; 6);

2) кристаллы трещиноваты и прозрачны лишь в тонких сколах (рис. 7; 8);

3) присутствуют как вытянутые (эллипсоидные), так и округлые (изометричные) кристаллы (рис. 1); преобладают кристаллы с неправильными кристаллографическими очертаниями, лишь некоторые из них обладают четкой формой тетрагонтриоктаэдра;

4) грани кристаллов слабовыраженные, нечеткие, с многочисленными неровностями, уступами (рис. 1);

5) грани покрыты характерной параллельной штриховкой;

6) расположение штриховки описывается одними и теми же кристаллографическими законами: она подчиняется оси 4-го порядка, а в месте выхода оси 2-го порядка образует ромбы и представляет, таким образом, след грани ромбододекаэдра (рис. 4, а–в);

7) на поверхности многих кристаллов и их фрагментов сохраняются чешуйки темной слюды (биотита) – минерала вмещающих горных пород. Иногда на внешней поверхности гранатов фиксируются небольшие обособления вмещающих кварц-биотитовых сланцев (рис. 5, а–б). Два отдельных мелких фрагмента кварц-биотитовых сланцев также найдены совместно с московскими гранатами (рис. 5, в).

Аналогичные черты сходства с гранатами Кительского месторождения (пункты 1–7) установлены при исследовании кристаллов и фрагментов кристаллов альмандина, обнаруженных при раскопках в Твери и при подводных археологических

Рис. 9. Кительское месторождение граната-альмандина на Северо-Западе России

раскопках на дне р. Волхов в Великом Новгороде. Найденные в Твери целые кристаллы граната и их фрагменты имеют размеры от 10 до 24 мм в сечении. Преобладают гранаты размером около 15 мм. Альмандины из Твери были подвергнуты рентгено-спектральному микроанализу на основные минералообразующие элементы и рентгенофлуоресцентному анализу на элементы-примеси. Данные аналитических работ подтвердили результаты минералогических и кристаллографических исследований и позволили сделать вывод о принадлежности гранатов из Твери к Кительскому месторождению (Романова и др., 2012; Окулов и др., 2015).

Таким образом, найденные при раскопках в Москве альмандины идентичны гранатам Кительского месторождения, так как имеют сходную окраску, одинаковую кристалломорфологию, скульптуру граней и происходят из одних и тех же пород.

Как и найденные в Твери и Новгороде, обнаруженные в Москве гранаты не имеют каких-либо следов обработки: пиления, шлифовки, полировки. Лишь на поверхности одного кристалла размером 12,0×9,0×7,5 мм фиксируется небольшой участок, покрытый тонкими параллельными бороздами. Не исключено, что это следы пробной шлифовки.

Совместно с гранатами найдены два фрагмента альмандиновых бусин размерами 15,0×10,6×5,0 и 11,6×9,3×5,3 мм (рис. 10). Цвет насыщенный, темно-бордовый. Фрагменты составляют чуть менее 1/2 от целых бусин. Обработанная (внешняя) поверхность несет на себе следы грубой шлифовки, на неровной поверхности скола хорошо виден раковистый излом и жирный блеск

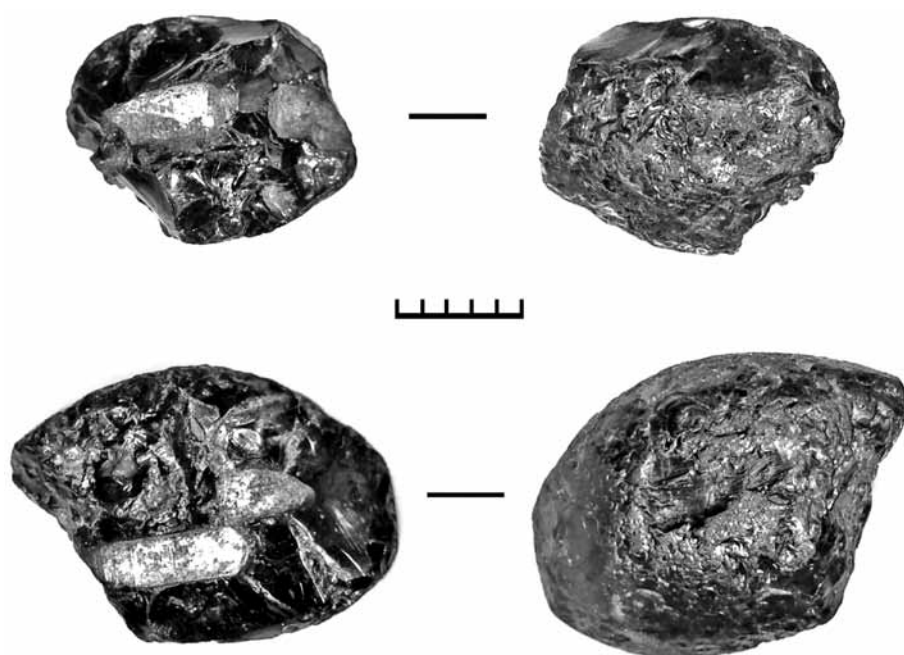

Рис. 10. Фрагменты альмандиновых бусин, найденные вместе с необработанными гранатами-альмандинами. Москва, парк Екатерининской больницы

минерала. На поверхности скола каждого фрагмента имеются два канала полукруглой в сечении формы от отверстий, идущих друг другу навстречу с противоположных сторон, но вместе не соединяющихся. Внешняя поверхность имеет матовый блеск и большое количество мельчайших, около 0,1–0,2 мм, сколов серповидной формы, образовавшиеся, вероятно, в процессе шлифовки. На внешней поверхности присутствуют локальные недошлифованные участки, обладающие исходной штриховкой, свойственной необработанным кристаллам. В одном из фрагментов отверстия пройдены по параллельным линиям и не соединяются, а в другом они пройдены вдоль одной линии, но не досверлены друг до друга. Вполне вероятно, что бусины раскололись при сверлении отверстий, а обнаруженные фрагменты являются, таким образом, производственным браком.

Найденные гранаты, несомненно, связаны с ювелирным производством, об этом говорит наличие двух фрагментов бусин. Скопление гранатов можно было бы считать ювелирным сырьем, утраченным в пожаре, однако в этом случае не совсем ясно, почему находки локализованы вне построек. Маловероятно, чтобы столь ценное сырье могли хранить за пределами жилых или производственных сооружений. Кроме того, неясно, почему среди сырья целые кристаллы имеют резко подчиненное значение – всего 3,7% от общего веса находок (рис. 3).

Поскольку альмандины найдены в слое пожара, их фрагментация могла произойти под действием высоких температур, однако явных следов термического воздействия как на самих гранатах, так и на сопутствующих минералах мы не наблюдаем.

Можно предположить, что найденные скопления являются отходами производства. В этом случае сильная фрагментация может являться следствием первичной обработки альмандинов. Возможно, после визуального просмотра целых кристаллов наиболее прозрачные и нетрещиноватые фрагменты, пригодные для дальнейшей обработки, извлекались путем выкалывания. Однако на поверхности найденных фрагментов не удастся идентифицировать следы механических ударов. Проведенные эксперименты показали, что при раскалывании на альмандинах, в том числе кительских, не образуются вмятины и следы ударов, как это бывает у некоторых других минералов. Таким образом, идентифицировать следы механического воздействия, если оно имело место, не представляется возможным. Отсутствие следов пиления на образцах подтверждает, что первичная обработка могла выполняться именно таким путем. После выкалывания подходящих фрагментов последние подвергались шлифовке.

Еще один важный вопрос: когда альмандины были привезены в Москву? В Твери гранаты-альмандины появляются во второй половине XV – начале XVI в. (Романова и др., 2012).

Часть альмандинов здесь найдена в слоях первой половины XVIII в., но эти находки, скорее всего, попали в отложения и ямы в результате перекопов. Говорить уверенно, когда именно гранаты попали в Москву, затруднительно. Из-за того, что исследуемая территория нарушена многочисленными перекопами, слои, в которых были обнаружены альмандины, не удастся привязать к какой-либо датированной постройке. В целом в этих слоях преобладают

находки, относящиеся к первой половине XVII в. Как известно, в 1595 г. территория, где находится Кительское месторождение, была возвращена России по Тязинскому мирному договору. Позднее, в 1610 г., Россия вновь фактически утратила эти земли, а в 1617 г. утрата земель была закреплена по Столбовскому миру. Можно предположить, что гранаты-альмандины попали в Москву в непродолжительный период между 1595 и 1610 гг.

Литература

Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П., 1982. Геология месторождений драгоценных камней. М.: Недра. С. 188–189.

Методические указания по поискам и перспективной оценке месторождений цветных камней. 1977. Вып. 17. М.: Министерство геологии СССР. С. 33–35.

Окулов А. В., Шкурский Б. Б., Романова Е. А., Данилов В. В., Гурвич М. Ю., 2015. Ювелирные гранаты Кительского месторождения из раскопок в Твери // Отечественная геология. № 4. М. С. 50–62.

Романова Е. А., Окулов А. В., Данилов В. В., Шкурский Б. Б., 2012. Гранаты-альмандины из раскопок в Твери // Новгород и новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород. Вып. XXVI. С. 313–341.

Степанов А. В., 2013. Великий мост. Результаты новых подводно-археологических исследований // Подводное наследие 2013: Материалы научной конференции. М. С. 94–101.

A. V. Okulov, K. V. Voronin, V. I. Lebedev & M. Y. Menshikov

17th century Almandine from excavations in Moscow – jewelry raw materials, or waste from stone-cutting production?

Summary

The paper is devoted to discoveries of almandine garnet stones during excavations in the city center of Moscow. The origin of these stones has been identified

as a result of complex mineralogical investigations. This paper discusses the routes of almandine stones to Moscow at the turn of the 16th – 17th centuries AD.

М. А. Гиршевич

Конструктивные особенности некоторых печей XVII – начала XVIII века

При проведении археологических работ в городах Северо-Восточного региона в слоях, датируемых XVII – началом XVIII в., нередко встречаются фрагменты керамических изделий, назначение которых остается не вполне понятным (Кашиинцев, 2007. С. 82).

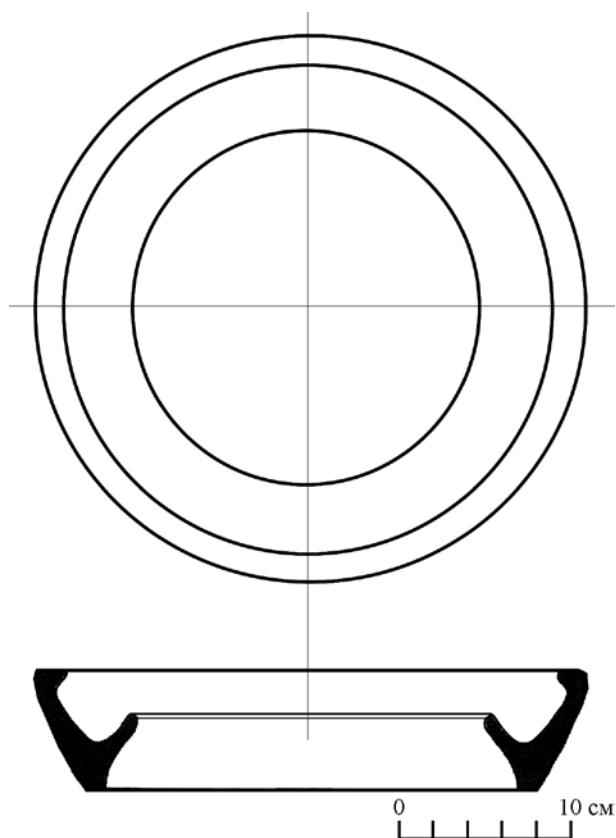

Рис. 1. Конструкция керамического кольца

В 1968 г. в КСИА была опубликована работа архитектора и реставратора Ю. П. Спегальского, посвященная устройству отопительных печей XVII в. При исследовании остатков мусора от разрушенной печи в Пскове, в доме Печенко, автором найдены обломки керамических колец с наружным диаметром около 32 см и диаметром отверстия 23 см. Сами же фрагменты колец имели следы копоти и налипшую глину на наружной поверхности – «остатки глиняной подмазки». Ю. П. Спегальский интерпретировал кольца как часть составной трубы – так называемый жаровой колодец, используемый для отопления помещения. Причем количество колец в колодце, по предположению автора, могло составлять от 4 до 6 (Спегальский, 1968. С. 74, 75).

Обломки этих изделий довольно часто встречаются в Москве в слоях, датируемых XVII – началом XVIII в. (Кренке, 2009. С. 487. Рис. 241, 1). В продольном сечении такое кольцо напоминает букву У с укороченным внутренним выступом. Сами кольца изготовлены на гончарном круге, в большинстве своем из красножгущихся глин с включениями крупнозернистого песка. Обломки колец, отобранных для данной работы, имели наружный диаметр от 18 до 34 см, а высоту – от 4 до 7 см (рис. 1; 2)¹.

Возможно, что описанные кольца действительно использовались в псковской печи предложенным Ю. П. Спегальским способом. К сожалению, этнография не дает примеров использования керамических колец в качестве жаровых колодцев, хотя материалы по использованию керамических

¹ Материал предоставлен специалистами ООО «Столичное археологическое бюро», выполняющими спасательные археологические работы в г. Москве.

² Автор выражает благодарность за предоставленный материал народному мастеру России А. Г. Заборских (пос. Думиничи Калужской обл.).

труб известны. Так, этнографические наблюдения в Калужской губернии показывают, что в XIX – начале XX в. в крестьянских домах использовались керамические трубы для соединения дымоходов летней и зимней печей². Длина одной такой трубы составляла около 30 см. Сформированный с одной стороны небольшой раструб, длиной 3–4 см, позволял соединять трубы (рис. 3). Дымоход собирался на подвешенной к потолку доске. В месте стыка трубы обмазывались глиной. Длина горизонтального дымохода достигала 3 м (рис. 4).

Рассмотрим другое назначение колец. Обычно печник собирал жаровой колодец из 6 колец высотой от 18 до 23 см, однако трубу такого размера можно было изготовить и целиком на гончарном круге: подгонять каждое кольцо под стандартный размер было довольно хлопотно, и найденные фрагменты позволяют утверждать, что выполнены они не по какому-то определенному стандарту. Вполне вероятно, что керамические кольца не являлись составной частью трубы, а использовались

Рис. 3. Керамическая труба из коллекции муниципального бюджетного учреждения культуры «Дом мастеров», г. Калуга

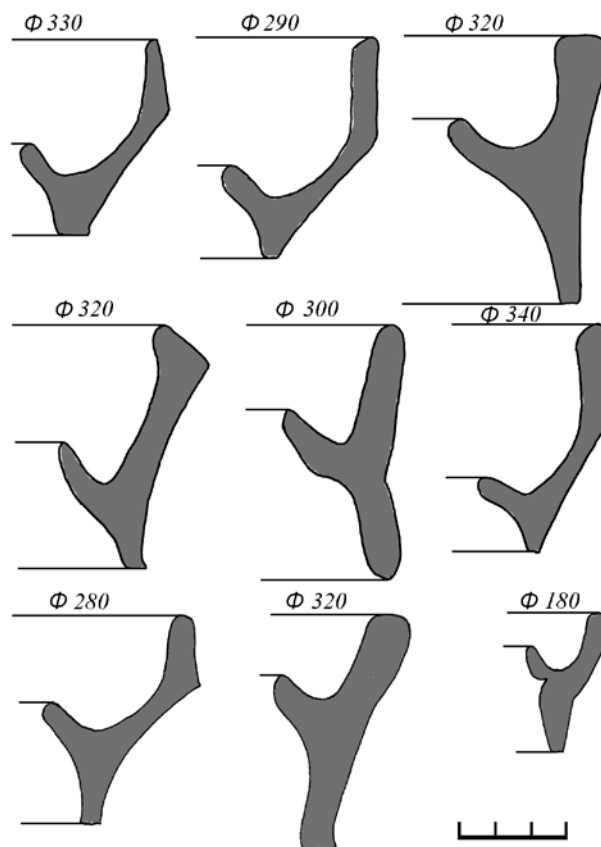

Рис. 2. Профили обломков керамических колец

каждое в качестве самостоятельного элемента в конструкции печи. Это подтверждается связанными с устройством печей находками в виде массивных, толстостенных (10–12 мм) керамических крышек диаметром около 20–30 см со следами копоти на внутренней стороне. Такие крышки могли использовать для закрывания керамических колец, если они монтировались в своде печи горизонтально (рис. 5). В письменных источниках встречаются похожие конструктивные элементы: «...да труба с крышкой, денег дано за ту трубу 3 алтына» (Фролов, 1991. С. 20).

Вероятно, отверстие с таким кольцом-трубой использовалось и как конфорочное. Остатки дворовых печей, обнаруженных в Москве в процессе археологических работ, в большинстве своем имеют небольшое устье, заглубленное в материк. Такая конструкция не позволяла поставить горшок внутрь печи – большие казаны устанавливались сверху нее, на конфорочные отверстия (Векслер, Осипов, 1996. С. 19–22). Возможно, что существовали и другие печи, с устройствами в верхней части для сосудов меньшего объема, чем казан. Прообразом такой конструкции могли служить

Рис. 4. Устройство горизонтального дымохода в доме.
Дер. Хлуднево Думиничского р-на Калужской обл. (фото А. Г. Заборских? 2010-е гг.)

глинобитные печи, имевшие отверстие в своде (*Раннопорт, Колчин, Борисевич, 1985. С. 137*).

Еще один тип печей с не вполне понятной конструкцией можно обнаружить в письменных источниках. Например, известны упоминания о печах XVII в. с пристроенными очагами: «...сложили кирпичную трубу у изразцовой печи и сделали

перед печью кирпичный очаг», «в сытне печь да очаг», «очаги и печи для мироварения» (*Фролов, 1991. С. 17, 12, 37*).

Устройство очага у изразцовой печи, вероятно, было сопряжено с установкой второй камеры, где происходил процесс варки, а не томления продуктов. Одно из значений термина «очаг» – источник

Рис. 5. Крышка на конфорке (реконструкция)

Рис. 6. Керамический горшок на конфорке (реконструкция)

открытого огня для приготовления пищи на тагане или в подвесном котле. Подобное устройство очага кажется маловероятным в доме, поскольку открытый огонь представлял собой источник повышенный пожароопасности. Другое значение термина – небольшая печь с вмазанным в нее котлом – больше подходит для нашего случая, но также понимается не совсем однозначно («Словарь...», 1988. С. 93, 94). Вероятнее всего, при устройстве изразцовой печи очаг располагали там же, где и топку, – в сенях (Немцова, 1989. С. 8). В конструкции топки могли использовать только закрытую камеру, в ее верхней части находилась

труба – закрываемая крышкой конфорка. В процессе приготовления еды конфорочное отверстие перекрывалось горшком, что позволяло избежать открытого огня в доме (рис. 6).

Конструктивной особенностью кольца-конфорки можно считать укороченный внутренний уступ, на который опиралась крышка. Канавка между уступом и стенкой предотвращала попадание выкипающего содержимого из горшка внутрь печи, не позволяя перемазать печь и залить огонь. Возможно, описанные конструкции послужили в будущем прообразом печей с чугунной конфорочной плитой.

Литература

Векслер. А. Г., Осипов Д. О., 1996. Дворовые печи-поварни (по материалам археологических раскопок в Москве) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. С. 19–23. (Тр. МИГМ. Вып. 9).

Кашиинцев А. Ю., 2007. «Город Вологда на реке на Вологде, да на речке Золотухе...» // Археология Вологды: история и современность. Вологда: Древности севера. С. 76–84.

Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. 524 с. (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 12).

Немцова Н. И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. М.: Росреставрация. 35 с.

Раннопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В., 1985. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука. С. 136–154. (Археология СССР).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М.: Наука, 1988. 311 с.

Спегальский Ю. П., 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. Вып. 113. С. 74–77.

Фролов М. В., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII вв. М.: Спецпроект-реставрация. 70 с.

M. A. Girshevich

The construction aspects of a number of stoves from the 17th century to the beginning of the 18th century

Summary

This article is dedicated to insufficiently-researched issues of the design of some stoves during the 17th century and early 18th century. The topic of ceramic hot-

plate interpretation is examined. Ethnographic observations about rural stoves in the Kaluga Region during the 19th – 20th centuries are also included in the article.

Ю. А. Лихтер

Стеклянные сосуды из раскопок 2015 года в Черниговском переулке (Москва)

В 2015 г. ООО «Археологические изыскания в строительстве» проводило археологические работы по адресу Черниговский пер., 3. Здесь было обнаружено довольно много фрагментов стеклянных изделий, по преимуществу сосудов.

Открытые сосуды для питья

№ 313. Бокал – кв. 29, яма 1 (рис. 1, 1). Сохранился фрагмент, покрытый коррозией и иризацией по всей поверхности. Форма: край выпуклый расходящийся; венчик – наклонный наружу, вогнутый; тулово яйцевидное, усеченное дважды; дно выпуклое, снаружи сохранились следы обломанной ножки, круглой в поперечном разрезе. Размеры: край – диаметр – 5,01¹; толщина – 0,21; венчик – высота 1,18; диаметр вверху (диаметр края) – 5,01; диаметр внизу – 4,54; тулово – высота – 5,13; высота нижней части – 3,42; максимальный диаметр – 4,85; диаметр вверху – 4,54; диаметр внизу (диаметр дна) – 2,62; диаметр ножки – 1,34. Декор: под венчиком горизонтальная полоса, обрамленная сверху и снизу прямыми линиями; на эту полосу нанесены наклонные линии, образующие ромбы; в нижней части – вертикальные прямоугольники с закругленным верхом. Цвет основы серый слабый; стекло полупрозрачное; цвет декора в верхней части – белый ахроматический непрозрачный, внизу – в цвете основы. Техника изготовления основы: тулово выдута в форму, для ножки вытянут прут, приваренный затем к дну. Техника нанесения декора: широкая полоса под венчиком и вертикальные прямоугольники внизу вышлифованы, затем верхнюю полосу обрамили двумя прорезанными линиями, а на саму полосу нанесли ромбы также резанием.

Фрагмент выглядит как часть стаканчика с венчиком, однако на дне прослеживаются следы обломанной ножки. Можно предполагать, что это был бокал на короткой ножке. Подобный бокал есть в каталоге для коллекционеров («Miller's glass...», 2004. Р. 95, верхний ряд), где он датируется временем около 1890 г.

№ 310. Бокал – кв. 29, яма 1 (рис. 1, 3). Сохранился полный профиль, покрытый коррозией по всей поверхности. Форма: край – выпуклый расходящийся; тулово – конус расходящийся усеченный снизу вогнутый; дно – плосковыпуклое внутри (конус). Размеры: общая высота – 7,89; край – диаметр (диаметр тулова вверху) – 7,5; толщина – 0,34; тулово высотой 5,04; диаметр внизу – 4,43; толщина внизу – 0,49; дно толщиной 2,85; диаметр внизу – 4,07. Декор: в нижней части сосуда, в месте перехода ко дну, наложены две горизонтальные толстые волнистые нити. Цвет основы и декора оливковый средний; стекло полупрозрачное. Техника изготовления основы: основа выдута в форму; углубление вогнутого внутрь дна залито стеклом. Техника нанесения декора: наклад нитей на утолщенное основание бокала.

Бокалы подобной формы часто встречаются при раскопках в Москве (рис. 1, 4) и датируются рубежом XVII–XVIII вв. (Беляев, 1994. Табл. 102, 1). Как правило, они без декора, но иногда встречаются и с аналогичным декором (Лихтер, 2015. Табл. 1, 4).

№ 366. Стопа – кв. 18, яма 2б (рис. 1, 5). Сохранился фрагмент, покрытый коррозией по всей поверхности. Форма: тулово – конус расходящийся усеченный снизу; дно вогнутое. Размеры: высоту тулова и верхний диаметр нельзя установить, нижний диаметр (диаметр дна) – 6; толщина тулова

¹ Здесь и далее по тексту все размеры сосудов даны в сантиметрах.

Рис. 1. Открытые сосуды из раскопок в Черниговском переулке и аналоги им. (См. цв. вкл.)

1 – бокал № 313; 2 – бокал («Miller's glass buyer's guide», 2004. Р. 95, верхний ряд); 3 – бокал № 310; 4 – бокал (Беляев, 1994. Табл. 102, 1); 5 – стопа № 366; 6 – стопа (Рожанківський, 1959. Р. 15в. С. 73); 7 – стопа (Polak, 1975. Fig. 15. Р. 47); 8 – стакан № 429; 9 – стакан (Ашарина, 1998. Рис. 9); 10 – стакан № 314; 11 – стакан (Ciepiela, 1977. Rys. 54); 12 – стакан № 304; 13 – стакан (Ciepiela, 1977. Rys. 35, 36)

внизу – 0,37; толщина дна – 0,49. Декор: на тулово наложено несколько горизонтальных зигзагообразных линий, сливающихся между собой. Цвет основы и декора серо-голубой средний; стекло полупрозрачное (помутневшее). Техника изготовления основы: выдувание в форму; техника нанесения декора – наклад нитей, затем расчесывание.

Как аналогии можно указать кружку с Украины (Рожанківський, 1959. Рис. 15, в. С. 73), датированную XVIII в. (рис. 1, 6), и стакан XVI в. из Шотландии (рис. 1, 7 – Polak, 1975. Fig. 15. Р. 47). Обе аналогии неточные.

№ 429. Стакан – кв. 18, яма 2 (рис. 1, 8). Сохранилась нижняя часть, на поверхности покрытая коррозией. Форма: тулово – конус расходящийся, усеченный снизу; дно вогнутое. Размеры: диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 5,78; толщина тулова внизу – 0,66. На наружной поверхности плоский декор: горизонтальная надпись «НОЕБРЯ 2 (ДНЯ 17)28 ГОДА», которую обрамляют горизонтальные полосы. Над верхней полосой – стилизованные цветы. Цвет основы: серо-голубой сильный темный; стекло полупрозрачное. Цвет декора: желтый средний (надпись, полоса внизу, цветы),

красно-коричневый сильный темный (полосы вверх и вниз), эмаль непрозрачная. Техника изготовления основы – выдувание в форму; техника нанесения декора – роспись.

Подобные стаканчики с росписью и надписями были распространены в XVIII в. Аналогичный стаканчик из собрания ГИМ (*Ашарина*, 1998. Гл. 3. Рис. 9) датируется 30-ми годами XVIII в. (рис. 1, 9); чарка с похожей надписью найдена при раскопках Археологической службы г. Москвы в 2005 г. по адресу Малый Знаменский пер., 3/5 (№ по описи 24).

№ 314. *Стакан* – кв. 29, яма 1 (рис. 1, 10). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая слоем коррозии и иризации. Форма: тулово цилиндрическое, слегка суживающееся книзу; край выпуклый; дно плоское. Размеры: общая высота – 8,3, диаметр края – 6,13, толщина края – 0,22, диаметр дна – 5,65, толщина дна – 0,47. На тулове – вогнутый декор. В верхней части – широкая горизонтальная полоса, с двух сторон обрамленная зигзагами. Ниже – восьмилучевые звездочки, расположенные в шахматном порядке. Цвет основы серый слабый; стекло полупрозрачное; декор непрозрачный, белый ахроматический. Техника изготовления основы – выдувание в форму; техника нанесения декора – шлифование и резание.

Как аналогию можно указать стакан из Варшавы (*Ciepiela*, 1977. Rys. 54), датируемый второй половиной XVIII в. (рис. 1, 11), однако по сравнению с нашим стаканом декор у него более сложный.

№ 304. *Стакан* – кв. 29, яма 1 (рис. 1, 12). Сохранилась полная форма; стекло покрыто коррозией. Форма: тулово цилиндрическое, слегка суживающееся книзу; край выпуклый; дно плоское. Размеры: общая высота – 7,54, диаметр края – 7,47; толщина края – 0,21; толщина тулова внизу – 0,45; диаметр дна – 6,61; толщина дна – 0,79. Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное (помутневшее). Техника изготовления – выдувание в форму; дно подшлифовано.

Как аналогии можно указать стаканы из Варшавы (*Ciepiela*, 1977. Rys. 35, 36), встречающиеся в культурном слое в течение всего XVIII в. (рис. 1, 13).

Тарные сосуды

Штофы – закрытые сосуды с граненым туловом, прямоугольные в поперечном сечении. Найдено три штофа. Все они небольшого размера, по-

видимому, были предназначены для лекарственных настроек. Изготовлены выдуванием в форму, венчик получен прессованием пинцетом с последующим отгибанием наружу. Такие штофы широко известны и встречаются, по крайней мере, до начала XX в. У более ранних на дне следы понтии², у штофов XIX в. на дне часто встречаются надписи, оттиснутые в форме при изготовлении сосуда.

№ 47 – кв. 6, переотложенный слой (рис. 2, 1). Сохранилась полная форма, стекло покрыто коррозией по всей поверхности. Форма: край выпуклый, неровный; венчик наклонный внутрь, отогнутый, деформированный; тулово граненое – призма, слегка расходящаяся кверху (в поперечном сечении квадрат); дно вогнутое. Размеры: общая высота – 10,22; край – диаметр 2,97×2,80; толщина – 0,35; венчик – высота 1,39; диаметр внизу – 3,28; диаметр внутри (устье) – 1,53; тулово – высота 8,34; ширина сверху – 5,85×5,86; ширина внизу (ширина дна) – 5,53×5,43. Цвет серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

В качестве аналогии можно указать штофы из Варшавы (*Ciepiela*, 1977. Rys. 84 – рис. 2, 2).

№ 51 – кв. 24, сооружение 1, помещение 2 (рис. 2, 3). Сохранилась нижняя часть, стекло покрыто коррозией и иризацией по всей поверхности. Форма: тулово граненое – призма, слегка расходящаяся кверху (в поперечном сечении прямоугольник); дно вогнутое. Размеры: ширина внизу (ширина дна) – 4,87×4,21; толщина стенки внизу – 0,46; толщина дна – 0,58. На дне клеймо: в центре стрелка, под ней – цифра 1853. Цвет серо-голубой сильный темный; стекло полупрозрачное. Клеймо получено при выдувании сосуда в рельефную форму.

№ 392 – кв. 18, яма 2 (сооружение 2) (рис. 2, 4). Сохранилась полная форма, стекло покрыто коррозией и иризацией по всей поверхности. Форма: край выпуклый, неровный; венчик наклонный внутрь, отогнутый, деформированный; тулово граненое – призма, слегка расходящаяся кверху (в поперечном сечении квадрат); дно вогнутое. Размеры: общая высота – 4,88; край – диаметр 2,30; толщина – 0,38; венчик – высота 1,05; диаметр внизу – 2,06; диаметр внутри (устье) – 1,21; тулово – высота 3,73; ширина сверху – 3,69; ширина внизу (ширина дна) – 3,73×3,71; толщина стенки сверху – 0,24; толщина стенки внизу – 0,41; толщина дна – 0,61. Цвет серо-голубой сильный темный; стекло полупрозрачное.

² Понтия – железный прут, который прикрепляют ко дну изготавливаемого сосуда для манипуляций с заготовкой, отделенной от выдувальной трубки (*Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 78).

Рис. 2. Закрытые сосуды – штофы из раскопок в Черниговском переулке и аналогии им
1 – № 47; 2 – штоф (Ciepiela, 1977. Rys. 84); 3 – № 51; 4 – № 392; 5 – штоф («Русские морские...», 1996. Рис. 35Б)

Аналогичные штофы найдены в лагере Беринга на Командорских островах («Русские морские...», 1996. Рис. 35, Б-3 – рис. 2, 5).

Бутыли для вина – закрытые сосуды с вытянутым горлом и коническим, расходящимся кверху туловом. На горле ниже края расположена горизонтальная полоска стекла (упор). Дно сильно вогнуто внутрь. В рассматриваемой коллекции имеются три целые формы и 11 фрагментов. В большинстве случаев в месте соединения тулова и горла располагалось клеймо овальной формы с бортиком по краю. Иногда в надписи клейма имеется дата. Бутыли выдували в форму, горло вытягивали, дно формовали на специальном шаблоне. Полоску стекла (упор) на горле накладывали вгорячую. Также вгорячую получали клеймо – после наложения капли стекла ее прессовали специальным штампом с вырезанной надписью.

№ 322 – кв. 29, яма 1 (рис. 3, 1). Сохранилась полная форма со следами коррозии на поверхности. Форма: край плоский асимметричный наружу; ниже края – горизонтальный упор; горло коническое вогнутое, усеченное сверху; тулово коническое расходящееся; дно вогнутое коническое. Клеймо овальное. Размеры: общая высота – 27,3; диаметр края – 2,93; толщина края – 0,78; высота

и толщина упора – 0,41; диаметр упора – 3,23; высота горла – 12,7; диаметр горла (под упором) – 2,42; диаметр горла внизу (диаметр тулова вверху) – 7,78; высота тулова – 14,6; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 7,71; дно вдавлено внутрь на 6,35. Размеры клейма – 2,24×2,33; толщина клейма – 0,38. Изображение не читается. Цвет оливковый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 326 – кв. 29, яма 1 (рис. 3, 2). Сохранилась полная форма со следами коррозии на поверхности. Форма: край плоский асимметричный наружу; ниже края – горизонтальный упор; горло коническое вогнутое усеченное сверху; тулово коническое расходящееся; дно вогнутое цилиндрическое. Клеймо овальное. Размеры: общая высота – 25,3; диаметр края – 3,26; толщина края – 0,50; высота упора – 0,54; диаметр упора – 3,66; толщина упора – 0,61; высота горла – 13,3; диаметр горла (под упором) – 2,53; диаметр горла внизу (диаметр тулова вверху) – 8,77; высота тулова – 12; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 7,78; дно вдавлено внутрь на 4. Клеймо – 2,41×2,04; толщина – 0,47. Надпись на клейме расположена в три строки: «НА (прописью)/ ПОЛ /181 (6)». Цвет оливковый сильный темный; стекло полупрозрачное.

Рис. 3. Закрытые сосуды – бутылки из раскопок в Черниговском переулке
1 – № 322; 2 – № 326; 3 – № 337; 4 – № 292.
(1–3 – с клеймом)

№ 337 – кв. 29, яма 1 (рис. 3, 3). Сохранилась полная форма со следами коррозии на поверхности. Бутылка заткнута пробкой. Форма: край плоский асимметричный наружу; ниже края горизонтальный упор; горло коническое вогнутое усеченное сверху; тулово цилиндрическое вогнутое; дно вогнутое коническое. Клеймо овальное. Размеры: общая высота – 28,3, диаметр края – 3,26; толщина края – 0,52; высота и толщина упора – 0,47; диаметр упора – 3,19; высота горла – 13,8; диаметр горла (под упором) – 2,40; диаметр горла внизу (диаметр тулова вверх) – 7,71; высота тулова – 14,5; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 7,82; дно вдавлено внутрь на 5,61. Клеймо – 2,79×2,61; толщина – 0,62. Изображение на клейме в три ряда: «[стилизованная корона] / ФБГ / 1845». Цвет оливковый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 292 – кв. 29, яма 1 (рис. 3, 4). Сохранилась полная форма со следами коррозии на поверхности. Форма: край плоский асимметричный наружу; ниже края горизонтальный упор; горло коническое вогнутое усеченное сверху; тулово цилиндрическое, чуть-чуть расходящееся кверху; дно вогнутое коническое. Размеры: общая высота – 30,7, диаметр края – 3,21; толщина края – 0,68; высота и толщина упора – 0,41; диаметр упора – 3,41; высота горла – 17,3; диаметр горла (под упором) – 2,62; диаметр горла внизу (диаметр тулова вверх) – 8,89; высота тулова – 13; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 8,84; дно вдавлено внутрь на 5,6. Цвет оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 169 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 1а, 1б). Сохранилось два фрагмента (нижняя и верхняя части, без середины) со следами коррозии на поверхности. Форма: край плоский ровный; ниже края горизонтальный упор; горло коническое вогнутое усеченное сверху; тулово коническое расходящееся; дно вогнутое коническое. Клеймо овальное. Размеры: общую высоту нельзя установить; диаметр края (диаметр горла вверх) – 2,69; толщина края – 0,45; высота и толщина упора – 0,53; диаметр упора – 3,14; высоту горла нельзя установить; диаметр горла внизу – нельзя установить; высота тулова – 16; диаметр тулова вверх – 7,76; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 7,67; дно вдавлено внутрь на 5,75. Клеймо – 2,23×2,27; толщина – 0,47. Изображение на клейме: по бортику – круг из точек, внутри – надпись в четыре строки: «ш./ ФО / Полу/ 1818». Цвет оливковый сильный темный; стекло полупрозрачное.

№ 251 – кв. 29, пласт 15 (рис. 4, 2). Сохранился фрагмент со следами коррозии на поверхности.

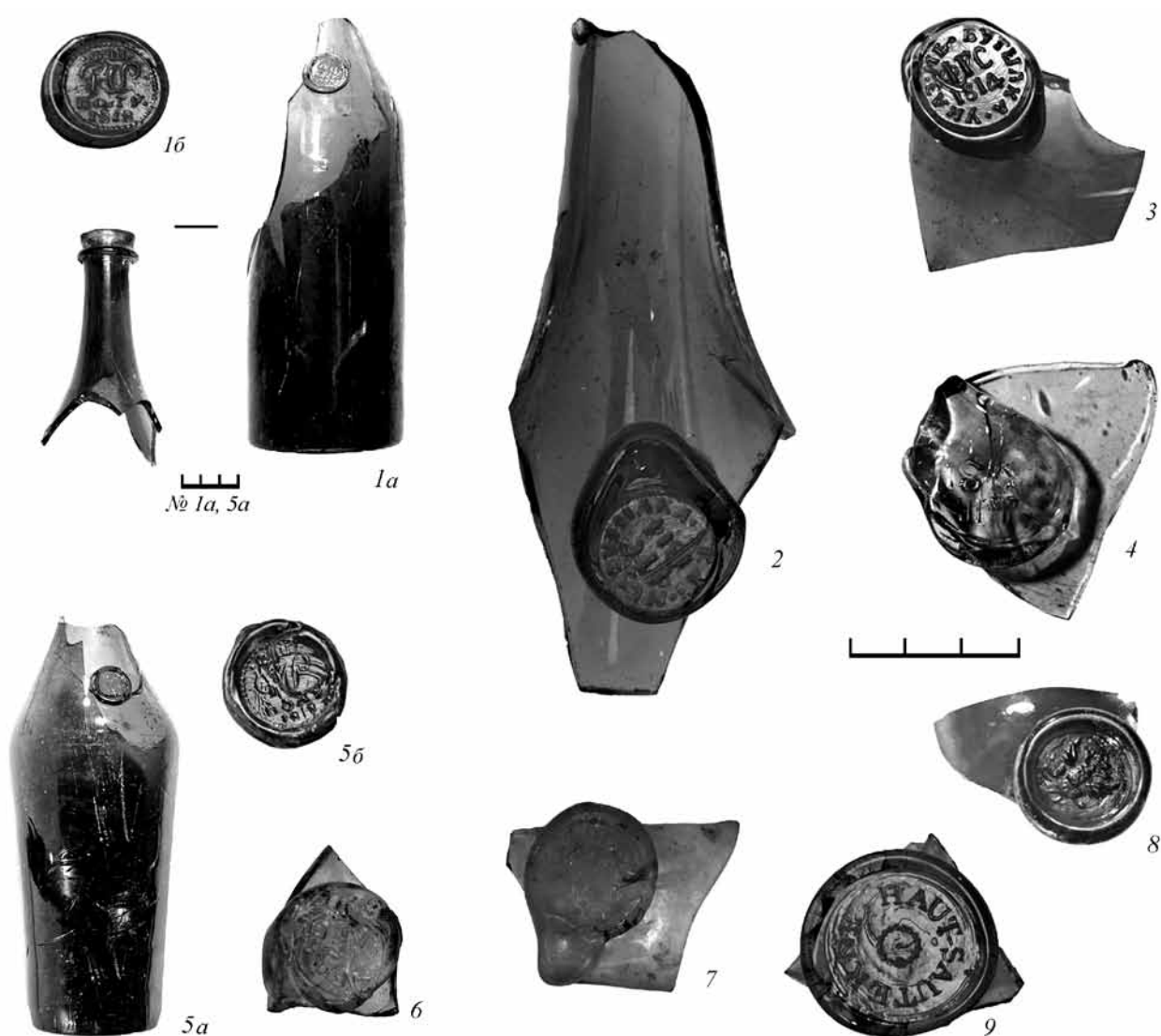

Рис. 4. Клейма бутылей из раскопок в Черниговском переулке. (См. цв. вкл.)

1 – № 169; 2 – № 251; 3 – № 306; 4 – № 315; 5 – № 327; 6 – № 277; 7 – № 287; 8 – № 305; 9 – № 324. (1–6 – с датами)

Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное. Размеры: толщина горла внизу – 0,32; клеймо – 3,23×2,92; толщина клейма – 0,51. Изображение на клейме: по краю кругом – надпись «бутылка ка 3 ме», внутри – надпись в три строки: «фис / ПОЛ / 1814». Цвет оливковый средний; стекло прозрачное.

№ 306 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 3). Сохранился обломок, стекло в хорошем состоянии. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное. Размеры: толщина горла внизу – 0,32; клеймо – 2,83×2,46; толщина клейма – 0,42. Изображение на клейме: по кругу надпись «бутылка указ ме», затем в две строки: «ФГС / 1814». Цвет оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 315 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 4). Сохранился обломок, стекло в хорошем состоянии. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное (сохранилось не полностью). Размеры: толщина горла внизу – 0,21; клеймо длина более 3,61, ширина – 2,61; толщина клейма – 0,41. Изображение на клейме: надпись в три строки – в верхней строке изображение не читается, далее «180 (?) / ШТ». Цвет серо-голубой средний; стекло прозрачное.

№ 327 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 5a, 5b). Сохранился фрагмент со следами коррозии на поверхности. Форма: горло коническое; тулово – коническое расходящееся; дно вогнутое коническое; клеймо овальное. Размеры: диаметр горла внизу (диаметр тулова сверху) – 8,68; толщина горла внизу – 0,41;

высота тулова – 15; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 6,94; дно вдавлено внутрь на 4,81; клеймо – 2,24×2,07; толщина клейма – 0,39. Изображение на клейме: по бортику – точки, внутри в четыре строки надпись: «фш / [вензель] ФО / ПОЛ (Б) /1818». Цвет оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 277 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 6). Сохранился обломок, стекло в хорошем состоянии. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное. Размеры: толщина горла – 0,26; клеймо – 2,38×2,21; толщина клейма – 0,33. Изображение на клейме: надпись в три строки – «БФЗ / УТЫ /1820». Цвет оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 287 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 7). Сохранился обломок со следами коррозии на поверхности. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное, в одну сторону отходит треугольный хвостик. Размеры: толщина горла внизу – 0,17; клеймо – длина (с хвостиком) 3,32; ширина – 2,30; толщина клейма – 0,47. Изображение на клейме: в центре – корона, под ней – прописная буква «Д», справа от короны, по кругу – надпись «пол...» (далее нечетко). Цвет серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 305 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 8). Сохранился обломок со следами коррозии и иризации на поверхности. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо круглое. Размеры: толщина горла внизу – 0,43; диаметр клейма – 2,44; толщина клейма – 0,41. Изображение на клейме: в центре – двуглавый орел, под ним – прописная буква «Д». Цвет оливковый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 324 – кв. 29, яма 1 (рис. 4, 9). Сохранился обломок, стекло в хорошем состоянии. Форма: горло, по-видимому, коническое; клеймо овальное. Размеры: толщина горла внизу – 0,21; клеймо – 3,36×3,41; толщина клейма – 0,51. Изображение на клейме: по кругу надпись «HAUT SAUTERNE», в центре – круг из точек. Цвет оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Бутыли из темного стекла для транспортировки хорошего виноградного вина появились в XVII в. (около 1635–1640 гг.) в Англии и Нидерландах. Современная их форма сложилась к началу XIX в. Полоска стекла вокруг горла использовалась как якорь, вокруг которого обвязывалась лента, фиксируя пробку (McNulty, 1972. Р. 146). Сильно вдавленное внутрь дно способствовало прочности соединения тулова и дна. Даты на бутылочных клеймах относятся к первой половине XIX в. (от 180 (?) до 1845). Все бутылки, за исключением № 324,

русского производства. Бутыль № 324, судя по надписи на клейме, от французского вина сотерна.

Если выстроить надписи на клеймах в хронологическом порядке, получим такую последовательность:

- № 315 – 180 (?) г.
- № 251 – 1814 г.
- № 306 – 1814 г.
- № 326 – 181(6) г.
- № 169 – 1818 г.
- № 327 – 1818 г.
- № 277 – 1820 г.
- № 337 – 1845 г.

Флаконы – это, как правило, небольшие узкогорлые сосудики, предназначенные для лекарств и косметических снадобий. Так же как штофы и бутылки, они различаются по характеру верхних деталей (край, венчик, горло). По форме и аналогиям можно выделить несколько групп флаконов.

Самая многочисленная группа – флаконы со слегка расходящимся сверху (коническим, усеченным снизу) и плавно переходящим к горлу туловом; горло также коническое, усеченное снизу; венчик наклонный наружу, край выпуклый. У некоторых экземпляров видно, что истинный край закрыт тонким слоем стекла (рис. 5, 4). Дно вогнутое, образует небольшой конус. Изготавливали их выдуванием в форму, горло вытягивали, на край накладывали слой стекла и отгибали его, благодаря чему получался наклонный наружу венчик. На дне хорошо сохраняются следы понтии.

№ 258 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 1). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 11,44; диаметр края – 2,35; толщина края – 0,27; диаметр венчика внизу – 1,35; диаметр венчика внутри – 0,94; ширина венчика – 0,59; высота горла – 1,67; диаметр горла вверху – 1,51; диаметр горла внизу – 1,37; высота тулова – 9,77; диаметр тулова вверху – 3,92; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 3,78. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

№ 296 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 2). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 8,81; диаметр края – 2,13; толщина края – 0,28; диаметр венчика внизу – 1,52; диаметр венчика внутри – 1,00; ширина венчика – 0,43; высота горла – 2,47; диаметр горла вверху – 1,52; диаметр горла внизу – 1,35; высота тулова – 6,34; диаметр тулова вверху – 3,06; диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 2,88. Цвет серо-голубой средний; стекло прозрачное.

Рис. 5. Закрытые сосуды – флаконы из раскопок в Черниговском переулке и аналогии им
 1 – № 258; 2 – № 296; 3 – № 297; 4 – № 298 (общий вид и устье); 5 – № 311; 6 – № 318; 7 – № 321; 8 – № 325; 9 – № 329;
 10 – № 400; 11 – флакон (Schaich B., Schaich D., 2012. № 826); 12 – флакон (Schaich B., Schaich D., 2012. № 827).

№ 297 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 3). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 4,46; диаметр края – 1,75; толщина края – 0,26; диаметр венчика внизу – 1,45; диаметр венчика внутри – 0,74; ширина венчика – 0,39; высота горла – 1,44; диаметр горла вверх – 1,45; диаметр горла вниз – 1,21; высота тулова – 3,20; диаметр тулова вверх – 2,05; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 1,93. Цвет серо-голубой средний; стекло прозрачное.

№ 298 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 4). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 9,78; диаметр края – 1,45; толщина края (истинного) – 0,1; толщина венчика – 0,35; диаметр венчика внизу – 1,35; диаметр венчика внутри – 0,94; ширина венчика – 0,60; высота горла – 1,84; диаметр горла вверх – 1,35; диаметр горла вниз – 1,37; высота тулова – 7,94; диаметр тулова вверх – 3,09; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,90. Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное.

№ 311 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 5). Сохранился фрагмент, по всей поверхности покрытый коррозией и иризацией. Размеры: общую высоту нельзя установить; край не сохранился; диаметр венчика внизу – 1,50; диаметр венчика внутри – 0,86; ширину венчика нельзя установить; высоту горла нельзя установить; диаметр горла вверх нельзя установить; диаметр горла вниз – 1,54; толщина горла вверх – 0,25; толщина горла вниз – 0,37; высота тулова – 8,09; высота нижней части – 6,77; диаметр тулова вверх – 3,22; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,95. Цвет серый слабый; стекло прозрачное.

№ 318 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 6). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 5,02; диаметр края – 2,00; толщина края – 0,37; диаметр венчика внизу – 1,18; диаметр венчика внутри – 0,80; ширина венчика – 0,55; высота горла – 1,50; диаметр горла вверх – 1,18; диаметр горла вниз – 1,12; высота тулова – 3,52; диаметр тулова вверх – 2,81; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,57. Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное.

№ 321 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 7). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 11,00; диаметр края – 2,86; толщина края – 0,25; диаметр венчика внизу – 2,04; диаметр венчика внутри – 1,08; ширина венчика – 0,73; высота горла – 1,96; диаметр горла вверх – 2,04; диаметр горла вниз – 1,45; высота тулова – 9,00; диаметр

тулова вверх – 3,86; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 4,02. Цвет серый слабый; стекло прозрачное.

№ 325 – кв. 29, яма 1 (рис. 5, 8). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 7,3; диаметр края – 1,81; толщина края – 0,20; диаметр венчика внизу – 1,22; диаметр венчика внутри – 0,79; ширина венчика – 0,85; высота горла – 1,30; диаметр горла вверх – 1,22; диаметр горла вниз – 1,00; высота тулова – 6,00; диаметр тулова вверх – 2,69; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,46. Цвет серый слабый; стекло прозрачное.

№ 329 – кв. 26, пласт 18 (рис. 5, 9). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 10,50; диаметр края – 2,50; толщина края – 0,21; диаметр венчика внизу – 1,52; диаметр венчика внутри – 0,73; ширина венчика – 0,57; высота горла – 2,05; диаметр горла вверх – 1,52; диаметр горла вниз – 1,33; высота тулова – 8,45; высота нижней части – 6,56; диаметр тулова вверх – 4,50; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,49. Цвет серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное.

№ 400 – кв. 23, яма 2 (рис. 5, 10). Сохранилась полная форма, покрытая пятнами коррозии. Размеры: общая высота – 7,40; диаметр края – 2,48; толщина края – 0,37; диаметр венчика внизу – 1,54; диаметр венчика внутри – 0,89; ширина венчика – 0,77; высота горла – 1,33; диаметр горла вверх – 1,54; диаметр горла вниз – 1,50; высота тулова – 6,07; высота нижней части – 5,20; диаметр тулова вверх – 3,89; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,08. Цвет серо-голубой слабый; стекло полупрозрачное.

Как аналогию можно указать европейские флаконы (рис. 5, 11, 12), встречающиеся, по крайней мере, с 1800 г. (*Schaich B., Schaich D.*, 2012. № 826–830. S. 99).

Следующая группа флаконов близка описанной выше, однако у них место перехода тулова в горло плоское (рис. 6).

№ 174 – кв. 29, пласт 15 (рис. 6, 1). Сохранилась полная форма, покрытая пятнами коррозии и иризации. Размеры: общая высота – 8,70; диаметр края – 2,19; толщина края – 0,25; диаметр венчика внизу – 1,42; диаметр венчика внутри – 0,71; ширина венчика – 0,61; высота горла – 1,50; диаметр горла вверх – 1,42; диаметр горла вниз – 1,14; высота тулова – 7,20; диаметр тулова вверх – 3,05; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,91. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Рис. 6. Закрытые сосуды – флаконы из раскопок в Черниговском переулке

1 – № 174; 2 – № 257; 3 – № 271; 4 – № 282; 5 – № 294; 6 – № 317; 7 – № 323

№ 257 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 2). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 8,68; диаметр края – 2,12; толщина края – 0,25; диаметр венчика внизу – 1,35; диаметр венчика внутри – 0,88; ширина венчика – 0,59; высота горла – 1,58; диаметр горла сверху – 1,35; диаметр горла внизу – 1,24; высота тулова – 7,10; диаметр тулова сверху – 2,82; диаметр тулова внизу (диа-

метр дна) – 2,81. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

№ 271 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 3). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией. Размеры: общая высота – 11,40; диаметр края – 2,74; толщина края – 0,27; диаметр венчика внизу – 1,69; диаметр венчика внутри – 0,92; ширина венчика – 0,73; высота горла – 1,80; диаметр горла сверху – 1,69; диаметр горла внизу – 1,39; толщи-

на горла вверх – 0,24; толщина горла вниз – 0,26; высота тулова – 9,60; диаметр тулова вверх – 4,48; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 4,32. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

№ 282 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 4). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 10,00; диаметр края – 2,46; толщина края – 0,31; диаметр венчика вниз – 1,60; диаметр венчика внутри – 0,98; ширина венчика – 0,61; высота горла – 1,86; диаметр горла вверх – 1,60; диаметр горла вниз – 1,36; высота тулова – 8,14; диаметр тулова вверх – 3,19; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,03. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

№ 294 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 5). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 8,67; диаметр края – 2,40; толщина края – 0,32; диаметр венчика вниз – 1,82; диаметр венчика внутри – 0,95; ширина венчика – 0,67; высота горла – 2,57; диаметр горла вверх – 1,82; диаметр горла вниз – 1,70; толщина горла вверх – 0,26; высота тулова – 6,10; диаметр тулова вверх – 5,03; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 4,55. Цвет серый средний светлый; стекло прозрачное.

№ 317 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 6). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Размеры: общая высота – 9,43; диаметр края – 2,02; толщина края – 0,40; диаметр венчика вниз – 1,11; диаметр венчика внутри – 0,69; ширина венчика – 0,64; высота горла – 1,31; диаметр горла вверх – 1,11; диаметр горла вниз – 1,14; высота тулова – 8,12; диаметр тулова вверх – 3,73; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,61. Цвет серо-голубой слабый; стекло полупрозрачное.

№ 323 – кв. 29, яма 1 (рис. 6, 7). Сохранилась полная форма, покрытая пятнами коррозии и иризации. Размеры: общая высота – 9,57; диаметр края – 2,25; толщина края – 0,22; диаметр венчика вниз – 1,57; диаметр венчика внутри – 0,92; ширина венчика – 0,60; высота горла – 1,45; диаметр горла вверх – 1,57; диаметр горла вниз – 1,38; толщина горла вверх – 0,24; высота тулова – 8,12; диаметр тулова вверх – 3,33; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,12. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Еще одна группа флаконов находит параллели в преискуранте аптечной и больничной посуды 1913 г. (Ритинг, 1913). Здесь прослеживается большее разнообразие форм и технологических приемов (рис. 7).

№ 1 – кв. 11, сооружение 1, помещение 1 (рис. 7, 1). Сохранилась полная форма с локальными пятнами коррозии. Форма: край плоский; венчик горизонтальный наружу; горло коническое; тулово коническое расходящееся, плоское сверху; дно плоское. Размеры: общая высота – 5,41; диаметр края – 2,31; толщина края – 0,42; диаметр венчика вниз – 1,81; диаметр венчика внутри – 1,40; ширина венчика – 0,44; высота горла – 1,50; диаметр горла вверх – 1,81; диаметр горла вниз – 1,87; высота тулова – 3,91; диаметр тулова вверх – 2,63; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 2,56. Цвет коричневый сильный светлый; стекло прозрачное. Техника изготовления: основа выдута в форму, горло вытянуто, венчик отогнут. Следов понтии нет, на дне цифры, полученные при выдувании основы в рельефную форму. Аналогия – флакон № 3147 из каталога Ритинга (1913).

№ 24 – кв. 6, переотложенный слой (рис. 7, 2). Сохранилась полная форма с локальными пятнами коррозии. Форма: край плоский (настоящий край закрыт полосой стекла); горло коническое расходящееся; тулово плоское, эллипсоид; слегка расширяется вверх; дно плоское. Размеры: общая высота – 9,93; диаметр края – 1,97; толщина края – 0,50; высота полосы стекла – 0,43; высота горла – 2,53; диаметр горла вверх – 1,75; диаметр горла вниз – 1,70; высота тулова – 7,48; ширина тулова вверх – 4,14×3,01; ширина тулова вниз (ширина дна) – 4,04×3,00. На тулове выпуклый декор – по контуру широких сторон по два concentрических (контурных) прямоугольника, закругленных вверх. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное. Техника изготовления: флакон выдут в рельефную составную форму, на край наложена полоса стекла. Следов понтии нет. Как аналогию можно указать № 3052 из каталога Ритинга (1913).

№ 42 – кв. 11, сооружение 1, помещение 1 (рис. 7, 3). Сохранилась полная форма с локальными пятнами коррозии. Форма: край плоский (настоящий край закрыт полосой стекла); горло коническое, вогнутое, усеченное сверху; тулово цилиндрическое, вогнутое, закруглено вверх; дно плоское. Размеры: общая высота – 14,00; диаметр края – 2,15; толщина края – 0,36; высота полосы стекла – 0,75; высота горла – 2,61; диаметр горла вверх – 2,15; диаметр горла вниз – 2,68; высота тулова – 11,39; диаметр тулова вверх – 6,11; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 6,09. На дне снаружи, в центре, вогнутый декор – многолепестковая розетка, составленная из вытянутых двойных треугольников. По краю дна надпись «ЕСЗ-д; 4». Цвет серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное. Техника изготовления:

Рис. 7. Закрытые сосуды – флаконы из раскопок в Черниговском переулке

1 – № 1; 2 – № 24; 3 – № 42; 4 – № 59; 5 – № 69; 6 – № 95; 7 – № 135

флакон выдут в рельефную составную форму, на край наложена полоса стекла. Следов понтии нет, декор и надпись на дне получены при выдувании основы в рельефную форму. Аналогия – флакон № 3142 из каталога Ритинга (1913).

№ 59 – кв. 14, сооружение 1, помещение 1 (рис. 7, 4). Сохранился фрагмент (верхняя часть) с локальными пятнами коррозии. Форма: край плоский (настоящий край закрыт полосой стекла); горло цилиндрическое; тулово плоское, призма (пирамида), 8-гранное; дно не сохранилось. Размеры: диаметр края – 2,56; толщина края – 0,67;

высота полосы стекла – 0,52; высота горла – 2,61; диаметр горла сверху – 2,13; диаметр горла внизу – 2,11; ширину одной из сторон тулова сверху нельзя установить, ширина сохранившейся стороны – 3,06. На широкой грани тулова – рельефная надпись «АПТЕКА». Цвет серый слабый; стекло прозрачное. Техника изготовления: флакон выдут в составную форму, на край наложена полоса стекла, на дне следы понтии. Аналогия можно указать в каталоге Ритинга (1913. № 3118).

№ 69 – кв. 7, переотложенный слой (рис. 7, 5). Сохранилась полная форма со слоем коррозии вну-

Рис. 8. Флаконы с граненым туловом из раскопок в Черниговском переулке

1 – № 275; 2a – № 185; 2б – надпись на флаконе № 185 (прорисовка выполнена Т. Поддаевой); 3 – № 182

три. Форма: край плоский (настоящий край закрыт полосой стекла); горло коническое расходящееся; тулово коническое, закругленное сверху; дно вогнутое. Размеры: общая высота – 8,70; диаметр края – 8,20; толщина края – 0,38; высота полосы стекла – 0,63; высота горла – 2,40; диаметр горла вверх – 1,59; диаметр горла вниз – 1,56; высота тулова – 6,11; диаметр тулова вверх – 3,23; диаметр тулова вниз (диаметр дна) – 3,33. Цвет серо-голубой сильный темный; стекло прозрачное. Техника изготовления: флакон выдут в составную форму, на край наложена полоса стекла. Следов понтии нет, на дне цифры, полученные при выдувании основы в рельефную форму. Аналогия имеется в каталоге Ритинга (1913, № 3125).

№ 95 – кв. 11, сооружение 1, помещение 1 (рис. 7, 6). Сохранилась полная форма с локальными пятнами коррозии. Форма: край плоский (настоящий край закрыт полосой стекла); горло цилиндрическое, выпуклое; тулово плоское – пирамида (8 граней) расходящаяся, усеченная снизу, сверху закруглена; дно вогнутое. Размеры: общая высота – 10,90; диаметр края – 2,30; диаметр края

внутри – 1,01; высота полосы стекла – 0,45; ширина полосы стекла – 0,63; высота горла – 2,94; диаметр горла вверх – 1,89; диаметр горла вниз – 1,87; высота тулова – 7,96; ширина тулова вверх – 4,28×2,70; ширина тулова вниз (ширина дна) – 4,16×2,47. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное. Техника изготовления: основа выдута в форму, горло вытянуто, венчик отогнут. Следов понтии нет, на дне цифры, полученные при выдувании основы в рельефную форму. Аналогия известна в каталоге Ритинга (1913, № 3118).

№ 135 – кв. 24, сооружение 1, помещение 2 (рис. 7, 7). Сохранилась полная форма, по всей поверхности покрытая коррозией и иризацией. Форма: край плоский; венчик горизонтальный наружу; горло коническое расходящееся; тулово коническое, закругленное сверху; дно вогнутое, в центре конус. Размеры: общая высота – 7,23; диаметр края – 1,75; толщина края – 0,34; диаметр венчика вниз – 1,43; диаметр венчика внутри – 1,00; ширина венчика – 1,39; высота горла – 2,17; диаметр горла вверх – 1,43; диаметр горла вниз – 1,39; высота тулова – 5,06; диаметр тулова вверх – 2,63;

диаметр тулова внизу (диаметр дна) – 2,49. Цвет серо-голубой слабый; стекло прозрачное. Техника изготовления: флакон выдут в составную форму (внизу конус, сверху разъемная, образующая завершение тулова и горло), на край наложена полоса стекла, образующая венчик. Следов понтити нет, на дне цифры, полученные при выдувании основы в рельефную форму.

Отдельно отметим фрагменты флаконов с граненым туловом и надписями на гранях (рис. 8).

№ 275 – кв. 29, яма 1 (рис. 8, 1). Сохранился фрагмент, по всей поверхности покрытый коррозией и иризацией. Форма: тулово граненое призматическое; дно плоско-выпуклое внутри. Размеры: ширина тулова внизу (диаметр дна) – 1,80×1,67; толщина тулова внизу – 0,19. На стенках – вертикальные рельефные надписи: «(...)EATH», «(...)D.VY», «(PEPE)RMINT», «(...)ERS». Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: основа выдута в рельефную форму, на дне следы понтити; надпись получена при выдувании в рельефную форму. Как аналогию можно указать № 3113 из каталога Ритинга (1913).

№ 185 – кв. 29, пласт 15 (рис. 8, 2а). Сохранился фрагмент, по всей поверхности покрытый коррозией и иризацией. Форма: тулово граненое призматическое; дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу (ширина дна) – 3,59×3,61; толщина тулова сверху – 0,26; толщина тулова внизу – 0,44. На двух соседних стенках – горизонталь-

ная рельефная надпись (см. прорись на рис. 8, 2б). Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: основа выдута в рельефную форму, на дне следы понтити; надпись получена при выдувании в рельефную форму.

№ 182 – кв. 29, пласт 15 (рис. 8, 3). Аналогичен № 185. Форма: тулово граненое призматическое; дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу (диаметр дна) – 3,53×3,44; толщина тулова внизу – 0,45; толщина дна – 0,69. На двух соседних стенках – горизонтальная рельефная надпись. Цвет серый слабый; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: основа выдута в рельефную форму, на дне следы понтити; надпись получена при выдувании в рельефную форму.

Значительная часть стекланных сосудов происходит из комплекса ямы 1. В частности, именно в ней найдены практически все датированные клейма, за исключением № 169, ранние флаконы со следами понтити на дне, бокал с накладным декором (№ 310), а также резные лампада (№ 313) и стакан (№ 314). Еще одна яма (№ 2) содержала расписной стаканчик (№ 429), стопу с накладным декором (№ 366), аптечный штоф (№ 392) и флакон (№ 400).

Особый интерес рассматриваемому набору сосудов придает наличие большого количества бутылочных клейм с датами. Любопытны также флаконы начала XIX в., атрибуция которых важна при вычленении поздних комплексов.

Литература

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX вв. М.: ГИМ. 255 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с.

Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л., 1987. Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа. 303 с.

Лихтер Ю. А., 2015. Новые находки стекланных изделий в Москве (Замоскворечье)//АП. Вып. 11. С. 501–525.

Ритинг И., 1913. Прейскурант аптечной и больницы посуды и принадлежностей для ухода за больными Общества Стекланного производства И. Ритинг. СПб.

Рожанківський В. Ф., 1959. Українське художнє скло. Київ: АН УССР. 152 с.

Русские морские экспедиции XVIII в. М.: Подводный мир, 1996. 239 с.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 141 s.

McNulty R. H., 1972. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a neglected area of study//Annales du 5 congrès international d'Etude Historique du verre. Liege. P. 145–152.

Miller's glass buyer's guide. London: Octopus Publishing group Ltd., 2004. 320 p.

Polak A., 1975. Glass. Its tradition and its makers. N. Y.: G. P. Putnam's Sons. 224 p.

Schaich B., Schaich D., 2012. Glass des Alltags. Muenchen: Birgit + Dieter Schaich. 103 s.

Yu. A. Likhter

**Glass vessels from excavations on Chernigovsky pereulok (Moscow)
Excavations during 2015**

Summary

During archaeological excavations, fragments of glass vessels were found – including vials of foreign manufacture of the 18th – 19th centuries (see Fig 5), a wine-glass with appliqué decoration (№ 310), a small

glass (№ 429), lamps (№ 313), and a glass (№ 314). Particular interest in this group of glass vessels is caused by the large number of bottle labels with dates from the beginning of the 19th century through to 1845.

В. Ю. Тютюнов, А. А. Парфенов, С. Е. Сергеев, Е. А. Погодина

**Средневековые горные выработки по добыче белого камня
в низовьях реки Лубянки в бассейне реки Мочи
(по материалам работ спелестологов)**

Введение в проблему

Добыча белого камня (известняка) на территории России для культового, военного и гражданского строительства велась с XI в. Первые ломки камня происходили в местах естественного выхода известняка по берегам рек, по трещинам отдельности и по пласту без особых расчисток. Далее для добычи строительного материала приходилось проводить расчистки каменных пластов от песка, глины и другого балласта, перекрывающего их. Так по берегам рек появились древние прибрежные микрокарьеры. Возраст карьеров по добыче камня всегда немного древнее каменных построек, а первые белокаменные сооружения на территории Руси датированы X в. (Новгород и Псков). Полностью белокаменные владимирские храмы были построены в XII–XIII вв.

В те времена добывался определенный по своим физико-химическим свойствам известняковый пласт, наиболее подходящий для строительства в наших климатических условиях. Его добыча осуществлялась при помощи ручного инструмента, и проведение значительных по площади вскрышных работ наземным (открытым) способом с целью выхода на пласты качественного строительного материала было трудновыполнимым для большинства ломщиков камня.

Поэтому на протяжении нескольких столетий, практически до 20-х гг. XX в., ломка камня проводилась подземным способом.

Так появились подземные горные выработки по добыче белого камня – известняка, используемого для различных видов строительства. Этот вид деятельности был особо распространен в Московской, Тверской, Тульской, Калужской и Рязанской областях.

Хочется отметить, что в конце XIX в. и особенно в первой четверти XX в., с появлением современной карьерной техники, способ добычи белого камня подземными горными выработками практически сошел на нет. Хотя до сих пор для строительства и реставрации белокаменных построек камень в карьерах добывают без использования взрывчатых веществ.

Появление каменоломен в определенном месте и в определенное время в большинстве случаев было связано с наличием выходов камня на данной территории, людей, готовых его добывать, потребностей в этом строительном материале и возможностью его добычи. По различным причинам в некоторых подземных выработках добыча прекратилась от 100 до 500 лет назад. Различные природные факторы разрушали входы в каменоломни, засыпали их грунтом и таким образом сохранили их в первозданном виде.

Закрытые в данный момент каменоломни являются археологическими законсервированными объектами, сохранившими до наших дней весь комплекс подземных горных выработок со всеми присущими этому промыслу артефактами. Они являются прямыми свидетельствами строительства с использованием белого камня на данной или близлежащей территории. В отличие от единичного артефакта каменоломню, как целостный производственный комплекс своей эпохи, подделать практически невозможно, поэтому любая закрытая подземная горная выработка является уникальным археологическим памятником.

В этой статье мы хотим рассказать о работах, проводившихся группой «Черное Солнце» в южном Подмоскowie, в нижнем течении р. Лубянка (левый приток р. Мочи), в период с 2001 по 2015 г. (рис. 1).

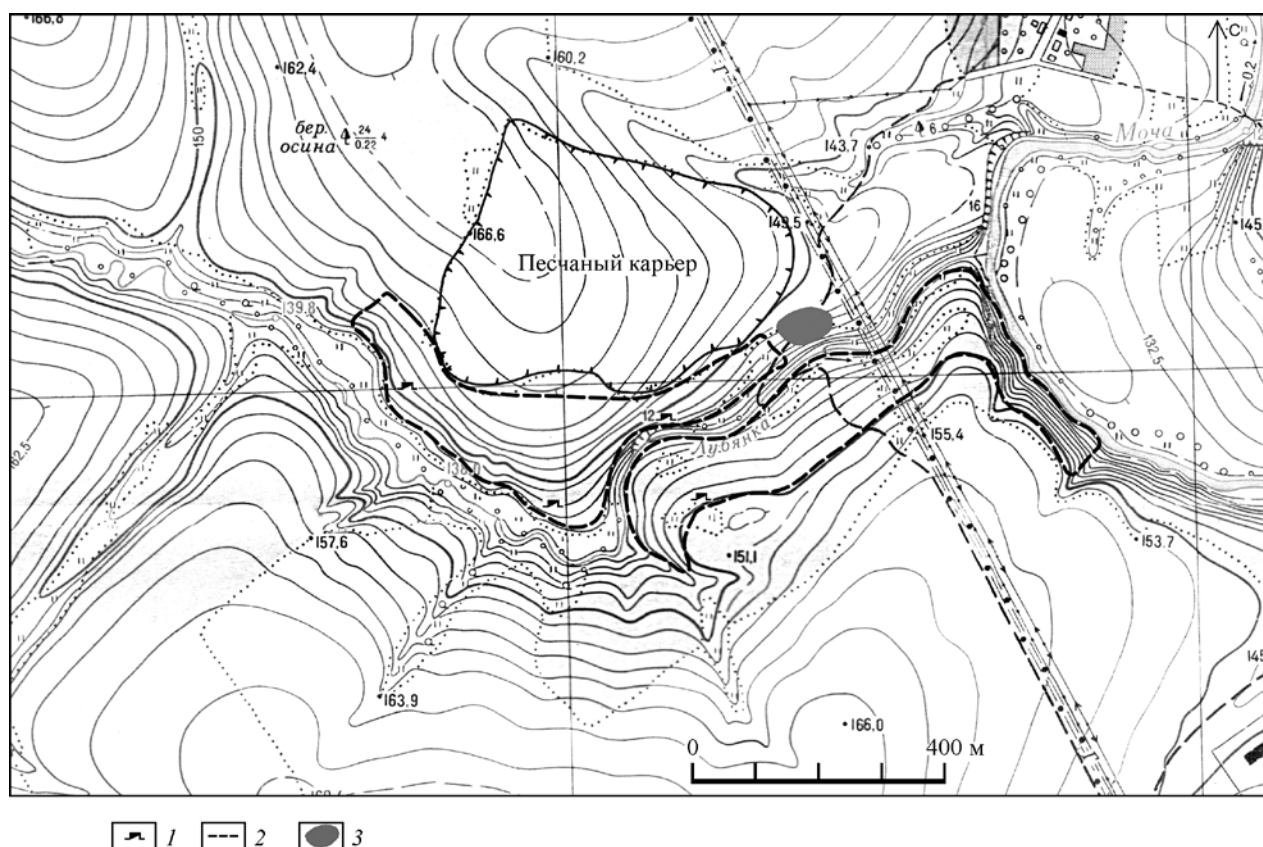

Рис. 1. Район проведения разведочных спелестологических работ в нижнем течении р. Лубянки (левый приток р. Мочи). 2001–2016 гг. (фр-т листа карты N-37-015)

1 – вход в каменоломню; 2 – зона проведения разведочных работ;
3 – селище Акишово 1 (д. Лубня); 4 – шурф; 5 – печь для обжига

История спелестологических исследований в низовьях Лубянки

На сегодняшний день в пределах Лубянского спелестологического блока известны три подземные полости – «Солнечная», «Мандула», «Лисий Лаз», скорее всего, являющиеся сохранившимися фрагментами одной большой каменоломни (Долотов, Парфенов, 2013. С. 96–107). Первые исследования района проводились группой ГКС (Группа краеведов-спелеологов) под руководством И. Ю. Прокофьева в 1970 г. Группой обнаружена полость «Лисий Лаз» и составлена ее карта. Также обследованы прилегающие участки по р. Пахре и р. Моче. По итогам работ составлены рукописные отчеты. В 1999 г. в рассматриваемом районе начали активно работать по спелестотематике М. Ю. Сохин, Ю. А. Долотов, А. А. Парфенов, А. И. Прохоренко и другие. Впоследствии из костяка этой группы было организовано РОСИ – Российское общество спелестологических исследований. До 2001 г. ими проведена расчистка входа в каме-

ноломню «Лисий Лаз» и повторное ее картирование (Долотов, 2001. С. 10–14).

В. Ю. Тютюнов и С. В. Михайлов, работая в составе поисковой группы под руководством М. Ю. Сохина, 10 мая 2001 г. вскрыли ранее неизвестную в этом спелесторайоне полость, названную впоследствии «Мандула».

В мае 2001 г. после тщательного изучения дневной поверхности левого берега р. Лубянка был заложен шурф, которым вскрыта еще одна подземная горная выработка, названная впоследствии каменоломней «Солнечная» («Лубянка-5»). Первичный осмотр каменоломни показал ее большую протяженность – более 1,5 км. В течение 2001 г. проведено более десятка полевых выездов, во время которых осуществлялись работы по топосъемке подземной части каменоломни, а также дневной поверхности над ней. Выполнялась подземная расчистка рухнувших сводов штреков с целью поиска их возможных продолжений.

Каменоломня «Лисий Лаз» («Лубянка-2», «Лисья»). Полость имеет один вход, представляющий

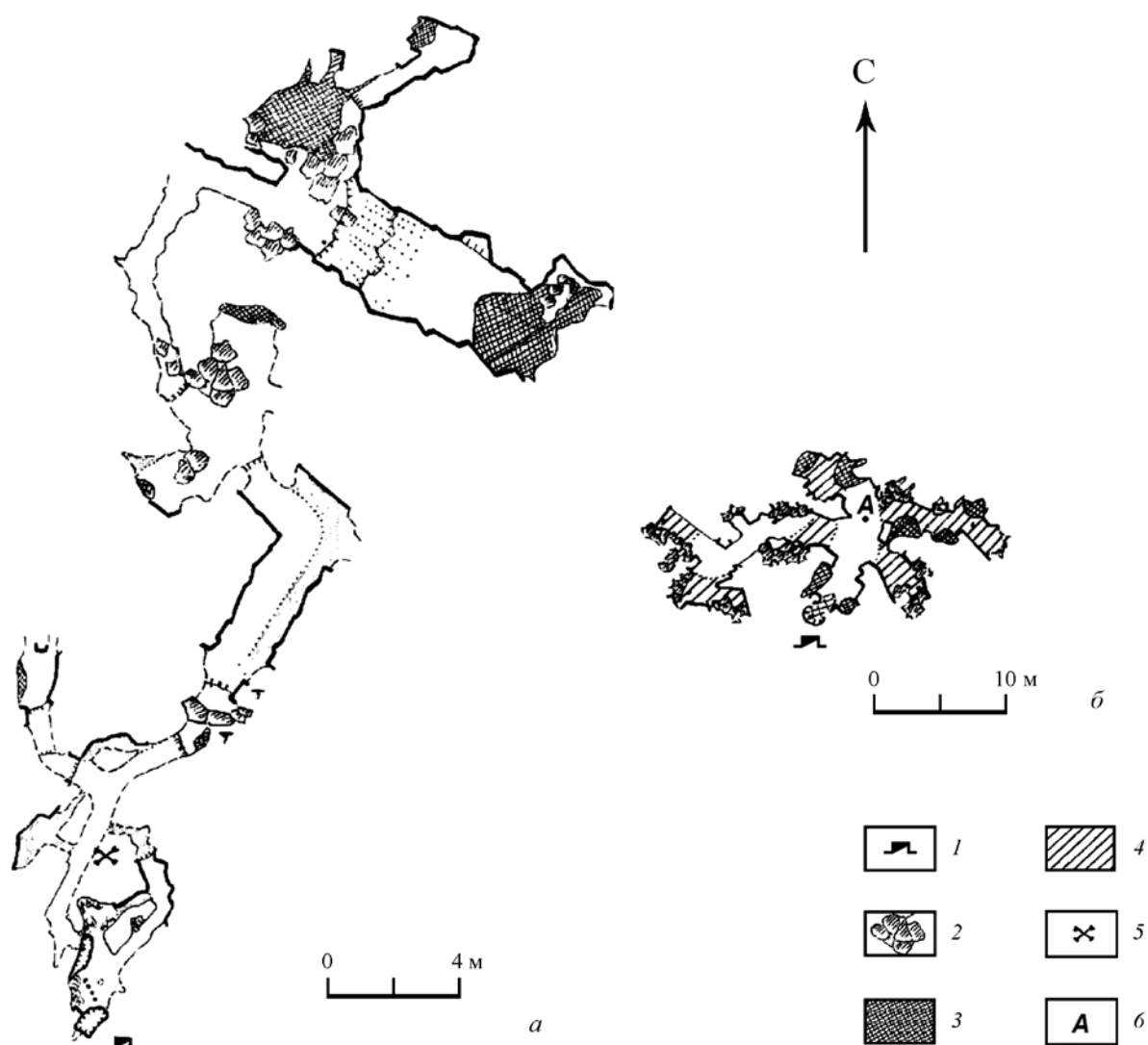

Рис. 2. Планы каменоломен

а – «Лисий Лаз» («Лубянка-2», «Лисья»). Съемка А. А. Парфенова, М. Ю. Сохина, компьютерная обработка С. Е. Сергеева; *б* – «Мандула» («Лубянка-4»). Съемка Ю. А. Долотова, Д. В. Курковского, компьютерная обработка С. Е. Сергеева. 1 – вход в каменоломню; 2 – бут (отвал неликвидного камня и глины); 3 – обвал кровли; 4 – глиняный конус; 5 – кости животных; 6 – археологические находки

собой колодец прямоугольного сечения, глубиной 1,2 м. Колодец находится в торце точильного рва¹ длиной 18 м. Кровля полости расположена на отметке 1,2 м от поверхности. Полость уходит под склон на 40–50 м и вытягивается вдоль р. Лубянки на 20–30 м. Со всех сторон она ограничена непроходимыми завалами (рис. 2, *а*). Пространственная структура полости достаточно сложная. Ненарушенные участки соединены между собой узкими лазами в завалах. Привходовая часть постоянно

замывается поступающим с поверхности грунтом. Обрушения в полости распространены повсеместно и занимают не менее 80% общей площади. Полость абсолютно сухая. «Лисий Лаз» является единственной доступной полостью в пределах Лубянского спелестологического участка, известной до 2001 г.

Каменоломня «Мандула» («Лубянка-4»). Полость имеет один вход, представляющий собой колодец прямоугольного сечения глубиной 2,0 м. Колодец находится в торце точильного рва

¹ Точильный ров – искусственное сооружение при входе в каменоломню, на склонах, приспособленное для выноса из нее готовой продукции (блоков камня).

Рис. 3. Керамическая кружка из каменоломни «Мандула»

длиной 19 м. Кровля полости расположена на отметке 1,6 м от поверхности. Полость уходит под склон на 10–15 м и вытягивается вдоль р. Лубянки на 20–30 м. Со всех сторон она ограничена непроходимыми завалами (рис. 2, б). Пространственная структура полости достаточно проста. Сохранились только две откаточные выработки. Обрушения в полости распространены очень широко и занимают не менее 40% общей площади. Наиболее крупные завалы сосредоточены на флангах. Полость абсолютно сухая. На стенах выработок достаточно широко распространены штрихи, возникшие при чистке лучины. Протяженность полости составляет около 50 м, возможные дальнейшие проходы отсечены обвалами разного генезиса.

В полости сделана интересная археологическая находка – керамическая кружка (рис. 2, б; 3). Она изготовлена на гончарном круге из беложгущейся глины с примесью мелкого песка. Для удобства пользования в верхней части сосуда

имеется слив для жидкости. Внутренняя поверхность кружки покрыта зеленой глазурью. После формовки сосуд был срезан от подставки гончарного круга при помощи нити. Ее высота – 9 см, диаметр по краю венчика – 11,5 см, диаметр донца – 7 см. С внешней стороны кружки в районе носика-слива наблюдается темное пятно, напоминающее нагар.

Каменоломня «Солнечная» («Лубянка-5»). Полость имеет один вход, это колодец прямоугольного сечения глубиной 1,5 м. Колодец находится в торце точильного рва длиной 23 м. Кровля полости расположена на отметке 1,4 м от поверхности.

Полость уходит под склон на 100–120 м и вытягивается вдоль р. Лубянки на 130–150 м. С севера она ограничена линией забоев, а с запада и востока – непроходимыми завалами. Пространственная структура полости очень сложная (рис. 4). Добыча камня велась в несколько этапов. Направление горных работ и главные откаточные выработки при этом менялись. Довольно четко отслеживаются выработки последнего этапа разработки. Это так называемые выметенные штреки, почва которых старательно очищена от бута и как бы разметена. В полости очень много небольших колонных залов, чаще всего частично забутованных. В восточной части имеются три довольно больших участка, отделенных от основной части полосой обрушений и имеющих по одному проходу. Это Правая система, система «Большие кирпичи» и Обвальная система. Две последние соединены проходом, зафиксированным в завале и расчищенным при обследовании каменоломни. Обрушения в полости занимают не менее 15% общей площади. Наиболее крупные завалы сосредоточены на флангах. У пикета № 248 найдены весьма редко встречаемые в Московской обл. образования железа, представленные землистыми массами и корками бурого минерала – гётита и гидрогётита, обладающего стеклянным блеском и яркой радужной побежалостью.

Полость характеризуется крайне слабой обводненностью. Участки, где вода капала бы с потолка, отсутствуют. В прибрежной части имеется ряд провальных воронок, поглощающих временные водотоки и являющихся, по всей видимости, понорами. Почва у пикетов № 20 и 21 покрыта тонким слоем наносного песка, на котором прослеживаются следы временных водотоков и водобойные ниши. Таким образом, можно утверждать, что незначительная обводненность в прибрежной части носит сезонный характер и связана со снеготаянием и затяжными дождями.

Рис. 4. План каменоломни «Солнечная» («Лубянка-5»). Съемка А. А. Парфенова, М. Ю. Сохина, Ю. А. Долотова, В. Ю. Тютюнова, компьютерная обработка С. Е. Сергеева

1 – вход в каменоломню; 2 – бут (отвал неликвидного камня и глины); 3 – обвал кровли; 4 – глиняный конус; 5 – археологические находки и графические изображения; 6 – подход к склону (точильный ров); 7 – готовые не вывезенные блоки камня. A1 – подсчеты на стене; A2 – рисунок весов; A3 – развал керамического кувшина; A4 – фрагменты кожаных изделий

Вскрытие продуктивного пласта осуществлялось горизонтальными штольнями с берега р. Лубянки. При добыче камня отдельные выработки соединялись между собой, образуя сложный лабиринт штреков. При добыче белого камня использовался аналог современной камерно-столбовой системы разработки с закладкой очистного пространства некондиционными обломками известняка. Расположение забоев говорит о том, что целики-колонны целенаправленно формировались непосредственно при добыче известняка.

Кровля в каменоломне удерживалась колоннами-целиками различной формы и размеров. Очень часто встречаются вытянутые по форме колонны. Расстояние между ними составляет от 2 до 4 м. На многих колоннах сохранились полочки для светильников со следами копоти и угольные штрихи от чистки лучины.

Значительную часть нагрузки принимали на себя бутовые стенки вдоль главных откаточных выработок. Часть стенок возводилась в качестве подпорных для исключения просыпания рыхлого материала и известковой мелочи в штреки, но в большинстве случаев стенки выложены под свод и сильно нагружены самим сводом. В отдельных местах наблюдается даже выдавливание бутовой стенки в штрек. Стенки сложены из глыб мелких и средних размеров, причем кладка, как правило, не очень аккуратная. Забутовка за стенками навалена под кровлю и дополнительно удерживает ее. Большинство обрушений произошло на участках, где отсутствует забутовка.

Породные коржи и слабые блоки в кровле подпирались деревянными стойками. Древесина почти полностью истлела и превратилась в труху, а от стоек сохранились лишь отверстия в почве и изредка – скелетоподобная сердцевина бревен, торчащая в бугре. Порода древесины, используемой для крепления, визуально определить в настоящее время невозможно.

Карбонатная толща, вскрытая горными выработками, представлена известняками, местами доломитизированными, доломитами и мергелями. По трещинам широко распространены выцветы окислов и гидроокислов железа, придающие породам желто-коричневую окраску.

Находки

Несмотря на явную древность и отсутствие открытого входа, археологических находок в полости сделано очень мало. Необходимо пояснить, что количество артефактов сильно разнится от размера каменоломни и от их возраста. В древности, когда

каменоломни разрабатывались преимущественно крестьянами, любой металлический инструмент был дорог, и в случае поломки он, как правило, выносился на поверхность для перековки. В каменоломнях же XIX в. количество находок в разы больше, да и сохранность их значительно лучше.

На стенах выработки, а в отдельных случаях и на кровле, встречено большое количество рисунков и штрихов, выполненных углем. В большинстве случаев это беспорядочные штрихи, возникшие при чистке лучины, но есть несколько специально произведенных композиций, в том числе так называемые подсчеты объемов добытого камня. Такой способ подсчетов прослеживается во всех каменоломнях вплоть до середины XIX в. Возле пикета № 98 на монолитной колонне нанесены ряды палочек и перечеркнутых крестом кружочков (рис. 4; 5, а). У пикета № 252 найден рисунок аптекарских весов (рис. 4; 5, б), слева от которых изображено маховое крыло птицы или ветка хвойного дерева, а справа – цветок на длинной ножке. Рисунки представлены в виде единой композиции. Различные рисунки и надписи, выполненные как детьми, так и взрослыми, встречаются практически во всех каменоломнях. Они очень интересны, разнообразны и требуют отдельного изучения и систематизации.

В Правой системе у пикета № 246 обнаружен развал белоглиняного керамического кувшина (рис. 4; 6), изготовленного на гончарном круге из беложгущейся глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосуда имеет кремовато-белый оттенок. Тулово с четырех сторон декорировано спиральями, нанесенными при помощи кисти красно-коричневой минеральной краской. Высокую горловину опоясывают полосы шириной 12–15 мм, нанесенные той же краской. Высота кувшина – 25 см, максимальный диаметр – 17 см. Дно сосуда диаметром 9,5 см несет следы срезания с гончарного круга при помощи нитки. Срезание готового изделия с гончарного круга является признаком изготовления сосуда путем вытягивания из комка глины на ножном гончарном круге (либо знакомства с таким способом производства керамики). Находясь в каменоломне, кувшин мог использоваться как светильник. В его придонной части внутри сохранились следы копоти. Она могла образоваться в том случае, если на дно сосуда ставилась свеча.

При первом обследовании полости каменоломни «Солнечная» у пикета № 235 найдены фрагменты кожаного изделия очень плохой сохранности. У пикета № 156 в системе «Большие кирпичи» обнаружены остатки кожаной сумки с мелкими

Рис. 5. Каменоломня «Солнечная». (См. цв. вкл.)

а – подсчеты углем на стене (колонне); *б* – рисунок весов углем на стене (колонне);
в – остатки кожаной сумки на камне; *г* – не вывезенные обработанные блоки известняка

костями пресноводных рыб (рис. 4; 5, *в*). В двух забоях обнаружены обработанные блоки в количестве около 20 шт., размером $25 \times 20 \times 65$ см (рис. 5, *г*). Размер блоков по длине примерно в два раза больше стандартных блоков, характерных для XIX в. Это достаточно редкая находка, поскольку готовая продукция сразу вывозилась и продавалась.

Судя по затесам на известняке (рис. 7, *а*), для добычи камня в данной каменоломне применялся стандартный для тех времен инструмент – кайло, клинья, лом, пешня. В каменоломне «Солнечная» найдена ударная часть от кайла.

Возраст каменоломни

Определение возраста каменоломни зачастую является сложной задачей, особенно при отсутствии каких-либо упоминаний в архивных мате-

риалах. При датировке каменоломни «Солнечная» мы опирались на отсутствие упоминаний о ломках камня в районе р. Лубянки в книге Ю. Азанчеева (1894. С. 86–100). Так как эта книга издана в 1894 г. и чрезвычайно подробно описывала все действовавшие на тот момент каменоломни, то, очевидно, каменоломня «Солнечная» явно старше 1890-х годов.

При осмотре и топосъемке каменоломни отмечена крайне плохая сохранность деревянных крепей: все они упали, и от них остались только следы в виде трухи (рис. 7, *б*). Также в каменоломне отсутствуют лучины, которые использовались для освещения, хотя обычно в каменоломнях первой половины XIX в. лучины встречаются и поштучно, и пачками (рис. 7, *в*). Сам по себе этот факт уже относил каменоломню к XVIII в.

Рис. 6. Керамический кудрин из каменоломни «Солнечная». (См. цв. вкл.)

Дополнительные исследования каменоломни «Солнечная» в 2015 г. вскрыли ранее не замеченные аспекты разработки. В этой каменоломне добыча камня прекратилась одномоментно во всех поздних (крайних) забоях системы. Это видно по сложенным в кучи и не вывезенным крупным, не характерным по размерам для XIX в. блокам известняка (рис. 4). Этот факт косвенно свидетельствует о возрасте каменоломни наряду с такими, как сохранность крепей. Пытаясь понять, что послужило причиной массового оставления под землей добытого камня, готового к продаже, мы выдвинули две версии.

1. Страшная болезнь, уничтожившая всех в деревне.

Однако даже при такой ситуации выживает 20–30% населения. При этом в каменоломне должен был остаться металлический инструмент, и люди попытались бы вывезти готовую продукцию с целью продажи.

2. Указ Петра I от 1714 г. о запрете строительства каменных зданий по всей стране, кроме Санкт-Петербурга.

Вторая версия видится нам более достоверной, т.к. готовый камень не вывезен, а инструмент для добычи камня полностью отсутствует. Это можно связать с тем, что вся разработка добычи белого камня здесь была приостановлена единовременно. Добытый камень был брошен в каменоломнях.

Рис. 7. Каменоломня «Солнечная»

а – затесы от инструмента на стенах; *б* – остатки деревянной крепи на полу; *в* – зарубка под лучину на стене со следами копоти; *г* – вскрытый фрагмент печи для обжига на берегу р. Лубянка

Отсутствие какого-либо инструмента может объясняться тем, что каменотесы были организованно переселены в другое место и имели возможность забрать с собой свой инструмент из каменоломен. Возможно, по этой же причине целые деревни, специализировавшиеся на добыче белого камня, полностью прекратили свое существование. Например, в 30–40-е годы XVIII в. перестало функционировать селище XVII–XVIII вв. Акишово-1, расположенное в 0,1 км к востоку от каменоломни «Солнечная». Это селище можно связывать с бывшей д. Лубня (Лубники, Лубинка), локализуемой по картам XVIII в. Скорее всего, в этой деревне жили люди, занимавшиеся добычей известняка.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить датировать окончание разработки каменоломни «Солнечная» 1714–1715 гг.

Дальнейшие спелестологические исследования в долине р. Лубянка продолжались с разной интенсивностью вплоть до настоящего времени. В 2002 г. заложено несколько шурфов на орографически левом берегу р. Лубянка. Но эти шурфы

по разным причинам не вскрыли значительных участков каменоломен. Правый берег р. Лубянки практически не исследовался в связи со сплошным полем воронок неясного происхождения; кто-то считал, что это обвалившиеся штреки, а кто-то говорил об открытых карьерах. Лишь в 2014 г. группа «Черное Солнце», уже накопившая огромный опыт вскрытия старых и древних каменоломен, вернулась на этот участок. В 2015 г. в результате дополнительных исследований правого берега р. Лубянка и закладки семи шурфов начала проясняться история данного участка (рис. 1). В том числе был вскрыт фрагмент каменоломни, расположенный в 60 м от реки. Его удалось зафиксировать в шурфе на глубине более 10 м. Шурф заложен на месте воронки диаметром 1,5 м, которая образовалась в результате просадки грунта в полость каменоломни.

Выяснилась многостадийность разработки данного участка. Сначала были каменоломни, предполагаемый их возраст – более 300 лет. Позже проводилась карьерная (открытая) добыча известняка

для обжига на известь. В результате этой деятельности часть берега с прибрежными фрагментами каменоломни полностью сработана.

На правом берегу ручья Лубянка в древних точильных рвах каменоломен найдены печи для обжига извести. В данный момент можно с уверенностью говорить про одну такую печь (вскрыт фрагмент, рис. 1; 7, 2). Еще несколько (6–7) печей ждут своих исследователей.

Надо специально подчеркнуть, что на территории Московской области на данный момент не известно подземных горных выработок с целью добычи известняка для белокаменного строительства возрастом ранее XVIII в., кроме каменоломен Лубянского спелестологического блока.

В настоящее время входы во все перечисленные каменоломни закрыты в результате обвалов шурфов.

Все собранные под землей археологические находки готовятся для передачи в музей-заповедник «Горки Ленинские» и историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье», расположенный в г. Подольске. В настоящее время сотрудники музея-

заповедника «Горки Ленинские» разрабатывают новую экспозицию «Путь белого камня».

Конечно, одна небольшая каменоломня не прольет свет на огромный пласт деятельности русского народа – добычу белого камня для строительства России белокаменной. Важной задачей является сохранение подобных объектов археологического наследия. Дачная коттеджная застройка и иная хозяйственная деятельность негативно влияют на сохранность древних горных выработок. Например, застроены коттеджами западная и восточная части Сальковской каменоломни, застраиваются Выползовские и Добрятинские карьеры, расположенные на восточной окраине г. Подольска. Требуют срочной постановки на государственную охрану спелестологические комплексы, расположенные в низовьях р. Десны от д. Алхимово до с. Дубровицы, в долине среднего и нижнего течения р. Лубянка, в долине р. Пахры в черте г. Подольска (Лемешевские, Беляевские, Зеленевские карьеры, выработки на Красной Горке), в нижнем течении р. Пахры от Горок Ленинских до ее приустьевой части (д. Камене-Тяжино).

Литература

Азанчеев Ю. Д., 1894. Каменоломни и разработки простых полезных ископаемых в России. СПб. 352 с.
Долотов Ю. А., 2001. Вскрытия пещер в 1999 году // Спелестологический ежегодник РОСИ 2000. М.: РОСИ-РОСС. С. 10–14.

Долотов Ю. А., Парфенов А. А., 2013. Подземные горные выработки на территории Новой Москвы // Геоэкологические проблемы Новой Москвы. М.: Медиа-ПРЕСС. С. 96–107.

V. Yu. Tiutiunov, A. A. Parfenov, S. E. Sergeyev & E. A. Pogodina

Medieval stone-quarrying residues from white-stone works in the lower reaches of the Lubyanka River in the basin of the Mocha River (based on speleological research)

Summary

This article presents a write-up of stone-quarrying residues from an abandoned quarry to the south of Moscow – which seems to have ceased operations in the early 18th century. The quarry produced white

stone for use in building work in Moscow. During the investigations at the quarry, ceramics and sketches on the walls of the quarried area were found.

Керамологические исследования

С. З. Чернов

Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век

Введение в научный оборот закрытых комплексов керамики и вещей сельских поселений Московской Руси, которые содержат монеты (или с ними сопряжены) и имеют радиоуглеродные даты, открывает новые возможности для уточнения датировок керамики и других находок. В то же время эти материалы ставят перед исследователями вопросы, которые показывают, насколько сложным для интерпретации археологическим источником являются подземные части жилых построек.

Если обратиться к данным, на которых базируются наши представления об этапах бытования керамики, изготавливавшейся на территории Московской земли в XV в., то оказывается, что уверенно выделяются лишь закрытые комплексы первой и последней четвертей этого столетия.

Первая группа комплексов отражает этап, наступивший после выхода из употребления серой (постдревнерусской) посуды¹. Они включают красноглиняную грубую керамику, которая абсолютно преобладает и сочетается с небольшим количеством столовой краснолощеной посуды. Таковы комплексы из ямы 1 селища Михайловское-2 в волости Воря, идентифицируемого с деревней села Муромцева, которая к 1447–1455 гг. обратилась в пустошь (Чернов, 1991а. С. 30. Табл. 132–134), и сруба 7 Исторического проезда в Москве, в котором была найдена московская берестяная грамота № 1, датированная по палеографическим признакам 1410–1430-ми гг. (Чернов, 1997б. С. 140).

Иной набор керамических типов отражают комплексы второго типа. Они были обнаружены в ходе раскопок на Историческом проезде в Мос-

кве (1988 г.) в подземных частях построек, сгоревших во время пожара 1493 г. Замощение Красной площади, произведенное вскоре после 1493 г., надежно отделяло эти сооружения от позднейших напластований (Чернов, 1991а. С. 50). Основу комплексов образует красноглиняная гладкая керамика (72–81%), среди которой значительный процент составляла красноглиняная гладкая ранняя, выделенная как переходный тип (Бойцов, 1991). Кроме того, присутствуют белоглиняная грубая (18–14%), краснолощеноя (3–4%), ангобированная (1,5–4%) и чернолощеноя (0,7–2%) керамика.

Долгое время комплексы, которые отражали бы промежуточные стадии бытования керамики, не удавалось выделить. В Зарядье сооружения, залегавшие под прослойкой 1468 г., располагались в культурном слое, и в их составе имелись находки из более ранних отложений (Чернов, 1991б. С. 20). В постройке 1 селища у Воскресенского погоста вместе с краснолощеном кувшином была обнаружена красноглиняная гладкая ранняя посуда, технологически более развитая, чем красная керамика Михайловского-2 (МК, 1991. Табл. 137), однако датировать это сооружение не представлялось возможным. Наконец, на селище Котово (Истринский р-н) были обнаружены закрытые комплексы керамики (ямы 1, 2, 6, давшие сочетание красноглиняной грубой керамики с красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой и мореной в соотношении 71/2/21/4, 56/22/5/17, 67/1/6/1. Встречены своеобразные формы завершения красноглиняных сосудов: с нависающим валиком снаружи, с краем, резко отогнутым наружу под 45 градусов, срезанные (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. Рис. 6, 3; 8, 5; 11, 8).

¹ Наиболее поздним комплексом (его нельзя признать в полной мере закрытым), содержащим серую керамику, остается строительный горизонт Тушкова городка, содержащий монету Василия I или Дмитрия Донского с арабской легендой с именем Тохтамыша на обороте, чеканенную между 1383 и 1398 гг. (Рабинович, 1959. С. 281).

Авторы исследования датировали эти сооружения последней четвертью XV в., следуя в русле существующих представлений о распространении морской и белой грубой керамики в этот период. Между тем в яме был найден кривовидный крест-тельник (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 107. Рис. 3, 4), а подобные вышли из употребления после первой трети XV в.

Материалы раскопок Шестого Дунинского селища позволили вернуться к вопросу о датировке комплексов котовского типа.

Работы на Шестом Дунинском селище являлись частью программы раскопок волостных деревень Московского княжества (Chernov, Erschova, 2013; Чернов, 2015). Это небольшое селище, расположенное в 5,5 км к В от г. Звенигорода, представляло значительный интерес для изучения этой темы. Селище идентифицировано с волостной д. Власьевской, которая входила около 1404 г. в домениальное владение звенигородских князей, а позднее принадлежало Саввино-Сторожевскому монастырю. По данным археологического обследования, оно возникло в XIII в. и имело преемственную связь с крупными вятскими поселениями XI – XII вв. в долине р. Москвы. При Дунино-6 был выявлен – впервые в Московской области – деревенский грунтовый могильник середины XIV–XV в. Его исследование позволило проследить особенности православного погребального обряда того времени (Чернов, 2016), сделать ряд наблюдений о состоянии здоровья населения и установить антропологический тип этой группы (Чернов, Гончарова, 2015).

В 2012 г. на селище на месте намеченной к строительству деревянной церкви Ксении Блаженной² проведены раскопки (161 кв. м), открывшие сельскую усадьбу, давшую яркий комплекс находок XV в. (рис. 1). Эти материалы позволяют во многом по-новому увидеть материальную культуру, занятия жителей и экономику крестьянского хозяйства. Однако, как часто бывает в подобных случаях, историческая информация, потенциально заложенная в материале, может быть прочитана лишь после решения ряда источниковедческих задач, связанных с пониманием археологических комплексов данного типа.

Шестое Дунинское селище расположено в 5,5 км к В от Звенигорода, в 0,8 км от д. Дунино и занимает покрытую сосновым бором возвышенность («гриву»), ограниченную на Ю Артельским оврагом, а на С – равниной, распространяющейся до Москвы-реки. С 3 селище ограничено кладбищем, возникшим в 1941 г., и артелью «Металлист», созданной в 1919 г. У подножия возвышенности до XVIII в. пролежала Старая Можайская дорога. Она показана на плане земельной дачи с. Козино 1760-х гг. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к), а к 1844 г. обратилась в проселочную дорогу «из сельца Поречье в село Иславское» (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. К-49с).

Селище обнаружено на поляне в западной части возвышенности (Чернов, 1997а. С. 11) (рис. 1). В 2011 г. для изучения поселения были заложены четыре линии шурфов общим числом 22 (размерами 1×0,5 м). Они охватили всю возвышенность и позволили очертить границы селища (Чернов, 2011). Анализ полученного керамического материала показал, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. поселение занимало вершину возвышенности и часть северного склона, во второй половине XIV – XV в. охватило западную часть возвышенности и весь склон, а в XVI в. достигло площади 8000 кв. м. Со второй половины XIV и по начало XVI в. жители селения хоронили усопших на его восточной окраине (Чернов, 2016) (рис. 1).

В 2012 г. в западной части возвышенности был заложен раскоп площадью 161 кв. м (Чернов, 2012). К моменту начала работ старинная поляна-покос была освобождена от кустарника, который сформировался после прекращения ее обработки под огороды в начале 2000-х гг. Раскоп I был ориентирован по странам света и имел крестовидную форму (рис. 2), повторяя пятно застройки будущей церкви. Два пересекающихся трансепта образовывали западный, центральный, восточный, северный и южный участки. Перекрестие трансептов, под которым была позднее открыта яма 1, лежало на отметках +55/+45 см³. К 3 от него поверхность культурного слоя повышалась на 10 см, по остальным направлениям наблюдались понижения: к С – на 30 см, к В – на 70–80 см, а к Ю – на 50–65 см⁴.

² Передача земли приходу для возведения кладбищенской часовни во имя Ксении Блаженной стала основанием для согласия администрации на признание границ памятника археологии и недопущения застройки на его территории.

³ Нивелировка на всех участках производилась от нулевого репера, за который был принят верх бетонного столбика, расположенного к ЮВ от раскопа (163,14 м в Балтийской системе высот) (рис. 1).

⁴ Восточный и южный участки были накрыты балластным песком (10–30 см), который отсыпан в 1980-е годы при строительстве асфальтированной дороги. Уровень поверхности культурного слоя дается без учета балласта.

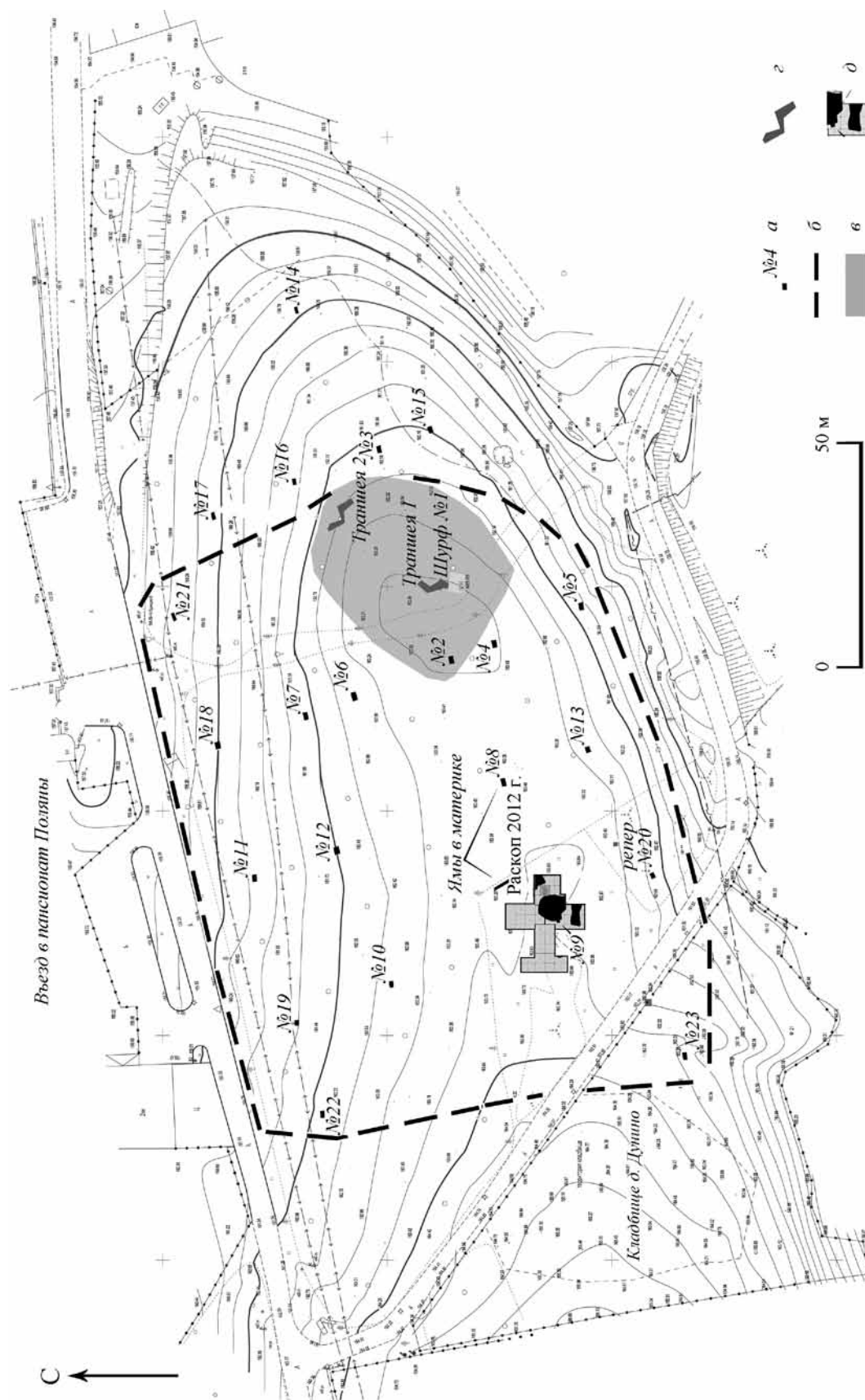

Рис. 1. План селища Дунино-6 и раскоп 2012 г.

а – шурф и его номер; б – границы селища; в – грунтовый могильник; г – траншеи 1941 г., затронувшие погребения Дунинского грунтового могильника; д – раскоп 2012 г. и выявленные в нем ямы от построек XV в.

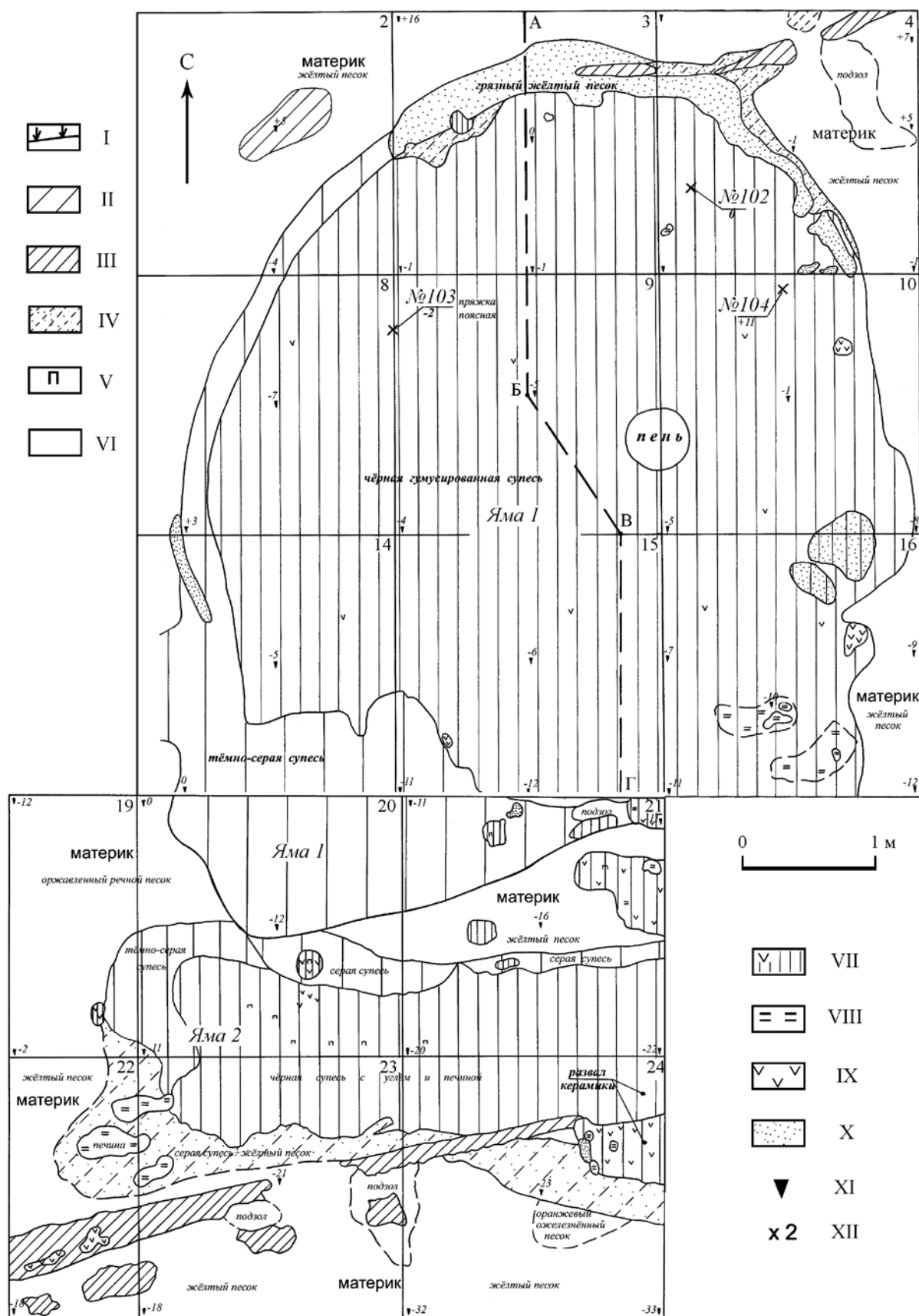

Рис. 2. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1 в зачистке материка. План

I – современная поверхность и дерновый слой; II – серо-бурая супесь (горизонт верхнего культурного слоя, переработанный в ходе процессов лугового почвообразования); III – темно-серая супесь (верхний культурный слой, не переработанный в ходе процессов лугового почвообразования); IV – бурый слабо гумусированный песок (смесь материкового песка с фрагментами гумусового горизонта палеопочвы); V – светлая супесь (подзолистый горизонт погребенной почвы); VI – бурая супесь и желтый песок (бурый горизонт погребенной почвы) – материк; VII – темно-серая и серо-бурая гумусированная супесь – заполнение ям в материке средневекового времени; VIII – обожженная глина; IX – уголь; X – песок грязный; XI – нивелировочные отметки; XII – индивидуальные находки и их номера

Разборка верхнего культурного слоя велась под наблюдением научного сотрудника отдела нумизматики ГИМ И. В. Волкова⁵. При этом особое внимание уделялось предварительному исследованию культурного слоя с помощью металлодетектора с выставлением маркеров, чтобы при разборке слоя надежно выявлять находки из металла⁶. На втором этапе работ исследовались сооружения в материке. Фиксация их велась автором при участии сотрудников ИА РАН О. Н. Глазуновой и Е. Ю. Лебедевой⁷.

Верхний слой селища:

выделение материалов, связанных с усадьбой

Дерновый, активно гумусированный слой черного цвета имел мощность не более 5–8 см. Под ним на всем пространстве раскопа залегал верхний слой, представлявший собой темно-серую супесь с включениями желтого материкового песка, вскрывавшийся пластами 1–2. Его мощность колебалась от 20 см в западной и северной частях раскопа до 30–37 в его центре и до 15–20 см в его южной и восточной частях (рис. 1, профили).

Этот слой, переотложенный и турбированный в результате распахки, эпизодически производившейся на поляне в XX в., залегал непосредственно на материке. Слой был богат керамикой и находками. Материк представлял собой желтый крупнозернистый речной песок и был нарушен корнями растений, ходами землеройных животных и следами распахки, прослеживавшимися в западной и южной частях раскопа в виде параллельных борозд (до 10 см), заполненных серой супесью, фиксировавшихся в 40–60 см друг от друга в направлении СВ – ЮЗ (рис. 3).

В верхнем слое найдено 1608 фрагментов керамики, из которых после статистической обработки в коллекцию было взято 303 фрагмента (венчики, донца, ручки, крышки, орнаментированные фрагменты). Анализ типологического состава керамики из верхнего слоя показал, что активная хозяйственная деятельность велась здесь довольно

долгое время, которое совпадает с тремя этапами бытования керамики.

Первый этап представлен курганной (древнерусской) (2,3%) и серой (постдревнерусской) (7,5%) керамикой, которые сосуществовали в первой половине XIV в. Ко второму этапу относятся типы, бытовавшие на протяжении первой – третьей четвертей XV в.: красноглиняная грубая (40,5% коллекции), краснолощенная (2,8%) и красноглиняная гладкая ранняя керамика (20,8%) – всего 72,3% материала. Третьему этапу соответствуют типы, которые по существующим представлениям о керамическом производстве Московской Руси получили распространение в последней четверти XV в. и продолжали бытовать до конца XVI в.: белоглиняная грубая (14,2%), белоглиняная гладкая (1%), мореная и чернолощенная (1,5%), ангобированная (4,7%) керамика – всего 21,4% материалов верхнего слоя. Незначительный процент белоглиняной гладкой керамики свидетельствует, что после кризиса 1570-х годов жилья на месте раскопа уже не было.

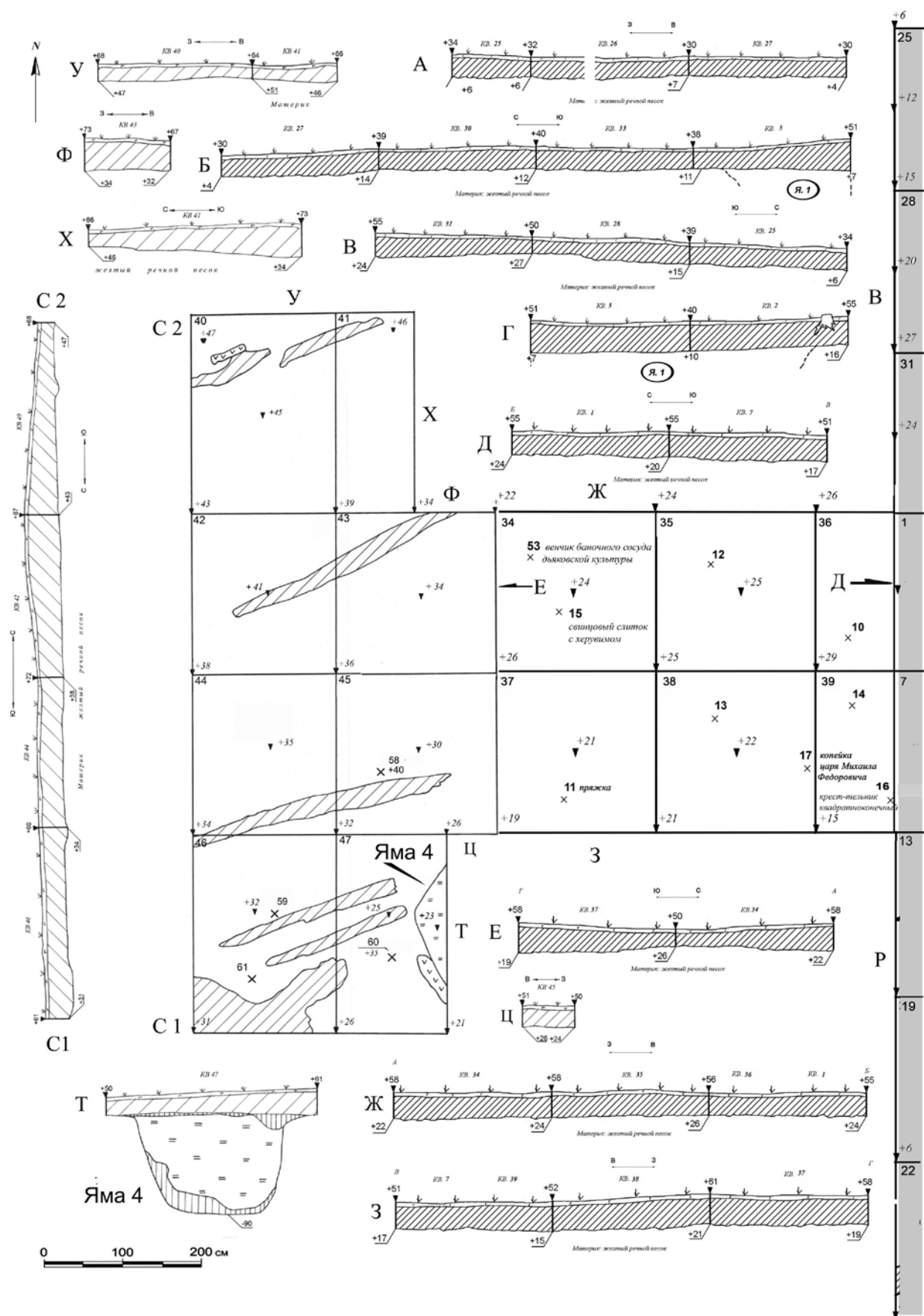
Керамический материал второго этапа надежно связан с функционированием усадьбы XV в., следами которой являются ямы 1, 2, 3 и 4, обнаруженные в материке. Материалы первого периода не находят соответствия в комплексах из ям и, по всей видимости, по большей части отражают хозяйственную периферию поселения второй половины XIII – первой половины XIV в., ранее зафиксированного к СВ от места раскопа (Чернов, 2016. С. 72. Рис. 2А). Сложнее всего интерпретировать третью группу типов. До изучения закрытых комплексов из ям в материке остается неясным, в какой части она отложились в ходе жизни усадьбы, а в какой степени отражает периферию жилых дворов XVI в., которые располагались где-то поблизости от раскопа.

Незначительный процент керамики более позднего времени (поливная – 0,2%, гладкостенная – 2,2%) отражает разовые посещения этого места в XVIII–XIX вв.

⁵ При участии Т. С. Дьячкова, Д. В. Овчинникова, М. С. Захарова, С. Д. Мельникова, А. И. Орлова.

⁶ Эту работу вели Е. Ю. Гончаров (ИБ РАН), Д. Е. Гончаров, С. Б. Дашков и Э. В. Угрик.

⁷ Работа с металлодетектором велась С. С. и А. С. Черновыми.

За вычетом предметов XVIII–XX вв.⁸ в верхнем слое обнаружены 54 находки.

Вначале отмечу те из них, которые хронологически предшествуют формированию культурного слоя. Венчик лепного сосуда баночной формы диаметром 24 см с орнаментом в виде круглых вдавлений, нанесенных через 4 см (рис. 4, 53, кв. 34), аналогичен сосудам из нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 476–480. Рис. 178–182) и отражает хозяйственную деятельность небольшого поселения дьяковского времени, которое существовало в 60 м к В от раскопа (Чернов, 2016. С. 74, 77. Рис. 7, А, Б).

Для понимания предыстории древнерусского поселения важна находка центральной части семиплостного височного кольца типа «Сельцо», выполненного из низкопробного серебра (рис. 5, 38, кв. 4, гл. +14 см) и датированного XI – первой половиной XII в. (Недошивина, 1980. С. 109, 110; Равдина, 1968. С. 140). Эта находка связана с ранним этапом жизни поселения, который маркируется культурным слоем с курганной керамикой, зафиксированным в центральной части возвышенности. Поскольку на селище не обнаружено слоев столь раннего времени, можно предположить, что височное кольцо сохранялось в быту населения, пришедшего сюда в XIII в.

Остальные 52 находки представляют определенное единство, которое проявляется в их топографии и хронологии. Находки распределяются довольно компактно: над ямой 1 и в радиусе 8 м от ее центра (рис. 3). В западной части раскопа они отсутствуют (исключение – псалий и полоса у ямы 4 – рис. 4, 59, 60).

В хронологическом плане находки укладываются в период XIV – начало XVII в. *Terminus ante quem* этого комплекса задают две серебряные копейки царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), изготовленные в технике проволочной чеканки. Первая из них, найденная в центре раскопа (рис. 5, 17, кв. 38, гл. +40 см), имела вес 0,47 г, отчеканена на Псковском монетном дворе в 1617–1627 гг. (Мельникова, 1989. Табл. 10, 1–1; Гришин, Клецинов, 2001. № 659)⁹. Вторая, найденная близ восточной стенки раскопа (рис. 5, 34, кв. 12, гл. +17 см), имела вес 0,44 г и отчеканена на Московском монетном дворе около 1619–1620 гг. (Мельникова,

1989. Табл. 8, 10–14; Гришин, Клецинов, 2001. № 415). Нижняя хронологическая грань комплекса, как будет видно из дальнейшего изложения, размыта.

Из бытовых предметов, выполненных из железа, наиболее многочисленны черешковые ножи, три из которых найдены над ямой 1, два – у ямы 3 и один – к СЗ от ямы 1 (рис. 6, 12 (кв. 35), 22 (кв. 9), 26 (кв. 33), 36 (кв. 29), 45 (кв. 5)). Интересна массивная торцевая обоймица или тыльник ножа миндалевидной формы (рис. 6, 42, кв. 12). К С от ямы 1 (в 3 и 6 м) найдены пружины от навесных цилиндрических замков (рис. 6, 1, кв. 30; 6, кв. 25), а в 1 м к СВ от нее – ключ от цилиндрического замка типа В (рис. 6, 40, кв. 4). Следует обратить внимание на то, что этот ранний тип замков бытовал со второй половины XII до начала XV в. (Колчин, 1982. С. 162. Рис. 3). Имеются поясные пряжки – округлая (рис. 6, 11, кв. 37) и трапецевидная (рис. 6, 44, кв. 6), два поясных кольца (рис. 6, 32, кв. 14; рис. 4, 55, кв. 10), серия накладок (видимо, на кожу), две из которых имели отверстия для крепления (рис. 6, 23, кв. 14; 3, кв. 29), одна сохранила крепежные штифты (рис. 6, 14, кв. 39), а другая имела стреловидную форму (рис. 6, 4, кв. 26).

О занятиях жителей усадьбы говорит ряд предметов из железа. Для обработки дерева использовалось массивное долото (длиной 18 см) с заостренным лезвием (рис. 4, 51, кв. 7). Присутствуют гвозди (рис. 4, 56, 57, кв. 10; 58, кв. 45). Об обработке полотна, кожи или меха свидетельствуют швейные иглы (рис. 5, 8, кв. 1; 9, кв. 1; 24, кв. 15), найденные над ямой 1 и в метре к СЗ от нее, и сапожные гвоздики (рис. 5, 21, кв. 8; 43, кв. 6), зафиксированные над ямами 1 и 3. О наличии в хозяйстве лошади говорит псалий (рис. 4, 59, кв. 46). Ощущается близость Москвы-реки. Встречена заготовка для рыболовного грузила – камень округлой формы диаметром 4 см, в котором начали просверливать дырку для веревки (рис. 4, 52, кв. 29). Еще одно грузило выполнено из глины и имеет форму цилиндра (рис. 4, 27, кв. 21), оно обнаружено над ямой 2 и, судя по всему, происходит из верхней части ее заполнения. Третье грузило изготовлено из обломка сосуда (рис. 4, 46, кв. 11). Имеется и полуфабрикат изделия из кости (полевой номер 49, кв. 24).

⁸ К XVIII–XIX вв. относятся ружейный кремль (рис. 5, 2) и пуговица из медного сплава (рис. 3, 28), к XX в. – биллоновая монета 50 грошей Польской Республики 1923 г. (рис. 5, 7), советские 15 копеек 1931 г. (№ 29) и 20 копеек 1932 г. (№ 30), монета изразца (№ 54) и обрзок листа бронзы (№ 61).

⁹ Здесь и далее все определения монет выполнены научным сотрудником Государственного исторического музея И. В. Волковым.

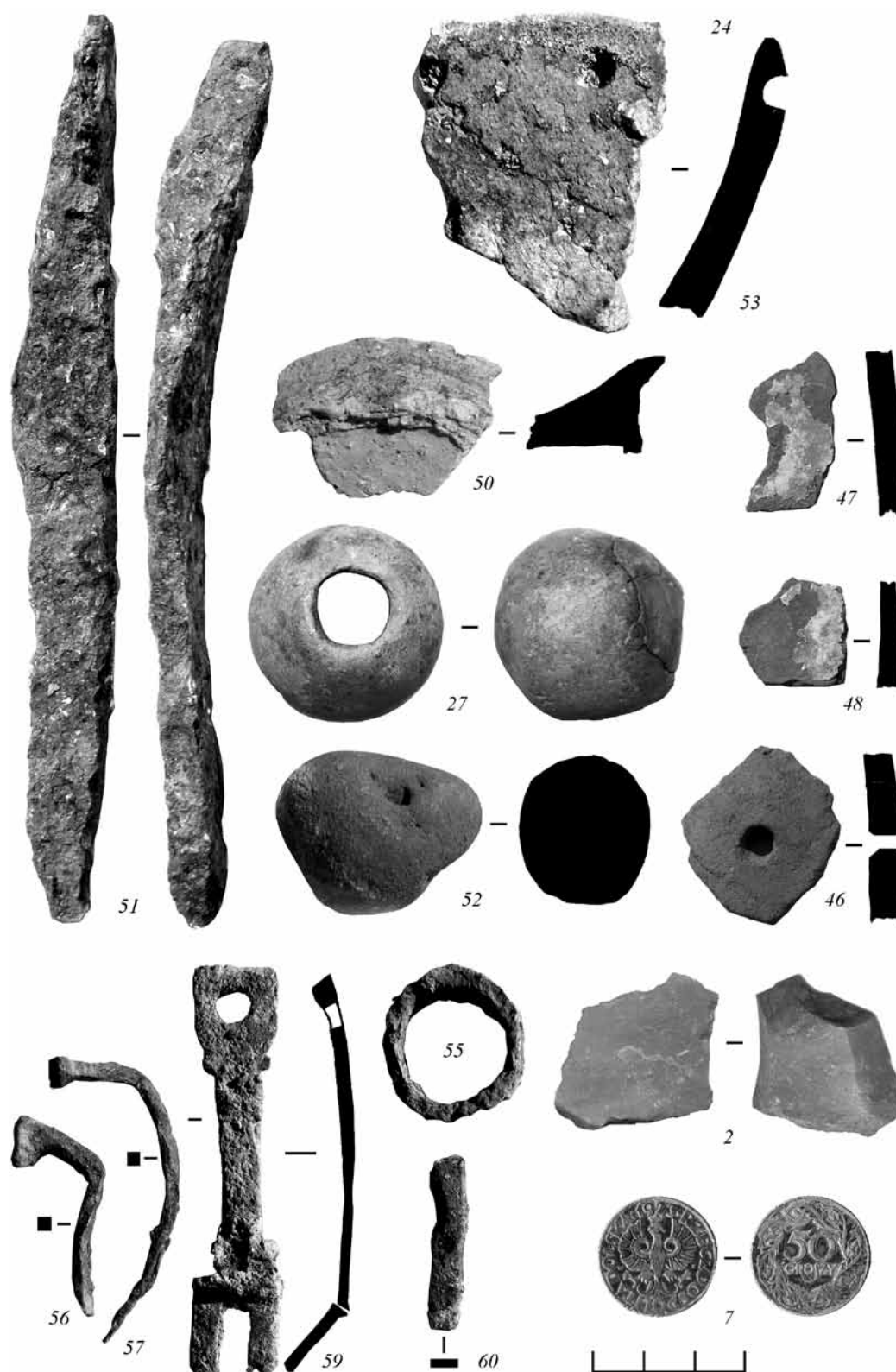

Рис. 4. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки (здесь и далее на рис. цифры означают номер в описи)

2 – ружейный кремль; 7 – биллоновая монета 50 грошей Польской Республики 1923 г.; 27 – цилиндрическое грузило; 46 – грузило из стенки сосуда; 47 – фрагменты стенок поливных сосудов; 50 – дно сосуда с поддоном; 51 – долото; 52 – заготовка грузила; 53 – венчик баночного сосуда дяковской культуры; 56, 57 – гвозди; 59 – псалий; 60 – полоса.
7, 51, 56, 57, 59, 60 – железо; 27, 46, 47, 50, 53 – керамика; 2, 52 – камень

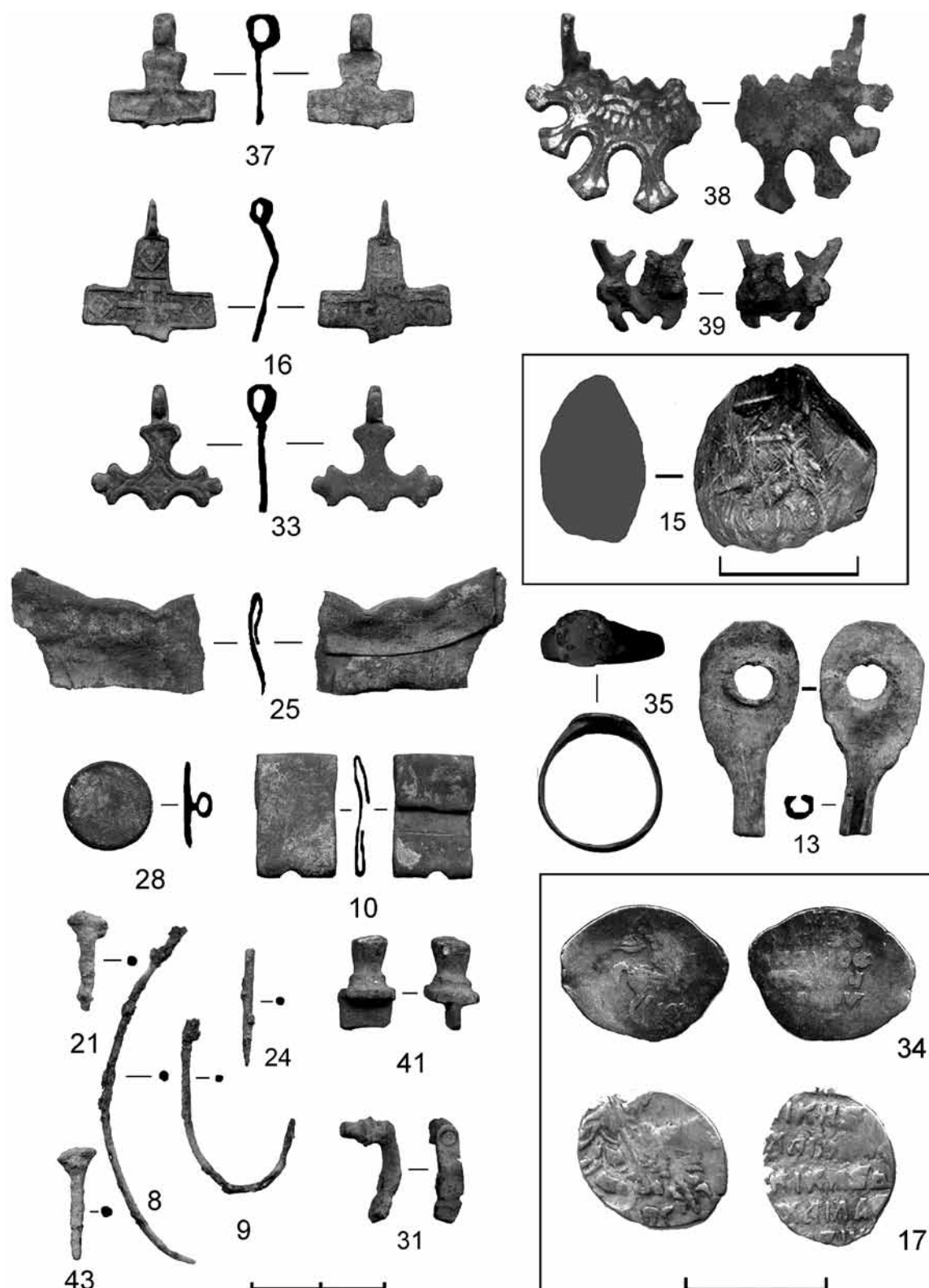

Рис. 5. Дуино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки из металла

8, 9, 24 – иглы; 10 – миниатюрная обкладка кожного пояса с круглым проемом; 13 – втулка, переходящая в округлую пластину с круглым отверстием; 16, 37 – квадратноконечные кресты-тельники; 17 – серебряная копейка Михаила Федоровича. Псковский монетный двор, 1617–1627 гг.; 21, 43 – сапожные гвоздики; 25 – венчик сосуда; 28 – пуговица XIX в.; 31 – миниатюрное крепление; 33 – криноконечный крест-тельник; 34 – серебряная копейка Михаила Федоровича. Московский монетный двор, 1619–1620 гг.; 35 – круглощитковый перстень; 38 – семилопастное височное кольцо типа «Сельцо»; 39 – обломок фигурной накладки с двумя железными штифтами для крепления к основе; 41 – предмет, напоминающий книжные застёжки. 10, 13, 16, 25, 28, 31, 33, 35, 37–39, 41 – бронза; 8, 9, 21, 24, 43 – железо

Новые данные о жителях усадьбы мы получаем благодаря разнообразным находкам из цветных металлов. Эти находки дают определенную пищу и для размышлений о степени хронологической «монолитности» находок, происходящих из верхнего слоя.

Из медных сплавов изготовлены венчик сосуда (чашечки или котелка), край которого загнут (рис. 5, 25, кв. 20), миниатюрная обкладка кожного пояса с круглым проемом (рис. 5, 10, кв. 36), втулка, переходящая в округлую пластину с круглым отверстием (рис. 5, 13, кв. 38), обломок фигурной накладки с двумя железными штифтами для крепления к основе (рис. 5, 39, кв. 9), миниатюрное крепление (рис. 5, 31, кв. 15) и предмет, напоминающий так называемые книжные застёжки (рис. 5, 41, кв. 10). Некоторые находки не совсем вписываются в быт рядового крестьянского двора. Это найденный между ямами 1 и 3 круглощитковый перстень из медного сплава без изображения, характер отливки которого указывает на XIV–XVI вв. (рис. 5, 35, кв. 11), и два фрагмента поливных сосудов из красножгущейся глины с поливой желтого цвета, найденные над ямами 1 и 2 (рис. 5, 47, кв. 15; 48, кв. 23).

Над ямой 1 и в 1,4 м к 3 от нее обнаружены три бронзовых креста-тельника. Наиболее ранний из них – криноконечный тельник (рис. 5, 33, кв. 10). Лицевая сторона его украшена орнаментом, обратная – гладкая. Стороны креста имеют криновидные завершения, в центре его изображен маленький крест в ромбе. Криноконечные кресты зафиксированы в Новгороде в ярусе 10 Неревского раскопа, датированном 1313–1340 гг., в 5–6-м ярусах Суворовского раскопа, относящихся к 1369–1407 гг. (Седова, 1981. С. 54. Рис. 16, 13), и на мостовой 1409 г. (Седова, 1981. С. 51. Рис. 16, 8). Аналогичные дунинским крестики найдены в Суздале (Седова, 1997. С. 203. Рис. 72, 3, 5), на подоле Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 197. Рис. 71, 3), на Махринском городище Тульской обл. (Клянин 1997. С. 142. Рис. 1, 4), на Водянском городище (г. Бельджамен) XIV в. (Полубояринова, 1978. С. 81. Рис. 17, 4, 6) и в погребениях г. Старицы с монетами тверских князей конца XIV – первой половины XV в. (Романченко, 1928. С. 29. Табл. XXIV, 3). Серия из восьми криноконечных крестов обнаружена в верхнем слое городища Настасьино (Коломенский р-н), который

исследователи памятника датируют второй половиной XIII – XV в. (Сарачева, Сапрыкина. 2004. С. 57, 58. Рис. 93, 5–12). На селище Лешково-9 (на поле Ржавец) близ Радонежа криноконечный тельник (22×17 мм) найден на поселении, которое по керамике датируется концом XIII – второй половиной XIV в. (Чернов, 2004. С. 265. Рис. 25, 1). Исходя из этих аналогий, кресты такого типа датируют периодом от рубежа XIII–XIV вв. до первой трети XV в.

Относится ли этот крест, как и ключ от замка типа В, к комплексу усадьбы, которую отражают ямы 1, 2 и 3, или отложился в XIV в.? Для ответа необходимо коснуться вопроса о верхней границе бытования криноконечных тельников. В этом плане небезынтересны их находки на Романовом дворе в Москве. Два из трех крестов такого типа найдены в постройках XIV–XV вв., в том числе крест № 54 – в раскопе IX (Кренке, 2009. С. 110–111. Рис. 76, 1, 2, 3). В яме 5 этого раскопа доминировала красноглиняная гладкая ранняя керамика, которая закономерно сочеталась с краснолощенной корчагой и кувшином. На дне присутствовала более ранняя красноглиняная грубая¹⁰, а в верхних горизонтах – более поздняя белоглиняная грубая посуда. Автор исследования датирует яму 5 первой половиной XV в., а присутствие белоглиняной посуды убедительно объясняет заполнением заброшенного котлована в XVI в., когда рядом с ним функционировала постройка 2. Что касается ранней керамики, по мнению исследователя, она «попала на дно ямы в результате разрушения более раннего культурного слоя» (Кренке, 2009. С. 65). Обычно материал из более ранних слоев распределяется равномерно по заполнению ям. Поэтому нельзя исключить, что мы имеем дело с закрытым комплексом, включающим красную грубую, краснолощеную и доминирующую красную гладкую раннюю посуду и сложившимся до исчезновения криноконечных крестов из обихода.

Два креста-тельника относятся к типу прямоугольноконечных. На одном из них (рис. 5, 37, кв. 8) на лицевой стороне помещено изображение креста на Голгофе; обратная сторона – гладкая. Кресты такого типа наиболее характерны для XV–XVI вв. Аналогичный найден на посадке Радонежа близ места храма Афанасия и Кирилла Александрийских (Чернов, 2000. С. 66. Рис. 2, 2).

¹⁰ Н. А. Кренке относит ее к серой. Публикуемый венчик скорее может быть отнесен к формам, переходным от серой к красноглиняной грубой керамике, и имеет аналогии в комплексе из Шавыкина монастыря 1380–1390-х гг. (Чернов, 1995. С. 141. Рис. 8, 5-й сверху).

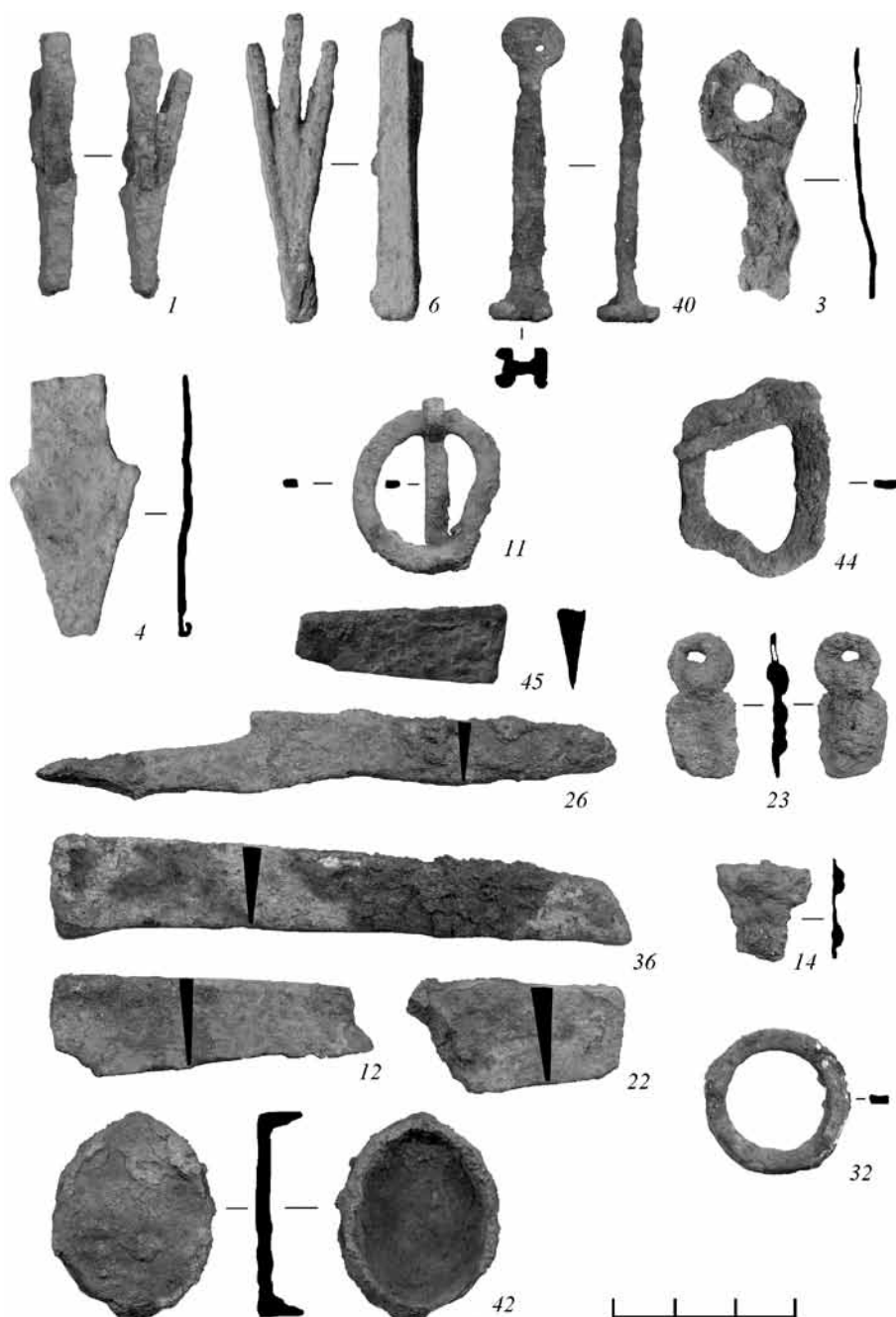

Рис. 6. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки из железа

1, 6 – пружины от навесных цилиндрических замков; 3, 23 – накладки с отверстиями для крепления; 4 – накладка стреловидной формы; 11 – округлая поясная пряжка; 12, 22, 26, 36, 45 – ножи черешковые; 14 – накладка с крепежными штифтами; 32, 55 – поясные кольца; 40 – ключ от цилиндрического замка типа В; 42 – обоймица или тыльник ножа; 44 – трапецевидная поясная пряжка

Другой тыльник (рис. 5, 16, кв. 39) на лицевой стороне несет изображение креста на Голгофе и орудий страстей Христовых с ромбами по сторонам креста и в верхней лопасти; а на оборотной – надписи. Подобные кресты тяготеют к XVI в.

Обращает на себя внимание обилие предметов личного благочестия и то, что все кресты-тыльники

терялись уже после того, как у них была отломана нижняя лопасть. Раскопки на Афанасьевском погосте в Радонеже показали, что в период 1570–1610-х гг., когда функционировало это кладбище, существовал обычай ломать кресты и полагать их на могилы или бросать в могильные ямы (Чернов, 2000. С. 78–80). Поскольку при раскопках

могильника у Шестого Дунинского селища такой обычай не зафиксирован, скорее можно говорить о непреднамеренном разрушении крестов.

В 6 м к 3 от ямы 1 сделана неординарная находка – округлый уплощенный свинцовый слиток (1×1,7 см), возникший в ходе неудачной попытки произвести отливку (рис. 5, 15, кв. 34). На поверхности слитка угадываются изображения серафима или херувима в круге и ромба в квадрате – отпечаток с резного изображения, выполненного на поверхности отливочной формы. Скорее всего, перед нами изображение ангельских чинов Дионисия Ареопагита, которые помещались на обороте креста.

Монеты 1390–1410-х гг.

Как уже отмечалось, разборка верхнего слоя велась после его исследования металлоискателем. Это дало свои результаты. Над центральной частью ямы 1 (рис. 3, 18, 19, 20, кв. 9), на участке длиной 1,5 м, были найдены три серебряные монеты – две денги Василия I и полуденга Владимира Андреевича Храброго (рис. 7, 18, 19, 20). Четвертая монета – Нижегородского княжества – обнаружена в 1,9 м к 3, в 0,4 м от края ямы (рис. 3, кв. 2, 5; рис. 7, 5). Три монеты зафиксированы на 12–14 см выше уровня зачистки материка, в средней части однородного слоя темно-серой супеси, который достигал над центром ямы 35 см. Нижегородская монета залегала еще выше. Таким образом, стратиграфически группа монет не входит в комплекс керамики и находок, собранный в заполнении ямы 1. Однако возможность подобной связи исключить нельзя.

Исследованию этого открытого нумизматического комплекса посвящена специальная работа, в которой возможная датировка попадания монет в землю – с точки зрения существующих представлений о бытовании монет – была сопоставлена с радиоуглеродной и предварительной археологической датировками закрытого комплекса ямы 1 (Чернов, Волков, 2015). Сегодня, возвращаясь к этой теме в рамках полной археологической публикации материалов раскопа, необходимо вновь рассмотреть этот нумизматический материал.

1. Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Князь –? Денга (рис. 7, 5, кв. 2). Л. с. Изображение фантастического четвероногого животного, вправо, с изогнутым над спиной хвостом, заканчивающимся трилистником. В линейном ободке, за которым прослеживаются остатки круговой надписи. О. с. Подражание лицевой стороне данга Золотой Орды хана Джанибека. Вес – 0,94 г.

По типу: Федоров-Давыдов, 1989. № 467, 468; Гулецкий, Петрунин, 2013. С. 206. № 1635А.

Рис. 7. Монеты из раскопа I на селище Дунино 6
5 – Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Денга; 18, 19 – Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денги; 20 – Серпуховско-Боровское княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга

2. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга (рис. 7, 19, кв. 9). Л. с. Сокольник, вправо. Ободки отсутствуют; остатки круговой надписи. О. с. Подражание трехстрочной арабской надписи с именем Токтамыша. Над второй строкой – три орнаментальные решетки. В точечном ободке. Вес – 0,92 г.

По типу: Толстой, 1913. № 54; Гайдуков, 2006. С. 50. Рис. 30, 13.

3. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга (рис. 7, 18, кв. 9). Л. с. Изображение петуха, вправо. Над ним – орнаментальная решетка. В двух линейных ободках, между

которыми – остатки круговой надписи: **КНАЗЪВЕ...** [А]и (первая и последняя буквы объединены в лигатуру). О. с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша. В линейном ободке. Вес – 0,76 г.

По типу: Толстой, 1913. № 11; Гайдуков, 2006. С. 50. Рис. 30, 2. По паре штемпелей: Гулецкий, Петрунин, 2013. С. 55. № 163Е.

4. Серпуховско-Боровское удельное княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга (рис. 7, 20, кв. 22). Л. с. Изображение кентавра с мечом, влево; под ногами коня – орнаментальная решетка. В двух линейных ободках; между ними – остатки круговой надписи. О. с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша. В линейном ободке. Вес – 0,22 г (обл.).

По паре штемпелей: Волков, Зайцев, Лейбов, 2010. С. 38. № 88.

Нижегородская и две московские денги в целом не являются редкими. Аналогичные монеты присутствуют как в кладовых комплексах рубежа XIV–XV вв., так и среди единичных находок в большом количестве. Но вот полуденга серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго относится к категории редчайших.

До конца прошлого века о существовании полуденг этого князя не было известно вовсе. Лишь в 2006 г. П. Г. Гайдуков в своей монографии, посвященной мелким серебряным номиналам русской денежной системы, впервые издал такую монету (Гайдуков, 2006. С. 261. № 64), относящуюся, однако, к иному типу (с изображением четвероногого животного), нежели обнаруженная нами на селище Дунино-6. Год спустя была опубликована еще одна полуденга Владимира Андреевича, несущая на этот раз на лицевой стороне изображение кентавра (Волков, Лейбов, 2007. С. 52. № 1). Наконец, к 2010 г. было зарегистрировано шесть экземпляров ранних серпуховских полуденг, из которых три несли изображение кентавра (Волков, Зайцев, Лейбов, 2010. С. 38, 39. № 87–91). Все они хранятся в различных частных коллекциях. С тех пор новых находок зафиксировать не удалось, следовательно, полуденга из Дунино представляет собой седьмую известную монету Владимира Андреевича данного номинала и первую найденную в ходе археологических исследований.

Время чеканки всех четырех экземпляров укладывается в достаточно узкий хронологический отрезок: со второй половины 1390-х до середины 1400-х гг. В обращении они могли оставаться до начала второго десятилетия XV в., то есть до денежной реформы, проведенной в правление Василия Дмитриевича (Волков, 2003а), в результате которой

старые монеты полностью исчезли из обращения. По мнению автора определения монет (Волков, 2015. С. 151, 152), материал кладов очень четко фиксирует момент проведения реформы. Из зарегистрированных в настоящее время не менее четырех десятков кладовых комплексов, датирующихся вторым – четвертым десятилетиями XV в., лишь в двух дореформенные монеты присутствуют в сколь-нибудь значительном количестве. Первый – клад 1412–1415 гг., в котором «старые» деньги еще не успели полностью вытесниться «новыми» (Волков, Титов, 2013. № 1). Второй – известный Рузский клад, который, вероятно, представляет собой комплекс длительного накопления, то есть вряд ли отражает состав реального денежного обращения на момент сокрытия (третье десятилетие XV в.) (Толстой, 1889). Во всех остальных комплексах этого времени присутствуют либо только ранние, либо только пореформенные денги.

Интересно, что на памятнике полностью отсутствуют более поздние монеты XV–XVI вв., чеканка которых была гораздо более обильной. На первый взгляд это дает основание предполагать, что со второй четверти XV в. деловая активность на поселении пошла на спад.

Ямы в материке находки, отражающие материальную культуру усадьбы

После выборки верхнего слоя на месте обнаружения монет в зачистке материка открылась яма 1. Она имела округлую форму и размер 5,7×5,6 м (рис. 2; 8, А). Границы пятна культурного слоя четко читались на фоне желтого речного материкового песка. Заполнение состояло из черной гумусированной супеси (с пятнами угля и обожженной глины – 60×20 см и 65×30 см), которую обрамляли полосы бурого песка (вдоль северного контура ямы) и темно-серой супеси (вдоль западного контура), расширяющейся к ЮЗ до размеров 2×2 м (рис. 8, А – в центре снимка).

Забегая вперед, следует сказать, что яма имела глубину 2 м. Ее заполнение состояло из трех частей (рис. 9). Верхняя часть ямы была заполнена черной супесью сверху и тесно-серыми супесями ниже. Размеры этой части заполнения в верхних пластах составляют 3×3 м, а в нижних – 2×2 м. На уровне -160 см эта часть заполнения выклинивалась. Данные слои отложились в результате разрушения наземной части деревянного сооружения, остатки которого смещались в погреб по мере разрушения полов. Сохранились следы деревянной конструкции, располагавшейся на полу наземного сооружения и провалившейся в погреб. Ниже,

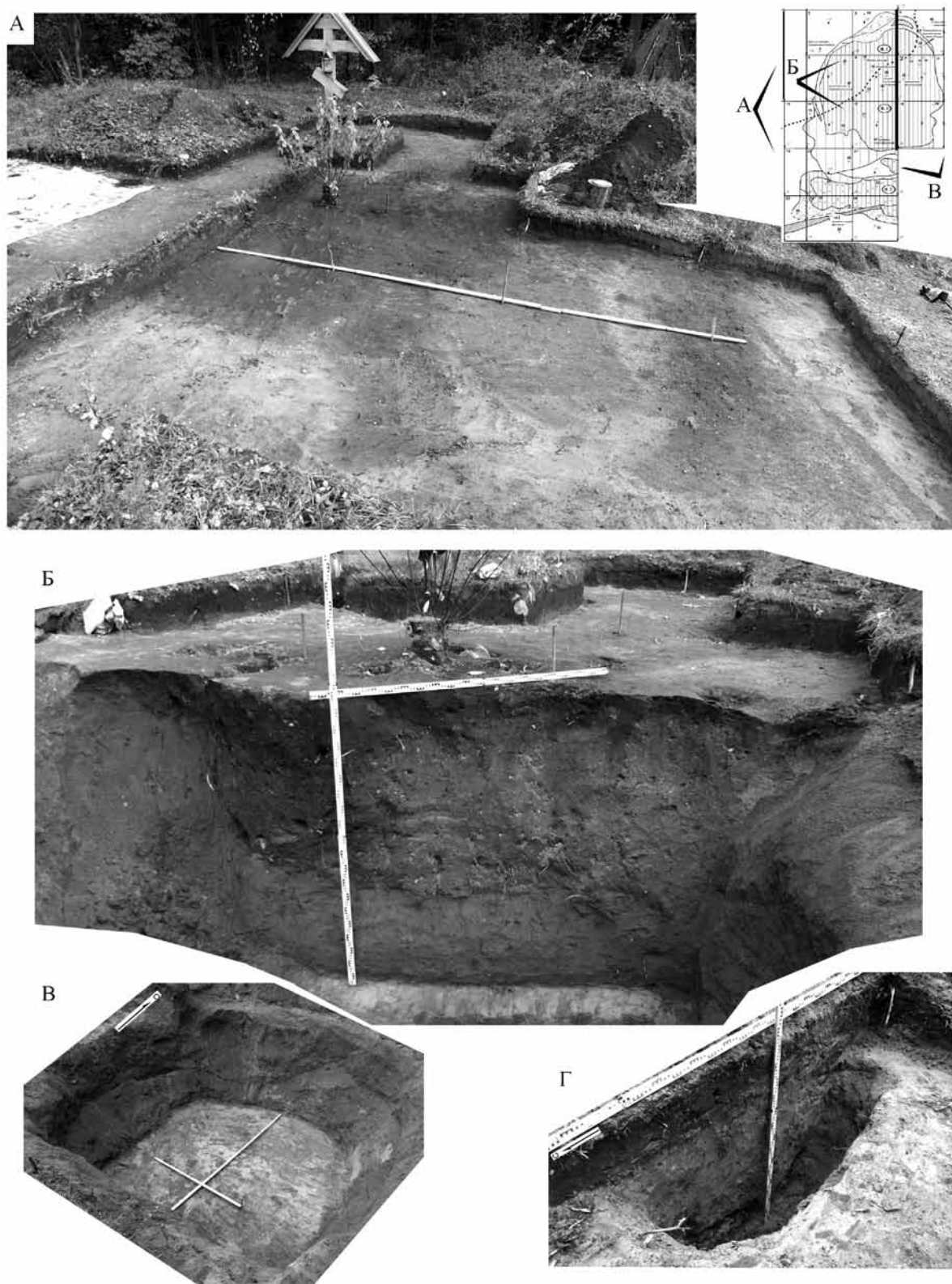

Рис. 8. Дунино-6. Раскоп 2012 г.

А – яма 1 в зачистке материка; вид с запада; Б – профиль разреза ямы 1 по линии север – юг. Вид с запада;
В – яма 1 в материке; вид с юго-востока; Г – яма 4 после выборки части заполнения; вид с северо-запада

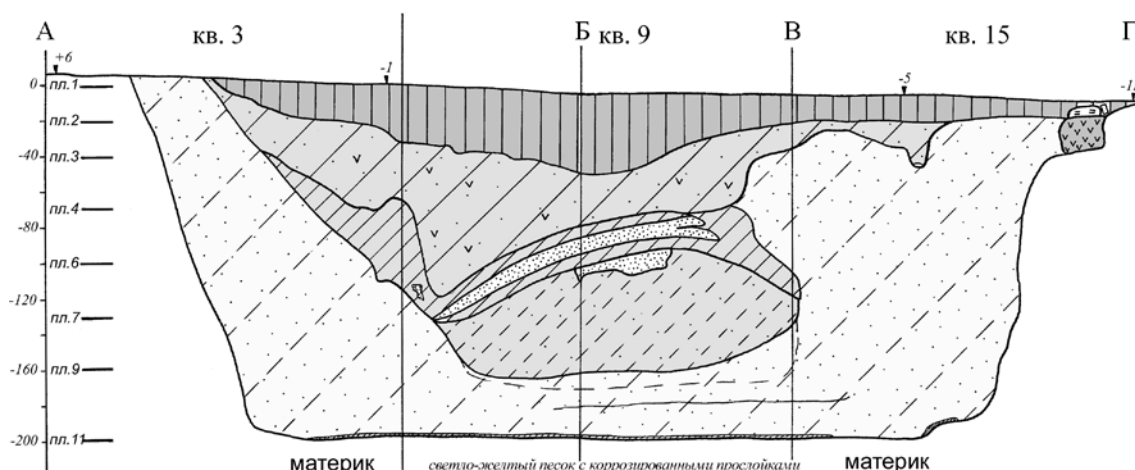

Рис. 9. Разрез по линии север – юг (А–Г). Профиль, вид с запада. Расположение литер см. на планах пластов (рис. 7, 9–11)

вплоть до дна ямы, залегал бурый слабо гумусированный песок, который сформировался с участием материкового песка, поступавшего в яму ранее, в результате осыпания стенок котлована. Эти же отложения присутствуют в верхних пластах на периферии ямы.

Верхняя часть заполнения (пласты 2, 3). Практически всю толщу заполнения пласта 2 образовывала гумусированная черная супесь, включавшая мелкие фрагменты угля и пачины с большим количеством керамики и находок¹¹. По мере разборки этот слой постепенно выклинивался на периферии ямы и на уровне зачистки 2-го пласта сократился до пятна размером 3,4×2,9 м (рис. 10, А). По мере выборки под ним открывался слой серой супеси с мелкими угольками, который в зачистке на -20 см имел вид широкой полосы (4,6×3,6 м). Периферия заполнения была сложена бурым слабо гумусированным песком, который подстилал серую супесь и состоял из песка, смешанного с гумусовым горизонтом погребенной почвы. Сравнение зачисток материка и пласта 2 показало, что северо-западный край ямы в зачистке пласта 2 расширился на 20–40 см (рис. 2; 10, А): видимо, материковый песок сполз в яму.

В слое черной супеси в пласте 2 было обнаружено 748 фрагментов керамики (64% от всего материала, найденного в заполнении), 29 находок и 15 камней, некоторые из них расколоты под действием огня, что заставляет видеть в них очажные камни. Большая часть находок концентрировалась в центре ямы (рис. 10, А).

Наиболее распространенный вид находок – сапожные гвоздики (рис. 11, В, 110, 123, 124, 125, 144, 148, 149, 150). Следующую группу составляют шилья (рис. 11, Б, 109, 117; еще одно шило, а также гвоздь обнаружены в песке – рис. 11, Б, 112, 113; Г, 120). О работе с кожей или мехом говорят также иглы, которые являются второй по распространенности категорией находок (рис. 11, А, 102, 116, 143, 152).

Обращают на себя внимание инструменты: плоский пробой длиной 4,5 см (рис. 11, 140) и маленький (длина 4,3 см) чекан (рис. 12, 118), выполненный из квадратного в сечении стержня (4×4 мм) со слегка расплюснутым краем сверху, прямоугольной в сечении (5,0–2,5 мм) рабочей частью и острием шириной 2,5 мм. Спицы (рис. 12, 113, 114) изготовлены из пластин (4–6×2–2,5 мм), согнутых на конце, чтобы не проваливались. Что

¹¹ Яма исследовалась по пластам (20 см), а внутри пластов – с учетом слоев. Вначале была разобрана западная половина сооружения. А затем, после фиксации профиля разреза север – юг (рис. 8, Б, 12), восточная. Заполнение ямы разбиралось пластами параллельно поверхности материка, поэтому поверхности зачисток имели небольшой (10 см) уклон с севера на юг. В тех случаях, где в ходе разборки слоев фиксировались конструкции или их следы, зачистка выполнялась на несколько сантиметров выше или ниже стандартного уровня (см. обозначение уровня зачисток на разрезе ямы 1 на рис. 9). Перед началом разборки пласта слой сканировался детектором металлов. В местах, где прибор указывал на наличие находки, выставлялась вешка. На этих участках культурный слой разбирался совком с проверкой каждого комка земли прибором. Лишь после точной фиксации находки культурный слой поступал для ручной переборки на борта раскопа. Данная методика полностью позволила обнаружить и зафиксировать с плановыми и высотными отметками все предметы из металла, в том числе многочисленные иглы и сапожные гвоздики. Пробные промывки не дали зерен и не практиковались.

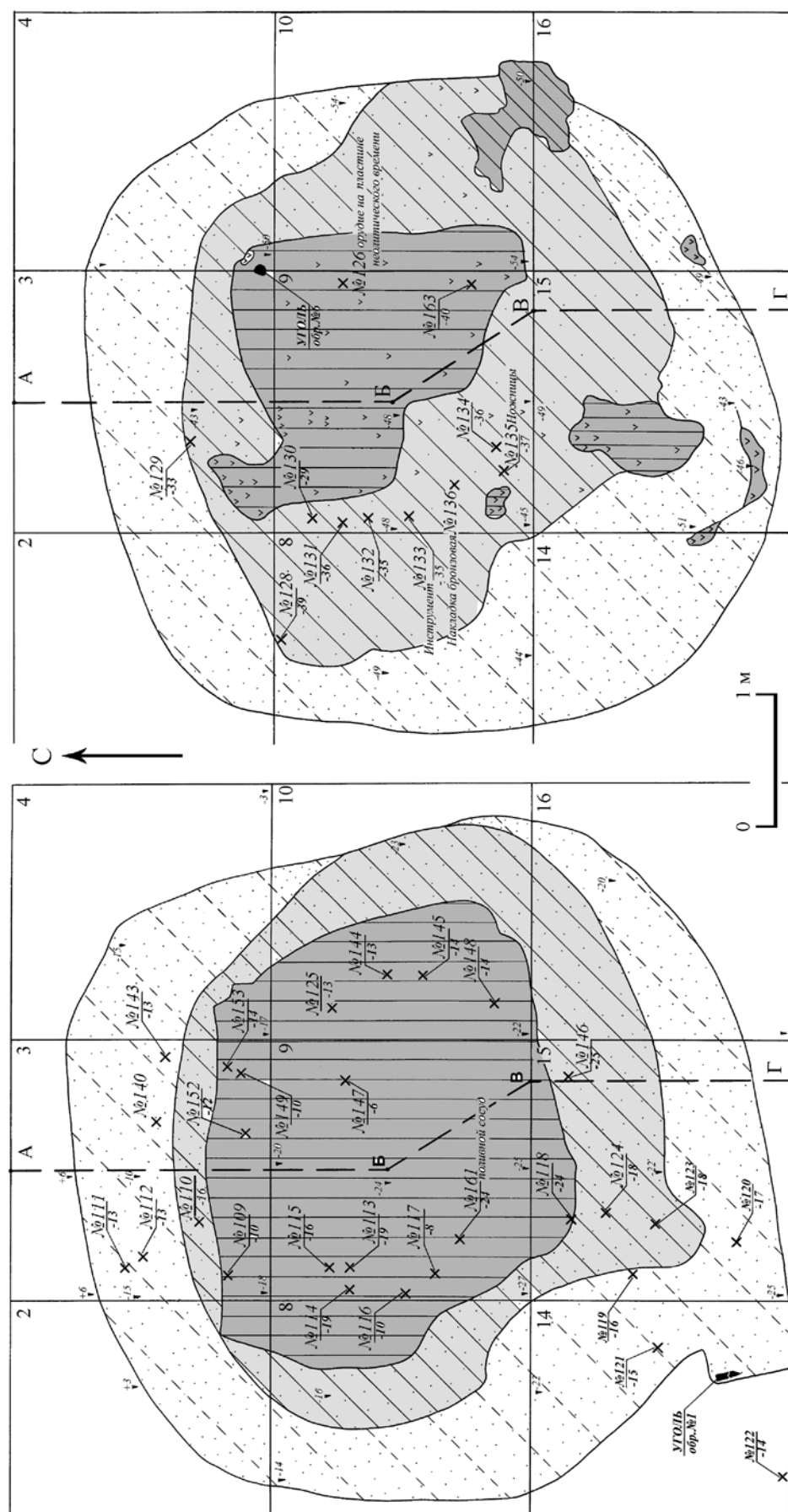

Рис. 10. Дуніно-6. Раскоп 2012 г. Яма 1. План зачистки 2-го (-20 см) (слева) и 3-го (-40 см) (справа) пластов

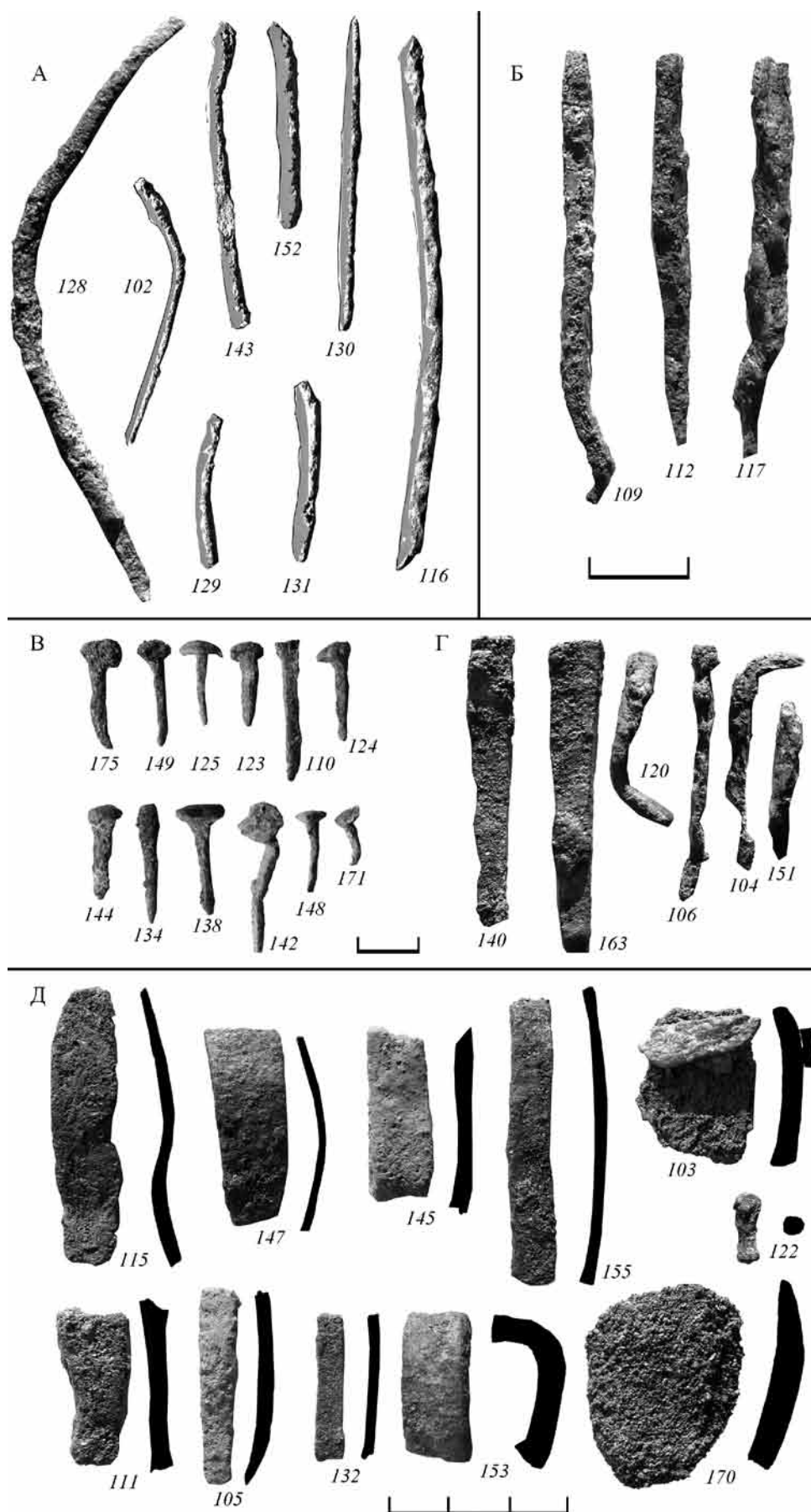

Рис. 11. Дунино-6. Раскоп 1. Следы скорняжного и кожевенного ремесел и другие предметы из железа (иглы и проколки увеличены)

А – железные иглы из ямы 1; Б – железные проколки из ямы 1 (109, 112, 117); В – сапожные гвоздики из ямы 1 (110, 123–125, 134, 144, 148, 149, 171, 175), ямы 3 (138) и ямы 4 (142); Г – пробой (клинья) из ямы 1 (140, 163), гвозди из ямы 1 (104, 151) и ямы 2 (106, 120); Д – железные полосы из ямы 1 (111, 115, 132, 145, 147, 153, 155) и ямы 2 (105); поковки (103, 170), стержень (122) из ямы 1

закрепляли эти спицы, неясно (ткацкий стан или приспособление для растяжки кожи?). Обломок, составлявший рабочую часть железного орудия (рис. 12, 119), имеет вид пластины (шириной 3,5 см и толщиной 3 мм) в форме языка, одна сторона которого прямая, а другая – полукруглая. По форме он напоминает отломившийся край полицы, которая крепилась на двузубую соху и служила для того, чтобы отваливать поднятую почву на борт борозды.

Из бытовых предметов из железа выполнены: овальная (2,5×1,5 см) и прямоугольная (4×3 см) поясные пряжки с язычком, обломок ножа (рис. 12, 121, 103, 146), полосы (рис. 11, 115, 145, 147, 153). Кроме того, найден фрагмент гончарного столового сосуда с желтой поливой с обеих сторон (рис. 13, 161) – показатель достатка жителей усадьбы.

По мере выклинивания черной супеси под ней открывался слой темно-серой супеси, в которой найден стерженок для крепления накладки (рис. 11, 122), а в нижележащем слое бурой супеси обнаружены полоса и шило (рис. 11, 111, 112).

При разборке нижнего горизонта черной супеси (3-й пласт) пополнилась коллекция игл (рис. 11, А, 130, 131), сапожных гвоздиков (рис. 11, В, 134), пластин (рис. 11, Д, 132), пробоев (рис. 11, Г, 163). Наряду с этими типовыми для данного комплекса находками обнаружены два предмета, несущие информацию о характере деятельности его жителей. Это тщательно выкованный штырь (18,5 см в длину и 6×6 мм в сечении) с выступом на одном конце и с заострением на другом (рис. 12, 133) и кремневое орудие на пластине (рис. 12, 126) (7,6×2,8 см), оформленное нерегулярной краевой ретушью боковых граней со стороны спинки, характерное для памятников мезолита – неолита¹². Учитывая отсутствие среди находок другого кремневого инвентаря и неолитической керамики, а также обнаружение данного орудия в контексте предметов, связанных с обработкой кожи и (или) меха, можно предположить, что древнее орудие могли использовать для предварительной очистки шкур, которая в настоящее время выполняется тупым ножом.

В серой супеси найдены две иглы (рис. 11, 128, 129) и овечьи ножницы длиной 21 см (рис. 12, 135), которые могли использоваться при крое кож и меха. Кроме того, обнаружена массивная бронзовая орнаментированная поясная накладка с двумя цельнолитыми шпонками, служившими для крепления к коже (4,5×1,2 см) (рис. 14, 136). Керамики в 3-м пласте найдено 266 фрагментов (23% от всего материала).

В зачистке 3-го пласта (-40 см) слой черной супеси сократился в размере до 2×2,3 м. Северный и восточный края пятна были ориентированы по сторонам света и смыкались под прямым углом. В этом углу зафиксировано небольшое скопление угля, из которого взята проба 6 для радиоуглеродного датирования (рис. 10, Б). Северо-западный угол этого пятна также содержал повышенную концентрацию мелких фрагментов угля. Возможно, форма пятна и зоны концентрации угля отражают остатки сгоревшего и сместившегося в подполье подпечного сруба, располагавшегося на полу наземной постройки.

Слой серой гумусированной супеси с мелкими угольками образовал пятно неправильной формы (3,8×4,3 м), бурый песок – периферию ямы, которая приобрела форму, близкую к кругу (5,2×4,9 м).

Средняя часть заполнения (пласты 4–7, рис. 15) включала слой серой (или серо-бурой) супеси в центре заполнения, содержащий керамику и находки, и грязный песок с небольшим количеством керамики на его периферии. В зачистке пласта 4 (-70 см) в этом слое фиксировались фрагменты гумусового и подзолистого горизонтов почвы размерами 5–10 см, овальной формы (рис. 15, А). Центральная часть заполнения представляла собой подквадратное пятно серой супеси с выступами на углах, которые, возможно, являются следами столбов печка, сгоревших, разрушенных и сместившихся в подземное пространство. Из западной половины заполнения из пласта 4 был взят *образец угля* № 2 для радиоуглеродного датирования.

По мере разборки пласта 7 серая супесь локализовалась в северо-восточном углу кв. 9, а вся центральная часть заполнения по своему составу

¹² Определение проведено научным сотрудником ГИМ А. В. Емельяновым.

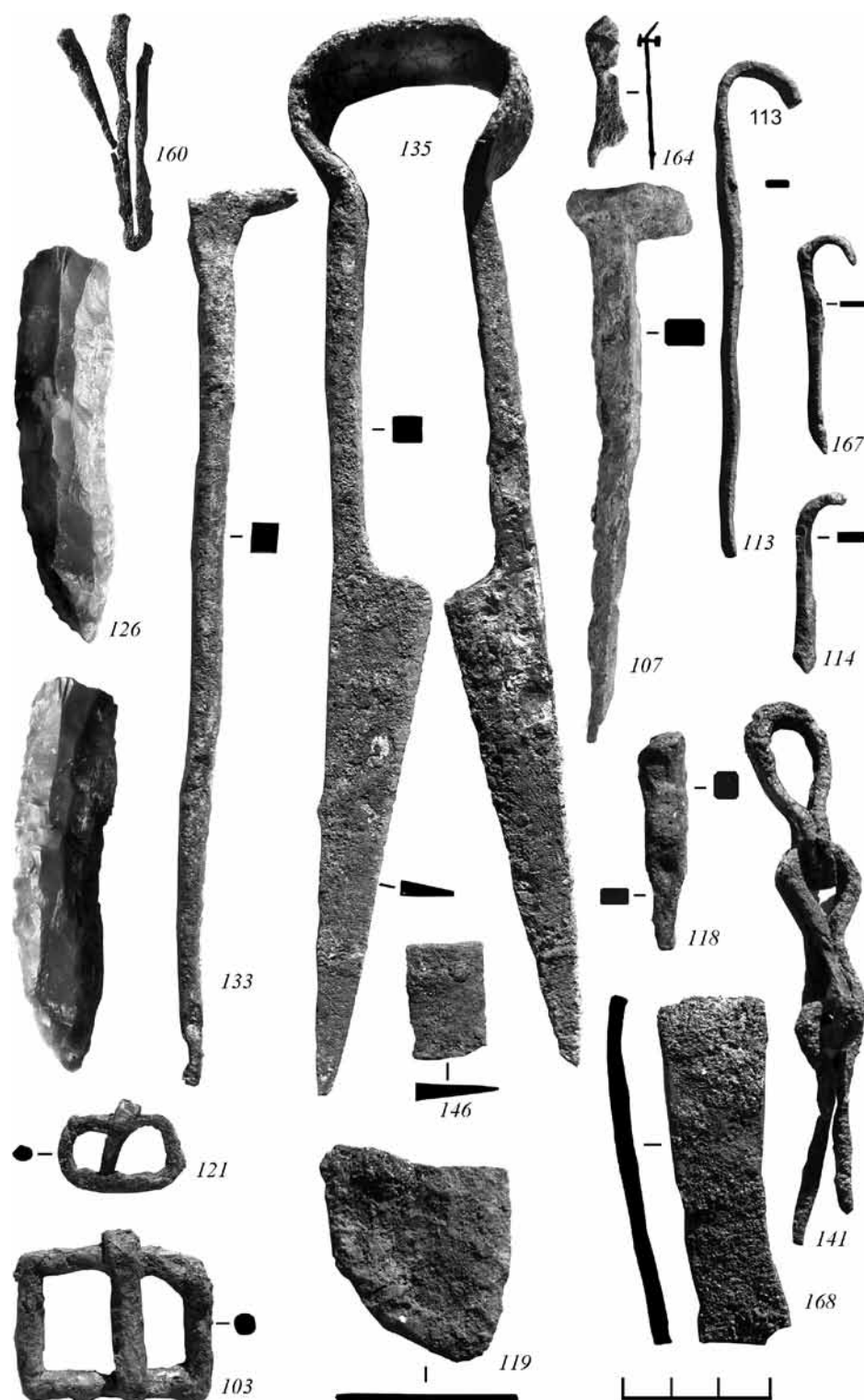

Рис. 12. Дунино-6. Раскоп 1. Заполнения ям 1 и 2 (107).

Инструменты, предметы быта сельскохозяйственное орудие из железа и камня (126)

103, 121 – поясные пряжки; 107 – строительный гвоздь; 113, 114, 167 – шпонки для фиксации петель; 118 – пробой; 119 – обломок полицы, крепившейся на двурогую соху; 126 – кремневое орудие на пластине неолитического времени для обработки меха (?) (пл. 3, черная супесь, кв. 9; левое изображение – при освещении справа, правое изображение – при освещении слева); 133 – инструмент; 135 – ножницы; 141 – два звена цепи, закрепленные на кольце, с распором для крепления в деревянную стену; 146 – нож; 160 – пружина от цилиндрического замка; 164 – накладка; 168 – полоса

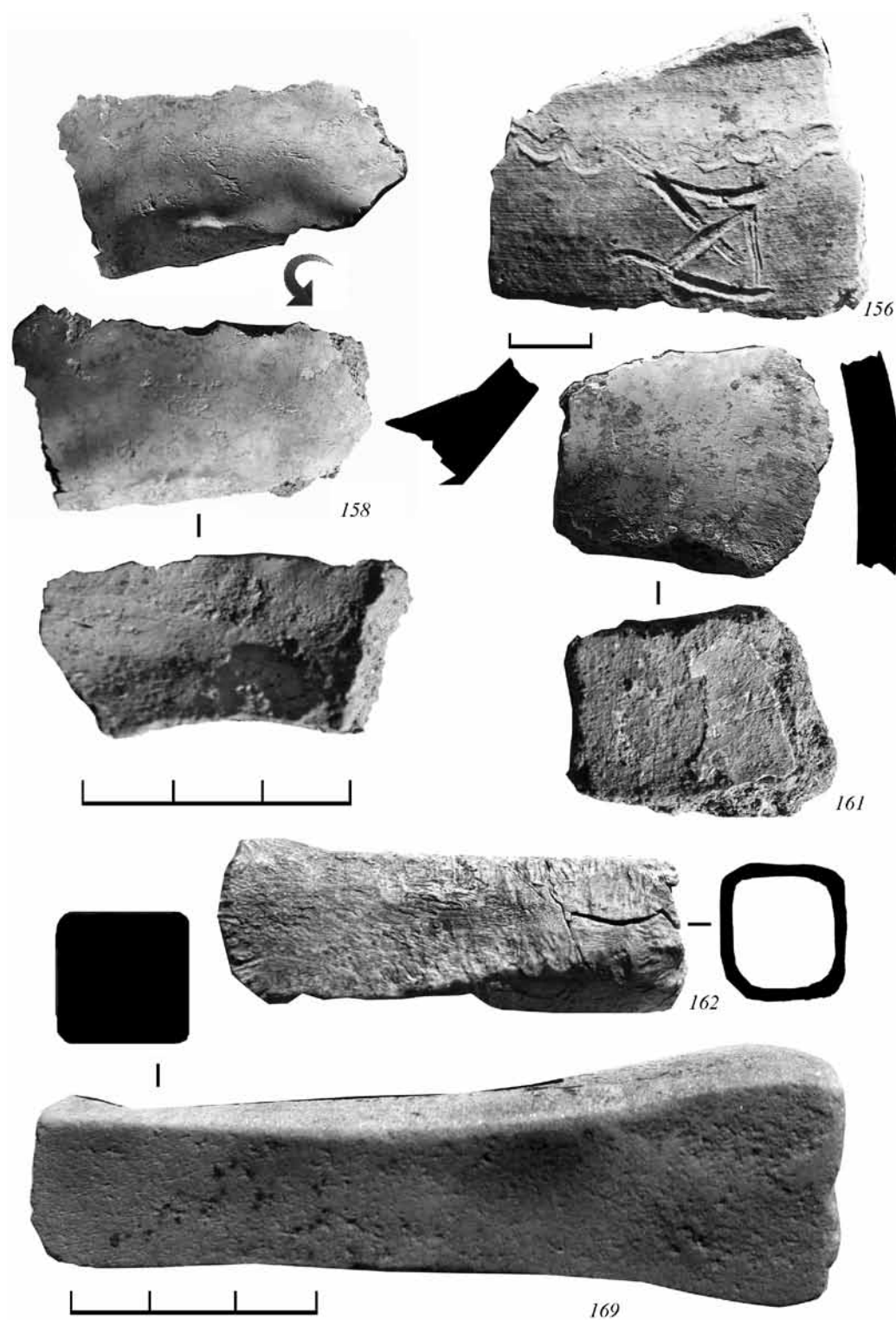

Рис. 13. Дунино-6. Раскоп 1. Комплекс находок из керамики, кости и камня из ямы 1. (См. цв. вкл.)
158–161 – фрагменты поливных сосудов; 162 – обоймица рукояти из кости; 169 – оселок из песчаника

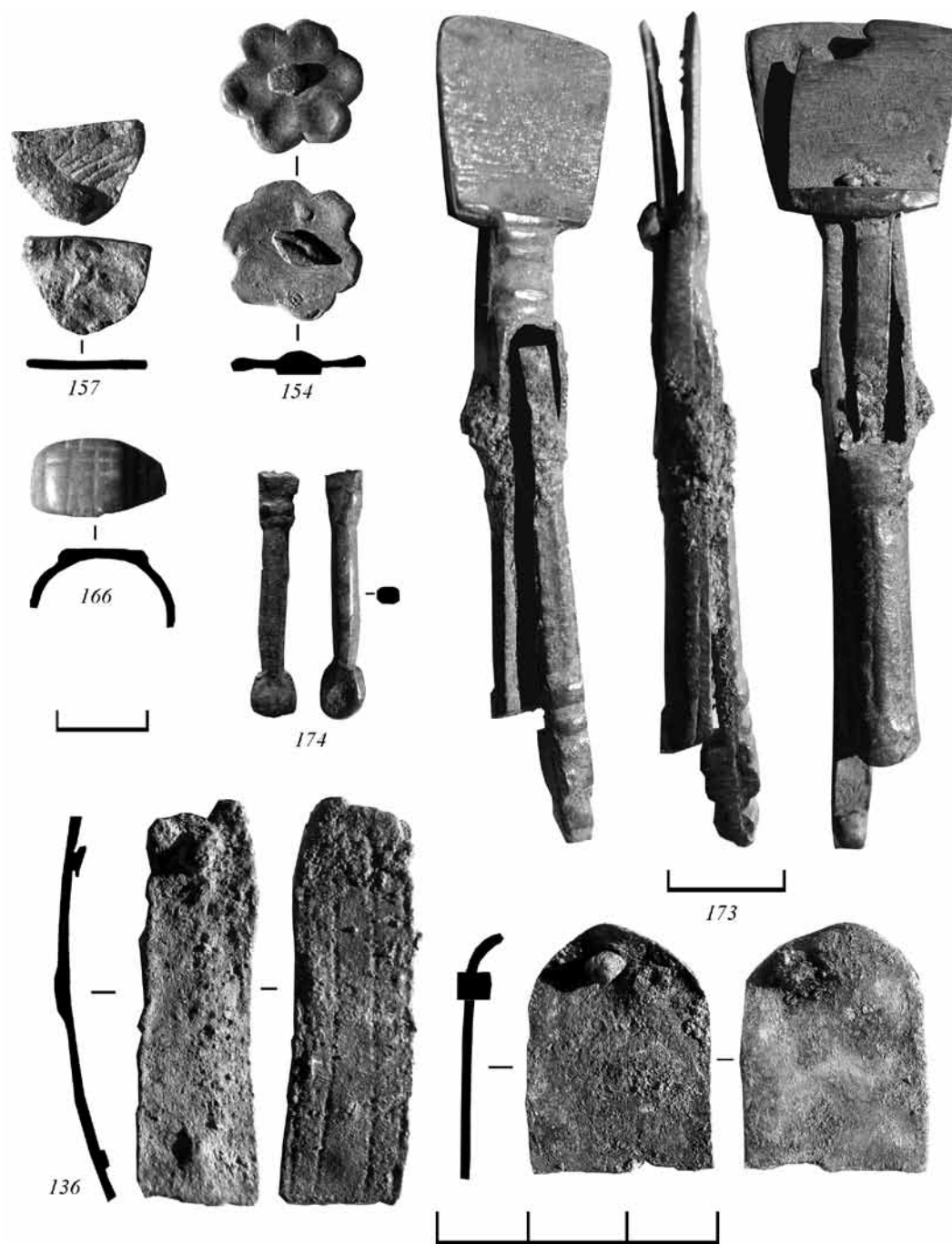

Рис. 14. Дунино-6. Раскоп 1. Комплекс бронзовых находок из ямы 1

136, 173 – накладки на пояс; 154 – фигурная накладка на пояс в форме цветка; 157 – обломок декорированной пластины; 166 – перстень; 172 – монетные весы, пл. 11, гумусированная супесь на дне ямы (-189 см); 174 – подвеска-ложечка

стала почти неотличима от бурого песка, образующего периферию ямы. В зачистке на уровне -125 см (рис. 15, Б) на фоне бурой супеси читались слабые следы конструкций: в северной части заполнения (кв. 3, 9) в меридианальном направлении залегала полоса угля (110×12 см), в западной части – ряд удлиненных пятен глины (длиной 1,5 м), а в южной

части прослежено два фрагмента угля, они взяты для радиоуглеродного датирования как образцы № 3 и 4.

Общие контуры ямы сохранили круглую форму и сократились – на С до 50 см, а на З и Ю до 20 см. Вдоль западного края ямы прослежена полоса (шириной 20–50 см) чистого материкового

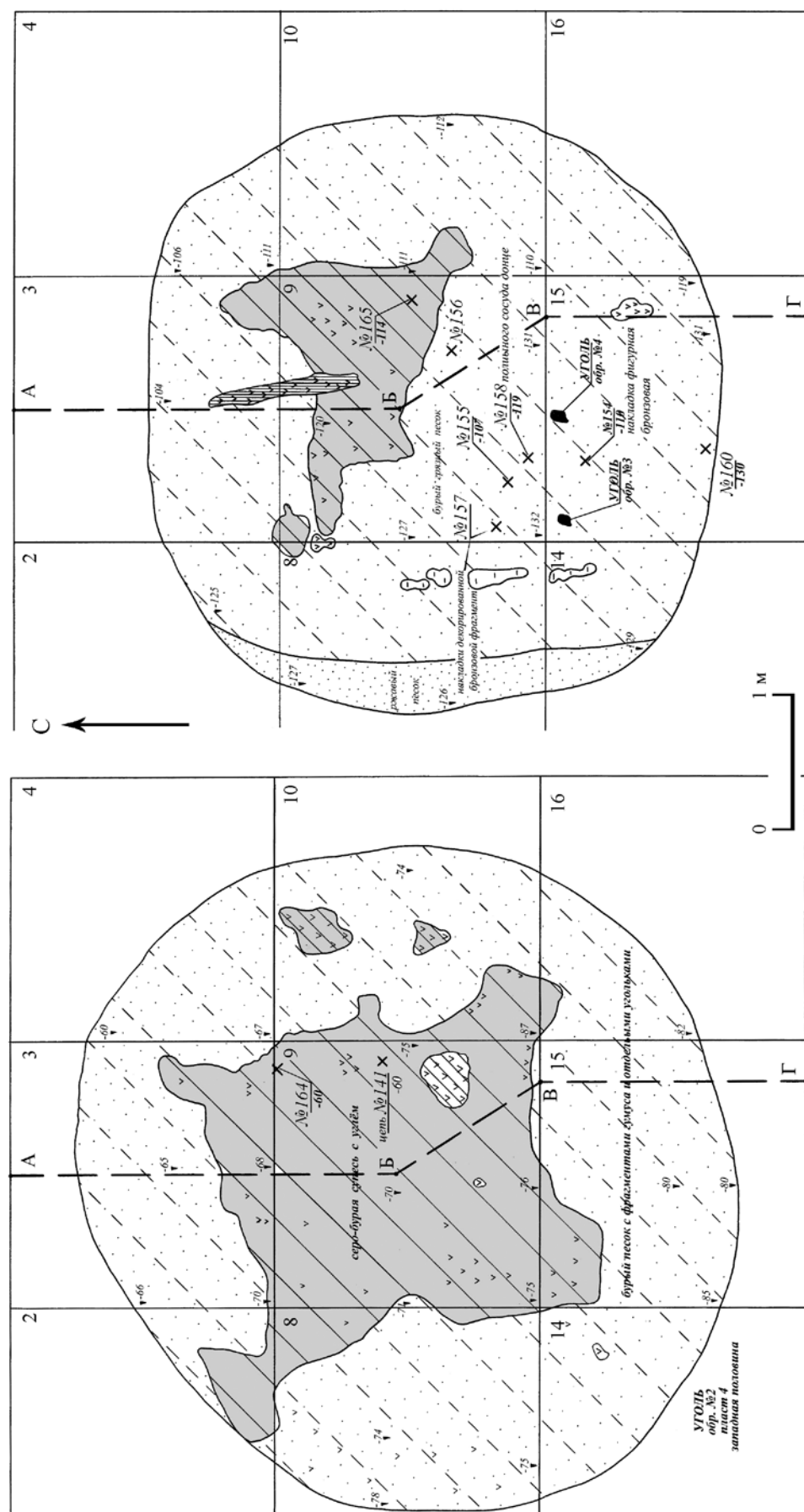

Рис. 15. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1. План зачистки 4-го (-70 см) (слева) и 7-го (-125 см) (справа) пластов

песка, который утратил свою первоначальную структуру и сместился в ходе разрушения стенок ямы.

В слое серой супеси (рис. 15, А) найдены два звена цепи, закрепленных на кольце, с пробоем для крепления в деревянную стену (рис. 12, 141), и фигурная ромбовидная железная накладка на пояс или иное изделие из кожи (рис. 12, 164) (пласт 4), железный гвоздь (рис. 11, 151) (пласт 5). Пласт 7 оказался богаче на находки. Из бронзы изготовлены фигурная накладка в форме цветка с выступом для крепления к коже и обломок пластинки с фрагментом узора из четырех параллельных линий (рис. 14, 154, 157). Из железа изготовлены сапожный гвоздик (№ 165), пружина цилиндрического замка (рис. 12, 160) и полоса (рис. 11, Д, 155). Донце поливного сосуда, покрытого снаружи желтой поливой (рис. 13, 158), напоминает поливной сосуд, найденный в черной супеси, и свидетельствует о том, что оба слоя относятся к одному комплексу. Следует отметить также фрагмент плечика красноглиняного сосуда с рисунком. Рисунок помещен под орнаментальной полосой в виде волны. Тремя линиями мастер нанес неполный квадрат и в него вписал крестик (рис. 13, 156).

Количество керамики резко сократилось, составило: 54 (4-й пласт), 56 (5-й пласт), 31 (6-й пласт) – и достигло 80 фрагментов (27 в песке) в 7-м пласте (19% комплекса).

Нижняя часть заполнения (пласты 8–11, рис. 16). В ходе разборки 8-го и 9-го пластов в центре заполнения ямы был полностью добран слой буро-серой супеси, и с уровня зачистки пласта 9 (-160 см) все заполнение представляло собой однородный бурый слабо гумусированный песок, залегающий до самого дна ямы. В зачистке пласта 9 (-160 см) яма приобрела подквадратные формы и размер 4,3×4,3 м (рис. 16, А), причем этот квадрат ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением к ССЗ. Западная и южная стенки были почти ровными, а северная и восточная слегка выступали в своих средних частях. Вдоль западного края ямы фиксировались последовательно три полосы: желтый, коричневый (со следами ожелезнения) и светлый песок – судя по всему, они образовались в результате смещения материковых отложений стенки погребя (рис. 16, А). Среди однородного бурого песка фиксировались пятна гумуса размерами от 25×10 до 5×5 см. Возможно, они маркировали какой-то горизонт обживания погребя, который образовался после того, как на его дне сформировалась 25-сантиметровая прослойка песка (см. профиль на рис. 9).

В гумусированном (грязном) песке в пласте 8 (рис. 16, А) найдены биллоновый пластинчатый перстень со слабо выступающим щитком, украшенным крестчатым орнаментом (рис. 14, 166), а также железная спица (рис. 12, 167) и массивная полоса (7×2,3 см) толщиной 3 мм, выкованная с небольшим изгибом (рис. 12, 168). В пласте 10 найдена костяная ручка (рис. 13, 162).

На дне ямы 1 открылся тонкий слой темно-серой гумусированной супеси, залегающий непосредственно на материковом песке. В этом слое, главным образом в центральной и восточной частях ямы, сделаны наиболее информативные находки комплекса. Из бронзы изготовлены привеска-ложечка (рис. 14, 174), овальный край широкой (2 см) накладки на пояс со штырем, скреплявшим ее с кожей (рис. 14, 173), и монетные весы длиной 7,2 см (рис. 14, 172). Весы такого типа заимствованы из Золотой Орды. Они использовались не для взвешивания монет, а для контроля за их полновесностью. Проверяемая монета укладывалась на лопасть в виде лопаточки, и полновесность ее проверялась с помощью противовеса. Очень близкие к дунинским монетные весы найдены в Москве в слое XV в. (Григорьев, Зайцев, 2000. С. 130, 131. Рис. 8) и на селище Могутово-2 Щелковского р-на – посадке городка Шерны. Последние имели в длину 5,5 см и были рассчитаны на монеты весом 0,92–0,93 г (Волков, 2003б. С. 40, 43).

Обращаясь к предметам из железа, мы вновь сталкиваемся с сапожными гвоздиками (рис. 11, В, 171, 175), которые изобиловали в слое черной супеси, и с небольшой округлой поковкой (рис. 11, Д, 170). Из камня изготовлен оселок длиной 10 см, бывший в работе (рис. 13, 169).

Керамики в пласте 8 встречено всего 12 фрагментов, а в 9-м не найдено вовсе, в 10-м и 11-м пластах – 13 экз., однако среди нее выделялись два крупных красноглиняных венчика – с подтреугольным валиком внутри и линейным орнаментом, а также срезанный с волнистым орнаментом.

После разборки слоя темно-серой гумусированной супеси, залегавшей на дне ямы, по всей исследуемой площади обнажился материк. Он залегал в виде горизонтальной плоскости, был сложен белым песком с пятнами (до 1 м в поперечнике) ожелезненного песка и отдельными затеками темно-серой супеси (рис. 8, В; 16, Б). Дно ямы имело подквадратную форму со скругленными углами и небольшими выступами в середине сторон квадрата. Размер дна ямы составил 3,65×4,1 м, причем протяженность с С на Ю была несколько больше таковой с З на В. Наблюдалось также небольшое

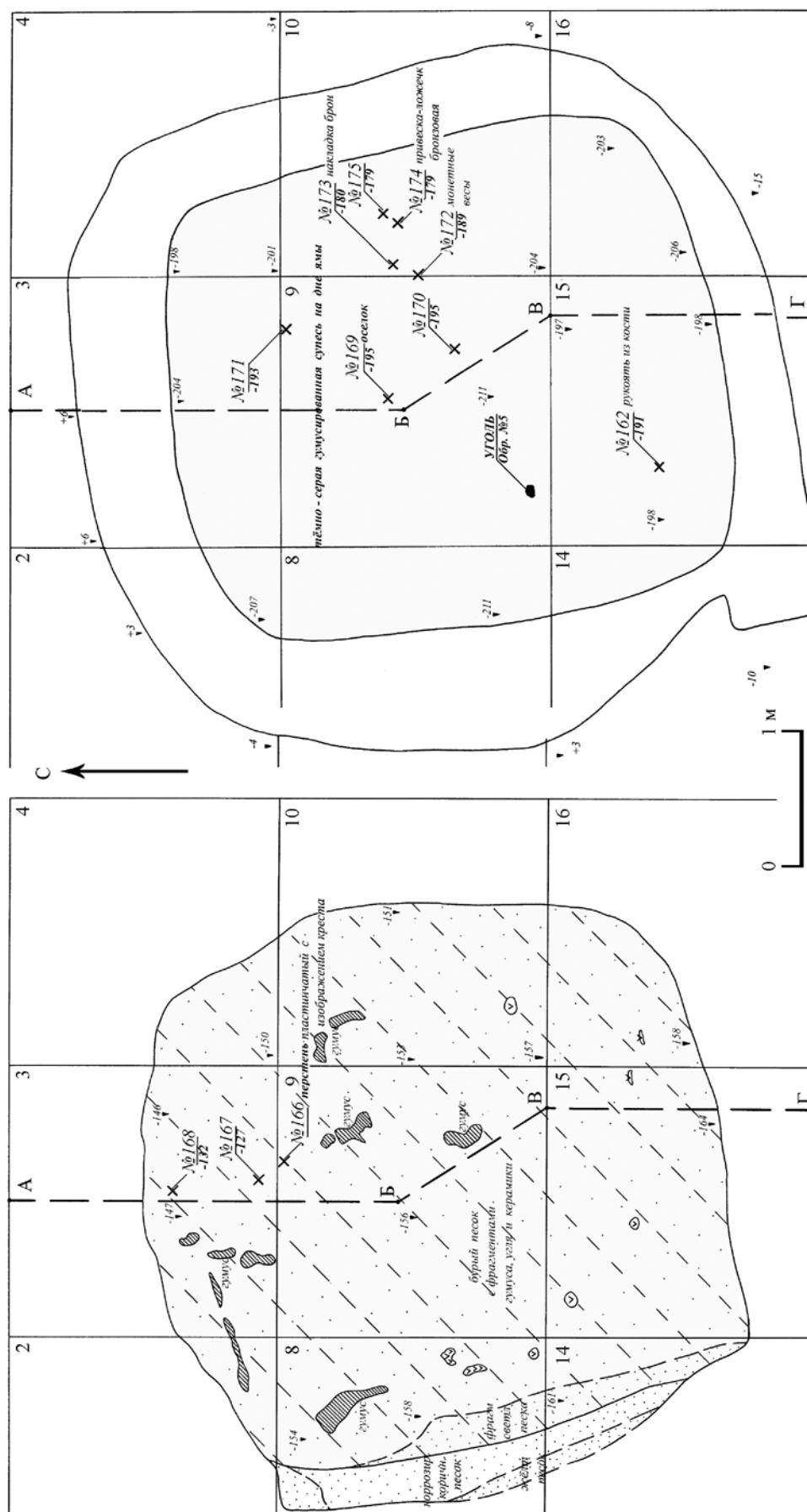

Рис. 16. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1. План зачистки 9-го (-160 см) (слева) и 11-го (-200 см) (справа) пластов

расширение «квадрата» к Ю. Дно погребка было ориентировано по линии С–Ю с небольшим отклонением к СЗ.

Разрез ямы (рис. 8, Б; 9) показывает, что ее заполнение может быть разделено на три группы отложений.

1. Верхняя сильно гумусированная часть заполнения включает черную супесь с мелкими фрагментами угля и пачины (мощность – 10–43 см). Его подстилает серая супесь с мелкими фрагментами угля (мощность – 10–83 см). Под серой супесью залегает прослойка темно-серой супеси (с прослойкой песка) мощностью от 10 до 50 см, которая повторяет форму вышележащего слоя, проваливаясь до отметки -130 см в 1,6 м к Ю от северного края ямы.

2. Бурый песок, залегающий стратиграфически ниже описанных выше слоев, образует заполнение краев и нижнюю часть ямы. Мощность его колеблется. На краях ямы она составляет 20 см в средней части достигает 2 м, а в центре составляет от 55 до 90 см.

3. На дне ямы залегала прослойка темно-серой гумусированной супеси мощностью 5–8 см. Общая глубина ямы составляла 2 м.

Черная и темно-серая супеси отложились, судя по всему, в результате разрушения наземной части деревянного сооружения, остатки которого смещались в погреб по мере разрушения полов. Сохранились следы деревянной конструкции (примерно 2,2×2,2 м), провалившейся в погреб. Залегавший ниже, вплоть до дна ямы, бурый слабо гумусированный песок сформировался с участием материкового песка, поступавшего в яму ранее в результате осыпания стенок котлована. Отсутствие следов отопительного сооружения в заполнении свидетельствует о том, что яму 1 следует интерпретировать как подвальную часть неотапливаемой клетки, которая непосредственно примыкала к отапливаемому срубам, располагавшемуся южнее, над ямой 2 (см. ниже).

Индивидуальные находки, происходящие из ямы 1, весьма многочисленны (64 экз.). Доминируют предметы из металла, в частности, большое количество сапожных гвоздиков, игл и шильев, а также орнаментированные бронзовые поясные накладки, овечьи ножницы, кремневое орудие, которое, вероятно, использовалось для обработки кожи и (или) меха. В связи с этим наиболее вероятным представляется, что наряду с сельским хозяйством (находка обломка полицы) жители двора занимались скорняжным промыслом или обработкой кожи. О зажиточности владельцев постройки

свидетельствуют находки поливной посуды и биллонового перстня, о причастности к операциям с монетой – монетные весы.

Среди находок, происходящих из заполнения ямы 1, практически нет предметов, имеющих узкую датировку. Поэтому для установления археологической даты сооружения необходимо обратиться к керамике. Однако перед этим необходимо дать характеристику остальных ям в материке (рис. 3).

Яма 2 открылась в зачистке материка в 1 м к Ю от ямы 1 (рис. 3; 8, А – справа). Она ориентирована с 3 на В (4,3×2,1 м) и уходила в восточную стенку раскопа. Глубина ее заполнения составляла 20 см, а на 3 выклинивается до 5 см (рис. 3 – разрез О). Центральная часть была заполнена черной супесью с мелкими фрагментами угля и пачины (3,7×1,4 м) вдоль северного и западного краев ямы и серой супесью, смешанной с желтым песком, вдоль южного контура. В этом последнем слое, выступающем у юго-западного края ямы, фиксировались пятна обожженной глины (пачины). Эти отложения говорят о том, что яма 2 связана с отопительным сооружением и, возможно, является подпечной. Встречено два крупных (3×3 и 5×5 см) фрагмента с прокаленной белой гладкой поверхностью – вероятно, поверхностью пода печи. Пятна обожженной глины в южной части ямы 1, зафиксированные на уровне зачистки материка, могли являться частью развала печи, которую можно предполагать над ямой 2.

Фиксация ямы 2 в материке показала, что стенки ее пологие. К С от ямы, между нею и ямой 1, читается узкая полоса материка, в связи с чем установить последовательность откопки ям не представлялось возможным. Не исключено, что заполнение южного (неглубокого) приямка ямы 1 перекрывало яму 2.

После фиксации разреза 3–В была разобрана северная часть ямы 2. В заполнении встречены три находки из железа: массивный строительный гвоздь (рис. 12, 107), обыкновенный гвоздь (рис. 11, Г, 106) и полоса (рис. 11, Д, 105). Керамический материал весьма обилен для столь мелкой ямы (найдено 262 фрагмента, в том числе развал сосуда). 9 обломков серой керамики, в том числе горшки со срезанными венчиками (3,4%), могли попасть в заполнение из более раннего слоя XIV в. Распределение типов керамики таково: красноглиняная грубая – 68%, красноглиняная гладкая – 16,7%, неопределимая красноглиняная керамика – 8,4%, краснолощенная – 0,7%, белоглиняная грубая – 1,5% и ангобированная – 1,5%. Данное соотношение соответствует соотношению,

Таблица 1. Шестое Дунинское селище. Раскоп 2012 г. Процентное соотношение типов керамики, найденной в верхнем слое и заполнении ям.

Типы керамики	Верхний слой	Яма 1	Яма 1	Яма 1	Яма 1	Яма 2	Яма 3
	пл. 1	пл. 2, 3 черная супесь	пл. 4, 5, 6 серая супесь	пл. 7, 8 бурый песок	пл. 11 дно ямы		
Курганная керамика	5,0						
Серая керамика	22,0	4,0				3,4	
Красноглиняная грубая	26,5	63,0	76,0	71,4	100	68,0	69,5
Красноглиняная гладкая ранняя	20,8	18,5	8,4	13,3		16,5	8,5
Краснолощенная	2,8	6,7	7,9	6,6		0,7	13,8
Белоглиняная грубая	14,2	7,5	7,0	4,7		1,5	8,5
Чернолощенная и мореная	1,5	2,7		3,0			
Ангобированная	4,7		0,7			1,5	
Белоглиняная гладкая	1,0						

описанному выше применительно к яме 1. Следовательно, ямы 1 и 2 принадлежат к одному хозяйственному комплексу и синхронны.

Яма 3, зафиксированная в северо-восточном углу раскопа (рис. 3), имела размер 2×2,35 м и уходила в его стенки. Она была заполнена серой супесью, а в центре (1,7×0,4 м) – черной супесью с углем. В юго-западном углу кв. 6 читался угол ямы прямоугольной формы. Яма имела подквадратные очертания и ориентирована по линии С–Ю с отклонением к СЗ, то есть так же, как и яма 1. С З к центральному углублению примыкало углубление меньших размеров округлой формы (1,1×0,55 м), которое также уходило в северную стенку раскопа.

После выборки пласта 2 была проведена зачистка: размеры ямы сократились до 2×1,2 м, северная ее часть на этом уровне была заполнена черной супесью с углем, а периферия – бурым песком. В ходе выборки пласта 3 обнажилось дно ямы. Глубина ямы от уровня материка составляла 60–80 см (рис. 3, профиль И). В толще черной супеси прослежен горизонт угля, нижняя часть ямы заполнена бурым песком. В заполнении найдены два сапожных гвоздика (рис. 11, В, 138, 142) и 82 фрагмента керамики – красноглиняной грубой (69,5%) и гладкой (8,5%), а также столовой краснолощенной (13,5% – склеены части двух кувшинов с лощением и без). Соотношение типов керамики и присутствие сапожных гвоздиков напоминает комплекс ямы 1. Видимо, подполье, следами которого является яма 3, являлось элементом усадьбы.

Яма 4 располагалась на довольно значительном расстоянии от ямы 1 – в 7,5 м к З от нее. В раскоп вошел лишь западный край ямы (2×0,45 м). Поверхность ямы представляла собой массив

обожженной глины, к которому с Ю примыкала полоса (75×20 см) угля, смешанного с гумусом. Практически все заполнение состояло из красной обожженной глины, в которой встречалась керамика. Разрез ямы (рис. 3, Т) показал, что она была заглублена на 1,2 м от горизонта материка. По дну залегал слой черной углистой супеси мощностью от 5 до 22 см. Здесь обнаружены два фрагмента керамических плиток из красножгущейся глины. Поверхность одной из них подморенная, толщина более 12 мм, поверхность другой заглажена. Встречен 21 фрагмент керамики: 11 – красноглиняной грубой, 5 – красноглиняной гладкой и 4 – белоглиняной грубой. Таким образом, по составу керамики яма 4 синхронна ямам 1–3. Судя по всему, перед нами следы ямы, располагавшейся под открытой надворной печью. К такому выводу склоняет сочетание развала отопительного сооружения с небольшим количеством керамики и отсутствием следов жилища (находок). В то же время наличие керамики не позволяет видеть здесь овин.

Комплекс керамики из ямы 1

Закрытый комплекс, происходящий из заполнения постройки, включает 1163 фрагмента керамики. Из слоя гумусированной супеси (пласты 2, 3), отражающей остатки сгоревшей наземной постройки, просевшие в погреб, происходит 914 фрагментов. Из пластов 4–6, отражающих начальный этап разрушения постройки и заполнения погреба, – 144. И наконец, из слоя грязного песка (пласты 7–11), отложившегося в период функционирования постройки, собрано 105 фрагментов (в том числе 13 со дна погреба). Данные, представленные в таблице 1, показывают, что соотношение типов керамики во всех этих слоях практически идентично.

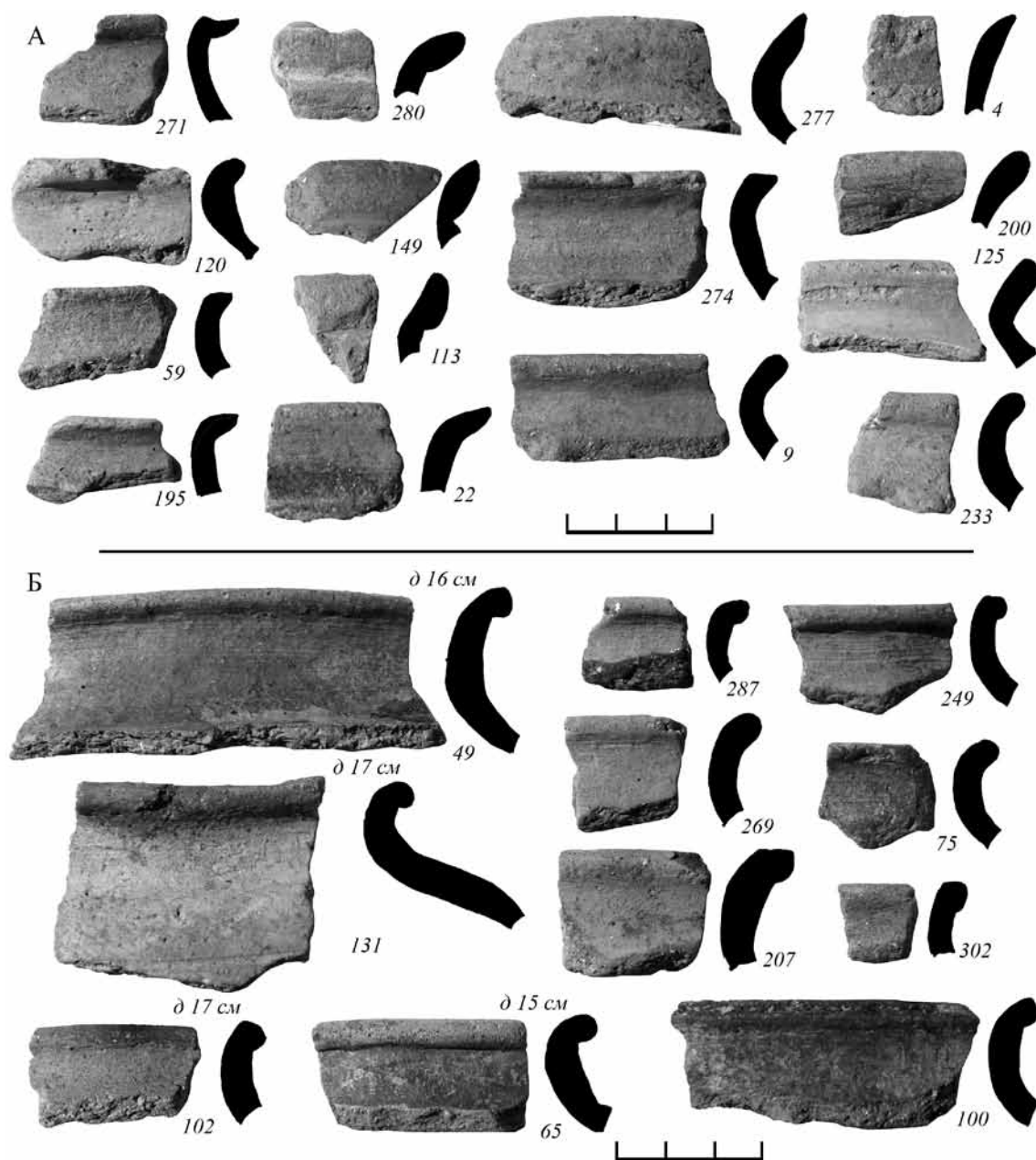

Рис. 17. Дунино-6. Раскоп 1. Красноглиняная грубая керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3

А – вариант 1, со слабо отогнутым венчиком и заостренным краем; Б – вариант 3, со слабо отогнутым венчиком, имеющим небольшое расширение или валик снаружи

По соотношению типов керамики и ее формам комплекс из Дунино-6 отражает тот этап в бытовании керамики, когда еще продолжала доминировать красноглиняная грубая посуда (63–76%; краснолощеной 6–8%), которая в первой четверти XV в. абсолютно господствовала и ярко представлена в комплексах Михайловское-2 и Козья горка (Чернов, 1991. С. 30). В то же время наряду с красноглиняной грубой посудой здесь фиксируются (в небольшом количестве) типы керамики,

которые получили широкое распространение в последней четверти XV в. и были известны по комплексам из сооружений московского посада, сгоревших в 1493 г. (Чернов, 1991. С. 50). Это красноглиняная гладкая ранняя (8–18%), белоглиняная грубая (5–7%) и чернолощеной (0,5–1%) керамика.

Комплекс из ямы 1 Дунино-6 напоминает по своему составу комплексы из ям 1, 2, 6 селища Котово, причем в них мы фиксируем прямые аналогии ранее не встречавшихся форм венчиков

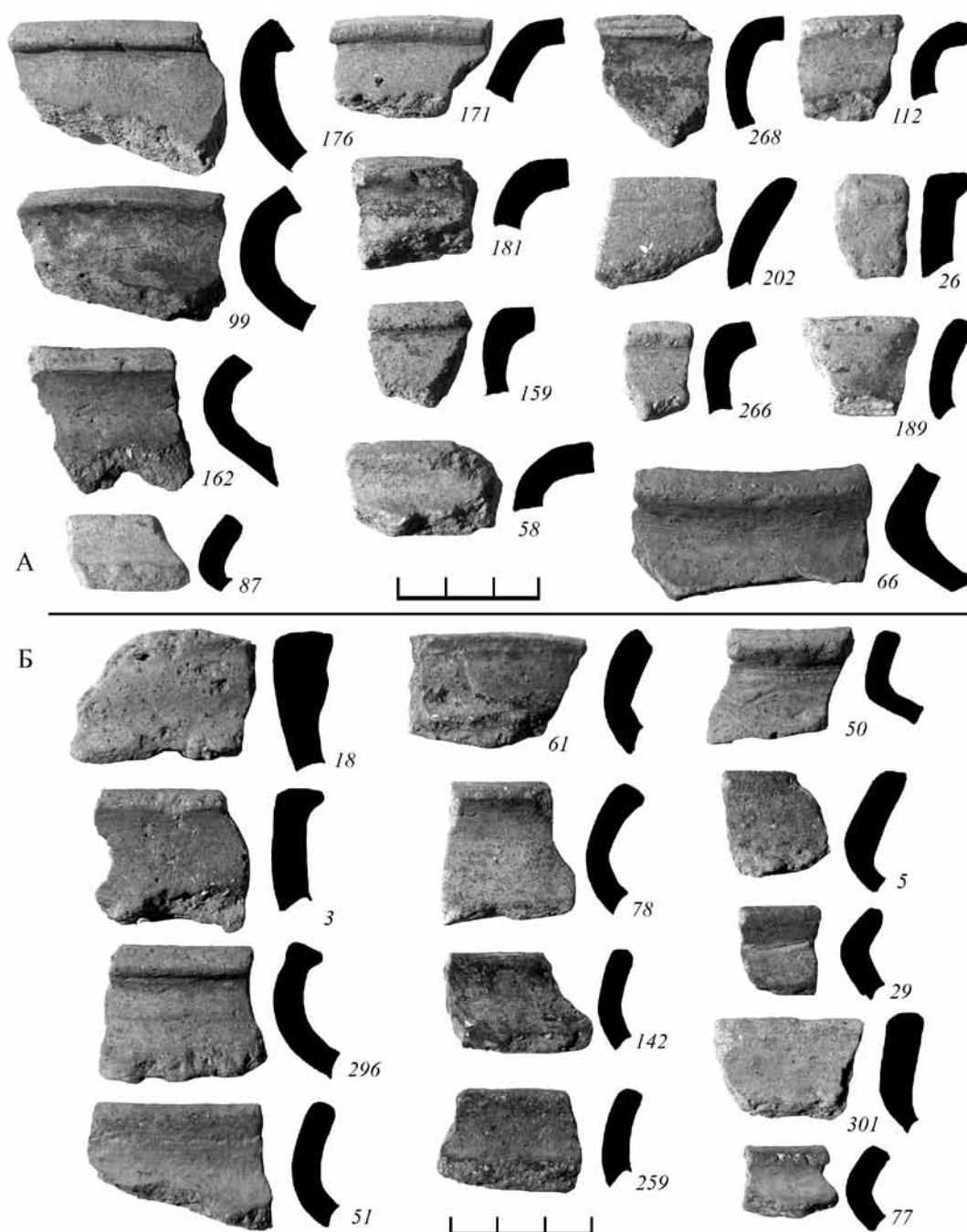

Рис. 18. Дунино-6. Раскоп 1. Красноглиняная грубая керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. Ранее не фиксировавшиеся варианты

А – с отогнутым наружу венчиком со срезанным краем; Б – со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком без специальной обработки края.

красноглиняной керамики: с нависающим валиком снаружи, с краем, резко отогнутым наружу под 45 градусов, большое число срезанных венчиков (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. Рис. 6, 3; 8, 5; Рис. 11, 8), которые дают большие серии в Дунино-6 (рис. 17–21). Поскольку материалы из Дунино-6 не укладываются в последнюю

четверть XV в., комплекс следует датировать более ранним временем.

Красноглиняная грубая керамика представлена большим числом вариантов. Вариант 1, со слабо отогнутым венчиком и заостренным краем (рис. 17 А), широко распространен и фиксируется в Михайловском-2 (Московская керамика, 1991.

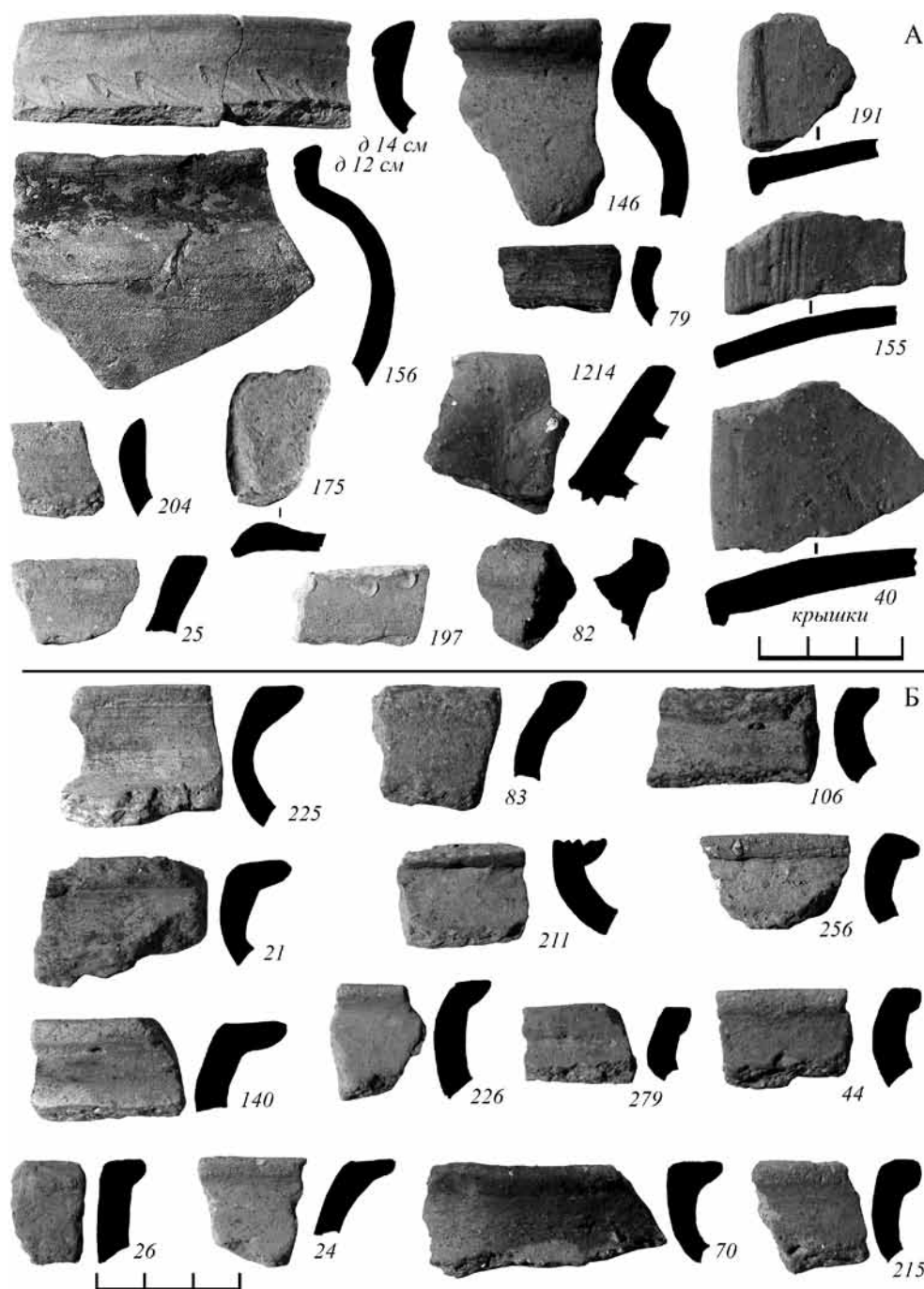

Рис. 19. Дунино-6. Раскоп 1. Красноглиняная грубая керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3

А – вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны, фрагменты крышек горшков (40, 155, 175, 191), сковороды (1214) и миски (82); Б – вариант 4, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, край которого имеет вид горизонтальной площадки (часть оттянутый наружу)

Табл. 71, 159). Вариант 3, со слабо отогнутым венчиком, имеющим валик снаружи, в комплексах этого типа не встречен (рис. 17 Б). Совершенно не характерны для комплексов типа Михайловского-2 варианты со срезанным краем и со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком без

специальной обработки края (рис. 18, А, Б). Зато они представлены в Котово (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 197. Рис. 8, 2, 3, 6).

Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны (рис. 19, А; 20, А),

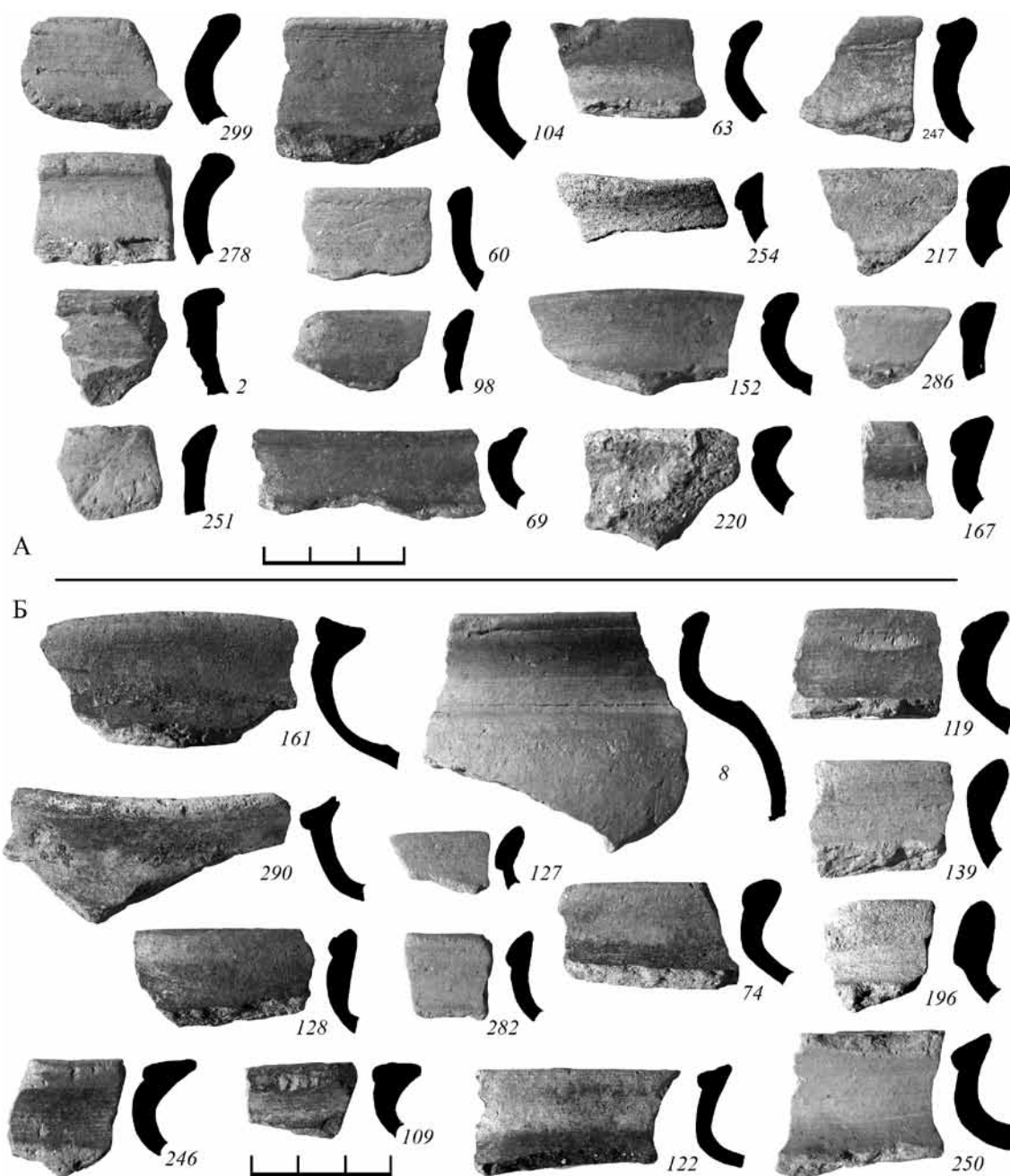

Рис. 20. Дунино-6. Раскоп 1. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3

А – красноглиняная грубая керамика. Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны; Б – красноглиняная гладкая ранняя керамика. Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны

характерен для всех стадий развития московской красноглиняной керамики и не является хронологическим маркером. Впрочем, в верхнем слое Дунино-6 найден подобный венчик с орнаментом в виде косой волны позднего вида (с заостренным краем волны) (рис. 19, А, *верхний ряд, слева*), который имеет аналогию в Михайловском-2 (МК, 1991. Табл. 71, 155).

Особенно интересны формы варианта 4 со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, край которого имеет вид горизонтальной площадки. Имеются формы с обычной горизонтальной площадкой, распространенные в Михайловском-2 (МК, 1991. Табл. 70, 158, 186). Однако преобладают формы с горизонтальной площадкой, резко отогнутой наружу (рис. 19, Б), которые

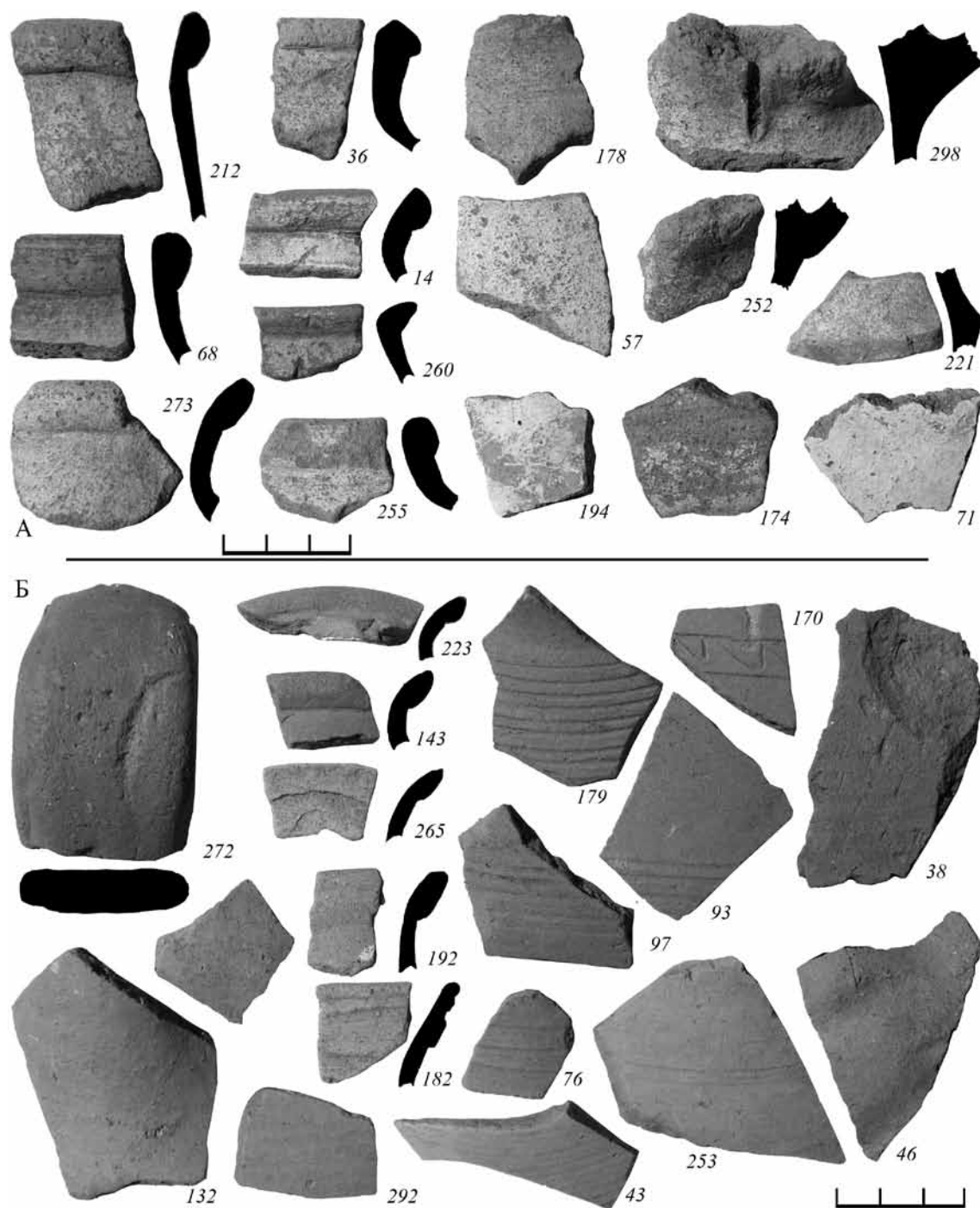

Рис. 21. Дунино-6. Раскоп 1. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3

А – ангобированная керамика из белой глины; Б – краснолощенная керамика

в Михайловском-2 единичны (МК, 1991. Табл. 70, 153).

Интересны фрагменты крышек горшков (№ 40, 155, 175, 191), сковороды (№ 1214) и миски (№ 82) (рис. 19, А).

Красноглинная гладкая ранняя керамика представлена главным образом вариантом 2, со слабо

отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны (рис. 20 Б), характерным для комплексов последней четверти XV в. С этими комплексами связаны также ангобированная керамика из белой глины и краснолощенная керамика, которые ярко представлены в верхнем слое Дунино-6 (рис. 21, А, Б).

Таблица 1. Шестое Дунинское селище. Раскоп 2012 г. Радиоуглеродные даты.

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC/AD
1	Дунино-6, пр. 5а. Яма 1. Пл. 11 (дно) (внешние кольца) (уголь, 7 г)	Ki – 17888	550 ± 40	1 σ 1322–1424 AD 2 σ 1304–1438 AD
2	Дунино-6, пр. 5б. Яма 1. Пл. 11 (дно) (внутренние кольца) (уголь, 7 г)	Ki – 17889	620 ± 35	1 σ 1298–1393 AD 2 σ 1290–1402 AD
3	Дунино-6, пр. 6а. Яма 1. Пл. 3 (внешние кольца) (уголь, 3,5 г)	Ki – 17890	570 ± 60	1 σ 1309–1418 AD 2 σ 1293–1436 AD
4	Дунино-6, пр. 6б. Яма 1. Пл. 3 (внутренние кольца) (уголь, 1,5 г)	Ki – 17891	570 ± 50	1 σ 1312–1416 AD 2 σ 1297–1431 AD
5	Дунино-6, пр. 7а. Яма 1. (внешние кольца) (уголь, 3 г)	Ki – 17892	550 ± 50	1 σ 1319–1428 AD 2 σ 1299–1441 AD
6	Дунино-6, пр. 7б. Яма 1. яма 1 (внутренние кольца) (уголь, 4 г)	Ki – 17893	590 ± 40	1 σ 1310–1405 AD 2 σ 1296–1415 AD
7	Дунино-6, пр. 3. Яма 1. Пласт 7 (уголь, 7 г)	Ki – 17894	510 ± 50	1 σ 1330–1444 AD 2 σ 1305–1463 AD
8	Дунино-6, пр. 4. Яма 1. Пласт 7 (уголь, 8 г)	Ki – 17895	490 ± 40	1 σ 1413–1443 AD 2 σ 1324–1465 AD

Рассмотренный материал из верхнего слоя Дунино-6 близок по формам комплексам из ям 1, 2, 6 селища Котово, причем в них мы фиксируем прямые аналогии ранее не встречавшихся форм венчиков красноглиняной керамики: с валиком снаружи, с краем, резко отогнутым наружу, а также большое число срезанных венчиков (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. Рис. 6, 3; 8, 5; 11, 8), которые дают серии в Дунино-6 (рис. 17–21).

Итак, с точки зрения развития типов московской красноглиняной посуды материалы из Котово и Дунино-6 можно помещать между комплексами Михайловское-2 и сооружениями Исторического проезда, погибшими в 1493 г. и датировать второй – третьей четвертями XV в.

Таким образом, время предполагаемого бытования монет (первая четверть XV в.) и время бытования керамики (вторая – третья четверти XV в.) различается не менее чем на четверть века. И это при том, что о связи монет с постройкой говорит как их концентрация непосредственно над ямой, так и обнаружение в яме монетных весов. В этой ситуации логично обратиться к датировкам, которые базируются на данных естественных наук.

Радиоуглеродные даты постройки

По углю от деревянных конструкций их ямы 1 получено восемь радиоуглеродных дат (табл. 1), которые проанализированы А. Л. Александровским.

Крепление стенок подвала выполнялось из жердей, поэтому среди сохранившихся образцов удалось найти только три обугленных фрагмента дерева, имевших около 20 годовых колец. На анализ были взяты образцы, сформированные из внешних и внутренних колец одного дерева, между которы-

ми было по 10–12 колец. Даты по внешним кольцам, которые ближе ко времени порубки дерева, отличаются от внутренних на 40 и 70 лет, но в одном случае – на 0 лет, что говорит о степени точности метода. В то же время диапазоны между предельно поздними датами внутреннего и внешнего колец (по данным калибровки с вероятностью 90,9%) каждой из трех жердей почти точно повторяли друг друга: 1402–1438, 1431–1436, 1415–1441 гг. Это позволяет осторожно предположить, что подвал строился не позднее 1440 г.

По данным калибровки, большинство интервалов калиброванного возраста захватывают ту или иную часть первой половины XV в. Даты по образцам 7 и 8 захватывают и середину XV в. Наиболее точный калиброванный интервал получился для даты 490 ± 40 лет: 1413–1443 гг. (для вероятности 1 sigma).

Надо учитывать, что ближе ко времени порубки должны быть даты по внешним кольцам 550 ± 40 , 570 ± 60 и 550 ± 50 лет. При этом не вполне ясно, сколько еще колец не вошло в пределы изученных фрагментов. Обычно сохраняются внутренние кольца, а внешние теряются. Таким образом, из дат следует вычесть минимум около 20 лет. По данным ванн дер Плихта, разница между датами по древесине и однолетними растениями составляет в среднем 50 лет. Следовательно, собственно радиоуглеродный возраст деревьев (время их порубки, а не возраст датированных колец) находится в интервале $500\text{--}530 \pm 50$ л. н.

Отметим, что, по мнению В. В. Скрипкина, «по логике получается, что дата постройки и существования объекта все же должна находиться в интервале 1390–1430 AD».

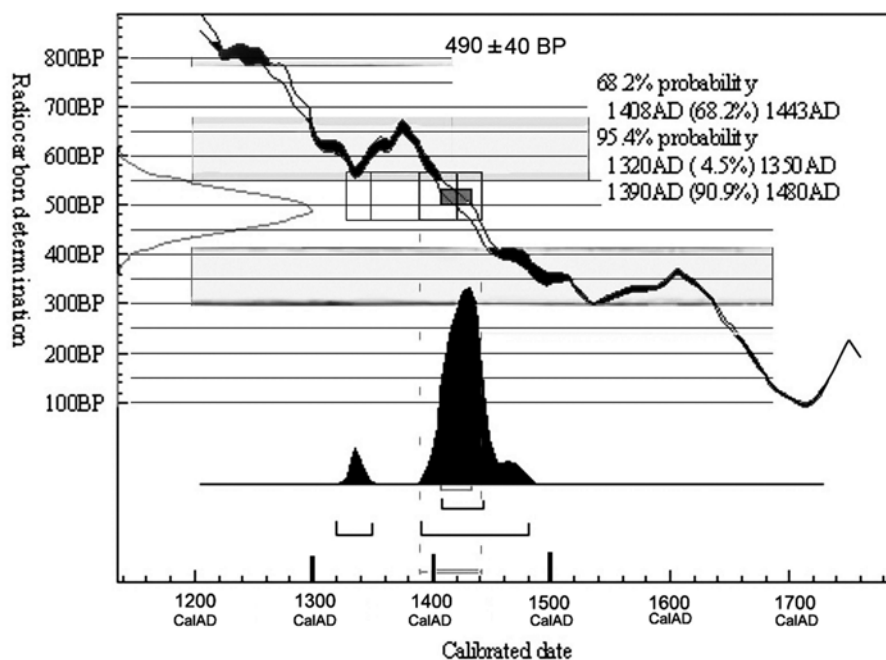

Рис. 22. Результаты калибровки ^{14}C дат по образцам из Дунино-6. Исходный рисунок создан калибровочной программой для даты 490 ± 40 лет

На рисунке калибровочной кривой (рис. 22; исходно был сделан для даты 490 лет) дан предполагаемый возраст 500–530 лет назад (прямоугольником). Однако дата имеет ошибку ± 50 лет (показана вертикальной линией). В соответствии с этим получаются два отрезка интервала калиброванного возраста. Предпочтительный выделен залитым контуром. В итоге возраст объекта следует относить к интервалу 1390–1440 гг. н. э. (отрезок в нижней части рисунка).

Сопоставление результатов и исторические коррективы

Применительно к интересующему нас противоречию результаты радиоуглеродного датирования важны в двух отношениях. Во-первых, они уверенно исключают из зоны датирования ямы 1 период после 1460 г. и свидетельствуют о наибольшей вероятности датировки периода жизни сооружения второй четвертью XV в. Во-вторых, они не исключают датировку сооружения какой-то частью первой четверти XV в.

Полученные данные заставляют более внимательно рассмотреть стратиграфическую ситуацию и возможную последовательность отложения слоев в районе находки монет. Основная группа из трех монет (рис. 7, 18–20), две денги Василия I и полу-денга Владимира Андреевича Храброго найдены на линии длиной 1,5 м в кв. 9, то есть над самым

центром ямы. Они зафиксированы на отметках +24, +22 и +23 см, то есть на 12–14 см выше уровня зачистки материка (+7/+8 см), в средней части однородного слоя темно-серой супеси, который достигал над центром ямы 1 мощности 35 см. Нижегородская денга обнаружена в 1,9 м к 3, у края ямы, на отметке +32 см. Наряду с монетами здесь же найдены криноконечный (рис. 3, № 33) и квадратноконечный (рис. 3, № 37) кресты-тельники. Период бытования первого из них включает первую треть XV в., то есть лежит ближе к датам монет, чем к керамическому комплексу из ямы 1.

Керамический материал из верхнего слоя также хронологически сдвинут в направлении даты монет и глубже, в XIV столетие. Наряду с керамикой, идентичной той, которая найдена в комплексе, здесь встречена красноглиняная грубая керамика с орнаментом «косая волна», имеющая аналогии в комплексах из Шавыкина монастыря 1380–1390-х гг. (Чернов, 1995. Рис. 8, 3-й сверху) и Михайловское-2 первой четверти XV в. (МК, 1991. Табл. 70, 71). Кроме того, найдено некоторое количество серой керамики, в том числе венчики с эллипсовидными валиками, обнаруженные в комплексе Дубинкин лес-1 третьей четверти XIV в. (Кренке, 2005. Рис. 33, 1, 5), и венчики с козырьком, встреченные в Шавыкином монастыре (Чернов, 1995. Рис. 8, 11-й сверху). Таким образом, диапазон датировки верхнего слоя включает первое – второе десятилетия XV в.

В связи с этими наблюдениями следует обратить внимание на то, что находки, сделанные на дне погребца, – монетные весы и исключительно красноглиняная грубая керамика – относятся к раннему этапу использования сооружения, когда на дне еще не начал скапливаться песок, просачивающийся через стенки погребца. Поскольку монетные весы и монеты, скорее всего, использовались одновременно, последние логично связать с ранним этапом жизни людей, которые возвели эту усадьбу. Оказаться же в земле монеты вполне могли значительно позже (например, как забытый схрон) на последней стадии разрушения постройки, когда большая часть конструкций уже просела в погреб.

Следовательно, нельзя исключить, что активные денежные операции действительно протекали здесь в княжение Василия I, возможно, до 1413 г. (до конца 1410-х гг. или даже до конца княжения Василия I в 1425 г.).

Последнему предположению не противоречат и данные письменных источников. Как свидетельствует план земельной дачи села Козина 1760-х гг., исследованные селище и могильник расположены в пределах ее заречной части (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к). История этого крупного владения известна с 1402–1403 гг., когда Звенигородский князь Юрий Дмитриевич передал село Козинское с землями Саввино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту грамоты, выданной ранее 10 мая 1404 г., до перехода к монастырю жители этого владения платили князю дань, ям, подводу, тамгу, осьмничее, кости, явку, пересуд и правой десяток. Их судили «намест-

ницы звенигородские и волостели и их тивуни» (АСЭИ, 1964. С. 79, 80, № 53). Состав этого владения реконструируется благодаря грамоте 1470–1472 гг., по которой оно было выменено у монастыря звенигородским князем Андреем Васильевичем (сыном Василия II). Наряду с селом Козинским «селище Дунинское, да село Поречкое, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григореново, да Якушев» а также 2 деревни, 13 селищ и луг под Козином (АСЭИ, 1964. С. 91. № 58а). Учитывая, что Шестое Дунинское селище совпадает с кустом Власьевских микротопонимов (в частности, Власьевкой называлась поляна, на которой был заложен раскоп), и принимая во внимание немалые размеры памятника, его можно идентифицировать с «деревней Власьевской», упомянутой в грамоте 1470–1472 гг. Таким образом, исследованный двор располагался в старожильской княжеской деревне, которая около 1402 г. перешла под управление Саввино-Сторожевского монастыря. Это была наиболее удаленная деревня подгородного села Козинского, которая располагалась у большой дороги из Москвы в Можайск и Литву.

Археологические данные позволяют предполагать, что появление серебряных монет в деревне в конце первой четверти XV в. было связано не с выдачей князем или монастырем кредита («серебро на людях»), но с ремесленной специализацией двора, где проживал сапожник или скорняк, выполнявший заказы и получавший вознаграждение (о чем, кстати, свидетельствует и присутствие редкого разменного номинала – полуденги).

Литература

Алексеев А. В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.–Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. 280 с.

АСЭИ. М., 1964.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве//МК. М.: ИА АН СССР. С. 33–40.

Вичуга, 2013.

Волков И. В., 2003а. О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в.//Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. С. 134–146. (Тр. ГИМ. Вып. 138).

Волков И. В., 2003б. Средневековые монеты с селища Могутово-2//Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). М. С. 35–43.

Волков И. В., 2015. «Коломенские птички», «владимирские воины», «переславские шуки»: о целях и последствиях денежной реформы начала 1410-х гг.//18-я Всерос. нумизм. конфер. Тезисы. М.: Триумф принт. С. 150–153.

Волков И. В., Лейбов В. Л., 2007. Полуденги удельного княжества Серпуховского//Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М.: Древлехранилище. С. 42–59.

Волков И. В., Зайцев В. В., Лейбов В. Л., 2010. Серебряные монеты московских удельных князей. Конец XIV – начало второго десятилетия XV в. Каталог-определитель. М.: Древлехранилище. 144 с.

Волков И. В., Титов Г. А., 2013. Новые материалы для исследования денежного обращения московских земель в конце правления Василия//

Нумизматические чтения ГИМ 2013 г. Материалы докладов и сообщений М.: Триумф принт. С. 110–115.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В. 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово-1 в Истринском районе Московской области//АП. Вып. 2. М. С. 184–210.

Гришин И. В., Клецинов В. Н., 2001. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М.: Едиториал УРСС. 102 с.

Гайдуков П. Г., 2006. Русские полуденги четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф. 407 с.

Григорьев А. В., Зайцев В. В., 2000. О находке фрагментов костяных монетных весов XV в. в Тульской области//8-я Всерос. нумизм. конфер. Тезисы. М. С. 129–131.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2013. Русские монеты 1353–1533. Минск: Едиториал УРСС. 96 с.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Клянин Р. В. 1997. Корнике – город рязанского княжества//Славянский средневековый город. Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 2. М.: Едиториал УРСС. С. 140–146.

Кренке Н. А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв.//Культура средневековой Москвы. Т. III. М.: Наука. С. 293–325.

Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках/Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика. 318 с.

МК. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с.

Недошивина Н. Г., 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец//История и культура Евразии по археологическим данным. М.: Наука. С. 107–111.

Орешиников А. В., 1896. Императорский Российский Исторический музей. Описание памятников.

Вып. I. Русские монеты до 1547 г. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 273 с.

Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. 134 с.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология височных колец//Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Рабинович М. Г., 1959. Крепость и городок Тушков//СА. Вып. XXIX–XXX. М. С. 263–286.

Романченко Н. Ф. 1928. Образцы Старицкого медного литья с монетами 1394–1486//Материалы по истории русского искусства. Т. 1. Л.: Русский музей. С. 37–42.

Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А., 2004. Ювелирные изделия//Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 52–65. (Тр. Подмосковной эксп. ИА РАН. Т. 2).

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 220 с.

Толстой И. И., 1889. Три клада русских денег XV и начала XVI в.//ЗРАО. Новая серия. Т. IV. Вып. 1. СПб. С. 30–49.

Толстой И. И., 1913. Монеты великого князя Василия Дмитриевича//Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. II. Вып. III–IV. СПб. С. 1–89.

Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.: МГУ. 255 с.

Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в.//МК. М.: ИА АН СССР. С. 20–32.

Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV – начала XVI в.//МК. М.: ИА АН СССР. С. 50–60.

Чернов С. З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь по археологическим данным//Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 123–182.

Чернов С. З., 1997а. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. Т. 3./Архив Главного управления культуры Московской области. 46 с.

Чернов С. З., 1997б. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте//РА. № 2. С. 123–149.

Чернов С. З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже//РА. № 1.

Чернов С. З. 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней чет-

верти XIII – первой половине XIV в. // Археология Подмосковья: Матер. научн. семинара М.: ИА РАН. С. 245–284.

Чернов С. З., 2011. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дунинское селище у быв. артели «Металлист» и грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в 2011 г. Т. 1, 2. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36327, 36328.

Чернов С. З., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях шестого Дунинского селища в зоне возведения часовни кладбища деревни Дунино (Одинцовский район Московской области) в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 46221.

Чернов С. З., 2015. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося *in situ*: селище Лешково-4 (Белухинское) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 304–338.

Чернов С. З., Волков И. В., 2015. Русские серебряные монеты рубежа XIV–XV вв. из раскопок

Шестого Дунинского селища и их археологический контекст // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М.: ГИМ. С. 81–93.

Чернов С. З., Гончарова Н. Н., 2015. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.–Вологда: Древности Севера. С. 444–459.

Чернов С. З., 2016. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // РА. № 1. С. 160–173.

Chernov S., Erschova E. 2013. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / Ed. Jan Klápště. Vol. 9. Turnhout: Brepols Publishers. P. 387–406.

S. Z. Chernov

A courtyard with money weights at the village of Vlasievskaya, near to Zvenigorod – a «different» 15th century

Summary

The article presents the results of excavations (covering 161 square metres) which revealed traces of four buildings on a country estates of the 15th century. Details are given of items and ceramics, which radio-car-

bon dating places in the second quarter or middle of the 15th century. The author suggests that a ceramics works from Pit 1 at the site illustrates domestic ceramic ware in the Moscow Region in the early and mid-15th century.

А. А. Полюлях

Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды

Археологическими исследованиями в центральной части с. Гжель в 1985, 1986 и 1988 гг. была вскрыта часть крестьянской гончарной мастерской, действовавшей, по-видимому, в XVI–XVIII вв. с культурным слоем, сильно насыщенным обломками керамики (35 795 ед.). Коллекционная выборка из этого массива составила 1284 фрагмента¹.

Анализ выборки показал, что в ее состав входит ряд типов и форм керамики:

- *белоглиняная* – горшки, кувшины, корчаги, миски, сковороды;
- *белоглиняная расписная* – горшки, кувшины, игрушки;
- *поливная* – миски, фляги, сосуды, черепица;
- *чернолощенная* – кувшины, кубышки, фляги, горшки, миски, цветочные горшки, игрушки.

Ввиду значительности коллекционной выборки керамики и большого количества посудных форм разных типов ранее были опубликованы только белоглиняные горшки (Полюлях, 2016. С. 476–546). В настоящей публикации представлены остальные типы и формы белоглиняной посуды.

Белоглиняная керамика

Белоглиняные кувшины

Фрагменты кувшинов наряду с горшками составляют самую значительную группу в коллекционной выборке керамики – 414 обломков (32%), из них 285 происходят с раскопа 1. В эту группу входят венчики, горловины, ручки и декорированные стенки (приложения 1, 2), из которых было восстановлено пять целых форм и три верхние части кувшинов. Но с учетом фрагментарности полученного материала выделение

типов и подтипов имеет предварительный характер.

По реконструированным профилям и отдельным фрагментам выборки выделяются два типа кувшинов, имеющих характерные форму, пропорции и декор: тип 1 – овоидные и тип 2 – сферические.

К кувшинам типа 1 относятся разноразмерные сосуды с овоидным туловом, имеющие по результатам обмеров высоту от 23 до 35–36 см и максимальный диаметр от 15 до 28 см соответственно. По высоте горла, при диаметре верхнего края от 10–14 см, выделены два подтипа: подтип 1/1 – с высоким (10–13 см) горлом и подтип 1/2 – с низким (около 8 см) горлом.

К подтипу 1/1, кувшинов с овоидным туловом и высоким горлом, относится кувшин (В – 23 см, Д – 15 см, V = 1,5 л) с горлом высотой 10 см, равной почти половине его общей высоты (рис. 1, 1; ОФ/10). Тулово кувшина имеет перегиб плечика, характерный для горшков. Ручка дугообразной формы, прут в сечении круглый (Д – 1,7 см). Декора нет. Обломки этого кувшина происходят из пласта 11 раскопа 1. Аналогичный по форме и размерам кувшин найден в 1996 г. в московском Гостином дворе (Векслер, 1997). Он декорирован прямой линией под нижним креплением ручки.

К подтипу 1/1 относится фрагмент горла кувшина высотой 10 см с диаметром венчика 11 см, декорированный в верхней части серией из пяти линий (рис. 1, 2; ОФ 27642/29). Он найден в пласте 11 раскопа 1.

К тому же подтипу относится и верхняя часть кувшина с горлом высотой 13 см (В ≈ 35–36 см, Д – 28 см, V ≈ 10 л) (рис. 1, 3). Его ручка имеет

¹ Хранится в составе трех коллекций: ОФ 27642/1-55, НВФ 17090/1-1229. Часть находок была ранее, в 1986 и 1988 гг., передана автором раскопок А. Г. Векслером в ЗАО «Объединение Гжель» (Московская обл., Раменский р-н, пос. Новохаритоново), где они в настоящее время хранятся и выставлены в витрине выставочного зала в административном здании.

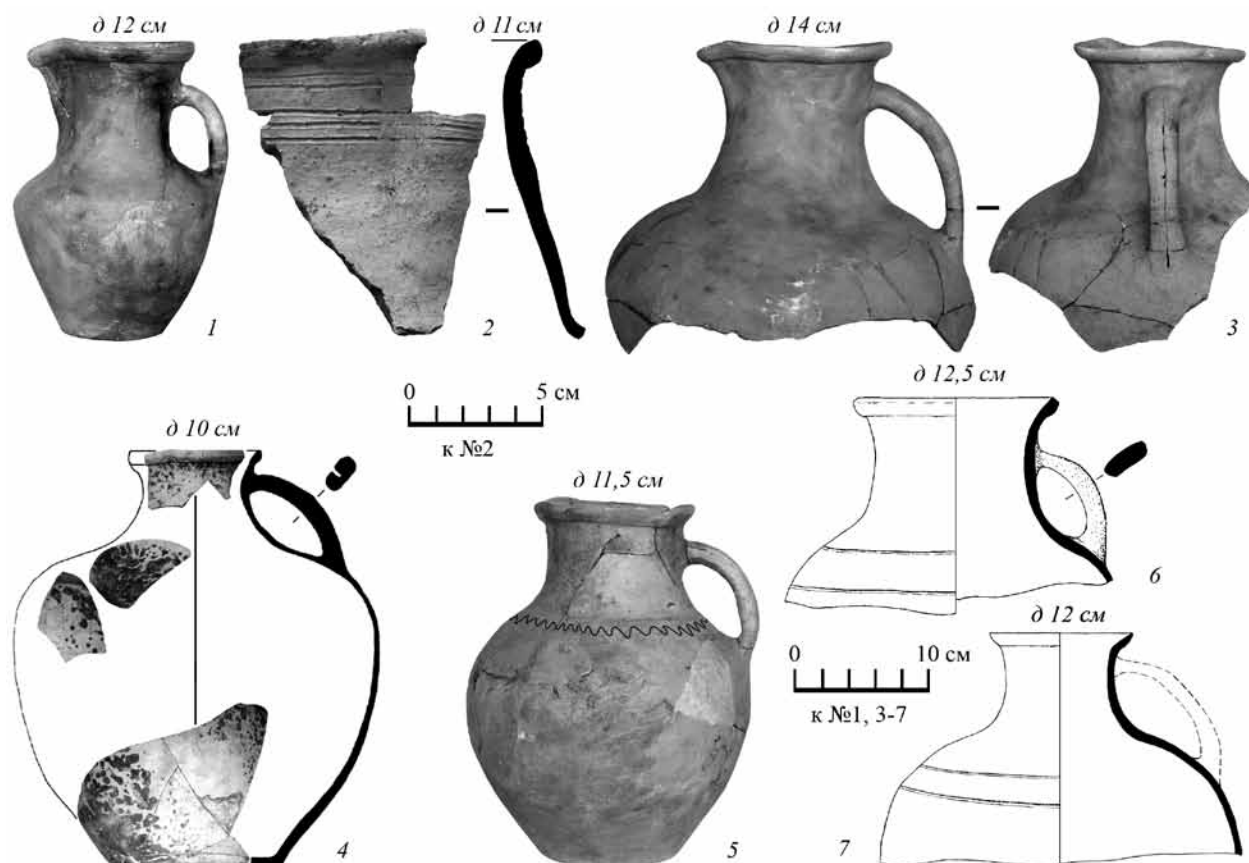

Рис. 1. Кувшины типа 1

1 – ОФ/10; 2 – ОФ 27642/29; 3 – ЗАО «Объединение Гжель»; 4 – НВФ 17090/65–71;
5 – ЗАО «Объединение Гжель»; 6 – НВФ 17090/75; 7 – НВФ 17090/51–52

дугообразную форму, прут в сечении овальный (2,5×1,6 см) с продольным надрезом по всей длине внешнего изгиба. Кувшин декорирован двумя параллельными линиями, нанесенными по середине плечика на уровне нижнего крепления ручки. Его обломки найдены в пласте 8 раскопа 1.

О подобных кувшинах, как о наиболее ранних в Москве, упоминает Р. Л. Розенфельдт, но, не представляя их в таблицах белоглиняной керамики, указав лишь на сходство с красноощеными кувшинами второго типа (*Розенфельдт*, 1968. С. 46). Бытование их в Москве он относит к XV – началу XVI в., а производство – к Яузской гончарной слободе, где их фрагменты отмечались в ямах с керамическим браком².

К подтипу 1/2 – кувшинов с овоидным туловом и низким горлом – относится экземпляр с горлом высотой 8 см (В – 32 см, Д – 26 см, V ≈ 7,2 л)

(рис. 1, 4), ручкой дугообразной формы с овальным (3,0×1,6 см) в сечении прутком и продольным надрезом по всей длине внешнего изгиба. Кувшин без декора. Его фрагменты найдены в слоях 3–4 врезки.

Второй кувшин этого подтипа имеет также горло высотой 7,5 см (В – 26,5 см, Д – 21 см, V ≈ 5 л) (рис. 1, 5). Ручка дугообразной формы с овальным (2,3×1,5 см) в сечении прутком. Кувшин декорирован волнистой линией по основанию плечика, выше нижнего крепления ручки. Его фрагменты были найдены в пластах 12–13 раскопа 1.

К этому же подтипу относятся верхние части еще двух кувшинов. Первый из них (В ≈ 34–35 см, Д – 24 см, V ≈ 11 л) с горлом высотой 8 см имеет ручку дугообразной формы с овальным (3,4×1,3 см) в сечении прутком; декорирован двумя параллельными линиями, нанесенными посередине плечика

² Предварительный просмотр керамического материала, полученного М. Г. Рабиновичем в 1946–1947 гг. во время раскопок Яузской гончарной слободы и хранящегося в археологическом отделе Музея Москвы (ОФ 8274/1–1094, НВФ 15764/1–4755), не дает подтверждения этому мнению.

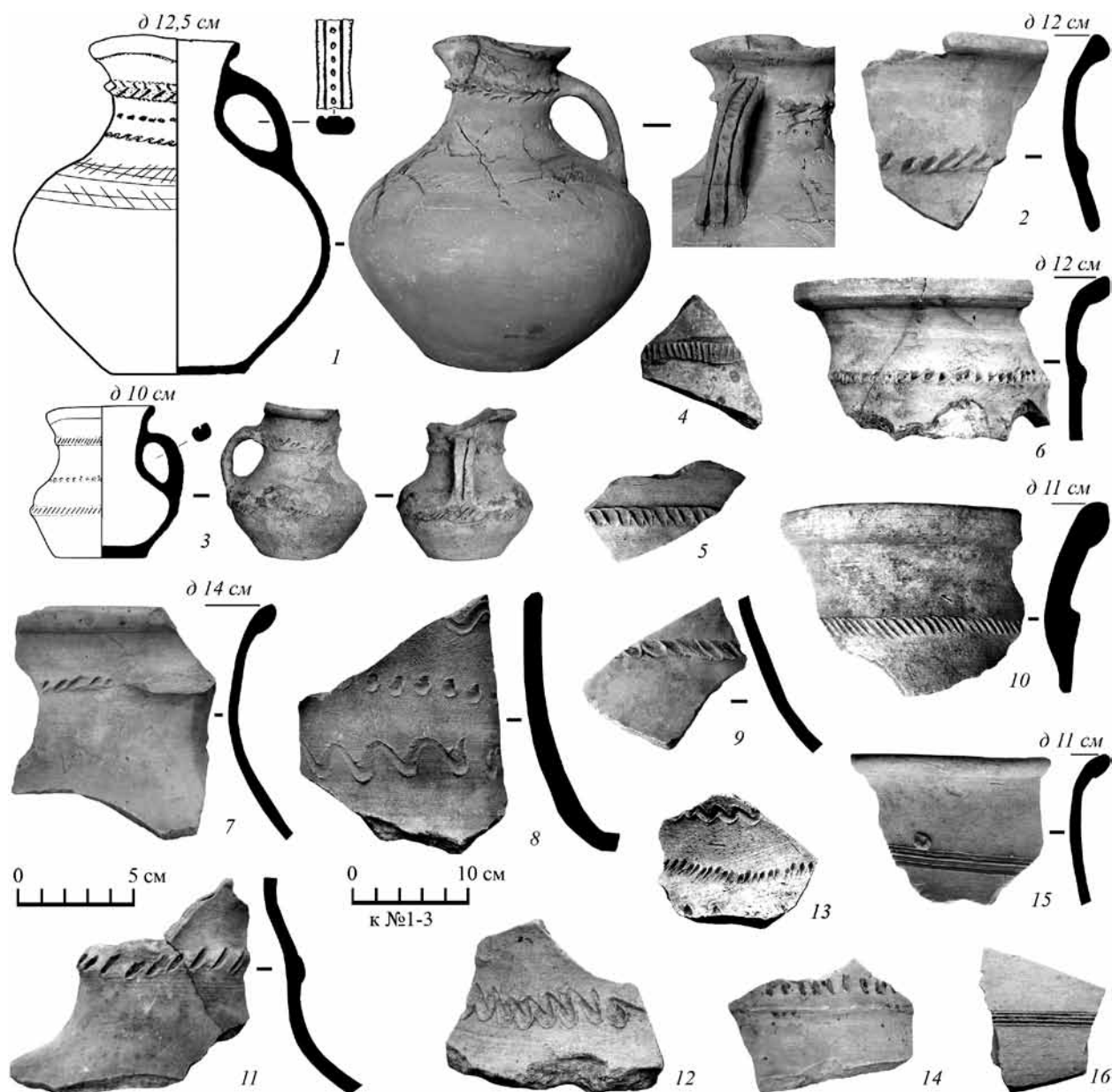

Рис. 2. Кувшины типа 2. (См. цв. вкл.)

1 – ЗАО «Объединение Гжель»; 2 – НВФ 17090/387; 3 – ЗАО «Объединение Гжель»; 4 – НВФ 17090/1176; 5 – НВФ 17090/957; 6 – ОФ 27642/46; 7 – ОФ 27642/2; 8 – НВФ 17090/1074; 9 – НВФ 17090/825; 10 – НВФ 17090/1166; 11 – НВФ 17090/692; 12 – ОФ 27642/27; 13 – НВФ 17090/192; 14 – НВФ 17090/439; 15 – НВФ 17090/1068; 16 – НВФ 17090/1194

на уровне нижнего крепления ручки (рис. 1, 6). Его фрагменты были найдены в слое 4 врезки.

Верхняя часть второго кувшина ($B \approx 34-35$ см, $D - 27$ см, $V \approx 11$ л), без ручки, с горлом высотой 8 см, декорирована двумя параллельными линиями посередине плечика (рис. 1, 7). Его фрагменты были найдены в слое 3 врезки.

Кувшины подтипа 1/2, но с широкими ручками, по наблюдению Р. Л. Розенфельдта, появляются в Москве в первой половине – середине XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

К кувшинам *типа 2* относятся сосуды со сферическим туловом, имеющие характерный декор, нанесенный на валиках штрихами или зубчатым колесиком, имитирующий веревочное плетение – «канатик» или «косичку». Валики расположены на середине высоты горла (на уровне верхнего крепления ручки) и на тулове по линии максимального диаметра (рис. 2, 1–7, 9–11).

К этому типу относится кувшин ($B - 30$ см, $D - 25$ см, $V \approx 7$ л) с горлом высотой 9 см (рис. 2, 1). Ручка кувшина дугообразная, прут в сечении

Таблица 1. Количественное распределение фрагментов ручек кувшинов по типам, декору и месту залегания.

Тип ручки	Количество, экз.	%	Декор на внешней поверхности					Горизонт слоя		
			Продольный надрез	Штрихи-надрезы	Линия точек-ямок	Комбинация элементов	Без элементов	А	Б	В
1 (КР)	11	12,5	1	3	1	—	6	1	2	8
2 (ОВ)	37	42	12	4	—	1	20	—	8	29
3 (ПЛ)	40	45,5	6	10	1	1	22	—	18	22
Всего	88	100	19	17	2	2	48	1	28	59

овальный (2,3×1,8 см) с двумя продольными надрезами по всей длине внешнего изгиба и точками-ямками между ними. Характерным элементом декора кувшина являются валики с нанесенными по ним наклонными штрихами, имитирующими веревочное плетение «косичка», расположенные на середине высоты горла на уровне верхнего крепления ручки и, по-видимому, на тулове по линии максимального диаметра. Под валиком на горле нанесены линия точек-ямок и волнистая линия. Плечико от нижнего крепления ручки декорировано четырьмя параллельными линиями, с наклонными пересекающимися штрихами в виде сетки между ними. Кувшин найден в слое 3 врезки.

Второй небольшой кувшин этого типа (В – 12 см, Д – 12 см, V ≈ 1 л) имеет горло высотой 5 см, равной почти половине его общей высоты (рис. 2, 3). Ручка его дугообразной формы, прут в сечении округлый (Д – 1,7 см), с продольным надрезом по всей длине внешнего изгиба.

По горлу кувшина, ниже верхнего крепления ручки, и на тулове по линии максимального диаметра на валиках нанесен декор наклонными штрихами, имитирующий веревочное плетение «канатик». По плечу, выше нижнего крепления ручки, нанесена волнистая линия. Кувшин найден в слое 3 врезки.

Кувшины типа 2, по наблюдениям Р. Л. Розенфельдта, появляются в Москве со второй половины XVI и бытуют в XVII в. – первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

К кувшинам типа 2 относится ряд обломков горловин и стенок, декорированных несколькими зубчатыми колесиками, оставляющими на валиках разные варианты имитации веревочного плетения «канатик», (рис. 2, 2, 4, 5, 10; рис. 3, 24). Иногда вместо зубчатого колесика имитация плетения выполнена наклонными штрихами (рис. 2, 3, 6, 7, 9, 11; рис. 3, 22, 23). На одном из обломков горла штрихи нанесены не по валику, а выше него (рис. 2, 14). Встречен фрагмент стенки с точками-ямками по двум валикам (рис. 3, 21).

На многочисленных обломках горловин и плечиков кувшинов отмечены разнообразные виды декора, представляющие комбинации из четырех элементов (линия, волна, точки-ямки, наклонные штрихи), нанесенные линейно прочерчиванием (рис. 2, 8, 12, 13, 15, 16; рис. 3, 1–3, 5–20).

При рассмотрении отдельных обломков ручек кувшинов (и их оснований на горловинах), одного из основных элементов их конструкции, в качестве определяющего параметра взята форма профиля поперечного сечения (рис. 4, 18), для которого по соотношению абсолютных размеров ширины (P1) и толщины (P2) рассчитывался коэффициент округлости КО (КО = P1/P2).

С учетом коэффициента округлости (КО) нанесен декор на внешней поверхности ручек, в виде продольного надреза, штрихов-надрезов, линии точек-ямок, а также комбинации из этих элементов (Приложение 2). Половина ручек не имела каких-либо нанесений по их внешней поверхности.

Общее количество исследованных ручек составило 89 шт.

По форме поперечного сечения прута с учетом КО выделяется три типа ручек.

Тип 1 – круглые (сокращенно – КР) (КО = 1) – 11 шт. (12,5%) (рис. 4, 9, 10). Половина из них не имеют никаких элементов нанесения по внешней поверхности (6 шт.), на остальных отмечены штрихи-надрезы (3 шт.), продольный надрез и линия точек-ямок.

Основная часть ручек типа 1 (8 из 11) происходит из раннего горизонта В раскопа 1 (табл. 1).

Тип 2 – овальные (сокращение – ОВ) (3 > КО > 1) – 37 шт. (42%) (рис. 4, 1–4, 6, 11, 14, 15, 17). Половина из них также не имеют никакого декора, на остальных отмечен продольный надрез (15 шт.) и штрихи-надрезы (4 шт.). Встречается и комбинированный декор из двух продольных надрезов по бокам с точками-ямками между ними (рис. 2, 1), с продольным надрезом и боковыми наклонными штрихами от него (рис. 4, 1). Отмечен фрагмент ручки с желобом (рис. 4, 4).

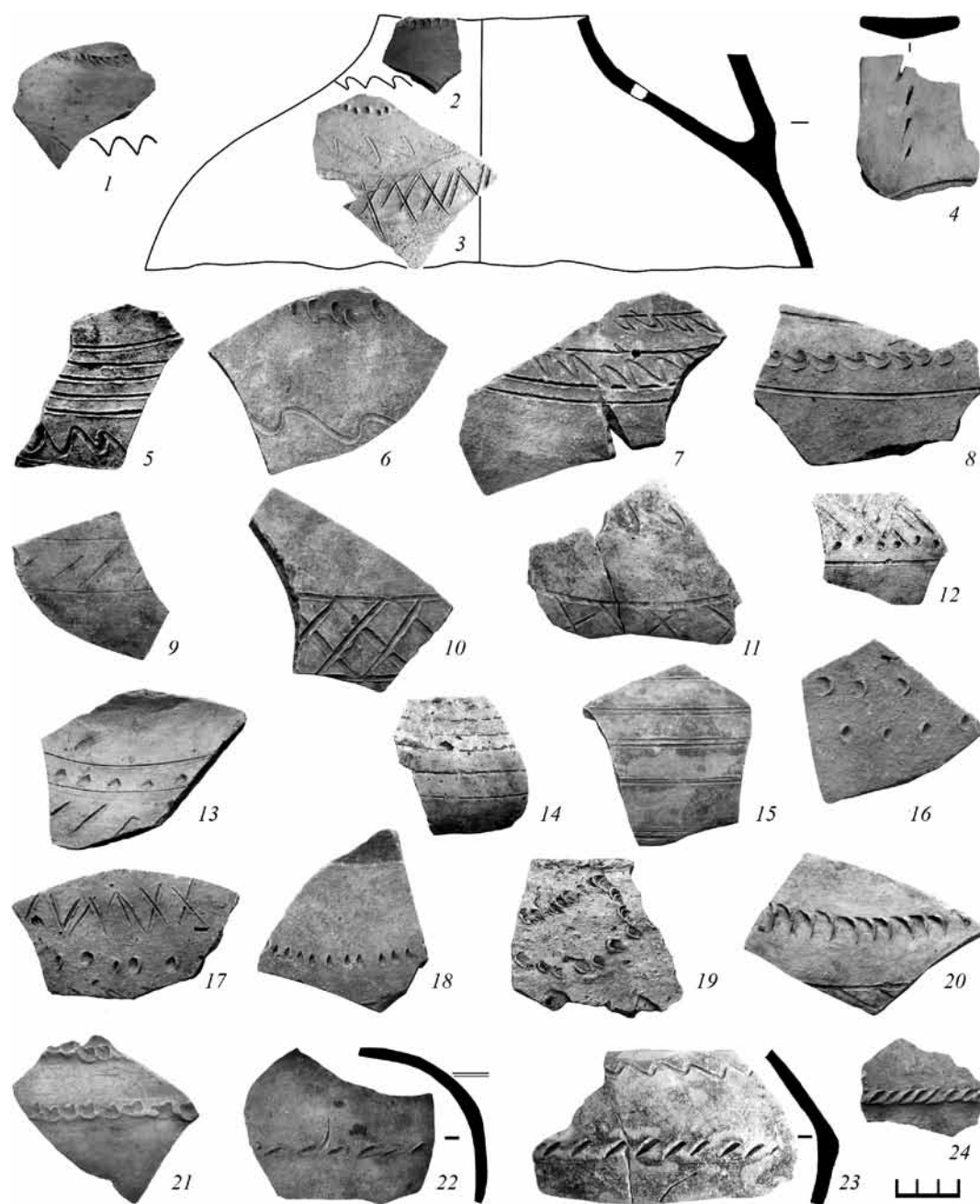

Рис. 3. Фрагменты декорированных стенок кувшинов типа 2

1 – НВФ 17090/458; 2 – НВФ 17090/95; 3 – НВФ 17090/92; 4 – НВФ 17090/90; 5 – ОФ 27642/47; 6 – НВФ 17090/816; 7 – НВФ 17090/814; 8 – НВФ 17090/455; 9 – НВФ 17090/460; 10 – НВФ 17090/467; 11 – НВФ 17090/817; 12 – ОФ 27642/24; 13 – ОФ 27642/19; 14 – НВФ 17090/583; 15 – НВФ 17090/815; 16 – НВФ 17090/592; 17 – ОФ 27642/18; 18 – НВФ 17090/591; 19 – ОФ 27642/39; 20 – НВФ 17090/456; 21 – НВФ 17090/1071; 22 – НВФ 17090/431; 23 – НВФ 17090/29; 24 – НВФ 17090/480

Основная часть ручек типа 2 (29 из 37) происходит из раннего горизонта В раскопа 1 (табл. 1).

Кувшины с овальными ручками типа 2 известны в Москве со второй половины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Тип 3 – плоские широкие (ПЛ) ($КО > 3$) – 40 шт. (45,5%) (рис. 4, 5, 7, 8, 12, 13, 16). Половина из них также не имели никакого декора (22 шт.),

на остальных отмечены штрихи-надрезы (10 шт.), продольный надрез (6 шт.) и линия точек-ямок (1 шт.). С комбинированным декором отмечена одна ручка, имевшая продольный надрез посередине и точки-ямки по бокам (рис. 2, 7).

Половина ручек типа 3 (22 из 40) происходит из раннего горизонта В раскопа 1 (табл. 1). На обратной стороне ручек этого типа иногда есть

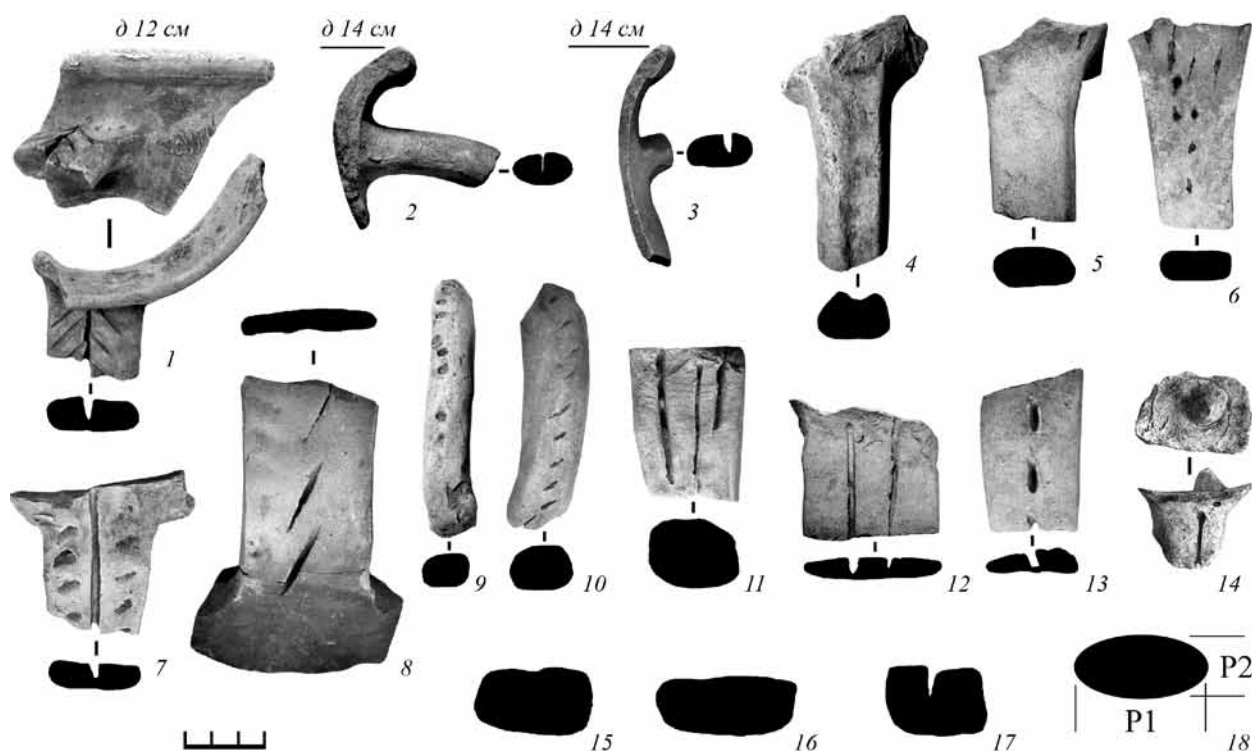

Рис. 4. Типы ручек кувшинов: круглая (КР – 9, 10), овальная (ОВ – 1–4, 6, 11, 14, 15, 17), плоская (ПЛ – 5, 7, 8, 12, 13, 16)

1 – НВФ 17090/680; 2 – НВФ 17090/1167; 3 – НВФ 17090/691; 4 – НВФ 17090/453; 5 – НВФ 17090/200; 6 – НВФ 17090/1045; 7 – ОФ 27642/23; 8 – ОФ 27642/51; 9 – НВФ 17090/451; 10 – НВФ 17090/919; 11 – НВФ 17090/1179; 12 – НВФ 17090/444; 13 – НВФ 17090/442; 14 – НВФ 17090/202; 15 – НВФ 17090/452; 16 – НВФ 17090/201; 17 – НВФ 17090/449

отпечатки грубой ткани, свернутый комок которой использовался при ее креплении и при просушке.

Кувшины с широкими ручками типа 3 известны в Москве с первой половины – середины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Ручки всех типов прикреплялись к горлу и стенкам методом «на пробой» – при помощи выступа, вставлявшегося в отверстие и остававшегося после заглаживания круглый след с внутренней стороны (рис. 4, 14).

Кувшины типов 1 и 2 изготовлены на ручном гончарном круге методом ленточного налепа (ленты шириной 5–6 см), с пальцевым уплотнением швов и последующим заглаживанием поверхности сосуда с внешней стороны. Следы стыка лент хорошо видны на внутренней стороне некоторых стенок кувшинов.

Почти все обломки кувшинов находились в нижних пластах раннего (предматерикового) горизонта В раскопов 1 и 2.

Некоторые фрагменты кувшинов имеют следы ошкуривания в виде локальных плотных групп разноразмерных темных пятен и потеков, нанесенных обрызгиванием кистью или веником, по-видимому, для быстрого извлечения сосудов из разогретого

горна, что было целесообразно для экономии времени и топлива и позволяло производить обжиг в неостывшем горне несколько раз подряд. Подобная практика известна по этнографическим материалам (Куфтин, Россова, 1928. С. 27; Пономарев, 1896. С. 58).

Исходя из установленных объемов восьми кувшинов, допустимо предположение о существовании приблизительных стандартов их емкости, которых придерживались гжельские гончары при изготовлении этих сосудов, кратных основной единице измерения объема жидкости в XVI–XVII вв. – ведру, емкость которого равнялась 13,3 л (Черепнин, 1944. С. 67). К ведерным, видимо, следует отнести кувшины объемом 10–11 л, к полуведерным – 5–7 л. В то же время изготавливались и кувшины небольшой емкости – 1,0–1,5 л.

Таким образом, обломки кувшинов принадлежали к широкому хронологическому периоду: начала XVI в. (подтип 1/1), первой половины XVI в. (подтип 1/2), второй половины XVI – первой половины XVIII в. (тип 2). Все эти кувшины Р. Л. Розенфельдт относил к гжельскому производству (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Таблица 2. Количественное распределение диаметров венчиков корчаг типов 2 и 3.

Тип венчика	Интервальная группа			Всего
	средняя (Д венчика 20–24 см)	большая (Д венчика 26–34 см)	очень большая (Д венчика > 36 см)	
2	–	1	–	1
3/1	7	21	1	29
3/2	1	–	–	1
3/3	2	7	1	10
3/4	2	3	–	5
Всего	12	32	2	46

Белоглиняные корчаги

В изученной выборке к корчагам относится 51 венчик (Приложение 3). Эти венчики принадлежали к трем типам корчаг.

Тип 1 – с оvoidным, сходным с кувшинами туловом, имеющим высокое горло с горизонтально отогнутым и уплощенным краем венчика (рис. 5, 1–4); целые формы этого типа ранее были найдены на Меткомелинском II и Бахтеевском селищах (Полюлях, 1993; 2005. С. 253. Рис. 5, 4).

К корчагам типа 1 относятся три обломка горловин высотой от 7,5 до 10 см и диаметром венчика от 13 до 15 см, найденные в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1 и в горизонте Б (пласт 7) раскопа 2. По этим размерам они аналогичны корчагам Меткомелинского II (В–47 см, Д–33 см) и Бахтеевского селища (рис. 5, 4; В–43 см, Д–36,5 см).

Тип 2 – с оvoidным, сходным с кувшинами туловом, с низким отогнутым венчиком (рис. 5, 6, 9). Фрагмент венчика корчаги этого типа найден в горизонте В раскопа 1 (пласт 11) и конструктивно аналогичен венчику горшка типа 21/4 по классификации В. Ю. Коваля (2004. С. 58–63), с изогнутой шейкой и заостренной формой края (рис. 5, 6).

Наиболее ранняя корчага этого типа (В – 75 см, Д – 60 см), датируемая XV в., найдена в Москве у Крымской площади (Потанов, 1936. С. 149). Венчики таких корчаг в большом количестве найдены в Зарядье и датируются первой половиной XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 45).

Тип 3 – с шаровидным, сходным с большими горшками туловом. Высота их обычно меньше максимального диаметра, а диаметр венчика почти равен диаметру дна (рис. 5, 5). К корчагам типа 3 относятся 45 венчиков. В горизонте А они не отмечены, в горизонтах Б и В их суммарное количество одинаково – по 22 фрагмента.

Среди венчиков корчаг типа 3 выделены четыре подтипа.

Подтип 3/1 – с высокой прямой шейкой и устьем с заворотом чернового края наружу (рис. 5, 7, 8,

10–12). По классификации В. Ю. Коваля у горшков такие венчики относятся к типу 4/1 (рис. 5, 7, 8, 10) и типу 4/3 (рис. 5, 11, 12). Чистовой край этих венчиков может быть округлым, заостренным или с наклонным уплощением внутри (Коваль, 2004. С. 58–63). Венчиков этого подтипа на раскопах 1 и 2 найдено 29: 15 в горизонте Б и 12 в горизонте В.

Подтип 3/2 – с высокой прямой шейкой и устьем, оформленным с заворотом чернового края наружу с небольшим округлым валиком (рис. 5, 13), и соответствует типу 19/1 по классификации венчиков горшков В. Ю. Коваля (2004. С. 58–63). Чистовой край этих венчиков выполнен округлым. Такой венчик найден один – в горизонте Б раскопа 1.

Подтип 3/3 – с наклонной шейкой и высоким устьем, оформленным заворотом чернового края наружу в виде одного большого округлого валика или двух меньшего размера (рис. 5, 14–15) и соответствует типу 45 венчиков горшков по В. Ю. Ковалю (2004. С. 58–63). Чистовой край этих венчиков выполнен округлым или с наклонным уплощением. Венчиков этого подтипа на раскопах 1 и 2 найдено 10 экз.: 3 в горизонте Б и 6 в горизонте В.

Подтип 3/4 – с наклоненной внутрь сосуда шейкой и устьем, оформленным с заворотом чернового края наружу в виде одного большого округлого валика или двух меньшего размера (рис. 5, 16–17) и соответствует по классификации венчиков горшков В. Ю. Коваля типу 39/1 (Коваль, 2004. С. 58–63). Чистовой край этих венчиков выполнен округлым или плоским. Венчиков этого подтипа найдено 5: 3 в горизонте Б и 2 в горизонте В на раскопе 1.

Среди корчаг типа 3, судя по диаметрам венчиков и, соответственно, по объему, преобладают сосуда большой размерной группы с диаметром венчика 26–34 см. Почти в два раза меньше сосудов средней размерной группы с диаметром венчика 20–24 см. Сосуды очень большой размерной группы с диаметром венчика более 36 см единичны (табл. 2). По-видимому, при изготовлении корчаг,

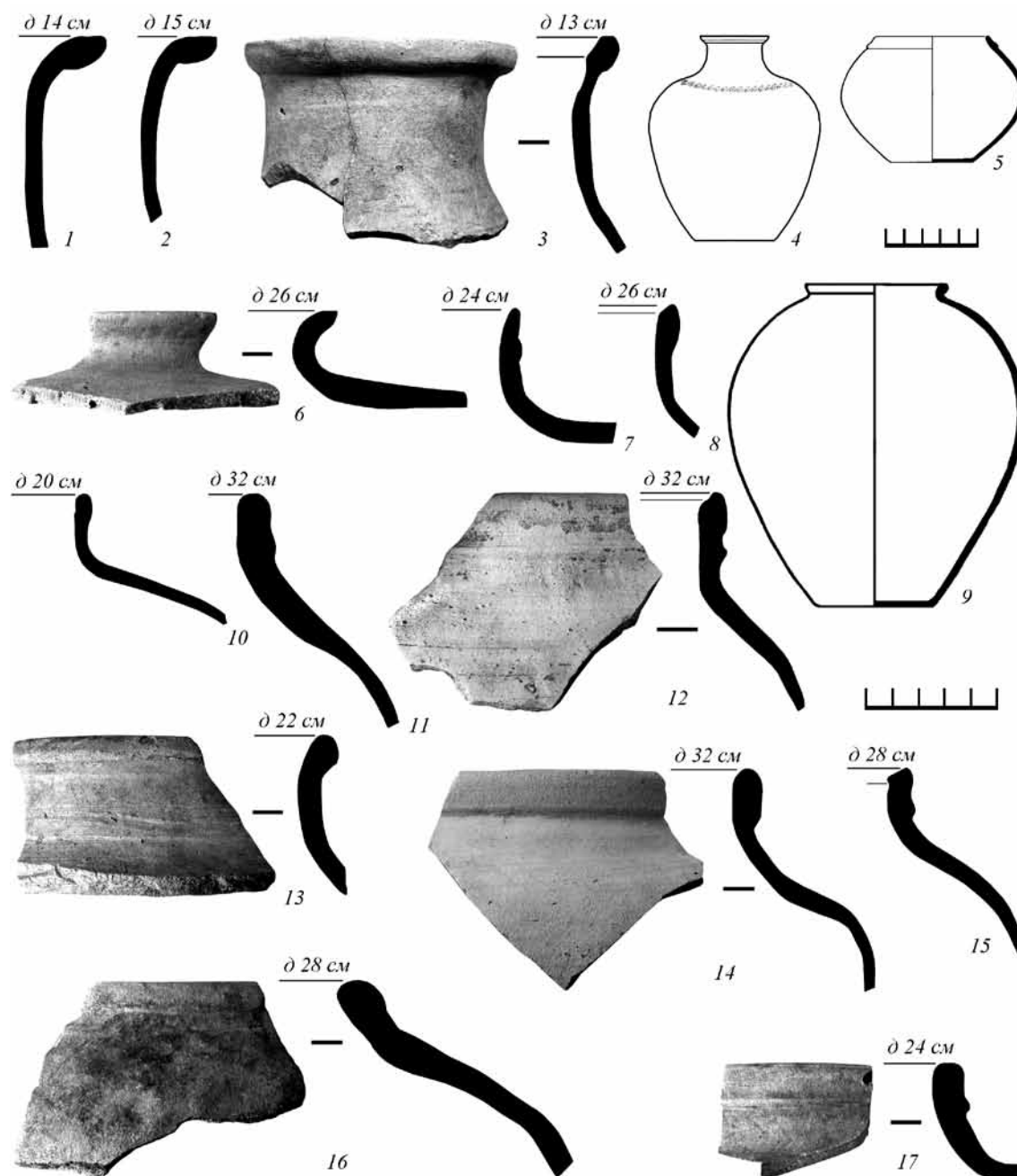

Рис. 5. Корчаги типа 1 (1–4), типа 2 (6, 9) и типа 3 (7, 8, 10–17)

1 – НВФ 17090/1025; 2 – НВФ 17090/702; 3 – НВФ 17090/694; 4 – ОФ 32939; 5 – по: Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 15; 6 – ОФ 27642/22; 7 – НВФ 17090/638; 8 – НВФ 17090/259; 9 – по: Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 14; 10 – НВФ 17090/485; 11 – НВФ 17090/204; 12 – НВФ 17090/1064; 13 – НВФ 17090/168; 14 – НВФ 17090/1146; 15 – НВФ 17090/1189; 16 – НВФ 17090/258; 17 – НВФ 17090/833

как и кувшинов, существовали определенные стандарты их объема, кратные основной единице измерения объема жидкости в XVI–XVII вв. – ведре, равному 13,3 л (Черепнин, 1944. С. 67). Исходя из значений диаметров венчиков, некоторые из корчаг могли быть объемом в ведро, полтора или два ведра и более.

Обломки корчаг типа 3 часто встречаются в культурном слое Москвы. Время их появления и бытования, по материалам из раскопок в Зарядье, Р. Л. Розенфельдт относил ко второй половине XVI–XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Корчаги всех типов были изготовлены на ручном гончарном круге методом ленточного налепа:

ленты шириной 5–6 см скреплялись пальцевыми зажимами с последующим заглаживанием внешней поверхности. Отдельные фрагменты корчаг имеют чисто белый или светло-серый цвет поверхности, большая же часть корчаг была сделана из глин, дающих после обжига различные оттенки красного, оранжевого и желтого цвета. Из-за этого некоторые сосуды еще до обжига покрывались белым ангобом, который наносился кистью порой не очень тщательно.

Как и на кувшинах, на некоторых обломках корчаг (на 13 из 51, или на 25%) отмечены следы овра в виде локальных групп разноразмерных темных пятен и потеков. Один фрагмент имел след нагара с внутренней стороны, т. е. сосуд использовался в быту.

Белоглиняные миски

Белоглиняные миски не рассматривались в обобщающих работах по московской керамике (Рабинович, 1949; Розенфельдт, 1968; МК, 1991). В исследованной коллекции имелось только 13 обломков мисок (рис. 6, 1–8; Приложение 4) с диаметром края от 18 до 22 см и высотой боковой стенки около 6 см. Преобладают формы с диаметром края 20 и 22 см. Почти все фрагменты мисок имеют схожую профилировку – со слегка выгнутой, наклонно поставленной, стенкой и заворотом чернового края на внешнюю сторону в виде валика с округлым или заостренным верхом; у одного образца край был отогнут наружу (рис. 6, 7).

Декор на стенках мисок отсутствует, за исключением одного обломка с волнистой линией с внешней стороны (рис. 6, 6). Стенки некоторых мисок имеют нагар, иногда с обеих сторон, а иногда только с внутренней или с внешней стороны, что указывает на их использование для приготовления пищи внутри печи. Миски, судя по днищам с подсыпкой песка, изготовлены на ручном гончарном круге.

Большинство фрагментов мисок (9 из 13, все с нагаром) находились в нижних пластах 10–12 раннего горизонта В раскопа 1.

Обломок белоглиняной миски найден в 1977 г. С. 3. Черновым на Михайловском 2 селище, прекратившем свое существование к началу 1560-х годов (Чернов, 1991. С. 50–55. Табл. 122, Б, 2). По-видимому, фрагменты мисок из Гжели следует датировать XVI в., в XVII в. белоглиняные миски могли быть вытеснены из московского быта чернолощенными мисками. Последние имели плотный, не пористый черепок с гладкой лощеной поверхностью, что способствовало лучшему удалению патогенных микроорганизмов при мытье, что делало

такую посуду более гигиеничной. Разнообразная столовая чернолощенная посуда, и в том числе миски, получила широкое распространение в Москве в XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28–38. Табл. 9–13).

Белоглиняные сковороды

Фрагментов сковород – кухонной посуды для жарения в виде низкого круглого сосуда представлены в коллекции 20 единицами (рис. 6, 9–16; Приложение 5). К ним относились образцы с диаметром края от 24 до 46 см и высотой боковой стенки 5,0–7,5 см. Количественное соотношение сковород по диаметру края показывает преобладание форм с размером в интервале от 30 до 34 см (10 обломков). Самая крупная сковорода диаметром 46 см имела выделенный слив.

Большинство фрагментов сковород имеют схожую профилировку со слегка выгнутой наклонно поставленной стенкой и заворотом чернового края на внешнюю сторону в виде валика с округлым, заостренным или уплощенным верхом. Один обломок отличается завернутым внутрь черновым краем с канавкой по наклонному чистовому краю (рис. 6, 13). На отдельных фрагментах сковород отмечены пятна овра. Судя по днищам с подсыпкой песка, сковороды изготавливались на ручном гончарном круге. Стенки некоторых сковород имеют нагар с обеих сторон, что указывает на их использование для приготовления пищи внутри печи.

Декор отмечен только на трех образцах: на двух – волнистая линия с внешней стороны, на одном – линия точек-ямоч с внутренней стороны (рис. 6, 9, 14).

Более половины фрагментов сковород (13 из 20), находились в основном в нижних (10–12) пластах раннего горизонта В раскопа 1.

Аналогичные белоглиняные сковороды известны в Москве в слоях XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 46. Табл. 15, 17, 18).

Другие белоглиняные изделия

Помимо вышерассмотренных форм белоглиняной керамики в составе коллекции отмечены и другие виды изделий.

К горшкообразным формам со сферическим туловом относятся три фрагмента наклоненных внутрь сосуда венчиков без шейки с заворотом чернового края наружу в виде уплощенного валика с округлым верхним краем (рис. 7, 8–11). Один из них декорирован волнистой линией в верхней части.

К горшкам (и корчагам?) изготавливались крышки диаметром от 22 до 34 см (рис. 7, 1–7), от которых найдено 14 фрагментов. Они имели коническую

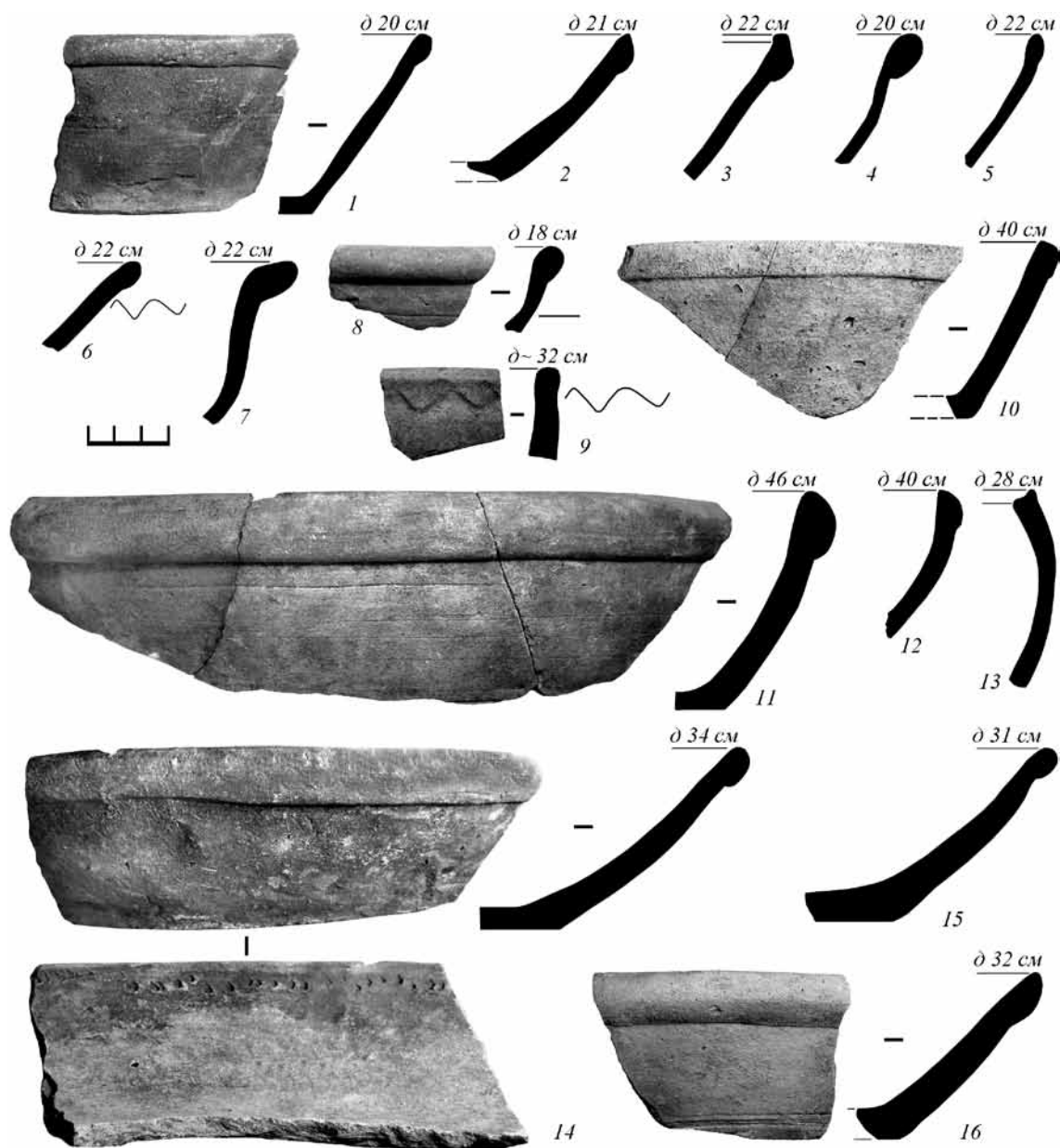

Рис. 6. Миски (1–8) и сковороды (9–16)

1 – ОФ 27642/54; 2 – НВФ 17090/191; 3 – НВФ 17090/488; 4 – НВФ 17090/656; 5 – НВФ 17090/1196; 6 – НВФ 17090/830; 7 – НВФ 17090/655; 8 – НВФ 17090/636; 9 – НВФ 17090/1059; 10 – НВФ 17090/486; 11 – НВФ 17090/1079; 12 – НВФ 17090/566; 13 – НВФ 17090/1198; 14 – НВФ 17090/632; 15 – НВФ 17090/633; 16 – ОФ 27642/55

форму, округлый валик по краю с внешней стороны и петлевидную ручку. Их внешняя поверхность, как правило, декорировалась концентрическими линиями, а также зубчатым колесиком с имитацией веревочного плетения «канатик».

К лохани, круглому сосуду конической формы для стирки белья, мытья посуды или других хозяйственных надобностей, по-видимому, относится обломок массивного вертикального венчика с заворотом чернового края наружу в виде большого

уплощенного валика, верхний край которого заострен и имеет наклонное уплощение внутри. Ниже верхнего уплощенного валика выделен еще один, треугольный в сечении (рис. 7, 12). Отнести его к лохани позволяет переходящая на конус нижняя часть, большой диаметр края (38 см) и толщина стенки (0,9 см). Образец найден в пласте 8, в верхней части горизонта В раскопа 1.

Две похожие, но чернолощенные лохани найдены в Москве в 1947 г. на территории бывшей

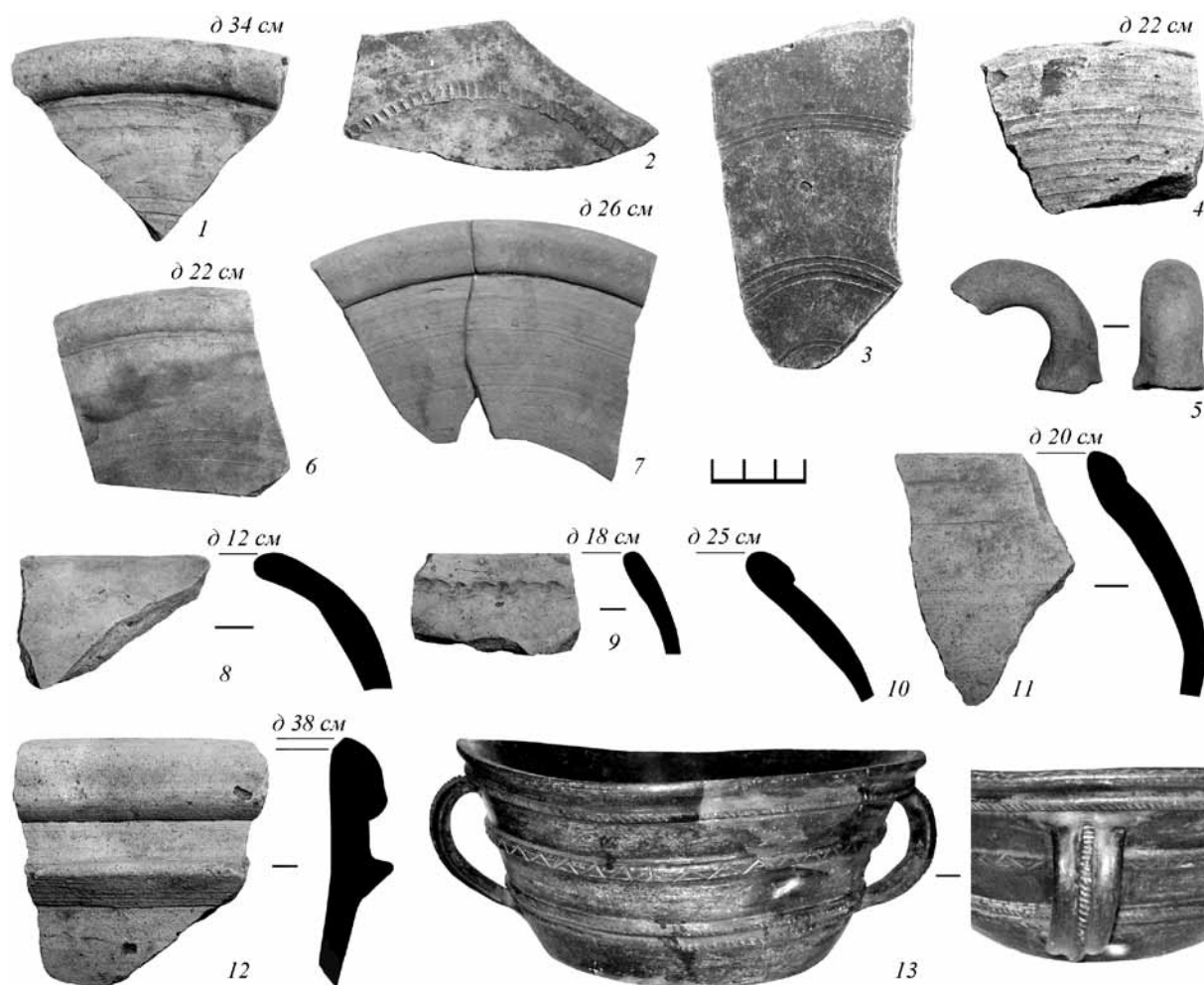

Рис. 7. Крышки горшков (1–7), горшкообразные формы (8–11) и лохань (12). (См. цв. вкл.)

1 – ОФ 27642/54; 2 – НВФ 17090/191; 3 – НВФ 17090/488; 4 – НВФ 17090/656; 5 – НВФ 17090/1196; 6 – НВФ 17090/830; 7 – НВФ 17090/655; 8 – НВФ 17090/636; 9 – НВФ 17090/1059; 10 – НВФ 17090/486; 11 – НВФ 17090/1079; 12 – НВФ 17090/566; 13 – НВФ 17090/1198; 14 – НВФ 17090/632; 15 – НВФ 17090/633; 16 – ОФ 27642/55

Гончарной слободы (Рабинович, 1949. С. 77)³. Одна из них сделана из белой глины и имеет следующие размеры: диаметр края – 40–46 см, диаметр дна – 25 см, высота – 17–19 см. По краю на внешней стороне и на ручке лохань декорирована валяком с мелкими наклонными штрихами, имитирующими веревочное плетение «канатик», но выполненными не зубчатым колесиком, а вручную (рис. 7, 13).

Рассмотрение основного типа керамики из раскопок в селе Гжель – белоглиняной, составляющей в раскопах 1 и 2 соответственно 92 и 82% всего керамического материала, подтверждает существование на исследованном участке гончарной мастерской, производившей в XVI–XVIII вв. для московского рынка помимо ранее рассмотренных горшков и такие посудные формы, как кувшины, корчаги, миски и сковороды.

³ Автор упоминает в тексте и публикует только одну лохань, хотя найдено их было две (ОФ 8274/422; ОФ 28769/74). Вторая представлена в настоящей публикации (ОФ 8274/422).

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель
(О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент/ место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
ТИП 1									
Подтип 1/1									
ОФ / 10 Р-1 / 11	12	9	15	7,5	23	10	3	10	–
ОФ 27642 / 29 Р-1 / 11	11	15	–	–	–	10	–	–	Зона из 5 линий по верху горла
ЗАО «О-е Гжель» Р-1 / 11	14	12	28	–	≈ 35–36	13	4,5	18,5	Зона из 2 линий у нижнего крепления ручки
Подтип 1/2									
НВФ 17090 / 65-71 Врезка/Сл. 3–4	10	9	26	14	32	8	8	14	–
ЗАО «О-е Гжель» Р-1 / 12–13	11,5	12,5	21	10,5	26,5	7,5	8	11	Волнистая линия по плечу
НВФ 17090 / 12 Врезка/Сл. 3	12	–	–	–	–	> 7	–	–	–
НВФ 17090 / 13 Врезка/Сл. 3	11	7	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 14 Врезка/Сл. 3	12,5	10	–	–	–	6	–	–	–
НВФ 17090 / 15 Врезка/Сл. 3	12	–	–	–	–	> 7	–	–	–
НВФ 17090 / 16 Врезка/Сл. 3	17	11	–	–	–	9	–	–	–
НВФ 17090 / 17 Врезка/Сл. 3	9	10	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 18 Врезка/Сл. 3	14	9	–	–	–	9	–	–	–
НВФ 17090 / 19 Врезка/Сл. 3	14	15	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 48 Врезка/Сл. 3	14	10	–	–	–	9	–	–	–

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)
(А – ангоб, О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
НВФ 17090 / 49–50 Врезка/Сл. 3	–	10	24	–	–	7	8	–	–
НВФ 17090 / 51–52 Врезка/Сл. 3	12	8	27	–	≈ 34–35	8	9	18	Зона из 2 линий по плечу
НВФ 17090 / 53 Врезка/Сл. 3	13	8	–	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 73 Врезка/Сл. 4	12	9	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 75 Врезка/Сл. 4	17	10	24	–	≈ 34–35	8	9	18	Зона из 2 линий под нижним креплением ручки
НВФ 17090 / 91 Зачист./Сл. 3	18	12	–	–	–	9	–	–	«Косичка» по валику на середине горла
НВФ 17090 / 94 Зачист./Сл. 3	12	14	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 170 Р-1 / 4-А	16	–	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 311 Р-1 / 7-О	12	8	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 482 Р-1 / 10-О	11	8	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 483 Р-1 / 10	14	10	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 579 Р-1 / 11	13	10	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 681 Р-1 / 11	13	10	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 682 Р-1 / 11-О	12	8	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 684 Р-1 / 11	10	8	–	–	–	8	–	–	–

Приложение 1

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)
(А – ангоб, О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)							Р8 В нижней части	Р7 В плечика	Р6 В горла	Р5 В сосуда	Р4 Д дна	Р3 Д тулова	Р2 Д осн. шейки	Р1 Д венчика	Декор: элемент / место нанесения
НВФ 17090 / 685 Р-1 / 11	22	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 686 Р-1 / 9–11	10	8	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 688 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	9	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 689 Р-1 / 9–11	11,5	6,5	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 690 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 691 Р-1 / 9–11	14	8	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 693 Р-1 / 9–11	–	8	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 695 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	9	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 696 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 697 Р-1 / 9–11	16	12	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 698 Р-1 / 9–11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	Зона из 2-3 линий у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 699 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 701 Р-1 / 9–11	11	8	–	–	–	–	–	–	–	9,5	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 703 Р-1 / 9–11	12	8	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–
НВФ 17090 / 704 Р-1 / 9–11-О	13	10	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)
(А – ангоб, О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
НВФ 17090 / 705 Р-1 / 9-11	10	6	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 706 Р-1 / 9-11	12	8	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 707 Р-1 / 9-11-О	12	8	–	–	–	8	–	–	Зона из 2-3 линий у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 708 Р-1 / 9-11	14	7	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 709 Р-1 / 11	12	9	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 841 Р-1 / 9-12-О	13,5	7,5	–	–	–	9	–	–	–
НВФ 17090 / 842 Р-1 / 9-12-О	12	8	–	–	–	9,5	–	–	–
НВФ 17090 / 843 Р-1 / 9-12	13	8	–	–	–	9	–	–	–
НВФ 17090 / 844 Р-1 / 9-12	14	12	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 846 Р-1 / 9-12	16	12	–	–	–	9	–	–	Волнистая линия на середине горла
НВФ 17090 / 848 Р-1 / 9-12-О	14	10	–	–	–	9	–	–	–
НВФ 17090 / 850 Р-1 / 9-12-О	10	8	–	–	–	7	–	–	–
НВФ 17090 / 865 Р-1 / 13	–	10	–	–	–	8	–	–	Линии по плечу
НВФ 17090 / 1031 Р-2 / 7	12	8	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 1032 Р-2 / 7	12	8	–	–	–	8	–	–	–

Приложение 1

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)
(А – ангоб, О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
НВФ 17090 / 1167 Р-2 / 8-9	14	10	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 1169 Р-2 / 8-9	14	8	–	–	–	8	–	–	–
НВФ 17090 / 1174 Р-2 / 8-9	8	6	–	–	–	7	–	–	Волнистые линии у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 1227 Р-2 / Я-2-А	20	18	–	–	–	8	–	–	–
ОФ 27642/44 Р-1 / 9-12	11	9	–	–	–	7	–	–	–
ОФ 27642 / 45 Р-1 / 45 / 9-12	14	18	–	–	–	9	–	–	–
ОФ 27642/ 49 Р-2 / 9-12-О	13	10	–	–	–	7	–	–	–
ТИП 2									
НВФ 17090 / 312 Р-1 / 8	12	13	–	–	–	> 5	–	–	Штрихи на середине горла
НВФ 17090 / 680 Р-1 / 11	12	13	–	–	–	> 6	–	–	Волнистая линия у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 847 Р-1 / 45 / 9-12	14	15	–	–	–	> 5	–	–	Штрихи на середине горла
НВФ 17090 / 849 Р-1 / 45 / 9-12	11	12	–	–	–	> 5	–	–	Волнистая линия на середине горла
НВФ 17090 / 268 Р-1 / 7	> 11	–	–	–	–	> 7	–	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 389 Р-1 / 9	12	13	–	–	–	8,5	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 692 Р-1 / 9-11	≈ 10	11	–	–	–	9	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 845 Р-1 / 9-12	13	–	–	–	–	> 7	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла

Каталог фрагментов белоглиняных кувшинов зачистки, врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (окончание)
(А – ангоб, О – овар)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
НВФ 17090 / 1026 Р-2 / 7	13	–	–	–	–	> 8	–	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 1068 Р-2 / 8–9	≈ 12	≈ 13	–	–	–	7	–	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 1166 Р-2 / 8–9	11	–	–	–	–	> 6	–	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 1172 Р-2 / 8–9	14	15	–	–	–	8	–	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
ЗАО «О-е Гжель». Врезка/Сл. 3	12,5	8,5	25	11	30	9	10	11	Горло: «косичка» (штрихи) по валику у ручки, линия точек-ямоч, волнистая линия; плечико: зона из 4 линий со штрихами в виде сетки
ЗАО «О-е Гжель». Врезка/Сл. 3	10	9	12	7	12	5	2,5	4,5	Горло: «канатик» (штрихи) по валику под ручкой; плечико: волнистая линия; тулово: «канатик» (штрихи) по валику
ОФ 27642 / 2 Р-1 / 45 / 8	14	15	–	–	–	9	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
ОФ 27642 / 3 Р-1 / 8	14	15	–	–	–	8	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
ОФ 27642 / 46 Р-1 / 45 / 9–12	12	–	–	–	–	> 7	–	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла

Приложение 2

**Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель**

(А – ангоб, О – овар; типы профилей ручек: КР – круглая, ОВ – овальная, ПЛ – плоская)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Ручка			Внешняя поверхность ручки	Декор формы
	Размер, диаметр	КО	Тип		
НВФ 17090 / 12 Врезка. Сл. 3	5,0×1,2	4,2	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 17 Врезка. Сл. 3	2,2×1,1	2,0	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 18 Врезка. Сл. 3	3,5×1,4	2,5	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 19 Врезка. Сл. 3	4,5×1,0	4,5	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 21 Зачистка. Сл.3.	4×1,8	2,2	ПЛ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 22 Зачистка. Сл.3.	3,2×1,6	2,0	ПЛ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 23 Зачистка. Сл.3.	2,8×1,7	1,6	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 24 Зачистка. Сл.3.	2,9×1,4	2,1	ПЛ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 26 Зачистка. Сл.3.	2,6×1,2	2,2	ПЛ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 27 Зачистка. Сл.3.	2,0	1,0	КР	–	–
НВФ 17090 / 28 Зачистка. Сл.3.	5,0×1,0	5,0	ПЛ	Точки-ямки	–
НВФ 17090 / 49-50 Врезка. Сл. 3	3,0×1,0	3,0	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 65-71 Врезка. Сл. 3-4	3,0×1,6	1,9	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 75 Врезка. Сл. 4	3,4×1,3	2,6	ПЛ	–	Зона из 2 линий под нижним крепления ручки
НВФ 17090 / 74 Зачистка. Сл.4.	2,3×1,1	2,1	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 90 Зачистка. Сл.3.	4,6×1,1	4,2	ПЛ	Штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 169 Р-1 / 4	3,0×1,4	2,1	ПЛ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 170 Р-1 / 4-А	3,0×1,0	3	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 199 Р-1 / 5-А	3,3×1,2	2,7	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 200 Р-1 / 5	2,8×1,3	2,1	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 201 Р-1 / 5	3,3×1,4	2,4	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 202 Р-1 / 5	2,7×1,5	1,8	ОВ	Продольный прямой надрез	–
НВФ 17090 / 268 Р-1 / 7	3,5×1,7	2,1	ПЛ	–	«Канатик» (колесико) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 269 Р-1 / 7	4,6×1,8	2,5	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 313 Р-1 / 8-А	3,4×1,1	3,1	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 442 Р-1 / 10	3,8×1,0	3,8	ПЛ	Продольные прямые штрихи- надрезы	–

Приложение 2

**Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)**

(А – ангоб, О – овар; типы профилей ручек: КР – круглая, ОВ – овальная, ПЛ – плоская)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Ручка			Внешняя поверхность ручки	Декор формы
	Размер, диаметр	КО	Тип		
НВФ 17090 / 443 Р-1 / 10	4,4×0,9	4,9	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 444 Р-1 / 10	4,8×0,8	6,0	ПЛ	Два продольных надреза	–
НВФ 17090 / 445 Р-1 / 10	3,3×1,1	3,0	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 446 Р-1 / 10	2,5×1,3	1,9	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 447 Р-1 / 10	4,9×0,9	5,4	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 448 Р-1 / 10	3,8×0,9	4,2	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 449 Р-1 / 10	2,3×1,6	1,4	ОВ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 450 Р-1 / 10	3,0×1,4	2,1	ОВ	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
НВФ 17090 / 451 Р-1 / 10	2,1–2,5	1,0	КР	Продольные наклонные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 452 Р-1 / 10	2,5×1,5	1,7	ОВ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 453 Р-1 / 10	2,6×1,7	1,5	ОВ	Продольный желоб	–
НВФ 17090 / 454 Р-1 / 10	2,5×1,8	1,4	ОВ	Продольный надрез	«Канатик» (штрихи) без валика у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 482 Р-1 / 10-О	3,2×0,7	4,6	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 483 Р-1 / 10	2,5×1,4	1,8	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 577 Р-1 / 9–11	1,3–1,9	1,0	КР	–	–
НВФ 17090 / 578 Р-1 / 9–11	2,6×1,1	2,4	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 579 Р-1 / 11	3,0×1,0	3,0	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 580 Р-1 / 9–11	3,4×1,1	3,1	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 680 Р-1 / 11	3,6×1,4	2,6	ОВ	–	Волнистая линия у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 681 Р-1 / 11	2,0×1,0	2,0	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 685 Р-1 / 11	4,2×1,1	3,8	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 687 Р-1 / 9–11	2,4×1,5	1,6	ОВ	–	Зона из 2 линий у нижнего крепления ручки
НВФ 17090 / 689 Р-1 / 9–11	3,0×1,5	2,0	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 691 Р-1 / 9–11	3,5×1,7	2,1	ОВ	Продольный надрез	–
НВФ 17090 / 693 Р-1 / 9–11	4,0×1,5	2,7	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 695 Р-1 / 9–11	2,5×1,0	2,5	ОВ	Продольный надрез	–

Приложение 2

**Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)**

(А – ангоб, О – овар; типы профилей ручек: КР – круглая, ОВ – овальная, ПЛ – плоская)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Ручка			Внешняя поверхность ручки	Декор формы
	Размер, диаметр	КО	Тип		
НВФ 17090 / 697 Р-1 / 9–11	3,4×0,7	4,8	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 701 Р-1 / 9–11	3,6×0,7	5,1	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 708 Р-1 / 9–11	4,0×1,4	2,8	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 809 Р-1 / 12-А	1,9–2,3	1,0	КР	Продольные штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 841 Р-1 / 9–12-О	2,6×1,5	1,7	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 842 Р-1 / 9–12-О	2,5×1,9	1,3	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 843 Р-1 / 9–12	2,5×1,0	2,5	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 919 Р-2 / 3–4	1,6–1,7	1,0	КР	Линия точек-ямок	–
НВФ 17090 / 1028 Р-2 / сл. гл	2,1×1,2	1,7	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 1031 Р-2 / 7	2,3×1,5	1,5	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 1045 Р-2 / 7	3,0×1,3	2,3	ОВ	Продольные прямые штрихи-надрезы	–
НВФ 17090 / 1046 Р-2 / 7	3,5×1,7	2,1	ОВ	–	«Канатик» (колесико) по валику у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 1167 Р-2 / 8–9	3,4×1,7	2,0	ОВ	Продольный прямой надрез	–
НВФ 17090 / 1169 Р-2 / 8–9	4,5×1,0	4,5	ПЛ	–	–
НВФ 17090 / 1174 Р-2 / 8–9	2,0×1,0	2,0	ОВ	–	Волнистые линии у верхнего крепления ручки
НВФ 17090 / 1179 Р-2 / 8–9	3,8×2,4	1,6	ОВ	Продольные прямые надрезы	–
НВФ 17090 / 1181 Р-2 / 8–9	3,5×2,5	1,4	ОВ	Продольный прямой надрез	–
НВФ 17090 / 1182 Р-2 / 8–9-А	3,0×1,3	2,3	ОВ	–	–
НВФ 17090 / 1183 Р-2 / 8–9	3,3×1,9	1,7	ОВ	Продольный прямой надрез	–
НВФ 17090 / 1184 Р-2 / 8–9	1,7–2,1	1,0	КР	–	–
НВФ 17090 / 1227 Р-2 / Я-2-А	3,2×1,0	3,2	ПЛ	–	–
ОФ 27642 / 2 Р-1 / 8	3,0×1,0	3,0	ПЛ	–	«Канатик» (штрихи) по валику на середине горла
ОФ 27642 / 21 Р-1 / 11	1,6–1,9	1,0	КР	–	Зона из 2 линий над нижним креплением ручки
ОФ 27642 / 23 Р-1 / 11	3,8×1,1	3,4	ПЛ	Продольный надрез и точки-ямки по бокам	Волнистая линия по плечу
ОФ 27642 / 40 Р-1 / 12	3,2×1,0	3,2	ПЛ	–	–
ОФ 27642 / 45 Р-1 / 9–12	5,5×1,0	5,5	ПЛ	–	–

Приложение 2

**Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (окончание)**

(А – ангоб, О – овар; типы профилей ручек: КР – круглая, ОВ – овальная, ПЛ – плоская)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Ручка			Внешняя поверхность ручки	Декор формы
	Размер, диаметр	КО	Тип		
ОФ 27642 / 48 Р-1 / 9–12	1,4–2,2	1,0	КР	–	Прямая линия у нижнего крепления ручки
ОФ 27642 / 49 Р-1 / 9–12-О	2,7×1,6	1,7	ОВ	–	–
ОФ 27642 / 50 Р-1 / 9–12	2,5×1,6	1,6	ОВ	Продольный надрез	–
ОФ 27642 / 51 Р-1 / 9–12	4,7×0,9	5,2	ПЛ	Продольные наклонные штрихи-надрезы	–
ОФ 27642 / 52 Р-1 / 9–12	4,5×1,0	4,5	ПЛ	Продольные штрихи-надрезы	–
ОФ 27642 / 53 Р-1 / 9–12	1,6–1,9	1,0	КР	Продольные штрихи-надрезы	–
ОФ / 10 Р-1 / 11	1,5–1,7	1,0	КР	–	–
ЗАО «Гжель». Верхняя часть. Р-1 / 11	2,5×1,6	1,6	ОВ	Продольный прямой надрез	Зона из 2 линий у нижнего крепления ручки
ЗАО «Гжель». Целая форма. Р-1 / 12–13	2,3×1,5	1,5	ОВ	–	Волнистая линия по плечу
ЗАО «Гжель». Целая форма. Врезка. Сл. 3	2,6×1,7	1,5	ОВ	Два продольных надреза по бокам с точками-ямками между ними	Горло: «косичка» (штрихи) по валику у ручки, линия точек-ямок, волнистая линия; плечико: зона из 4 линий со штрихами в виде сетки
ЗАО «Гжель». Целая форма. Врезка. Сл. 3	1,5–1,7	1,0	КР	Продольный прямой надрез	Горло: «канатик» (штрихи) по валику под ручкой; плечико: волнистая линия; тулово: «канатик» (штрихи) по валику

Приложение 3

**Каталог фрагментов белоглиняных корчаг зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель**
(А – ангоб, О – овар, Н – нагар, ПМ – подъемный материал)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)							Толщина стенки
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
Тип 1								
НВФ 17090 / 260 Р-1 / 7	14	13,5			> 5	–		0,6
НВФ 17090 / 683 Р-1 / 11	14	13,8	–	–	> 5	–	–	0,8
НВФ 17090 / 694 Р-1 / 9–11	13	12,9	–	–	7,5	–	–	0,6
НВФ 17090 / 702 Р-1 / 9–11	15	14,9	–	–	> 7	–	–	0,6
НВФ 17090 / 1025 Р-2 / 7 ?	14	13,9	–	–	> 8	–	–	0,5
Тип 2								
ОФ 27642 / 22 Р-1 / 11	26	26,1	–	–	2	–	–	0,5
Тип 3/1								
НВФ 17090 / 4 Зач. 1. Сл. 3-Н	24	23,8	–	–	3,5	–	–	0,6
НВФ 17090 / 89 Зач. 1А. Сл. 3	23	22,8	–	–	2,5	–	–	0,6
НВФ 17090 / 104 ПМ	26	26,1	–	–	4	–	–	0,9
НВФ 17090 / 106 ПМ	28	28,5	–	–	3	–	–	0,7
НВФ 17090 / 193 Р-1 / 5	30	29,7	30	49	2	2	45	0,5
НВФ 17090 / 204 Р-1 / 5-О	32	31,8	32	40	3	3	34	0,6
НВФ 17090 / 206 + 220 Р-1 / 5	30	29,7	30	32	3,5	3,5	25	0,7
НВФ 17090 / 229 Р-1 / 6-О	30	29,8	30	43	2,3	2,3	38,4	0,7
НВФ 17090 / 251 Р-1 / 7	30	29,8	30	32	3,5	3,5	25	0,8
НВФ 17090 / 252 Р-1 / 7	28	27,7	28	36	2,5	2,5	31	0,8
НВФ 17090 / 253 Р-1 / 7-О	28	27,9	34	24	3	8	13	0,7
НВФ 17090 / 254 Р-1 / 7	22	21,8	22	24	2,5	2,5	19	0,8
НВФ 17090 / 256 Р-1 / 7	30	29,7	≈ 40	28	2,7	8	17,3	0,8
НВФ 17090 / 257 Р-1 / 6	34	33,9	42	33	3	7	23	0,5
НВФ 17090 / 259 Р-1 / 7	26	25,9	–	–	4	–	–	0,5
НВФ 17090 / 484 Р-1 / 9-О	22	21,9	–	–	2	–	–	0,6
НВФ 17090 / 485 Р-1 / 10	20	19,8	–	–	3	–	–	0,5

Приложение 3

**Каталог фрагментов белоглиняных корчаг зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (продолжение)**
(А – ангоб, О – овар, Н – нагар, ПМ – подъемный материал)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)							Толщина стенки
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В в нижней части	
НВФ 17090 / 638 Р-1 / 11	24	23,9	–	–	3,6	–	–	0,6
НВФ 17090 / 958 Р-2 / 5–6-О-А	30	29,8	–	–	2,6	–	–	0,7
НВФ 17090 / 959 Р-2 / 5–6	32	31,5	38	27	3	8	16	0,5
НВФ 17090 / 960 Р-2 / 5–6-О	32	31,7	–	–	3	–	–	0,5
НВФ 17090 / 1060 Р-2 / 7	32	31,7	–	–	3	–	–	0,7
НВФ 17090 / 1061 Р-2 / 7-О	30	29,8	41	28	3,3	9	15,7	0,8
НВФ 17090 / 1063 Р-2 / 7-О	38	37,8	–	–	3,2	–	–	0,9
НВФ 17090 / 1064 Р-2 / 7-О	32	31,8	40	31	4	7	20	0,4
НВФ 17090 / 1066 Р-2 / 7-О	32	31,8	40	31	3,3	7	20,7	0,5
НВФ 17090 / 1185 Р-2 / 8–9	32	31,9	40	30	2,8	7	20,2	0,4
ОФ 27642 / 12 Р-1 / 7-О	26	25,8	33	25	4,5	7	13,5	0,6
ОФ 27642 / 13 Р-1 / 7	22	21,9	32	23	4,5	8	10,5	0,5
Тип 3/2								
НВФ 17090 / 168 Р-1 / 4	22	22,5	–	–	5,5	–	–	0,9
Тип 3/3								
НВФ 17090 / 107 ПМ	20	20,5	26	23	4	5	14	0,8
НВФ 17090 / 196 Р-1 / 5	28	29	28	30	3,3	3,3	23,4	0,7
НВФ 17090 / 255 Р-1 / 7-О	30	30,5	–	–	2,7	–	–	1,0
НВФ 17090 / 1062 Р-2 / 7	30	30,2	41	28	2,8	9	16,2	0,8
НВФ 17090 / 1065 Р-2 / 7	30	31	39	29	3,2	7	18,8	0,7
НВФ 17090 / 1146 Р-2 / 8–9	30	30,4	38	28	4	8	16	0,6
НВФ 17090 / 1186 Р-2 / 8–9-О-А	32	33	–	–	2,8	–	–	0,6
НВФ 17090 / 1187 Р-2 / 8–9	36	36,2	> 42	–	3,3	–	–	0,6
НВФ 17090 / 1188 Р-2 / 8–9	24	24,3	35	24	2,6	7	14,4	0,9
НВФ 17090 / 1189 Р-2 / 8–9	28	28,4	36	26	3	7	16	0,5

Приложение 3

**Каталог фрагментов белоглиняных корчаг зачистки,
врезки и раскопов 1 и 2 села Гжель (окончание)**
(А – ангоб, О – овар, Н – нагар, ПМ – подъемный материал)

№ ОФ, НВФ Раскоп / пласт*	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)							Толщина стенки
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
Тип 3 / 4								
НВФ 17090 / 11 Зач. 1. Сл. 3	20	21	–	–	2,5	7	–	0,7
НВФ 17090 / 57 Зач. 1. Сл. 3	32	32,4	–	–	3,5	–	–	0,8
НВФ 17090 / 258 Р-1 / 7-Н	28	29	40	30	1,5	6	22,5	0,8
НВФ 17090 / 832+836 Р-1 / 12	26	27	–	–	3,4	–	–	0,5
НВФ 17090 / 833 Р-1 / 12	24	25	–	–	3,5	–	–	0,7

Приложение 4

Каталог фрагментов белоглиняных мисок раскопов 1 и 2 села Гжель
(Н – нагар)

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
	Д края	Д дна	В стенки	
НВФ 17090 / 191 Р-1 / 5	21	14	6	–
НВФ 17090 / 342 Р-1 / 8	22	–	–	–
НВФ 17090 / 390 Р-1 / 9	20	–	> 5	–
НВФ 17090 / 488 Р-1 / 10-Н	22	14	6	–
НВФ 17090 / 489 Р-1 / 10-Н	22	16	5	–
НВФ 17090 / 491 Р-1 / 10-Н	20	–	–	–
НВФ 17090 / 492 Р-1 / 10	20	–	–	–
НВФ 17090 / 636 Р-1 / 11	18	14	3,5	–
НВФ 17090 / 655 Р-1 / 9–11	22	–	> 5	–
НВФ 17090 / 656 Р-1 / 9–11	20	–	> 4	–
НВФ 17090 / 830 Р-1 / 12-Н	22	16	4	Волна, на внешней стенке
НВФ 17090 / 1198 Р-2 / 8–9	22	–	> 5	–
ОФ 27642 / 54 Р-1 / 11-Н	20	14	6	–

Приложение 5

Каталог фрагментов белоглиняных сковород раскопов 1 и 2 села Гжель
(О – овар, Н – нагар)

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
	Д края	Д дна	В стенки	
НВФ 17090 / 190 Р-1 / 5	30	24	5	–
НВФ 17090 / 246 Р-1 / 6	≈ 32	–	> 4	–
НВФ 17090 / 248 Р-1 / 4	≈ 32	–	> 5	–
НВФ 17090 / 341 Р-1 / 8	24	–	> 5	Волна, на внешней стенке
НВФ 17090 / 389 Р-1 / 9	24	–	–	–
НВФ 17090 / 391 Р-1 / 9	30	24	7	–
НВФ 17090 / 486 Р-1 / 10	40	36	6	–
НВФ 17090 / 487 Р-1 / 10-Н	24	18	6	–
НВФ 17090 / 490 Р-1 / 10	26	22	6	–
НВФ 17090 / 566 Р-1 / 9–11-Н	≈ 40	–	> 5	–
НВФ 17090 / 632 Р-1 / 11-О	34	22	6	Точки-ямки, на внутренней стенке
НВФ 17090 / 633 Р-1 / 9–11-О-Н	31	21	6	–
НВФ 17090 / 634 Р-1 / 11	30	–	> 6	–
НВФ 17090 / 637 Р-1 / 11-О	26	24	7	–
НВФ 17090 / 829 Р-1 / 12-О	34	–	–	–
НВФ 17090 / 1059 Р-2 / 7-Н	≈ 32	–	> 4	Волна, на внешней стенке
НВФ 17090 / 1079 Р-2 / 7	46	38	7,5	–
НВФ 17090 / 1081 Р-2 / 7	36	28	6	–
НВФ 17090 / 1198 Р-2 / 8–9	28	–	> 6	–
ОФ 27642 / 55 Р-1 / 10	32	26	5	–

Литература

- Векслер А. Г.*, 1997. Археологические работы на ул. Ильинке и на Старом Гостином дворе в Китай-городе в 1996 г. Кн. 7/Архив ИА РАН. Р-1. № 20410, 20411.
- Генинг В. Ф.*, 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка. 188 с.
- Куфтин Б. А., Россова А. М.*, 1928. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии//Московский краевед. Вып. 5. М. С. 9–30. МК. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с.
- Полюях А. А.*, 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II селища в Раменском районе Московской области в 1993 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.
- Полюях А. А.*, 2005. Гончарный горн у с. Бахтеево в Раменском районе Московской области//АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 246–254.
- Полюях А. А.*, 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки//АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 476–546.
- Пономарев Н. В.*, 1896. Краткий обзор кустарных промыслов. СПб. 109 с.
- Потанов А. А.*, 1936. Древний погреб близ Крымской площади//По трассе I очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. Л.: ОГИЗ.
- Рабинович М. Г.*, 1949. Московская керамика//МИА. № 12. М.–Л.: АН СССР. С. 57–105.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: АН СССР. 124 с. (САИ. Вып. Е1–39).
- Черепнин Л. В.*, 1944. Русская метрология. М.: Трансжелдориздат. 94 с.
- Чернов С. З.*, 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв.//МК. М.: ИА АН СССР. С. 50–59.

A. A. Poliulakh

Archaeological research at the village of Gzhel. White-clay ceramic wares – jugs, pots, bowls and cooking pans

Summary

This article continues the review of the results of excavations undertaken over 1985–1988 at the village of Gzhel (to the East of Moscow) on the grounds of what appears to be a pottery workshop of the 16th

to 18th centuries, which produced various kinds of ceramics from white clay. An analysis was made of fragments of white-clay jugs, pots, bowls and cooking pans, and a classification made.

Н. Н. Малышева, А. А. Полюлях, Т. Г. Сарачева

Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве

Может быть, кто-нибудь из любителей отечественной археологии, прочитавши эту статью, займется решением этого вопроса (о назначении голосников) и, на основании изысканий и других источников, произнесет окончательный приговор о том, ко всеобщему удовольствию лиц, занимающихся археологией.

С. Полянский

Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву возведен в 1555–1561 гг. в ознаменование победы войска царя Ивана IV Грозного над Казанским царством. Храм состоит из девяти самостоятельных церквей, сооруженных на высоком подклете. Эта его особенность, предполагающая ведение богослужений в каждой из церквей, стала причиной того, что в большинстве из них были размещены керамические сосуды-голосники.

Вмурованные в стены храмов сосуды широко применялись в древнерусском зодчестве с целью улучшения акустических свойств помещений и для облегчения веса сводов. В настоящее время их можно увидеть как на историческом месте в храмах, так и в музейных коллекциях. Однако специальные работы по ним единичны. Всплеск научного интереса к этим артефактам наблюдался во второй половине XIX – начале XX в. (Стасов, 1861. С. 126–142; 1865. С. 221–225; Полянский, 1876. С. 87–92; Грязнов, 1893. С. 361–371; Даль, 1875. С. 88–89; Гезе, 1901. С. 191–198; Покрышкин, 1906. С. 28–32). Помимо констатации фактов наличия голосников в храмах исследователей в первую очередь занимал вопрос их функциональной принадлежности. Выдвигались различные, порой взаимоисключающие точки зрения, однако отсутствие надежной доказательной базы не позволяло считать какую-либо версию окончательной.

Пристальное внимание к голосникам отразилось на распоряжении составителям метрик храмов указывать, есть ли таковые в них. Однако не всегда их удавалось выявить. Например, священник Покровского собора Иоанн Ковалевский в метрике, составленной им «под наблюдением настоятеля Покровского собора и при помощи господина архитектора М. А. Дурново» в январе 1887 г., отвечая на вопрос о наличии в храме лепных украшений, резьбы по камню и голосников в стенах, написал: «Ничего нет» («Метрика...», 1898. Л. 92об.).

Обобщающее исследование домонгольских голосников принадлежит П. А. Раппопорту (1994. С. 51–53). В более поздних храмах голосники встречаются реже, как и упоминания о них в специальной литературе. Исключение составляет работа И. Н. Верховской, которая в 1930-е гг. проводила эксперименты по определению влияния голосников на акустику и привлекала для этого сосуды XVI в. из коллекции московских музеев. Полученные результаты позволили убедительно доказать роль голосников в уменьшении реверберации (послезвучания) и поглощения эха¹ (Верховская, 1936. С. 46–72).

Тогда же впервые обратили внимание и на голосники Покровского собора. В 1931 г. сотрудник Научно-экспериментальной лаборатории звукотехники Народного комиссариата почт и телеграфов

¹ Реверберация – это процесс затухания звука в храме, зале после выключения источника звука. Продолжительность реверберации – очень важный показатель качества акустики помещений: при длительной реверберации речь и музыка оказываются недостаточно четкими; при короткой речь звучит глухо, а музыка утрачивает выразительность (Микита, 2008а. С. 5).

РСФСР изучал устройство голосников с целью их применения при радиовещании в студиях с большой реверберацией (Сарачева, 2013. С. 82).

Помимо несомненного интереса к голосникам исследователей архитектуры и акустики необходимо отметить научную значимость таких предметов в контексте археологического изучения керамических коллекций эпохи Средневековья. Не случайно первые публикации о них появились в археологических изданиях. Сосуды, вмурованные в стены каменных храмов в момент их строительства, представляют собой закрытый комплекс, на который можно опереться при выделении периодов развития региональных керамических наборов и датировать их с большей точностью. Они могут быть надежным хронологическим репером для датировки керамических форм, обнаруженных в процессе археологических раскопок, так как год сооружения многих храмов известен по письменным источникам. Как правило, замена голосников в интерьерах храма не проводилась, если не было масштабной перестройки памятника, следовательно, все сосуды из него относятся к узкому хронологическому периоду. В каждом храме голосниковая система состоит из совокупности сосудов, иногда разных форм (например, кувшины и корчаги), часто довольно представительной.

Введение в научный оборот керамических коллекций архитектурных памятников поможет аргументированно уточнить время возникновения и этапы развития некоторых типов сосудов, что существенно дополнит общую картину развития средневековой керамики. Изучение голосников открывает новые грани интереснейшей и очень важной темы – хронологической классификации керамики. Это особенно важно для археологических памятников, в культурном слое которых плохо сохраняются органические остатки, отсутствуют возможности для получения дендродат или они минимальны.

Как правило, голосники расположены на значительной высоте, вследствие чего их исследование в большинстве случаев становится возможным лишь во время проведения реставрационных работ с установкой строительных лесов. Именно в ходе

реставрации были получены данные о голосниках Покровского собора. В 1954–1957 гг., когда леса стояли в интерьерах храма и составлялись подробные обмерные чертежи, в ряде церквей архитекторами были зафиксированы голосники с разной степенью подробности². В 2015 г. появилась возможность детально исследовать сосуды в двух церквях собора, соотнести собственные наблюдения с кроками чертежей, дополнив информацию о сосудах, недоступных в настоящее время для изучения (Мальшиева, Полюлях, Сарачева, 2016. С. 92–95).

Анализ архивных и натурных данных позволяет охарактеризовать метрические, морфологические и технологические показатели голосников Покровского собора, оставив за рамками исследования их функциональную роль. В настоящее время сосуды выявлены в семи из девяти церквей второго яруса храма³ (рис. 1). Нельзя однозначно утверждать, что в двух церквях во имя святых Григория Армянского и Варлаама Хутынского, в которых не видны отверстия, голосников нет и не было. Еще в 1861 г. В. В. Стасов отмечал, что «со всяким новым оштукатуриванием и белением церквей... исчезает по несколько полос голосников, и в два-три таких приема голосников в церкви уже более не существует, они все затерты, гладкое белое поле занимает их место, никакой признак не говорит о их прежнем тут существовании, и будущий исследователь навсегда лишен возможности узнать что-нибудь об этом любопытном предмете» (Стасов, 1861. С. 127).

На протяжении 455-летней истории Покровский собор неоднократно ремонтировали; в интерьерах поновляли настенные росписи. Нельзя исключить, что в результате подобных работ исчезли из поля зрения голосники в двух малых церквях. В 1920–1930-х гг. в них проводились реставрационные работы со снятием живописных слоев и обмазки со стен, однако голосники не были обнаружены. В то же время сосуды были открыты в двух других церквях собора – Святой Живоначальной Троицы и преподобного Александра Свирского⁴.

Общее количество сосудов в интерьерах Покровского собора 83. Они вмурованы в стены полностью, отверстиями внутрь церквей; их венчики

² Архив отдела «Покровский собор». П-3/21г., П-3/21д.

³ В состав собора входят два более поздних, небольших нижних придела – Василия Блаженного (1588) и Иоанна Блаженного (1672), голосники в которых отсутствуют.

⁴ До реставрации на стенах церквей находилась масляная сюжетная живопись, выполненная в XVIII в. и неоднократно поновленная в следующем столетии. Под этими слоями и слоем штукатурки и были обнаружены голосники. Интересно отметить, что в центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы до проведения реставрации 1950-х гг. сосуды оставались открытыми, несмотря на аналогичную роспись стен.

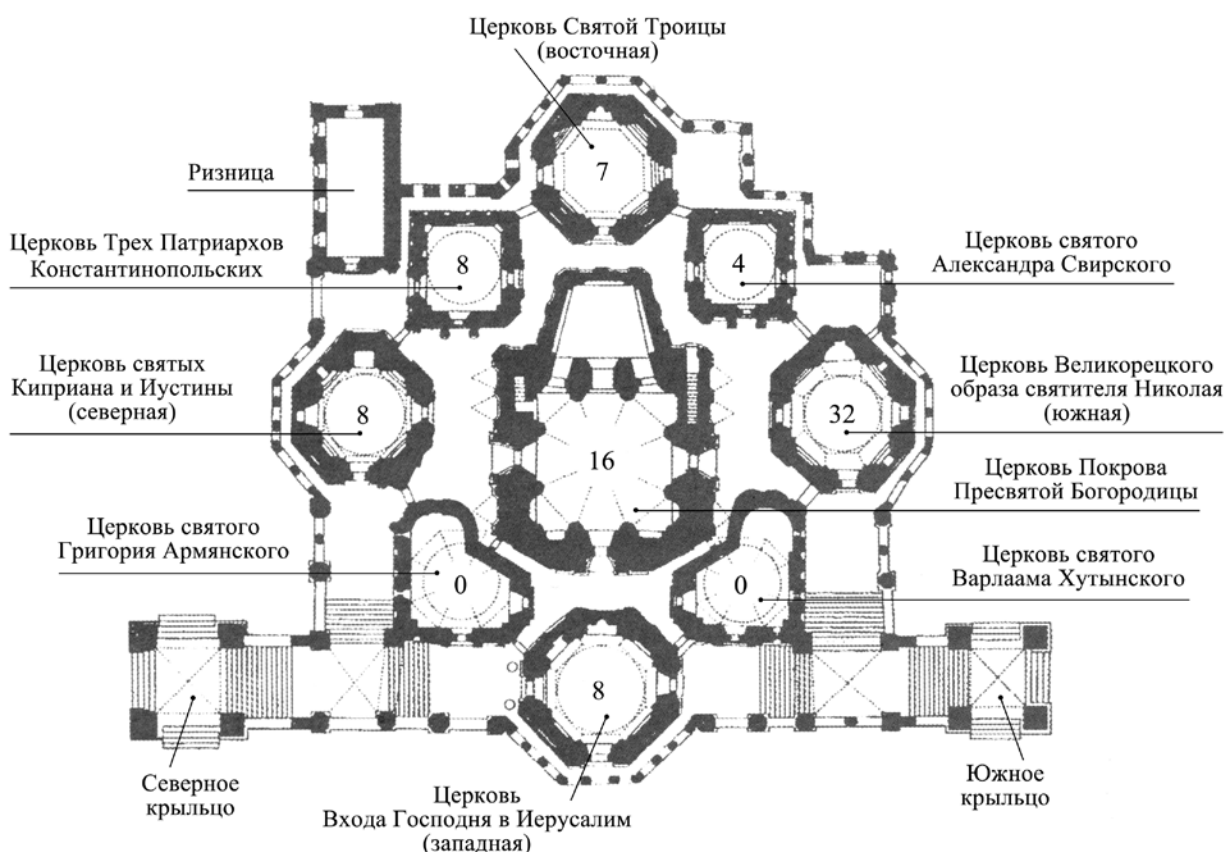

Рис. 1. План второго яруса Покровского собора с указанием количества голосников в церквях

выкрашены в цвет стен. В некоторых случаях сохранился тонкий слой обмазки под краской. В соответствии с архитектурными особенностями и размерами церкви с голосниками разделяются на три группы: центральная Покрова Пресвятой Богородицы; четыре большие – во имя святых Киприана и Иустины, Святой Живоначальной Троицы, Великорецкого образа святителя Николая (Николы Великорецкого) и Входа Господня в Иерусалим; две малые – во имя преподобного Александра Свирского и Трех Патриархов Константинопольских Александра, Иоанна и Павла Нового. Архитектурной особенностью этих церквей является их столпообразная форма, «очень невыгодная для звука» (Верховская, 1936. С. 46). Рассмотрим особенности размещения голосников в церквях.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы состоит из четверика, двух восьмериков и высокого шатра. Здесь насчитывается 16 голосников, расположенных в верхней части нижнего восьмерика (рис. 2)⁵. Высота церкви составляет 47,5 м; пояс го-

лосников находится на уровне около 21 м (рис. 3). На каждой грани восьмерика находится по два сосуда, расстояние между которыми близкое, но не одинаковое (рис. 4). Реставрация интерьера церкви в 2015 г., сопровождавшаяся установкой строительных лесов, позволила осуществить исследование всех сосудов. Установить размеры, форму и технологию изготовления оказалось непросто, так как для изучения была доступна только их внутренняя поверхность. Например, для того, чтобы определить профиль сосуда, использовалась гибкая проволока, которую можно было выложить аккуратно по внутренней его поверхности. Узкое горло позволяло сделать это лишь одной рукой. Установленные высота и максимальный диаметр позволили перенести полученный проволочный профиль на бумагу и реконструировать форму сосудов (рис. 5).

Все голосники этой церкви имеют одинаковую форму, светлый цвет поверхности, хорошую сохранность и незначительные отличия в размерах. Это оказались кувшины с туловом овоидной формы,

⁵ Фотографии к статье выполнены сотрудником Государственного исторического музея Г. Г. Сапожниковым.

Рис. 2. Голосники в верхней части восьмерика центральной церкви собора.
Фотография выполнена в процессе реставрации 2015 г. (См. цв. вкл.)

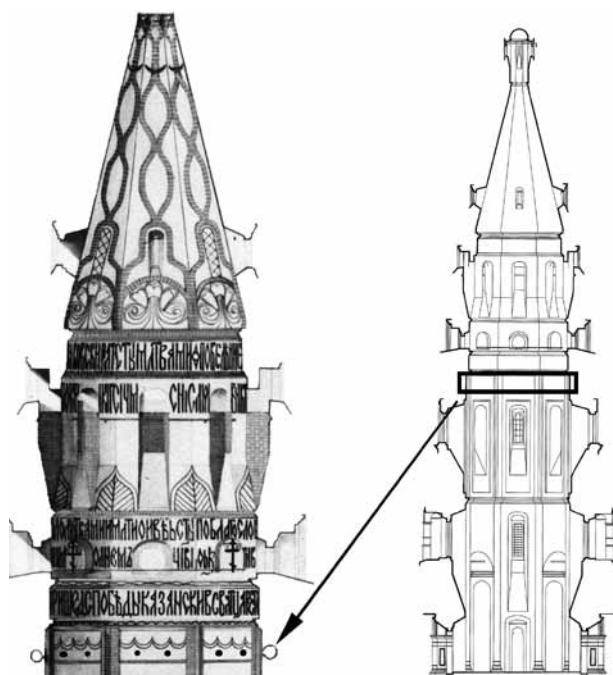

Рис. 3. Схема расположения голосников в церкви Покрова Пресвятой Богородицы

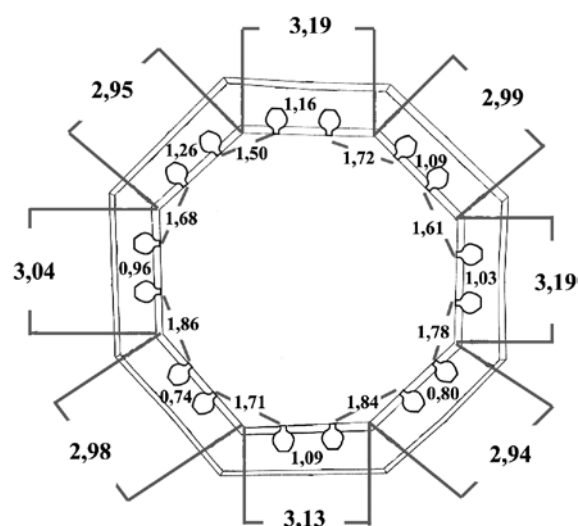

Рис. 4. Расстояние (в метрах) между голосниками в церкви Покрова Пресвятой Богородицы

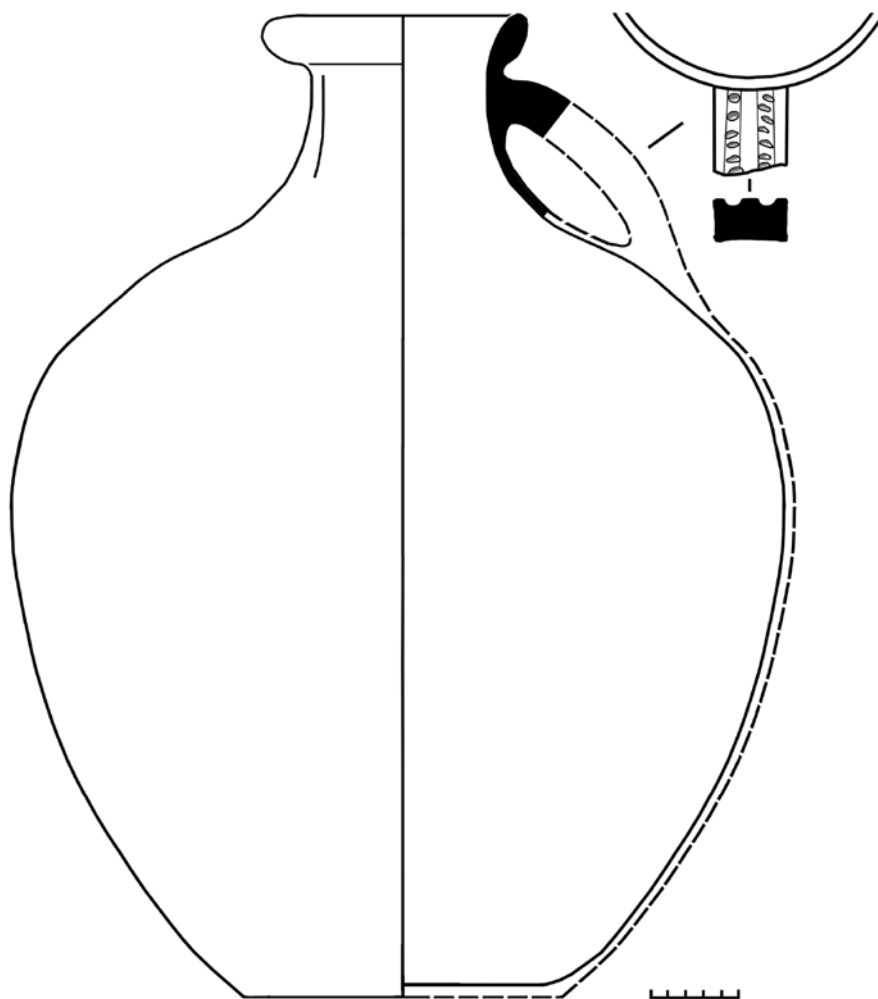

Рис. 5. Реконструкция формы сосуда, расположенного в восточной части южной грани нижнего восьмерика церкви Покрова Пресвятой Богородицы

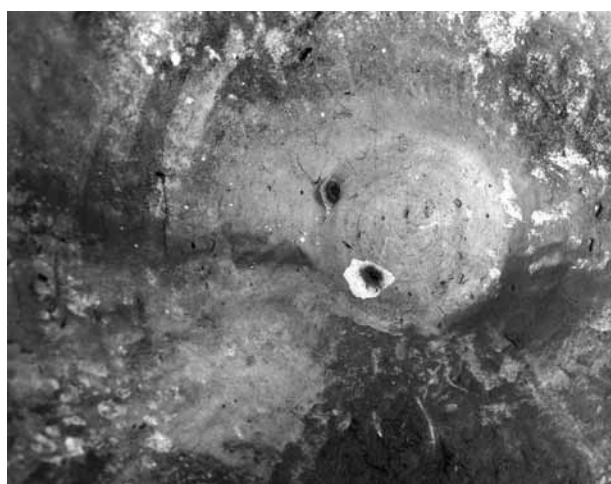

Рис. 6. Внутренняя поверхность кувшина из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

с носиком-сливом и ручкой. В стены они вмурованы таким образом, что носик-слив находится сверху, а ручка – снизу. На их внутренней поверхности отмечены трещины и мелкие отслоения (рис. 6).

Место крепления ручки к горлу определено по наличию незначительного углубления с нечеткими контурами на внутренней поверхности. В ходе реставрационных работ под одним кувшином был выполнен зондаж размером 10×5 см⁶ (рис. 7). Благодаря этому удалось установить наличие ручки дугообразной формы, прямоугольной в сечении, шириной 4 см и толщиной 2,5 см. На наружной поверхности – декор в виде двух параллельных желобков с ногтевыми вдавлениями по ним. Зондаж позволил также изучить забутовку вокруг кувшинов – битый кирпич на известковом растворе.

⁶ Благодарим художников-реставраторов МНРХУ А. А. Бринцева и К. Ю. Муравьева, сделавших зондаж.

Четыре большие церкви собора состоят из двух восьмериков и светового барабана, перекрытого сводом. Высота церквей – 20,5–23,0 м. Голосники находятся приблизительно на уровне 13–14 м, что соответствует примерно 2/3 высоты столпов (рис. 8). С точки зрения архитектуры в трех больших церквях голосники расположены одинаково, в верхней части второго восьмерика у основания барабана. Можно предположить, что ряд сосудов в них отсекает проблемную и наименее благоприятную в акустическом отношении верхнюю часть архитектурных объемов. Так, например, храм Воскресения Христова в Сокольниках (Москва, 1910–1913) с аналогичным расположением 64 сосудов у основания барабана обладает прекрасной акустикой (Микита, 2008б. С. 13).

В церкви Киприана и Иустины восемь голосников вмурованы по одному на каждой грани. Сходная картина наблюдается и в церкви Троицы, однако здесь сосудов семь, так как на западной грани устроена ниша с окном. Это единственный пример несимметричного расположения голосников. В остальных церквях их количество кратно четырем, что связано с конструктивными особенностями архитектурных объемов, построенных на сочетании четвериков и восьмериков. Как правило, сосуды распределяются по всему периметру помещений, и расстояние между ними варьируется незначительно. Чаще всего они находятся в центре граней столпов. По мнению специалистов, такое расположение позволяет уменьшать эффект «порхающего эха», возникающего в результате многократного отражения звука от параллельных стен, за счет рассеивания (Микита, 2008а. С. 17). Кроме того, увеличивается диффузность звукового поля, в первое отражение вносится небольшое запаздывание, и возникает эффект мягко нарастающего уровня звука (Пишенин).

Существует точка зрения, что в поздних церквях голосники располагаются беспорядочно, «в качестве остатка прежней архитектуры – в виде своеобразной декоративной детали» (Верховская, 1936. С. 48). Необходимо отметить, что Покровский собор, который строился по царскому заказу, имеет оригинальную архитектурную композицию с такими чертами, как симметричность и гармоничность. Примеры симметрии в нем многочисленны, в том числе и в расположении голосников. Как отмечал В. В. Стасов, «чем тщательнее строена церковь во всех частях, тем правильнее и симметричнее расположены ряды ее голосников» (Стасов, 1861. С. 140).

Вряд ли можно утверждать, что в Покровском соборе устройство голосников явилось лишь сле-

Рис. 7. Кувшин-голосник из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

дованием традиции ранней архитектуры. Их необходимость диктовалась значительной высотой столпообразных церквей при малой площади, наличием близко расположенных параллельных стен четвериков и восьмериков. Высокие акустические качества храма отмечались неоднократно (Микита, 2008а. С. 57). В частности, по мнению участников мужского вокального ансамбля духовного пения «Дорос», который на протяжении ряда лет выступает в Покровском соборе, в центральной церкви – лучшая акустика. К такому же выводу в отношении акустики пришли специалисты Всероссийского научно-исследовательского института телевидения и радиовещания, проводившие опыты в соборе в 1998 г. (Ланэ, Сухов, б/г). Певцам не приходится прибегать к максимальному использованию головного резонирования, при этом пение получается достаточно звонким. Можно предположить, что этому способствует наличие голосников. По мнению специалистов, они работают как системы местного усиления, выборочно усиливают нужные частоты спектра

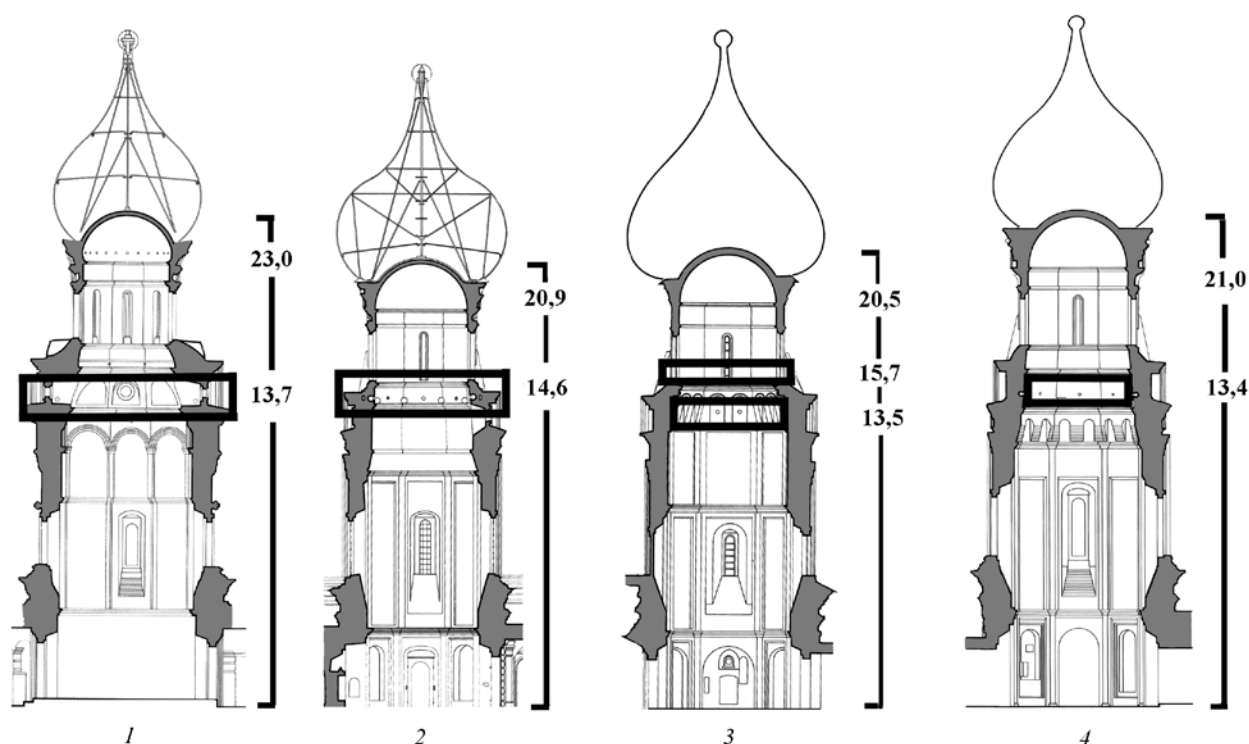

Рис. 8. Схема расположения голосников в больших церквах Покровского собора

1 – церковь Входа Господня в Иерусалим; 2 – церковь святых Киприана и Иустины;
3 – церковь святого Николы Великорецкого; 4 – церковь Святой Троицы

певческого голоса и создают хорошую слышимость во всех точках храма независимо от положения ансамбля (Пишенин).

В церкви Входа Господня в Иерусалим восемь сосудов совершенно не видны снизу, так как спрятаны в четырех глубоких нишах, ориентированных по сторонам света, по два в каждой (рис. 9). Они вмурованы в стенки ниш, у основания⁷ (Брунов, 1988. С. 48).

Среди больших церквей выделяется южная церковь святителя Николая. Во-первых, максимальным числом голосников в одной церкви собора – 32, во-вторых, расположением в три ряда, в-третьих, единственным в храме примером наличия голосников в барабане (рис. 10). Высота столпа – 28 м. Нижний ряд состоит из 16 сосудов, по два на каждой грани внутри неглубоких ниш. Выше восемь голосников расположены на ребрах граней в шахматном порядке по отношению к нижнему ряду. Верхний ряд в барабане повторяет расположение сосудов предыдущего ряда. Трудно сказать, почему в этой церкви, не отличающейся размерами от других больших столпов, понадобилось в четыре раза больше сосудов.

Между большими церквями поставлены **четыре малые церкви**, которые отличаются архитектурой. Они состоят из четверика, восьмерика и светового барабана, перекрытого сводом. Голосники находятся в двух церквях с восточной стороны храма, причем система их устройства отличается.

В церкви Трех Патриархов Константинопольских насчитывается восемь сосудов, по два на каждой грани нижнего четверика на высоте около 4 м при общей высоте церкви 14,6 м (рис. 11). Вверху четверик декорирован дуговидным аркатурным поясом. Голосники искусно спрятаны внутри каждой второй от угла арочки, ближе к ее основанию. По мнению акустиков, работающие поглотителями сосудов необходимо располагать в местах, в которых по теории волновой акустики возникают концентрации аномальных звуковых волн: осевых и касательных – углы помещения, цилиндрические поверхности и т. д. (Пишенин). Следовательно, смещенные к прямым углам небольшого по площади четверика этой церкви голосники позволяли исключить возникновения эффекта «порхающего эха» при пении в узком пространстве с параллельными стенами.

⁷ Архив отдела «Покровский собор». П-3/21г.

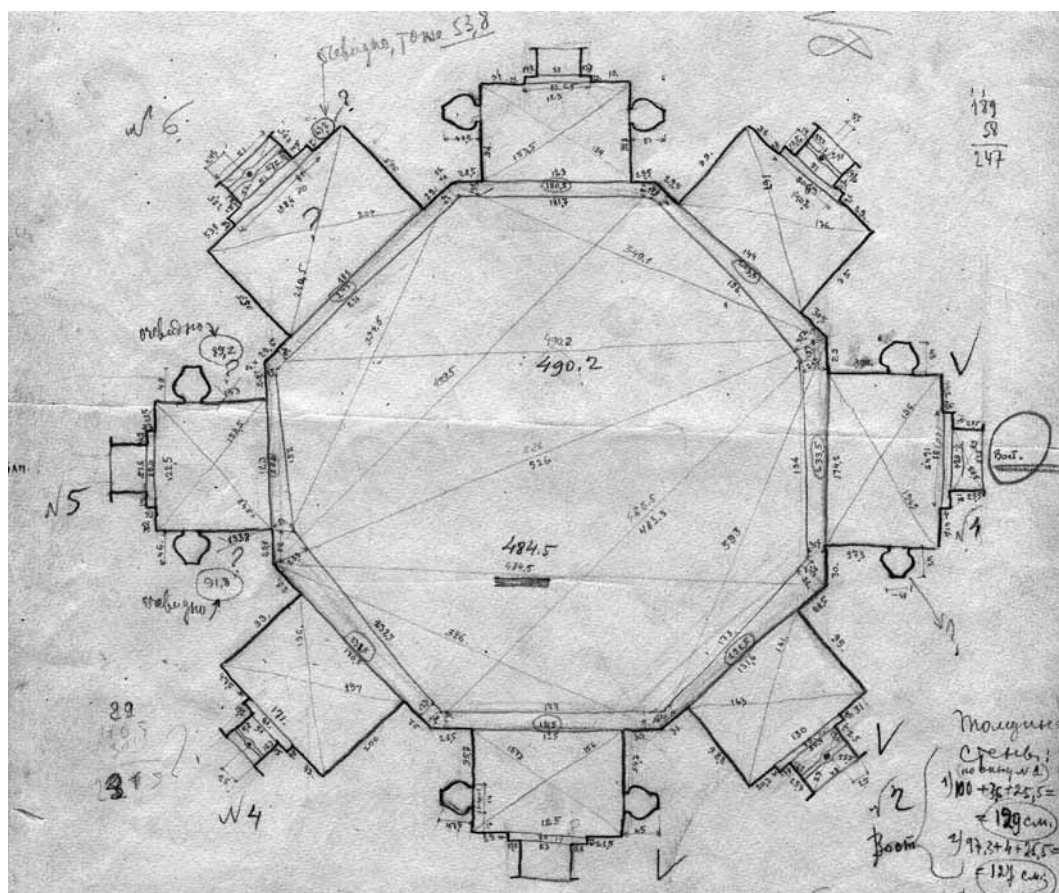

Рис. 9. Разрез восьмерика церкви Входа Господня в Иерусалим. Чертеж. 1950-е годы

Рис. 10. Голосники в церкви святого Николы Великорецкого

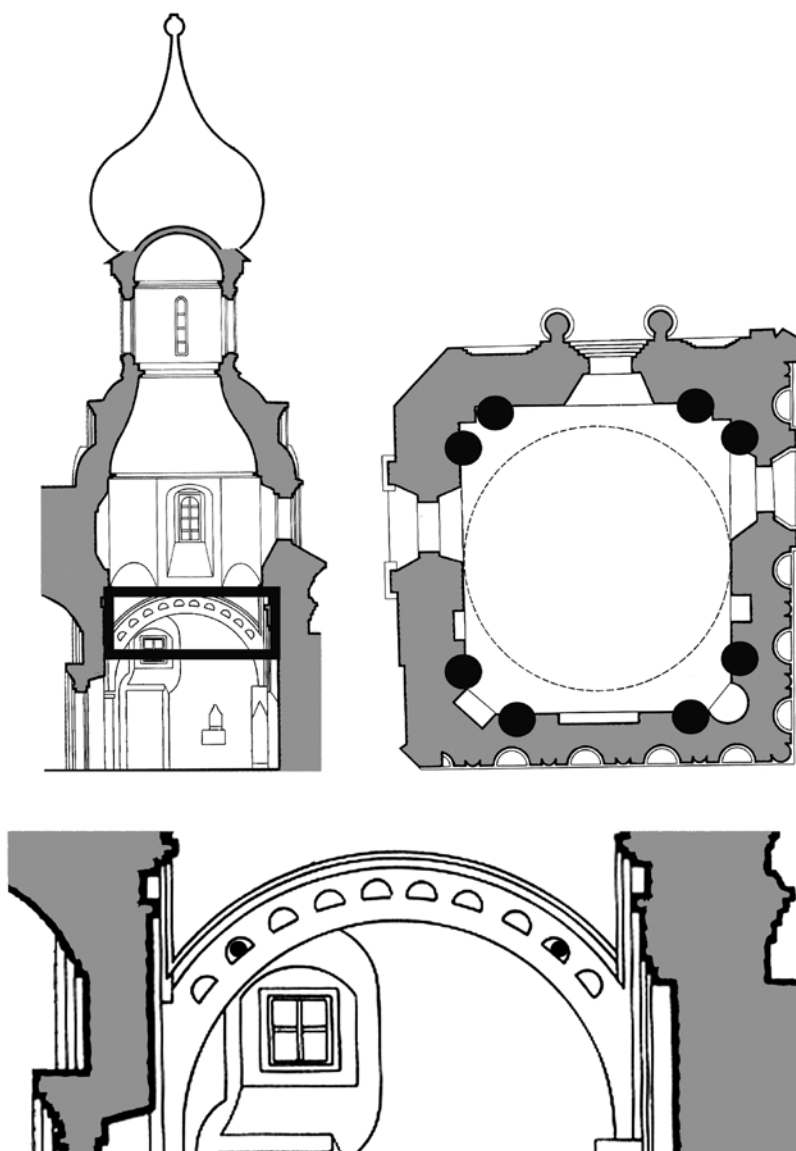

Рис. 11. Схема расположения голосников в церкви Трех Патриархов Константинопольских

Незначительная высота, на которой находятся голосники в этой церкви, позволила исследовать их без установки строительных лесов. Они оказались сходны с белоглиняными кувшинами из центральной церкви, отличаясь размерами. Носики-сливы ориентированы бессистемно и направлены в разные стороны. Сохранность сосудов существенно хуже: все с трещинами, и пять из восьми кувшинов частично повреждены. Как правило, разрушены верхние части тулова, горла и венчики кувшинов.

В церкви Александра Свирского четыре голосника расположены в центре граней восьмигранника (рис. 12; 13). Внутренняя поверхность венчиков выкрашена в цвет росписи стен, имитирующей кирпичную кладку. Высота церкви – 15 м; сосуды находятся на высоте около 7 м (рис. 14).

Таким образом, анализ сосудов в интерьерах Покровского собора показал, что в каждой церкви голосники образуют определенную систему. По мнению исследователей, голосниковые системы воздействуют через строительные конструкции на акустику помещений, улучшая тембр и создавая трехмерное звучание (Микита, 2008б. С. 4, 29).

Натурное изучение голосников в церквях Покрова Пресвятой Богородицы и Трех Патриархов Константинопольских позволило установить форму сосудов. Наличие носиков-сливов, а также ручек свидетельствует о том, что строители храма использовали обычные бытовые кувшины, а не иные специально сделанные для этой цели сосуды. Подобная практика отмечалась неоднократно для домонгольского времени и особенно для

Рис. 12. Голосники в церкви преподобного Александра Свирского

XVI–XVII вв. (*Раннопорт*, 1994. С. 52, 53; *Верховская*, 1936. С. 50). Формы голосников из других церквей не установлены. Судя по размерам сосудов и фотографиям, на которых видны носики-сливы, можно предположить, что в церквях Киприана и Иустины и святителя Николая также вмурованы кувшины.

По размерам голосники шести церквей Покровского собора можно условно разделить на три группы⁸. Необходимо отметить, что измерения внутри сосудов проводить крайне сложно, поэтому чаще всего измерялись только их высота и диаметр венчиков (табл. 1).

Большие голосники высотой около 50 см и более выявлены в трех церквях. Самые крупные кувшины находятся в центральной церкви. Их высота – 51,0–56,5 см, максимальный диаметр – 46 см. Диаметр венчика составляет 13,0–15,2 см, диаметр дна – 14–19 см. Сосуды из малой церкви Александра Свирского практически не уступают по размерам: высота – 48–51 см, максимальный диаметр – 47 см, диаметр дна – 20 см. Особенностью голосников этой церкви является большой диаметр венчика – 17,7–20,5 см, несопоставимый с голосниками других церквей, где этот показатель не превышает 15 см. Он практически соответствует

⁸ В архивных материалах отсутствует информация по размерам голосников из церкви Николы Великорецкого.

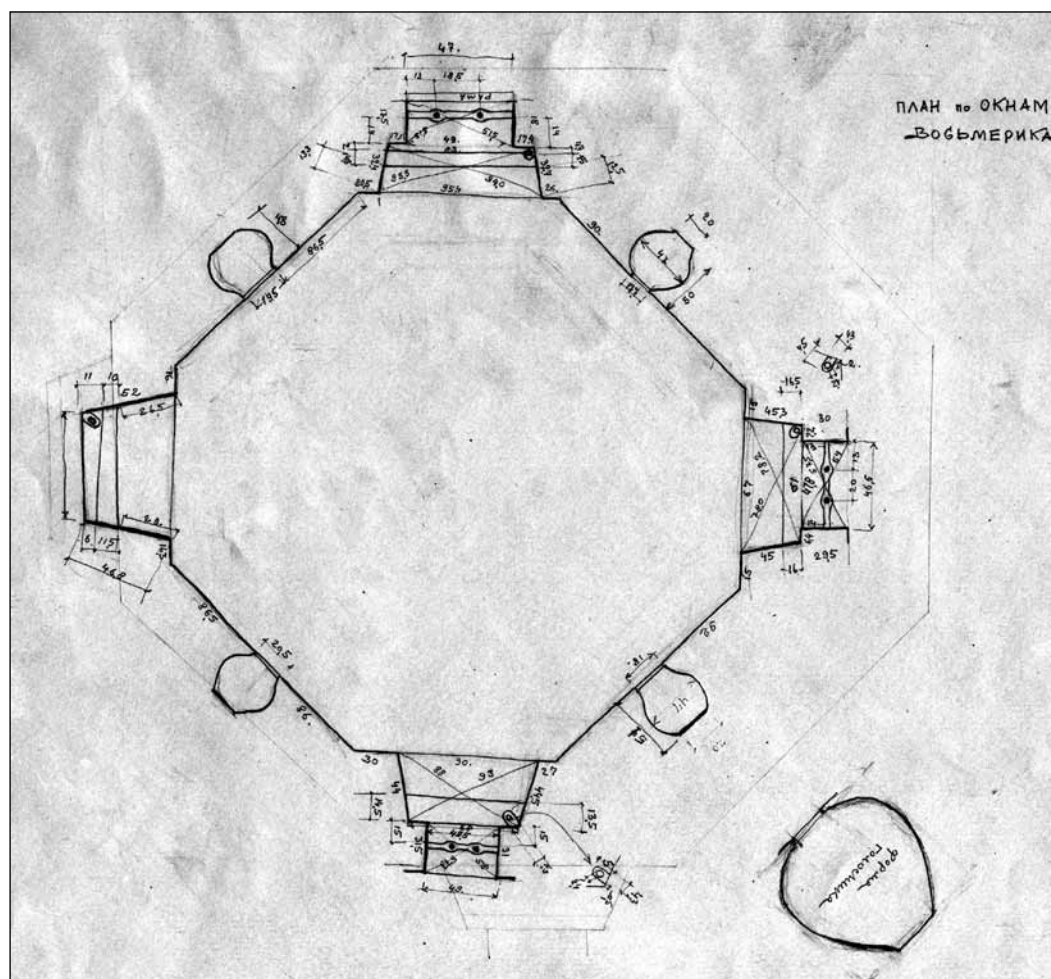

Рис. 13. Разрез восьмерика церкви преподобного Александра Свирского. Чертеж. 1950-е годы

диаметру дна. Трудно допустить, что здесь вмурованы кувшины.

Восемь голосников из церкви Входа Господня в Иерусалим существенно уступают по диаметру дна – 10–11 см, диаметр венчика – 13,5–14,5 см. Их высота – 45–51 см, однако максимальный диаметр оказался самым большим из зафиксированных – 48 см.

Средние голосники высотой 32–38 см вмурованы в стены двух церквей. Кувшины в церкви Трех Патриархов Константинопольских имеют высоту 34–38 см при максимальном расширении 31 см. Диаметр венчика – 11–13 см. В церкви Киприана и Иустины голосники имеют близкую высоту – 32,5–36 см, однако их максимальный диаметр существенно меньше – 22–24 см, диаметр венчика – 14–15 см.

Малые голосники высотой 24–26 см находятся в церкви Троицы. Информация по размерам сосудов этой церкви минимальна: установлены

диаметры венчиков – 11–13,5 см и высота трех из семи сосудов. Данные по максимальному диаметру и размеру дна отсутствуют.

Выделенные условно метрические группы голосников не всегда соотносятся с группами церквей. Очевидно, что самые высокие кувшины находятся в центральной церкви. В то же время в больших церквях установлены сосуды всех трех размеров, а в малой церкви Александра Свирского голосники практически такие же, как в центральной церкви.

Анализ метрических данных показал, что для каждой церкви собора использованы различные наборы голосников, которые не повторяются, несмотря на то что все церкви возводились одновременно. В центральной церкви сосуды, вероятно, взяты из одной партии керамики, так как сходство 16 голосников очевидно. В церкви Трех Патриархов Константинопольских различия между 8 кувшинами также несущественны. Такое же предположение можно выдвинуть и по отношению

Таблица 1. Размеры сосудов-голосников из интерьеров церквей Покровского собора.

Местоположение в интерьере церкви	Высота сосуда, см	Диаметр венчика, см	Диаметр донца, см	Диаметр максимального расширения тулова, см
<i>Центральная церковь Покрова Пресвятой Богородицы; нижний восьмерик</i>				
западная часть северной грани	55,5	13,5	—	—
восточная часть северной грани	55,0	13,0–15,0	15,5	46
северная часть северо-западной грани	54,0	14,0	—	—
западная часть северо-западной грани	56,5	14,0–14,5	—	—
северная часть западной грани	55,5	14,0	—	—
южная часть западной грани	54,5	13,0–13,5	—	—
западная часть юго-западной грани	54,0	13,0–14,0	—	—
южная часть юго-западной грани	54,0	13,5–14,0	—	—
западная часть южной грани	55,0	13,0–14,0	18,5	—
восточная часть южной грани	55,0	13,5	19,0	43
южная часть юго-восточной грани	51,0	13,5–14,0	—	42
восточная часть юго-восточной грани	55,0	14,0–15,0	—	—
южная часть восточной грани	54,0	14,0	—	43
северная часть восточной грани	53,0	14,5–15,2	14,0	—
восточная часть северо-восточной грани	54,0	13,0–13,5	—	—
северная часть северо-восточной грани	54,0	13,0	15,0	44
<i>Северная большая церковь Святых Киприана и Иустины; верхний восьмерик у основания барабана</i>				
центральная часть северной грани	32,5	15,0	—	22,5
центральная часть северо-западной грани	33,0	—	—	23
центральная часть западной грани	32,8	15,5	—	23
центральная часть юго-западной грани	35,5	—	—	22
центральная часть южной грани	36,0	15,0	—	23,5
центральная часть юго-восточной грани	36,0	—	—	23
центральная часть восточной грани	35,0	14,0	—	24
центральная часть северо-восточной грани	35,0	—	—	24
<i>Западная большая церковь Входа Господня в Иерусалим; верхний восьмерик у основания барабана</i>				
восточная стенка ниши на северной грани	51,0	13,5 x 14,0	10,0	—
западная стенка ниши на северной грани	48,5	—	—	—
северная стенка ниши на западной грани	48,0	13,5	10,0	—
южная стенка ниши на западной грани	46,0	—	—	—
западная стенка ниши на южной грани	47,5	—	—	—
восточная стенка ниши на южной грани	45,0	14,0	11,0	—
южная стенка ниши на восточной грани	47,0	14,0–14,5	10,5	48
северная стенка ниши на восточной грани	48,0	14,0	11,0	—
<i>Восточная большая церковь Святой Живоначальной Троицы; верхний восьмерик у основания барабана</i>				
центральная часть северной грани	—	11,5	—	—
центральная часть северо-западной грани	—	12,5	—	—
центральная часть юго-западной грани	—	13,5	—	—
центральная часть южной грани	24,0	11,0	—	—
центральная часть юго-восточной грани	—	11,0	—	—
центральная часть восточной грани	26,0	13,0	—	—
центральная часть северо-восточной грани	—	12,3	—	—
<i>Юго-восточная малая церковь Святого Александра Свирского, восьмерик</i>				
центральная часть северо-западной грани	48,0	19,5	—	—
центральная часть юго-западной грани	—	20,5	—	—
центральная часть юго-восточной грани	51,0	18,0	20,0	47
центральная часть северо-восточной грани	50,0	17,7	20,0	47
<i>Северо-восточная малая церковь Трех Патриархов Константинопольских, верхняя часть четверика</i>				
2-я от северо-западного угла арочка аркатурного пояса на северной грани	34,0	11,0	—	—
2-я от северо-восточного угла арочка аркатурного пояса на северной грани	38,0	11,0	—	—
2-я от северо-западного угла арочка аркатурного пояса на западной грани	38,0	13,0	13,0	31
2-я от юго-западного угла арочка аркатурного пояса на западной грани	—	13,0	—	—
2-я от юго-западного угла арочка аркатурного пояса на южной грани	36,0	12,0	—	—
2-я от юго-восточного угла арочка аркатурного пояса на южной грани	38,0	12,0	—	—
2-я от юго-восточного угла арочка аркатурного пояса на восточной грани	38,0	13,0	13,0	31
2-я от северо-восточного угла арочка аркатурного пояса на восточной грани	38,0	—	—	—

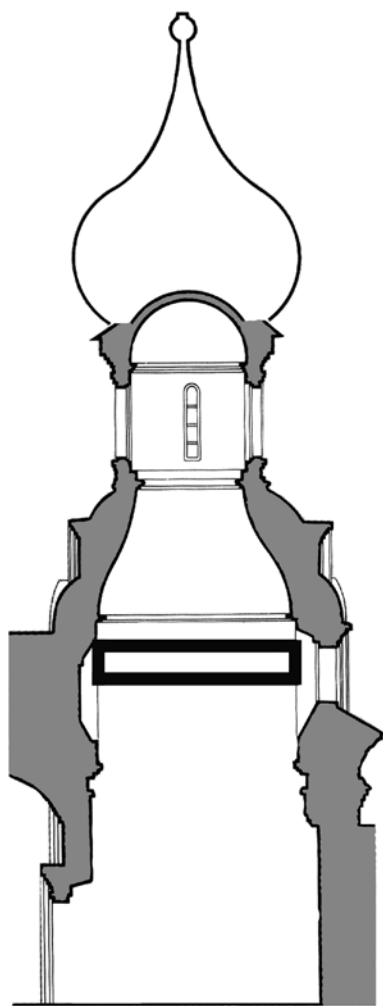

Рис. 14. Схема расположения голосников в церкви преподобного Александра Свирского

наборов голосников из церквей Киприана и Иустины и Входа Господня в Иерусалим.

Необходимо отметить, что размеры голосников, размещенных в одной церкви, не совпадают. Различия по высоте составляют 2–6 см. Этой погрешностью можно было бы пренебречь, но в ходе консультаций со специалистами выяснилось, что акустические показатели голосников зависят даже от таких незначительных колебаний в размерах. Следовательно, можно предположить, что для каждой церкви составлялся особый набор разновеликих сосудов.

Изучение внутренней поверхности голосников в центральной церкви (рис. 15) и в церкви Трех Патриархов Константинопольских позволило установить, что все кувшины белоглиняные, с характерным светло-желтым оттенком внешней и внутренней поверхности. Судя по наличию пальцевых защипов, они изготовлены на ручном гончарном круге методом налёпа лент шириной 5–6 см с последующим заглаживанием поверхностей.

Белоглиняная посуда, по наблюдению Р. Л. Розенфельдта, является основной в культурном слое Москвы с середины XVI в. и в последующие XVII–XVIII вв. Ее производство он относил к Гжели (Розенфельдт, 1968. С. 44–47). Действительно, целые формы и многочисленные фрагменты аналогичных кувшинов подобной конфигурации, пропорций форм и со светло-желтым оттенком поверхности были найдены во время археологических раскопок Никитского погоста XVI в. (Меткомелинское II селище) на р. Дорке в Раменском р-не Московской обл. наряду с другой

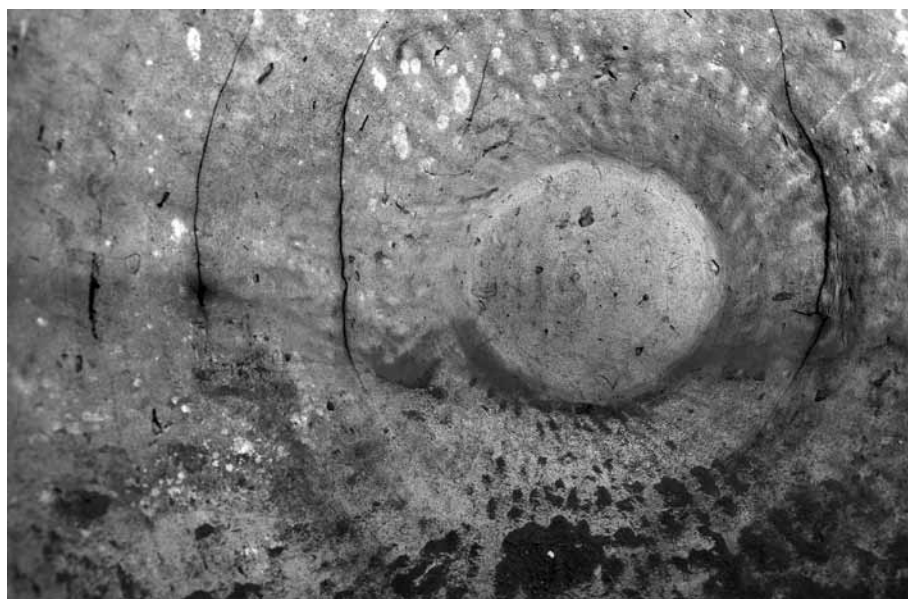

Рис. 15. Внутренняя поверхность голосника из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

белоглиняной посудой (горшками, корчагами, мисками, сковородами и плошками), изготовленной гончарами Гжели (*Полюлях*, 2015. С. 21–23. Рис. 5).

Кувшины-голосники Покровского собора могли быть приобретены недалеко от него, в торговых рядах Китай-города, где в середине XVI в. находились три горшечных ряда (*Тверская*, 1959. С. 45; «История Москвы», 1952. С. 155–161). Гончарная посуда здесь продавалась в больших количествах. Так, в 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Москве 50 горшков и 7 кувшинов глиняных (*Никольский*, 1897–1910. С. 166, 181, 186 и др.). О торговле в Москве в середине XVI в. гончарной посудой сообщает английский купец и дипломат А. Дженкинсон: «А зимой бывает большой торг за стенами замка (видимо, у Кремля и Китай-города. – *Прим. авт.*) на замерзшей реке, там продают хлеб, глиняные горшки, кади, сани и т. п.» (*Дженкинсон*, 1937. С. 78).

Точно датированные временем строительства Покровского собора 24 белоглиняных кувшина-голос-

ника, которые удалось осмотреть, подтверждают выдвинутое ранее предположение о времени возникновения гончарного промысла в Гжели в последней четверти XV– начале XVI в. и его переходе к середине XVI в. в мелкотоварную форму, ориентированную на московский рынок (*Полюлях*, 2015. С. 22).

В заключение приведем слова известного музыкального и художественного критика, историка искусств В. В. Стасова (1824–1906), которые не потеряли актуальность и сегодня: «Голосники существуют еще в церквях разных краев России: их надо исследовать и описать как можно более, отдельно в каждой местности, и лишь только по совершении этих предварительных работ станет возможно искать общих положений и выводов» (*Стасов*, 1861. С. 137). С тех пор по разным причинам исчезли многие средневековые храмы, поэтому каждый сохранившийся голосник – бесценный источник для изучения не только системы древней акустики, но и керамического производства эпохи Средневековья в целом.

Литература

Брунов Н. И., 1988. Храм Василия Блаженного в Москве. М.: Искусство. 380 с.

Верховская И. Н., 1936. Голосники и их роль в акустике помещения. С 12 рисунками и 6 таблицами // Сборник работ акустического раздела. Вып. 1. Труды научно-исследовательского музыкального института при Московской государственной консерватории. М.: Музгиз. С. 46–72.

Гезе В. Е., 1901. Заметки о некоторых киевских древностях // ЗРАО. Т. 12. Вып. 1–1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова. С. 191–198.

Грязнов В., 1893. Коложская Борисоглебская церковь в г. Гродне // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета IX археологического съезда. Вильна: б. и. С. 361–371.

Даль Л. В., 1875. Назначение голосников // Зодчий. № 7–8. СПб.: Типография Императорских СПб. Театровъ (Эдуарда Гоппе). С. 88–89.

Дженкинсон А., 1937. Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л. С. 78–80.

История Москвы. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1952. 777 с.

Ланэ М. Ю., Сухов В. Н., б/г. Акустика собора Василия Блаженного в Москве / Архив отдела «Покровский собор». 10 с.

Мальшева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., 2016. Голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храма Василия Блаженного) // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья.

Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций. Новый Иерусалим, 2014–2015. М. – Новый Иерусалим: Коллектор. С. 92–95.

Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданий и художественных предметов / Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 123 (1898 г.). Л. 88–99об.

Микита Г. И., 2008а. Архитектурная акустика. М.: РУДН. 60 с.

Микита Г. И., 2008б. Голосниковые системы в строительных конструкциях специализированных сооружений. М.: МОАЭБП. 36 с.

Никольский Н. К., 1897–1910. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 1. Вып. 1–2. СПб.: Синодальная тип. С. 166–186.

Пишенин И. В. Голосник-резонатор – эффективный и традиционный акустический материал в культовых сооружениях // <http://www.ikliros.com/blog/kuvshiny-golosniki-kak-elementy-tserkovnoi-akustiki> (дата обращения: 15.10.2015).

Покрышкин Н. П., 1906. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг. С 27 таблицами и 13 рисунками в тексте // МАР. № 30. СПб. С. 1–36.

Полянский С., 1876. Новые соображения о так называемых голосниках в древних церквях // Вестник Общества древнерусского искусства. № 11–12. Отд. IV. М.: Университетская типография. С. 87–92.

Полюлях А. А., 2015. Факторы возникновения и характера развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // *Москва: материалы и исследования по истории и археологии*. М.: Музей Москвы. С. 8–35.

Раппопорт П. А., 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука. 158 с.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с.

Сарачева Т. Г., 2013. Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М.: ГИМ. 255 с. «п»

Стасов В. В., 1861. Голосники в древних новгородских и псковских церквах (с двумя таблицами чертежей) // *Изв. Императорского Археологического общества*. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 126–141.

Стасов В. В., 1865. Еще известия о голосниках // *Изв. Императорского Археологического общества*. Т. 5. Вып. 4. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 87–92.

Тверская Д. И., 1959. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка // *Тр. ГИМ*. Вып. 34. 128 с.

N. N. Malysheva, A. A. Polyulyakh & T. G. Saracheva

New Information about golosniki clay vessels from «The Intercession Cathedral on The Moat» (St Basil's Cathedral) in Moscow

Summary

This article presents ceramic vessels «golosniki» (little voices) from «The Intercession Cathedral on The Moat» (the correct name of «St Basil's Cathedral») (1555–1561) in Moscow. In the cathedral's interior eighty-three «golosniki» vessels were found in 7 churches. They were inserted into the walls at great height, and therefore it is possible to research them only during restoration. The authors thoroughly analyze the shape, size and technology of manufacturing of these vessels, which were examined during full-scale research in the Central Church of the Protecting

Veil of the Mother of God and in the Church of Three Patriarchs of Constantinople in 2015. They appear as pitchers with handles, similar to domestic ceramics common in the 16th century. Moscow. This article is supplemented with data about «golosniki» vessels from other churches of the «Intercession Cathedral», which were found in archive materials. Typically, «golosniki» vessels from a single church represent a close and reliably dated complex, which is important for the clarification of chronology of different types of Middle age ceramic vessels.

А. Г. Векслер, Г. К. Патрик, М. Г. Гусаков

Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии

В научной и искусствоведческой литературе давно обсуждаются вопросы происхождения и развития глиняных изразцов¹. Однако до сих пор нет ясности в ряде ключевых вопросов их истории: когда появились первые изразцы на Руси, в частности, в Москве? Кто их делал и почему это производство так долго бытовало в Москве и ее ближайшей округе? Напомним, что изразцы появляются в Московии в конце XV в. и доживают до наших дней². Высказывалось мнение, что поливная керамика и напольные плитки бытовали еще в домонгольское время. Однако заметим, во-первых, это не носило массового характера, например, не все полы храмов украшались плиткой, сделанной по византийским образцам (*Воронин*, 1954). Во-вторых, после ордынского нашествия культурная среда Древней Руси была изрядно подорвана, в первую очередь были актуальны мероприятия по восстановлению нормальной жизни городов. В-третьих, использование глазури ограничивалось только изготовлением напольной плитки, в то время как обычная посуда была в основном без глазури. Только в южных землях Руси найдено мизерное количество посуды с поливой³.

Но с конца XV в. Москва испытывает значительный политический и культурный подъем, и московские гончары достаточно активно начинают осваивать и разрабатывать новую отрасль ремесла, правда, не без посторонней помощи. В данном случае речь идет о приезжих мастерах. Возможно, что в это время появляется специализация: разделение на гончаров, делающих только посуду,

и на изразечников, делающих только декоративные плитки. Одновременно изготавливаются изразцы без глазури и покрытые глазурью. Первые русские изразцы того времени более всего похожи на своих зарубежных предшественников. Это массивная глиняная «ящичная» коробка, по форме напоминающая усеченную пирамиду, где лицевая поверхность – нижняя плоскость короба (рис. 1; 2). Отличие ее от зарубежных состоит в том, что плоское основание русских изразцов несет на себе рисунок и изображения. В Европе было несколько по-другому: в коробке монтировался вставной сюжет – орнамент, фигура или изображение храма. Коробка напоминала вертеп с фигурками. На русских изразцах рельефная поверхность грунтовалась ангобом, отчего получала белый цвет. Как правило, эти изразцы были без глазури.

Есть несомненные археологические свидетельства появления первых изразцов в Москве в конце XV – начале XVI в.: при охранных раскопках под руководством А. Г. Векслера в 1983–1984 гг. в Зарядье, во дворе дома бояр Романовых найдены горны и изразцы (рис. 3), покрытые глазурью (*Векслер*, 2006; 2015; *Векслер, Гусаков, Патрик*, 2014; 2015). Очевидно, мастерскую на этом месте закрыли перед началом строительства стены Китай-города. Гончарная слобода за Яузой впервые упоминается в 1527 г., но, как показывают археологические исследования, гончары здесь действовали уже в конце XV в. (*Векслер*, 2006. С. 168–174). Эту дату мы можем уточнить, правда, только по косвенным данным. Начнем с того, что археологическая дата горнов,

¹ Изучением изразцов занимались И. Е. Забелин, А. В. Филиппов, Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова, С. А. Маслих, М. Г. Рабинович, Р. Л. Розенфельдт, Ю. М. Овсянников, С. И. Баранова и др.

² Речь идет о русских землях, входивших в состав Великого Московского княжества. В русских, белорусских и украинских городах в составе Польско-Литовского государства изразцы появились раньше (*Векслер, Гусаков, Патрик*, 2014).

³ Благодарим А. В. Григорьева за консультации по поливной керамике.

Рис. 1. Штурм крепости. Красноглиняный изразец без глазури

обнаруженных на Варварке, относится ко времени, когда еще не было стены Китай-города. Стена строилась в правление Елены Глинской, в 1535–1538 гг., под руководством итальянского инженера Петре ди Милано (Петрока Малого). Нет сомнения, что к этому времени гончарного производства в пределах территории Китай-города уже не было. Следовательно, верхняя дата найденных на Варварке горнов может быть определена по ряду условий.

1. До строительства крепостной стены Китай-города, т. е. до 1534–1538 гг.

2. До постройки Алевизом Фрязиным церкви Св. Варвары в 1514 г.

3. До постройки дома купца-суроужанина Ховрина предположительно в 1515 г. (Сегодня это место известно как палаты бояр Романовых, т. к. после свадьбы дочери Ивана Михайловича Ховрина Варвары и Никиты Романовича Захарьина в 1547 г.

усадьба перешла к семье бояр Романовых. *Шуцкая и др.*, 2014. С. 30.)

В раскопках на Ильинке и Старом Гостином дворе в 1995–1999 гг. было найдено несколько десятков рельефных изразцов, покрытых ангобом (см.: *Векслер*, 2015; отчеты А. Г. Векслера о раскопках в 1995–1999 гг.).

Среди находок, сделанных в 1980-е годы на Варварке, достаточно много фрагментов терракотовых изразцов с изображением букета в вазе (*Маслих*, 1976. Рис. 14–15; *Векслер*, 2006. С. 168). Они были вырезаны на деревянной матрице в ренессансной манере и имеют точные исторические аналогии в испанских плитках так называемого испано-мавританского стиля и в итальянской майолике (*Кубе*, 1940). Это наблюдение подтверждает даты, связанные с концом XV – началом XVI в. (*Патрик*, 2012. С. 223–227).

Рис. 2. Профиль красноглиняного изразца

До недавнего времени самыми ранними московскими поливными изразцами считались ромбы центрального шатра и декоративные изразцы с «дельфинами» Покровского собора на Рву (1554–1561 гг.) (рис. 4). Дельфины могли прийти к нам только с итальянскими мастерами, работавшими в конце XV и до середины XVI в. (Филиппов, 1938; Брунов, 1988. С. 24–25; Баранова, 2012. С. 27). Аналогичные изразцы того же времени известны в Венгрии, где за 10 лет до приезда в Москву работала команда Аристотеля Фьораванти (*Boldizsár*, 1988).

Впоследствии в Москве гончарное производство полностью сконцентрировалось в Гончарной слободе на Яузе, а во второй половине XVII в. возникла еще одна слобода – Мещанская, где в большинстве своем группировались мастера из Речи Посполитой, главным образом с территории Белоруссии и Украины (Рабинович, 1947. С. 55–76; 1949. С. 80–105; Мальм, 1949. С. 44–51; Векслер, Костянян, 2001).

Рис. 3. Горн. Палаты бояр Романовых. Москва. Фото страницы полевого отчета. 1984 г.

К сожалению, мы до сих пор еще мало знаем о развитии изразцового ремесла в Москве во второй половине XVI в. Есть несколько ярких свидетельств изразцового мастерства того времени, которые не без основания отнесены к влиянию эпохи Ренессанса. Это иконописное панно «Распятие Христа»

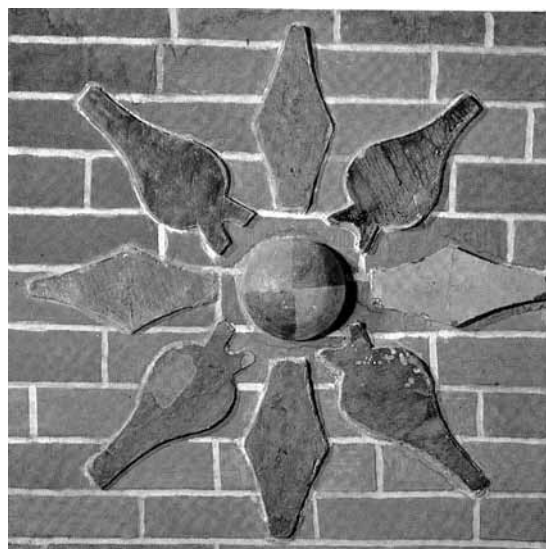

Рис. 4. Декоративные поливные плитки Покровского собора. Москва

Таблица 1. Находки изразцов различных типов в культурном слое из раскопок на Ильинке.

Типы изразцов	Кол-во (шт.)	Глубина (см)
Рельефные без глазури	19	0 / -340
Рельефные ангобированные	98	0 / -196
Рельефные муравленные	4	0 / -176
Рельефные полихромные	4	220 / -240
Гладкие расписные	7	154 / -176
Всего	132	

и «Чудо Георгия о змие» – оба находятся в г. Дмитрове в Успенском соборе (*Кавельмахер, Чернышев*, 2008. Рис. 14–15). В начале 1980-х выдвинуто утверждение, что эти панно принадлежали другому храму, а именно Борисоглебскому храму в г. Старице, построенному в 1558–1561 гг., что подтверждало наблюдения А. В. Филиппова по технологии изготовления старицких и дмитровских изразцов (*Кавельмахер, Чернышев*, 2008; *Баранова*, 2009). При раскопках Борисоглебского храма найдены артефакты, позволяющие атрибутировать их как аналогичные вышеуказанным иконам в Успенском соборе. Борисоглебский собор относится к группе зданий, построенных по замыслу одного зодчего, к ним принадлежат собор Покрова на Рву и Предтеченская церковь в Дьякове. Исследователи видят иностранное влияние в архитектуре этих сооружений прежде всего в планировке храмов и технологии изготовления изделий из глины. «Подобное смешение стилей обычно для зданий фряжской традиции конца XV – начала XVI в. Необычайно высокое для середины XVI в. качество керамических архитектурных элементов ставит Борисоглебский собор в один ряд с произведениями московской итальянской школы конца XV – начала XVI в. и указывает на определенную сложность архитектурного развития Древней Руси, опровергающую сложившиеся представления...» (*Кавельмахер, Чернышев*, 2008).

Заметим, что вторая половина XVI в. стала для государства Ивана IV известным испытанием на прочность. Во-первых, длительная Ливонская война, шедшая более 20 лет, закрыла Московию от западных соседей, откуда шли необходимые для данного производства люди, технология и материалы. Во-вторых, короткий период правления Федора Ивановича (1584–1598 гг.) и еще более короткий период царствования Бориса Годунова (1598–1605 гг.) перешли в тяжелейший кризис Смутного времени 1605–1613 гг. По-видимому, в это время не было условий для производства

Таблица 2. Находки изразцов различных типов в культурном слое из раскопок в Старом Гостином дворе.

Типы изразцов	Кол-во (шт.)	Глубина (см)
Рельефные без глазури	325	-150 / -920
Рельефные ангобированные	13	-298 / -448
Рельефные муравленные	6	-328 / -661
Рельефные полихромные	13	0 / -540
Гладкие расписные	5	-190 / -253
Всего	362	

дорогих изделий из глины. Для XVI в. мы можем только предполагать с известной долей вероятности использование в основном так называемых красных, т. е. терракотовых, коробчатых изразцов, не покрытых глазурью, и археологические раскопки подтверждают это (*Векслер*, 2015).

При раскопках на ул. Ильинке и в Старом Гостином дворе в 1995–1999 гг. под руководством А. Г. Векслера в культурном слое обнаружено большое количество изразцов, относящихся к тому же времени. Сведения об их встречаемости мы свели в две небольшие таблицы (табл. 1 и 2).

Как видим из таблицы 1, фрагменты изразцов присутствуют практически во всех пластах раскопов. В наибольшем количестве представлены ангобированные изразцы, т. е. самые ранние (от конца XV до середины XVI в.). Глазурованных изразцов, не считая расписных поздних, мало, всего 8 экз. Напомним, археологические исследования на Ильинке – это в основном раскопки на проезжей части улицы, здесь в течение долгого времени откладывалась придорожные напластования. Вещей должно быть мало, только те, что теряли или выбрасывали.

Несколько иная картина наблюдается в Старом Гостином дворе (табл. 2). Здесь мы имеем дело с многовековыми отложениями культурного слоя, накопившегося в течение долгой жизни обитателей этой части Китай-города. Всего извлечено 365 фрагментов изразцов.

Доминируют красные рельефные изразцы. Все остальные группы представлены небольшим количеством экземпляров (рис. 5–9 – муравленные, рис. 10–17 – полихромные). Из изразцов, найденных в Гостином дворе, можно было бы сложить не одну печь. Конструкции печей достаточно типичны для того времени (рис. 18; 19) (*Немцова*, 1989).

Итак, мы можем предположить, что на декорирование печного устройства шло в среднем от 100 до 150 изразцов. Значит, того количества

Рис. 5. Ангел на муравленом горючке.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

изразцов, что найдено в раскопках на Ильинке и Старом Гостином дворе, могло хватить на оборудование 3–5 печей. Стоимость этих изразцов мы можем только предполагать, но несомненно, что они стоили дорого. В то время это был редкий товар, и его использование для украшения печей мог позволить только достаточно состоятельный человек: купец, боярин или иностранец. И еще одно существенное замечание: изразцовая печь «в два метра росту» могла стоять только в каменно-кирпичном доме с высокими потолками. В рубленой избе с низкими потолками представить ее невозможно. Зеркало таких печей, вероятнее всего, украшали сцены охоты, сражений, мифологические животные, а также бытовые сцены (в некотором смысле предтеча народного лубка). В коллекции изразцов с Ильинки и из Гостиного двора такие сюжеты есть.

Но, пожалуй, самым главным для развития московского изразечного ремесла стал XVII в. Это век голода, смуты, гражданской войны, оккупации Москвы, непрерывных войн, мятежей, бунтов. И все же мирная жизнь брала свое, и одним из ее проявлений было совершенствование изразечного ремесла, где произошел переход к изготовлению

полихромных изразцов, в отечественной литературе часто называемых майоликовыми. Мы не станем здесь подробно останавливаться на этой теме и отсылаем читателя к статье, где высказано наше отношение к этому термину (Столярова, Лихтер, Гусаков, 2012. С. 247–249).

У нас нет сомнения в том, что в результате политических событий середины XVII в., особенно в результате присоединения Украины к России в 1654 г. и их совместной войны с Речью Посполитой, в Московию хлынул поток переселенцев и пленных из Украины и Белоруссии (Фролов, 1991). Среди этих переселенцев были гончары и изразцовых дел мастера. XVII в. в Москве обозначился большим распространением поливных (глазурованных) изразцов, вначале муравленых (зеленая глазурь), а затем и полихромных. Одним из главных потребителей изразцов стала Русская православная церковь, прежде всего в лице крупных монастырей: Иосифо-Волоцкого, Ново-Иерусалимского и др. (Глазунова, 2014а; 2014б). Значительную роль в совершенствовании изразцового дела, особенно полихромных изразцов, и внедрении их в русскую жизнь сыграл патриарх Никон. Именно он организовал мастерские по производству изразцов, и именно он собирал мастеров, особенно из Речи Посполитой. Архимандрит Леонид (Кавелин) писал, что «он сам был не прочь поработать с глиной» (Рабинович, 1947. С. 66).

Остановимся подробнее на изразцах Иосифо-Волоцкого монастыря, т.е. вернемся к мыслям, высказанным Н. В. Вороновым и И. Г. Сахаровой в 1955 г.

«Значение этого памятника для истории архитектурной керамики определяется следующими обстоятельствами.

Рис. 6. Серафим на муравленом карнизе.
Из раскопок в Гостином дворе

Рис. 7. Удод на муравленом пояске. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

Рис. 8. Птица. Муравленный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

Во-первых, здесь мы находим несколько групп зеленых и несколько групп ценных изразцов как XVII в., так и начала XVIII в., различной техники и с разными приемами трактовки лицевой поверхности. Другого такого памятника с подобным многообразием видов изразцов нет.

Во-вторых, документально известно, что в XVII в. все изразцы для этого памятника делались в Москве.

В-третьих, документальные данные позволяют точно датировать отдельные виды изразцов...

Богатство монастыря давало ему возможность вести достаточно широкую строительную деятельность. К этому обязывало и стратегическое положение монастыря, являвшегося одним из форпостов западной окраины государства, и его важное политическое значение. Строили, перестраивали и достраивали что-либо в монастыре почти постоянно; однако крупных строительных периодов, серьезно менявших облик монастыря, было три – 1550–1580 гг., 1670–1690 гг. и 1780–1790 гг.

...Всего на зданиях монастыря имеется, по грубым подсчетам, не менее 4600 изразцов, из них более 1600 были зелеными глазурованными, остальные – многоцветными ценными (227 изразцов XVIII в. мы здесь не рассматриваем). Большое количество старых изразцов XVII в. не сохранилось; так, например, погиб ценный пояс колокольни» (Воронов, Сахарова, 1955. С. 78, 79, 81).

Изразцы были всегда достаточно дорогим материалом и использовались в основном состоятельными сословиями на Руси, аристократией, богатым дворянством и купечеством, монастырями и церковными иерархами. Здесь вполне уместно

Рис. 9. Цветок. Муравленный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

вспомнить некоторые данные о стоимости изразцов, заказанных для декора башен и стен Иосифо-Волоцкого и Ново-Иерусалимского монастырей. Монастырское начальство заплатило изразечному мастеру за 100 изразцов сумму 1 рубль 20 алтын и 40 денги. Если попробовать перевести это на сегодняшние деньги и цены, мы можем прибегнуть к простой аналогии (Воронов, Сахарова, 1955). Сегодня такая работа, т.е. изготовление одного

Рис. 10. Львы. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

Рис. 11. Птица на ветке. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

Рис. 12. Орнамент из цветов. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

расписного полихромного изразца стоит 1000 рублей. Следовательно, 100 изразцов будут стоить 100 000 рублей. Необходимо отметить, что сюжетный набор изразцов Иосифо-Волоцкого монастыря достаточно велик.

Муравленные изразцы:

- жанровые сценки, штурм крепости, сказочные сцены с животными, походы войск, пешие, конные и т. д.;
- изображения птиц, соколы, иволги, павлины и т. д.;
- орнаментальные изразцы; особенно популярны гвоздики в фигурных рамках, тюльпаны, что явно отсылает нас к голландскому импорту конца XVII в.

Рис. 13. Городок. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

Рис. 14. Лев. Полихромный изразец. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

Полихромные изразцы (ценинные):

- орнаментальные эмалевые – в них на первый план выступает не изображение, а цвет: голубой, зеленый, желтый, коричневый и т. д. Цвет несет

Рис. 15. Ножка печи. Полихромный изразец.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

Рис. 16. Ножка (оборотная сторона).
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе.

основную изобразительную нагрузку. Полихромные изразцы употребляются не только как декоративные, но и как украшения отопительного устройства. Печи на фигурных ножках прочно входят в быт богатых домов;

- изображения птиц. Здесь наблюдается удивительная полифония цветов;
- изразцы с цветами и розетками;
- изразцы с рисунком вазы, один из достаточно старых сюжетов, испробованных еще испанцами и итальянцами в майолике. Здесь он обрел не только новую графику, но и размеры.

Иконография изображений на изразцах Центральной Украины мало чем отличалась от центральноевропейских и русских изделий. Здесь также присутствуют практически все основные типы сюжетов, как в западной изографии: 1) геральдические; 2) религиозные; 3) мифологические, аллегорические, зооморфные; 4) жанровые; 5) растительные; 6) геометрические.

Как видно из короткого перечня сюжетных композиций на изразцах, в основном тиражируются разработанные ранее, в прошлые времена, сюжеты. И ничего здесь нет удивительно, если вспомнить, кто делал эти изразцы. К счастью, XVII в. оставил нам достаточно сведений о мастерах изразечного (ценинного) дела (Фролов, 1991). В результате ряда войн с Речью Посполитой (в 1632–1634, 1654–1667 гг.) в России, и в Москве в частности, стали появляться

вначале в качестве военнопленных, а потом и свободных гончары и изразечники из Белоруссии, Литвы, Украины. Многие из них селились в Гончарной, а затем и в Мещанской слободе.

На основе широкого круга письменных источников XVI–XVIII вв., включающих переписи дворов и жителей Москвы, подрядные книги и столбцы приказов и монастырей, поручные жилые записи и челобитные мещан, М. В. Фролов составил поименный список московских мастеров гончарного дела (Фролов, 1991). В списке указано 245 фамилий, однако есть косвенные данные еще о приблизительно 30–40 фамилиях, на круг выходит около 300 человек. Из этого числа изразечников около трети мастеров попали в Москву из Речи Посполитой. Начиная с 50-х годов XVII в. (после

Рис. 17. Подзор. Полихромный изразец.
Из раскопок в Москве, в Гостином дворе. (См. цв. вкл.)

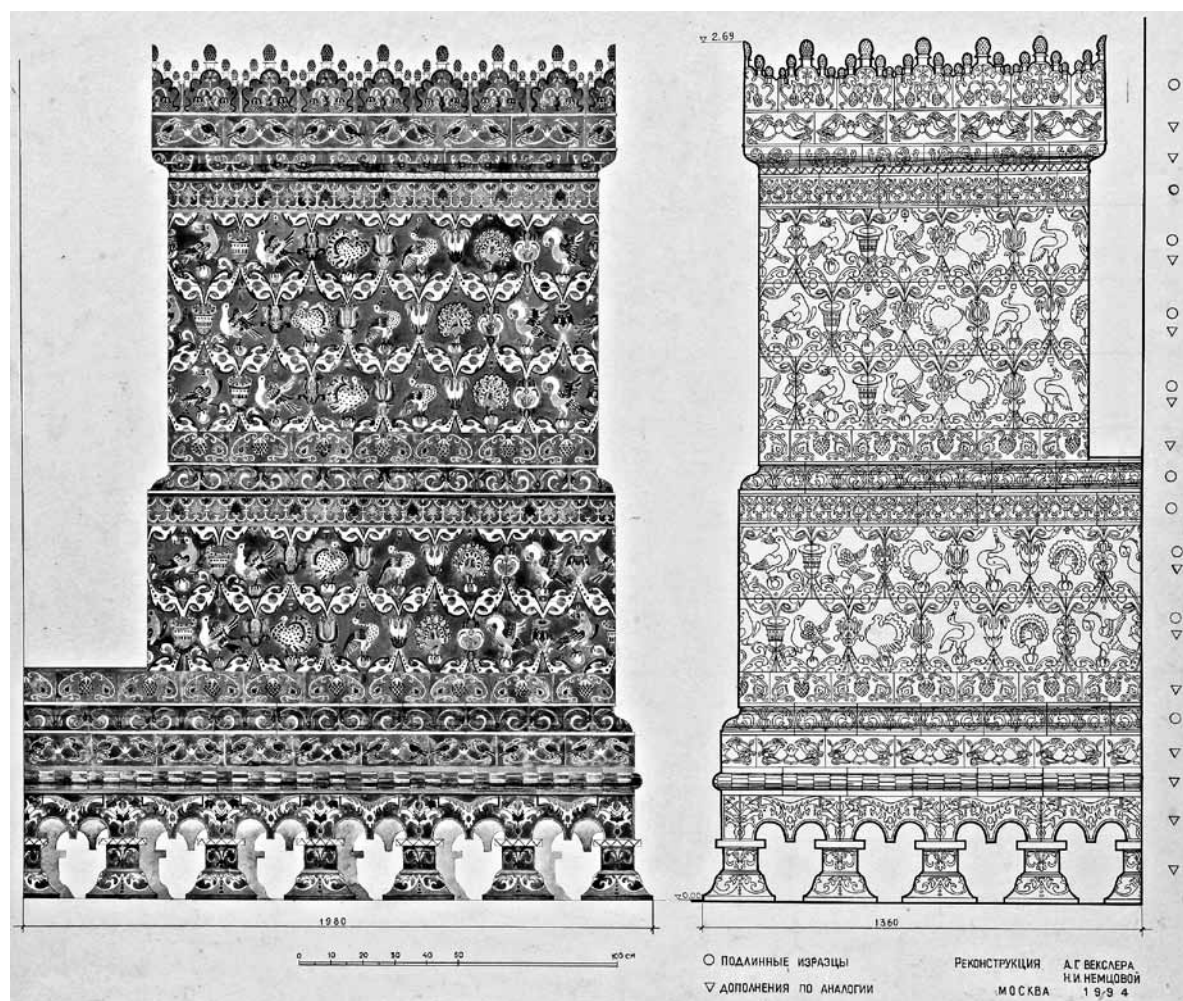

Рис. 18. Изразцовая печь 2-й пол. XVII в. Реконструкция. Москва, Манежная площадь, 1994

Переяславской Рады 1654 г.), после присоединения белорусских и украинских земель в Москве наблюдается массовый приход иноземцев.

Совершенно иная картина наблюдалась в украинских и белорусских землях, долгое время входивших в состав огромного государства Речи Посполитой. Проникновение изразечного ремесла в украинские земли имело такие же формы, как в Польше и Литве. К сожалению, наши сведения о гончарстве Украины касаются лишь центральной части и только начиная с XVI в. Территории будущей Центральной Украины со времени правления Ольгерда (1345–1377 гг.) входили в состав Великого Литовского княжества, позже они влились в состав Речи Посполитой и стали юго-восточной окраиной, граничившей на северо-востоке с Московским царством, а на юге – с Крымским ханством. Технология изготовления печных изразцов была заимствована из Центральной Европы в XV в. Во времена

распространения культуры Ренессанса и раннего барокко украинские мастера перенимали основные мотивы художественно-декоративного оформления изразцов. Однако это не сводилось к слепому копированию образцов, а был выработан свой стиль (Куштан, 2008. С. 132).

Среди археологических материалов XVII – начала XVIII в., добытых благодаря масштабным раскопкам в Киеве, Черкассах, Чигирине, Суботове, Умани и других городах, особого внимания заслуживают изразцы с сюжетными композициями (Куштан, 2008). Археологические комплексы изразцов XVI–XVII вв. представляют достаточно широкий спектр сюжетов (рис. 20–21). Изображения диктовались модой и вкусами владельцев, т. е. были продуктом массовой культуры того времени. Кроме того, хозяева изразцовых печей посредством изображений на них старались подчеркнуть свой статус в обществе, выделиться среди других.

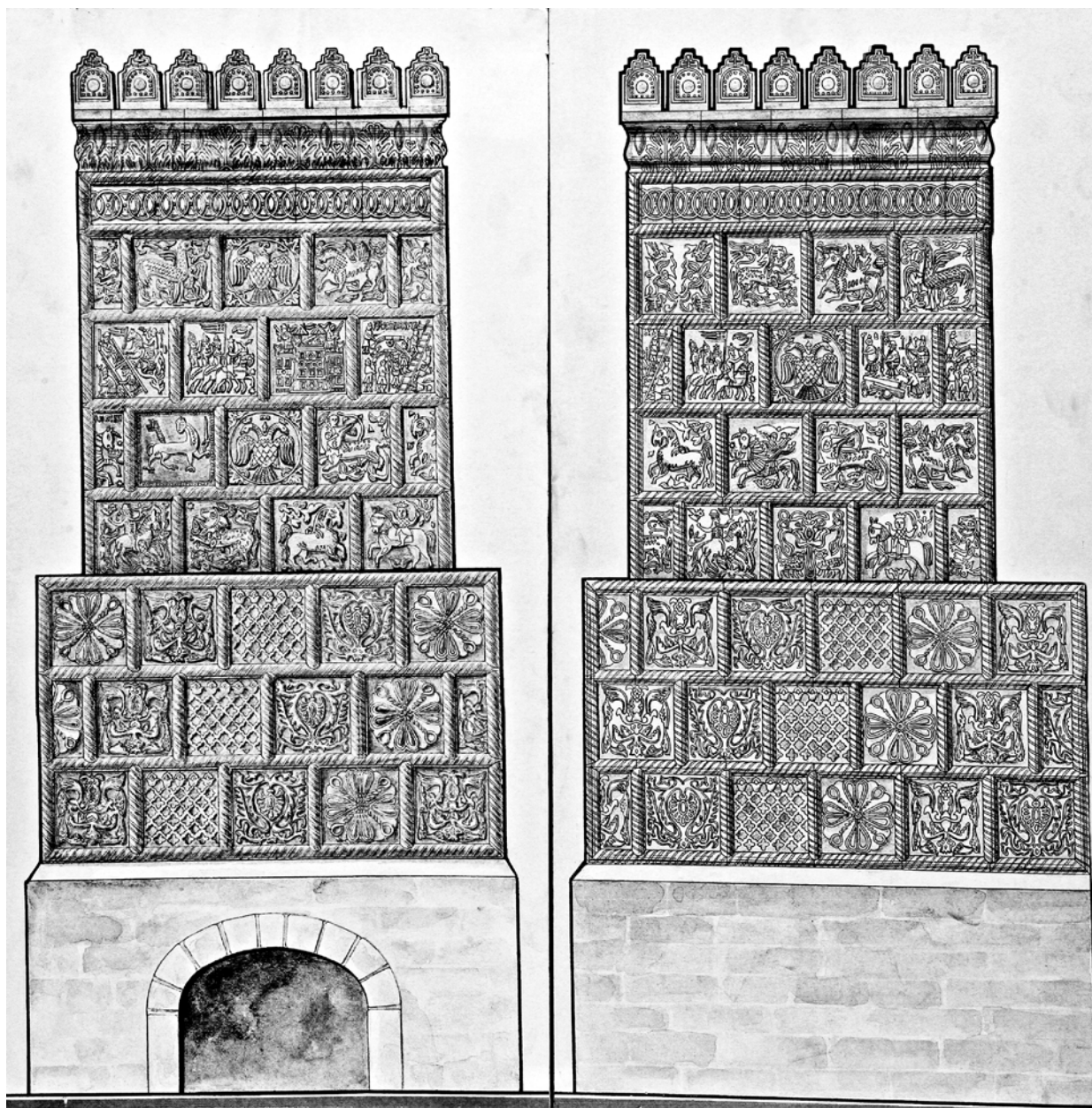

Рис. 19. Изразцовая печь. Реконструкция. Из раскопок в Москве, в Гостином дворе

Благодаря особенностям политико-географического положения региона украинские гончары вырабатывали свой оригинальный стиль в орнаментации изразцов, сформировавшийся на стыке нескольких культур: северной (Прибалтика), западной (центральноевропейской, Польша, Чехия), юго-западной (Венгрия, Моравия, Словакия). Относительно Венгрии мы можем сказать, что она, как и Швейца-

рия, сохранила до сих пор домашние печи в своем первоначальном виде (рис. 22–25). Речь идет о домашних печах, конструкция которых состоит из двух объемов – куба и полусферы (усеченного конуса). Их поверхность усеяна изразцами-тарелками, покрытыми зеленой глазурью (Sabján, 2002)⁴.

Самым распространенным изразцовым орнаментом, как нам представляется, являлся растительный

⁴ Один из авторов этой статьи (М. Г. Гусаков) обследовал эти печи в сельских и общественных домах в период работы в составе советско-венгерской экспедиции АН СССР в Венгрии в 1977–1985 гг.

Рис. 20. Сюжеты на украинских изразцах (по: Куштан, 2008. Мал. 1)

орнамент (рис. 9). Геометрические мотивы в орнаментике изразцов XVI в. сравнительно редки и несложны (рис. 11). В основном это цветы в центре, от них расходятся орнаментальные ростки с листьями. Во второй половине XVI в. на изразцах, так же как и в Европе, любили изображать вазы со стилизованными цветами. Этот мотив был распространен от Испании до Московии (Маслих, 1976; Патрик, 2011). Сначала такие изразцы были без глазури, но с конца XVI в. преобладают покрытые зеленой глазурью с растительным орнаментом, а сам орнамент становится более реалистичным. Мастера XVI в., покрывая изразцы зеленой глазурью, подражали природе, вплоть до того, что отдельные листья растений покрывали глазурью разных цветов. Излюбленным мотивом орнамента становится гвоздика. Иногда рисунок пересекают параллельные ломаные линии, а между растениями симметрично располагаются фигуры птиц (Куштан, 2008).

В странах Западной Европы часто на полотне печи разыгрываются сцены конной погони или охоты, особенно эти сюжеты стали по-

пулярны во второй половине XVI в. Создается впечатление, что ряд таких изразцов составлял единую картину охоты или погони. В Германии, Чехии, Словакии, Венгрии, Польше, Литве, Украине, России в XV в. изображения всадника в доспехах с булавой, луком, саблей или мечом – обычное явление (рис. 26–27). Подобный сюжет встречается иногда и на поздних карнизных изразцах XVII в., но рисунок уже постепенно становится более схематичным (Маслих, 1976).

В 1654 г. была основана изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря, а в 1658 г. – Воскресенского Ново-Иерусалимского. Ведущую роль в них играли выходцы из белорусских городов Капыси и Мстиславля – двух главных центров гончарства, таких было 55 человек (Трусов, 1990). После отставки Никона всех мастеров перевели в мастерскую Большого дворца в Кремль. В компании действовавших тогда мастеров особую славу обрели Самошка Григорьев, Игнат Максимов, Степан Полубес, Павел Буткеев, Иван Семенов

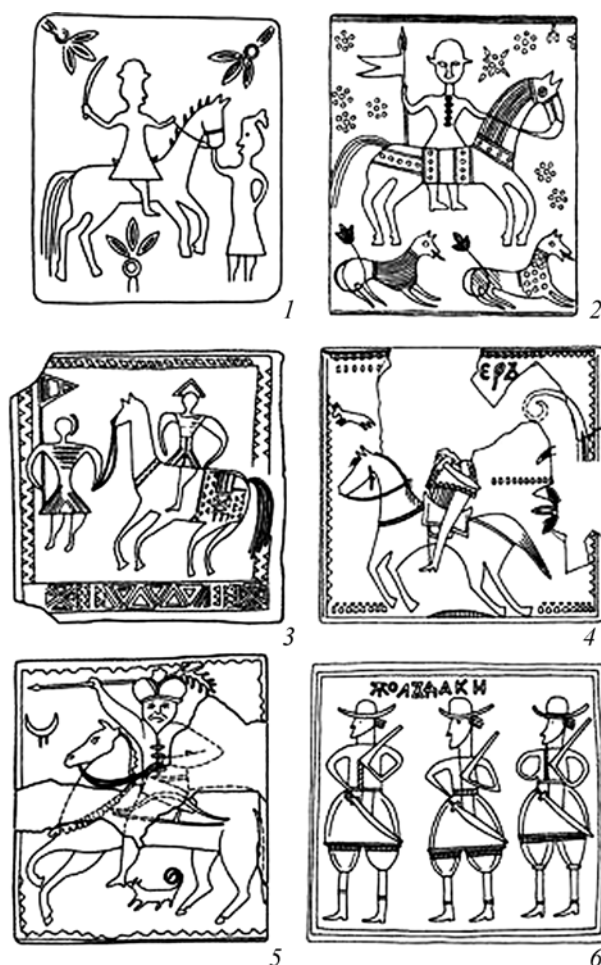

Рис. 21. Сюжеты на украинских изразцах (по: Куштан, 2008. Мал. 2, 3)

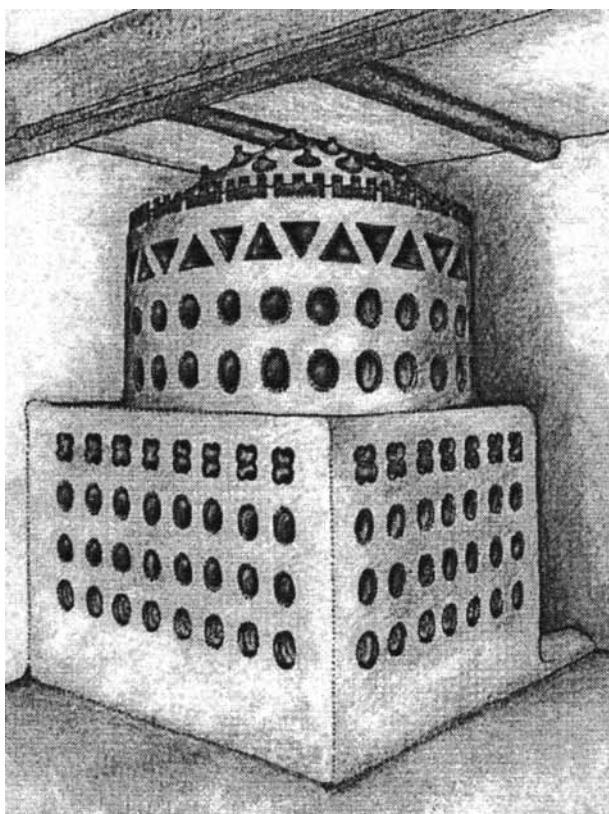

Рис. 22. Домашняя печь 1 с изразцами. Альфёльд (Венгрия). Реконструкция (по: *Sabján*, 2002. Кер. 1. Лар. 59)

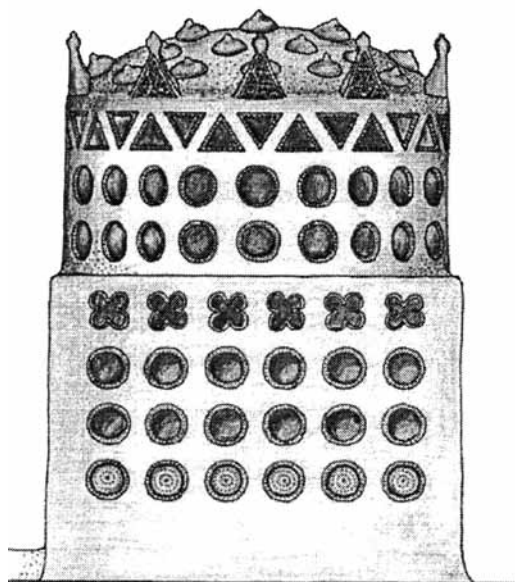

Рис. 23. Домашняя печь 2 с изразцами. Альфёльд (Венгрия). Реконструкция (по: *Sabján*, 2002. Кер. 3. Лар. 65)

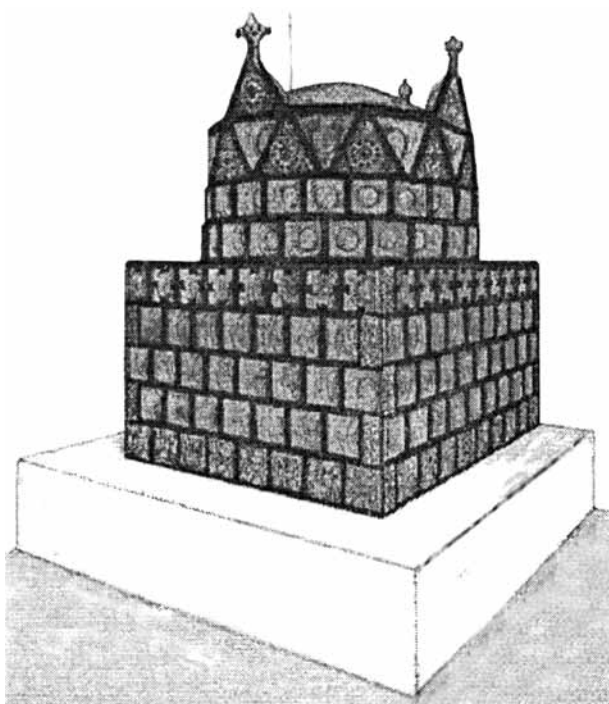

Рис. 24. Домашняя печь 3 с изразцами. Альфёльд (Венгрия). Реконструкция (по: *Sabján*, 2002. Кер. 4. Лар. 67)

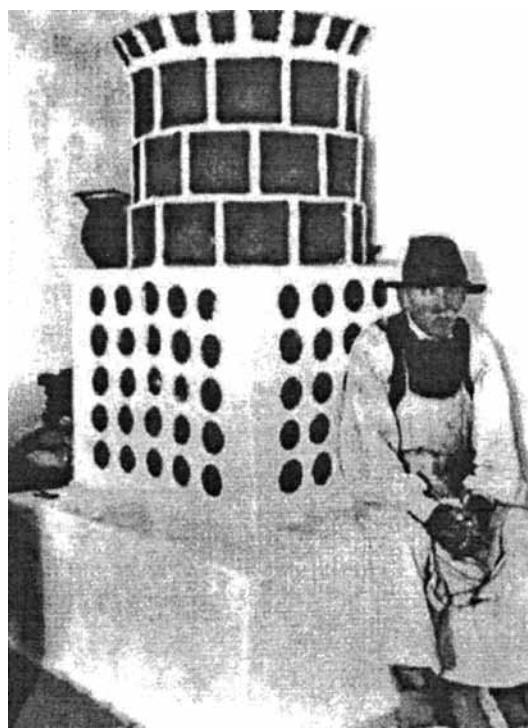

Рис. 25. Домашняя печь 4 с изразцами. Альфёльд (Венгрия). 1934 г. (по: *Sabján*, 2002. Кер. 5. Лар. 68)

Рис. 26. Всадник с мечом. Муравленный изразец. Из раскопок в Москве на ул. Б. Дмитровка, 17 (2002 г.)

Денежка, Христофор Иванов и Василий Дорофеев Лучка. Несомненно, самым выдающимся среди них был Степан Полубес, в 1666–1692 гг. активно работавший в Новом Иерусалиме и Москве (Баранова, 2009. С. 131–137). Безусловным шедевром Степана стало изразцовое панно с изображением четырех евангелистов – Матфея, Луки, Марка и Иоанна, установленное на надвратной церкви Солотчинского монастыря (рис. 28). Надо сказать, что белорусские мастера привезли секреты приготовления четырехцветных оловянных эмалей: желтой, белой, бирюзово-зеленой и синей, но главным обретением московского гончарства оказалось использование сюжетов из арсенала белорусских мастеров (Патрик, 2010; 2012). Так к концу XVII в. Москва стала вровень с другими европейскими странами, а изразцовое мастерство разошлось по всему государству.

Московские гончары впервые могли непосредственно познакомиться с работами истринцев по облицовке церкви Григория Неокесарийского

на Большой Полянке лишь в конце 60-х – начале 70-х годов XVII в. и убедились в технических и художественных преимуществах ценных изразцов. Появление последних грозило подорвать сбыт традиционных изделий московских гончаров и поставило перед необходимостью овладения новой техникой и секретами истринских царских и патриарших мастеров. Мастера Гончарной слободы, производившие прежде зеленые изразцы, овладевая достижениями истринцев в области полихромии, приспособляли ее к старому типу продукции – сюжетным изразцам. Но изразцы старого содержания уже не отвечали вкусам заказчиков, поэтому были созданы новые рисунки. Их появление и недолгое бытование можно датировать самым концом 60-х или началом 70-х годов XVII в.

Полихромные изразцы и сюжеты на них существовали недолго – не более 35–40 лет. Это для археологии достаточно короткий срок, можно сказать, едва уловимый. И тем не менее мы можем, проведя специальную сравнительную

Рис. 27. Всадник. Муравленный изразец. Из раскопок в Москве на ул. Б. Дмитровка, 17 (2002 г.)

процедуру, вычленив хронологические отрезки существования или тиражирования того или иного сюжета. Так, например, на изразцах с орнаментальными рамками изображения птиц почти полностью вытеснили сюжетные изображения к концу 1670-х – началу 1680-х годов. В это же время старые сюжетные изразцы совершенно выходят из употребления. Одновременно появляются совпадающие с ними по размерам изразцы с рельефным растительным орнаментом. Они производились, по-видимому, не только мастерами Гончарной слободы, но и бывшими истринцами, работавшими в это время в Оружейной палате. Такие изразцы встречаются как в декоре частных и монастырских строений, для которых пользовались продукцией Гончарной слободы, так и в ряде построек царя Алексея Михайловича (Коломенское, Алексеевское, Измайлово, Александров), куда они поставлялись, очевидно, дворцовыми мастерами. Широкое распространение изразцы с птицами

и растительным орнаментом получают в 80-х годах XVII в. Таким образом, в течение каких-нибудь 10–15 лет два существенных достижения истринских мастеров – цвет и новый орнамент – оказались освоенными посадскими гончарами и получили широкое распространение в их производстве.

В последней четверти XVII в., не без влияния вкусов Русской православной церкви, появляется серия ценинных изразцов, где изображение выходит за рамки отдельного изразца. Рисунок прежних изразцов был заключен в жесткую рамку, ограниченную размерами 20×20 см. Изображение на таком изразце хорошо читаемо и видно только с близкого расстояния, а если оно больше 2–3 м, то его разобрать трудно. Новые изразцы были похожи на мозаику, где в качестве модуля выступала квадратная или прямоугольная пластина. Одна из важнейших причин, заставивших гончаров не увеличивать размеры изразца, была связана с обжигом. При обжиге глиняных предметов

Рис. 28. Евангелисты Лука и Иоанн
(по: Баранова, 2009. Рис. на с. 136–137)

больших размеров, особенно плоских фигур, возникало много брака. Часть материала браковалась еще при сушке из-за того, что глину вело и возникали нежелательные трещины, часть плиток терялась при обжиге в самом горне: при повышении температуры они трескались. Лишь с введением отливок в формах гончары добились не только уменьшения брака, но и возможности изготавливать крупные изделия.

Фронтальное зеркало печи заполнял рисунок на все пространство лицевой стороны. Эта техника раскладки рисунка на всю лицевую плоскость называется раппортной. Чаще всего использовались композиции, заполненные растительным орнаментом, изображающие вазы, тюльпаны и др. цветы. Эта техника широко использована при декорации Иосифо-Волоцкого монастыря. Правда, при такой технике выкладки лицевой стороны возникали проблемы стыковок отдельных изразцов. Швы не всегда совпадали и давали ровную линию.

Общее мнение специалистов сводится к тому, что раньше начала XVI в. изразцов в Москве нет. Р. Л. Розенфельдт считал, что они появились только

в начале XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 59). Многолетние археологические изыскания пока не дали положительного результата. Изразцов XIV в. в Москве так и не найдено.

Развитие производства всех типов московских изразцов прослеживается по многочисленным находкам, постоянно обнаруживаемым в культурном слое города. Среди значительных групп изразцов выделяется своим обилием и разнообразием коллекция из Вознесенского переулкa (бывший пер. Новгородский, Б. Чернышевский, затем ул. Станкевича – раскопки А. Г. Векслера 1992 г.). Здесь, на территории бывшей Новгородской слободы, заселенной с конца XV в., в числе находок оказалось более 200 крупных фрагментов рельефных красных изразцов, позволяющих восстановить их формы, сюжеты, орнаменты. Облицовка печи представлена: лицевыми «стенными» изразцами, поясами, перемычками, городками. Все лицевые изразцы «большой руки» являются «широкорамочными» при размерах 18,5–19,0×18,5–19,0 см и ширине рамки 1,5–2,0 см. Не менее значительная коллекция изразцов с уникальными изображениями вооруженных всадников в доспехах собрана при охранных раскопках на ул. Б. Дмитровка, 17, в 2002 г. Аналогов этим изображениям в Москве, да и других городах России, пока нет. Правда, прослеживается отдаленное сходство с западно-европейскими изразцами XVII в. (Куштан, 2008), но это еще надо проверять.

В нашем распоряжении есть большая коллекция рамочных изразцов с батальными и военными сценами, на которых изображены воины с холодным оружием, пушкарь с пушкой на лафете, приставленная к стене штурмовая лестница, крепость с башней в центре, называемая «Град Египет». Несмотря на аллегоричность названия, все же можно предположить, что это изображение является отражением исторических событий (Маслих, 1976. Рис. 76; Воронов, Сахарова, 1955. С. 82). Воронов и Сахарова предполагали, что эти сцены иллюстрируют реальное событие 1674 г. – Соловецкое сидение, однако есть и другие моменты в отечественной истории, позволяющие, на наш взгляд, представить более ранние эпизоды. И тут возникает вопрос: изразцы с пушками относятся к XVI или XVII в.? Заметим, что не все изразцы одинаковы, на них представлены разные пушки.

Первый вариант. 1514 г. Осада, штурм и взятие Смоленской крепости Василием Третьим, когда русские войска впервые применили большой артиллерийский наряд. Не исключено, что его

формирование начинал еще Аристотель Фьораванти.

Второй вариант. Две даты, которые могли бы конкурировать с названной выше: это оборона Смоленска от нападения поляков в 1609–1611 гг. и штурм Смоленска русским войском в 1634 г., окончившийся полным провалом (Разин, 1961). Однако у нас есть несколько наблюдений, отодвигающих даты XVII в. Вероятно, мастера использовали разные матрицы для изготовления этих изразцов. Пушки на изразце из Троицкой церкви в Костроме явно относятся к началу XVI в.: здесь изображены кулеврины на деревянных лафетах эпохи Итальянских войн 1494–1498 гг. В XVII в. у пушек были уже другие лафеты (Разин, 1961. С. 492). Образец пушки на изразце из Гостиного двора относится к началу XVI в. – это немецкая картауна, тяжелая осадная пушка 1514–1525 гг. на деревянной колоде (Бехайм, 1995. С. 315. Рис. 500).

Достаточно много обнаружено изразцов с изображением мифологических животных: «грифона», «китовраса» (кентавра), «инорога» (единорога). Удивительно много изображений птиц, причем цвет оперения их совершенно экзотический, придуманный – нет сомнения, что это райские птицы, которых не существует в действительности. Аналогично мастера подходили к изображению крупных животных (Баранова, 2012. С. 99).

Мы приводим краткий список сюжетов на московских изразцах, следуя за описанием Р. Л. Розенфельдта (1968).

Первая группа – «военная».

1. Изразцы с изображением крепости.
2. Осада крепости.
3. Изразцы с изображением конницы и пехоты в походе.
4. Воины и пушкарь с пушкой.
5. Царь во главе конного отряда.

Вторая группа – «животные и охотник». Дикие животные: барсы, львы, журавли, охотник с соколом.

Третья группа – фантастические животные: единороги, грифы, семиголовый зверь, кентавр, сири́н и змей.

Четвертую группу можно назвать геральдической – двуглавые орлы.

Пятая группа – с геометрическим и растительным орнаментами.

Из этого короткого перечня сюжетных линий становится ясно, что на русских изразцах, в отличие от европейских, отсутствуют несколько сюжетных линий. Русская изразцовая графика на матрице совершенно лишена портретной темы: нет

изображений царской фамилии и изразцов «аллегорического» вида. Вероятно, здесь вступали в силу требования заказчика, и эти требования и предпочтения в Московии были иными, чем в Европе. Кроме того, художественная школа Москвы только обслуживала иконопись, в то время как в европейских странах изобразительное искусство вышло за церковные рамки и становилось светским (Розенфельдт, 1968).

Таковы, на наш взгляд, некоторые важные аспекты развития яркого искусства московских изразцов, в короткий, но чрезвычайно интересный период их истории – в последней трети XVII в. Картина эта, конечно, далеко не полная и при дальнейших исследованиях будет дополнена новыми материалами из раскопок Москвы и Подмоскovie.

Оглядывая период от древнерусского времени до XVII в., можно отметить несколько важных моментов.

Во-первых, не совсем ясно, существовало ли массовое производство напольных плиток в пределах древнерусского государства. Отметим главное – что после монгольского нашествия производство этих плиток не было зафиксировано. Византийский опыт, накопленный в древнерусское время, практически исчез. Правда, в Кремле у нас есть находки плиток XIV–XV вв. из Киева, Новгорода и Полоцка (Авдусина, Владимирская, Панова, 1984).

Во-вторых, та же история произошла с изготовлением кирпича: он начал использоваться при строительстве древнерусских храмов, спроектированных по византийским образцам, и спустя несколько столетий практически был забыт. Восстановили производство кирпича приглашенные мастера с момента приезда Аристотеля Фьораванти в 1473 г. (Векслер, Гусаков, Патрик, 2014. С. 195).

В-третьих, изразцы в Москве начали делать иностранцы в последней трети XV в., и это умение было развито русскими мастерами. Псковичи, знавшие технологию изготовления изразцов, также могли принести приемы их производства, но они сами получили эти навыки из орденских земель, известные там с XIV в. Однако псковичи, работавшие в Москве по найму на строительстве храмов, по всей видимости, не были заинтересованы в передаче своего мастерства. Их заменили итальянцы, сербы, венгры. В связи с этим любопытен один факт: иностранные мастера делали изразцы сами и передали навыки русским, а вот глазированной посуды в это время в Москве не было. Однако в погребения ставили слезницы, и есть

мнение, что они использовались с XIV в.⁵ и далее (Панова, 2004. С. 155, 156).

В-четвертых, итальянские мастера прожили в России почти 80 лет (1473–1556 гг.) – это несколько поколений. Но вторая половина XVI в. с точки зрения дальнейшего развития изразечного дела и использования глазурей остается пока малоизвестной.

Несмотря на то что русское гончарство успешно освоило изготовление изразцов в массовом производстве только к началу XVII в., все же оно было вполне технически готово к удовлетворению потребностей населения в этом эксклюзивном, как бы сказали сегодня, товаре. Нет сомнения, что неглазурованные и глазурованные рельефные

изразцы уже заняли свое место в номенклатуре московского гончарства.

Новый импульс развития изразечного дела фиксируется в начале XVII в.: в Москву пришли новые люди, часть из них в совершенстве владела навыками гончарного ремесла. Многие мастера по своим технологическим знаниям превосходили московских гончаров, например, Степан Полубес, Самошка Григорьев, Игнат Максимов и др. В это же время на московских рынках стала особенно заметна посуда из белой глины (Векслер, 2015). Наступил период широкого использования глазури, но неясно, откуда пришли навыки ее использования. Мы можем предположить, что из западных земель, то есть с территории Речи Посполитой.

Литература

Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2. С. 201–212.

Баранова С. И., 2009. Москва изразцовая. М.: АНО ИЦ «Московведение». 400 с.

Баранова С. И., 2012. Изразцовая летопись Москвы. М.: Русский импульс. 232 с.

Бехайм В., 1995. Энциклопедия оружия. СПб.: Оркестр. 575 с.

Брунов, 1988. Храм Василия Блаженного в Москве (Покровский собор). М.: Искусство. 252 с.

Векслер А. Г., 2006. О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М.: Вече. С. 168–174.

Векслер А. Г., 2015. Москва. Раскопки на Великом Посаде: улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. М.: ТМ Продакшн. 456 с.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2014. Московские изразцы, возникновение и история (по материалам археологических изысканий) // Кадашевские чтения. Вып. XIV. М.: Луг духовный. С. 74–87.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2015. Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII вв. (по данным археологии) // Кадашевские чтения. Вып. XVI. М.: Луг духовный. С. 257–279.

Векслер А. Г., Костянян Г. К., 2001. Новые археологические исследования Гончарной слободы XVI–XVII вв. в Москве // Древности Московской

земли. Проблемы современной археологии. М.: Главное управление охраны памятников. С. 27.

Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно. (По материалам археологических раскопок 1932–1942 гг.). М.: АН СССР. 236 с. (МИА. № 41).

Воронов Н. В., Сахарова И. Г., 1955. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том III. М.: АН СССР. С. 77–115. (МИА. № 44).

Глазунова О. Н., 2014а. Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 236–246.

Глазунова О. Н., 2014б. Изразцы и печи Ново-Иерусалимского монастыря второй половины XVII – начала XVIII века // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. III. М.: ИА РАН. 577–580.

Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.: Наука. 367 с.

Забелин И. Е., 1990. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец. М.: Книга. 416 с.

Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б., 2008. Древний Борисоглебский собор в Старице // <http://www.rusarch.ru/kavelmakher32.htm>.

Кубе А. Н., 1940. Испано-мавританская керамика. М.–Л.: АН СССР. 64 с.

Куштан Д., 2008. Типологія сюжетів централь-ноєвропейських пізньосередньовічних кахлів (за ка-

⁵ Известно, что слезницы использовались в обряде погребения для содержания елеса; нам также известны случаи перезахоронений в кремлевских храмах, а значит, могли быть поздние подстановки в погребения этих предметов.

талогом В. Бріха кахлів Чеського Національного музею)//Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Збірник наукових статей/Науководосл. центр «Часи козацькі», Укр. тов-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. Вип. 17. Київ. С. 128–133.

Мальм В. А., 1949. Горны московских гончаров XV–XVII вв. (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.)//Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. С. 44–51. (МИА. № 12).

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 30 с.

Немцова Н. И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. М.: Росреставрация. 33 с.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 195 с.

Патрик Г. К., 2010. Новые находки изразцов в Смоленске//АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 414–417.

Патрик Г. К., 2011. Смоленские орнаментальные изразцы//АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 369–373.

Патрик Г. К., 2012. Изразцы с «букетом» из Смоленска//Археология Москвы – линия жизни. М.: Т-Принт Групп. С. 223–227.

Рабинович М. Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим материалам)//Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I. М.: АН СССР. С. 55–73. (МИА. № 7).

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика//Материалы и исследования по археологии

Москвы. Т. II. М.: АН СССР. С. 57–105. (МИА. № 12).

Разин Е. А., 1961. История военного искусства. Военное искусство мануфактурного периода войны XVI–XVII вв. Т. 3. М.: Воениздат. 734 с.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е 1–39).

Столярова Е. К., Лихтер Ю. А., Гусаков М. Г., 2012. Майолика – происхождение и смысл термина//Археология Москвы – линия жизни. М.: Т-Принт Групп. С. 247–249.

Трусов О. А., 1990. Мстиславльские изразцы//Памятники культуры. Новые открытия 1989. М.: Наука. С. 334–340.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. Т. 1. М.: Всесоюзная академия архитектуры. 70 с.

Фролов М. В., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII века. Словарь мастеров гончарного, печного и ценинного дела. М.: Росреставрация. 71 с. (Методические рекомендации).

Шуцкая Г. К., Васильева Е. П., Заклинская Е. Н., Игнатьева Т. М., Трегубова Е. Л., 2014. Дом бояр Романовых. М.: Издательский центр «Москововедение». 256 с.

Boldizsár Péter, 1988. Gótikus kályhacsempék az újabb budavári ásatás leletanyagából//Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Vol. 1. Szeged. S. 95–110.

Sabján Tibor. 2002. Bogres szemeskalyhak az Alföldön//Gerencserek, kályhások, tűzvigyázók Feudáliskori kályhacsempék az Alföldről és peremvidékéről. Gyula. S. 57–72. (Gyulai Katalógusok, 11).

A. G. Veksler, G. K. Patrik & M. G. Gusakov

Some aspects of the history of the tiling industry in Muscovian Rus during the 15th – 17th centuries, based on archaeological evidence

Summary

This article reinforces the contemporary view of the development of the art of making fired glazed tiles for domestic stoves (known in Russian by the special

term *izratsy*) and presents new find examples of these craftwares from Moscow excavations.

О. Н. Глазунова

Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей Ново-Иерусалимского монастыря по материалам раскопок 2009–2015 годов

Влияние традиций и умений белорусских и литовских мастеров на появление феномена русского изразца неоспоримо и является общеизвестным фактом. Оно хорошо прослеживается по письменным источникам и сохранившимся памятникам архитектуры. Известны имена наиболее значимых мастеров и места, откуда они прибыли (*Баранова*, 2006; *Баранова*, 2011; *Баранова*, 2013; *Забелин*, 1853; *Леонид (Кавелин)*, 1876; *Маслих*, 1976; *Фролов*, *Беляев*, 1988; *Фролов*, 1991; и др.). В ряде случаев можно увидеть сходство в сюжетах печных изразцов белорусских, литовских и российских коллекций. Но масштабные археологические работы Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН под руководством Л. А. Беляева (2009–2015 гг.) позволили по-новому взглянуть на этот вопрос, внося в него конкретику образов.

В культурном слое Нового Иерусалима хорошо выделяются этапы жизни монастыря. Прослойка, относящаяся к самому началу строительства, характеризуется московскими и местными (характерными для западного Подмосковья) типами посуды, обилием рыбных костей и отсутствием изразцов. Выше лежит основной слой первого строительного периода (1654–1666 гг.). Сразу же резко меняется состав посуды. Московская керамика практически исчезает, сохраняется некоторое количество местных типов. Основную же массу глиняной посуды теперь составляют формы, типичные для литовского зарубежья: горшки на поддонах с ручкой, трехногие сковородки-триподы, миски и тарелки, кружки, орнаментированные кувшины. Значительная часть посуды поливная (*Глазунова*, 2014а). Слой насыщен изразцами, в основном печными. Так как началось их изготовление, то помимо незначительного количества бытовавших изразцов слой содержит изготовленные, но не использованные изразцы, лежавшие на складах; заготовки в разной степени го-

товности, в том числе и из горна; бракованные изделия; несколько глиняных изразцовых штампов; плошки для варки поливы с сохранившимися на стенках сосудов остатками разноцветных полив и т.д. Историю поиска форм архитектурных изразцов и создания уникального изразцового декора Ново-Иерусалимского монастыря оставим за рамками данной статьи (*Глазунова*, 2014б). Обратимся к малым формам, к печным изразцам.

Комплекс, относящийся к первому строительному периоду, хорошо делится на несколько частей. Охарактеризуем их в самом общем виде.

Первая состоит из красных широкорамочных изразцов московского облика. Все найденные в Новом Иерусалиме изразцы этого типа имеют точные, совпадающие в деталях аналогии в московских сериях. Есть и существенное отличие: изразцы Нового Иерусалима значительно меньше московских аналогов. Размер московских изразцов – 20,0×20,0 см, новоиерусалимских – 16,0×16,0 см. Скорее всего, это объясняется технологией повтора, когда делался отпечаток с изразца-прообраза, а затем с этого отпечатка-матрицы – уже серийные изразцы. Двойная усадка глины при таком процессе как раз и приведет к уменьшению размера на 20%, что и произошло, по-видимому, с новоиерусалимскими изразцами.

Вторую группу можно отнести к общеевропейскому Постренессансу. Ее черты: мастерски выполненные реалистичные изображения птиц и животных, сложнейшие точно просчитанные сочетания орнаментов, выверенная композиция, наличие большого количества различных элементов, повторяющихся в архитектурном декоре собора, колокольном литье, деревянной и каменной резьбе Нового Иерусалима. Отличают ее также богатство и яркость цветового решения, в том числе и смелый подбор сочетаний красок.

Самой многочисленной является третья группа. Она состоит как из муравленных, так и из рельефных полихромных узорамочных и ковровых изразцов. Большая часть из них имеет прямые аналогии в материалах, происходящих с территорий Белоруссии и Литвы.

Часть сюжетов появилась сначала в изделиях изразцовой мастерской, устроенной патриархом Никоном в Иверском Валдайском монастыре. И лишь затем – в новоиерусалимском производстве.

В свете того, что изразцовых центров в Белоруссии и Литве довольно много, сразу скажем, что все печные новоиерусалимские изразцы этой группы изготовлены из красной глины и характеризуются наличием слоя белого ангоба под поливой. Другие отличительные черты: квадратная или почти квадратная форма лицевой пластины небольшого размера, отступающая румпа, карнизы и печные ножки с вертикальной прямой верхней частью и выпуклой нижней.

Теперь обратимся собственно к изразцам этой группы, найденным на территории Ново-Иерусалимского монастыря. Удобнее всего будет делать их описание, исходя из сюжетов и печных комплектов (представлено три печных набора).

Приводим комплект узорамочных изразцов.

Первый, наиболее распространенный сюжет – букет в вазе с узким высоким горлом и S-образными ручками, заключенный внутри лицевой пластины в широкую восьмиугольную рамку (рис. 1, 1–3). Мотив орнамента получил распространение еще в эпоху Ренессанса. Размер лицевой пластины – 17,0×18,0 см. Найдены как в муравленном (наибольшее количество), так и в полихромном исполнении (помимо ангобированных заготовок без поливы). Всего обнаружено более 2000 обломков.

На территории Белоруссии изразцы с подобной композицией встречаются в большом многообразии вариантов и датируются второй половиной XVI – XVII в. (Лепель, Мстиславль, Могилев, Витебск, Кричев). Практически точная аналогия присутствует среди изразцов Лепеля (рис. 1, 7 – *Соболь, Ткачев, Трусов, Угринович*, 1989. С. 74). Данный тип изразцов неплохо исследован и типологизирован в работах О. Н. Левко (1981), Т. С. Бубенько (2007), О. А. Трусова (1990. С. 336. Табл. 5.) и других авторов. Изразцы, обнаруженные при раскопках в Ново-Иерусалимском монастыре, относятся к типу, датирующемуся для Белоруссии серединой XVII в. (*Бубенько*, 2007. С. 259). Распространен этот тип и в Литве (*Tautavicius*, 1969. Fig. 68).

На российской территории они тоже представлены в большом разнообразии вариантов. Мурав-

леными изразцами с незначительными отличиями украшены стены (из них выложены кресты) и окна Благовещенской церкви Зеленецкого монастыря близ Старой Ладogi (рис. 1, 6), обломки обнаружены при раскопках на территории Иверского Валдайского монастыря (рис. 1, 4; НГОМЗ, КП 44066/167, 186; «Изразцы в собрании Новгородского музея», 2006. С. 34; *Кондратьева*, 1981. С. 467; *Сивак*, 1990. С. 37) и Хутынского монастыря в Новгороде (рис. 1, 5; НГОМЗ, КП 32362–32366; КП 400085/1–77, 109–115; «Изразцы в собрании Новгородского музея», 2006. С. 12). Причем изразцы Зеленецкого монастыря были изготовлены, по мнению специалистов, старцем Селивестром, специально для этого выписанным из Иверского монастыря («Изразцы в собрании Новгородского музея», 2006. С. 12; *Кондратьева*, 1981. С. 467). Близкие, но отличающиеся в деталях изразцы известны также среди московских (рис. 1, 10 – *Баранова*, 2011. С. 186), тверских (*Хворостова, Шейченко*, 2010. С. 190), смоленских (рис. 1, 8 – *Пронин, Соболь*, 2013. Рис. 10, 35) печных изразцов.

Кроме того, в полихромном варианте точная копия этих новоиерусалимских изразцов использована в качестве цветных вставок для украшения стен Иосифо-Волоцкого монастыря (рис. 1, 9). Вполне вероятно, что приобретены они были непосредственно в Новом Иерусалиме.

По-видимому, для обрамления лицевых изразцов в зеркале печи использовался особый шестиугольный элемент, встречающийся в муравленном и полихромном исполнении. Полный размер его – 26,0×10,0 см, длина прямой стороны – 17,0 см. Рисунок представляет собой повторяющийся растительный узор в двойной шестиугольной рамке, расположенный вверх и вниз от центра пластины. Нам не удалось найти аналогии такой форме. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с воплощением неких новых идей. В Ново-Иерусалимском монастыре по такой же схеме был выложен цветной керамический пол. Шестиугольных элементов найдено сравнительно немного, около 50. Среди них встречаются угловые изразцы и треугольники для заполнения углов.

К этому печному набору относится карниз с изображением рысей (рис. 2, 1–3). На верхней плоской части карниза показаны две противостоящие рыси (или иные хищники?) в геральдической позе вокруг растительного побега (древа?). На нижней выпуклой части карниза – изображение креста, размер – 18,0×10,0 см. Найдено более 500 фрагментов. Встречаются в муравленном и полихромном вариантах. Подобные карнизы были широко распространены в Белоруссии (*Бубенько*, 2007. С. 165. Рис. 18).

Рис. 1. Изразцы с изображением букета в вазе

1, 2, 3 – из Нового Иерусалима; 4 – из Иверского Валдайского монастыря; 5 – из Хутынского монастыря; 6 – из Зеленецкого монастыря; 7 – из Лепеля; 8 – из Смоленска; 9 – из Иосифо-Волоцкого монастыря; 10 – из Зачатьевского монастыря (Москва)

Похожие по композиции и форме карнизы, но с изображением львов обрамляют изразцовые наличники Благовещенской церкви Зеленецкого монастыря (рис. 2, 5) и обнаружены в ходе реставрационных работ в Иверском Валдайском монастыре (рис. 2, 6; НГОМЗ КП 40175; «Изразцы в собрании Новгородского музея», 2006. С. 39). Аналогичный карниз найден при археологических работах в Смоленске (рис. 2, 4 – Пронин, Соболев, 2013.

Рис. 16). Похожие формы встречаются на территории Литвы (рис. 2, 7, 8; («Vilniaus kokliai...», 2015. Р. 129). Для Москвы подобная форма карнизов не характерна. Интересно, что на всех найденных в Новом Иерусалиме изразцах этого типа видны следы изношенности деревянной формы.

Завершает набор расширяющий обратный карниз с изображением льва в геральдической позе (рис. 3, 1–3). Грива показана хаотично положенны-

Рис. 2. Карнизные изразцы с геральдическими зверями

1, 2, 3 – из Нового Иерусалима; 4, 6 – из Литвы; 5 – из Зеленецкого монастыря;
7 – из Смоленска, 8 – из Иверского Валдайского монастыря

ми штрихами, лапы с характерными длинными когтями. Найдены только в муравленном исполнении и ангобированные. Размер – 19,0×14,0 см. Всего обнаружено около 50 обломков. Очень близкое к новоиерусалимскому изображение льва есть на аналогичном карнизе из Кричева (рис. 3, б). Похожие по исполнению и деталям обратные карнизы со львом обнаружены при археологических работах в Мстиславле (рис. 3, 5 – Трусев, 1990. С. 335. Табл. 1, 16) и Смоленске (рис. 3, 4 – Пронин, Соболев, 2013. Рис. 14, 1). Для Москвы подобная форма карнизов не характерна.

Городок крупный, сложной формы, с пятиглавым завершением и изображением букета в такой же узкогорлой вазе с S-образными ручками, как и на лицевом изразце. Размер – 17,0×20,0 см. Встре-

чается только в муравленном варианте. Найдено около 200 фрагментов. Данная форма городка получила дальнейшее развитие в московском гончарстве (так называемый сюжет «беседка в саду»).

По всей видимости, вышеперечисленные муравленные узкогорлочки изразцы принадлежали единой серии, являясь одним печным набором. Для начала первого строительного периода это наиболее массовый материал (Глазунова, 2013).

Перейдем к рельефным полихромным изразцам. Полученные при раскопках комплекты представляют собой изразцы для двух очень похожих по набору элементов, цветовой гамме и манере исполнения, вероятнее всего, парных печей с ковровым узором зеркала. Основной фон (земля) кобальтовый, большая часть фигур покрыта белой

Рис. 3. Обратные карнизы с изображением льва
 1, 2, 3 – из Нового Иерусалима; 4 – из Смоленска; 5 – из Мстислава; 6 – из Кричева

глазурью, некоторые мелкие детали окрашены в желтый и бирюзовый цвета. Полива желто-коричневого цвета не использовалась.

Лицевые изразцы представлены двумя типами в двух вариациях (по одному типу с одной вариацией для каждой из печей – рис. 4, 1, 2, 3, 6, 7). Размер – 17,0×18,5 см. Найдено более 1,5 тыс. обломков. Так как предназначались они для установки вперемежку, то каждый тип имеет вариант, соединяющий две половинки, для сохранения раппорта рисунка. Ковровый узор состоит из ниспадающих картушей сложной формы (кубчатых рамок). На лицевых пластинах с цельным узором в центре расположен целый картуш и по углам четвертинки картушей. На лицевых пластинах с двумя сопряженными половинками – четыре разные половинки картуша. Все имеющиеся изразцы имеют прямые аналоги в Белоруссии и Литве (Вильнюсский замок – рис. 4, 4, 5, 9, 10), а также в северных районах России (рис. 4, 8 – *Кондратьева, Паничева*, 1987. С. 372, 373), на территории современной Польши (Гданьск) и бывшей Самбии (Кенигсберг).

В центре лицевой пластины изразца первого типа расположен круг с вписанным в него 8-лепестковым цветком (рис. 4, 6, 7). Остальные элементы носят стилизованный характер.

В центре лицевой пластины изразца 2-го типа – цветок лилии с расходящимися от него пальмообразными листьями (рис. 4, 1–3).

Изразцы 1-го типа использованы в качестве цветных вставок для украшения стен Иосифо-Волоцкого монастыря (чередясь с уже упомянутыми изразцами в изображении букета в вазе). Причем взяты не только варианты с целым рисунком, но и изразцы, предназначенные для установки вперемежку (с двумя сопряженными половинками). В стене они стоят как прямо, так и углом (ромбом). Изразцы являются точной копией найденных при раскопках изразцов Ново-Иерусалимского монастыря. На наш взгляд, это подтверждает версию приобретения изразцов именно в Новом Иерусалиме.

Изразцы второго типа найдены при раскопках в Саввино-Сторожевском монастыре (*Маслих*, 1976. Рис. 28). Имеется вогнутый угловой элемент (наугольник), оформляющий угол печи (рис. 4, 6). Размер его – 9,0×18,5 см. Украшен стилизованным растительным орнаментом. В завершении угла расположен элемент, напоминающий раскрытую морскую раковину. Помимо отдельных деталей примерно в таком же количестве встречается в составе углового изразца, где вогнутый угловой элемент соединен с половинкой лицевого изразца. Найдено около 100 фрагментов. Аналогичные эле-

менты имеются в коллекции Вильнюсского замка (рис. 4, 9).

Пояс первой печи представлен сложным многофигурным фризом со сценой загонной охоты на оленя (рис. 5, 1). Состоит из трех разных изразцов. Единая сцена произвольно разрезана на три части (разрезы проходят поперек фигур). На центральном изразце – загнанный олень. Размер центрального изразца – 18,0×10,0 см. На левом и правом изразцах – стремящиеся к оленю охотники с собаками. Размер левого изразца – 20,5×10,0 см, правого – 18,5×10,0 см. Общая длина фриза составляет 57,0 см. Изразцы узкорамочные. Найдено более 100 обломков. Подобные многофигурные сложные фризы известны в белорусских сериях (*Соболь и др.*, 1989; *Трусов*, 1990). Точные копии карниза есть в Вильнюсском замке (рис. 5, 2 – «Vilniaus kokliai...», 2015. Р. 189).

В качестве второго пояса первой печи использованы фризовые изразцы с чередующимися изображениями ликов или даже личин, обрамленных в некое подобие крыльев, и колонн. Размер – 22,0×9,0 см. Подобные изображения нередки на изразцах Белоруссии и Литвы (*Трусов*, 1990. С. 339; «Vilniaus kokliai...», 2015. Р. 191).

Идентичными фризами украшена колокольня Введенской церкви Николо-Улейминского монастыря (Ярославская область) 1695 года постройки (*Хворостова, Шейченко*, 2010. С. 198. Рис. 14). В Ново-Иерусалимском монастыре помимо печных поясов они использовались и в качестве архитектурных, правда, только в вычинках.

Пояс второй печи составлен из фризовых изразцов с изображением противостоящих льва и грифона в геральдических позах вокруг католического креста (рис. 6, 1). Изображения животных снабжены характерными длинными когтями. Размер изразца – 22,0×9,0 см. Похожие композиции имеются в изразцах Белоруссии, однако в основном не на фризовых, а на карнизных (рис. 6, 3 – *Бубенько*, 2007. С. 265. Рис. 8). Известны такие карнизы и в литовских сериях («Vilniaus kokliai...», 2015. Р. 160–168).

Близкий, хотя и не идентичный изразец найден при раскопках в Иверском Валдайском монастыре (рис. 6, 2 – *Сивак*, 1990. С. 38). При археологических раскопках в Смоленске обнаружен фрагмент муравленого пояса с противостоящими зверями, выполненными в аналогичной манере (*Пронин, Соболь*, 2013. Рис. 15, 3).

Печные карнизы состоят из двух частей. На верхней плоской части карниза – сложный растительно-геометрический элемент, на нижней

Рис. 4. Лицевые ковровые изразцы. (См. пв. вкл.)
 1, 2, 3, 6, 7 – из Нового Иерусалима; 4, 5, 9, 10 – из Вильноса; 8 – из Смоленска

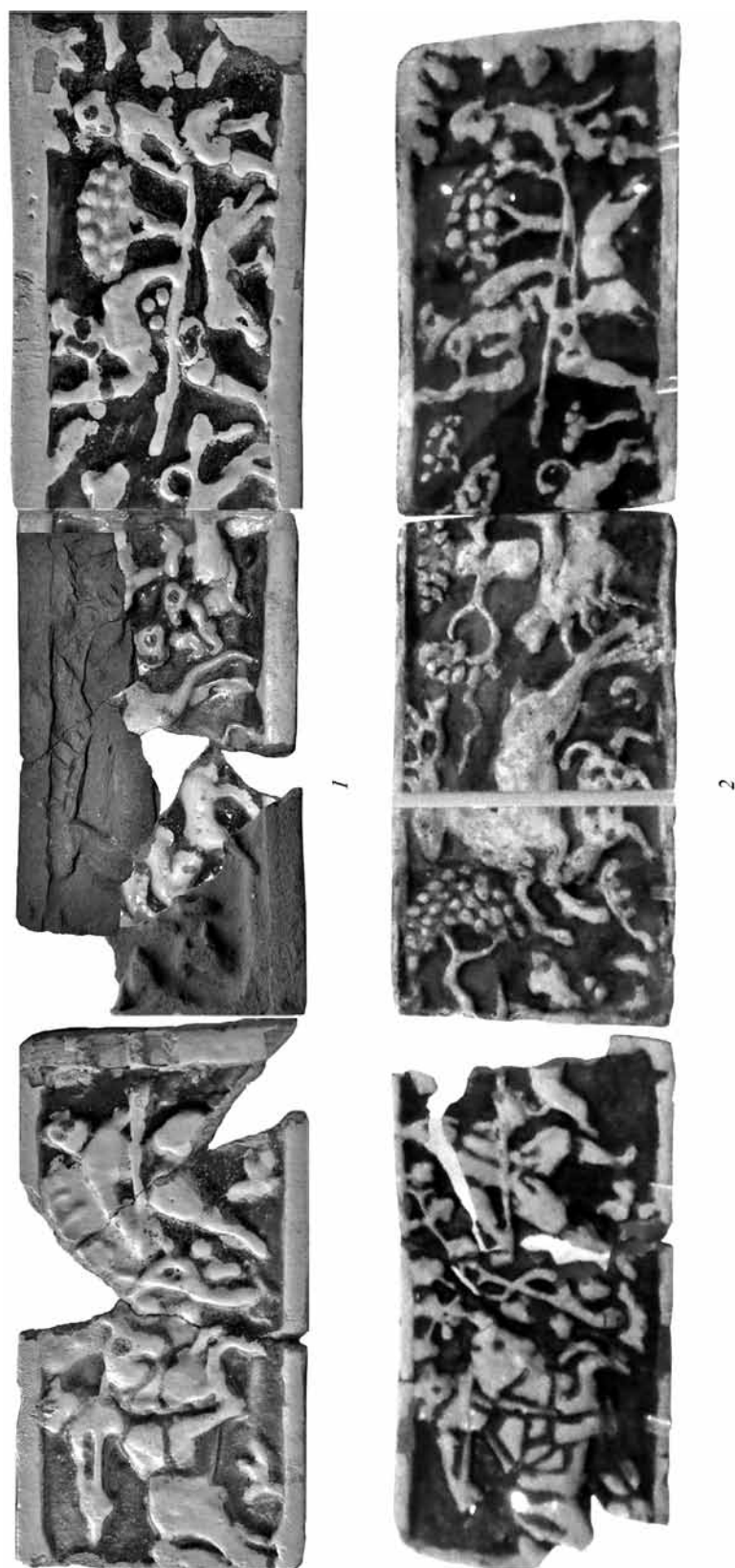

Рис. 5. Фризные изразны со сценой охоты. (См. цв. вкл.)
1 – из Нового Иерусалима; 2 – из Вильнюсского замка

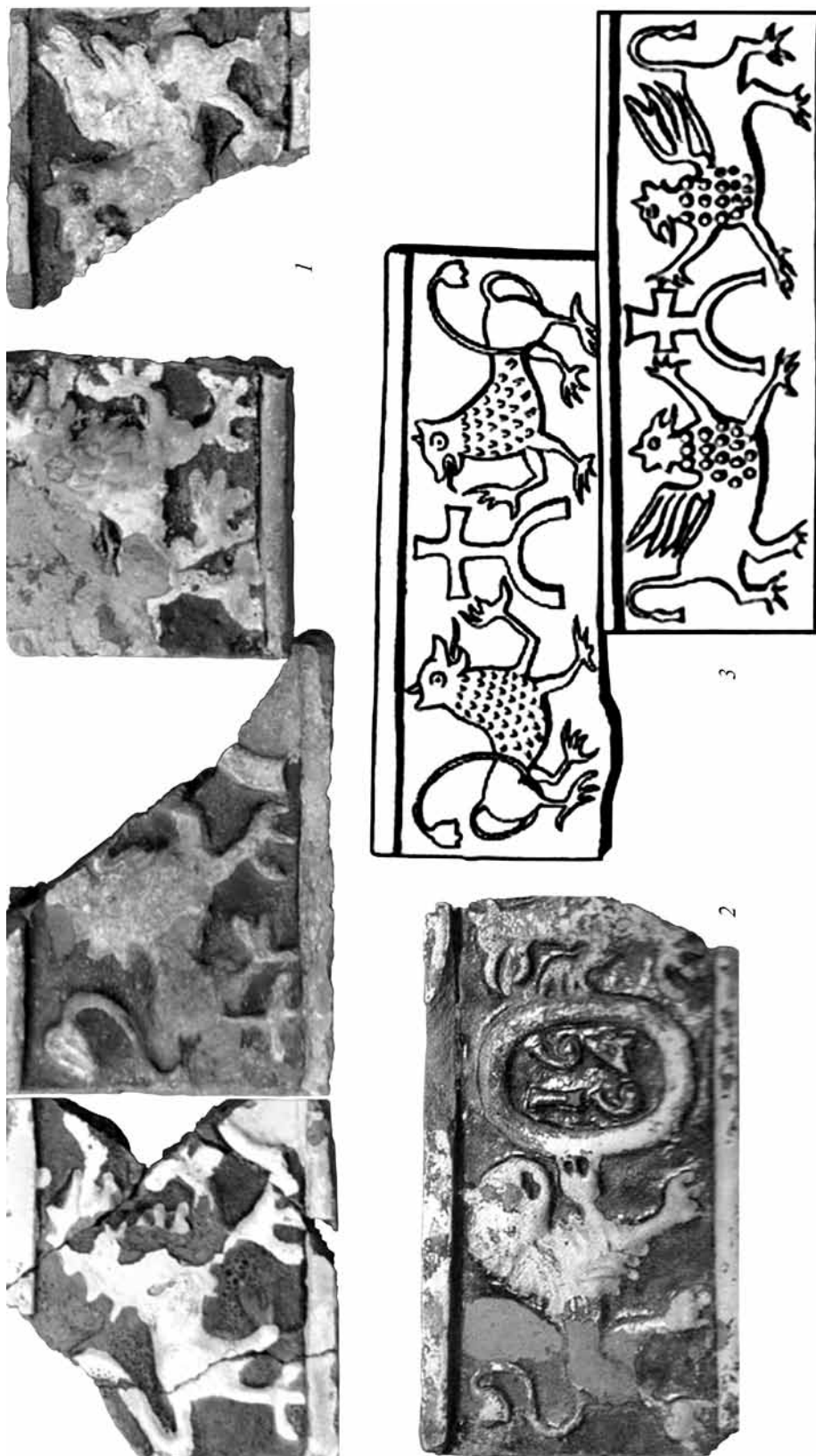

Рис. 6. Фризные изразцы со львом и грифоном. (См. цв. вкл.)

1 – из Нового Иерусалима; 2 – из Иверского Валдайского монастыря; 3 – из Белоруссии

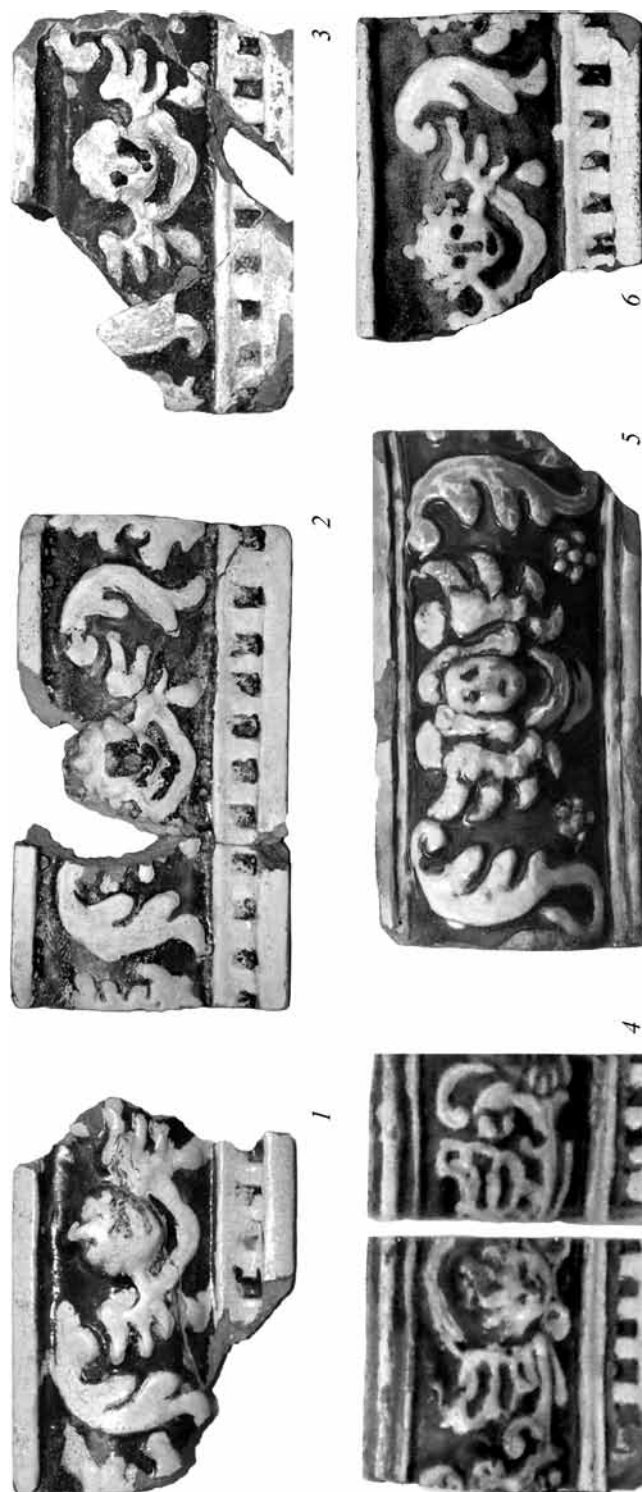

Рис. 7. Печные валики с изображением ангелов. (См. цв. вкл.)

1, 2, 3 – из Нового Иерусалима; 4, 5 – из Вильнюсского замка; 6 – из Иверского Валдайского монастыря

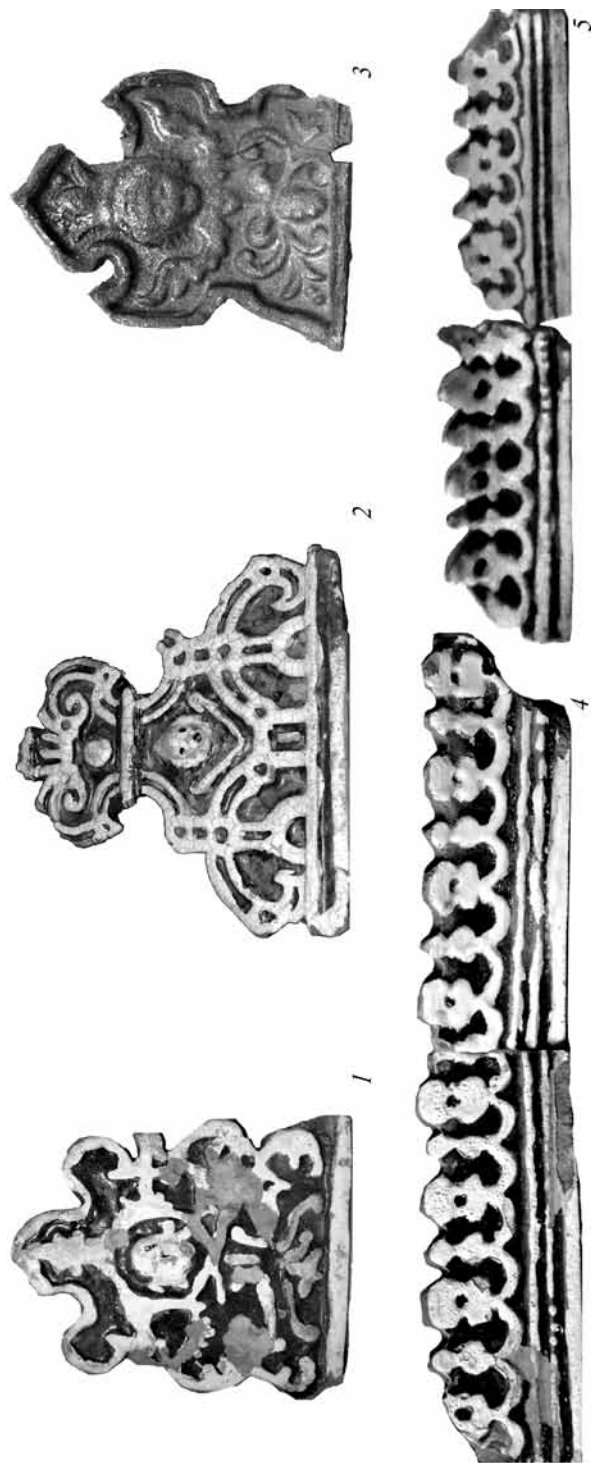

Рис. 8. Городки

1, 4 – из Нового Иерусалима; 2 – из Северной Германии; 3 – из Иверского Валадайского монастыря; 5 – из Вильнюсского замка

выпуклой изображены широкие листья, расходящиеся от колонки, увенчанной чашей. Размер – 19,0×12,0 см. Фон (земля) здесь белый. Встречаются не только в полихромном, но и в муравленом вариантах. Найдено более 500 фрагментов.

Из таких карнизов создана ножка печи. Рисунок и общие обводы абсолютно совпадают с карнизом. Отдельные элементы обрезаны по форме и размеру ножки. Найдено около 300 обломков. Ножки только полихромные.

Арка первой печи размером 28,0×10,0 см несет узор из чередующихся колонок и звезд, обрамленных подобием крыльев (найденно около 100 фрагментов). Арка второй печи такого же размера украшена пышным растительным орнаментом (около 50 фрагментов).

Валик с растительно-геометрическим изображением, причем расходящиеся от центра стебли несимметричны, хотя и очень похожи. Размер – 16,0×8,5 см. Встречается как с синим, так и с белым фоном.

На расширяющих обратных карнизах первой печи изображены ангелы (лики, обрамленные стилизованным изображением крыльев – рис. 7, 1–3). Изразец узкорамочный, размер – 17,0×9,5 см. Найдено около 300 обломков. Идентичный до мельчайших деталей карниз обнаружен в ходе земляных работ в Иверском Валдайском монастыре (рис. 7, 6; НГОМЗ КП 34369/1). Известны такие изразцы и в белорусских и литовских сериях (рис. 7, 4, 5 – «Vilniaus kokliai...», 2015. Р. 154–158). Похожие лики, обрамленные крыльями, можно найти среди западноевропейских изразцов.

Городок первой печи высокий, сложной формы с условным изображением Голгофы (рис. 8, 1). Размер – 15,5×17,5 см. Найдено около 50 фрагментов. Встречается не только в полихромном, но и в муравленом вариантах. Похожий, но не идентичный городок обнаружен в ходе земляных работ в Иверском Валдайском монастыре (рис. 8, 3; НГОМЗ, КП 34369/13; «Изразцы в собрании Новгородского музея», 2006. С. 41; Яковлева, 2005. С. 223). Небольшой обломок городка, идентичного новоиерусалимскому, найден при раскопках в Смоленске (Пронин, Соболев, 2013. Рис. 40, 1). Близкие по сюжету и форме городки встречаются на севере Германии (рис. 8, 2), в Вильнюсе («Vilniaus kokliai...», 2015. С. 87).

Городок второй печи невысокий, с зубчатым верхним краем (рис. 8, 4). Рисунок образован соединенными в цепочку геометрическими элементами.

Размер – 16,0×6,5 см. Найдено около 50 фрагментов. Точная копия имеется среди изразцов Вильнюсского замка (рис. 8, 5 – «Vilniaus kokliai...», 2015. С. 94).

Последним в этой серии можно считать полихромный узкорамочный центрально-симметричный изразец с розеткой в центре. Размер – 16,5×16,5 см. Фон белый. Этот чрезвычайно популярный в Белоруссии мотив на территории России использован в декоре церкви Троицы в Никитниках. В Ново-Иерусалимском монастыре найдено несколько таких изразцов (Глазунова, 2014б. С. 242–244).

Таким образом, в первый строительный период в мастерских Нового Иерусалима изготавливалось 20 вариантов печных изразцов, имеющих прямые аналогии и прототипы за литовским рубежом, в основном на территории Белоруссии. Изразцы представляют комплекты трех печных наборов: одного муравленого и двух парных полихромных. Все изразцы каждой из серий выполнены в одинаковой манере. Даже в тех случаях, когда не удалось найти прямую аналогию или прототип среди белорусских материалов, нет сомнения, что изразцы изготовлены теми же мастерами. Точного совпадения деталей нет. Новоиерусалимские изразцы заметно отличаются не только от белорусских, но и от изразцов производства Иверского Валдайского монастыря, сохраняя при этом общую композицию и основные элементы. Скорее всего, доски для них резались уже на месте.

В то же время изразцы, происходившие с территории Литвы, изготавливались, по всей вероятности, с привезенных досок, так как рисунок совпадает до мельчайших деталей. Полностью совпадают и размеры. Разница только в используемых цветах поливы. Причем основные цвета – кобальтовый фон с белыми фигурами – совпадают. Однако в новоиерусалимских изразцах для раскраски мелких деталей применены еще два цвета поливы: желтый и бирюзовый, не встречающиеся на литовских изразцах. В то же время литовские изразцы встречаются и муравленные, чего нет в новоиерусалимской серии.

В целом изразцы белорусской и литовской серий составляют более 2/3 всей массы печных изразцов, изготавливавшихся в Ново-Иерусалимском монастыре изначально, в середине XVII в. В дальнейшем на этой основе развивалась самобытная изразцовая традиция, впитавшая в себя и белорусские, и литовские корни.

Литература

- Баранова С. И., 2006. Москва изразцовая. М.: Москвоведение. 398 с.
- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 432 с.
- Баранова С. И., 2013. «Поднос образцовых кафель». Изразцы и изразцовых дел мастера-ценинники//Белорусы в Москве. XVII в. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Боўкі. С. 52–83.
- Бубенько Т. С., 2007. Типология и хронология изразцов Витебского замка XVI–XVIII веков//Sredniowieczne I Nowożytnie Kafle. Regionalizmy-Podobienstwa-Roznice/Pod red. Marii Dabrowskiej I Haliny Karwowskiej. Białystok. С. 253–272.
- Глазунова О. Н., 2013. Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, атрибутика//РА. № 1. С. 63–78.
- Глазунова О. Н., 2014а. Западное влияние в керамике Подмоскovie XVII–XVIII вв.//ТТЗ. Вып. 7. Тверь: Старый город. С. 163–171.
- Глазунова О. Н., 2014б. Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря//АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 236–247.
- Изразцы в собрании Новгородского музея. Каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик, 2006. 136 с.
- Забелин И. Е., 1853. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. СПб. 101 с.
- Кондратьева Е. В., 1981. Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980 г. Л.: Наука. С. 465–477.
- Кондратьева Е. В., Паничева Л. Г., 1987. Русские ковровые изразцы//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986 г. Л.: Наука. С. 369–384.
- Леонид (Кавелин), архимандрит, 1876. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656 по 1759 г.//Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. С. 81–87.
- Левко О. Н., 1981. Витебские изразцы XIV–XVII вв. Минск: Наука и техника. 48 с.
- Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство. 192 с.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск: Свиток. 240 с.
- Сивак С. И., 1990. Деятельность изразцовой мастерской Иверского Валдайского монастыря во второй половине XVII в.//Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. III. М. С. 34–39.
- Соболев В. Е., Ткачев М. А., Трусков А. А., Угринович У. В., 1989. Белорусская кафля. Минск, Беларусь. 161 с.
- Трусков О. А., 1990. Мстиславльские изразцы//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989 г. М.: Наука. С. 334–340.
- Фролов М. Ф., Беляев Л. А., 1988. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское//Архитектурное наследие и реставрация. Вып. 3. М. С. 208–222.
- Фролов М. В., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.: Росреставрация. 65 с.
- Хворостова Е. Л., Шейченко Е. Н., 2010. Рельефные одноцветные (муравленые) фасадные изразцы XVII в.//ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 180–201.
- Яковлева Л. П., 2005. Изразцы в собрании Новгородского музея. История формирования, состав//ННЗ. Вып. 1. Великий Новгород. С. 207–240.
- Tautavicius A., 1969. Vilniaus pilies kokliai (XVI–XVII a). Vilnius: Mintis. 47 p.
- Vilniaus kokliai XV–XVII amziuje. Sudarytojas Kestutis Katalynas, Lietuvos Nacionalinis muziejus. Vilnius, 2015. 405 p.

О. N. Glazunova

Belarussian and Lithuanian motifs in the decoration of the stoves at the New Jerusalem Monastery, based on archaeological excavations over 2009–2015

Summary

This article is devoted to stove tiles, fired by Belarussian and Lithuanian craftsmen at the New Jerusalem Monastery (in the western area of Moscow County Region) over 1654–1666. The overwhelming majority

of stove tiles at the monastery in this period can be divided into 20 types, which have their origins and prototypes in examples from Lithuanian tradition. An overview of their distribution in Russia is presented.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров

Калужские свистульки «всадник»: эволюция формы и бытования (на примере датированных свистулек)

Четверть века изучая бытовую культуру Калуги и ее окрестностей, сотрудники Музея ремесла, архитектуры и быта натолкнулись на ряд интересных факторов, позволяющих достаточно точно определить датировку целого ряда бытовых изделий. На целом ряде таких изделий фиксируются надписи, в том числе с большой долей вероятности обозначающие даты их изготовления. Такие надписи отмечены на калужских металло-деревянных безменах (Федоров, 2002. С. 107; Ткаченко, 1997. С. 207; Ткаченко, Федорова, 2001. С. 205, 206), поливной посуде (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2013а. С. 225; 2013б. С. 304), изразцах, глиняных курительных трубках (Федорова, Ткаченко, 2009. С. 231, 232; 2015. С. 544), неполивной гончарной посуде, глиняных игрушках.

Из перечисленного нужно выделить ряд находок:

- фрагмент глиняной свистульки «лошадка» из окрестностей Мосальска с цифрами 1865;

- комплекс из 17 глиняных свистулек «дудка» с раструбом, из развалин жилого дома деревни Латыши Куйбышевского района Калужской области. На одной из них читается надпись «1875»;

- в деревне Батурлино Юхновского района найден обломок поливной фигурки «баба» из светложгущейся глины с цифрами 1899;

- фрагмент свистульки «всадник» из Калуги, датированный 1831 г. На него хотелось бы обратить особое внимание.

Многолетнее изучение калужских глиняных игрушек «всадник» позволяет утверждать, что все они относятся к свистулкам. Большая часть изученного материала фрагментирована, но знание технологических приемов изготовления данной игрушки позволяет определять их почти безошибочно. Эксперименты показали, что изготовление свистульки «всадник» состояло из трех этапов (рис. 1). Передняя часть тулова лошади с ногами

изготавливалась из единого куска глины. При этом морда и уши большинства экземпляров формировались на удлиненной шее особым технологическим приемом. Отдельно изготавливался свисток и примазывался в качестве задней части тулова, затем к свистку прикреплялись две задние ноги лошади. Всадник лепился отдельно в виде столбика с лицом и круглым блинообразным головным убором (Охлябинин, 1996. С. 64). В зависимости от посадки всадника существует несколько приемов его примазки к спине лошади. Фиксируются три варианта положения всадника: 1) по центру; 2) ближе к гриве; 3) вплотную к шее (рис. 2). Характерной особенностью фигурки всадника является отсутствие ног и удлиненные руки (Федорова, Ткаченко, 2009. С. 6). Однако чрезвычайно редко, но все же встречаются фигурки всадника с ногами (рис. 3). Способы крепления: «примазка» рук калужских всадников фиксируется нижняя, средняя и верхняя (рис. 4). Фигурки лошадей в калужских свистульках «всадник» миниатюрны и изящны, что позволяет видеть в них боевых коней (Ключевский, 1991. С. 72).

При изучении технологических особенностей глиняных изделий удалось выделить типы свистков, используемых при изготовлении калужских фигурок всадников (рис. 5, 1–4):

- конусовидный;
- малый пузырь филимоновского типа;
- «пельмень»;
- «пельмень на палочке».

Глиняные игрушки чаще всего находят в районах улиц Гончарной (Первомайской), Смоленской, Берендяковской, а также в Подзавалье, где, по данным этнографии, и базировались гончарные производства. Это обстоятельство позволяет говорить о глиняной игрушке как побочном продукте гончарного промысла в городе. Находки глиняных

Рис. 1. Составные части свистульки «всадник»
a – передняя часть тулова лошади; *б* – свисток; *в* – всадник

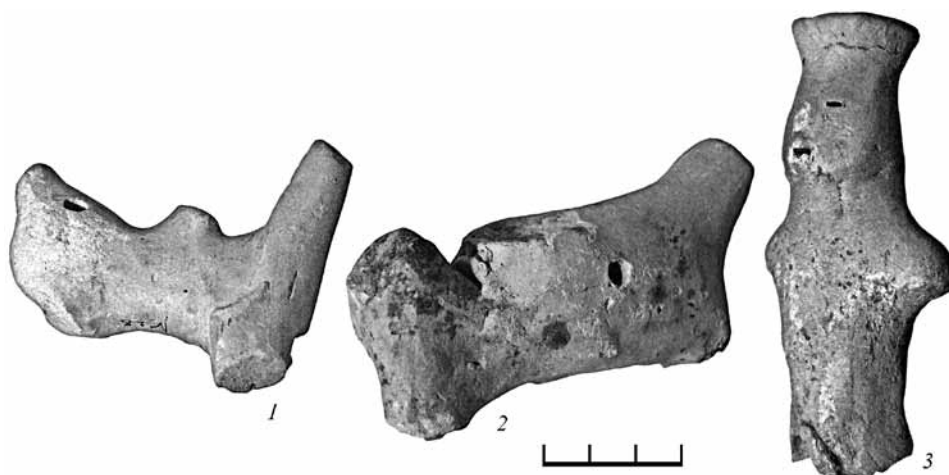

Рис. 2. Посадка всадника на лошадке
1 – положение всадника близко к гриве лошадки; *2* – центральное положение всадника;
3 – положение всадника вплотную к шее лошади

игрушек отмечаются в местах проведения зимних ярмарок и летних торгов, а также на левом берегу р. Оки, примыкающем к старокалужскому перевозу. Эти находки соответствуют описанию калужского краеведа Николая Михайловича Маслова (1890–1967). Его авторская рукопись, хранящаяся в архиве Калужского областного художественного музея, подготовлена к печати сотрудником музея, искусствоведом В. Г. Пуцко (Маслов, 2001. С. 9–11). Н. М. Маслов так описывает продававшуюся на местном калужском базаре 100 лет назад свистульку (рис. 6): «Всадник... Животное с длинной шеей, поднятыми ушами, на котором сидит человеческая фигура в круглой шляпе...

Рис. 3. Нестандартная для калужского промысла глиняная свистулька «всадник»

Рис. 4. Положение рук всадника
1 – нижнее; 2 – среднее; 3 – верхнее

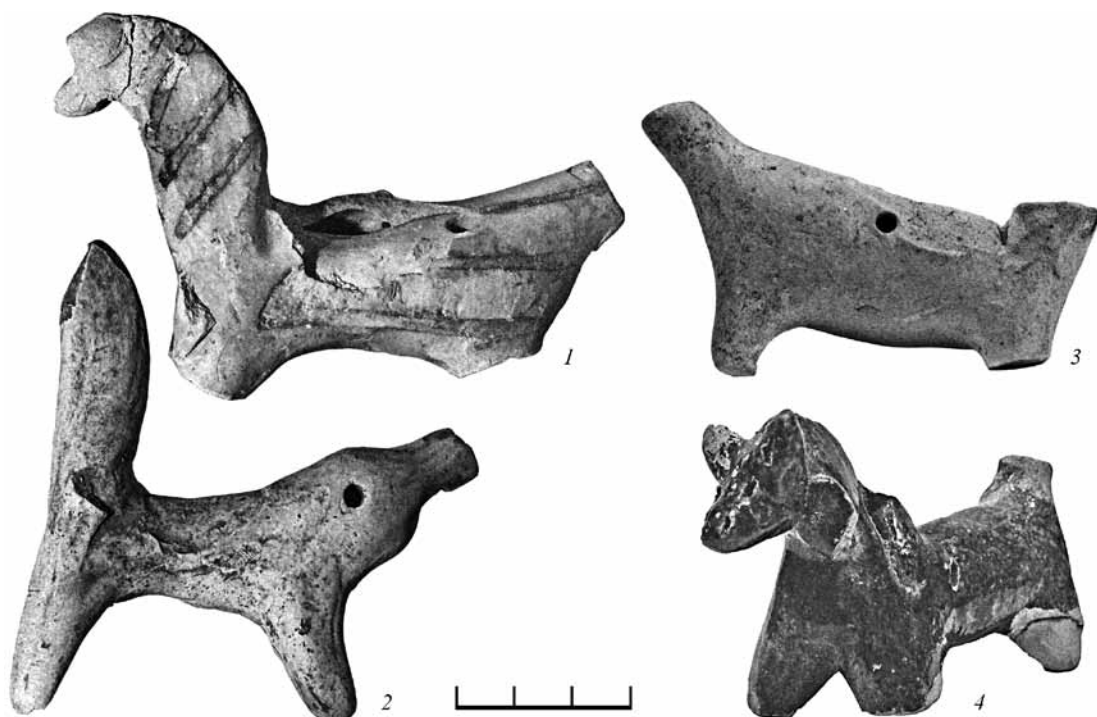

Рис. 5. Типы свистков

1 – конусовидный тип свистка; 2 – свисток «малый пузырь» филимоновского типа;
3 – свисток типа «пельмень»; 4 – свисток типа «пельмень на палочке»

Свистулькой служит задняя часть фигурок, которые утолщаются и неизменно подняты вверх». Краевед пишет, что детские свистульки выделяли гончары в деревне Аненки, что в 5 верстах от Калуги (в современной черте города). Он также

пишет, что калужские глиняные игрушки не имеют поливы, цвет черепка ярко-желтый, переходящий в белый, раскраска полосатая.

Большой удачей стала фиксация в 1988 г. в районе ул. Берендяковской, 16 при земляных

Рис. 6. Продажа глиняных горшков и глиняных игрушек на местном калужском базаре. Фото нач. XX в.

работах остатков кирпичного гончарного горна. Внутри него обнаружено скопление глиняных неполивных шариков и свистулька «всадник» из светложгущейся глины. Судя по типу кирпичей, комплекс можно датировать концом XIX – началом XX в. (рис. 7). Свисток конусовидный, с двумя игровыми отверстиями, диаметром 5 мм. Шея лошади у основания круглая, а выше прищипана обозначена грива. Уши и маленькая морда вылеплены без налепов, шея длинная. Лицо всадника под круглой шляпой имеет вид клювообразного выступа. Всадник примазан по центру спины лошади, положение рук – нижнее. Всего в Калуге зафиксировано 14 обломков всадников с круглыми шапками, три из них найдены на Берендяковке, девять штук – на берегу Оки.

Обломок датированной глиняной свистульки «всадник» (рис. 8) найден при сносе домов и земляных работах в исторической части города. Это часть лошади на четырех ногах, с коническим свистком, имеющим два звуковых отверстия по бокам. Всадник примазан ближе к шее, ног нет, положение рук – нижнее, на что указывают отпечатки ладоней всадника. На тулове лошади мы встречаем дважды одну и ту же дату 1831. В первом случае цифры процарапаны в хвостовой части лошади, во втором – нанесены краской или чернилами на брюхе лошади. Фигурка всадника отбита.

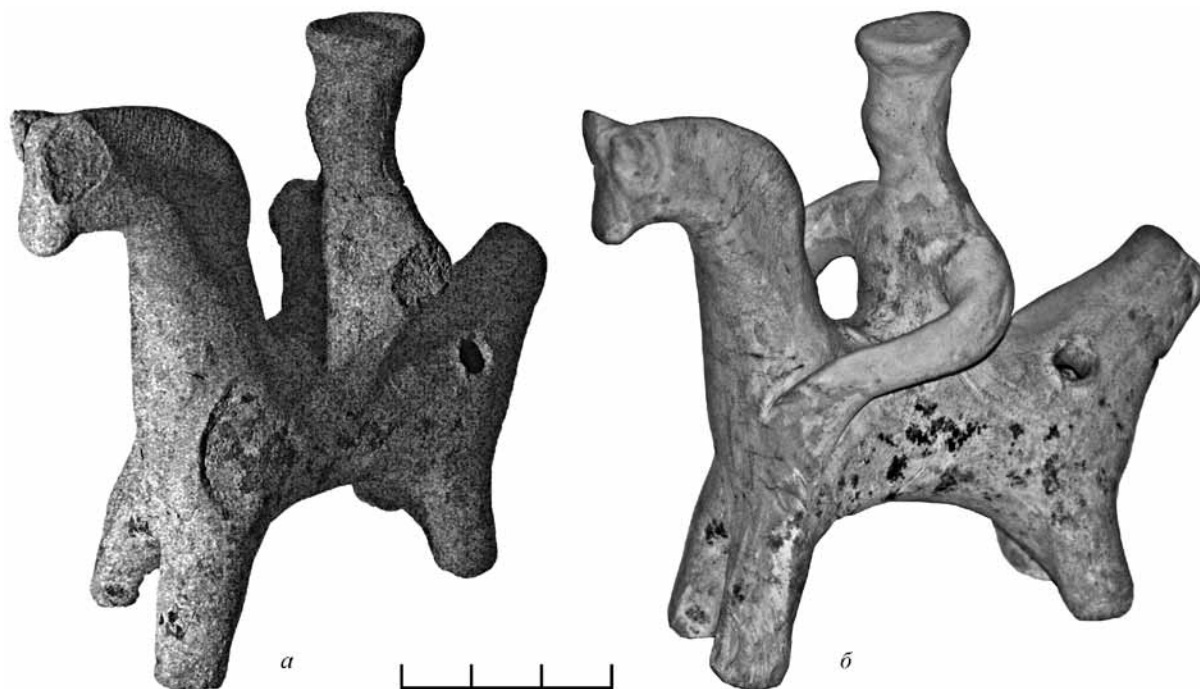

Рис. 7. Калужская глиняная игрушка «всадник» (найдена в Калуге, ул. Берендяковская, 16)

a – фрагмент свистульки «всадник»; *б* – реконструкция свистульки «всадник»

Рис. 8. Надписи «1831» на фрагменте глиняной свистульки «всадник». Место расположения надписей на фотографии выделено овалом

По нашим наблюдениям, среди калужских находок помимо всадников с круглой шляпой встречаются всадники в военной шляпе иного типа. Технологические особенности изготовления игрушки с датой позволяют предположить, что в этом случае на наезднике была именно такая (рис. 9).

Найденные в Калуге всадники московского производства (Розенфельдт, 1968. С. 87) XV–XVII вв. отличаются хорошо сформированным лицом с выделенным носом, наколотыми глазами и ртом. Всадники из московского культурного слоя XV–XVI вв. обычно среднего размера, встречаются лошадки со следами наездника на них или отдельные фигурки всадников,

изображающие бородатых мужчин в конических шапках.

Наиболее известная на Калужской земле ранняя находка всадника с элементами воинского вооружения (рис. 10) была сделана в 1986 г. при археологических исследованиях в Серенске в слое, датируемом эпохой позднего Средневековья (исследования Т. М. Хохловой). Это обломок мужской фигурки из светло-коричневой глины с тщательно вылепленным лицом и широко разведенными руками, тулово его орнаментировано круглыми ямками (Луцко, 1995. С. 7, 8; 2002. С. 162). В 1996 г. в Великом Новгороде в фондах Новгородского государственного музея нам удалось познакомиться

Рис. 9. Реконструкция свистульки «всадник» с надписью «1831»

Рис. 10. Фрагмент мужской фигурки из Воротынского Калужской обл.

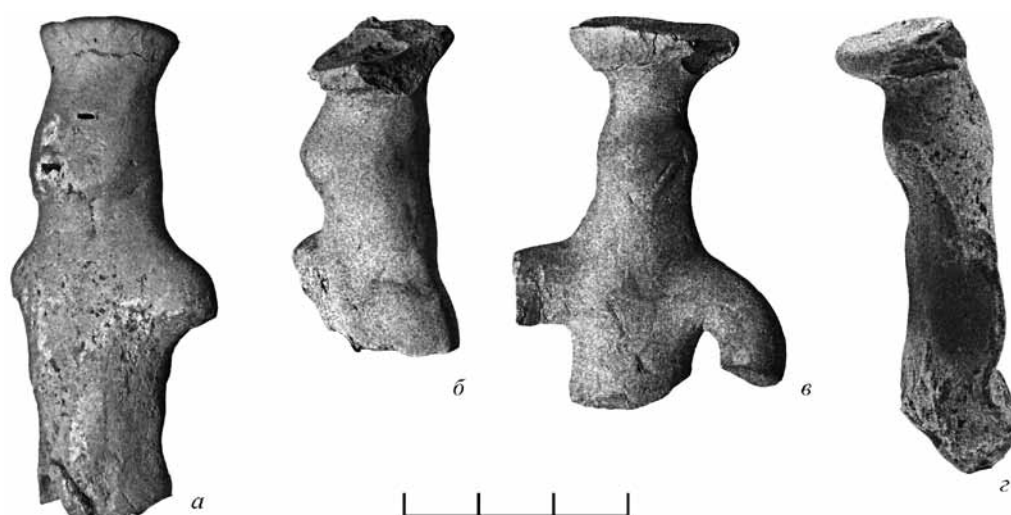

Рис. 11. Хронология изменения лиц глиняной свистульки «всадник»

а – сформированный лик; б – клювообразный лик; в – голова в виде шарика; г – удлиненное лицо

с белоглиняной свистулькой «всадник», аналогичной серенской находке, где тулово всадника орнаментировано ямками и напоминает кольчугу. Конь имел сбрую (выделена уздечка), свисток типа «пельмень».

Среди коломенских находок «всадников» наиболее ранняя датируется второй половиной XVI – первой половиной XVII в. (Черкасов, 2004. С. 317). Это белоглиняная игрушка, где наездник примазан ближе к шее, положение рук – верхнее, лошадка – боевая, маленькая, роспись полосами красного ангоба. Лицо у всадника клювообразное, с наколотыми острием глазами, голова увенчана шапкой из «колбаски», примазанной сзади, ноги не обозначены.

Судя по всему, лица на калужских фигурках всадников XVIII–XIX вв. не формовались как у более ранних экземпляров – они в основном клювообразные, как и в Коломне. В это же время встречаются всадники с головой в виде круглого шарика (рис. 11). На рубеже XIX–XX вв. появляются всадники уже с вытянутыми головами, как у антропоморфных калужских глиняных фигур со свистком.

На сегодняшний день удалось зафиксировать обломки 75 экземпляров свистулек «всадник» как из самой Калуги, так и из ее окрестностей. Нарботанный опыт в мастерской-лаборатории керамики Калужского музея ремесла, архитектуры и быта позволяет выделить следующие особенности таких изделий:

- лицо всадника претерпело несколько изменений. В ранних экземплярах это хорошо сформированное лицо с выделяющимся носом из «колбаски», наколотыми глазами и ртом. В более поздних экземплярах присутствует клювообразное лицо, но с рубежа XVIII–XIX вв. встречается голова в виде шарика, а в начале XX в. ее пропорции вытягиваются;
- надпись на одной из лошадок – 1831 – позволяет определить время изготовления достаточно массового керамического изделия.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что представленный материал еще раз наглядно показывает глубокие традиции калужского гончарства, где находил свое место оригинальный срез каждой эпохи, фиксация и изучение которых представляется нам важным делом.

Литература

- Ключевский В. О., 1991. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей. 334 с.
- Маслов Н. М., 2001. Калужская художественная керамика // Материалы II и III научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора «Родная старина». Калуга. С. 9–11.

- Охлябинин С. Д., 1996. Из истории российского мундира. М.: Владос. 432 с.
- Пуцко В. Г., 1995. До-история русской глиняной игрушки // Первая научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области «Родная старина». Калуга. С. 7–8.

Пуцко В. Г., 2002. Коропластика средневековой Руси//ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 155–177.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Ткаченко А. В., 1997. Безмены в калужском крае: вопросы типологии//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1. Киров. С. 207.

Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 2001. К вопросу о калужских безменах//Материалы II и III научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора «Родная старина». Калуга. С. 205–206.

Федоров В. В., 2002. Калужские безмены: к вопросу о традициях ремесла//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров. С. 107.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., 2009. Датированные глиняные курительные табачные трубки

из Калуги//Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. С. 231–232.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2013а. К вопросу о сюжетах в росписях поливных кувшинах из Калуги//ТТЗ. Вып. 7. Тверь: Старый город. С. 224–226.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2013б. Феномен калужской поливной керамики XVIII–XIX веков//АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 302–315.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2015. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях//АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 539–546.

Черкасов В. В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре Средневековой Руси//Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 309–320.

L. I. Fedorova, V. A. Tkachenko & V. V. Fedorov

Kaluga «Horseman» whistles – the evolution of their shape and development (based on dated examples of whistles)

Summary

This report presents finds of toys made in the 19th century in Kaluga, and shows aspects of the technology of their manufacture and different versions of their

design. Comparisons are made with analogous toys from other cities in Russia.

Список сокращений

АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
БАН – Библиотека Российской академии наук. Санкт-Петербург
ВВ – Византийский Временник
ВОО РГО – Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество»
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік
ГВСИАХМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ГММК – Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГРМ – Государственный Русский музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЗОРСА – Записки отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ИА РАН – Институт археологии РАН, Москва
ИАК – Известия императорской археологической комиссии
ИБ РАН – Институт востоковедения РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН, Москва
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
КОМЗ – Калужский областной музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры РАН
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
ЛЛС – Лицевой летописный свод
МАР – Материалы по археологии России
МАРС – Многоантенная радарная система
МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИМ – Музей истории Москвы
МК – Московская керамика
МНРХУ – Межобластное научно-реставрационное художественное управление, Москва
МОАЭБПМ – Международная общественная академия экологической безопасности и природопользования
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

РУДН – Российский университет дружбы народов

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник

СЭ – Советская этнография

ТАС – Тверской археологический сборник

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Материалы научного семинара

ФИРЭ РАН – Фрязинский филиал федерального государственного бюджетного учреждения науки института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

Сведения об авторах

- Алибеков Сергей Якубович* – Институт механики и машиностроения ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный технический университет», г. Йошкар-Ола
- Баранов Николай Анатольевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Бездудный Владимир Георгиевич* – Лаборатория археологической геофизики, г. Ростов-на-Дону
- Бушуев Иван Алексеевич* – ОГБУ «Наследие», г. Кострома
- Васильева Елена Евгеньевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Векслер Александр Григорьевич* – межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Вишневский Владимир Игоревич* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
- Волков Иван Владимирович* – Государственный исторический музей, г. Москва
- Воронин Константин Владимирович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Высоцкий Александр Леонидович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Гиппиус Алексей Алексеевич* – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
- Гиршевич Михаил Александрович* – ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва
- Глазунова Ольга Николаевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Горохова Анна Викторовна* – ОГБУ «Наследие», г. Кострома
- Гусаков Михаил Георгиевич* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Жилина Наталья Викторовна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Завьялов Владимир Игоревич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Зейфер Владимир Александрович* – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Переславль-Залесский (Ярославская обл.)
- Зоц Елена Павловна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Иванов Дмитрий Александрович* – Государственное учреждение культуры «Центр сохранения объектов культурного наследия», г. Рязань
- Кабатов Сергей Александрович* – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома
- Кабатова Елена Анатольевна* – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома
- Клещенко Екатерина Андреевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Коваль Владимир Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кузина Инна Николаевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Курицын Максим Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Курочкина Светлана Александровна* – Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
- Лаврушин Юрий Александрович* – Геологический институт РАН, г. Москва
- Лазарев Алексей Станиславович* – ОГБУ «Наследие», г. Кострома
- Лазукин Александр Викторович* – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Лебедев Владимир Игоревич* – ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва
- Лихтер Юлия Абрамовна* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Мальшева Надежда Николаевна* – Государственный исторический музей, г. Москва
- Марчук Василий Николаевич* – Фрязинский филиал Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН, г. Фрязино (Московская обл.)
- Меньшиков Максим Юрьевич* – ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва
- Новоселова Татьяна Николаевна* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад (Московская обл.)
- Окулов Алексей Вячеславович* – Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов (ФГУП ЦНИГРИ), г. Москва
- Осипов Дмитрий Олегович* – Государственный исторический музей, г. Москва
- Парфенов Андрей Анатольевич* – ООО «Гидростройсервис», г. Москва
- Патрик Галина Константиновна* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Погодина Екатерина Александровна* – ООО «Логистическая служба «Сияние»

Полулях Анатолий Александрович – Музей истории Москвы, г. Москва
Прошкин Олег Леонидович – Институт археологии РАН, г. Москва
Сарачева Татьяна Григорьевна – Государственный исторический музей, г. Москва
Сергеев Сергей Евгеньевич – ООО «Компания Полиупак», г. Москва
Столяров Евгений Васильевич – ООО «ЦАИ «Куликово поле», г. Подольск (Московской обл.)
Сыроватко Александр Сергеевич – муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)
Ткаченко Владимир Алексеевич – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Тропин Николай Александрович – Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец
Тютюнов Владимир Юрьевич – ООО «РК-Телеком», г. Москва
Фатков Алексей Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
Федоров Владимир Владимирович – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Федорова Людмила Ивановна – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва
Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Яганов Андрей Викторович – Институт археологии РАН, г. Москва
Янишевский Борис Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Для заметок

Научное издание

Археология Подмосквья. Выпуск 13
Материалы научного семинара

Верстка: В. Б. Степанов
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова

Подписано в печать 15.02.2017
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 50,2. Уч.-изд. л. 52,0.
Тираж 200 экз. Заказ № 33.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-211-7

9 785943 752117

